

В. В. ЗНАКОВ

**ПОНИМАНИЕ
В МЫШЛЕНИИ,
ОБЩЕНИИ,
ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ БЫТИИ**

**ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Российская академия наук
Институт психологии

В.В. Знаков

**ПОНИМАНИЕ
В МЫШЛЕНИИ. ОБЩЕНИИ,
ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ БЫТИИ**

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва — 2007

ПРЕДИСЛОВИЕ

Знаков В.В.

3 71 Понимание в мышлении, общении, человеческом бытии. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. — 479 с.

УДК 159.955
ББК88

В монографии представлены история формирования психологии понимания, ее теоретические основания и эмпирические исследования, проводившиеся в этой области психологической науки. Прослежена динамика развития научных представлений о понимании, наблюдавшихся за последние четверть века. Показано, что психология понимания имеет отчетливо выраженные контуры и тесно соприкасается с общей и социальной психологией, когнитивной психологией и психологией развития, психологией субъекта и психологией человеческого бытия. Рассмотрены фундаментальные вопросы о соотношении понимания со знанием, мышлением и познанием. Проанализированы внутренние условия, личностные характеристики и мировоззренческие установки, влияющие на межличностное взаимопонимание людей в общении. Изучено нравственное сознание субъекта, понимающего другого как «человека морального». В последнем разделе книги понимание проанализировано не только как процедура индивидуального познания, но и в более широком научном и методологическом контексте. Обсуждаемый феномен рассмотрен и как познавательный, и как экзистенциальный — способ бытия человека в мире, поиски им смысла жизни.

Книга предназначена для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов и всех интересующихся проблемой понимания.

ISBN 978-5-9270-0092-0

© Институт психологии Российской академии наук, 2007

Предлагаемая вниманию читателей монография была написана по нескольким причинам. Первая из них — стремление переосмыслить факты и теории, отраженные в моих первых двух книгах. Логика описанных в них психологических исследований развивается по пути смещения фокуса внимания автора с анализа когнитивных сторон феномена понимания к экзистенциальным (Понимание в познании и общении. М.: Институт психологии РАН, 1994. 237 с; Психология понимания: Проблемы и перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. 448 с). Такое стремление отражает вполне понятное для любого исследователя желание представить изучаемое явление (в данном случае психологию понимания) как целостную и относительно самостоятельную область психологического знания. Сегодня психология понимания имеет отчетливо выраженные контуры и тесно соприкасается с общей и социальной психологией, когнитивной психологией и психологией развития, психологией субъекта и психологией человеческого бытия. Вторая причина написания книги — желание автора как можно полнее представить самые многообразные, а иногда даже принципиально противоположные взгляды ученых на проблему понимания. Несмотря на обретение психологией понимания начиная с 1990-х годов статуса самостоятельной дисциплины, во всей мировой психологии мне известно не более десятка монографических исследований, авторы которых с той или иной мерой полноты предприняли попытки систематического изложения взглядов на природу понимания. Наконец, третья причина состояла в необходимости прослеживания генезиса, динамики развития научных представлений о понимании, наблюдавшихся за последние четверть века, прежде всего в психологических изданиях.

Полагаю, что сформулированные выше проблемы хотя бы отчасти решены в моих более чем тридцати публикациях в рецензируемых и авторитетных в российском психологическом сообществе журналах (некоторые из них переведены на английский язык). За единственным исключением книга состоит из статей, публиковавшихся начиная с 1984 г. в журналах «Вопросы психологии», «Психологический журнал», «Вестник Московского университета. Серия. 14. Психология». Расположение ма-

териала в книге в основном отражает хронологию проведения исследований и публикации статей. Нечастое нарушение хронологии обусловлено тематическим единством исследований, описанных в каждом из четырех разделов монографии.

В *первом разделе* книги представлены статьи, основное содержание которых составляют попытки ответить на фундаментальные вопросы психологии понимания. К ним относятся проблемы соотношения понимания со знанием, мышлением и познанием; выявления сходства и различия ситуаций, условно названных «знать и понимать» и «познавать и понимать»; описания семи основных направлений исследования проблемы понимания в психологической науке, а также определения возможностей применения психологических знаний об обсуждаемом феномене при создании «понимающих систем». Результаты исследований привели к выводу о том, что хотя понимание является компонентом мышления, в отличие от последнего оно не направлено на поиск новых знаний. Главная функция понимания состоит в другом — в смыслообразовании, порождении смысла знания, полученного субъектом в процессе мыслительной деятельности. Понимание обеспечивает установление связи раскрываемых новых свойств объекта познания с уже известными субъекту, формирование операционального смысла новых свойств объекта и определение их места и роли в структуре мыслительной деятельности. Смыслообразование в мышлении реализуется посредством двух основных групп операций, умственных действий. Первая заключается в том, что, понимая факты, события, ситуации, субъект всегда выходит за непосредственные границы содержания понимаемого и включает его в какой-нибудь более широкий социокультурный контекст. Вторая группа умственных действий проявляется в том, что для того чтобы что-то понять, понимающему субъекту всегда нужно соотносить понимаемое со своими представлениями о должном. Речь идет о сопоставлении понимаемого с такими ценностными представлениями человека, которые отражены в принимаемых им социальных, групповых, моральных нормах поведения. Если то, что необходимо понять, расходится с тем, что человек ожидает в соответствии со своими представлениями о мире, то у него возникают трудности с пониманием ситуации. Описанные в этом разделе эмпирические исследования доказали, что непонимание (осознаваемое субъектом как проблемная ситуация) всегда является побудительным мотивом развертывания процесса мышления, а результатом успешной мыслительной деятельности оказывается понимание решаемой задачи. Вместе с тем исследования показали и то, что психологический механизм понимания сводится к решению мыслительной задачи.

Второй раздел монографии посвящен анализу внутренних условий, личностных характеристик и мировоззренческих установок, влияющих на межличностное взаимопонимание людей в общении. В нем показано, что на первых этапах формирования психологии понимания психологическое содержание феномена «межличностного понимания» интерпретировалось и исследовалось психологами иначе, чем «взаимопонимание». Межличностное понимание изучалось как понимание целей, мыслей, личностных черт партнеров, а также прослеживание мотивов поступков и объяснение ценностных представлений. Поскольку межличност-

ное понимание формируется в разных ситуациях в течение продолжительного отрезка времени, то оно считалось ситуативно независимым, обобщенным. Взаимопонимание, наоборот, имеет ситуативный характер вследствие тематической обусловленности: взаимное понимание или непонимание людей в коммуникативных ситуациях обычно возникает по конкретным вопросам, которые они обсуждают. В межличностном понимании наиболее явно представлены субъект-субъектные компоненты взаимодействия, а объектная составляющая общения оказывается как бы отодвинутой на задний план, невидимой при поверхностном анализе. О взаимопонимании уместно говорить применительно к ситуациям явно выраженного субъект-объект-субъектного взаимодействия. Однако многолетние исследования, проведенные на самых разных категориях испытуемых («афганцах», агрессивных подростках и др.), показали, что успешность взаимопонимания также в значительной степени зависит от личностных качеств субъектов общения. Одним из теоретических оснований изменения взглядов на психологическую природу взаимопонимания и межличностного понимания стал интенсивно развиваемый в последнее время в отечественной психологии смысловой подход к личности и общению. С его позиции, взаимопонимание представляет собой согласование индивидуальных смыслов партнеров по коммуникации. При этом ведущая роль в координации смыслов принадлежит устойчивым ценностно-смысловым образованиям личности. В общении проявляется весь спектр ценностно-смысловых связей личности: в отношении себя, собеседника, общения и даже жизни в целом. Неудивительно, что предметом исследования психологов становятся такие качества, как самоотношение, направленность личности, смысложизненные ориентации и т.п. Вследствие этого в последние годы произошел пересмотр содержания и смысла понятий «межличностное понимание» и «взаимопонимание». От дифференциации обозначаемого разными понятиями фактически одного и того же феномена психологи перешли к их интеграции: ученые стали употреблять термин «межличностное взаимопонимание». Закономерность и даже неизбежность интеграции обусловлена логикой развития научных исследований в области психологии понимания достаточно полно представленной во втором разделе монографии.

Третий раздел посвящен проблемам понимания субъектом другого как «человека морального». Понимание, по определению, включает моральное долженствование: в человеческом мире понимание субъектом своих и чужих поступков всегда этически окрашено. Этика ставит и решает проблемы назначения человека, содержания морального долга, обосновывает общие для всех людей моральные принципы и нормы, а также указывает на необходимость их преломления в индивидуальном нравственном сознании. Как свидетельствуют результаты эмпирических исследований, одной из важнейших моральных проблем, претерпевающей самые причудливые трансформации в нравственном сознании современных россиян из разных социальных групп, оказалась психологическая специфика понимания правды и лжи. Выявлены также кросскультурные различия: субъективно-нравственное понимание этих категорий в русской культуре и морально-правовое в западной. Прослежены как религиозно-философ-

ские истоки формирования категорий понимания правды и лжи, так и их современная интерпретация в контексте психологии понимания. В эмпирическом исследовании интерпретации испытуемыми моральной дилеммы (скрыть ложь другого человека или сказать правду) обнаружены индивидуальные и типологические различия в понимании этой ситуации мужчинами и женщинами, а также фемининными и маскулинными субъектами с неодинаковыми свойствами личности.

В *четвертом разделе* понимание проанализировано не как процедура индивидуального познания, а в более широком научном и методологическом контексте. Обсуждаемый феномен рассмотрен не только как познавательный, но и как экзистенциальный способ бытия человека в мире, поиски им смысла жизни. При рассмотрении понимания под таким углом зрения принципиально важными оказываются не только когнитивные компоненты феномена, но и такие его составляющие как созерцание, переживание, постижение. В статье обосновано положение о том, что психология субъекта и формирующаяся на ее основе психология человеческого бытия является методологической основой эмпирических исследований самых разнообразных проблем, относящихся к обсуждаемой области: различия парадигматического и нарративного способов понимания мира; анализа роли самопонимания, самопознания, рефлексии субъектов общения в формировании взаимопонимания; субъект-субъектных и субъект-объектных типов понимания высказываний и психологических особенностей партнеров в межличностном общении.

* * *

В заключение считаю необходимым сказать: я ясно осознаю, что все то, что мне удалось сделать за последние четверть века, в значительной мере обусловлено счастливой возможностью общаться с ведущими отечественными психологами и учиться у них. На мое научное мировоззрение, нашедшее отражение в этой книге, оказали влияние главным образом три Учителя. На первом курсе факультета психологии Ленинградского государственного университета Борис Герасимович Ананьев сформулировал мне такую проблему о соотношении оперативной памяти и мышления, решение которой потребовало написания и дипломной работы, и кандидатской диссертации. Научный руководитель диссертационного исследования в Институте психологии АН СССР Олег Константинович Тихомиров не только направлял исследования мнемических компонентов целого образования в мыслительной деятельности, но и пробудил во мне интерес к проблеме понимания. Как может убедиться читатель этой книги, интерес перерос в творческое сотрудничество, в частности, воплощенное в совместных публикациях. Наконец, ведущий научный сотрудник, а затем директор Института психологии РАН Андрей Владимирович Брушлинский оказал огромное влияние на формирование моих взглядов о понимании как одном из центральных компонентов психологии субъекта и психологии человеческого бытия. Я бесконечно благодарен судьбе за то, что она подарила мне редкую возможность и радость общения с незаурядными людьми и выдающимися учеными.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ПОНИМАНИЕ И МЫШЛЕНИЕ

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОНИМАНИЯ В ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Опубликовано: Вопросы психологии. 1986. № 3. С. 163—171.

Проблема понимания принадлежит к числу таких междисциплинарных проблем, которые вследствие своей сложности и многогранности являются предметом анализа одновременно в нескольких областях научного познания. Проведенный нами анализ работ англо- и немецкоязычных авторов, выполненных в 1970-1980 гг., позволил выделить в современной зарубежной научной литературе семь основных контекстов, в которых употребляется термин «понимание»: методологический, гносеологический, логический, семантический, лингвистический, коммуникативный и психологический (пять из указанных семи контекстов перечислены в работе О.В.Ковалевской [3], но без соответствующего анализа). В соответствии с этими контекстами можно выделить и семь основных научных направлений изучения понимания. Поскольку все они представляют собой подходы к анализу одной и той же проблемы, то естественно, что любой из них не может развиваться обособленно от остальных. Тем не менее, как показывает рассмотрение конкретных исследований, каждый из подходов характеризуется наиболее пристальным вниманием авторов исследований лишь к одному из аспектов понимания при относительном игнорировании остальных (что и дает нам основание отнести их работы к определенному научному направлению).

Особенность психологического направления состоит в том, что в нем отчетливо выделяются две ветви. Первая — работы психологов по проблеме понимания, выполненные под влиянием идей одного или нескольких из указанных выше непсихологических подходов к проблеме. Психологические исследования понимания, принадлежащие к этой группе, нельзя без остатка свести ни к одному из данных подходов. Структура любого конкретного исследования обусловлена не только исходным тяготением экспериментатора к анализу преимущественно одного или нескольких аспектов проблемы, но и стремле-

нием изучать понимание как подлинно субъективный феномен, выражающий отношение человека к познаваемому объекту.

В исследованиях второй группы представлен собственно психологический подход. Постановка проблемы понимания в таких исследованиях не выходит за пределы психологической проблематики. При анализе работ, выполненных в рамках этого направления, не удается обнаружить осознанного стремления психологов применить методологические принципы какого-либо из перечисленных выше подходов к построению процедуры психологического эксперимента. Сначала рассмотрим, как принципы анализа понимания, присущие методологическому, гносеологическому и т.д. подходам, преломляются в психологических исследованиях данного феномена, а затем остановимся на специфике собственно психологического подхода.

I. Понимание как методологическая проблема. Данный подход к анализу проблемы понимания распространен в основном в контексте исследований по методологии науки, в частности в западной философии истории [14]. Понимание в методологическом смысле — это такой научный метод, с помощью которого устанавливается значение научного факта. Пониманием называется процедура истолкования изучаемого явления, его интерпретация посредством специальных правил, присущих данной научной области. Явление считается понятым, если найдены корректные концепции для его описания. На Западе проблема понимания (или герменевтики) стала в последние два десятилетия одной из центральных проблем методологии гуманитарных наук.

Одной из областей познания, в которых принципы герменевтики находят наиболее полное воплощение, является психология. Это неудивительно: ведь истоки герменевтических представлений восходят к «понимающей психологии» В. Дильтея. Попытку создания современного варианта психологической герменевтики (оказавшейся по сути психоаналитической) и раскрытия с ее позиций содержания понятия «понимание» предпринял ВАШеллинг [32]. Он показал, что наряду с истолкованием и переносом понимание является одним из основных компонентов психоаналитической ситуации общения терапевта и пациента. Уникальность «психоаналитического понимания» определяется тем, что оно всегда имеет собственную ситуацию понимания — конкретную ситуацию общения. Принципиально важное положение: ни врача, ни пациента нельзя рассматривать вне ситуации общения — понимание возможно только как процесс постижения «интерсубъективных событий». Вовлеченность психоаналитика в ситуацию понимания проявляется в том, что он наблюдает и истолковывает переживания и отношения пациента, одновременно преобразуя их. Исторкование является не только процедурой,

оказывающей определенное влияние на становление способа понимания пациентом своих переживаний, но одновременно и попыткой достичь такого значения переживаний, которое было бы субъективно значимым для пациента. Цель истолкования и состоит в получении таких новых для пациента знаний, которые помогли бы ему в самопознании. В свою очередь понимающий (пациент) всегда участвует в формировании ситуации понимания и даже, можно сказать, оказывается ее «инструментальной частью» [32]. Исторкование (интерпретация) тогда истинно, когда оно попадает в поле переживаний и проблем пациента, давая возможность построить творческое целостное понимание, которое согласуется с когнитивными и чувственными образованиями его личности. Такое понимание — ключ к интегральному самопознанию, влекущему новую интерпретацию, преобразование со стороны психоаналитика.

Поиски истоков понимания в субъект-субъектных отношениях, в последовательности «интерсубъективных событий» — несомненное достоинство психоаналитической герменевтики. Всякое понимание диалогично по своей природе, его психологические механизмы принципиально невыводимы из анализа только субъект-объектных взаимодействий, и это отчетливо осознается герменевтиками. Однако более пристальный анализ «интерсубъективных событий» вскрывает и основной недостаток психоаналитической трактовки понимания, заключающийся в отрицании важности отражения объективной реальности для становления данного психологического феномена. Психоаналитическое понимание, обнажая идеалистические корни герменевтики, коренным образом отличается от материалистического. Для психоаналитика значимы только «интерсубъективные события», а взаимодействие пациента с миром, его бытие рассматривается как малозначимая «манифестация окружения». Шеллинг пишет: «Психоаналитическое понимание» осуществляется (*arbeit*) без подчеркнутой перестраховки «объективными» данными, что является ведущей линией в классическом учении о понимании» [32]. Поведение, переживания и фантазии пациента интересуют врача не в их отношении к стоящей за ними объективной реальности, а как проявления именно данного субъекта, «способ его бытия». Внешне это проявляется в абсолютном приоритете «свободных ассоциаций» в процедуре психоанализа и подчиненном значении для аналитика анамнестических данных. Естественно, что «психоаналитическое понимание» оказывается субъективным, ситуативным, невозпроизводимым и потому в конечном счете теряющим какую-либо интерсубъектную научную ценность. Однако такая трактовка понимания вполне соответствует принципам философской герменевтики, согласно которой опыт, накопленный одним человеком, не может служить предпосылкой для познавательной деятельности другого.

Таким образом, поставив во главу угла наиболее универсальную,

с точки зрения раскрытия природы понимания, категорию интерпретации, методологический подход задает общее направление изучения проблемы. Конкретное же содержание этой категории раскрывается в остальных подходах к анализу понимания.

II. Понимание — включение новых знаний в прошлый опыт субъекта. В гносеологии понимание представляет собой определенный уровень теоретического освоения действительности, форму воспроизведения объекта в знании [3]. При гносеологическом подходе к проблеме понимание рассматривается как включение нового знания в контекст уже имеющегося у субъекта. Подчеркивается прежде всего содержательная объективность знания, а то, что оно составляет «интеллектуальный багаж» понимающего субъекта и возникает в результате его познавательной деятельности, хоть и признается, но не становится предметом специального анализа, остается «за кадром». Однако исследования, ориентированные на анализ именно гносеологических аспектов понимания в изложенной выше интерпретации довольно часто встречаются и в психологии. К ним я отношу такие работы, авторы которых, анализируя понимание как включение новых знаний в систему уже имеющихся у испытуемого, не раскрывают конкретно-психологического содержания данного феномена. Иначе говоря, в этих работах не определяется, посредством каких субъективных способов и средств происходит усвоение знаний. Типичными в этом отношении являются работы, выполненные в когнитивной психологии [13, 22, 35] и др. В них главный акцент делается на установление соотношений между структурой объекта понимания (в большинстве исследований им является текст на естественном языке) и теми знаниями, которые используются субъектом для получения представления об объекте и определяют характер его интерпретации.

Многие психологи сконцентрировали свое внимание на анализе организации структур знаний субъекта, с которыми соотносятся события текста. Д.Е. Рамельхарт [30] называет такие структуры схемами, Т.А. ван Дейк [13] и У. Кинч [13] — макроструктурами, П.У. Торндайк [34] — фреймами. Именно характер организации структур знаний и умение оперировать ими, по мнению этих авторов, определяют понимание. Например, Рамельхарт пишет: «Процесс понимания идентичен процессу выбора и верификации понятийных схем, объясняющих ситуацию (или текст), которую нужно понять» [30, с. 268]. Такое представление о сущности понимания распространяется и на понимание мыслительной задачи. В этом случае считается, что быстрое понимание и решение возникают тогда, когда внешняя репрезентация структуры задачи более всего соответствует ее внутреннему представлению [24].

Значительный вклад в анализ понимания как включения новых зна-

ний в структуры опыта субъекта внесли работы Дж. Брансфорда с сотрудниками [5,6] и др. В них отвергается положение, согласно которому при чтении предложения человек сначала понимает его как некую независимую лингвистическую сущность и лишь потом включает новую информацию в контекст своих знаний о мире и ищет следствия из предложения. Утверждается, что понимание является «объединенным продуктом входной информации и предыдущего знания» [6, с. 392]. Предыдущие знания считаются «семантическими предусловиями понимания». Авторы отмечают, что простого наличия доэкспериментальных знаний недостаточно для понимания: важно, чтобы знания актуализировались во время понимания. Однако вопрос о том, как протекает процесс актуализации (например, почему в ответ на одно и то же входное предложение у разных людей могут актуализироваться различные структуры знаний), не только остается открытым, но даже и не ставится.

III. Понимание как способность к умозаключениям. В логике пониманием называется введение выражения в непротиворечивую логическую систему и установление его связи с элементами системы. «Понимать знаковое выражение в научной теории это значит знать, как оно вводится и как исключается» [2, с. 81]. Интерпретация выражения заключается в таком его переводе из одной знаковой системы в другую (состоящую из более обобщенных знаний), в результате которого устанавливается связь данного высказывания с элементами новой системы (в которую интересующее субъекта знание входит как частный случай). Установление этой связи и означает понимание высказанного предложения.

Представления логиков о сущности понимания оказали значительное влияние на психологические исследования, посвященные обоснованию того, что процессы логического вывода являются обязательными составляющими понимания [10, 20]. В частности, субъект понимания рассматривается в них не как человек с присущими ему психологическими особенностями (определенными чертами характера, мотивами и т.п.). В таких исследованиях человек обычно представлен только как носитель знаковых систем, соотносимых с входным сообщением и определяющих тип возможных выводов из него. Этими знаковыми системами являются структуры прошлого опыта. Логический вывод, ведущий к пониманию, осуществляются двумя путями [34]. Если при анализе текущих событий, описываемых во входном сообщении, отсутствуют необходимые для их понимания конкретные данные, то они выводятся как допустимые из фрейма, с которым соотносятся события. Выбор фрейма определяет, какие правдоподобные выводы можно сделать из знаний о событиях. Другой путь используется тогда, когда поступающие события не могут быть организованы в известный субъекту фрейм. В этом случае

выводы порождаются из текущих событий обратным образом: субъект пытается установить связь между ними и событиями, происходившими ранее. Если связь установить удастся, анализируемые события организуются в подходящий фрейм (ситуацию) более высокого порядка, объединяющий текущие и предыдущие события [34]. Такой процесс обратного вывода был назван «наведением мостов» [10,20].

Несмотря на прямую проекцию логических принципов при определении структуры психологических экспериментов, исследования, посвященные доказательству того, что те выводы, которые человек делает при смысловой обработке предложения, являются «интегральной частью понимаемого сообщения» [20], обладают и специфическими чертами, отличающими их от логических. Наиболее характерная из них состоит в том, что психологические исследования строятся на отказе от убеждения, что проблему понимания можно решить, не выходя за рамки систем манипулирования символами. С этим связано, в частности, стремление психологов изучать умозаключения как соединительные звенья между входным сообщением и знаниями субъекта о мире. Такой подход открывает новый ракурс проблемы и определяет необходимость изучения ее семантических аспектов.

IV. Семантические аспекты понимания. В большинстве современных работ по семантической проблематике термин «семантика» употребляется для выражения отношения знакового выражения не только к обозначаемой им ситуации, но и к ее обобщенному отражению человеком [19]. Понимание в них рассматривается как результат интерпретации отношений: понимание высказывания наступает тогда, когда субъекту становится ясно, о какой ситуации идет речь и как представляет себе ситуацию говорящий.

Психологи, изучающие семантические аспекты понимания, основное внимание уделяют проблеме так называемой смысловой обработки, т.е. конструирования понимающим семантического представления объекта понимания (в какой субъективной форме представляются знания об объекте в сознании). В отличие от распространенного в отечественной психологии определения смысла как отношения мотива к цели действия западные психологи сходятся в мнении, что «структуры смысла есть частные порождения системы знаний. Они детерминируются знанием так же, как структура предложения детерминируется грамматикой» [16, с. 235]. Дискуссии вызывает только вопрос о том, что оказывает решающее влияние на формирование смысла: актуализация перцептивного опыта или преобразование символических структур. Например, Дж. Фрэнке, критикует семантические концепции Дж. Катца и Дж. Фодора, а также М. Куиллиана, согласно которым смысл

предложения есть функция соотношения одних символов (слов) с другими. Он доказывает, что смысл порождается из структур перцептивного знания о мире. Символические лингвистические структуры предложения образуют схему формирования его смысла, а назначение отдельных слов состоит лишь в том, что они указывают, какие перцептивные классы должны быть актуализированы. «В этом смысле слова и отношения действуют как своего рода катализатор для формирования структуры смысла, но сами не являются частью ее» [16, с. 250].

В.Ф. Бревэр, оспаривая мнение Фрэнкса, перечисляет трудности, с которыми сталкивается гипотеза последнего при объяснении смысла абстрактных слов, предложений и утверждает, что «этих трудностей можно было бы избежать, встав на позицию, что перцептивная информация входит в сеть знаний, образованную высшими психическими процессами, и выражается в языке посредством систем мышления» [7, с. 267]. Он считает, что смысл слова может быть определен как то подмножество знаний, которое, по предположению говорящего, будет выделено слушателем. Поэтому смысл следует определять в терминах взаимосвязанных знаний говорящего — слушающего. С позиций советской психологии, в которой неоднократно подчеркивался системный характер высших психических функций человека, данная точка зрения представляется достаточно продуктивной.

Успешность решения проблемы смысловой обработки в значительной степени определяется эффективностью решения проблемы репрезентации (что человек знает, когда понимает что-либо). Ведь смысловая обработка и репрезентация представляют собой взаимообусловленные компоненты «семантического поля» психики понимающего субъекта. Большинство работ западных психологов посвящено анализу понимания человеком языковой информации, поэтому проблема репрезентации рассматривается ими в рамках лингвистического анализа понимания.

V. Понимание естественного языка. Лингвистический подход к проблеме состоит в стремлении найти истоки понимания в преобразованиях структур языка. Ученые, находящиеся под влиянием идей трансформационной грамматики Н. Хомского, полагают, что семантическая репрезентация предложения (служащая основой всех дальнейших преобразований, которых требует понимание предложения) эквивалентна или, по крайней мере, тесно связана с лингвистическими глубокими структурами. Для них понимание — это результат трансформации поверхностной структуры предложения в глубинную репрезентацию, состоящую из простых утвердительных конструкций [11]. Субъект поймет сложноподчиненное или сложносочиненное предложение, если сумеет разбить его на части, из которых оно состо-

ит. (Основные результаты экспериментальных работ, выполненных в рамках этого направления, изложены в обзорной работе [1]).

Стратегия интерпретации лингвистического материала непосредственно зависит от характера актуализованных знаний. В свою очередь, значения отдельных слов лучше понимаются с точки зрения их вклада в процесс интерпретации. Поскольку любая интерпретация по необходимости оказывается субъективной, то ясно, что знания интерпретатора и процессы его мышления, протекающие при порождении и употреблении высказываний, нельзя исключать из анализа понимания языка. Направленностью на анализ прежде всего мыслительной деятельности человека, а не языковых структур характеризуется процессуальный (processing) или процедурный (procedural) подход к языку, делающий пока первые шаги [4]. Исходя из положения «сущность языка — это то, как он действует», представители процедурного подхода (Т. Виноград, П. Джонсон-Лэйрд и др.) считают, что многие из способностей, формирующих компетенцию человека в использовании языка, носят процессуальный характер. Кроме того, «сторонники такого подхода полагают, что в лучшем случае нежелательно, а в худшем — бессмысленно говорить о понимании естественного языка безотносительно к той или иной задаче, в рамках которой язык используется» [4, с. 171]. А задача использования языка неразрывно связана с коммуникативной ситуацией, в которой происходит языковое общение людей. Если рассмотрение лингвистической интерпретации — это анализ понимания высказывания слушающим, не принимающим участия в коммуникативном акте, то процессуальный подход изначально ориентирован на изучение понимания языка как компонента структуры ситуации общения. Основополагающим в процессуальном подходе является положение о том, что бессмысленно искать механизмы понимания, игнорируя коммуникативную природу языка, поскольку язык — прежде всего средство общения.

VI. Взаимопонимание — необходимое условие общения. При коммуникативном подходе к проблеме считается, что взаимопонимание — это результат согласования целей собеседников [26] и применяемых ими постулатов общения [17]. Подчеркивается также, что важным условием понимания высказывания партнера является доброжелательное отношение к нему [21]. Психологические исследования понимания коммуникативной ориентации ведутся именно в этих трех направлениях.

Взаимопонимание в диалоге изучается психологами как встречный процесс определения собеседниками целей друг друга: говорящий высказывает предложение, предполагая, как слушатель проинтерпретирует его. Со своей стороны, последний интерпретирует высказывание на основе гипотезы о намерении говорящего [13]. В интересном исследовании [31] выделяется семь типов намерений, «расшифровывание» которых ведет к появлению у слушателя различных смыслов понимаемого высказывания: смысла предписания, аргументации, потребности и т.п. Успешность определения целей другого человека зависит от знания анализируемой ситуации и наличия модели данного человека: чего тот хочет и как представляет ситуацию [33]. Модель слушателя позволяет говорящему направлять ход беседы, а модель говорящего дает слушателю возможность интерпретировать высказывания. Взаимопонимание строится на согласовании представлений о ситуации общения, которая включает предмет обсуждения и партнеров.

Вступая в беседу, человек обычно считает, что собеседник будет придерживаться правил ее ведения: не будет говорить того, что считает ложным, будет последовательным, постарается избежать неясных выражений и т.п. [17]. Психологические исследования показывают, что ведение разговора на основе приписанного партнеру неадекватного набора правил взаимодействия выливается в непонимание. Его причина — различие способов поведения (наборов правил), на которые ориентированы собеседники. В этом плане взаимопонимание рассматривается как соотношение правил, применяемых говорящим при произнесении высказывания, с правилами, используемыми слушателем при его интерпретации [27]. Стремясь избежать непонимания, субъект должен постараться определить, какие правила партнер считает приемлемыми в данной ситуации общения. При изучении роли межличностных отношений в становлении взаимопонимания подчеркивается, что нельзя понять другого человека, не вступив в личностные отношения с ним [18], в частности отмечается положительная роль «эмпатических отношений» [8]. Интерпретации отношений и переживаний партнера по общению как определяющего фактора понимания его личности уделяется значительное внимание в психотерапии, особенно психоаналитически ориентированной [28].

Таким образом, отличительная черта коммуникативного подхода к проблеме понимания состоит в анализе специфической активности субъекта, выражающейся в необходимости определить цели партнера и используемые им правила общения, а также формировании своего отношения к данному партнеру.

Итак, мы рассмотрели принципы анализа понимания в шести научных направлениях. В каждом из них внимание исследователей направлено преимущественно на один из аспектов этой комплексной проблемы. При гносеологическом и семантическом подходах подчеркивается обусловленность понимания структурами объективной реальности. При лингвистическом и логическом — структурой языка, служащего обобщенному отражению реальности. Представителями методологического и коммуникативного подходов во главу угла ставится детерминация по-

нимания со стороны процедур, участвующих в формировании диалога между участниками общения и обеспечивающих согласование точек зрения на объект понимания. Главная цель психологических исследований, идеологически примыкающих к данным шести направлениям, состоит в конкретизации субъективных «путей» детерминации понимания. Специфика любого психологического исследования понимания выражается в изучении данного феномена как субъективной формы отношения человека к объекту понимания. Как показали эти исследования, отношение проявляется в индивидуальном характере структур знаний, используемых для понимания; в том, какие именно умозаключения делает субъект; на какие «ядерные» утверждения он членит сложное предложение; в эмоциональном отношении к другому человеку и т.п.

Исследования понимания в западной психологии осуществляются под противоречивым влиянием оппозиции двух философских доктрин: логического позитивизма и философской герменевтики. Позитивизм отвлекается от особенностей познавательной деятельности человека, от индивидуально-личностных характеристик познания, обращая наиболее пристальное внимание на анализ логических структур языка. При обзоре исследований гносеологического, логического, семантического и лингвистического направлений трудно не заметить проекции объективизма и логицизма логической программы на процедуру психологических экспериментов. Основная тенденция работ этих направлений состоит в стремлении психологов представить отношение испытуемого к объекту понимания в таких терминах, в которых социально-историческая реальность объектов понимания (текстов, высказываний и т.д.) получает безличное, безындивидуальное выражение. По их мнению, это открывает доступ к выявлению объективных и общих для всех людей механизмов понимания. В противоположность позитивистской, краеугольным камнем герменевтической методологии является положение о том, что попытки описания понимания вне анализа его индивидуально-психологических форм обречены на неудачу, так как опыт, накопленный одним человеком, не может служить предпосылкой для познавательной деятельности другого. Если в позитивизме логические формы объяснения наделяются инструментально-познавательным значением, то в философской герменевтике таким же значением обладают психологические формы понимания. Их отличает индивидуальность, ситуативность и потому неповторимость в познавательной деятельности другого человека. Согласно герменевтике значение понимаемого предмета культуры заключено исключительно в замысле его творца, вследствие чего понимание оказывается взаимодействием автора и реципиента. Прямое влияние этого положения просматривается в экспериментах, где понимание анализируется как взаимное определение целей участников диалога.

Следовательно, позитивистская и герменевтическая ориентации представляют собой два полюса интерпретации понимания — объективистский и субъективистский. Неудивительно, что образовавшуюся между ними брешь заполняют психологические исследования, фактически призванные устранить разрыв в анализе субъективных и объективных компонентов понимания, неизбежно возникающий при стремлении ученых последовательно придерживаться принципов той или другой методологии. Преодолеть этот разрыв западным психологам, на наш взгляд, мешает общий порок обеих методологий, заключающийся в том, что понимание изучается вне деятельности, вне бытия человека. Для них понимание — это совокупность способов объективации значений знаний (содержащихся, например, в понимаемом сюжете рисунка) в их носителе — человеке, рассматриваемом, как правило, вне той культурно-исторической среды, которая оказывает решающее влияние на формирование этих способов. Альтернатива методологическим ориентациям западных психологов, дающая возможность раскрыть диалектику взаимоотношений субъективных и объективных компонентов понимания, состоит в анализе его с позиций марксистской психологии, где значения рассматриваются как продукт взаимодействия субъекта и объекта, опосредованного его отношениями с другими людьми. Понимание с этой точки зрения оказывается процессом постижения систем значений, воплощенных в культурно-исторической предметности «мир человека».

VII. Проблема понимания в экспериментальной психологии. К исследованиям, ведущимся в контексте психологического подхода, относятся те, в которых постановка проблемы понимания не выходит за пределы собственно психологической проблематики. Для таких исследований характерно, что их авторы, учитывая детерминацию понимания со стороны реальности и языка, тем не менее основное внимание уделяют анализу психических способностей, интеллектуальных операций и действий, участвующих в формировании индивидуальных стратегий понимания. Перечислю основные направления работ, ведущихся в рамках этого подхода.

Роль образов в понимании. В этом вопросе основные усилия западных психологов направлены на обсуждение гипотезы А. Пайвио о двойном кодировании. Согласно гипотезе конкретные предложения обрабатываются в основном в рамках образной системы, а абстрактные — как структурированные последовательности вербальных единиц. Было обнаружено, что при предъявлении разных вариантов конкретного предложения испытуемые быстрее обнаруживают последовательности изменения смысла, чем изменения слов. Напротив, при понимании вариантов абстрактного предложения легче определяются

изменения порядка слов, чем смысла [29]. Проверке и коррекции этой гипотезы посвящено множество работ (см., например, [23]).

Уровни понимания обычно являются предметом анализа в психологии чтения. Выделяются три основные уровня [15]. Буквальное понимание — усвоение прямого, буквального содержания предложения или текста. Интерпретирующее понимание включает определение причин описываемого явления, осуществление выводов, обобщений и сравнений, идентификацию целей автора. Критическое понимание — оценка качества, точности или правдоподобия того, что говорится.

Понимание переносного смысла. Предлагается двухстадийная модель понимания, согласно которой при понимании предложения сначала определяется его буквальное значение и сопоставляется с контекстом. Если прямое значение противоречит контексту, то человек ищет в памяти ситуацию, значение которой соответствует контексту [12].

Индивидуальные различия в понимании обсуждаются в основном в контексте проблемы: от чего зависит способность человека понимать? Констатируется, что «понимание является многоликой операцией, основанной на потребности обучающихся решить проблему или удовлетворить желание» [25, с. 113]. Понимание при чтении рассматривается как способность, образуемая умением читать, знанием языка и «когнитивной способностью», рассматриваемой как уровень интеллектуального развития субъекта.

Движения глаз — индикаторы понимания. Траектории движений глаз изучаются как объективные следы лингвистической программы, по которой обрабатываются элементы предложения и происходит интеграция слов в целостную структуру. Экспериментально доказано, что фиксации глаз отражают семантические процессы обработки текста, поэтому они могут быть использованы при анализе понимания [13].

Несмотря на качественные различия экспериментально-психологических подходов к анализу понимания, в работах зарубежных психологов есть и общее. Основные их усилия направлены на изучение не процессуальных, динамических, а статических аспектов данного психологического феномена: фактически нет работ, в которых понимание изучалось бы как психический процесс. При такой ориентации исследователей неудивительно, что подавляющее большинство работ посвящено пониманию текстов и почти нет исследований, в которых понимание анализировалось бы в динамическом аспекте, в ходе какой-либо деятельности. В частности, почти полностью отсутствуют работы, посвященные пониманию мыслительной задачи в процессе ее решения. Именно это направление исследований представляется мне перспективным и требующим неотложного решения.

Перспективным направлением является также создание типологии ситуаций понимания и интеллектуальных операций и действий,

обеспечивающих понимание в этих ситуациях. В проанализированных выше исследованиях отсутствует указание на тот факт, что разные познавательные и коммуникативные ситуации, в которых оказывается человек, могут способствовать формированию у него принципиально различных форм понимания. Например, если речь идет о понимании уже известных фактов, то операцией, обеспечивающей успешность понимания, оказывается узнавание. При понимании работы механизма (например, часов) решающим является умение субъекта объединить в сознании детали механизма и их функции в единую динамическую структуру. Можно также привести примеры ситуаций понимания, в которых доминирующую роль играют операции прогнозирования или объяснения. Установление зависимости полученных экспериментальных факторов от особенностей соответствующих ситуаций позволит полнее описать психологические механизмы разных форм понимания.

Наконец общим недостатком проанализированных работ является и преимущественно когнитивистская их ориентация. Она выражается в убеждении психологов, что для анализа понимания достаточно найти предметные референты, соответствующие знаниям и целям испытуемого. Такая ориентация мешает изучению понимания как подлинно субъективного диалогического по своей природе образования. В этом отношении более перспективными мне представляются те отечественные исследования, в которых для раскрытия механизмов понимания привлекаются понятия «ценностно-смысловая позиция личности», «смысловые образования», «смысловые нормативы» и т.п.

В целом можно сказать, что исследования по проблеме понимания в западной психологии интересны, разнообразны и содержательны. Их критическое осмысление и сопоставление с работами наших ученых, безусловно, обогатит научные представления о феномене понимания.

Литература

1. *Величковский Б.М.* Анализ процессов понимания // Современная когнитивная психология. М.: Изд-во Московского университета, 1982. С. 221—237.
2. *Горский Д.П.* Проблема значения (смысла) знаковых выражений как проблема их понимания // Логическая семантика и модальная логика. М.: Наука, 1967. С. 54—83.
3. *Ковалевская О.В.* Диалектика объективного и субъективного в процессе понимания. Дис. канд. филос. наук. Л. 1980.
4. Новые исследования в зарубежной лингвистике. Вып.ХП. М.: Радуга, 1983.
5. *Bransford J.D., McCarroll N.S.* A sceth of cognitive approach to comprehension: Some thoughts about understanding what it means to comprehend // Cognition and symbolic processes. New Jersey, 1974. P. 189—229.
6. *Bransford J.D., Johnson M.X.* Consideration of some problems of comprehension // Visual information processing. N.Y.-London, 1973. P. 383—438.
7. *Brewer W.F.* The problem of meaning and interrelations in higher mental pro-

- cesses // Cognition and symbolic processes. New Jersey, 1974. P. 263—298.
8. Bullmer K. Empathie. Munchen, 1978.
 9. Carroll J.B. Developmental parameters of reading comprehension // Cognition, curriculum and comprehension. Newark, 1979. P. 1—15.
 10. Clark H.H. Inferences in comprehension // Basic processes in reading and comprehension / Ed. by D. Laberge and S. J. Samuels. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates. 1977. P. 243-263.
 11. Clark H.H., Clark E. V. Psychology and language. N.Y., 1977.
 12. Clark H.H., Lucy P. Understanding what is meant from what is said: A study in conversationally conveyed requests // Journal of verbal learning and verbal behaviour. 1975. V. 14. P. 56-72.
 13. Cognitive processes in comprehension. New Jersey, 1979.
 14. Cohen H. Das Verstehen and historical knowledge // American philosophical quarterly, 1973. V. 10. P. 299-306.
 15. Dechant E. V., Smith H.P. Psychology in teaching reading. N.Y., 1977.
 16. Franks J.J. Toward understanding understanding // Cognition and symbolic processes. New Jersey, 1974. P. 231—261.
 17. Grice H. Logic and conversation // Syntax and semantics, V. 3. N.Y., 1975. P. 41-58.
 18. Hamlyn D.W. Person perception and our understanding of others // Understanding other person. Oxford, 1974. P. 1—36.
 19. Hormann H. Meinen und Verstehen. Grundzuge einer psychologischen Semantik. Frankfurt am Main, 1978.
 20. Inference and comprehension // Thinking: Readings in cognitive science. Cambridge, 1977. P. 340-432.
 21. Kanal P.V. Understanding and charity. Chandagarh, 1981.
 22. Kintch W., van Dijk T.A. Toward a model of text comprehension and production // Psychological review. 1978. V. 85. P. 363-394.
 23. Klee H., Eysenck M.W. Comprehension of abstract and concrete sentences // Journal of verbal learning and verbal behavior. 1973. V. 12. P. 522—529.
 24. Krause W. Zum Klassifikation von Problemen und zum Instruktionsverstehen // Optimierung von kognitiven Arbeitsanforderungen. Berlin, 1980. S. 56—61.
 25. Layton J.R. The psychology of learning to read. N.Y., 1979. P.110-132.
 26. Mann W.C., Moore J.A., Levin J.A. A comprehension model for human dialogue // 5th international joint conference on artificial intelligence. Boston, 1977. P. 77—87.
 27. McGuire M. T., Lorch S.B. Natural language conversation modes // The Journal of nervous and mental disease. 1968. V. 146. P. 239-248.
 28. Muller-Suur H. Das Sinn-Problem in der Psychose: Gedanken zur interpretation des sprachlichen Ausdrucks psychotischen Erlebens. Gottingen, 1980.
 29. Paivio A., Begg J. Psychology of language. N.Y., 1981. P. 148-170.
 30. Rumelhart D.E. Understanding and summarisation brief stories // Basic processes in reading: perceptions and comprehension. New Jersey, 1977. P. 265—303.
 31. Schank R. et al. What's the point? // Cognitive science. 1982. V. 6. P. 255-275.
 32. Schelling W.A. Sprache, Bedeutung und Wunsch: Beitrage zur psychologischen Hermeneutik. Berlin, 1978.
 33. Schmidt Ch.F. Understanding human action: Recognizing the plans and motives of other persons // Cognition and social behavior. Lawrence Erlbaum Association, 1976. P. 47-67.
 34. Thorndyke P.W. Cognitive structures in human story comprehension and memory. Stanford University, 1975.
 35. Thorndyke P.W. Cognitive structures in comprehension and memory of narrative discourse // Cognitive psychology. 1977. V. 9. P. 77-110.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ПОНИМАНИЯ И СОЗДАНИЕ «ПОНИМАЮЩИХ СИСТЕМ»

Опубликовано: Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1987. М» 3. С. 17-26 (в соавторстве с О.К.Тихомировым).

В Постановлении ЦК КПСС «О журнале «Коммунист» создание «искусственного интеллекта» выделяется как одна из важнейших социально-философских методологических проблем научно-технического прогресса [3, с. 5]. Психологические аспекты «искусственного интеллекта» давно и плодотворно изучаются в отечественной психологии (см., например: [1]), однако постоянное совершенствование компьютерной техники ставит перед учеными задачу дальнейшего проникновения в проблемы взаимодействия человека и ЭВМ.

Одним из перспективных направлений исследований «искусственного интеллекта» является создание так называемых «понимающих систем» — технических устройств, которые могут понимать тексты, предъявляемые на естественном языке

Многие авторитетные специалисты по «искусственному интеллекту» (например, Р.Шенк и Г.Саймон) считают, что в существующих ныне «понимающих системах» моделируются процессы понимания человека; Ч.Ф.Шмидт даже утверждает, что разработанная им система BELIEVER является психологической теорией понимания человеком-наблюдателем смысла действия наблюдаемого субъекта [11]. Поскольку понимание является познавательным процессом постижения человеком смысла событий и явлений предметной действительности, названные авторы, безусловно, правы в том, что связывают разработку «понимающих систем» с процессами смыслообразования у человека. Однако содержания термина «смысл» в психологии и «искусственном интеллекте» не совпадают (специалисты по «искусственному интеллекту» подразумевают под «смыслом» то значение слова, которое выбрала в данный момент системы), и, значит, утверждение о том, что машинные программы воспроизводят процессы понимания, присущие человеку, следует признать метафорическим. Тем не менее работы по

созданию «понимающих систем», опирающиеся отчасти на достижения современной психологии, оказывают в свою очередь прямое влияние на расширение проблематики психологии понимания, а также ставят перед психологами ряд конкретных задач (например, задачу компонентного операционального представления природы смысла).

Цель статьи — провести критический анализ тех представлений о понимании, которые воплощаются ныне в технических устройствах, и показать возможные перспективы внедрения психологических знаний о понимании в разработку «понимающих систем».

Машинные процедуры «приписывания смысла». Система может понять текст, описывающий некоторые ситуации, события и явления объективного мира, только в том случае, если сравнит этот текст с хранящейся в ее памяти моделью описываемой предметной области. Такая модель существует в ЭВМ в виде системы символов (последовательности нулей и единиц, сочетаниями которых кодируются отдельные слова). Эти системы символов представляют собой некоторое подобие физических объектов в том отношении, что их можно хранить, сличать, изменять и т.д. То, что понимание включает в себя процедуры оперирования символами, признают и психологи, и создатели «понимающих систем», но для воспроизведения понимания текста на ЭВМ этого мало. Для того чтобы компьютеры перешли от обработки числовых данных к целесообразному оперированию знаниями, символы машинной памяти должны наделяться смыслом.

Специалисты по «искусственному интеллекту» понимают проблему надления смыслом машинных символов как проблему установления семантической связи. Они формулируют эту проблему следующим образом: как сделать так, чтобы ЭВМ могла устанавливать связь между системой символов и обозначаемым ею предметом, т.е. чтобы машина «рассматривала» последовательности символов как описание некоторой предметной области; иначе говоря, как «привязать» смысл к конкретной последовательности символов?

По мнению А. Слоумэна, важнейшей операцией, «побуждающей» машину ассоциировать одни символы внутреннего языка «понимающей системы» с отображенными в памяти объектами внешнего мира, а другие — с их свойствами и отношениями, является процедура приписывания символами оценок истинности. Если оценки истинности приписываются способом, зависящим от реального состояния мира (а не только от логической коррекции процедур манипулирования символами), то символы могут быть мыслимы системой как репрезентирующие фактические утверждения, т.е. конкретные высказывания о том, как обстоит дело в мире. Поскольку объекты, условно говоря, являются частью памяти «понимающей системы», то установленные

связи между элементарными символами программ и объектами во внутреннем мире систем оказываются простыми причинными отношениями. Вместе с тем очевидно, добавляет А. Слоумэн, что, устанавливая такие связи, машина обращается с «истиной» и «ложью» как с чем-то большим, чем простые двоичные числа: она наделяет последние простейшей, зародышевой формой смысла [13].

Адекватность описанной А. Слоумэном процедуры задаче надления смыслом машинных символов вызывает со стороны психологов ряд возражений, которые фиксируют, главным образом, ограниченность представлений разработчиков «понимающих систем» о сущности и механизмах человеческого понимания. Эта ограниченность выражается в преимущественной фиксации внимания на референтном аспекте смыслообразования и игнорировании его операционального и интенционального аспектов.

Референтный аспект смысла и его моделирование в «понимающих системах». Описанный А. Слоумэном способ референции символов не является единственным. Например, П.А. Колере и У.Е. Смайт выделяют три способа, которыми символы у человека могут соотноситься с действительностью: обозначение (репрезентация); приведение примеров (буквальных и метафорических); выражение свойств, к которым относится символ [8]. Разнообразие способов референции, которыми обладает символ, непосредственно влияет на индивидуальные способы его интерпретации и понимания человеком. Но дело даже не в том, что психологам известно несколько способов референции символов, а в неудовлетворенности самого референтного подхода к формированию смысла слова: ведь в психологии давно стало аксиомой, что при одной и той же предметной отнесенности смысл слова для человека может быть разным.

Для психолога основной вопрос заключается не в том, *какой* предмет обозначается символом, а в том, *как* (в виде какого символа) тот или иной объект существует для субъекта (например, путь из одного города в другой одним человеком может осознаваться как яркий зрительный образ фрагмента географической карты, тогда как второй субъект лишь приблизительно помнит последовательность названий промежуточных населенных пунктов).

В отличие от психологов разработчики «понимающих систем» работают с названиями объектов как с объектами, которые уже имеются в их распоряжении, и поэтому видят свою задачу только в том, чтобы предложить такое правило комбинации символов (формализм, описывающий последовательность процедур понимания), соответствие которого интуитивным представлениям о человеческом понимании будет проверено в ходе эксплуатации системы.

Многие специалисты по «искусственному интеллекту», видя не-

удовлетворенность разработанных процедур «привязывания» смысла к символу, высказывают мнение, что разумную, познающую окружающий мир систему нельзя создать до тех пор, пока она не будет иметь обратной связи от объектов. Иначе говоря, символы для «понимающей системы» станут осмысленными (будут обозначать не копии объектов в машинной памяти, а сами объекты) тогда, когда у ЭВМ появятся рецепторы, посредством которых она сама сможет получать информацию о мире (сейчас предметные знания закладываются разработчиком).

Признавая важную роль перцептивного опыта в смыслообразовании у человека, все же следует напомнить, что предпринимавшиеся в психологии попытки связать смысл слова исключительно с теми скелетными о предметах и явлениях, которые человек получает непосредственно от органов чувств (А. Пейвио и др.), оказались неудачными: смысл предъявляемого предложения нередко осознается человеком раньше, чем у него появляются соответствующие перцептивные образы; синтаксические отношения и некоторые слова предложений естественного языка не поддаются представлению в образах (каковы, например, образы слов «если» или «затем?»).

Главная причина неудачи референтных подходов, по мнению Дж.Д. Брансфорда и Н.С. Маккаррелл, состоит в том, что «информации об изолированных объектах (things) недостаточно для уяснения их смысла» [7, с. 192]. Эти авторы отмечают, что перцепция дает человеку больше, чем прямую информацию об объекте: в данных органов чувств представлены и пространственно-временные отношения, характеризующие перцептивное событие. Согласно их точке зрения, объекты становятся осмысленными через отношения с другими объектами. Соответственно смысл любого предложения является результатом воссоздания в мозгу читателя предметной ситуации, в которой выраженные в предложении отношения правдоподобны.

Другие западные психологи, признавая важную роль в смыслообразовании контекста, предметных связей понимаемого, определяют смысл исключительно в терминах знаний. Например, Дж.Дж. Франке пишет: «Структуры смысла есть частные порождения системы знаний. Они детерминируются знанием так же, как структура предложения детерминируется грамматикой» [7, с. 235]. У.Ф. Бруэр рассматривает смысл в широком и узком значении этого слова. При широкой интерпретации смысл слова, предложения, объекта или события для понимающего субъекта может быть выражен как целостная система его знаний, относящихся к слову (предложению и т.д.). Смысл в узком значении — это то подмножество знаний, указанных словом (высказыванием) в диалоге, которое, по предположению говорящего, будет выделено слушающим.

Сеть знаний человека, по Бруэру, образуется посредством взаимо-

связанных высших психических процессов и включает как образные, так и вербально-логические знания [7, с. 281].

В соответствии с такой когнитивистской интерпретацией смысла усилия западных исследователей направлены главным образом на отображение характеристик объектов предметной области в виде стабильных структур знаний, которые можно записать на машинных носителях «понимающих систем». Такой способ отображения характеристик объекта вполне соответствует референтным принципам его осмысления. Проектируя системы, разработчики озабочены в основном тем, как с помощью структур знаний, используемых для понимания (наиболее распространенная из них — фрейм), вывести смысл понимаемого. Например, П. Уинстон пишет: «Смысл простых предложений в значительной степени может быть описан фреймами действия и фреймами изменения состояния, связанными друг с другом в причинно-следственную сеть» [6, с. 228]. И далее: «Понимание с операционной точки зрения на создание вопросно-ответных систем, вероятно связано с созданием тесно взаимосвязанного множества фреймов» [там же, с. 241].

Самое сложное для разделяющих эту точку зрения разработчиков — определить, какие именно фреймы необходимо ввести в систему, какой фрейм или набор фреймов может понадобиться для понимания входного текста. Другими словами, сложность заключается в определении перечня необходимых и достаточных для понимания знаний. Неудивительно, что некоторые разработчики высказывают мнение, что при создании систем, выполняющих интеллектоподобные функции, главная проблема состоит не в том, в каком виде представлять знания (фреймы, сценарии, продукции), а в том, какие именно знания следует заложить в систему, чтобы она могла успешно выполнять эти функции [2, с. 131-132]. Поэтому наиболее проницательные из специалистов по «искусственному интеллекту» пытаются уяснить, что принципиально нового привносится знаниями в функционирование систем.

Так, в 1982 г. А. Ньюэлл предложил дополнить традиционную для компьютерной науки схему иерархии уровней организации систем «искусственного интеллекта» (включающую уровни «технического устройства», «логической организации данных», «программный») уровнем «знаний» [10]. Содержание уровня знаний этот автор описывает на примере ситуации наблюдения одним субъектом за поведением другого. Наблюдаемый оказывается для наблюдателя системой на уровне знаний потому, что наблюдатель приписывает действующему субъекту некоторые знания о мире и цели вместе с возможными действиями. На основании компонентов уровня знаний наблюдатель может делать предсказания о поведении наблюдаемого. Поскольку в системной иерархии каждый вышестоящий уровень выступает в роли

организирующего начала по отношению к предшествующему, то, с одной стороны, уровень знаний определяет то, на что должны быть способны символичные структуры программного уровня, непосредственно над которым он находится; с другой стороны, он сам характеризуется радикальной незавершенностью, так как является высшим уровнем в организации систем, а знания используются неформально, т.е. не связаны формализованными процедурами с операциональными моделями обработки символов на программном уровне. Незавершенность, в частности, проявляется в том, что иногда поведение наблюдаемого субъекта может быть предсказано на основе описания на уровне знаний, однако целый ряд аспектов поведения таким описанием не охватывается и, следовательно, предсказан быть не может.

В настоящее время в «искусственном интеллекте» ведутся исследования в направлении конкретной технической реализации уровня знаний.

Одну из самых продуктивных и интересных, но вместе с тем слабо подкрепленных психологической теорией попыток такого рода предпринял У. Кинч [9, с. 301-312]. Занимаясь проблемой понимания текста, он разработал двухкомпонентную модель репрезентации его содержания в памяти компьютера. Эта модель состоит из пропозиционной основы (связной понятийной структуры, выражающей содержание написанного) и ситуационной модели, выстраиваемой «понимающей системой» посредством актуализации своих знаний об описываемой в тексте предметной области. Задача понимания, по Кинчу, состоит в том, чтобы преобразовать входной текст в концептуальное представление его смысла — список утверждений, представленных в табличной форме. «Быть понятым» в этой модели означает, что программа понимающего устройства построила такой род репрезентации смысла текста, который иллюстрируется в приводимых в статье таблицах. На наш взгляд, эта модель обладает существенным недостатком: абстрактная пропозиционная семантическая репрезентация, как шаблон прикладываемая к разным текстам, нечувствительна к психологической структуре деятельности читателя, так как игнорирует индивидуальные способы осмысления (символизации) элементов текста, в конечном счете и определяющие специфику понимания.

Игнорирование разработчиками операциональных механизмов смыслообразования. В психологии известны различные виды символов и соответственно их смыслов. Между тем специалисты по «искусственному интеллекту», моделируя познавательную деятельность, редуцируют символы к одному их виду, реализуемому в программах ЭВМ. П.А. Колере и У.Е. Смайт, называя символы такого вида общепринятыми (consensual) и отмечая, что они «обеспечивают основу для референции в общении», характеризуют их как четкие (articulated)

символы — дифференцируемые, идентифицируемые и повторимые. В противоположность этому личностные символы, т.е. феноменальные события, существующие только для переживающего их субъекта (умственные образы, сны и т.п.), являются нечеткими (dense) и не воспроизводятся в машинах. Личностные символы неотделимы от истории своего возникновения в деятельности и обстоятельств использования; кроме того, разные личностные символы отличаются по способности репрезентировать субъекту предметы, события и явления окружающего мира, да и человеческий разум неодинаково способен иметь дело со всеми символами [8].

Сравнение возможностей описания интеллектуальной деятельности с привлечением понятий общепринятых символов или личностных символов выявляет безусловное преимущество последних (Колере и Смайт демонстрируют его на примере обучения человека и машины действиям по правилам). Поэтому в психологии естественно возникает задача анализа условий максимальной эффективности символизации объектов в процессе психической деятельности, в частности анализа того, какова относительная помощь для понимания, даваемая разными видами символизации одного и того же предмета. В этом плане основная проблема для психолога, изучающего смыслообразование, заключается в экспликации природы манипуляции личностными символами, т.е. в выявлении тех субъективных способов и средств, с помощью которых человек приходит к осмыслению (а следовательно, к интерпретации и пониманию) предмета деятельности. Советские психологи пытаются решить эту проблему путем выявления операциональной структуры человеческой деятельности.

В отличие от западных психологов, подчеркивающих когнитивную природу смысла, советские ученые стараются изучать смыслообразование как процесс, включенный в деятельность понимающего субъекта и детерминированный ее побудительными механизмами. В советской психологии показано, что смысл любого предмета (события, явления) для человека зависит не столько от его знаний о нем, сколько от того места, которое занимает этот предмет в структуре деятельности. Наряду с предметной отнесенностью важную роль в смыслообразовании играют функциональные характеристики объектов, проявляющиеся в их взаимодействии. Поскольку деятельность динамична, то в разные ее моменты одни и те же характеристики объекта занимают различное место в структуре поисковой активности субъекта и соответственно приобретают для него разный смысл. С этой точки зрения, наиболее важным является раскрытие конкретных механизмов деятельности, включающее указание на то, почему в один момент для субъекта становятся важными одни свойства, а в другой — другие.

Описание же неизменных жестких структур знаний мало что может дать для машинного моделирования смыслообразования.

И наконец, еще один важный аспект проблемы: так как смыслообразование включено в структуру психической деятельности и является одним из динамических ее компонентов, то смысл оказывается результатом образующих познавательную деятельность интеллектуальных действий.

Значительная работа в направлении анализа операционально-динамических компонентов в деятельности проделана в исследованиях операционального смысла [5]. В них на примере игры в шахматы было показано, что одни и те же фигуры-символы (конь, слон и т.д.), вместо того чтобы иметь только стабильное общепринятое в соответствии с правилами игры значение, в разные моменты мыслительного поиска имеют для испытуемого различный операциональный смысл, который к тому же имеет тенденцию к изменению и развитию. Поскольку выявление операционального смысла элементов шахматной задачи происходит во время поисковых операций, направленных на установление связей между ними, то наряду со смыслом отдельных элементов у испытуемых формируется операциональный смысл целостной ситуации, отображенной в задаче. Таким образом, психологические исследования показывают, что процесс смыслообразования неразрывно связан со структурой психической деятельности человека и сам представляет собой сложное динамическое образование, поэтому все попытки воссоздать в ЭВМ этот процесс вне деятельности, абстрагируясь от нее, обречены на неудачу. Однако пока лишь немногие из специалистов по «искусственному интеллекту» ясно понимают это. Особенно отчетливо это проявляется в технических модельных реализациях интенциональных, целевых аспектов деятельности понимающего субъекта.

Интенциональный аспект смысла и модели целей «понимающих систем». Существенное отличие машинных процедур «приписывания смысла» от процессов смыслообразования человека состоит в том, что последние детерминируются побудительными механизмами деятельности, уходящими своими корнями в мотивационную сферу личности понимающего, не воспроизводимую в современных «понимающих системах». Зависимость смыслообразования от характера мотивации отражена в разработанном в советской психологии понятия личностного смысла. Личностный смысл, выражающий отношение субъекта к объекту деятельности, порождается взаимосвязью между мотивом действия и тем, на что действие направлено как на свой прямо результат, т.е. целью. Понимая предметные ситуации, события и явления, люди всегда так или иначе проявляют свое отношение к ним (в частности, эмоциональное); последнее оказывается непременным атрибутом понимания. Кон-

кретные проявления отношений весьма многообразны, но все они, как правило, не вербализованы. Например, Т.А. ван Дейк показал, что в понимании смысла читаемого текста существенную роль играют не только осознаваемые знания, но и мнения, убеждения и attitudes читателя [9, с. 35-51]. Поэтому психологически ориентированные разработчики «понимающих систем» полагают, что для того, чтобы символы имели для ЭВМ смысл, она тоже должна иметь собственные «убеждения», «желания» и «предпочтения». Для этого в системах должны быть предусмотрены модули, функция которых — порождать и изменять цели, в частности модули генератора мотивов, их сличения и т.п. [13, с. 998].

Важная роль побудительных механизмов деятельности в становлении процесса смыслообразования наиболее выпукло проявляется в интенциональной природе смысла: в человеческом общении смысл любого высказывания (текста) на естественном языке определяется не только тем, наименованием какого предмета (ситуации, события и т.д.) оно является, но и тем, каков замысел автора высказывания, с какой целью оно произносится. Поскольку понимание представляет собой процесс выявления смысла, то любую систему — естественную или искусственную — с полным правом можно назвать понимающей только в том случае, если она не только ищет предметные референты входного высказывания, но и выявляет цель, с которой оно было высказано. Если система не имеет у себя памяти хотя бы одной из этих моделей (предметной области и целей) и, следовательно, не соотносит с ней входное сообщение, то для такой системы сообщение не имеет смысла, и поэтому ее нельзя назвать понимающей.

Рассматривая под таким углом зрения эволюцию «понимающих систем» (см., например: [12]), сейчас можно утверждать, что многие системы, которые в 1960-1970 гг. назывались «понимающими», на самом деле таковыми не являлись, потому что производили операции над данными, не приписывая им смысла, т.е. оперировали данными, а не знаниями. Был также период, когда «понимающими» называли системы, способные осуществлять только синтаксический анализ входного предложения. Эти системы не имели моделей предметной области, не соотносили анализируемые и якобы понимаемое предложение с отображенной в нем предметной ситуацией. Устанавливая взаимно однозначные соответствия между буквами слов естественного языка и их машинными кодами, программы таких систем, по сути дела, манипулировали символами как изолированными от мира сущностями, связанными только между собой.

Надо отметить, что многие современные специалисты по вычислительной технике полагают, что поскольку в языках программирования символами программ приписываются определенные произвольно

выбранные значения, то тем самым программа работает с символами как с чем-то действительно означенным. Они говорят, что могут закодировать любое слово естественного языка (например, «самолет») последовательностью нулей и единиц, приписывая тем самым этой последовательности символов тот смысл, который это слово имеет для человека. Они не учитывают, что предметная отнесенность и целевая направленность возможного использования слова в речевом общении остается у них в голове, не попадая в программу. Вследствие этого, хотя кодируемое слово, безусловно, имеет смысл для программиста и выступает для него как знание, обозначающее что-то вполне определенное, для системы, не имеющей моделей действительности и целей, оно выступает в роли данных, с которыми осуществляются преобразования, заданные алгоритмами программ. Для таких программистов вообще характерна путаница в употреблении понятия «понимание» применительно к человеку и машине; они, например, считают, что если система выполняет инженерные расчеты так, что результаты ее деятельности схожи с результатами решения расчетных задач человеком и потому понятны разработчику, то такая система понимает задачу, так как действует в соответствии с ее требованиями, однако объективно это говорит лишь о том, что понимает динамическую структуру задачи (т.е. может найти ее предметные и целевые корреляты в своем внутреннем мире) сам разработчик, а отнюдь не ЭВМ. Повторим еще раз: «понимающими», преобразующими данными в знании путем приписывания данным смысла являются только те технические устройства, которые соотносят входные сообщения с отображенными у них в памяти предметной областью и целями.

Модели предметной области стали включаться в состав систем «искусственного интеллекта» уже двадцать лет назад, а создание блоков целей — это характерная черта систем 80-х годов. В публикациях, посвященных «понимающим системам» (например, [14]), понятие «цель» чаще всего используется в контексте разработки планирующей компоненты системы — модуля построения или выведения плана (обычно речь идет о плане поведения человека, описываемого в тексте, который поступает на вход системы). Цели в них рассматриваются как вполне конкретные образования — препятствия, мешающие выполнению плана действующего субъекта. При воспроизведении в системе интерпретируемая таким способом «цель» оказывается просто одной из функций машины, имеющей мало общего с «целью» в психологии.

Гораздо более приближенными к процедурам целеобразования и соответственно приписывания смысла у человека оказываются «цели» «процедуры означивания» (термин, употребляемый разработчиками) в экспертных системах. Системы этого класса, принадлежащие к вер-

шинным достижениям «искусственного интеллекта», несомненно, являются «понимающими», потому что означивание в них происходит способом, очень близким к человеческому. Так, в одной недавно созданной отечественной экспертной системе задачи, которые она должна решать (выдавать консультации врачам, геологам и т.д.), заносятся в рабочую память в виде фреймов, описывающих проблемную область, а действия, которые могут понадобиться для решения задач, — в виде продукций. Когда в систему поступает запрос, он попадает на некоторый шаблон, схему продукций. Затем, для того чтобы определить, какие продукции целесообразно применять для решения входной задачи, этот шаблон соотносится с проблемной областью. После соотнесения шаблон «возвращается» наполненным несколькими подходящими для решения продукциями. Разработчики называют его «означенным конфликтным набором» (конфликтным — потому что каждая из продукций набора в принципе может быть использована для решения), но, с точки зрения психолога, означивание произошло пока еще не до конца. Затем система применяет эвристические правила, с помощью которых вводятся ограничения, позволяющие в конечном счете выбрать только те продукции, которые нужны для решения. Эвристические правила, в сущности, делают то же, что у человека, например, читающего текст, осуществляет цель, — направляют деятельность. Разумеется, аналогия с целью здесь проводится только по функциям и достигаемым результатам, а не по механизмам. Разработчикам в содружестве с психологами предстоит еще много потрудиться для приближения машинных «целей» к человеческим. Процессы предвосхищения результатов будущих действий, превращения побочных результатов действия в цели через связь с мотивом, преобразования неосознаваемых результатов в осознанные — эти аспекты целеобразования человека и многие другие еще предстоит воплотить в «понимающих системах».

Заключение. Сравнительный анализ проблемы понимания в психологии и «искусственном интеллекте» показал следующее. Программы современных «понимающих» не моделируют процессы понимания человека, не воспроизводят его психологические механизмы, потому что в этих программах представлены только некоторые и не всегда самые существенные стороны анализируемого феномена. Реализуемые в системах представления о понимании специалистов по «искусственному интеллекту» оказываются намного беднее знаний о нем у представителей психологической науки; отчасти это обусловлено ограниченными техническими возможностями реализации, отчасти недостаточной информированностью разработчиков о результатах психологических исследований. Работы психологов не только обнаруживают те аспекты понимания, которые пока не отражены в «понимающих системах», но и проясняют

направления, в которых нужно совершенствовать системы. Результаты психологических исследований понимания уже сейчас применяются в некоторых отечественных и зарубежных разработках для совершенствования общей конструкции систем, улучшения их «понимающих» возможностей. Интересные перспективы в разработке блока целей открывают психологические исследования целеобразования, а в создании модели предметной области — выявленные в психологии понимания закономерности функционирования предметных знаний в познавательной деятельности понимающего субъекта. В свою очередь психологические исследования последнего десятилетия в значительной степени развилась в направлении решения проблем «искусственного интеллекта» — последние как бы указывали психологам наиболее перспективные пути анализа понимания. Следовательно, контакты психологов с разработчиками «понимающих систем» плодотворно сказываются на научном анализе понимания, их следует укреплять и совершенствовать.

Литература

1. «Искусственный интеллект» и психология / Под ред. О.К. Тихомирова. М.: Наука, 1976.
2. Попов Э.В. Общение с ЭВМ на естественном языке. М.: Наука, 1982.
3. Постановление ЦК КПСС о журнале «Коммунист» // Коммунист. 1986. №12. С. 3-12.
4. Тихомиров О.К. Информатика и новые проблемы психологической науки // Вопросы философии. 1986. № 7. С. 39—52.
5. Тихомиров О.К. Структура мыслительной деятельности человека. М.: Изд-во Московского университета, 1969.
6. Уинстон П. Искусственный интеллект. М.: Мир, 1980.
7. Cognition and the symbolic processes / Ed. by W.B. Weimer and D.S. Palermo. Hillsdale; New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1974.
8. Kolers P.A., Smythe W.E. Symbol manipulation: Alternatives to the computational view of mind // Journal of verbal learning and verbal behavior. 1984. V. 23. № 3. P. 289-314.
9. Language and comprehension / Ed. by J.F. Le Ny and W. Kintsch. Amsterdam; New York; Oxford: North-Holland Publishing Company, 1982.
10. Newell A. The knowledge level // Artificial Intelligence. 1982. V. 18, № 1. P. 87-127.
11. Schmidt C.F., Sridharan N.S., Goodson J.L. The plan recognition problem: An intersection of psychology and artificial intelligence // Artificial Intelligence. 1978. V. 11. № 1-2. P. 45-83.
12. Simon H. Artificial intelligence systems that understand // Fifth international joint conference on artificial intelligence. Boston: MIT, 1977. P. 1059—1073.
13. Sloman A. What enables a machine to understand? // Proceedings of the ninth international joint conference on artificial intelligence. Los Angeles: IJCAI, 1985. P. 995-1001.
14. Wilensky R. Meta-planning // Proceedings of the first annual national conference on artificial intelligence. Stanford: AAAI, 1980. P. 334-336.

МЫШЛЕНИЕ, ЗНАНИЕ И ПОНИМАНИЕ

Опубликовано: Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1989. № 2. С. 6—16 (в соавторстве с О.К.Тихомировым).

Проблема. Проблема соотношения мышления и знания еще в начале века была поставлена в гештальтпсихологии. М. Вертгеймер сформулировал ее в виде парадоксального вопроса: что лучше — мыслить или знать? Стремясь выделить в мышлении творческий момент, способность мыслящего субъекта открывать новое, гештальтпсихологи противопоставили продуктивное мышление репродуктивному, основанному на прошлом опыте (знании). Они затратили немало усилий на экспериментальное обоснование тезиса о том, что прошлый опыт является тормозом, препятствующим видению нового (эксперименты К.Дункера, Н.Майера и др.). «Однако, — пишет К.А.Славская, — в поисках механизма мышления они совершенно упустили из виду тот фундаментальный факт, что всякое мышление исходит из прошлых знаний, совершается на их основе, отправляется от них, включает их, что без использования знаний мышление вообще невозможно» [16, с. 156]. Убедительные доказательства реальности указанного факта получены в работах С.Л. Рубинштейна, А.В. Брушлинского, Я.А. Пономарева, А.М. Матюшкина и других советских и зарубежных психологов.

Феномен «понимания» также был включен в арсенал рабочих категорий экспериментальной психологии гештальтпсихологами. Обозначенный термином «инсайт», он интерпретировался как определенная стадия решения задачи — внезапное, не подготовленное предыдущей аналитической деятельностью и независимое от прошлого опыта уяснение существенных отношений проблемной ситуации.

Последующее развитие экспериментальной психологии мышления внесло значительные коррективы в представление о роли понимания в решении задачи. Во-первых, было обнаружено, что понимание формируется по ходу решения задачи, и потому его возникновение нельзя относить только к одной какой-то стадии мыслительного поиска.

Стало ясно, что понимание представляет собой не только результат мышления, но и один из его процессов, участвующих в обеспечении успешности решения задачи. При этом оказалось, что «этапы понимания — от недифференцированного понимания задачи в целом ко все более дифференцированному и глубокому — соответствуют этапам ее решения» [6, с. 78]. Во-вторых, данные современной психологии мышления опровергают утверждение гештальтпсихологов о том, что возникновение понимания не детерминировано знанием, прошлым опытом. Напротив, во многих экспериментах было показано, что понимание всегда основывается на знании, полученном как в текущей, так и в предыдущей мыслительной деятельности. В свою очередь любое знание содержит в себе потенциальные возможности его понимания.

Связующее звено между знанием и пониманием в процессе мышления — смысл отраженного в знании фрагмента предметного мира. Очевидно, что без научного анализа этого звена невозможно раскрыть психологические механизмы понимания. Тем не менее психологи, рассматривающие проблему понимания в контексте психологии мышления, предпочитают изучать ее, не используя понятие «смысл». Лишь в последнее время в психологической литературе стали появляться публикации, в которых словообразование рассматривается как базис, краеугольный камень формирования понимания [5, 22].

По нашему мнению, в настоящее время одна из центральных задач психологии мышления состоит в анализе возникновения и развития смысловых образований в мыслительной деятельности человека. За последние два десятилетия в экспериментах, проведенных российскими психологами, были выявлены и проанализированы разнообразные виды и параметры процессов словообразования человека, решающего мыслительную задачу: операциональные смыслы отдельных исследовательских актов, смыслы некоторых элементов задачи и всей их совокупности, соотношение вербализованных и невербализованных смыслов в ходе решения задачи и т.д. Углубленное изучение места и роли процессов порождения и функционирования смыслов в динамической структуре мыслительной деятельности субъекта «составляет сегодня одно из важнейших направлений исследований, приведших, по существу, к формированию смысловой теории мышления» [20, с. 38]. В рамках этой теории мышление рассматривается как «формирование, развитие и сложное взаимодействие операциональных смысловых образований» [19, с. 81].

В цикле исследований по решению мыслительных задач, выявивших избирательность и целенаправленность мыслительного поиска, были прослежены и изучены различные виды операций и действий, способствующие формированию у субъекта операциональных смыслов. Однако данных о том, как развитие и взаимодействие операциональных смыс-

ловых образований приводит к формированию понимания испытуемыми промежуточных и конечного результатов мыслительного поиска, в психологической литературе пока почти нет. Между тем очевидно, что теория мышления может называться смысловой, если словообразование и понимание рассматриваются ее сторонниками в качестве важнейших составляющих мыслительной деятельности человека.

Цель авторов статьи — попытаться определить роль и место понимания в структуре мыслительной деятельности с позиций смысловой, теории мышления.

Две доминирующие точки зрения на понимание. Проблема понимания является междисциплинарной: ею занимаются физики, математики, историки, литературоведы и ученые других специальностей. Методология, задающая магистральные направления изучения понимания конкретными науками, в том числе и психологией, разрабатывается в основном в современной философии. В публикациях, посвященных гносеологической природе феномена понимания, отчетливо видны две тенденции.

Одна из них состоит в попытке объяснить понимание посредством различных форм знания, при этом первое иногда отождествляется со вторым. В частности, С.Ф. Зак считает, что «понимание является наиболее глубоким видом знания и достигается лишь там, где знание приводится в определенную систему» [1, с. 168]. Заметим, что такая интерпретация имеет давнюю тенденцию в классической философии, где проблема понимания ставится как проблема знания о знании. Для второй тенденции характерно утверждение, что понимание — не только результат познания человеком предметной действительности, т.е. знание, но это прежде всего сам процесс более глубокого проникновения в сущность изучаемого, специфический способ познания или «набор особых познавательных процедур» [15]. Представители этой позиции говорят о понимании «как специфическом типе познавательного отношения, направленном на познание человека и продуктов его деятельности» [3, с. 273].

Таким образом, в философской литературе, посвященной анализу понимания, отражено существование двух проблемных областей, которые условно можно назвать «знать и понимать» и «познавать и понимать». Однако в философских публикациях отсутствует описание конкретных видов познавательного отношения, выявление и анализ которых — задачи психологического исследования. В психологии мышления эта задача формулируется следующим образом: в чем состоит отличие понимания как субъективно-психологического феномена от понимания как одной из познавательных процедур, изучаемых в рамках теории познания. Дать ответ на поставленный вопрос мы постараемся дать в этой статье.

Немногом отличаются от философских определения обсуждаемо-

го феномена в психологии. Например: «Всякое понимание означает включение чего-то нового, неизвестного в систему уже имеющихся знаний» [9, с. 62]. Просто наряду со «знанием» в них употребляется «опыт»: «Понять что-либо — это значит соотнести предмет познания со своими знаниями и представлениями, со своим жизненным опытом, причем соотнести так, чтобы включить этот предмет в систему причинно-следственных связей, на основе которых возможно его объяснение и предсказание, его интерпретация и оценка» [8, с. 81]. А на место «познания» в психологических определениях понимания чаще всего представляется «мышление» или «мыслительная деятельность»: «Важное место в мыслительной деятельности занимает понимание, т.е. раскрытие существенного в предметах и явлениях действительности, в разных случаях носящее различный характер» [11, с. 263]. Обобщая, можно сказать, что и в нашей науке значительная часть работ, в которых делаются попытки выявить психологические механизмы понимания, относится к двум указанным проблемным областям. В частности, нетрудно заметить, что, с одной стороны, в приведенном выше определении Н.Д. Левитова понимание фактически сводится к системе знания, а в более поздней работе Ю.Н. Кулюткина уже только сопоставляется со знанием, жизненным опытом субъекта. С другой стороны, Н.А. Менчинская [11], как и А.А. Смирнов [17] и некоторые другие психологи, приписывают пониманию функции, традиционно характеризующие в психологической литературе мышление — в результате эти два понятия становятся практически неразличимыми.

Главная трудность, возникающая перед психологом, пытающимся определить роль и место понимания в структуре мыслительной деятельности, состоит в том, чтобы установить хотя бы приблизительно границы этих областей и точки пересечения образующих их понятий. Попытаемся преодолеть эту трудность, проанализировав соотношение содержания и объема понятий «понимание», «знание», «познание» и «мышление».

Знать и понимать. Адекватное отражение человеком предметного мира в знании происходит в процессе оперирования объектами, из которых мир состоит. Мышление человека представляет собой познавательную деятельность, в ходе которой субъект, взаимодействуя с объектом, выявляет некоторые неизвестные ранее стороны, свойства последнего, получает новое знание о нем. Знания, с одной стороны, «являются результативным эквивалентом мышления, т.е. тем, во что превращается мышление (как процесс взаимодействия) в фазе продукта; с другой стороны, переходя в процесс, т.е. включаясь в деятельность индивида, знания проявляются как компонент мышления или какой-либо производной от него формы психической деятельности.

Будучи следствием мышления, знания являются вместе с тем и одним из его условий» [13, с. 90].

Понимание отличается от знания прежде всего тем, что представляет собой осмысление знания, действия с ним. Действуя, мысленно преобразуя отраженный в знании фрагмент действительности, человек выходит за его непосредственные границы: например: понимая художественное произведение, картину, зритель (соучастник творчества) включает его объективное содержание в контекст своего опыта и пытается определить замысел художника. Осуществляя выводы, выдвигая гипотезы, совершая другие мыслительные действия по преобразованию объекта познания, человек получает новое знание о нем. Поэтому в акте понимания субъекту нередко открываются такие стороны объекта, которые не были в явном виде представлены в исходном знании. Именно так с помощью периодической системы элементов Д.И. Менделеева, воплотившей научное понимание физико-химической природы вещества, были предсказаны, а затем и открыты новые элементы галлий, германий, скандий и др.

Ситуация и контексты употребления терминов «знание» и «понимание» обычно в научной литературе не различаются, а сами они воспринимаются как синонимы тогда, когда понимание отождествляется со знанием как продуктом мыслительной деятельности. Например, можно называть понимающим человека, знающего, как действовать в сложной ситуации, которую он раньше пытался понять и это ему удалось. Вместе с тем мы нередко называем знающим того, кто понял суть трудного вопроса, т.е. обладает знанием о возможных ответах на вопрос. Такого человека, например инженера-механика, хорошо усвоившего теорию машин и механизмов и успешно применяющего ее на практике, все равно, как назвать: знающим предмет или понимающим его.

И наоборот: содержание понятий «знание» и «понимание» оказывается принципиально различным тогда, когда они анализируются вне контекста той интеллектуальной деятельности, в ходе которой субъект понимает отображенную в знании реальность. В повседневной жизни человек нередко попадает в ситуацию, в которой он знает что-то, но не понимает. Это происходит, как правило, тогда, когда у него отсутствует минимум знаний о подобных явлениях, который необходим для начала осмысления непонятного.

Допустим, человек, не сведущий в радиотехнике, обнаружил, что его телевизор сломался. Получив новое знание, он не способен понять его предметное содержание, потому что не может соотнести новое свойство телевизора с известными ранее: принципы работы аппарата ему неизвестны. Таким образом, чтобы понимать отображенную в знании действительность, необходимо осмысливать ее содержание,

опираясь на прошлый опыт, т.е. на знания, полученные в мыслительной деятельности, осуществленной ранее.

Вместе с тем при психологическом анализе соотношения знания и понимания не следует забывать, что, осмысливая знание, мысленно оперируя отраженным в нем предметом, человек формирует представление не только об объективном содержании знания. В процессе осмысления отраженной в знании реальности у субъекта возникает смысл последнего, т.е. познавательное отношение к содержанию понимаемого фрагмента действительности.

Познавательное отношение конкретно проявляется в характере мыслительных действий с содержанием понимаемого, направленных на выход за его рамки, включение понимаемого фрагмента в более обобщенную картину мира. К таким действиям относятся догадки о причинах понимаемых событий и выводы о последствиях, к которым они могут привести; предположения о замыслах творца и т.п. В частности, смыслом художественного кинофильма оказывается не его сюжет (объективное содержание), а та идея, тот вывод, который делает зритель, выходя из кинотеатра.

Антипод смысла — бессмыслица. Мы воспринимаем событие как непонятное, не имеющее для нас смысла, если не можем сформировать познавательное отношение к нему, не знаем, в каком контексте его следует интерпретировать.

Раскрыв любую сегодняшнюю газету, можно наткнуться на статью, автор которой с возмущением пишет о таком анахронизме, как «нелепые, бессмысленные запреты», тормозящие ход перестройки в различных областях нашей жизни. Один из многочисленных примеров неоправданного запрета — отказ в просьбе группе работников юридической консультации оказывать правовую помощь населению и во внерабочее время, на договорных началах. Обычно запрет воспринимается как бессмысленный, непонятный потому, что, во-первых, при сопоставлении содержания документа, в котором он выражен, с современными социально-экономическими условиями обнаруживается, что запрет противоречит этим условиям, не соответствует основным требованиям перестройки хозяйственного механизма нашей страны. Во-вторых, в изменившихся социально-экономических условиях многие запреты явно устарели. В этой ситуации запрет кажется тому, кого он непосредственно касается, нелепым и ничем не оправданным потому, что понимающий не знает причин запрета (его введения) и не может обосновать целесообразность его применения сейчас.

Итак, формирование познавательного отношения субъекта к объективному содержанию понимаемого фрагмента действительности, порождение операционального смысла знания о нем — это и есть процесс

понимания. Понимание представляет собой осмысление отраженного в знании объекта познания, формирование смысла знания в процессе действия с ним. Такое определение понимания позволяет уточнить характер его отношения к знанию в психической деятельности человека. При рассмотрении знания и понимания в результативном аспекте можно утверждать, что понять — значит узнать смысл понимаемого. С точки зрения понимающего субъекта «знать» и «понимать» означает одно и то же в том случае, если он знает смысл понимаемого. В частности, упоминавшийся нами инженер-механик понимает теорию машин и механизмов, потому что знает смысл основополагающих принципов данной теории. При обращении к процессуальному аспекту анализа проблемы следует сказать, что понимание формируется в деятельности по мере того, как субъект порождает, узнает операциональный смысл этого знания. До возникновения смысла знание существует в психике человека как непонятное, т.е. ситуации «знать» и «понимать» различаются.

Анализ знания с позиций смысловой теории мышления. Для того чтобы служить основой для понимания, знание должно обладать несколькими характерными особенностями.

1. Знание должно быть осмысленным, т.е. иметь для субъекта вполне определенный операциональный смысл, сформировавшийся в процессе мыслительной деятельности. Осмысленность кажется неотъемлемым свойством знания, функционирующего в человеческой коммуникации. Тем не менее смысловая компонента отсутствует во многих моделях знания, например геометрических [18]. Отчасти это обусловлено тем, что некоторые исследователи, ясно осознавая многозначность и недостаточную научную определенность термина «смысл», стараются вообще не употреблять его в своих работах. Однако осознанное или неосознанное стремление к игнорированию роли процессов смыслообразования в формировании понимания неизбежно ведет к упрощенным представлениям о природе последнего. Особенно отчетливо это проявляется в практике компьютерного моделирования знания при создании «понимающих систем». В частности, В.С. Файн [23] считает, что задачу машинного понимания естественного языка следует решать не анализируя смысл понимаемого текста, а путем сведения ее к задаче распознавания образов. Процедура узнавания (расознавания), безусловно, играет важную роль в понимании, а в некоторых ситуациях — даже решающую роль. Однако в других познавательных и коммуникативных ситуациях психологическое содержание понимания оказывается гораздо богаче. Для понимания подобных ситуаций (причин дорожной аварии, принципа работы часового механизма и др.) человек (или «понимающая система») наряду

с узнаванием должен примерять и другие процедуры — прогнозирование, объяснение и т.д. [14].

2. Знание должно иметь определенную ценность для мыслящего субъекта. Как показали эксперименты по решению задач, направленные на исследование операциональных смыслов [19], оперировать знанием в мыслительной деятельности — значит так или иначе оценивать его. Познавательное отношение испытуемого к мыслительной задаче в целом и ее компонентам конкретно проявляется в формирующихся у него оценках: оценках достижимости результатов действий; предвосхищающих эмоциональных оценках, связанных с активным поиском и преобразованием наличной ситуации; констатирующих эмоциональных оценках, связанных с результативными аспектами деятельности и т. п. Наличие оценок отражает селективный характер мыслительного поиска: субъективно-ценное принимается испытуемым в качестве некоторой нормы, образца, на который следует равняться при выборе дальнейших действий по решению задачи; субъективно незначимое отбрасывается как не отвечающее цели решения. Положительно оцененные ситуации и действия становятся основой понимания нового знания о мире, получаемого в ходе мыслительного поиска: решающий оказывается способным понять только те выраженные в знании фрагменты действительности, которые сумеет соотнести с принятым им образцом и найдет соответствие между понимаемыми фрагментами и образцом.

Однако субъективно понятное знание (представление человека о мире) объективно может не соответствовать реальности. В частности, действия по решению задачи, понятные испытуемому и кажущиеся ему правильными, могут вести к неверному результату. Этот многократно проявляющийся в экспериментах факт ставит перед психологами проблему соотношения понимания, ценности и истинности знания.

Формирование понимания связано главным образом с установлением соответствия отраженной в знании понимаемой действительности некоторой субъективной ценности, оценочному образцу, возникшему в процессе мыслительного поиска. Неадекватность субъективного образца, его противоречие объективной реальности не препятствует формированию понимания, но ведет к появлению у человека неправильного, ложного понимания действительности. Понимать можно, и не определяя истинности или ложности знания. Например, читатель способен понять прочитанную в книге фразу, даже не имея отчетливого представления о том, правду говорит автор или нет. Для понимания достаточно правдоподобия: человек поймет прочитанное, если вспомнит такую ситуацию («возможный мир»), в которой описываемые события вполне могли бы происходить. Следовательно, понимая, субъект не точно знает, что объект понимания относится к возникшей в памяти ситуации-об-

разцу, а только предполагает это, верит в такую возможность. Уточнение предположения, переход от возможности к достоверности требует от него совершения дополнительных мыслительных действий, направленных на определение того, действительно ли знание характеризует именно эту ситуацию. Иначе говоря, мыслительные действия направляются на установление истинности или ложности знания о понимаемой предметной ситуации. Указанные действия не имеют прямого отношения к формированию понимания, но способствуют составлению адекватного представления человека о реальности, помогают ему ориентироваться в ней. Полученное в результате мыслительной деятельности дополнительное знание о предметном мире становится основой для появления нового, более точного и глубокого понимания мира субъектом.

Таким образом, определение ценности знания, формирование отношения субъекта к объекту вплетено в психологическую ткань понимания, является обязательной предпосылкой его становления и развития. Установление истинности знания не включается непосредственно в процессе понимания, но, как и другие познавательные процедуры человеческого мышления (объяснение, предсказание и т.п.), способствует получению субъектом нового, адекватного знания о понимаемой реальности; в конечном счете это приводит к уточнению и углублению понимания, предметной действительности.

3. Формируя субъективные ценности, нормы и образцы, с которыми следует сопоставлять понимаемое, человек ориентируется на социальные ценности, нормы и образцы того общества, в котором он живет по своему содержанию для всех членов социальной общности и зафиксированное в писаных или неписаных законах поведения. Однако в процессе понимания объективное знание трансформируется, преломляясь сквозь призму личностного знания [12]. В результате субъективные образцы, определяющие индивидуальный характер понимания, могут существенно отличаться от объективных.

В структуре личностного знания значительное место занимают невербализованные и плохо поддающиеся словесному выражению формы знания (это отчетливо видно, например, в экспериментальных исследованиях смыслообразования — см.: [19]). Анализируя процесс понимания, психолог нередко сталкивается с тем, что понимание как результат мыслительной деятельности испытуемого удается отождествить лишь с относительно рефлектируемой составляющей знания, к тому же с трудом поддающейся осознанию и явному обнаружению самим испытуемым. В контексте анализа понимания вербализуемое знание представляет собой только верхушку айсберга, невидимое основание которого образуют менее осознанные, научно обоснованные и достоверные формы знания: убеждения, отношения, вера и т. п.

В частности, при понимании предметной действительности достоверное знание объединяется с нашим мнением о вещах, людях, событиях, образуя пристрастную репрезентацию окружающего мира.

Г.А. ван Дейк, подчеркивая важную роль в становлении процесса понимания текста убеждений, мнений и отношений понимающего субъекта, отмечает некоторые их отличия от знания. Они более эпизодичны, чем знание, основаны на личном опыте, влияют на поступки субъекта. Мнения — это оценочные убеждения, обозначающие индивидуальное отношение человека к чему-либо. Если для знания мы ожидаем согласования с социальными нормами и критериями истины, то мнение вполне может быть личным и объективно неверным. Отношения представляют собой совокупности мнений, вовлеченных в сложную систему социальных взаимодействий (например, отношение разных социальных групп к проблеме ядерной угрозы).

Личностное знание играет не менее важную роль в формировании понимания, чем объективно достоверное знание, т.е. такое, соответствие которого действительности неоднократно подтверждалось жизненным опытом как самого понимающего, так и других людей. В частности, в процессе понимания происходит актуализация не только знания о ситуации-образце, с которой сопоставляется понимаемое, но и релевантной этой ситуации системы отношений. Актуализация знания, как правило, происходит под контролем и регуляцией мнений и убеждений субъекта. Взаимодействие и взаимовлияние в процессе понимания вербализованных и невербализованных компонентов мыслительной деятельности приводят к образованию индивидуально-своеобразной структуры личностного знания. Последняя выражает конкретный характер познавательного отношения субъекта к содержанию объекта понимания, т.е. операциональный смысл понимаемого, сформировавшийся к данному моменту деятельности.

Отсюда следует важнейшая задача психолога, изучающего понимание, — установить, как должна быть организована структура личностного знания человека, чтобы не препятствовать, а способствовать возникновению у него смысла понимаемого.

4. Все мыслительные действия с содержанием понимаемого, определяющие его смысл (гипотезы о причинах природных явлений; умозаключения об основной идее, концепции художественного произведения; догадки о мотивах поведения наблюдаемого человека в толпе прохожих, например, так ярко, эмоционально и талантливо описанные в новелле С. Цвейга «Неожиданное знакомство с новой профессией», и т. п.), в той или иной мере включает в себя процедуры логического вывода. Психологические процессы логического вывода, умозаключения являются обязательными составляющими понимания и играют

решающую роль в образовании операциональных смыслов. При формировании понимания происходит включение нового получаемого в мыслительной деятельности знания в систему знания, уже имеющегося у человека. Умозаключения, входящие в психологический состав гипотез, предположений, определения причин и следствий понимаемых событий и т. п., оказываются как бы соединительными звеньями между субъективным отражением содержания понимаемого и более обобщенной структурой личностного знания, прошлого опыта человека, в контексте которой понимаемое приобретает для него смысл.

Следовательно, структура личностного знания, способного служить основанием для понимания, должна быть организована таким образом, чтобы она могла играть роль предпосылки для умозаключения и выводов. Такая структура должна давать понимающему субъекту возможность перевода неявной, имплицитной формы знания в эксплицитное объективное знание. Иначе говоря, понимание будет успешным, если понимающий из неявного предпосылочного знания сумеет сделать явные выводы, составляющие психологическое ядро операциональных смыслов. В познавательной деятельности структурой личностного знания, организованной способом, отвечающим указанным выше требованиям, обычно оказывается субъективная формулировка проблемы, вопроса, задачи.

Познавать и понимать. Процесс познания представляет собой постановку человеком вопросов об интересующих его сторонах действительности и поиск ответов на них, формулирование проблем, задач и их решение. В результативном плане познание — это совокупность знаний, возникающих в результате ответов на вопросы и решения задач. Акты познания, в том числе и те, которые впоследствии приобретают общественную форму и определяют прогресс человечества, совершаются в головах конкретных индивидов в процессе их мышления. Отношения между познанием и мышлением сложны и противоречивы. Познание переходит в мышление и практически перестает быть самим собой, когда продукт взаимодействия субъекта с объектом, т.е. знание, превращается в процесс [13]. Включаясь в процесс мышления, знание становится дополнительным стимулом его развития и источником получения нового знания о действительности. В момент получения нового знания завершается один из циклов мыслительной деятельности. В этот момент мышление — поиск нового, неизвестного — снова на мгновение превращается в познание: человек узнает то, к чему стремился. Затем начинается следующий цикл взаимодействия человека с миром, образованный переходом познания в мышление и последнего снова в познание.

Рассмотрим, какое место занимает понимание в диалектике отношений познания и мышления. Как в теории познания, так и в пси-

хологии мышления давно известно, что во время решения познавательной задачи субъект неоднократно переформулирует ее исходные условия. В каждой новой формулировке задачи уже в какой-то мере заключено неявное знание, являющееся решением этой задачи. У человека сформируется операциональный смысл последовательности шагов мыслительного поиска, он поймет переформулированную задачу и решит ее, если сделает такие предположения и выводы из изменившейся ситуации, которые не противоречат объективным условиям задачи и соответствуют целям познающего субъекта (например, если шахматист догадается, что размен ферзя может повлечь утрату инициативы и в конечном счете привести к проигрышу).

Функция понимания в познании состоит в осмыслении, анализе знания, имеющего для субъекта проблемный характер, в раскрытии его происхождения и потенциальных возможностей. Проблемное знание отражает область тех неизвестных человеку закономерностей или способов действия, которые он не может раскрыть, опираясь только на прошлый опыт и достигнутый уровень способов действия. Анализируя непонятные события или ситуации, отраженные в проблемном знании, человек определяет, какие предположения и умозаключения можно сделать, какие ответы возможны на вопросы к проблемному знанию на разных стадиях решения задачи. Совершенные догадки, предположения, умозаключения, найденные ответы на вопросы и образуют различные конкретные операциональные смыслы знания для познающего субъекта.

Следовательно, теории понимание как один из компонентов познания связано не столько с процедурами получения нового знания (операциями и действиями по преобразованию наличной ситуации, переформулированию исходных условий задачи, поисками новых способов решения и т.п.), сколько с процедурами его осмысления. С этой точки зрения понимание представляет собой не простую констатацию наличия проблемного знания в мыслительной деятельности. Понимание включает выяснение того, почему что-то непонятно, почему в процессе мышления получено именно такое знание, а также на какие потенциальные вопросы оно может ответить, какую роль сыграть в решении задачи. Понимая, мыслящий субъект исходит из своих целей деятельности и, кроме того, учитывает конкретные особенности понимаемой ситуации. В зависимости от этих факторов он устанавливает связи анализируемой ситуации либо с прошлым, известными ситуациями (выбираемыми в качестве образцов, ценностных ориентиров), либо с будущим, прогнозируемыми ситуациями (они также становятся эталонами для сравнения). В первом случае понимаемое приобретает для субъекта смысл понимания-узнавания, во втором — понимания-прогнозирования [14].

Изложенная позиция соответствует современным исследованиям

по логике и методологии научного познания. В частности, в логике вопросов и ответов отмечается, что «под значением вопроса следует понимать совокупность ответов, допускаемых этим вопросом» [2, с. 18]. Известный историк и философ Р.Дж. Коллингвуд [7] также считает, что смысл любого исторического события можно определить, только установив, на какой вопрос (вопросы) оно может служить ответом. Поэтому в историческом исследовании нельзя утверждать, что один древний текст противоречит по смыслу другому, если не доказано, что авторы обоих текстов отвечали на один и тот же вопрос. В отечественной философии таких же взглядов на соотношение знания, понимания и познания придерживается Б.С. Грязное: «Понимание — это процедура реконструкции вопросов, на которые отвечает наличное знание» [4, с. 33]. В психологии подобный подход развивает Л.П. Добраев. Подводя итоги, отметим, что, как свидетельствует методология науки, ни в одной из областей научного познания понимание не является ведущим методом исследования и его основной целью. Понимание — это не способ постижения мира, а только его момент, момент получения знания о действительности [10]. Понимание опосредствует процесс получения знания, наделяя его смыслом.

Итак, с позиций смысловой теории мышления понять какое-нибудь событие (ситуацию, явление) — значит сформировать его операциональный смысл, опираясь на знания о событиях такого рода. Образование операциональных смыслов происходит путем установления связи выявленного в процессе мышления объективного содержания проблемного знания (например, условий задачи, инструкции по эксплуатации незнакомого бытового электроприбора и т.д.) с фрагментами структуры личностного знания человека, в контексте которого понимаемое приобретает для него смысл. Устанавливая связь, мыслящий индивид представляет, переживает фрагменты структуры личностного знания как некую ценностную норму, субъективно значимую ситуацию-образец, с которой следует сравнивать предметное содержание понимаемого знания. Установление связи осуществляется посредством догадок, предположений, выводов и т.д. (Отвечая на вопрос, поставленный в начале раздела, скажу: догадки и тому подобное как раз и являются конкретными психологическими видами познавательного отношения субъекта к объекту понимания). Выдвигая гипотезы, совершая пробные попытки решения задачи, человек изучает проблемную ситуацию, исследует характер проблемного знания и перспективы его использования на следующих этапах мыслительного поиска. Так в мыслительной деятельности происходит осмысление, понимание знания, полученного на определенной стадии решения задачи. Становясь осмысленным, знание перестает быть проблемным, т.е. теряет для субъекта статус непонятно-

го. Затем это знание включается в процесс познания и служит одним из источников возникновения нового знания, которое снова требует от мыслящего субъекта осмысления, понимания.

Литература

1. Автономова Н.С., Филатов В.П. Понимание как логико-гносеологическая проблема // Вопросы философии. 1981. № 5. С. 164—169.
2. Белнап Н., Сшил Т. Логика вопросов и ответов. М.: Прогресс, 1981.
3. Быстрицкий Е.К., Филатов В.П. Теория познания и проблема понимания // Гносеология в системе философского мировоззрения / Под ред. В.А. Лекторского. М.: Наука, 1983. С. 273-304.
4. Грязное Б.С. Научная проблема и ее познавательные функции // Логика научного поиска. Ч. 2. Свердловск, 1977. С. 32—34.
5. Гурова Л.Л. Процессы понимания в развитии мышления // Вопросы психологии. 1986. № 2. С. 126-137.
6. Добраев Л.П. Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания. М.: Педагогика, 1982.
7. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Просвещение, 1985.
8. Кулюткин Ю.Н. Психология обучения взрослых. М.: Просвещение, 1985.
9. Левитов Н.Д. Психология труда. М.: Учпедгиз, 1963.
10. Лекторский В.А. Междисциплинарный и философский подход к проблеме понимания // Вопросы философии. 1986. № 7. С. 65—69.
11. Менчинская Н.А. Понимание // Психология / Под ред. А.А. Смирнова и др. М.: Учпедгиз, 1956. С. 263-268.
12. Полани М. Личностное знание. М.: Прогресс, 1985.
13. Пономарев Я.А. Знания, мышление и умственное развитие. М.: Просвещение, 1967. С. 83-103.
14. Психологические проблемы автоматизации научно-исследовательских работ / Под ред. М.Г. Ярошевского и О.К. Тихомирова. М.: Наука, 1987. С. 69-73.
15. Ракитов А.М. Понимание и рациональность // Вопросы философии. 1986. № 7. С. 69-73.
16. Славская К.А. Мысль в действии М.: Политиздат. 1968.
17. Смирнов А.А. Понимание // Психология / Под ред. К.Н. Корнилова и др. М.: Учпедгиз. 1948. С. 229-233.
18. Соколов Е.Н., Терехина А.Ю., Ребрик С.Б. Геометрическая модель структуры знания // Вопросы психологии. 1986. № 6. С. 130—138.
19. Тихомиров О.К. Структура мыслительной деятельности человека. М.: Изд-во Московского университета, 1969.
20. Тихомиров О.К. Теоретические проблемы исследования бессознательного // Вопросы психологии. 1981. №. 2. С. 31—39.
21. Тихомиров О.К. Психология мышления. М.: Изд-во Московского университета. 1984.
22. Тихомиров О.К., Знаков В.В. Актуальные проблемы психологии, понимания и создание «понимающих систем» // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1987. № 3. С. 17—26.
23. Файн В.С. Распознавание образов и машинное понимание естественного языка. М.: Наука, 1987.

ПОНИМАНИЕ КАК ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИИ МЫШЛЕНИЯ

Опубликовано: Вопросы психологии. 1991. № 1. С. 18—26.

Проблема понимания в наше время стала междисциплинарной: она является предметом анализа одновременно в нескольких областях научного познания — физике, философии, истории и др. В современной науке выделяется, по меньшей мере, семь основных направлений ее исследования — методологическое, гносеологическое, логическое, семантическое, лингвистическое, коммуникативное и психологическое [3]. В психологии понятие «понимание» употребляется в широком и узком смысле. При широкой интерпретации оно используется в контексте анализа практически всех психологических аспектов взаимодействия человека с предметным миром — восприятия, памяти, языка и т.п. (см., например, [14, с. 231]). Понимание рассматривается при этом как такая универсальная характеристика интеллектуальной деятельности человека, которая оказывается непременным атрибутом любого уровня познания и общения, каждого психического процесса. Именно в таком смысле используют «понимание» А.А. Смирнов, изучавший роль этого психологического феномена в различных видах запоминания, А.А. Бодалев, анализирующий понимание как одну из важных составляющих восприятия человека человеком, и другие психологи.

«Понимание в узком смысле есть компонент только мышления как обобщенного и опосредствованного отражения существенных свойств и связей между предметами и явлениями» [1, с. 76]. Именно в таком смысле мы и будем употреблять понятие «понимание». Основное внимание в статье уделено рассмотрению одной из возможных его интерпретаций — анализу понимания как решения мыслительной задачи.

Представление о понимании как решении задачи разделяют как отечественные, так и зарубежные психологи. Например, Г.С. Костюк пишет: «Понять новый объект — это решить некоторую, пусть маленькую, познавательную задачу» [4, с. 198]. Л.П. Добраев изучает по-

нимание текста как последовательное разрешение скрытых в нем проблемных ситуаций [1]; Г.Г. Кларк утверждает, что «понимание лучше всего мыслимо как решение проблем» [12, с. 244]; Д.Е. Рамельхарт пишет, что понимание эпизода, представленного в тексте, предполагает решение читателем задачи установления структуры понимаемого эпизода [12, с. 268]; аналогичную мысль высказывают Дж.Д. Брансфорд и Н.С. Маккаррелл: для понимания отношений, представленных в предложении, человек должен решить задачу создания ситуации, в которой эти отношения были бы подходящими [14, с. 212]. Следовательно, в современной психологии весьма распространенной является точка зрения, согласно которой психологические механизмы понимания сводятся к решению мыслительной задачи.

Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что за редким исключением [1] в психологических публикациях эта точка зрения выражается в декларативной форме, без конкретных экспериментальных и теоретических обоснований. Неудивительно поэтому, что специфические особенности понимания как одного из аспектов познавательной деятельности, как компонента мышления субъекта, решающего задачу, в научной литературе остаются нераскрытыми. Понимание как проблемная область психологии мышления изучено явно недостаточно: исследователи до сих пор испытывают трудности с указанием той роли, которую понимание играет в мыслительной деятельности, с определением того, является ли оно компонентом, стороной, видом или одним из процессов мышления. Разные авторы обычно используют один из этих терминов для указания характера отношений между пониманием и мышлением. Однако, как справедливо замечает Л.П. Добраев, «...во всех этих случаях ничего не говорится о том, какие другие стороны, или процессы, или виды мышления, стоящие в одном ряду с пониманием, имеются в виду» [1, с. 73]. Следствием неразработанности проблемы является отсутствие разделов, посвященных пониманию, в подавляющем большинстве монографий по психологии мышления (см., в частности, [13, 15]). Редко появляются и статьи, в которых закономерности формирования понимания анализируются в контексте исследований онтогенетического развития мышления человека [5, 16].

Цель статьи — проанализировать сходство и различие понятий «мышление» и «понимание» в психологии мышления. Для реализации этой цели, по нашему мнению, прежде всего нужно ответить на четыре вопроса.

Первый из них: существует ли понимание, совершающееся без участия мышления? Отвечая на этот вопрос, следует различать две ситуации — понимание известного и понимание нового. Когда нуж-

но понять знакомые слова, действия, поступки людей и т.д., то понимание осуществляется в форме понимания-вспоминания. Это такая форма интеллектуальной деятельности, которая основана на актуализации прошлого опыта. Она фактически не требует от человека мышления в момент понимания, но основана на прошлой мыслительной деятельности. Например, так любой взрослый горожанин понимает запрещающий смысл красного сигнала светофора.

В противоположность пониманию известного понимание нового (неизвестных ранее фактов, событий, явлений) более развернуто во времени. Такое понимание проходит ряд этапов становления и всегда включено в актуальную мыслительную деятельность (по выяснению причин понимаемого явления, установлению того, как устроена вещь, и т.п.). Далее в этой статье, говоря о понимании, мы будем иметь в виду только понимание нового.

Таким образом, существует понимание, совершающееся без актуального участия мышления, — это понимание-вспоминание.

Второй вопрос, на который нужно ответить: возможно ли мышление без понимания? Необходимость в понимании новых фактов, событий, явлений у человека возникает в тех ситуациях, когда ему что-то неясно, непонятно. Например, для многих людей установление того факта, что если нажать на выключатель, то в комнате зажжется свет, не означает понимания природы электрического света: они не смогут связно ответить на вопрос — почему при нажатии выключателя загорается лампочка? Именно неясность, нераскрытость отношений ситуаций, в которые попадает человек, становится одной из важных предпосылок приобретения такими ситуациями проблемного характера [8]. А проблемная ситуация — это, как известно, исходная точка и побудительная причина развертывания процесса мышления. Следовательно, сначала мышление и понимание связаны друг с другом, так сказать, отрицательной обратной связью: «обратная сторона», антагонист понимания — непонимание становится одним из основных источников возникновения мышления. В процессе мышления знак этой связи меняется на положительный: понимание промежуточных результатов мыслительной деятельности является необходимым условием успешности мышления. Однако это не означает, что человек, например, решающий задачу, понимает все промежуточные результаты решения. Как свидетельствуют многие психологические эксперименты, некоторые фазы процесса мышления закономерно включают понимание испытуемым продуктов мыслительного поиска, в то время как на других фазах понимание отсутствует.

Основная причина того, что не все выявляемые в ходе мыслительной деятельности связи и отношения объекта познания понимаются,

заключается в том, что в процессе мышления субъект сталкивается с препятствиями, трудностями в их соотношении с уже известными связями и отношениями изучаемого объекта. Вследствие этого у испытуемого возникают затруднения с формулированием операционального смысла объекта. Для устранения препятствий субъект должен подумать, почему они появились. А раз так, то установление связи нового с известным также приобретает для него характер мыслительной проблемы. Следовательно, для достижения понимания у человека должен развернуться не какой-то специфический процесс понимания, а мыслительный процесс.

Изложенное выше позволяет дать положительный ответ на второй вопрос: то, что в некоторые моменты мыслительного поиска человек не понимает места, роли выявляемых новых сторон объекта познания в структуре выполняемой им деятельности, следует считать установленным фактом.

Третий вопрос, на который нужно ответить, анализируя соотношения между пониманием и мышлением в познавательной деятельности: существует ли специфический процесс понимания, отличный от процесса мышления, неоднократно изучавшегося в психологических исследованиях [8]? Ответ на этот вопрос, по-видимому, должен быть отрицательным. Многие психологи употребляют выражение «процесс понимания», но используют его скорее в разговорном, обыденном значении, чем строго научном: обычно не указываются критерии, на основании которых понимание определяется как процесс. Отсутствие в научной литературе критериев определения понимания как процесса вынуждает признать, что, вероятно, прав Г.С. Костюк, писавший: «Понимание как процесс, это и есть процесс мышления, направленный на разрешение стоящих перед личностью задач. Нет оснований рассматривать понимание как какой-то особый процесс, отдельный от мышления» (цит. по: [1, с. 72]). Однако Г.С. Костюк, как и многие другие авторы, не ставит вопроса о специфике понимания как мыслительного процесса. Мы попытаемся выявить эту специфику, отвечая на последний вопрос.

Четвертый вопрос формулируется так: можно ли говорить о понимании как специфическом виде мышления (такое утверждение тоже иногда встречается в литературе)? Наиболее очевидное различие между теми видами деятельности, психологический анализ которых по традиции относится к психологии понимания (понимание текстов, картин, поступков людей и т. п.), и деятельностью по решению мыслительных задач состоит в неодинаковости исходных целей субъекта деятельности. При решении задачи наша познавательная цель заключается в том, чтобы преобразовать условия задачи, выявить такие новые

свойства, качества отображенного в ней объекта познания, которые соответствовали бы требуемому ответу. Иначе говоря, при ее решении наша цель состоит в получении новых знаний об объекте, отсутствующих в формулировке условий задачи. Именно такую познавательную цель обычно преследует ученый, отправляясь в научную лабораторию или библиотеку. В этом случае понимание данного, требуемого и искомого оказывается необходимым условием успешного решения мыслительной задачи, а процесс понимания заключается в постепенном переходе от понимания того, что дано и требуется, к пониманию того, что конкретно нужно найти.

В противоположность этому когда мы, например, идем смотреть кинофильм, то не предполагаем, что придется проделывать умственную работу по добыванию знаний, необходимых для понимания его сюжета. Мы надеемся, что эту работу уже проделали и воплотили в фильме кинематографисты. Мы хотим прежде всего усвоить то, что представлено в объекте понимания, т.е. основная познавательная цель похода в кино заключается в понимании того содержания, которое вложили в фильм его создатели. Казалось бы, применительно к таким случаям можно говорить о понимании как особом виде деятельности, не похожем на решение.

Однако, пытаясь определить особенности понимания как специфического вида мышления, отличного от решения задач, психолог сталкивается с непреодолимой трудностью. Она состоит в том, что, и понимая, человек вынужден решать мыслительную задачу. Очень часто мы оказываемся в таком положении, когда первоначальной целью нашей деятельности является понимание факта (события, явления), но он оказывается настолько сложным, что сразу его понять невозможно. Понимание факта перерастает в самостоятельную мыслительную проблему, без решения которой его понять нельзя. В этом случае у человека происходит трансформация цели: для того чтобы понять, он старается решить мыслительную проблему, задачу — и в результате понимание оказывается как бы вплетенным в решение. Так бывает всегда, когда человек пытается понять сложное произведение искусства, уяснить инструкцию к новому электроприбору и т.п. Причина тут в том, что подлежащие пониманию свойства объекта обычно не лежат на поверхности, не явно заданы, а раскрываются только в ходе мыслительной деятельности. Естественно, что раскрытие понимаемых свойств объекта требует от субъекта решения задачи. Неудивительно, что в таких случаях понимание и решение так тесно переплетаются, что различить их по тем целям, с которыми люди приступают к деятельности, практически невозможно.

Таким образом, несмотря на исходную различную направлен-

ность интеллектуальной активности человека в двух обсуждаемых типах познавательных ситуаций, и при решении, и при понимании, мыслительная деятельность осуществляется в одном общем направлении — направлении решения некоторой мыслительной задачи. Во всех ситуациях, требующих от субъекта понимания нового материала, этот психологический феномен вначале возникает для него как мыслительная проблема. Понимание осознается человеком как непонимание, т.е. осознание того, что я не знаю чего-то такого, что нужно для выхода из создавшейся проблемной ситуации. Это, как известно, исходный пункт мыслительной деятельности. Затем, переосмысливая проблему, накапливая новые знания об отраженной в ней реальности, человек постепенно приходит к решению и пониманию. При этом этапы понимания, его уровни — от недифференцированного понимания проблемы в целом ко все более дифференцированному и глубокому — соответствуют этапам решения [1, с. 78]. Из изложенного следует, что нет оснований для утверждения, что понимание может быть специфическим видом мышления. Понимания как отдельного вида мышления не существует, оно всегда является компонентом, одним из процессов мышления.

Мышление человека представляет собой познавательную деятельность, в ходе которой субъект, взаимодействуя с объектом, выявляет некоторые неизвестные ранее стороны, свойства последнего, получает новые знания об объекте. Однако понимание как компонент мышления имеет непосредственное отношение не к выявлению новых знаний о действительности, а к их усвоению (путем соотнесения отраженных в знании известных и новых сторон познаваемого объекта). Понимание — это осмысление отраженного в знании объекта: понимание представляет собой формирование смысла знания в процессе действия с ним [10]. Действуя, мысленно преобразуя представленный в знании фрагмент действительности, субъект выходит за его непосредственные границы.

Например, ученик решает геометрическую задачу о равнобедренном треугольнике. В какой-то момент решения он вдруг понимает, что отрезок прямой, который он считал только биссектрисой, одновременно является и медианой. Понимание, безусловно, возникает в результате выявления нового свойства отрезка, соединяющего вершину угла с противоположной стороной треугольника, а именно: делить пополам не только угол, но и сторону. Новое знание об отрезке, конечно, оказывается важной составляющей процесса решения задачи. Однако суть понимания все-таки составляют действия по соотнесению нового для ученика свойства отрезка (делить пополам сторону) с уже известным свойством (делить пополам угол). Понимание наступает в тот

момент, когда у ученика изменяется операциональный смысл задачи, т.е. возникает отличное от первоначального познавательное отношение к отрезку. Только выход за пределы известного, рассмотрение отрезка в другой системе отношений, связей приводят к формированию у субъекта нового понимания задачи (ее структуры и возможных действий по преобразованию структуры).

Познавательное отношение, определяющее смысл задачи и ее элементов для решающего, конкретно проявляется в характере мыслительных действий с содержанием понимаемого. Последние направлены на выход за рамки содержания, включение понимаемого фрагмента действительности в более обобщенную картину мира. К таким действиям относятся догадки о причинных связях элементов задачи и выводы о последствиях, к которым могут привести различные преобразования ее структуры; предположения о замыслах соперника при игре в шахматы или о целях автора текста. В частности, основная идея прочитанного на уроке литературы рассказа, его смысл для ученика обычно заключается не в сюжете художественного произведения, а в том выводе, который он делает при сопоставлении фактологического содержания прочитанного со своими знаниями, установками, мнениями.

Характерная особенность понимания как компонента мышления состоит в том, что в различных познавательных ситуациях понимание человеком фактов, событий, явлений имеет неодинаковую психологическую природу. Иначе говоря, в разных ситуациях проявляются отличающиеся друг от друга формы понимания. Анализ научной литературы позволяет утверждать, что в индивидуальной деятельности наиболее значимыми для формирования понимания являются три познавательные процедуры, три вида мыслительных операций и действий: узнавание знакомого в новом материале; прогнозирование, выдвижение гипотез о прошлом или будущем объекта, ситуации которую необходимо понять; объединение элементов понимаемого в целое. Каждый вид мыслительных операций и действий играет ведущую роль в психической деятельности решающего задачу человека преимущественно в одном специфическом классе познавательных ситуаций. Осуществление субъектом именно таких операций и действий способствует порождению у него соответствующей формы понимания объекта познания — понимания-узнавания, понимания-гипотезы или понимания-объединения. Рассмотрим кратко психологическое своеобразие каждой формы понимания и те ситуации, в которых они возникают.

Очень часто понимание фактов (событий, явлений) носит констатирующий характер: субъект ограничивается узнаванием факта, актуализацией его смысла, сформированного в прошлой мыслительной

деятельности. При этом он даже не пытается рассмотреть понимаемый факт в более широком контексте, как-то его оценить, определить причины его появления и т.п. Например, так бывает, когда мы утром просматриваем газету, не имея времени и желания прочитать ее внимательно; или, проходя по улице и услышав обрывок разговора о событиях недавно показанного по телевидению фильма, мы понимаем, какой именно фильм обсуждается, но не придаем разговору никакого значения, продолжая думать о своем. Понимание в таких случаях представляет собой ответ на вопрос «что это такое?» (независимо от того, осознается вопрос субъектом или нет). В результате у человека «в уме» воссоздается та предметная ситуация, в которую включен требующий понимания факт. Иначе говоря, понимается только то, обозначением какой предметной ситуации или абстрактного понятия является объект понимания — какова фабула рассказа, сюжет картины и т.п. Ведущей познавательной процедурой в мыслительной деятельности субъекта в подобных случаях является узнавание, поэтому понимание такого рода я назвал пониманием-узнаванием.

В работах психологов, предметом анализа которых было понимание в процессе решения задачи, получено немало данных о том, что узнавание является необходимым условием понимания задачи, одним из важнейших компонентов процесса ее решения. И.С. Якиманская обнаружила, что в процессе решения геометрических задач для понимания учащимися чертежа и условий задачи они должны узнать «взаимопроникающие» геометрические фигуры, т.е. такие, которые имеют часть общей площади — общие стороны, углы [11]. Н.Д. Левитов считал, что при решении технических задач элементы распознавания составляют основу понимания структуры целого механизма. После распознавания структуры человек начинает думать о том, как работает этот механизм, для чего он предназначен [6]. В.А. Моляко отмечает, что уже при общем ознакомлении с условием конструкторской задачи «для испытуемого важно прежде всего понять общий смысл задачи, чтобы дать ей предварительную оценку; после первой попытки узнавания он решает, знакома ему задача или нет (оценка по типу «решал — не решал»)» [7; 24]. Во всех этих случаях решающие отчетливо осознавали конкретные ситуации задачи и могли объяснить, что именно они узнали, поэтому можно сделать вывод о возникновении у них понимания-узнавания.

Понимание-гипотеза в мышлении человека реализуется в двух разновидностях, обусловленных различием в типах познавательных ситуаций, детерминирующих мыслительную деятельность, становление данной формы понимания. Одни познавательные ситуации характеризуются тем, что в них представлены обстоятельства, окружающая

среда какого-либо предмета, выступающего в роли объекта познания. Однако сам предмет не представлен явным образом, а лишь подразумевается. В этом случае предмет оказывается неизвестным решаемой субъектом мыслительной задачи. Например, в такой ситуации оказывается студент, опоздавший на лекцию и пытающийся понять по словам лектора, какова ее тема; ученый, стремящийся понять значение нового, неизвестного термина, часто встречающегося в статье, в которой все остальные слова и термины ему знакомы. В других ситуациях явным образом представлены и события-предметы познания, и обстоятельства их совершения, однако глубокое понимание такой ситуации предполагает не простую констатацию фактов, отражение событий в психике субъекта. Глубокое понимание подобных ситуаций предполагает осознание человеком или причин, вызвавших наступление событий, или последствий, к которым они могут привести (а иногда — того и другого вместе). В частности, понимание любой шахматной позиции — это не только отражение наличного расположения фигур, но прежде всего прогнозирование возможных из данной ситуации ходов, т.е. осуществление выводов.

Во всех указанных случаях основное содержание мыслительной деятельности познающего субъекта составляют интеллектуальные действия по прогнозированию, поиску неизвестного. Характер совершенных прогнозов и обуславливает выдвижение гипотезы о том, что представляет собой неизвестное анализируемой познавательной ситуации — какой именно предмет, причина события, следствие и т.п. Понимание-гипотеза объекта познания всегда возникает на основе вполне определенного предположения, гипотезы. Становление данной формы понимания представляет собой процесс такого сопоставления гипотезы с реальностью, в результате которого они, по мнению субъекта, «совпадают». Например, результатом понимания гипотезы оказывается следственная версия: на основе имеющихся фактов, в начале расследования обычно малочисленных, следователь выдвигает гипотезу о том, кто и как совершил преступление. В экспериментальной психологии мышления есть много фактов, указывающих на важную роль гипотез в становлении понимания испытуемым решаемой задачи. В частности, В.А. Моляко, обсуждая роль понимания в решении конструкторских задач, пишет: «... процесс понимания содержит в себе выдвижение и решение гипотез, необходимых решающему субъекту для того, чтобы понять конкретные условия» [7, с. 24].

Таким образом, понимание-гипотеза оказывается более сложной формой понимания, чем понимание-узнавание. Для становления последнего достаточно мыслительных операций и действий, обеспечивающих узнавание смысла познаваемого объекта. Формирование пони-

мания-гипотезы требует от субъекта не только осмысленного узнавания объекта, но и выдвижения гипотезы о характере его окружения (например, контексте предложения — объекта понимания).

Понимание-объединение возникает в тех ситуациях, где для понимания человеку необходимо мысленно собрать все составляющие ситуации, объединить элементы понимаемого в целое. При этом неизвестным решаемой субъектом задачи оказывается способ объединения отдельных частей, фрагментов ситуации (которые сами по себе, вне контекста данной ситуации не представляют трудностей для понимания) в целостную структуру. В частности, понимание-объединение должно быть результатом мыслительной деятельности инспектора ГАИ, расследующего дорожную аварию. Прибыв на место столкновения двух автомобилей, он осматривает обе машины, измеряет их тормозной путь, опрашивает свидетелей — и все это для того, чтобы воссоздать целостную картину происшествия. Немыслима без понимания-объединения и успешная работа историка, который по имеющимся в его распоряжении разрозненным фактам пытается восстановить по возможности полную картину некоторого исторического события.

Данные психологии мышления подтверждают мое предположение о том, что понимание-объединение представляет собой самую сложную из трех перечисленных форм анализируемого феномена. Эта форма включает в себя мыслительные операции и действия, вносящие решающий вклад в образование первых двух форм понимания. Данные психологии мышления свидетельствуют о том, что в познавательных ситуациях, требующих от субъекта умения структурировать части в целое, узнавание и прогнозы (гипотезы) служат средством, способом объединения анализируемых разрозненных элементов решаемой задачи в единую структуру. Например, С.А. Жекулин, исследуя понимание человеком устройства незнакомого прибора, пишет: «Предположения, которые он делает (правильные или неправильные), являются попытками найти общую систему взаимодействия между частями прибора, т.е. попытками общего синтеза. В соответствии с имеющейся у него гипотезой испытуемый пытается истолковать назначение всех частей, которые он считает более или менее важными» [2, с. 454]. В этом случае прогнозы, предположения оказываются как бы функциональными мостиками между частями прибора, которые испытуемому для понимания нужно связать в целое.

Понимание-объединение в решении обычно проявляется на завершающих фазах мыслительного поиска. Основой для его формирования оказываются предыдущие мыслительные действия решающего субъекта: выдвижение гипотез, осмысление элементов задачи, установление связей между ними и т.п. Г.Д. Пирьев, изучая понимание и

гипотезы в процессе решения технических задач, пишет: «При монтаже процесс понимания выражался в осмыслении значения отдельных частей как составных элементов целого, в нахождении места каждой части в целом и определении ее отношения к другим частям» [9, с. 23]. Очевидно, что описываемый психологический феномен соответствует пониманию-объединению.

Выводы

1. Понимание не является принципиально отличным от мышления самостоятельным психическим процессом. Понимание — это компонент мышления, один из образующих его процессов. Понимание обеспечивает установление связи раскрываемых новых свойств объекта познания с уже известными субъекту, формирование операционального смысла новых свойств объекта и определение их места и роли в структуре мыслительной деятельности.

2. Для понимания нового материала (незнакомых фактов, событий и т.д.) человек всегда должен решить определенную мыслительную задачу, так как формирование понимания нового происходит в процессе мыслительной деятельности и оказывается ее результатом. Когда же субъекту нужно понять уже известное событие или явление, то понимание совершается без актуального участия мышления — это понимание-вспоминание. Любая форма данного психологического феномена при повторном обращении субъекта к породившей ее познавательной ситуации превращается в понимание-вспоминание.

3. Одни и те же три формы понимания проявляются и в таких видах мыслительной деятельности, в которых понимание составляет основное психологическое содержание, и в таких, где оно играет вспомогательную роль, оказывается компонентом деятельности. И в том и в другом случае для возникновения анализируемого феномена человек должен решить некоторую мыслительную задачу. То, какая форма понимания возникает у субъекта в конкретной ситуации, обусловлено прежде всего характером мыслительной деятельности: тем, в какие объективные обстоятельства, требующие понимания, попадает человек и какую задачу он решает в этих обстоятельствах.

Литература

1. Добраев Л.П. Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания. М.: Педагогика, 1982.
2. Жекулин С.А. Процессы понимания устройства механизмов // Материалы совещания по психологии. М., 1957. С. 452—458.
3. Знаков В.В. Основные направления исследования понимания в зарубежной психологии // Вопросы психологии. 1986. № 3. С. 163—171.

4. Костюк Г.С. О психологии понимания // Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1988.
5. Кудрина Т.С. Уровни понимания учащимися смысла задачи // Научно-практические проблемы школьной психологической службы. М., 1987. С. 140-144.
6. Левитов Н.Д. Психология труда. М.: Учпедгиз, 1963.
7. Моляко В.А. Психология конструкторской деятельности. М.: Машиностроение, 1983.
8. Мышление: процесс, деятельность, общение / Под ред. А.В. Брушлинского. М.: Наука, 1982.
9. Пирьев Г.Д. Понимание и гипотеза в процессе решения технической задачи // Вопросы психологии. 1975. № 1. С. 22—29.
10. Тихомиров О.К., Знаков В.В. Мышление, знание и понимание // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1989. № 2. С. 6—16.
11. Якиманская И.С. Восприятие и понимание учащимися чертежа и условий задачи в процессе ее решения // Применение знаний в учебной практике школьников. М., 1961. С. 54—137.
12. Basic processes in reading: Perception and comprehension / Ed. by Leberge D., Samuels S.J. New Jersey, 1977.
13. Bruschlinski A.W., Tichomirow O.K. Zur Psychologie des Denkens. Berlin, 1975.
14. Cognition and symbolic processes / Ed. by Weimer W.B., Palermo P.S. New Jersey, 1974.
15. Gilhooly K.J. Thinking: directed, undirected and creative. L., 1982.
16. Krause W. Problemlosen-Stand und Perspektiven. Teil 2 // Zeitschrift für Psychologie. 1982. Band 190. Heft 2. S. 141-169.

ПОНИМАНИЕ ТЕКСТА КАК ПРОЦЕСС ПОСТАНОВКИ И РЕШЕНИЯ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ЗАДАЧИ

Опубликовано: Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1991. № 3. С. 17-26 (в соавторстве с О.К.Тихомировым).

Проблема. В современных работах, посвященных анализу психологического феномена понимания, предметом исследования чаще всего оказываются разнообразные тексты на естественном языке — наиболее универсальные объекты понимания. Эта универсальность проявляется в том, что во время осмысленного чтения субъект осуществляет комплекс мыслительных операций и действий, на отдельных сторонах которого концентрируют свое внимание исследователи, придерживающиеся разных взглядов на проблему понимания. Для уяснения смысла письменной речи читатель должен иметь и актуализировать во время чтения модель описываемой в тексте предметной области; он должен знать язык, на котором написан текст, уметь делать корректные с логической точки зрения умозаключения по поводу написанного и т.п. Важными составляющими интеллектуальной деятельности читателя являются процессы целеобразования. Разные познавательные цели деятельности способствуют фокусированию внимания на принципиально различных аспектах содержания читаемого. Вследствие этого один и тот же текст может пониматься неодинаково разными испытуемыми [8]. Характер понимания прочитанного непосредственно зависит не только от той цели, с которой человек приступил к чтению, но и от того, как эта цель преобразуется в ходе деятельности. Следовательно, нельзя изучать понимание, игнорируя процессы целеобразования.

Обычно познавательная цель читателя состоит в понимании описанных фактов, событий, явлений, а также их возможных, но не выраженных явно в тексте причин и следствий. Именно последние чаще всего определяют смысл текста для читателя. Однако только банальные тексты легко понимаются и не требуют серьезной умственной работы. Нередко событие, описанное в художественном произведении или научной статье, оказывается настолько сложным, что его понима-

ние перерастает для субъекта в самостоятельную мыслительную проблему и ведет к временной трансформации исходной цели: для того чтобы понять событие, необходимо решить мыслительную проблему, т.е. понимание текста оказывается как бы вплетенным в мыслительную деятельность по решению задачи.

Представление о понимании как решении мыслительной задачи разделяют и советские, и зарубежные психологи. Л.П. Добраев [1] изучает понимание текста как последовательное выявление и разрешение проблемных ситуаций; Г.Г. Кларк утверждает, что «понимание лучше всего мыслимо как решение проблем» [5, с. 244]; Д. Е. Румельхарт пишет, что понимание эпизода, представленного в тексте, предполагает решение задачи установлении структуры понимаемого эпизода [там же, с. 268]; аналогичную мысль высказывают Д.Д. Брансфорд и Н.С. Маккаррелл: для понимания отношений действительности, отображенных в предложении, человек должен решить задачу создания ситуации, в которой эти отношения были бы «подходящими» [6]. Таким образом, в современной науке весьма распространена точка зрения, согласно которой; психологический механизм понимания сводится к решению мыслительной задачи. Однако при этом специалисты по проблеме понимания фактически игнорируют стадию инициации мыслительной деятельности — процессы целеобразования и постановки задач. Соответственно не рассматривается и то, какие именно типы мыслительных задач решаются читателями и детерминируют появление у них конкретных форм понимания текста (о формах понимания см.: [3]).

Проведенное нами экспериментальное исследование было направлено на то, чтобы, во-первых, показать, что в зависимости от формулируемой цели и типа решаемой задачи у читателя могут возникать разные формы понимания одного и того же текста; во-вторых, изучить целевую динамику становления и развития форм понимания в мыслительной деятельности испытуемого.

Методика. Каждому из 16 испытуемых (инженеров и психологов) предъявлялись отдельные предложения из следующего текста. (Цифры в скобках отражают порядок предъявления предложений, но на карточке, даваемой испытуемому, цифра отсутствовала).

«Отправившись на «Москвиче» в театр, Савельев увидел около парка девушку, стоявшую у края дороги подняв руку (5). Вспомнив недавнее неприятное объяснение с инспектором ГАИ, он не остановился (3). Затем по ассоциации он вспомнил то неприятное чувство, которое охватило его неделю назад, когда, увлекшись фотографированием памятника, он неожиданно услышал голос милиционера (2): «Моло-

дой человек, вы стоите на газоне» (2а). «Услужливая» память, нанизывая неприятности одна на другую, вызвала из небытия и эпизод его последней командировки в Астрахань: поезд резко дернулся как раз в тот момент, когда он передавал стакан с чаем ехавшему с ним в одном купе его начальнику, с которым у Савельева никак не «складываются» отношения (6). Неудивительно, что, подъезжая к театру, Савельев был уже в весьма мрачном расположении духа (1). Остановившись у подъезда, он обнаружил, что театр закрыт, но вместо досады неожиданно для себя испытал чувство удовлетворения» (4).

Задача испытуемого на *первом этапе* эксперимента заключалась в том, чтобы рассказать, о чем, по его мнению, идет речь в предложении, в чем смысл прочитанного. Предполагалось, что рассказ о том, что отсутствует в явном виде в стимульном материале, но подразумевается испытуемым на основании его опыта и знания социальной действительности, станет вербальным выражением смысла прочитанного для субъекта.

Каждое из шести предложений, взятое вне контекста, имеет неопределенный характер: в нем не указаны причины и следствия описываемых событий (например, почему закрыт театр, пролил ли герой чай, подвез ли он девушку и т.д.). Для глубокого понимания таких предложений читатель должен обратить внимание на нераскрытость причинно-следственных связей описываемых ситуаций и начать выдвигать предположения об их характере. Процедура экспериментов была построена с таким расчетом, что после прочтения и предварительного уяснения содержания предъявляемого предложения его понимание будет углубляться если не по собственной инициативе испытуемого, то, по крайней мере, в результате побуждающих вопросов экспериментатора («Задумываетесь ли Вы над тем, в каких обстоятельствах Савельев вспомнил про эпизод с чаем?», «Есть ли у Вас какое-нибудь представление о том, почему он объяснялся с инспектором ГАИ?» и т.п.).

На *втором этапе* испытуемый должен был сказать, составляют ли предъявлявшиеся предложения связный текст, и затем, не глядя на карточки с предложениями, по памяти рассказать о прочитанном, связывая в целое либо все предложения, либо группы по два-три предложения.

Наконец на *третьем этапе* испытуемого просили сделать то же самое, но глядя на карточки и передвигая их по столу.

Результаты и обсуждение. Эксперименты обнаружили, что по способу понимания предложений испытуемые разделились на две группы. У большинства из них (11 человек, группа А) проявилась тенденция к нерасчлененно-обобщенному первичному (т.е. сразу после прочтения) пониманию предложений. У этих испытуемых понимание основывалось на представлении хотя и целостной картины описываемых собы-

тий, но, как правило, неполной, с выпадающими существенными деталями. У других испытуемых (5 человек, группа Б) понимание основывалось на почти мгновенном представлении не только описываемой ситуации, но и некоторых ее возможных причин и следствий. Опишу характерные особенности испытуемых обеих групп.

1. Испытуемые группы А при первоначальном прочтении предложения ограничивались узнаванием описанных событий, а их причины и следствия не конкретизировали. Они выделяли в высказывании только ту мысль, которую считали единственной или, по крайней мере, основной. Для понимания этой мысли они находили в памяти подходящий фрейм — обобщенную структуру знаний, описывающую ситуацию, похожую на данную в предложении. Затем сопоставляли обе ситуации и удовлетворялись, если находили сходство между ними.

По реакции на побуждающие вопросы экспериментатора испытуемые группы А разделились на две подгруппы.

Шесть испытуемых, образовавших подгруппу А1, воспринимали предложения как отдельные, не связанные друг с другом, а некоторые даже утверждали, что так было указано в инструкции (чего на самом деле не было). Они всего лишь констатировали факты, изложенные в прочитанных предложениях.

Гипотезы и предположения (являющиеся, как известно, одним из основных способов получения новых знаний о ситуации) высказывались испытуемыми подгруппы А1 только вследствие побудительных вопросов экспериментатора. Они выдвигали несколько объясняющих гипотез (например, о причинах мрачного расположения духа Савельева: с кем-то поссорился, что-то неприятное ждет его в театре, он автор провалившейся пьесы и т.п.), но не анализировали их правдоподобие и соответствие обстоятельствам предъявленной ситуации. Гипотезы перечислялись как равновероятные, и даже не было попыток решить, какая из них наиболее соответствует прочитанному. Очевидно, что предположения делались исключительно в ответ на требование экспериментатора. В результате актуализированные посредством гипотезы новые знания о предметной ситуации как бы «повисали в воздухе» и не становились источником более глубокого осмысления прочитанного, а процесс понимания затухал, практически не начавшись.

Таким образом, одни испытуемые подгруппы А1 просто не осознавали, что упустили из виду существенные аспекты содержания предложения (например, почему закрыт театр). Другие хотя и осознавали это, но вследствие установки на «объективность» понимания не считали правомерным анализировать эти аспекты, «фантазировать». (Исп. И. С: «Ну какой смысл ставить вопрос, остановился ли Савельев, чтобы подвезти девушку? Он теоретически-то возможен, но смысл-то

в нем какой?»). Вследствие этого у них не возникало чувства непонимания, побуждающего глубоко осмыслить прочитанное: предложение воспринималось как вполне понятное. Естественно, что и целостное представление о тексте у них не формировалось: пытаясь пересказать содержание предложений на втором этапе эксперимента, они в лучшем случае связывали в целое два-три предложения, рассматривая остальные как отдельные, взятые из других текстов. И лишь на третьем этапе в результате дополнительной мыслительной работы некоторым членам подгруппы А1 удавалось правильно составить текст.

Субъективное чувство понятности прочитанного, отсутствие причинных вопросов, направленность на «объективность» понимания все это свидетельствует о том, что испытуемые подгруппы А1 трактуют основное требование инструкции (объяснить, в чем смысл прочитанного) таким образом, что на его основе формулируют и решают *задачу на распознавание*. Как отмечает Ю.Н. Кулюткин, классифицирующий мыслительные задачи в зависимости от характера требуемого и искомого, и качестве искомого задачи на распознавание «выступают свойства некоторого объекта, необходимые для отнесения его к конкретной категории, причем сам объект имеется в наличии» [2, с. 92]. Именно узнаваемость описываемой ситуации служит основой для возникновения в сознании субъекта *понимания-узнавания* [3] содержания предложения. Наиболее существенное влияние на становление понимания-узнавания оказывает известная из прошлого опыта и актуализируемая в момент чтения предметная ситуация, с которой соотносятся события предложения. Эта предметная ситуация становится тем образом, логическая связь с которым и познавательное отношение к которому порождает у субъекта операциональный смысл понимаемого. Испытуемые подгруппы А1 видят свою задачу именно в нахождении тех свойств отображенной в предложении объективной ситуации, которые позволяют узнать ее, отнести к известному фрейму. Естественно, что поскольку они решают задачу на распознавание, то результатом не может быть никакая другая форма понимания, кроме понимания-узнавания.

Иная стратегия осмысления читаемого наблюдалась у пяти испытуемых подгруппы А2, обнаруживших в ходе эксперимента, что им предъявляются предложения из связного текста. Рассмотрим ее на примере испытуемого А. Д.

После однократного прочтения предложения, обнаруживающего понимание узнавание его содержания, А. Д. начинает «прокручивать разные варианты», чтобы, как он говорит, «получить более четкое представление». Анализ, проводимый А. Д., включает: 1) выдвижение гипотез о причинах и следствиях описываемых событий, а именно попытки «представить прочитанное в виде целостной динамической

картины развития событий»; 2) попытки рассматривать внутреннюю динамику ситуации с позиции ее героя; 3) постановку себя на место героя, сравнение, оценку правдоподобия выдвинутых гипотез «исходя из личного опыта и мировоззрения»; 4) поиск связей высказываний (начиная со второго предложения), стремление определить характер отображенной в данном предложении ситуации, опираясь на знания о ситуациях, описанных в предыдущих.

Однако до тех пор, пока А. Д. не обнаружил, что ему предъявляются фрагменты связного текста (это произошло при чтении предложения 2а), развернутый разноплановый анализ ситуации скорее препятствует появлению у него какой-то определенной формы ее понимания. Испытуемого не удовлетворяет первоначальное понимание-узнавание предложения как весьма поверхностное, оставляющее без ответа многие вопросы. Вместе с тем у него не формируется и понимание-гипотеза, поскольку в основе последнего обычно лежит предположение, не подвергаемое субъектом сколько-нибудь серьезному сомнению. А.Д. тщательно анализирует каждую выдвигаемую гипотезу и всегда (из-за неопределенности самого предложения) приходит к выводу, что нет достаточных оснований для безусловного ее принятия. В результате, хорошо представляя возможные варианты, допустимые компоненты осмысливаемой ситуации, он не воссоздает целостную картину описываемых событий, т.е. фактически не понимает прочитанное достаточно ясно. Поскольку А.Д. не принимает окончательного решения о соответствии предложения какому-либо конкретному фрейму, у него накапливаются только как бы отдельные «заготовки» для будущей полной картины. Воссоздание картины осуществляется позднее посредством операций и действий, направленных на объединение элементов ситуации, отраженных в разных предложениях.

До момента осознания связности текста испытуемый получает новые знания о ситуации путем сопоставления ее компонентов с реальными, известными из жизненного опыта условиями осуществления подобных ситуаций. Например, поскольку герой объяснялся с инспектором ГАИ, а не со следователем, значит, в предложении подразумевается не преступление или крупная авария, а незначительное нарушение правил дорожного движения. Каждый вывод, подытоживающий очередной шаг осмысления материала, как бы достраивает новую ступеньку на переходе от явного (представленного в предложении) знания к неявному, только подразумеваемому. В приведенном примере это: инспектор ГАИ — авария — следователь — нарушение правил движения.

Однако как только испытуемый решает, что предложения взяты из одного текста, у него изменяется цель деятельности: он начинает искать смысловую связь между предложениями. Одновременно появляется

и дополнительный источник новых знаний: теперь ответы на вопросы, возникающие при осмыслении данного предложения, он ищет в предыдущих, пытаясь найти антецедент читаемого в уже прочитанном. В результате испытуемый находит обобщенный фрейм, объединяющий знания обо всем прочитанном ранее: «Вот я могу, например, в предложении 3 предполагать, что все это связано между собой в том плане, что этот самый Савельев взял и наехал на газон, стал фотографировать памятник. К нему подошел инспектор ГАИ и сделал замечание, что он встал на газон своей машиной». Далее незамедлительно следует критическое переосмысление этого, казалось бы, вполне подходящего для объяснения прочитанного фрейма. Переосмысление приводит к созданию нового, более правдоподобного фрейма, но тоже обобщенного, построенного из «кирпичиков» знаний, полученных из предыдущих предложений. Но поскольку после прочтения трех, четырех и даже пяти предложений объективно содержащихся в них сведений еще недостаточно для верного воспроизведения полной картины происшедшего, то новый фрейм содержит либо пропуски, либо противоречивые детали. Они и становятся предметом наиболее пристального внимания и осмысления.

Последовательный переход от фреймов, формирующихся при чтении одного предложения, к более обобщенным, возникающим при анализе следующих предложений и полнее отражающим содержание уже не фрагментов, а целого текста, — такова стратегия всей последующей мыслительной деятельности испытуемого А. Д. Данная стратегия отражает динамику становления у него *понимания-объединения* [3]. Окончательное формирование понимания-объединения текста происходит на втором этапе эксперимента, когда во время пересказа всего прочитанного субъект полностью воссоздает картину описанных событий.

Стратегию формирования понимания-объединения было бы неверно считать простым поступательным процессом выявления новых сторон, причинно-следственных связей понимаемой ситуации. Еще до обнаружения взаимосвязи предложений сложность и диалектическая противоречивость понимания отражается в существовании перечисленных выше других трех планов анализа читаемого, в которых испытуемый нередко рассматривает диаметрально противоположные точки зрения на ситуацию. Когда же связь обнаруживается, процесс понимания еще больше усложняется и начинает протекать одновременно как бы в двух встречных направлениях.

С одной стороны, анализ различных компонентов ситуации требует выдвижения и проверки гипотез. Гипотезы, вызывая из памяти объясняющий фрейм или выстраивая его из «кирпичиков», служат объединению элементов понимаемого в целостные структуры. С другой стороны, целое оказывает обратное влияние, способствуя прояснению неясных компо-

нентов анализируемой ситуации. В частности, как только субъект создает фрейм, объединяющий данное и предыдущее предложения, у него изменяется представление о причинно-следственных связях предыдущей ситуации: он начинает высказывать новые предположения о ее прошлом и будущем. Такое обратное влияние наблюдалось у А. Д. вплоть до завершающей стадии осмысления читаемого: начиная пересказывать прочитанное на втором этапе эксперимента, он еще не мог ответить на некоторые частные вопросы, но к концу рассказа ему было уже все ясно. Взаимодействие и взаимодополнение двух «встречных потоков» осмысления материала и отражает динамику понимания в ходе мыслительной деятельности.

Тем не менее отметим, что как бы сложен и неоднозначен не был психологический механизм формирования понимания-объединения, проведенные эксперименты позволяют усмотреть его центральное звено, т.е. ту составляющую мыслительного процесса, которая играет наиболее значительную роль в порождении разнообразных операциональных смыслов, становлении понимания. У А. Д., как, впрочем, и у других испытуемых подгруппы А2, такой составляющей оказалось действие, названное Г.Кларком [7] «наведение мостов» (bridging). Его суть сводится к попыткам найти отправную точку для понимания читаемого предложения в контексте предыдущего материала. Прочитав новое предложение, испытуемый сначала пытается найти у себя в памяти объясняющий его содержание фрейм. Потерпев неудачу, т.е. обнаружив, что описанные в предложении события не подходят ни к одному из вариантов ожидаемого контекста, он меняет тактику. Теперь он начинает рассматривать данное предложение как результат чего-то сказанного ранее и ищет антецедент читаемого в уже прочитанном. Такая процедура обратного вывода дает положительный результат: не найдя в памяти объясняющего фрейма, субъект сам выстраивает его, опираясь на объединенный фонд имеющихся знаний. Последующее переосмысление фрейма влечет построение нового, хотя и обладающего большими объяснительными возможностями, но созданного тем же путем. В конце этого пути — окончательное формирование понимания-объединения текста.

Испытуемый А.Д. является наиболее ярким представителем подгруппы А2. Общая стратегия понимания у остальных членов этой подгруппы такая же, их протоколы отличаются лишь деталями: иногда в них отражаются не все четыре плана анализа читаемого, не так ясно осознаются и формулируются вопросы. Короче говоря, процесс понимания у этих испытуемых более свернут и менее вербализован.

Анализ указанной стратегии убеждает в том, что для понимания читаемого испытуемые решают *задачу на конструирование* [2]. Они рассматривают каждое предъявляемое предложение как компонент некоторой пока неизвестной структуры (текста), для нахождения

которой нужно решить мыслительную задачу. Искомым решаемой задачи, определяющим характер будущего понимания, является способ объединения компонентов в целостную структуру. Нахождение и применение указанного способа и знаменует появление у субъекта понимания-объединения материала. От чтения второго предложения, когда у испытуемых обычно возникает первичное понимание-объединение, до чтения шестого субъект постоянно переосмысливает способ «сборки» частей в целое. Соответственно и понимание-объединение проходит путь от первоначального, еще во многом противоречивого и неполного, до окончательного, адекватно отражающего содержание текста. Такова динамика решения задачи на конструирование.

Таким образом, начав одинаково — с понимания-узнавания отображенных в предложениях предметных ситуаций — обе подгруппы испытуемых (А1 и А2) в дальнейшем формулируют разные цели, решают разные задачи и потому достигают неодинаковых форм понимания. Менее интеллектуально активные так и удовлетворяются решением задачи на распознавание, результатом которой оказывается обобщенное, неконкретное понимание материала. Другие, реагируя на побуждающие вопросы экспериментатора, изменяют свое первоначальное понимание инструкции, ставят перед собой задачу на конструирование и решают ее, т.е. достигают уровня понимания-объединения.

II. Обратимся теперь к протоколам пяти испытуемых группы Б. У членов этой группы сразу же возникали конкретные предположения о недостающих компонентах описываемой ситуации, на основе которых формировалось понимание-гипотеза содержания прочитанного. Нередко испытуемый создавал такую полную гипотетическую картину событий, что за исключением отдельных деталей ему все было ясно. Однако чаще фрейм, актуализируемый выдвинутой гипотезой, хотя и вызывал чувство понятности предложения, но тем не менее требовал конкретизации, дополнительного обдумывания некоторых деталей. В этом случае явно прослеживалась детерминация направления мыслительного поиска той целостной структурой, которая изначально определяла характер формирующегося понимания-гипотезы. (Исп. В. К. о предложении 3: «Да я в общем-то все сразу вижу. Я не могу в голове какой-то неопределенности переносить и у меня сразу картинка возникает. А потом она дополняется: вот ты задаешь вопросы — я опять еду на машине, смотрю по сторонам, что я могу там увидеть?»). Последующее развитие понимания-гипотезы происходило по пути уточнения и обоснования актуализированного объяснительного фрейма. Испытуемые не делали попыток проанализировать описанную ситуацию, выдвинуть другие правдоподобные гипотезы о ее прошлом и будущем (по отношению к моменту, отображенному в данном предложении).

Таким образом, испытуемым группы Б свойственно осмысливать, анализировать только узкую область причинно-следственных связей ситуации, определяемую наличным фреймом. Почему же они обращают внимание на одни возможные связи и игнорируют другие? Как это ни парадоксально, одна из причин ограничения числа рассматриваемых гипотез заключается в отчетливом представлении описываемых событий. Испытуемые говорят, что хорошо представляют (и действительно могут описать) основные компоненты предложенной ситуации. Однако наличие зрительного образа-картины, в котором присутствуют одни конкретные детали, но отсутствуют другие, оказывает тормозящее влияние на осмысление зрительно не представляемых компонентов ситуации. (В. К.: «Но я не додумалась про газон, потому что я представила памятник Пушкину у «России», а там этого газона нет»). Следовательно, тип гипотезы определяет характер осмысления компонентов понимаемой ситуации, непосредственно влияет на процессы порождения смыслов, образующих структуру мыслительной деятельности понимающего субъекта (подробнее о соотношении «смысла», «понимания» и «мышления» см.: [4]).

Анализ мыслительной деятельности испытуемых группы Б убеждает в том, что они видят свою задачу в обосновании изначально возникших у них представлений о сути описываемого. Другими словами, для формирования понимания-гипотезы им приходится решать *задачу на объяснение, доказательство* [2]. Они доказывают себе и экспериментатору, что предлагаемая ими предметная ситуация позволяет непротиворечиво объяснить содержание прочитанного.

Каковы же принципиальные различия в способах понимания материала у испытуемых групп А и Б? Первые ставят во главу угла анализ, осмысление объекта (описанной ситуации), вторые основное внимание уделяют развитию первоначально высказанного предположения. Вследствие этого в протоколах группы Б легче увидеть, как личностная направленность субъекта порождает неповторимую индивидуальную специфику понимания. Личностный характер мыслительной деятельности, свойственный группе Б, проявляется, во-первых, в том, что понимание изначально определяется субъективной гипотезой-фреймом, отражающей своеобразный опыт субъекта. Во-вторых, из четырех выделенных на группе А планов осмысления предложений в протоколах группы Б преобладают подстановка себя на место героя, а также оценка его личностных качеств, обуславливающих смысловое восприятие им ситуации. (Исп.А.Ш.: «Немного странно, но происходит перенос на себя: я пытаюсь понять, какое это неприятное чувство могло охватить его в данный момент, и поискать это чувство в себе — что может быть?»). Соответственно, направленность мысли-

тельного поиска и тип выдвигаемых гипотез в значительной мере определяются собственным опытом поведения испытуемого в подобных ситуациях, а также его эмоциональным отношением к ним.

Заключение. Эксперименты показали, что на основе одних и тех же требований инструкции испытуемые при понимании одних и тех же предложений преследуют разные цели и формулируют неодинаковые задачи. Возникающая у испытуемого форма понимания определяется прежде всего решаемой им задачей: при решении задачи на распознавание возникает понимание-узнавание, при решении задачи на доказательство — понимание-гипотеза, решая задачу на конструирование, субъект достигает понимания-объединения. Динамика становления и развития понимания в мыслительной деятельности также зависит от формулируемой цели и типа решаемой задачи: чем сложнее задача, тем более развернут процесс понимания, тем полнее его динамика представлена в протоколах. В протоколах испытуемых, решающих задачу на распознавание, очень мало фактов, позволяющих судить о понимании как процессе, зато у тех, кто решает задачу на конструирование, ясно прослеживается последовательность фаз становления понимания-объединения.

То, какая форма понимания возникает у субъекта и в какой степени развернут процесс ее становления, определяется и личностными особенностями понимающего. Эти особенности проявляются в присутствии испытуемому способе понимания, в индивидуальном стиле его мыслительной деятельности. Эксперименты обнаружили две группы испытуемых, у которых понимание осуществляется по-разному: испытуемые группы А основное внимание уделяют непосредственному взаимодействию с объектом понимания; в группе Б более явно выступает опосредствование этого взаимодействия прошлым опытом.

Проводимый анализ позволяет членам группы А отнести объект понимания к некоторому классу, что ведет к обобщенному пониманию-узнаванию предложения. Углубление понимания (формирование понимания-объединения) у наиболее интеллектуально активных в эксперименте испытуемых осуществляется посредством мыслительного взаимодействия с объектом. В процессе взаимодействия операции и действия направлены на формирование конкретных смыслов компонентов описываемой ситуации, воссоздание «в уме» целостной смысловой структуры понимаемого из обрывочных мыслей и образов. Замечу, что эти испытуемые считают наиболее значимым для понимания не умение манипулировать образами фрагментов конкретных ситуаций. Для них более важно уметь оперировать такими абстрактными сущностями, как обобщенные связи ситуации (на это указывает, в частности, факт отсутствия у них зрительных образов читаемого).

В группе Б, напротив, связная структура, определяющая характер понимания, возникает сразу, а со временем лишь уточняется и обосновывается. В их мыслительной деятельности, направленной на формирование понимания-гипотезы, отчетливо проявляется установка на конкретное отражение действительности, выделение специфических признаков и свойств объекта понимания. Эти испытуемые воспринимают и образно представляют каждую описанную ситуацию как нечто конкретное и законченное (видимо, поэтому только одна испытуемая из пяти пыталась связать предложения между собой, но и ей не удалось сделать это без ошибок).

Проведенный анализ позволяет сделать предположение, что обнаруженные в экспериментах способы оперирования объектом понимания обусловлены индивидуально-типологическими особенностями мышления испытуемых: преобладанием способностей к абстрактно-логическому мышлению у испытуемых группы А и способностей к деятельности, требующей преимущественно наглядно-образного мышления, — у испытуемых группы Б. Возможно даже, что выделенные мной индивидуальные способы осмысления понимаемого предложения являются отражением более обобщенной устойчивой характеристики личности — когнитивного стиля познавательной деятельности. Однако это предположение нуждается в дополнительном экспериментальном исследовании индивидуально-типологических особенностей испытуемых.

Литература

1. Добраев Л.П. Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания, М.: Педагогика, 1982.
2. Кулоткин Ю.Н. Психология обучения взрослых. М.: Просвещение, 1985.
3. Психологические проблемы автоматизации; научно-исследовательских работ / Под ред. М.Г. Ярошевского и О.К. Тихомирова. М: Наука, 1987. С. 119-139.
4. Тихомиров О.К., Знаков В.В. Мышление, знаний и понимание // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1989. № 2. С. 6—16.
5. Basic processes in reading and comprehension / Ed. by D. Laberge and S.J. Samuels. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates. 1977.
6. Bransford J.D. McCarrell N.S. A sketch or a cognitive approach to comprehension: some thoughts about understanding what it means to comprehend / Ed. by W.B. Weimer and D.S. Palermo. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates. 1974. P. 189-229.
7. Clark H.H. Bridging // Thinking readings i cognitive science / Ed. by P.N.Johnson-Laird and P.C. Wason. Cambridge: Cambridge university press. 1974. P. 411-420.
8. Frase L.T. Purpose in reading // Cognitton, curriculum, and comprehension / Ed. by J.T. Guthrie. Newark: International reading association. 1979. P. 42—64.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ПОНИМАНИЕ

ОСНОВНЫЕ УСЛОВИЯ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ПОНИМАНИЯ В СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Опубликовано: Вопросы психологии. 1984. № 1. С. 138—141.

Психологический анализ любой совместной трудовой деятельности (группового принятия управленческих решений, проектирования здания коллективом конструкторов и т.п.) обнаруживает единство и взаимообусловленность процессов познания и общения людей, участвующих в совместной деятельности. Объективное содержание совместной деятельности определяется не только содержанием объекта труда, но и характером его отражения в сознании каждого взаимодействующего с ним субъекта. Поэтому познавательная активность человека в совместной деятельности направлена как на выявление содержания объекта, так и на определение тех психологических особенностей партнеров, которые обуславливают характер отражения ими объекта. Наряду с познанием, в неразрывной связи с ним в совместную деятельность органически вплетено и общение, являющееся важнейшим условием ее эффективности [8, 10]. Одна из функций общения состоит в организации деятельности [10]. В актах общения конкретно выражаются те способы, какими достигается оптимальная структура совместной деятельности, проявляются взгляды людей на объект труда и их представления о психологических качествах партнеров. В процессе общения происходит формирование общих представлений об объекте и разрабатывается стратегия совместной деятельности (см.[10, с. 11]).

Вместе с тем общение в совместной деятельности немислимо без того или иного проявления отношения ее участников не только к объекту труда, но и к партнерам. Поэтому другая функция общения как компонента совместной деятельности состоит в формировании и развитии межличностных отношений в процессе познания людьми друг друга. От характера отношений между партнерами, например отношений «содействия — противодействия» или «согласия — проти-

воречия» [7, с. 73], так же как и от способа организации совместной деятельности, зависит ее эффективность.

Взаимосвязь познания и общения наиболее отчетливо проявляется в межличностном понимании (взаимопонимании) участников деятельности. Взаимопонимание людей в трудовой деятельности в процессе их общения может быть истолковано двояко: или как опосредствованное пониманием объекта понимание целей, мотивов, личностных черт партнеров, или как не только понимание, но и принятие их, влекущее установление отношений близости, дружбы и т.п. Исследование взаимопонимания в первом смысле осуществляется в плане анализа взаимодействий участников совместной деятельности, а взаимопонимания во втором смысле — в плане так называемой аттракции [1, с. 138]. В данной статье термин «межличностное понимание» и его синоним «взаимопонимание» употребляются в первом смысле.

Межличностное понимание в совместной трудовой деятельности включает в себя две тесно переплетающиеся и взаимообусловленные его формы: взаимопонимание как согласование индивидуальных пониманий объекта труда и как понимание личностных особенностей партнеров. Для того чтобы ясно осознавать психологический состав обеих форм понимания, исследователь должен проанализировать и интеллектуальные компоненты психической деятельности по извлечению объективного содержания из взаимодействия с объектом, а также по согласованию знаний о нем у участников, и эмпатийные и оценочные компоненты, связанные с формированием отношения к объекту и отношения к партнерам.

Развитие и взаимовлияние интеллектуальных и оценочных компонентов психической деятельности происходит в процессе формирования ценностно-смысловой позиции каждого участника деятельности. Межличностное понимание в совместной деятельности зависит не столько от способности каждого субъекта адекватно определить те психологические особенности партнера, которые характеризуют его как личность и могут проявляться в разных ситуациях (например, черты характера), сколько от способности определить то, как именно эти особенности преломляются в ценностно-смысловой позиции партнера, формирующейся у него в процессе отражения конкретной ситуации деятельности, выполняемой в данный момент и в данных условиях. Формирование ценностно-смысловой позиции — это процесс осмысления субъектом конкретной ситуации деятельности, исходя из тех этических, эстетических и других ценностных норм, которыми он руководствуется в своем поведении. Осуществляется оно в процессе соприкосновения, столкновения и взаимопроникновения точек зрения собеседников на предмет деятельности и на партнеров (знание

ими обсуждаемой темы и их личностные качества). В общении предмет оказывается замаскированным разноречивыми высказываниями о нем, а понимание предмета опосредствуется выявлением ценностно-смысловых позиций собеседников (так же как и понимание партнеров опосредствуется пониманием предмета). Выявление ценностно-смысловых позиций партнеров по деятельности оказывается наиболее общей предпосылкой межличностного понимания.

Конкретное психологическое содержание ценностно-смысловой позиции раскрывается при анализе тех условий, которые должны быть соблюдены, чтобы взаимопонимание произошло. Условия межличностного понимания являются одной из важнейших и пока мало изученных сторон данного психологического феномена. Задача статьи — выявить и проанализировать те из них, которые играют существенную роль во взаимопонимании участников совместной деятельности. Мы будем анализировать условия межличностного понимания, учитывая взаимообусловленность понимания субъектом партнеров и понимания им объекта труда.

Авторы психологических исследований понимания человеком содержания текстов, сюжетов картин, работы механизмов, поступков людей выделяют разные условия понимания: умение извлекать следствия из подлежащих пониманию знаний, опираясь на прошлый опыт [14], объединение элементов понимаемого знания в целостную структуру в соответствии с некоторой целью [15], распознавание плана поведения человека [17] и т.д. Все многообразие выделенных в различных исследованиях условий понимания можно, на наш взгляд, обобщить в двух условиях — назовем их мнемическими и целевыми.

I. Мнемическое условие: человек понимает только то, что находит отклик в его памяти, — для понимания всегда нужны некоторые предварительные знания о понимаемом. Анализ взаимопонимания людей о совместной деятельности показывает, что в этом случае на мнемическое условие понимания накладывается дополнительное ограничение: у партнеров должны быть и, главное, актуализироваться в момент общения не любые знания об обсуждаемом предмете, а именно сходные, пересекающиеся запасы сведений, похожие модели объекта (в противном случае может оказаться, что собеседники осведомлены о диаметрально противоположных свойствах предмета, а общих знаний о нем, всегда необходимых для возникновения взаимопонимания, у них нет). На этом положении основано тезаурусное представление актов коммуникации (его принципы описаны в статье [9]. Согласно такому представлению взаимопонимание возникает тогда, когда коммуниканты обладают сходными знаниями об объекте. Побудительной причиной вступления в общение считается осознание неравенства

знаний и стремление его устранить. Это основные положения тезаурусного подхода подтверждаются и психологическими экспериментами, показывающими, что в современной деятельности пробелы в знаниях одного из партнеров выполняются за счет использования знаний другого (см., например, [10, с. 68]). Однако тезаурусная модель коммуникации не учитывает психологических закономерностей актуализации знаний [13], существенных для процесса понимания. При понимании знания используются, как правило, не в той форме, не в том качестве, в котором они хранятся, а в преобразованном виде. Характер преобразования знаний определяется целями и задачами той деятельности, которую выполняет субъект. Понимание обусловлено не просто прошлым опытом, извлеченным из памяти, а опытом, преобразованным в соответствии с целями. Поэтому целевое обобщенное условие понимания звучит так:

И. Человек обычно понимает то, что соответствует его прогнозам, гипотезам, целям. В совместной деятельности каждый ее участник вынужден делать прогнозы, относящиеся как к предмету деятельности, так и к психологическим качествам, а также ценностно-смысловым позициям партнеров. Рассмотрим подробнее, что именно должен прогнозировать каждый участник деятельности (независимо от того, осознает он содержание прогноза и сам факт его совершения или нет). Вначале остановимся на прогнозах, относящихся к предмету деятельности.

1. Антиципация возможных ситуаций, в которые может оказаться включенным объект деятельности, сопоставление разных точек зрения на него.

2. Выбор своего угла зрения на объект: индивидуальный прогноз того, в какую конкретную ситуацию включен обсуждаемый предмет или явление. От угла зрения во многом зависит, какой именно стороной поворачивается объект и какое объективное содержание (в понимании С.Л. Рубинштейна) извлекается человеком из взаимодействия с ним, т.е. какой смысл имеет предмет или явление для субъекта познания.

3. Гипотезы об углах зрения партнеров на объект, модели их точек зрения. Губительные для взаимопонимания последствия неумения адекватно определить точку зрения партнера хорошо проиллюстрировал С. Хаякава: «Очень часто тот факт, что имеет место непонимание, не является явным до тех пор, пока не произошло еще более глубокое непонимание, чем первоначальное. У всех нас есть опыт присутствия на собраниях или митингах, на которых Х сказал что-нибудь, а У верит, что Х сказал что-то совсем другое, и спорит против того, что, как он верит, сказал Х. Тогда Х, не понимая возражений У (которые могут

быть вполне законными возражениями против того, что Х не сказал), защищает свое первоначальное утверждение дальнейшими утверждениями. Эти дальнейшие утверждения, интерпретированные У в свете ошибочного предположения, ведут к дальнейшим ошибочным предположениям, которые, в свою очередь, наводят Х на ошибочное предположение о У. За несколько минут дискуссия оказывается на дюжину миль удалена от первоначальной темы» [16, с. 16].

В общении знать чужие точки зрения нужно для взаимобмена объективным содержанием, необходимость которого вытекает из мнемического условия понимания. Общение продуктивно, если обмен способствует появлению такой межиндивидуальной основы понимания темы, которая содержит пересекающиеся элементы содержания присутствующие в точке зрения каждого участника деятельности. Возникновение межиндивидуальной основы соответствует появлению области однозначного понимания темы партнерами. В частности, в речевом общении взаимопонимание наблюдается тогда, когда все собеседники придерживаются одинаковой точки зрения на то, что является подлежащим высказываемого суждения. Если они имеют в виду одно и то же, то понимание может осуществляться даже тогда, когда собеседники объясняются, используя одни только сказуемые [3].

Рассмотрим теперь прогнозы, которые субъект делает по отношению к психологическим качествам и ценностно-смысловым позициям партнеров.

4. Предположения каждого участника о знании предмета деятельности партнерами, их компетентности. Правильность предположений в значительной степени зависит от прошлого опыта общения с партнерами — длительности и тесноты, т.е. частоты контактов. Оказывается, для правильной оценки партнеров общение должно быть не очень длительным и, главное, не очень тесным. В противном случае стремление к объективной оценке знаний подменяется неосознанным стремлением оценивающего выразить свое отношение к личностным качествам оцениваемого [2]. При длительном общении формируются стереотипы, затрудняющие проникновение во внутренний мир другого человека. Поэтому, например, молодые учителя (до 5 лет педагогического стажа) нередко адекватнее и глубже понимают учеников, чем примерно равные им по уровню педагогического мастерства учителя более зрелого возраста, проработавшие 15 и более лет [4]. Вместе с тем наличие стереотипов в процессе познания людьми друг друга не означает, что для адекватного понимания партнера субъект должен отказаться от своей точки зрения на те качества личности, которые играют существенную роль в отражении партнерами объекта труда, и постараться взглянуть на эти качества его глазами. Межличностное

понимание возникает как бы на стыке разных ценностно-смысловых позиций. Такое понимание не требует от субъекта отказа от своей точки зрения на качества личности партнера и «вживания» в их представления о себе. Это привело бы к дублированию, к возникновению точно таких же пониманий качеств их личности, как у самих партнеров, межличностное понимание имеет творческий, а не дублирующий характер вследствие того, что субъект, не отказываясь от своей точки зрения, способен обнаружить в партнерах такие качества, которые они со своей позиции увидеть не могут.

5. Рефлексия: осмысление субъектом того, как партнер (партнеры) понимают его. Обычно взаимопонимание тем лучше, чем больше каждый участник деятельности способен видеть себя в своей роли глазами партнера. Взаимопонимание требует не только проникновения во внутренний мир другого человека, построения его модели, но и выдвижения гипотезы о том, как происходит в нем процесс отражения, т.е. каким образом этот человек отражает внутренний мир самого субъекта. В ходе взаимного отражения участников совместной деятельности рефлексия является той «обратной связью», которая способствует не только формированию стратегии поведения субъекта по отношению к партнерам, но и коррекции его понимания особенностей их внутреннего мира.

6. Прогноз отношения партнеров к объекту, значимости для них предмета деятельности. Чем более значим предмет для человека, тем глубже он стремится его понять. Другими словами, этот прогноз составляет попытку уяснить мотивы понимания предмета деятельности партнерами. Оказывается, такой прогноз зависит от межличностных отношений участников деятельности. Значимость предмета для партнеров интересует субъекта только при положительных или нейтральных отношениях с ними. При взаимоотрицательных отношениях отмечается ориентация не на взаимопонимание, а на индивидуальное понимание заданий [10, с. 156].

7. Предположения участника деятельности об отношении к нему партнеров. Проведенные эксперименты по пониманию человека человеком показали, что испытуемые всегда в той или иной мере проявляют свое отношение к оцениваемому человеку [9]. И это не удивительно. Результаты экспериментов подтверждают положение о присущем человеческой психике единстве сознания и переживания: отражение действительности всегда преломляется через субъективное отношение к ней. На это положение неоднократно указывали ведущие советские психологи. Например, А.Н. Леонтьев писал о «пристрастности психического образа», С.Л. Рубинштейн отмечал, что в каждом познавательном процессе «всегда имеется какое-то отношение личности

к миру, субъекта к объекту, сознания к предмету» [12, с. 441]. Поэтому отношения человека никак нельзя исключать из сферы анализа понимания. А поскольку каждый участник совместной деятельности является носителем отношений, изучить которые можно только путем сопоставления их с отношениями партнеров к нему самому и к предмету деятельности, то и при анализе межличностного понимания следует принимать во внимание систему отношений не только познающего субъекта, но и его партнеров по деятельности.

8. Оценка психологических качеств партнеров. В научной литературе уже есть некоторые сведения о понимании как оценке. Н.В. Крогиус, осуществляя психологический анализ игры в шахматы, указывает на то, что верное понимание других людей невозможно без развития рефлексивных черт характера субъекта. Причем чем точнее человек оценивает собственную личность, тем адекватнее он понимает партнера по деятельности. Неадекватное понимание соперников наблюдается у шахматистов, отличающихся либо высокой самоуверенностью, либо явной недооценкой своих возможностей [11, с. 70]. По данным В.С. Магуна, субъекты с меньшей интеллектуальной продуктивностью интуитивно точнее оценивают других людей, чем те, у кого уровень интеллекта выше. Существуют и половые различия: по данным Г. Олпорта, женщины лучше понимают людей, чем мужчины (цит. по: [5, с. 127]). В исследовании А.В. Мудрика обнаружено, что юноши и девушки в слово «понимание» вкладывают различный смысл. Юноши подчеркивают моменты объективного знания («понять человека — значит хорошо знать его») или интеллектуального сходства («думать, как он, иметь общие интересы»), а девушки делают акцент на «эмпатийных» моментах — сопереживании, сочувствии (цит. по: [5, с. 227]). Женщины глубже понимают волевые качества и черты характера, выражающие отношение человека к другим людям (например, доброта, отзывчивость) и к себе (эгоизм — альтруизм). Мужчины лучше понимают черты характера, связанные с отношением к труду: целеустремленность, дисциплинированность, добросовестность и т.п. [9]. Фактически эти половые различия означают, что мужчины выделяют во взаимопонимании прежде всего его когнитивную, интеллектуальную сторону, а для женщин в понятии «межличностное понимание» на первый план выступает та его сторона, которая обусловлена межличностными отношениями.

Проведенный анализ условий межличностного понимания не претендует на исчерпывающую полноту и завершенность. Используемые нами литературные данные дают лишь основание утверждать, что названные выше условия относятся к числу основных при формировании межличностного понимания в совместной деятельности. Даль-

нейшие исследования многогранного психологического феномена понимания, безусловно, раскроют как новые, неизвестные его стороны, так и условия его осуществления.

Литература

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: Изд-во Московского университета, 1980.
2. *Бодалев АА.* Восприятие и понимание человека человеком. М.: Педагогика, 1982.
3. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.: Соцэкгиз, 1934.
4. *Коломинский ЯЛ., Березовик НА.* Некоторые педагогические проблемы социальной психологии. М.: Знание, 1977.
5. *Кон И.С.* Дружба. Этико-психологический очерк. М.: Политиздат, 1980.
6. *Кондратьева СВ.* Понимание учителем личности учащегося // Вопросы психологии. 1980. № 5. С. 143-147.
7. *Кучинский Г.М.* Диалог и мышление. Минск: Изд-во БГУ им В.И. Ленина, 1983.
8. *Леонтьев АА.* Общение как объект психологического исследования // Методологические проблемы социальной психологии / Под ред. Е.В. Шороховой. М.: Наука, 1975. С. 106-123.
9. *Назаретян АЛ.* Об одном способе информационно-кибернетического анализа психологических проблем общения: тезаурусно-целевой подход // Вопросы психологии. 1978. № 4. С. 96-105.
10. Проблема общения в психологии / Под ред. Б.Ф. Ломова. М.: Наука, 1981.
11. Психология межличностного познания / Под ред. А.А. Бодалева. М.: Педагогика, 1981.
12. *Рубинштейн СЛ.* Основы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1946.
13. *Славская КА.* Мысль в действии. М.: Политиздат, 1968. С. 155—172.
14. *Bransford J.D., Johnson M.H.* Consideration of some problems of comprehension // Visual information processing. N.Y.-London, 1973. P. 383-438.
15. *Fraser L.T.* Purpose in reading // Cognition, curriculum and comprehension. Newark, 1979. P. 42-64.
16. *Naykawa S.J.* On understanding and being understood // Communication: The art of understanding and being understood. N.-Y., 1963. P. 9—22.
17. *Schmidt Ch.F.* Understanding human action: Recognizing the plans and motives of other persons // Cognition and social behavior. Lawrence Erlbaum Association, 1976. P. 47-67.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ПОЗНАНИЯ

Опубликовано: Психологический журнал. 1984. Т. 5. № 2. С. 17-24.

В связи с тем, что в последние годы в советской психологии «в качестве нового принципа исследования личности и ее развития... выдвинут принцип общения» [3, 12], особую значимость приобретают исследования межличностного познания. В отечественной науке представлены различные направления исследований, в которых получены факты, относящиеся к этой области психологического знания [17, 19 и др.]. Рассмотрим одно из них — исследования А. А. Бодалева и его последователей, начатые в 1963 г. К концу этого двадцатилетия исследования межличностного познания все глубже стали проникать в область проблем социальной, педагогической, юридической психологии и др.; раздвинулись и рамки исследовательской программы: от изучения результативной стороны познания одного человека другим (структуры образов и понятий) к всестороннему анализу психики познающих друг друга людей — ее когнитивных, эмоциональных и регуляционно-волевых аспектов.

Вместе с тем проникновение исследований межличностного познания в сферу все новых и новых областей психологии несет в себе опасность, что неизбежно возникающие при этом ассоциативные связи с теоретическим аппаратом этих областей науки могут «размыть» исходные методологические основания данного направления исследований, замаскировать то принципиально важное обстоятельство, что межличностное познание, наполняясь в различных областях человеческой деятельности индивидуально-своеобразным содержанием, остается по своей сути именно познанием, осуществляющимся по законам общей психологии. Поэтому логическая стройность исследований межличностного познания в значительной степени определяется последовательной реализацией исходных методологических положений. Задача нашей статьи и состоит в том, чтобы проанализировать

методологические основания исследований школы А.А. Бодалева и наметить перспективные направления их дальнейшего развития, исходя из принципа общения [16, 20].

Краеугольными камнями методологического фундамента данного направления исследований стали определяющие положения концепций С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева и В.Н. Мясищева. С методологической точки зрения эксперименты, проводившиеся в рамках данного направления, можно подразделить на три этапа.

Задача экспериментов первого этапа состояла в том, чтобы выявить возрастные, половые, профессиональные и дифференциально-психологические особенности восприятия человеком других людей [4]. Эксперименты, проводившиеся на первом этапе, были направлены на установление психологических закономерностей формирования образа другого человека, определение того, какими особенностями его физического облика и выразительного поведения определяется образ. Схема экспериментов была проста: объектом восприятия испытуемых было лицо другого человека или его внешность в целом, которые они должны были воспринять и описать словами. Такая схема экспериментов базировалась на использовании методологических положений, отражающих функционирование психологических механизмов восприятия. Прежде всего это относится к положениям о неразрывном единстве чувственного и смыслового содержания восприятия и соотношению частного и общего в перцептивном образе.

Обсуждаемые эксперименты с самого начала построены таким образом, чтобы выявить присущую человеческому восприятию взаимообусловленность чувственных и словесно-логических компонентов перцептивных образов. Строя эксперименты так, что испытуемые должны были не только воспринимать, но и воспроизводить в речевых отчетах черты внешнего облика другого человека, Бодалев и его последователи опирались на положение Рубинштейна о том, что чувственное и смысловое содержание образа восприятия представляет собой «комплекс чувственных и нечувственных, абстрактных элементов, слитых в единое целое» [23, с. 105]. Характерная особенность восприятия человека состоит в том, что в восприятие предмета включается и обозначающее его слово. И хотя слово, как таковое, обычно не осознается, «его смысловое содержание включается в восприятие предмета как его компонент и осознается как смысловое содержание самого предмета, а не как содержание слова» [23, с. 88]. Воспринимая объект (в частности, другого человека), субъект воспринимает его не просто как чувственную данность, а как осмысленные чувственные данные, т. е. как предмет, обладающий свойствами, зафиксированными в понятийных характеристиках этого предмета. Таким образом,

при восприятии объекта «чувственное содержание образа становится носителем смыслового содержания» [там же].

В соответствии с этим положением, Бодалева и его сотрудников интересовала не столько специфика чувственного отражения, т. е. те или иные частные особенности перцептивного образа другого человека, сколько целостная его структура, в контексте которой осмысливаются эти особенности (о характере осмысления чувственных данных исследователи судили по тому, как испытуемые описывали увиденное).

Эксперименты показали, что структура образов весьма различна у людей, обладающих неодинаковым опытом труда, познания и общения. Это обусловлено, во-первых, тем, что «объективно воспринимаемые черты физического облика другого человека могут в значительной степени трансформироваться, исказиться под влиянием сложившейся самооценки взрослого человека, уровня его притязаний, характера взаимоотношений с воспринимаемым человеком» [15, с. 118]. Во-вторых, имея перед собой один и тот же объект восприятия — внешность другого человека, люди «видят» его под разными углами зрения, выделяют при отражении этого объекта разные его стороны и свойства.

Специфические особенности «видения» другого человека в значительной мере определяются уровнем теоретического мышления воспринимающего субъекта, степенью обобщенности тех связей и отношений, в которые он включает чувственно воспринимаемые характеристики объекта. Уровень обобщенности интеллектуальной деятельности отражается в каждом конкретном акте восприятия, так как в перцептивном образе воплощаются не только конкретные чувственно воспринимаемые особенности объекта, но и его обобщенные свойства. «Нормальное восприятие человека характеризуется тем, что, воспринимая единичное, он осознает его как частный случай общего. Уровень этой обобщенности изменяется в зависимости от уровня теоретического мышления» [22, с. 252].

Но это относится к восприятию взрослого человека. В школе Бодалева на материале социальной перцепции показано, что способность «увидеть» во внешности другого человека не просто сумму отдельных черт, а целостную систему, комплекс элементов которой воплощает наряду с индивидуальными особенностями физического облика и обобщенные психологические свойства человека, характеризующие его как гражданина, работника, семьянина и т. п., появляется только в старшем школьном возрасте. У старших школьников «расширяется объем воспринятого — разнообразится группа отмечаемых черт: включаются новые признаки, которые рассматриваются более многопланово»; они «охотнее прибегают к использованию знаний из Других областей» [14], т. е. все больше обобщают материал воспри-

ятия. Испытуемые не ограничиваются описанием внешности воспринимаемых людей, а стараются оценить их личностные качества. Следовательно, с возрастом увеличивается «удельный вес» процессов осмысления, понимания знаний о воспринимаемом. То, что восприятие включает в себя и процессы понимания, следует не только из результатов экспериментов, но и из концепции Рубинштейна, писавшего: «Будучи осознанием предмета, восприятие человека нормально включает акт понимания, осмысления» [22, с. 250]. Психологические механизмы восприятия другого человека невозможно раскрыть без изучения особенностей понимания. Поэтому естественным продолжением исследований по восприятию оказались эксперименты, направленные на изучение понимания человека человеком.

Цель экспериментов, проводившихся на втором этапе, состояла в том, чтобы выяснить, есть ли отличия (и, если есть, каковы они) в характере понятий о другом человеке, формирующихся у людей, принадлежащих к разным профессиональным, возрастным и тому подобным группам. Основным методом был метод «свободных характеристик»: испытуемые характеризовали (называли качества личности) хорошо знакомых им людей. Результаты экспериментов позволили составить представление о том, какими факторами определяется содержание понятий о другом человеке. Удалось установить, что оно «оказывается обуславливаемым характером, ходом и результатом деятельности, вкладом каждого участника в ее исход и их соответствием тем эталонам, которые имеются у общающихся» [6, с. 115]. Содержание характеристики, даваемой человеку, понимание его другими членами группы зависят и от той функциональной роли, которую он выполняет в процессе решения задачи. При сопоставлении испытуемых разных возрастных групп «выявляется постепенный переход от раскрытия содержания личности путем описания и оценки ее действий и поведения к прямым указаниям на присущие этой личности свойства и качества» [5, с. 131].

Обнаруженная зависимость содержания понятий о личности и от реально присущих ей качеств, и от внешних факторов, обуславливающих специфику внутренних условий познавательной деятельности оценивающего субъекта, подтверждает, с одной стороны, отмечавшуюся Рубинштейном неотделимость мысли от своего предмета (в данном случае качеств личности оцениваемого человека), необособимость гносеологического содержания понятия от объекта, свойства и функции которого в нем фиксируются; а с другой стороны, подчеркивает несовпадение понятия непосредственно с этим объектом вследствие невозможности исчерпать все богатство содержания объекта, а также непрерывного преобразования чувственно воспринимаемого

его содержания в процессе познания. Поэтому объективность содержания понятий — это производная и от объективности мира, который в них отражается, и от объективности знания, частью которого являются понятия. «Объективность знания не предполагает того, что оно возникает помимо познавательной деятельности человека; все идеальное содержание знания — это и результат познавательной деятельности субъекта, и отражение бытия. Всякое научное понятие — это и конструкция мысли, и отражение бытия» [23, с. 45]. Объективное содержание понятия — это, разумеется, отраженное содержание предмета. Но только преломляясь через внутренние условия познавательной деятельности познающего субъекта, содержание предмета становится объективным содержанием понятия, входит в багаж знаний субъекта и определяет его поведение.

При межличностном познании выявление объективного содержания понятия происходит путем включения субъектом отображаемых черт личности другого человека в свой внутренний мир, преломления их сквозь призму прошлого опыта, внутренних условий психической деятельности. К последним относится и отношение познающего субъекта к познаваемому. Эксперименты второго этапа показали, что испытуемые всегда в той или иной мере проявляли свое отношение к оцениваемому человеку. Эмоциональное отношение является «обязательным проявлением» оценивания [14, с. 142], конституирующим признаком формирующихся понятий. В этом проявляется присущее психике человека единство сознания и переживания: отражение действительности всегда преломляется через субъективное отношение к ней. Субъективное отношение к окружающему определяется объективными отношениями, в которые включается человек, и, в свою очередь, опосредствует зависимость его деятельности от объективных отношений.

Как отмечали В.Н. Мясищев [18, с. 159] и Б.Г. Ананьев [1, с. 261], отношение человека к действительности проявляется прежде всего во взаимоотношении с другими людьми. А поскольку каждый человек является носителем отношений, изучить которые можно, только сопоставив их с отношениями других людей к этому человеку и явлениям окружающей его действительности, то и при анализе межличностного познания следует принимать во внимание систему отношений не только познаваемого субъекта, но и познающего. «Важным методическим следствием исследования человека в его отношениях является то, что отношения к людям рассматриваются не односторонне, как отношения к объектам, ибо другие люди являются не только объектами, но и субъектами отношений. Отношения людей друг к другу приобретают характер двусторонности — взаимоотношения с отдельными

людьми и коллективами (школьным, производственным и т. п.)» [18, с. 159]. Поэтому подлинно научный анализ формирования понятий о качествах личности не может ограничиваться изучением психологического своеобразия оцениваемого человека, оставляя познающему субъекту роль находящегося вне познаваемого явления бесстрастного регистратора, либо способного проникнуть во внутренний мир другого человека и адекватно зафиксировать его, либо нет (а именно такой и была первая стадия исследования формирования понятий, т.е. эксперименты второго этапа). Научный анализ должен строиться на изучении целостной системы взаимоотношений познающего и познаваемого субъектов, в которой формирование понятий предстает как процесс, подверженный влиянию не только прямых связей (от познаваемого качества личности к познающему субъекту), но и обратных.

Таким образом, эксперименты второго этапа выполнили свою задачу: дали большое число фактов о характере и структуре понятий, формирующихся у одного человека при познании им другого. Вместе с тем они обнаружили и ограниченность экспериментальной схемы, невозможность использовать ее для изучения глубинных механизмов межличностного познания. Эта ограниченность проявилась, во-первых, в том, что эксперименты второго этапа были ориентированы на исследование преимущественно результативной стороны познавательной деятельности (определение характера и структуры понятий) и потому не позволяли судить о процессах и причинах изменения понятий. Этот недостаток отчетливо осознается самим А.А. Бодалевым, который в последних работах призывает ученых изучать «динамику всей познавательной деятельности человека, когда ее объектом оказывается другой человек» [9, с. 10]. Во-вторых, при анализе экспериментов второго этапа при взаимодействии между познающим и познаваемым субъектами «вычленяется лишь один момент: учитываются отношения между партнерами, когда один из них выступает только как субъект, а другой только как объект отражения» [12, с. 12]. В то же время из результатов экспериментов следует, что для раскрытия психологических механизмов межличностного познания в равной степени нужно учитывать психологические характеристики обоих партнеров.

Необходимость изучения именно целостной психологической системы взаимодействия субъектов обусловлена не только результатами экспериментов, но и методологической ситуацией, отчетливо определившейся в советской психологии в последнее десятилетие. Она характеризуется тем, что с периферии в центр психологического анализа переместилась проблема общения, а особенности общения стали одним из важнейших фокусов психологического знания. Из специфиче-

ческого объекта, предмета исследования (в социальной психологии) общение превратилось одновременно и в способ, принцип изучения вначале познавательных процессов, а затем и личности человека в целом [20]. Анализ целенаправленного включения процессов общения в сам способ исследования психических явлений дал основание для заключения о появлении нового методологического принципа общей психологии — принципа общения [3]. Этот принцип применяется сейчас при изучении двух основных форм данного феномена: общения как средства организации деятельности и как удовлетворения духовной потребности человека в другом человеке.

Повышение интереса к проблеме общения тесно связано с изменением акцента в исследовании психологической структуры личности. Если в 1950-1960-е годы основные усилия психологов, ведущих борьбу с функционализмом (в частности, Б.Г. Ананьева и В.Н. Мясишева), были направлены на поиск интегральных характеристик личности, представление ее как целостной и непротиворечивой системы, то в 1970-е — отчетливо проявилась тенденция к подчеркиванию диалогической природы личности, принципиальной незавершенности ее структуры. Эта тенденция отражает стремление психологов изучать личность как динамическую систему, постоянно находящуюся в процессе развития, одним из важнейших источников которого является общение. Многие авторы отмечают, что развитие личности происходит в ходе диалогов с собой и с окружающими, в сопоставлении разных точек зрения. Например, Л.И. Анцыферова пишет: «Общение — психологическая основа диалогичности природы личности, внутренний мир которой функционирует как скрытый диалог с внутренними аудиториями, организованными по социальным образцам (юридической, педагогической, сценической и др.)» [3, с. 13]. Общение оказывается, с одной стороны, средством организации диалога, а с другой — источником активности личности, побудительным толчком к сопоставлению своей ценностно-смысловой позиции с позициями реальных или воображаемых собеседников.

Осознание роли общения в развитии личности открыло новый ракурс проблемы межличностного познания, и в экспериментах третьего этапа А.А. Бодалев и его сторонники перешли от анализа отражательно-познавательной функции знаний о другом человеке к исследованию взаимопонимания в плоскости «взаимного воздействия людей Друг на друга» [11, с. 5]. Анализ экспериментальных данных Бодалев осуществляет, «опираясь на теорию формирования человека как субъекта труда, познания и общения, основы которой были заложены Б.Г. Ананьевым» [там же]. Как известно, стержневой мыслью Б.Г. Ананьева, красной нитью, проходящей через все его работы о педагогичес-

ких приложениях психологии (в которых и намечены контуры этой теории), была мысль об активности школьника в процессе обучения и вытекающей из нее неоднозначности деления на учителя и ученика. Он писал: «Противоречивая связь в процессе воспитания объекта и субъекта, отнюдь не совпадающая с однозначным делением на воспитателя и воспитанника, видоизменяется в зависимости от того, как проходит формирование человека в трех основных видах деятельности: труде, общении и познании» [2, с. 18].

В экспериментах третьего этапа, направленных на анализ познания человека человеком как активного взаимодействия между ними, отчетливо выделяются два направления. В рамках социально-психологического направления исследования межличностного познания как рефлексивного многоуровневого процесса взаимодействия людей основное внимание уделяется роли социально-статусных и ролевых детерминант в формировании восприятия и понимания других людей, исследованию влияния коммуникации на формирование оценочных эталонов и шаблонов восприятия, влияния уровня развития взаимоотношений в коллективе на межличностное познание и т. п. (см., например, [10]). Однако не преломленные в плоскость изучения психики конкретных взаимодействующих субъектов, формирования их ценностно-смысловых позиций социально-психологические детерминанты межличностного познания остаются не более чем абстрактными предпосылками раскрытия психологических механизмов понимания человека человеком. Формированием ценностно-смысловой позиции мы называем процесс осмысления субъектом конкретной ситуации общения, исходя из тех этических, эстетических и других ценностных норм, которыми он обычно руководствуется в своем поведении. Возникающая в результате этого процесса ценностно-смысловая позиция становится основанием для выбора субъектом стратегии поведения и его регулятором. Между тем второе направление — анализ формирования ценностно-смысловых позиций участников общения — пока представлено значительно скромнее. Мы же видим перспективы развития исследований межличностного познания именно в углубленном изучении взаимопонимания как процесса формирования ценностно-смысловых позиций партнеров (их столкновения, взаимопроникновения и взаимопонимания), другими словами, в переходе от монологической (субъект-объектной) схемы анализа, какой она была на первых двух этапах экспериментов, к диалогической (субъект-объект-субъектной).

Рассмотрим некоторые из последних работ школы Бодалева под углом зрения диалогического анализа (разумеется, не все, так как эксперименты третьего этапа еще продолжаются). Среди них иногда

встречаются исследования, авторы которых прямо ставят перед собой задачу разработать принципы диалогического подхода к анализу межличностного познания (см., в частности, интересную статью А.У. Хараша [21]). Однако чаще на необходимость диалогического анализа наталкивают процедура и результаты экспериментов, как, например, в исследованиях С.В. Кондратьевой, направленных на определение особенностей понимания учителями учеников [13, 21]. Из них следует, что учителя с низким уровнем педагогического мастерства используют типичный монологический подход в оценке личности ученика. Это проявляется, во-первых, в том, что ученик выступает для них прежде всего не как субъект, а как такой объект познания, наиболее важным качеством которого является успеваемость. Характеризуя хорошо успевающих учеников, они выделяют преимущественно их положительные качества, а личность слабоуспевающих характеризуют на негативной основе (ранее этот факт отмечался Ананьевым [2, с. 215]). Во-вторых, таким учителям «нередко свойственна субъективность понимания, его зависимость от установок (иногда негативных), стереотипов, предубежденности и т. п.» [13, с. 144]. Факт формирования установки воспринимать людей только с одной точки зрения, стереотипности восприятия другого человека — распространенное явление в межличностном познании [8, с. 209]. Между тем это типичное проявление монологического подхода, по сути своей не способного отразить все многообразие качеств личности познаваемого человека. Дело в том, что целевая установка на предвосхищение и поиски только знакомого не позволяет раскрыться новому. Познающий субъект старается растворить позицию познаваемого в своей. В результате в другом человеке он видит только отражение самого себя. В-третьих, ученик — объект познания выступает для них как нечто неизменное, застывшее. Стремление проникнуть в незавершенное, развивающееся ядро личности — это отличительная черта диалогического подхода к межличностному познанию (определяющей тенденцией такого подхода является ориентация на анализ процессуальных аспектов психики). Именно это свойственно учителям с высоким уровнем педагогического мастерства. «Для учителей-мастеров характерны проникновение в скрытые резервы развития, оптимистичность характеристики личности» [13, с. 144]. С повышением уровня мастерства уменьшается влияние, оказываемое успеваемостью на оценку личности ученика, повышается объективность его понимания. Характерно, что у учителей-мастеров рельефнее выступает положительное отношение к ученикам.

Как показали эксперименты второго этапа, познать человека — это значит вступить в отношение с ним. Линия изучения взаимоотношений партнеров по общению (идушая от теории отношений Мясищева)

реализуется в экспериментах третьего этапа в исследованиях эмпатии. Осознание включенности отношения к познаваемому в процесс познания позволяет с диалогических позиций иначе, чем с монологических, объяснить содержание эмпатии. Согласно монологическому подходу, широко распространенному в западной социальной психологии, эмпатия — это «переживание человеком при виде состояния другого человека той же эмоции, которую он у последнего отметил» [8, с. 207]. При этом эмоциональное переживание человека, например радость, рассматривается как некий «объект», который копирует познающий субъект. В результате происходит удвоение: у них оказываются одинаковые эмоции. С диалогических позиций эмпатия включает не только эмоциональный отклик на переживания партнера, но и осознание того, что такое радость, понимание содержания понятия «радость». Однако осознание невозможно без оценки. Если один человек радуется, глядя на другого, то содержание его эмоции все же принципиально иное: он радуется в результате оценки извне, со своей ценностно-смысловой позиции. Его эмоция включает и оценочный план отношения к радости партнера. Поэтому эмпатию не следует рассматривать как чисто эмоциональное явление. Как справедливо отмечает Т.П. Гаврилова, в процессе психического развития эмпатические переживания формируются как эмоционально-когнитивные системы, в которых более сложные формы эмпатии опосредствованы знанием [21].

Если одним из существенных механизмов реализации межличностного влияния в общении оказывается эмпатия, то в качестве другого выступает идентификация. Исходным условием диалогического общения является вера в существование у партнера своего индивидуально-своеобразного мировоззрения, осознание неповторимости формирующейся у него в общении ценностно-смысловой позиции. Диалогическое понимание личности партнеров возникает как бы на стыке разных ценностно-смысловых позиций. Такое понимание не требует отказа от своей точки зрения на качества личности партнера и «вживания» в его представления о себе. Это привело бы к дублированию, к возникновению точно такого же понимания качеств его личности, как у него самого. Диалогическое понимание имеет творческий, а не дублирующий характер вследствие того, что субъект, не отказываясь от своей точки зрения, способен обнаружить в партнере такие качества, которые тот со своей позиции увидеть не может. Поэтому идентификацию, т. е. способность встать на точку зрения партнера, нельзя отождествлять с пониманием (к сожалению, это нередко происходит в исследованиях межличностного познания). Идентификация является необходимым, но недостаточным условием понимания. Нельзя сводить ее и к взаимному уподоблению лю-

дей друг другу (что тоже весьма распространено). Как показало исследование Р.Л. Кричевского и Е.М. Дубовской, в основе механизма идентификации лежит своеобразный социально-перцептивный процесс соотнесения ценностных характеристик участников межличностного взаимодействия, соотнесения их ценностно-смысловых позиций. Значимый другой предстает для познающего субъекта не столько в качестве объекта уподобления, сколько «в качестве своеобразного регулятора его поведения, некоего эталона, на который идет ориентация и с которым сличается реализуемое поведение» [21, с. 108].

Таким образом, диалогический анализ межличностного познания должен строиться по меньшей мере на трех основаниях: учете взаимоотношений и взаимовлияний партнеров; признании их права на свой стиль мышления и поведения; прослеживании динамики развития личности, выявлении процессуальных аспектов формирования ценностно-смысловых позиций партнеров. И хотя все многообразие форм межличностного познания не следует, по-видимому, стремиться уложить в прокрустово ложе диалогического подхода, дальнейшие исследования в этом направлении представляют несомненный интерес.

Литература

1. *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977.
 2. *Ананьев Б.Г.* Избранные психологические труды. Т. II. М.: Педагогика, 1980.
 3. *Анциферова Л.И.* Методологические принципы и проблемы психологии // Психологический журнал. 1982. Т. 3. № 2. С. 3—17.
 4. *Бодалев А.Л.* Восприятие человека человеком. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1965.
 5. *Бодалев А.А.* Возрастные и индивидуальные особенности понимания человека человеком // Проблемы общей, социальной и инженерной психологии. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1968. С. 127—136.
 6. *Бодалев А.Л.* Исследования по проблеме социальной перцепции // Теоретическая и прикладная психология в Ленинградском университете. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1969. С. 114—116.
 7. *Бодалев А.Л.* Формирование понятия о другом человеке как личности. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1970.
 8. *Бодалев А.Л.* Исследование гностических характеристик общения в зарубежной психологии // Зарубежные исследования по психологии познания: Сборник аналитических обзоров. М.: ИНИОН РАН, 1977. С. 201—214.
 9. *Бодалев А.Л.* О разработке психологии познания людьми друг друга // Социально-психологические исследования в психоневрологии. Л.: Ленинградский психоневрологический институт им. В.М. Бетерева, 1980. С. 7—14.
 10. *Бодалев А.Л., Волков И.П.* Некоторые проблемы межличностного познания в условиях современного производства // Вопросы психологии. 1981. №6. С. 27—35.
- П. *Бодалев А.Л.* Восприятие и понимание человека человеком. М.: Педагогика, 1982.

12. *Еремеев Б.А.* Об одном подходе к изучению социальной перцепции // Вопросы познания людьми друг друга и самопознания / Под ред. О.Г. Кукосяна. Краснодар, 1977. С. 12-20.
13. *Кондратьева С.В.* Понимание учителем личности учащегося // Вопросы психологии. 1980. № 5. С. 143-147.
14. *Куницына В.Н.* Влияние уровня развития аналитико-синтетической мыслительной деятельности старшего школьника на восприятие им человека // Проблемы общей, социальной и инженерной психологии. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1968. С. 137—143.
15. *Куницына В.Н.* Некоторые особенности восприятия подростком другого человека // Теоретическая и прикладная психология в Ленинградском университете. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1969. С. 116—119.
16. *Ломов Б.Ф.* Психические процессы и общение // Методологические проблемы социальной психологии / Под ред. Е.В. Шороховой. М.: Наука, 1975. С. 124-135.
17. Межличностное восприятие в группе / Под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. М.: Изд-во Московского университета, 1981.
18. *Мясигцев В.Н.* Личность и неврозы. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1960.
19. *Обозов Н.Н.* Межличностные отношения. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1979.
20. Проблема общения в психологии / Под ред. Б.Ф. Ломова М.: Наука, 1981.
21. Психология межличностного познания / Под ред. А.А. Бодалева М.: Педагогика, 1981.
22. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1946. С. 241—282.
23. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание: О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957.

ПОНИМАНИЕ ВОИНАМИ- ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТАМИ СИТУАЦИЙ НАСИЛИЯ И УНИЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА

Опубликовано: Психологический журнал. 1989. Т. 10. № 4. С. 113-124.

Насилие — застарелая болезнь современного общества, вызывающая серьезную озабоченность ученых всего мира [9]. Оно проявляется практически во всех сферах жизнедеятельности человека — от семейного воспитания до международных отношений. В статье рассматриваются такие коммуникативные ситуации, в которых люди пытаются решить межличностные конфликты с помощью физической силы или словесных угроз. В психологии действие субъекта называют насильственным, если оно нарушает основные права другого человека и/или противоречит общепризнанным потребностям этого человека. Соответственно действие считается агрессивным, если, совершая его, субъект нарушает этический принцип: «Уважай намерения и желания другого человека» [8, с. 346].

Важным аспектом анализа психологических механизмов агрессивного поведения человека является изучение индивидуальных и групповых особенностей понимания ситуаций насилия как самими участниками межличностного конфликта, так и нейтральными наблюдателями, свидетелями агрессивных или насильственных действий одного из противников. Агрессивность не является врожденным свойством человека, она развивается под влиянием социальной среды, причем особенно усиливает психологические черты, связанные с насилием, технология современной войны [2, с. 19]. Поэтому особый интерес для психолога представляет выявление специфики понимания ситуаций насилия участниками войны.

В последние годы в нашей стране появился большой контингент молодых людей, принимавших участие в боях, своими глазами видевших не только смерть друзей и врагов, но и следы крайнего проявления человеческой жестокости — пыток. «Афганцы». Этот неологизм появился в военно-политическом словаре нашего общества в нача-

ле восьмидесятых [1]. Десятый год вернувшиеся с афганской войны солдаты живут среди нас. О них говорят по радио, пишут в газетах и журналах, снимают кино- и телефильмы — в силу целого ряда политических, социальных, моральных и психологических причин к этим молодым парням сегодня приковано всеобщее внимание. И только психологи хранят безразличное молчание, ничем не проявляя профессионального интереса к особенностям личности и поведения ветеранов войны в Афганистане.

Между тем в периодической печати уже неоднократно появлялись публикации, в которых говорилось о том, что, вернувшись на Родину, многие воины испытывают трудности в социально-психологической адаптации к условиям мирной жизни. Одна из психологических проблем, с которой сталкиваются «афганцы», — непонимание частью населения мотивов их поведения, а иногда и нестандартности поступков в привычных для большинства из нас коммуникативных ситуациях. А непонимание порождает отчуждение и стремление «держаться от них подальше». Вот, например, как пишет об этом Г. Апресян: «„Афганцев» порой опасаются. На улицах — прохожие, в кабинетах — должностные лица. Боятся неадекватности, „взрывчатости» их поступков. „Афганец» убивает панка, ненавидя его философию и образ жизни. „Афганец» скандалит в беседе, требуя предоставить без очереди машину с ручным управлением, не обращая внимания на числящихся в этой очереди ветеранов Отечественной войны. „Афганец» требует справедливости в производственном конфликте...» [1]. Я допускаю, что перечисленные случаи могли произойти, но являются ли они типичными, характеризующими не единицы и даже десятки, а сотни и тысячи «афганцев»? Имеет ли серьезные основания мнение, что молодые люди, привыкнув действовать в экстремальных условиях войны и овладев соответствующими навыками, после возвращения домой склонны применять эти навыки в ситуациях вовсе не экстремальных?

Первая задача исследования состояла в том, чтобы выяснить, отличаются ли «афганцы» по агрессивным свойствам личности от своих сверстников, не участвовавших в войне. Вторая — изучить, как понимают ситуацию насилия и унижения человеческого достоинства, как относятся к этим ситуациям участники войны в Афганистане. Третья — установить (хотя бы в первом приближении), какие изменения в характере молодых людей происходят под влиянием суровых условий войны и с какими трудностями в адаптации к мирной жизни они сталкиваются после возвращения домой. Исследование проводилось летом 1988 г.

МЕТОДИКА

В экспериментах приняли участие 35 чел., проходивших службу в Афганистане (четыре офицера, остальные солдаты). Из них 19 чел. ходили в рейды, участвовали в боях; 16 непосредственного участия в боевых операциях не принимали: служили в ротах охраны, на радиостанциях, в авторемонтных батальонах и т.п. В ситуации, опасные для жизни, под обстрелы за время службы в Афганистане неоднократно попадали все воины — пятеро получили ранения, трое из них стали инвалидами. Из 35 чел. 22 вернулись из Афганистана в период 1980-1984 гг., 12 - в 1985-1986 гг. и 1 - в 1987 г. Контрольную группу (32 чел) составили юноши-допризывники и молодые люди, отслужившие в армии на территории нашей страны. С каждым испытуемым эксперимент проводился индивидуально, он длился 30-40 минут в контрольной группе и примерно полтора часа — в экспериментальной.

На первом этапе эксперимента испытуемый отвечал на 75 вопросов опросника Басса-Дарки [5]. Этот опросник уже в течение трех десятилетий используется психологами и считается одной из самых валидных и надежных вербальных методик исследования агрессии [7]. Опросник выявляет семь форм агрессивных и враждебных реакций человека: физическую агрессию, косвенную агрессию, склонность к раздразнению, негативизм, обиду, подозрительность, вербальную агрессию. Числовые показатели физической и вербальной агрессии отражают склонность обследуемого к активным прямым формам агрессивного поведения, а показатели косвенной агрессии и раздражения — к опосредствованным, непрямым формам. Сумма числовых показателей раздражения, физической, косвенной и вербальной агрессии образует **индекс агрессивных реакций**, сумма показателей обиды и подозрительности — **индекс враждебности**.

На втором этапе эксперимента испытуемому предлагалось прочитать текст [3], описывающий ситуации физического насилия и унижения человеческого достоинства, и ответить на вопросы.

В тестовом тексте отражены четыре сменяющие одна другую межличностные конфликтные ситуации. В первой его части описывается, как один из членов команды торгового парохода, итальянец Ф, терроризирует матросов: избивая и унижая их, он показывает, кто хозяин в кубрике. Во второй — Ф оскорбляет бывшего боксера Т, и тот жестоко, до крови, избивает Ф, осознав при этом, что получил удовольствие от избиения. Третья конфликтная ситуация возникла при следующих обстоятельствах: Т, войдя в каюту своего друга Д, видит, как Ф совершает над ним физическое насилие. Т вышвырнул Ф за дверь. На завершающей стадии конфликта Т начал морально уничтожать Ф в глазах

команды: всегда, когда они случайно встречались, он ударял его один раз — ни больше, ни меньше. Т проделывал это с удовольствием, а Ф больше не задевал никого из членов команды и покорно подставлял себя под удары. Матросы возненавидели Т за его обращение с итальянцем. После очередной сцены унижения Ф покончил жизнь самоубийством, выбросившись за борт. Матросы перестали разговаривать с Т.

Описания конфликтных ситуаций предъявлялись испытуемому последовательно в четыре приема: прочитав первый отрывок текста, он должен был ответить на ряд вопросов к нему. Затем экспериментатор предъявлял описание второй конфликтной ситуации, задавал относящиеся к ней вопросы и т.д. Прочитав текст целиком, испытуемый рассказывал, в чем, по его мнению, заключается смысл прочитанного, какова мораль рассказа

В экспериментах **третьего** этапа принимали участие только служившие в Афганистане: каждый из них отвечал на вопросы о службе там и последующей адаптации к мирной жизни. Основных вопросов было десять, дополнительных значительно больше.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Некоторые особенности личности и мировоззрения участников войны в Афганистане. В соответствии с первой задачей исследования меня интересовали прежде всего те черты личности обследуемых, которые в критических обстоятельствах могут способствовать возникновению у них агрессивных форм поведения. По количественным результатам ответов на вопросы опросника не обнаружено статистически значимых различий между средними величинами ни одного из показателей агрессии, а также индексов агрессивности и враждебности у испытуемых экспериментальной и контрольной групп. Не выявлено также значимых различий ни по одной из семи шкал опросника между 19 воевавшими «афганцами» и 16 не принимавшими непосредственного участия в боевых операциях. Если, учитывая мнение западных психологов [5, 7 и др.], принять положение о валидности методики, то это означает: а) обследованные лица, проходившие службу в Афганистане, ничуть не агрессивнее молодых людей из контрольной группы; б) по таким особенностям личности, как агрессивность и враждебность, воевавшие и не воевавшие там не отличаются друг от друга. Для объяснения причин отсутствия различий между экспериментальной и контрольной группами по параметру агрессивности можно выдвинуть по меньшей мере две гипотезы.

1. Судя по рассказам самих «афганцев» (как воевавших, так и не принимавших непосредственного участия в боях), очень многие из них к моменту демобилизации ощущали нервное напряжение, даже

переутомление и повышенную раздражительность. Возможно, в это время и показатели агрессивности были у них значительно выше, чем в момент эксперимента. Напомню, что основной контингент обследованных вернулся из Афганистана два и более года тому назад. Они уже прошли начальные фазы периода адаптации к условиям мирной жизни, повзрослели, вследствие чего их предполагаемая повышенная агрессивность могла уменьшиться.

2. Состояние повышенной раздражительности было кратковременным (два-три месяца) и не усилило агрессивность. Обсудим каждую из гипотез, сопоставляя данные опросника с высказываниями испытуемых.

Истоки нервного напряжения участников войны в Афганистане, его объективные причины следует искать в экстремальных условиях их жизнедеятельности во время службы в этой стране. К экстремальным условиям относится жаркий сухой климат, недостаток питьевой воды, плохие санитарно-гигиенические условия, трудности походного быта. Н главная причина нервного напряжения — постоянная опасность для жизни. Вот, к примеру, как говорит об этом исп.Г.Б., служивший в роте охраны аэродрома: «Напряжение было. Вы понимаете, мы стояли на посту только ночью, и все время ждешь, откуда она вылетит — твоя пуля. И неизвестно откуда, вот в чем дело». Психическая напряженность возрастает в бою, особенно когда на твоих глазах гибнут товарищи: «Когда теряешь друзей, особенно близких, хочется рвать и метать, убивать их (душманов.- В.З.) всех подряд» (десантник В.Л).

Меня интересовало, не переходит ли временное состояние раздражения и злости в озлобленность, т.е. не становится ли оно чертой характера. На вопрос о том, ожесточаются ли они к ситуациям насилия, большинство служивших в Афганистане ответили отрицательно. Они говорили, что раздражение, напряженность после боя проходят довольно быстро: уже через полчаса они шутят, вспоминают курьезные случаи, происшедшие во время боевой операции. Что же касается отношения человека к ситуациям насилия вообще, то, сравнивая данные опросника, ответы испытуемых обеих групп на вопросы о ситуациях такого рода на втором этапе эксперимента, а также их высказывания на третьем этапе, можно заключить, что у **демобилизованных** воинов, служивших в Афганистане, оно обоснованно отрицательное.

Такое отношение к насилию проявилось у 31-го «афганца» из 35. Основано оно на том, что «они видели убийство людей, как-то осознаешь, что это не игрушка, что вот был человек и нет его» (исп.О.Р.). Вместо того, чтобы привыкнуть к ситуациям насилия и воспринимать их как вполне естественный способ разрешения конфликтов, у большей части обследованных, напротив, развились неприятие актов физического воздействия на человека, эмпатия, сочувствие к его жертв-

вам. Если верить их высказываниям (а не верить у меня нет никаких оснований, ибо весь опыт общения с участниками войны в Афганистане убеждает в том, что подавляющее большинство из них — прямые, честные и порядочные люди), то «чужие боль, страдания они принимают как-то близко к сердцу» (стрелок И.К.). А.Ш., инвалид III группы говорит: «Сострадание к боли другого есть, это более глубоко понимаешь. Здесь все: и сам испытал, и друзей раненых видел. Как говорится, и посмотрел, и в их шкуре побывал — могу это понять. А физическое насилие... ну, только если неизбежно вмешательство грубой силы против насилия, то я за это. Если не понимает уже никаких уговоров, ничего прочего. Бывает, вынуждает человек, необходимо».

Похоже, что решающую роль в отрицательном отношении к ситуациям насилия играют нравственные установки, а не те проявления темперамента индивида, которые вносят определенный вклад в формирование агрессивности как свойства личности. Я имею в виду такие свойства темперамента, как эмоциональная возбудимость и сила эмоций (В.С.Мерлин), которые опосредствованно детерминируют формирование некоторых черт характера человека (вспыльчивость, раздражительность), отраженных в показателях не прямой агрессии опросника Басса-Дарки. Иначе говоря, нравственные нормы субъекта оказывают большое влияние на оценку им ситуации насилия, чем агрессивные свойства его личности. Этот вывод следует из того, что и на втором, и на третьем этапах эксперимента осуждали физическое насилие и говорили, что сами не стали бы так поступать, в числе прочих и те «афганцы», у которых индекс агрессивных реакций выше среднegrупповых, и в частности значителен удельный вес не прямой агрессии (раздражение + косвенная агрессия).

Итак, применительно к 31-му «афганцу» из 35-и вторая гипотеза мне представляется более правдоподобной, чем первая: служба в Афганистане не повлияла на деформацию характера молодых людей в сторону увеличения проявлений агрессивных форм поведения; наоборот, служба способствовала формированию нравственных норм осуждения насилия.

Структура личности остальных четырех «афганцев», рассматриваемая под углом зрения наличия в ней свойств, входящих в психологический фактор агрессивности, выглядит иначе. Эти четверо характеризуются, во-первых, тем, что численный показатель индекса агрессивных реакций у них значительно выше среднего по группе. Во-вторых, отвечая на вопросы к тексту с описанием сцен насилия и унижения человека, они говорили, что не только оправдывают героя этого текста, но и сами стали бы поступать так же. Оправдание униженных человеческое достоинство Ф действий Т основано у них на

убеждении, что моральное воздействие на таких людей, как Ф, бесполезно, поскольку они понимают только аргументы с позиции силы.

Рассмотрим теперь некоторые моменты процесса адаптации «афганцев» к бытовым и производственным условиям гражданской жизни. Большинство из них отметили, что «оттуда, конечно, приезжают все нервные, даже очень нервные. Там настолько привыкаешь к этой обстановке, что дома первые недели две ты не можешь даже привыкнуть, как работает холодильник ночью. Мой друг вообще ночью вскакивал, искал автомат, когда холодильник начинал заводиться: он думал, что это тревога. Я тоже плохо спал» (исп. Г.Х.). О нарушениях сна, кошмара, сновидениях о боях рассказывали многие испытуемые. Кроме того, некоторые бывшие воины во время краткосрочного отдыха до устройства на работу ощущали какое-то смутное беспокойство, не до конца осознанное стремление избежать одиночества и нежелание подолгу находиться в помещении, в замкнутом пространстве.

Таким образом, истоки одной группы причин психологического дискомфорта демобилизованных «афганцев» явно следует искать в их прошлой военной жизни, другая группа причин порождена социально-экономическими условиями. Эту группу причин условно можно подразделить на субъективные и объективные причины.

К субъективным, во-первых, относится возникающее еще в конце службы в Афганистане чувство неуверенности в том, найдешь ли свое место в мирной жизни, принесут ли какую-нибудь пользу здесь навыки, полученные на войне. Во-вторых, поскольку в «в армии за тебя все решали командиры, а ты должен был только четко исполнять приказы» (исп. А.Л.), то теперь молодые люди испытывают определенные трудности, вызванные необходимостью самим принимать решения о своем ближайшем будущем. Наконец, в-третьих, как субъективно очень непростой воспринимается служившими в Афганистане процесс перехода от армейской иерархии подчинения к относительному равенству людей в гражданской жизни (об этом говорил, в частности, исп. Г.Б.).

К объективным причинам психологического дискомфорта обследованных следует отнести еще имеющее место в нашем обществе социальную несправедливость, расхождение слова и дела у некоторых руководителей, с которыми приходится сталкиваться «афганцам», бездушное отношение бюрократов к их нуждам. Играет определенную роль, причем далеко не всегда положительную, и отношение к участникам войны в Афганистане и афганской проблеме в целом средств массовой информации и рядовых людей. Рассмотрим эти факты подробнее.

Как свидетельствуют протоколы, молодые люди привыкли во время службы: а) к социальному равенству, т.е. к тому, что в боевой обстановке солдаты и командиры находятся практически в одинаковых

условиях; б) что люди в основном говорят друг другу правду, высказывают то, что думают, и держат данное слово; в) к коллективизму, чувству товарищества и взаимовыручке; г) к ответственному отношению к своему делу, иначе в результате безалаберности одного могут погибнуть многие; д) что если человек плохой (лживый, ленивый или трусливый), то это вскоре проявляется. Вернувшись на родину и обнаружив, что «все здесь не так», большинство обследованных почувствовали глубокое неудовлетворение жизнью, а некоторые — раздражение здешними порядками. Исп. В.Л. рассказывает: «Пришел из армии — меня все бесило здесь, я себе места не находил...Тут много всего, несправедливостей всяких, поэтому не знаешь, как себя повести, прямо хочется рвать и метать».

То, что «афганцы» обостренно реагируют на различного рода социальную несправедливость — общеизвестный факт. Но обычно они защищают не свои личные права. По словам опрошенных, им неудобно просить что-то для себя. По этой причине они только в случае крайней необходимости (как правило, при необходимости получить жилье) пользуются удостоверением, дающим право на льготы. Вообще характерной чертой служивших в Афганистане, с которыми мне пришлось беседовать, является совесть. Их вмешательство в конфликты, особенно в первое время после возвращения после возвращения, отстаивание прав других людей обусловлено не только «обнаженностью нервов» и болезненной реакцией на социальные аномалии. Существенную роль в этом играет их более активная гражданская позиция, чем у большинства их сверстников и людей старшего поколения. Лейтенант А.С. рассказывает: «После Афганистана на людей другими глазами смотришь, всегда такое чувство, ну, заступиться там, вмешаться — оно сразу проявляется. И чем больше ты вмешиваешься, тем больше ты с несправедливостью сталкиваешься в нашей жизни. Раньше такого не было, вот в стороне стоишь, что-то там случилось, ты про него ничего не знаешь — и пошел. Сейчас туда влез, защищаешь товарища там какого-то, смотришь, а он потом тебя же и облил. Постоянно вот такие накопления бывают».

По признанию обследуемых борьба за справедливость приносит им больше неприятностей и разочарований, чем радостей и удач. Тем не менее результаты данного исследования не дают никаких оснований для подтверждения бытующего у некоторой части населения мнения об «афганцах» как скандалистах, которые просто любят «качать права». Против такого мнения говорит хотя бы тот факт, что не обнаружено статистически значимых различий между показателями вербальной агрессии экспериментальной и контрольной групп. В частности, применение одного из критериев непараметрической ста-

истики — биномиального — позволяет утверждать (с вероятностью ошибки $p < 0,01$), что ответы на вопрос № 74 опросника Басса-Дарки свидетельствуют о том, что «афганцы», как и испытуемые контрольной группы, предпочитают скрывать свое отрицательное отношение к человеку, а не высказывать его тому прямо в лицо. За очень редким исключением, не применяются участниками войны в Афганистане и физические методы при разрешении конфликтов. Такой вывод можно сделать, во-первых, на основании характера их ответов на вопросы опросника, а также отсутствия значимых различий между показателями физической агрессии экспериментальной и контрольной групп. Во-вторых, они сами высказывают отрицательное отношение к дракам в течение второго и третьего этапов эксперимента. Исп. Н.В.: «В Афганистане мог повысить голос, в раздражении даже ударить, а дома все пропадает: здесь другая обстановка, мысли, планы.»

Участвовавшие в экспериментах «афганцы» говорили, что при вхождении в производственный коллектив они не испытывали каких-то особых сложностей в общении с коллегами по работе. Некоторые из них вообще из скромности умалчивали о том, что служили в Афганистане. Другие говорили, что отношение к служившим в Афганистане у людей в основном доброжелательное и даже уважительное. Исключение составляют некоторые бюрократы, которые в ответ на вполне законную просьбу участника войны о предоставлении жилья или внеочередной установке телефона (особенно необходимого имеющим ранения) иногда отвечают: «Я тебя в Афганистан не посылал и делать ничего не обязан». Другим исключением являются люди, переносящие свое отрицательное отношение к участию нашей страны в афганских событиях на конкретных участников (как-будто каждый из них сам принимал решение — воевать ему или нет). Но такое отношение — исключение, а не правило.

В советских средствах массовой информации также преобладает положительный тон сообщений о прошедших службу в Афганистане. Однако, как это ни парадоксально, эти сообщения играют и отрицательную роль: выделяя участников войны в Афганистане в особую группу героев, «передовой отряд нашего общества», публикации в прессе как бы отделяют их от других людей, мешают почувствовать себя в гражданской жизни такими же, как все. Это осознают сами бывшие военнослужащие: «Сейчас вот шумиха в прессе нехорошая идет, мне она не нравится: «афганцы», «афганцы» — здоровая сила нашего общества. Это мне кажется ... как бы это назвать? Конкретно обозначить место на карте, чтобы тому же руководителю показать, что вот «афганец» пришел, что он уже как бы заклеенный. Они в каждом «афганце» теперь будут видеть какого-то борца, понимаете? Какого-то человека,

который может им в чем-то навредить. Понимаете, вот какое-то негативное отношение уже» (исп. С.К.). Следовательно, несмотря на благие намерения, пресса, радио, телевидение вносят свой вклад в замедление процесса адаптации бывших воинов, в некоторой степени препятствуя их ассимиляции среди остальных граждан государства.

Обобщение результатов проведенного исследования приводит к неутешительному выводу: многие из обследованных весьма неуютно чувствуют себя «на гражданке». В частности, исп. А.Л. говорит: «После Афганистана трудно найти свое место в нашей жизни... Хотя там были и трудности, и пули свистели, радость какая-то была, что отдаешь себя. А здесь такое ощущение... что-то такое ненастоящее, с жирком что-то такое, тоскливость какая-то». Отсюда у большинства испытуемых разочарование, обида на людей, неверие в их правдивость и как следствие — желание вернуться в Афганистан. Исп.В.О.: «Посмотрел за эти полтора года, что здесь творится, и опять туда захотел — где чистота. И сейчас иной раз хочется». Ощущение своей ненужности здесь преследует исп.В.Е.: «Там ты как-то знаешь, что кому-то нужен будешь: ребятам своим, даже ребятишкам афганским и то. А тут, я не знаю, тут как-то меньше на тебя внимания обращают. Я полгода здесь побыл и мне как-то сразу надоело, подумал: зачем я пришел оттуда?»

На вопрос: «Не было ли у вас желания вернуться в Афганистан?» 26 человек из 32 ответили утвердительно было» или «было и есть сейчас». Использование биномиального критерия позволяет утверждать ($p < 0,001$), что большинству «афганцев» присуще стремление вернуться туда, где они проходили военную службу. Вот какие объяснения даются этому факту: «Там мы все друг друга понимали, любили, а здесь этого нет»; «Не мог спокойно переносить это: здесь много слов и мало дела, а там сказал — значит сделал»; «Там не было проблем, а тут куча сразу навалилась — жилье, детский сад, работа», и т.п. Но наряду с мотивами бегства от действительности, а также естественного для молодого человека желания проверить себя у многих проявляется благородное стремление облегчить участь солдат, находящихся в Афганистане: «Там молодые ребята, необученные, а у меня навыки, боевой опыт — жертв будет меньше».

Из семи шкал опросника Басса-Дарки единственная, по которой обнаружены значимые различия (даже очень значимые — $p < 0,001$) между показателями испытуемых экспериментальной и контрольной групп, — это шкала «Обида». Применение *t*-критерия Стьюдента позволяет утверждать, что у «афганцев» среднее значение этого показателя существенно превышает среднеарифметическую испытуемых контрольной группы (особенно высок этот показатель у воевавших «афганцев», однако значимых различий между воевавшими и не при-

нимавшими непосредственного участия в боевых операциях не выявлено). Если сказать об этом факте самим обследуемым, то, возможно, некоторые из них будут его отрицать. И это неудивительно: чувство обиды на людей далеко не всегда осознается субъектом. Но заглянем в протоколы, многие из которых прямо указывают на наличие обиды: «Вот когда пришли сюда, мы между небом и землей оказались, понимаете, мы никому не нужные люди (исп. К.С.). Или еще один протокол: «Здесь стену равнодушия встречаешь, никто из начальства не примет тебя как человека» (исп. А.Ш.).

Ответы на вопрос № 59 опросника показывают, что афганцы не верят в то, что большинство людей говорят правду. Статистическая обработка ответов с применением биномиального критерия позволяет утверждать это с вероятностью ошибки $p < 0,01$. В то же время про испытуемых контрольной группы такого сказать нельзя: различие между количеством испытуемых, которые верят и не верят в правдивость людей, ока случайным, статистически недостоверным. Утверждение относительно «афганцев» подтверждается и их собственными высказываниями. Например: «Я уже не верю людям почти, у меня пропадает... это очень страшно, я понимаю, страшно так людей терять» (исп. К.С.). Отвечая на вопрос о том, когда у них пропала вера в правдивость людей, обследуемые говорили, как правило, что после демобилизации. В Афганистане такого мнения не было, там в основном доверяли товарищам и командирам.

Итак, исследование выявило расхождение ожиданий служивших в Афганистане с реальными условиями мирной жизни, разочарование, не до конца осознаваемую обиду на людей, неверие в их правдивость, желание вернуться в Афганистан. Следовательно, помимо тех физических и моральных тягот, которые выпали на долю молодых людей во время военной службы, на родине у них возникает комплекс психологических проблем. Совокупность этих проблем отчасти напоминает «вьетнамский синдром», описанию и изучению которого уделено так много места в американской научной литературе 70-80 -х годов (см., например, [4, 6]). Как это ни горько признавать, приведенные выше факты свидетельствуют о глубоком личностном конфликте «афганцев», в конечном счете — о временной социальной дезадаптации.

Психологическая реабилитация участников войны в Афганистане, конкретная помощь в разрешении возникающих у них психологических проблем — первоочередная задача психологической науки и психологов. Эта задача приобретает общегосударственный характер, если принять во внимание внушительное число «афганцев», а также то, что они по своим моральным качествам, безусловно, составляют одну из лучших частей советской молодежи. Естественно, что общество заин-

тересовано в их скорейшей психологической реабилитации, адаптации и активном включении в процесс перестройки.

Некоторые основания для утверждения о высоких моральных качествах большинства обследованных бывших воинов имеются и в протоколах проведенных экспериментов. Кратко перечислю лишь несколько положительных черт их характера и мировоззрения.

1. Они горячо любят Родину. Участие в борьбе за независимость другого народа способствовало укреплению и осознанию этого чувства. Исп. В. Л. так отвечает на вопрос, почувствовал ли он какие-то изменения в своем характере после Афганистана: «Как-то повзрослел, даже слишком. Раньше даже толком не знал, что такое родина, например. А вот там послужил — я уже место родное прямо не знаю, как я его люблю, не уеду никуда. А вот те, кто не служил там, даже не поймут, что такое любовь к родителям, что такое дом для них, они даже не задумываются над многими проблемами. Там как-то все более ясно, конкретно, трезво видишь».

2. «Афганцы» уважают родителей, острее чувствуют долг перед ними, чем их сверстники. На это указывают, в частности, ответы на вопрос № 32 опросника: если большинство участников войны ответили, что их угнетает то, что они мало делают для своих родителей ($p < 0,05$), то про испытуемых контрольной группы такого сказать нельзя.

3. После службы они стали иначе относиться к людям: «Лучше думаешь как-то о людях, защищаешь их» (исп. О.Р.); «Появилось желание помочь людям, до Афганистана об этом как-то не думал» (исп. И.С.). Как это ни парадоксально, положительное отношение к людям у «афганцев» вполне уживается с полусознанной обидой на них. Причина парадокса здесь, по-видимому, в разной степени обобщенности желания помочь людям, как-то защитить их от несправедливости и чувства обиды. Стремление помогать людям — это убеждение, жизненное кредо, распространяемое на многих (вспомним хотя бы приведенное выше высказывание А.С. о защите на улице постороннего человека). Обиду же наносят конкретные люди, например, бюрократы. Другими словами, положительное отношение к людям следует рассматривать как нравственное убеждение, черту характера «афганцев». В то же время чувство обиды более конкретно, и хочется верить, что оно является преходящим психологическим состоянием.

4. «Афганцев» отличает повышенное чувство ответственности. Наличие ответственности за порученное дело отмечают не только они сами, но и работающие с ними люди. Эта черта характера, в основном, сформировалась в чрезвычайных условиях войны. В ее основе осознание того, что от твоей небрежности, безответственного отношения к делу могут пострадать товарищи или вовсе незнакомые тебе люди.

5. Они не пасуют перед трудностями. Перенесенные лишения закалили их характер, вселили веру в то, что все препятствия можно преодолеть: «Я знаю, что с любимыми трудностями можно справиться. После пребывания там я убедился, что человек выдержит все» (исп. А.З.).

Таков самый первый предварительный эскиз психологического портрета участников войны в Афганистане.

Понимание ситуаций физического насилия и унижения человеческого достоинства. Изучение процесса понимания предполагает проведение исследования углубленного и развернутого качественного анализа указанного психологического феномена. Однако при большом числе испытуемых качественный анализ весьма эффективно может быть дополнен количественным. Последний способен указать на наличие таких лежащих в основе формирования понимания закономерностей, которые трудно уловить при качественной обработке протокола.

Так количественные результаты понимания первой конфликтной ситуации дают основание для заключения о различии ценностно-смысловых позиций понимающих субъектов двух групп, выражающих их отношение к бесчинствам, творимым Ф. На пассивно-декларативном уровне осуждения поведения Ф. позиции всех совпадают. Различия проявляются на активно-действенном уровне. Суть активно-действенного уровня понимания конфликтной ситуации состоит в том, что испытуемый по собственной инициативе, без малейшего побуждающего толчка со стороны экспериментатора анализирует, какие конкретные меры он предпринял бы для сопротивления злу. Тенденция к такому уровню понимания ситуации насилия явно более свойственна «афганцам». Приведенные выше два вывода о совпадении и несовпадении позиций испытуемых на разных уровнях понимания конфликта между Ф и матросами следуют из ответов на вопросы. Во-первых, отвечая на оценочный вопрос об отношении к поведению Ф, все 67 испытуемых высказали негативное суждение о поступках Ф. Во-вторых, только один «афганец» утвердительно ответил на вопрос: «Если бы вы оказались членом команды этого парохода, вы вели бы себя так же, как остальные — не сопротивлялись Ф?». В то же время в контрольной группе 12 чел. сказали, что не стали бы сопротивляться Ф. 10 «афганцев» и 10 испытуемых из контрольной группы высказались за безоговорочное применение физической силы по отношению к Ф. Остальные предлагали сначала попытаться использовать меры убеждения, морального воздействия на Ф и, только если последние не помогут, прибегнуть к силе.

Аналогично проявились ценностно-смысловые позиции понимающих субъектов в ответах на вопрос об оценке действия Т и как повел

бы себя сам испытуемый на месте Т. Из 32 чел. контрольной группы 12 сказали, что пока Ф их не задел, они повели бы себя так же, как Т., т.е. не стали бы вмешиваться в бесчинства Ф. Из 35 «афганцев» так ответили 5 чел. (четверо из них не принимали участия в боях). Интересно, что эти 17 испытуемых осознают расхождение своей позиции с общечеловеческими моральными нормами и прямо говорят об этом. У них наблюдается явное расхождение между пониманием и действием: человек знает, как следует поступать в ситуациях насилия, у него сформирована соответствующая норма, но она становится регулятором его поведения.

Вторая конфликтная ситуация при рассмотрении ее через призму моральных норм нашего общества как бы распадается на две части. Сначала Т, вызвав Ф на драку, заступает за друга и защищает свою честь и достоинство. Во второй части предлагаемого текста описывается, как после того, как Ф попытался применить нож, Т жестоко избил поверженного противника и получил от этого удовольствие.

Первую половину ситуации физического насилия испытуемые обеих групп понимают одинаково: они одобряют поведение Т, считая, что в сложившихся обстоятельствах он не мог поступить иначе. Основой понимания, образцом, под который подводятся действия Т, является «борьба за справедливость». Соответственно испытуемые утверждают, что, оказавшись на месте Т и обладая его физическими возможностями, поступили бы так же, т.е. проучили Ф. Расхождения в понимании ситуации, оценке действий Т возникают при чтении второй части. И в экспериментальной, и в контрольной группах значительное число испытуемых сказали, что оправдывают действия Т (явно жестокие. — В.З.) и сами в подобной ситуации поступили бы сходным образом. В контрольной группе так ответили 12 чел., а в группе «афганцев» — 18 (12 из них воевали). Статистический анализ соотношения числа ответивших «да» и «нет» в обеих группах не выявил значимых различий. Следовательно, ни про одну из групп нельзя утверждать, что среди ее членов преобладает тенденция к оправданию или осуждению жестоких действий Т.

Если проанализировать психологические причины оправдания поведения Т, то нетрудно обнаружить, что у испытуемых двух групп они принципиально различны. Для «афганцев» решающим фактором в оправдании Т выступает угроза его жизни: Ф применил в драке оружие — нож. Например, В.В., характеризующийся крайне низким значением индекса агрессивных реакций, говорит: «Может быть, я поступил бы так же, потому что он угрожал ножом его жизни». Для участников войны в Афганистане смерть — не абстрактное понятие, они не раз смотрели ей в лицо. Их ответы основаны на убеждении: при-

менению оружия следует противопоставить быстрые, решительные и жесткие контрмеры. Решающий вклад в формирование этого убеждения внес прошлый боевой опыт обследуемых, влияние же агрессивных черт личности если и есть, то весьма незначительное. Последнее следует из того, что у «афганцев», оправдывающих жестокий способ обращения Т с противником, средние значения показателей агрессивных и враждебных реакций статистически достоверно не превышают значения «афганцев», осуждающих действия Т. Другими словами, субъекты, оправдывающие жестокость Т, не являются более агрессивными, чем осуждающие его.

Иначе обстоит дело в контрольной группе. Испытуемые, говорившие, что сами поступили бы так, как Т, обычно объясняли это тем, что в азарте драки не смогли бы остановиться, сдержать в себе долго накопивавшееся раздражение против Ф. Их высказывания подтверждаются сравнительным анализом показателей агрессии. Применение в-критерия. Уилкоксона, Манна и Уитни позволяет заключить, что у 12 человек, оправдывающих жестокость Т, средняя величина не прямой агрессии выше аналогичной величины 20 испытуемых, осуждающих действия Т в конце драки ($p < 0,01$). Вместе с тем по параметру прямой агрессии различий между ними не обнаружено. Эти результаты позволяют предположить, что на положительной оценке насильственных действий героя текста сказываются такие особенности понимающего субъекта, как раздражительность и косвенная агрессивность.

Психологический анализ понимания третьей конфликтной ситуации не выявил существенных различий между испытуемыми экспериментальной и контрольной групп. В частности, подавляющее большинство из них позитивно оценили реакцию Т на насилие Ф по отношению к Д. Испытуемые говорили, что и сами, увидев издевательство над другом, тоже вышвырнули бы Ф за дверь. Основой понимания, социальным образцом, под который подводились понимаемые события, в этом случае явилось «наказание негодя».

По ответам на вопросы к заключительной конфликтной ситуации видно, что во время чтения последней части текста число испытуемых, осуждающих поступки Т, резко возрастает. Например, в группе «афганцев», уже не 18, а только 6 чел. сказали, что стали бы действовать подобным образом (четверо из них — упоминаемые ранее субъекты с высокой агрессивностью, а двое других считали, что именно таким должно быть справедливое наказание за издевательство над людьми). Ключом к пониманию четвертой конфликтной ситуации является ответ на вопрос: за что матросы возненавидели Т? В тексте есть прямой ответ на него: «Им было унижительно сознавать, что они долгое время терпеливо сносили выходки ничтожества, с которого

за десять минут сумел сбить спесь человек, доставивший многим из них лишь до плеча и за два рейса ни разу не повысивший голоса» [3, с. 146]. Часть испытуемых ограничилась данным ответом, продемонстрировав тем самым поверхностное, констатирующее понимание сути конфликта между Т и членами команды. Констатирующее понимание возникало у «афганцев», проявивших безразличие к Ф — жертве насилия, не увидевших в нем униженного и оскорбленного человека. Отвечая на соответствующие вопросы, они говорили, что у них 1) нет ни презрения, ни сочувствия к Ф или 2) есть чувство презрения к нему, но нет сочувствия, поскольку «он был и остается негодяем».

Другие испытуемые основательнее проанализировали основные отношения конфликтной ситуации и потому глубже поняли ее. Глубокое понимание ситуации возникает в том случае, если понимающий субъект ясно осознает, что Т унижает другого человека не только потому, что хочет наказать его за бесчеловечное обращение с матросами, а заодно показать последним, какому трусу и ничтожеству они подчинялись. Главный побудительный мотив поведения Т — в его садистских наклонностях и низменном желании получить удовольствие от морального уничтожения негодяя. Осознав это, уже нетрудно понять, что матросы возненавидели Т за жестокое обращение с хотя и плохим, но все-таки человеком. Осуществление приведенной выше цепочки умозаключений представляет собой процесс формирования понимающим субъектом основного смысла событий. Выявление испытуемым этого смысла означает глубокое, т.е. не констатирующее, а интерпретирующее понимание ситуации насилия. Выявили основной смысл, глубоко поняли суть конфликта между Т и командой «афганцы», сказавшие, что положение, в котором оказался Ф, вызывает у них теперь не презрение, а сочувствие: «Чего его уже презирать-то? Даже жалко как-то» (исп. И.К.).

Таким образом, результаты экспериментов позволяют выдвинуть гипотезу: одним из ключевых моментов понимания ситуации насилия субъектом-наблюдателем оказываются его сочувствие, эмпатия к жертве; в частности, эмпатия помогает адекватно оценить побудительные мотивы и психологические особенности личности человека, совершающего акт насилия. Разумеется, эта гипотеза нуждается в дополнительном экспериментальном изучении и теоретическом обосновании.

Завершая психологическое исследование понимания ситуаций насилия и унижения человеческого достоинства, обратимся к характеристике тех выводов, которые делают «афганцы», ознакомившись с предложенными ситуациями, к анализу их заключений о смысле происходящего. Констатирующее и интерпретирующее понимание понимания четвертой конфликтной ситуации решающим образом

сказалось на определении испытуемым смысла всего прочитанного отрывка. «Афганцы», глубоко понявшие ситуацию унижения Ф, считали, что главный смысл прочитанного в том, что «всегда надо поступать по-человечески, нельзя превращать человека в скотину»; «описаны два негодяя: как один уничтожил другого»; «такие жестокие люди, как Т и Ф, не нужны нашему обществу» и т.п. Основной вывод, лейтмотив их высказываний — нельзя унижать человека, даже если это такой плохой человек, как Ф. Для испытуемых, принявших предложенный автором прямой ответ на ключевой вопрос к последней части отрывка, смысл прочитанного был в другом. Лейтмотивом их высказываний являлась борьба за справедливость и наказание зла: «добро должно уметь защитить себя, оно должно быть с кулаками, но Т уж как-то слишком...»; «Т боролся за справедливость, но ему надо было не в одиночку, а с командой», «я за Т, но не до конца» и т.п.

* * *

В статье я коснулся только поверхностного слоя огромного пласта психологических проблем, порожденных участием молодых людей в афганской войне. Советские психологи явно запоздали с началом изучения этих проблем. Провести в самое ближайшее время углубленный анализ психологического своеобразия личности и поведения участников войны в Афганистане, разработать конкретные методы их психологической реабилитации — наш долг не только перед воинами-интернационалистами, но и обществом.

Литература

1. *Апресян Г.* «Афганцы» // Литературная газета. 1988. 8 августа. С П.
2. Заявление о насилии (позиция ученых в форме пяти утверждений) // Психологический журнал. 1987. Т. 8. № 2. С. 18—20.
3. *Шоу И.* Богач, бедняк...// Иностранная литература. 1980. № 10. С. 143—146.
4. *Boÿme P. G.* Men, stress and Vietnam. Boston, 1970.
5. *Buss A.M.* The psychology of aggression. N.Y., 1961. P. 169-181.
6. *Egendorf A.H.* Healing from the war: Trauma and transformation after Vietnam. Boston, 1985.
7. *Kaplan R.M.* The measurement of human aggression // Aggression in children and Youth. N.Y., 1984. P. 44-72.
8. *Werbik H.* Zur terminologischen Bestimmung von Aggression und Gewalt // Aggression: Naturwissenschaftliche und kulturwissenschaftliche Perspektiven der Aggressionsforschung. Bern, 1982. S. 334—350.

ПОНИМАНИЕ АСОЦИАЛЬНЫМИ ПОДРОСТКАМИ СИТУАЦИЙ НАСИЛИЯ И УНИЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА

Опубликовано: Вопросы психологии. 1990. № 1. С. 20—27.

Рост агрессивных и преступных тенденций в подростковой среде — печальная примета времени, отражающая одну из острейших социальных проблем, болевых точек нашего общества: «за два последних десятилетия молодежная преступность возросла в полтора, а подростков — почти в два раза» [1, с. 57]. Обращает на себя внимание и тревожит факт увеличения числа преступлений против личности, влекущих тяжкие телесные повреждения. Юристов, социологов, психологов, педагогов не могут не беспокоить участвовавшие случаи групповых мальчишеских драк, ставших чересчур ожесточенными [4].

В этих условиях ни у кого не вызывает сомнения актуальность проблемы анализа психологических механизмов агрессивного поведения подростков. Психические свойства личности, в том числе и такие негативные, как агрессивность, формируются под воздействием социальной среды. Для подростка, как известно, наиболее значимыми элементами социального окружения являются группы сверстников в школе и на улице. Соответственно, главные причины агрессивного поведения подростка следует искать в его межличностных отношениях с окружающими, а также в типах социальных норм, принятых в референтных для него группах. В этой связи важным аспектом проблемы является выяснение того, как разные категории подростков относятся к поведенческим проявлениям агрессивности человека, как они понимают ситуации вербальной (оскорбление, угрозы) и физической агрессии (нападение, избиение). Особый интерес для меня представляет вопрос: как подростки понимают такие коммуникативные ситуации, в которых люди пытаются решить межличностные конфликты с помощью физической силы или угроз?

Психологи, занимающиеся изучением агрессивности человека, выделяют различные формы ее проявления. Например, в книге [9] опи-

сываются шесть форм агрессивного поведения молодых людей: спонтанная агрессия, запланированная, отложенная, ритуализированная, стандартизованная и отравленная болтовней (*zerrerede*). Они отличаются друг от друга длительностью и характером предварительной словесной перепалки соперников, видом и интенсивностью физического столкновения, способом окончания или разрешения конфликта. Кроме того, при анализе подобных ситуаций обычно выделяются три основные ролевые позиции участников конфликта: «действующий», т.е. субъект, причиняющий умышленный вред оппоненту, «пострадавший» и «нейтральный наблюдатель» [7, с. 341]. В соответствии с указанными позициями прямых и косвенных участников конфликтной ситуации психологический анализ понимания различных форм агрессивного поведения целесообразно проводить в трех направлениях.

Во-первых, надо выяснить, как понимают ситуации насилия и оскорбления человека подростки, неоднократно совершавшие хулиганские поступки и насильственные действия. Психологу это необходимо знать потому, что в реальном человеческом поведении понимание субъектом окружающего мира и его действия по преобразованию мира взаимообусловлены. В некоторых, прикладных областях психологии (психодиагностика, психотерапия и др.) понимание и действие настолько взаимосвязаны, что провести границу между ними практически невозможно. Неудивительно, что некоторые ученые предпринимают попытки представить саму психологическую структуру понимания как особый вид когнитивного действия [10]. С одной стороны, формирование понимания, его углубление и расширение происходят в процессе взаимодействия субъекта с объектом (понимание характеризует ту сторону взаимодействия, которая связана не столько с познавательными процедурами получения нового для субъекта знания об объекте, сколько с процедурами осмысления отображенных в знании неизвестных ранее свойств объекта, порождения его операционального смысла [5]). С другой — совершать поступки, осуществлять действия по преобразованию объективной действительности можно только на основе хотя бы приблизительного предварительного ее понимания. В частности, для подростка то или иное понимание конфликтной ситуации фактически становится ключом к действиям в этой ситуации. Если он не видит ничего предосудительного в физических способах разрешения споров, то реализует свое понимание на практике — участвует в драках.

Во-вторых, нужно исследовать, как понимают ситуации такого рода подростки, оказавшиеся жертвами агрессии: от характера понимания ситуации пострадавшим зависит его поведение — окажет ли он сопротивление агрессору или посчитает его бессмысленным. Наконец, **в-третьих**, в целях профилактики правонарушений не менее важ-

но знать и то, как понимают ситуации насилия подростки, ставшие свидетелями агрессивных действий.

Психологу, изучающему закономерности понимания ситуаций насилия и оскорбления человека, необходимо различать ролевые позиции участников конфликта прежде всего потому, что в зависимости от позиции, в которой осуществляется понимание, одно и то же действие субъекта может быть понято неодинаково. Например, «пострадавший» или «нейтральный наблюдатель» могут посчитать его слишком грубым, агрессивным, а «действующий» — неагрессивным, вполне допустимым в практике общения. Вместе с тем специфика понимания поведения другого человека определяется индивидуальными особенностями характера понимающего субъекта (вспыльчивостью, раздражительностью и т.п.), а также нравственными принципами, регулирующими его собственное поведение. В зависимости от этих факторов молодые люди по-разному понимают слова и поступки человека, находящегося в конфликте с другим.

Одни подростки воспринимают манеру такого поведения как агрессивную, заслуживающую осуждения, а другие — как вполне нормальную, соответствующую обстоятельствам конфликтной ситуации, а третьи даже выбирают ее в качестве образца для подражания.

Успешное решение задачи педагогической коррекции поведения подростков, предотвращения развития у них агрессивности и склонности к участию в драках возможно только в том случае, если педагог имеет адекватное представление о субъективном отношении каждого воспитуемого к физическим способам решения межличностных конфликтов, о специфике понимания им ситуаций насилия и унижения человеческого достоинства. Чтобы выяснить, как сказываются на понимании таких ситуаций агрессивные черты характера подростка и его нравственные нормы отношения к насилию, было проведено экспериментальное исследование. В нем приняли участие учащиеся VIII и IX классов закрытого специального учебного заведения, попавшие туда за совершенные правонарушения, хулиганские поступки, избиение сверстников и взрослых. По материалам личных дел и характеристикам директора учебного заведения таких мальчиков оказалось 23 человека. Контрольную группу испытуемых составили 23 ученика одной из подмосковных средних школ.

МЕТОДИКА

Эксперимент проводился в три этапа индивидуально с каждым испытуемым.

На первом этапе испытуемый отвечал на 75 вопросов опросника Басса — Дарки [8], выявляющего семь форм агрессивных и враждеб-

ных реакций человека: физическую агрессию, косвенную агрессию, склонность к раздражению, негативизм, обиду, подозрительность, вербальную агрессию. Числовые показатели физической и вербальной агрессии отражают склонность обследуемого к активным прямым формам агрессивного поведения, а показатели косвенной агрессии и раздражения — к опосредованным, непрямым формам. Сумма числовых показателей раздражения, физической, косвенной и вербальной агрессии образуют индекс агрессивных реакций, сумма показателей обиды и подозрительности — индекс враждебности.

На втором этапе эксперимента испытуемому предлагалось прочитать текст [6], описывающий ситуации физического насилия и унижения человеческого достоинства, и ответить на вопросы к нему.

В тексте отражены четыре сменяющие одна другую межличностные конфликтные ситуации. В первой части текста описывается, как один из членов команды торгового парохода, итальянец Ф, терроризирует матросов: избивая и унижая их, он показывает, кто хозяин в кубрике. Во второй части Ф оскорбляет бывшего боксера Т, и тот жестоко, до крови избивает Ф, осознав при этом, что получил удовольствие от избиения. Третья конфликтная ситуация возникла, когда Т застал Ф в каюте своего друга Д в момент совершения физического насилия над последним. Т вышвырнул Ф за дверь. На завершающей стадии конфликта Т начал морально уничтожать Ф в глазах команды: всегда, когда они случайно встречались, он ударял его один раз — ни больше, ни меньше. Т проделывал это с нескрываемым удовольствием, а Ф больше не задевал никого из членов команды и покорно подставлял себя под удары. Матросы возненавидели Т за его обращение с итальянцем. После очередной сцены унижения Ф покончил жизнь самоубийством, выбросившись за борт. Матросы перестали разговаривать с Т. В ближайшем порту он вместе с Д покинул корабль.

Описания конфликтных ситуаций предъявлялись испытуемому последовательно в четыре приема: прочитав первый отрывок текста, он должен был ответить на ряд вопросов к нему. Затем экспериментатор предъявлял описание второй конфликтной ситуации, задавал относящиеся к ней вопросы и т.д. Прочитав текст полностью, испытуемый рассказывал, в чем, по его мнению, заключается смысл прочитанного, какова мораль рассказа.

В психологии понимания прием постановки вопросов считается надежным индикатором понятности человеку фактов, событий, явлений. При этом вопросы должны соответствовать структуре объекта понимания, т.е. в нашем случае — конфликтным ситуациям [10]. Понимание таких ситуаций требует от субъекта не только выявления предмета противоречий между участниками конфликта. В первую очередь оно осно-

вано на умении понимающего встать на точку зрения каждого оппонента, оценить свое отношение к особенностям его личности и поведения, сформулировать адекватные гипотезы о целях участников взаимодействия. Понимание по своей психологической природе диалогично: оно возникает как бы на стыке разных точек зрения, ценностно-смысловых позиций субъектов общения [2]. Соответственно, понимание человеком конфликтной ситуации оказывается тем адекватнее и глубже, чем в большей степени он способен проанализировать ситуацию с разных сторон и взглянуть на нее глазами участников конфликта. Поэтому при планировании исследования предполагалось, что вследствие преломления результатов анализа объективно возможных вариантов поведения всех участников конфликта через субъективную систему норм и ценностей испытуемого у агрессивного подростка возникает целостное понимание анализируемой ситуации насилия. Основной методический приём, применяемый на этом втором эксперименте, заключался в том, чтобы побудить испытуемого, отвечая на вопросы, попеременно занимать одну из трех ролевых позиций — агрессора, жертвы или свидетеля. С этой целью испытуемым задавались вопросы четырех категорий.

Констатирующие — это прямые вопросы, относящиеся к фактам в явном виде представленным в тексте («Какие цели преследовал Ф, чего он хотел?»). **Интерпретирующие** вопросы — при ответе на них испытуемый должен осуществлять интерпретацию фактов: делать умозаключения о возможных причинах описанных в тексте событий («Почему Т скрывал от команды, что он бывший боксер?»), а также предположения о допустимых вариантах развития событий («Как повел бы себя Ф, если бы Т сдержался и не отреагировал на оскорбление?»). Вопросы на **идентификацию**, требующие от понимающего мысленной постановки себя на место участников конфликта («Стали бы Вы поступать таким же образом, как Т, после инцидента в каюте?»). Вопросы на эмпатию — ответы на них выявляют отношение испытуемого к особенностям личности и поведения участников конфликта («Хорошо ли, с Вашей точки зрения, что Т «получил истинное удовольствие» от избиения Ф?»).

На **третьем этапе** эксперимента я расспрашивал испытуемого о его участии в драках: часто ли он дрался в детстве, раннем и позднем подростковом возрасте; каковы наиболее типичные причины драк; приходилось ли ему выступать в роли инициатора, зачинщика драки; каких столкновений было больше — групповых или индивидуальных.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Сравнительный анализ количественных показателей ответов на вопросы опросника выявил существенные различия между испытуемыми двух групп. По всем семи шкалам оценки показателей агрессивных и враждебных реакций у несовершеннолетних правонарушителей в среднем в полтора раза превышали оценки школьников (различия статистически значимы по Х-критерию Ван-дер-Вардена, $p < 0,01$). Если у школьников оценки практически не отличались от нормы, среднестатистических оценок испытуемых из разных выборок [8], то оценки подростков с отклоняющимся поведением оказались близкими к максимальным для каждой шкалы. Следовательно, по данным опросника, эти подростки являются очень агрессивными и враждебно настроенными по отношению к людям. В частности, ответы на вопрос № 59 свидетельствуют о том, что юные правонарушители, как правило, не верят, что большинство людей обычно говорят правду. Применение одного из критериев непараметрической статистики (биномиального) позволяет утверждать это с вероятностью ошибки $p < 0,01$. В то же время про школьников такого утверждения сделать нельзя: пятнадцать человек сказали, что верят в правдивость людей, а восемь — не верят (различия статистически незначимы).

Однако дальнейшее исследование показало, что отнюдь не все агрессивные подростки имеют психологическую предрасположенность к агрессивному поведению, субъективную склонность к участию в драках: многих вынуждает к этому обстановка в закрытом учебном заведении, его негласные законы. На основании анализа личных дел подростков, мнения директора о каждом из них, а также сопоставления результатов опросника с высказываниями самих ребят об их отношении к дракам в исследовании были выявлены три основных типа агрессивного поведения.

Приходится признать, что во многих исправительных учреждениях для несовершеннолетних царит культ силы, «кулачное право». Для некоторых подростков, не обладающих большими интеллектуальными и коммуникативными способностями, драка, физическое насилие оказываются самым приемлемым **способом самоутверждения**, завоевания авторитета у сверстников. А раз так, то неизбежно появляется и категория физически менее сильных подростков, для которых агрессия — это **защитная реакция**. Такой подросток вынужден вести себя агрессивно, становиться иногда инициатором драки, чтобы отстоять своё «я», избежать репутации «слабака», которым можно помыкать. Социальная изоляция оказывается для подростка с отклоняющимся поведением сильнейшим фрустрирующим фактором, способствующим развитию у него агрессивных черт. Именно вследствие фрустрации, состояния по-

вышенной психической напряженности, вызванного совокупностью условий жизни в местах лишения свободы, у некоторых подростков возникают вспышки вербальной и физической агрессии. По существу, для них акт агрессии — это не что иное, как **способ психической разрядки**. Кроме того, независимо от преобладающего типа агрессивного поведения у большинства обследованных периодически возникает инструментальная агрессия: они начинают драку, чтобы достичь какую-нибудь значимую цель. В зависимости от конкретных обстоятельств этот тип агрессивного поведения могут демонстрировать подростки, значительно различающиеся по характеру и показателям агрессивности личности.

Таким образом, психологическими корнями и причинами агрессивности подростка могут быть: *во-первых*, свойства его нервной системы (например, неуравновешенность нервных процессов — преобладание возбуждения над торможением) и природные особенности темперамента (например, возбудимость и сила эмоций). Разумеется, наивно было бы искать прямые корреляционные связи между свойствами нервной системы человека, особенностями его темперамента и агрессивностью: в научной школе В.С. Мерлина давно получены экспериментальные данные о наличии не прямых, а косвенных, опосредствованных связей [3]. Свойства нервной системы и особенности темперамента при неблагоприятных жизненных обстоятельствах (пьющие родители, конфликты в семье, педагогическая запущенность) оказываются опосредствующими факторами психического развития, способствуют формированию у ребенка таких черт характера, как импульсивность, раздражительность, неумение сдерживать себя. Естественно, что в состоянии фрустрации подросток с подобной психической организацией ищет выхода внутреннему напряжению в драке. *Во-вторых*, агрессия может быть вызвана необходимостью защитить себя или удовлетворить свои потребности в такой ситуации, в которой молодой человек не видит иного выхода, кроме драки или, по крайней мере, словесных угроз. *В-третьих*, для некоторых агрессивных подростков участие в драках, утверждение себя в глазах окружающих с помощью кулаков является сознательной линией поведения, отражающей их жизненные принципы, мировоззрение.

Рассмотрим сначала, как понимали ситуации насилия семь подростков, для которых агрессия является способом самоутверждения, завоевания власти в малой группе путем физического подавления других мальчиков из группы. При осмыслении и понимании первой конфликтной ситуации все испытуемые из контрольной группы школьников сказали, что осуждают поведение Ф. В отличие от них упомянутые семь агрессивных подростков считали поступки Ф нормальными, не противоречащими нормам поведения человека в обществе: «Каждый

ведет себя как может, просто у него натура такая — нормальное поведение, особого осуждения оно у меня не вызывает» (исп. Д.Д.).

При понимании второй конфликтной ситуации они полностью оправдывали жестокое избиение Ф и говорили, что поступили бы точно так же. Оправдание жестокости основано у агрессивных подростков, во-первых, на личном опыте: вспоминании положительных эмоциональных переживаний, возникавших после драк. Например, испытуемый А.С. сказал, объясняя, от чего именно Т почувствовал удовольствие после избиения Ф: «Я тоже получаю удовольствие, хотя сам не понимаю от чего. Разрядка какая-то произошла, может быть, внутренняя». Во-вторых, они одобряют действия Т, поскольку искренне считают драку самым подходящим способом решения межличностных конфликтов. Испытуемый К.В. так ответил на вопрос о его отношении к появлению у Т указанного чувства: «Конечно, это хорошо: наконец-то он размялся, хорошо подрался с кем-то, разбил ему физиономию».

Для этих семи подростков характерно равнодушие или презрение к жертве насилия. Они не пытаются рассмотреть изменившееся положение Ф и увидеть в нем оскорбленного и униженного человека. Напротив, сформировавшийся при чтении первой части рассказа шаблонный образ отрицательного героя способствует появлению у них мстительного чувства удовлетворения от его наказания: «У меня наслаждение такое, что вот так получилось, получает он по заслугам» (исп. А.С.). Соответственно, эти подростки говорили, что одобряют издевательства Т над Ф, отраженные в описании четвертой конфликтной ситуации, и сами поступили бы аналогично. На вопрос о том, зачем, с какой целью он стал бы так обращаться с человеком, испытуемый Ф.К. цинично отвечает: «Просто так, чтобы унижить, опустить его».

Ключом к пониманию последней конфликтной ситуации да и, пожалуй, смысла всего рассказа является ответ на вопрос: «За что матросы возненавидели Т?» В тексте есть прямой ответ на него: «Им было унижительно сознавать, что они долгое время терпеливо сносили выходки ничтожества, с которого, за десять минут сумел сбить спесь человек, достававший многим из них лишь до плеча и за два рейса ни разу не повысивший голоса» [6, с. 146]. Шестеро испытуемых ограничились данным ответом, продемонстрировав тем самым поверхностное, констатирующее понимание конфликтной ситуации (седьмой сказал, что вообще не понимает причин ненависти).

Неудивительно, что эти подростки очень неглубоко, упрощенно поняли общий смысл анализируемых межличностных конфликтов. Все они выразили его примерно так, как приведенный на эксперимент под конвоем из карцера Р.Е.: «На каждую силу есть другая сила». Такое понимание ситуаций насилия основано на игнорировании мораль-

ных норм нашего общества, оно построено на простом эгоистическом расчете: если этот человек сильнее меня, то его следует опасаться.

Иначе выглядит структура понимания конфликтных ситуаций у подростков с защитным типом агрессивного поведения. Понимание человеком нового материала всегда происходит в процессе его сопоставления с уже известным материалом, чем-то похожим на понимаемый. Прошлый опыт субъекта хранит те эталонные предметные ситуации, образцы, при сравнении с которыми понимается новое, ранее неизвестное. Для подростков с защитной агрессией во время экспериментов по пониманию ситуаций насилия в качестве таких образцов выступали понятия «борьба за справедливость» и «защита человеческого достоинства». Разумеется, в контексте ценностно-нормативной сферы личности агрессивных подростков эти понятия несколько отличаются по вкладываемому в них содержанию от общепринятых, словарных определений.

Эти подростки (13 человек), анализируя первую ситуацию, характеризовали обращение Ф с членами команды как грубое и бесчеловечное. Они говорили, что, оказавшись на месте Т, заступились бы за матросов или попробовали организовать их для коллективного отпора Ф. Отвечая на вопросы о второй ситуации, испытуемые утверждали, что после победы в драке не стали бы избивать поверженного противника и уж тем более получать от этого удовольствие: «Не понимаю, как можно получить удовольствие оттого, что кого-нибудь избить?» (исп. К. Д.). Тем не менее некоторые подростки положительно оценили действия Т, приписывая ему только благородное стремление наказать негодяя за унижение людей: «Конечно, это хорошо — он избил того, кто их оскорблял» (исп. М. В.). Эти испытуемые имеют искаженное представление о допустимых методах борьбы за справедливость и потому не умеют провести грань между справедливым возмездием и проявлением низменных, садистских наклонностей бывшего боксера.

Однако по мере чтения рассказа оценка личности Т у большинства подростков из этой группы коренным образом изменилась. Они поняли, что в нравственном отношении Т, в сущности, ничуть не лучше Ф: «Он сам теперь стал унижать Ф так же, как тот прежде унижал матросов» (исп. И.Д.). Для подростков с защитной агрессией характерно умение понять состояние жертвы насилия, войти в положение оскорбленного и униженного человека. Вследствие этого при осмыслении заключительной конфликтной ситуации они стали более сочувственно относиться даже к такому негодяю, как Ф: «Жалко стало Ф — ведь сколько можно-то? Ладно, избил его пару раз, ну а так, чтобы каждый день подходить, унижать по-всякому — жалко любому человеку будет» (исп. Н. А.). Эмпатия, сочувствие к жертве стало для испытуемых клю-

чом к адекватному пониманию смысла рассказа: нельзя издеваться над человеком, даже если это безусловно плохой человек; какие бы благородные цели ты перед собой не ставил, унижая негодяя, ты тем самым опускаешься до его уровня и превращаешься в такого же негодяя.

Любопытные противоречия в понимании смысла рассказа наблюдались у тех испытуемых с защитным типом агрессивного поведения, которые оправдывали поступки Т, полагая, что им движет только стремление защитить матросов и воздать должное унижавшему их человеку. Эти подростки, выразив свою неприязнь к Ф при осмыслении первой конфликтной ситуации, сохранили её до конца эксперимента. Они не утруждали себя анализом изменившегося положения Ф в системе межличностных отношений членов команды корабля: «Сочувствия у меня к нему нет, немного презрения к нему испытываю» (исп. И. Д.). Тем не менее они понимали, что матросы возненавидели Т вследствие того, что «им стало жалко Ф — Т его бьет, унижает» (исп. Ц. А.).

Очевидно, что именно искаженные представления подростков о борьбе за справедливость и допустимых методах защиты человеческого достоинства препятствовали формированию у них процессов идентификации с членами команды и эмпатии к Ф. Выявленное в процессе понимания конфликтных ситуаций сочувствие матросов к жертве агрессии зафиксировалось в сознании испытуемых только как факт, полученный в результате познавательной деятельности. Однако знание этого факта не способствовало возникновению у них чувства личного сострадания к оскорбленному и униженному человеку. Неудивительно, что представления о справедливости и нравственные нормы отношения к насилию сыграли доминирующую роль в понимании смысла рассказа: «Т решил, чтобы справедливость наконец восторжествовала и не было больше так, чтобы вся команда из-за какого-то одного по углам прячется. Я полностью поддерживаю Т, другие методы на Ф не подействовали бы» (исп. М. В.).

Аналогичное понимание ситуаций насилия проявилось и у подростков, для которых агрессия — это прежде всего способ психической разрядки (3 человека). Они говорили, что поступили бы, как Т, потому что считают такое обращение с Ф вполне им заслуженным и справедливым.

Таким образом, результаты исследования говорят о том, что специфика понимания ситуаций насилия в значительной мере определяется ценностно-нормативной сферой личности агрессивного подростка. Социальные корни происхождения этических норм и стереотипов поведения испытуемых отчетливо проявились при анализе причин возникновения у них инструментальной агрессии. Протоколы экспериментов свидетельствуют, что главные причины, побуждающие под-

ростка принимать участие в драках, следует искать в правилах поведения, принятых в референтных для него группах сверстников, в традициях дворовых и уличных компаний: «Почти всякий спор разрешался с помощью кулаков. Так заведено было, не я же первый, я уже учился на традиция двора: если прав, то умеи защитити свою правду» (исп. И. Д.)- В качестве причин драк назывались также суга, незнание, куда себя деть, алкогольное опьянение, принадлежность к враждующим группировкам: «У нас в городе часто район с районом не ладят. Обычно мы компания на компанию дрались, а так-то, одному, просто неинтересно, скучно» (исп. К. В.).

В беседах с ребятами мне не довелось услышать о примерах положительного воспитательного воздействия на них взрослых, сдерживающего развитие агрессивных наклонностей. Напротив, подростки рассказывали о случаях такого обращения с ними работников милиции и учителей, которое вызывало у них только раздражение и озлобленность. Безусловно, это их субъективное, в отдельных случаях неадекватное восприятие окружающей действительности. Однако в результате этих индивидуальных особенностей социальной перцепции агрессивные подростки чувствуют себя обособленными от мира взрослых и потому не обязаны ориентироваться в своём поведении на многие морально-этические принципы, которых придерживается большинство взрослых. В частности, они знают, что в нашем обществе осуждается жестокость, но применительно к дракам считают эту точку зрения несвоевременной, не соответствующей тому, что они видят в действительности: «Всегда так было, уже в привычку вошло, сколько раз я и на воле дрался — всегда бьют до «потери». Упадешь, да ещё ногами начнут лупить» (исп. С. И.). Неудивительно, что поведение агрессивных подростков с таким трудом поддаётся педагогической коррекции: ведь от взрослых они слышат одно, а в жизни видят совсем другое.

Выводы

1. Подростки, различающиеся по типам агрессивного поведения, неодинаково понимают ситуации насилия и, соответственно, имеют более или менее выраженную склонность к участию в драках. Лишь некоторые агрессивные подростки безоговорочно одобряют физические способы разрешения межличностных конфликтов и часто становятся инициаторами драк. Остальные считают драку вынужденной мерой, применение которой неизбежно в ситуациях защиты человеческого достоинства, борьбы за справедливость или достижения значимой цели. Однако все они, безусловно, нуждаются в педагогической коррекции содержания их морального и правового сознания.

2. Агрессивность подростка может быть обусловлена не только стабильными внутриличностными факторами, но и внешней средой. Поэтому анализ причин агрессивного поведения требует от исследователя тщательного изучения, во-первых, таких устойчивых особенностей нервной системы, темперамента и характера субъекта, которые способствуют возникновению психологической предрасположенности к агрессивности; во-вторых, социального окружения подростка, правил и норм поведения, оказывающих решающее влияние на формирование ценностно-нормативной сферы его личности.

3. Педагогическую коррекцию поведения агрессивных подростков не следует осуществлять путем ужесточения карательных мер, так как они озлобляют ребят и способствуют увеличению их агрессивности. Воспрепятствовать этому, разрушить стереотипы антиобщественного поведения подростка, сформировать соответствующую нормам нашего общества направленность его личности можно только гуманными методами воспитания и улучшения условий жизни.

Литература

1. *Власов А.В.* На страже правопорядка // Коммунист. 1988. № 5. С. 49—59.
2. *Знаков В.В.* Основные условия межличностного понимания в совместной деятельности // Вопросы психологии. 1984. № 1. С. 138—141.
3. *Колчина Л.П.* Связь поведенческого, вербального показателей социальной агрессивности и агрессивности при фрустрации // Темперамент / Под ред. В.С. Мерлина. Пермь. 1976. С. 45—64.
4. *Мяло К.* Казанский феномен // Новое время. 1988. № 33. С. 41—43.
5. *Тихомиров О.К., Знаков В.В.* Мышление, знание и понимание // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1989. № 2. С. 6—16.
6. *Шоу И.* Богач, бедняк... // Иностранная литература. 1980. № 10. С. 143—146.
7. *Aggression. Naturwissenschaftliche und kulturwissenschaftliche Perspektiven der Aggressionsforschung / R. Hilke, W. Kempf (Hrsg.).* Bern, 1982.
8. *Buss A.H.* The psychology of aggression. N.Y., 1961. P. 169—181.
9. *Krausslach J., Duwer F.W., Fellberg G.* Aggressive Jugendliche. Jugendarbeit zwischen Kneipe und Knast. Munchen, 1977.
10. *Lange G.* Verstehen in der Psychodiagnostik. Eine fragemethodische Untersuchung am Beispiel des Rorschach-Tests. Koln, 1986.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ НЕПОНИМАНИЯ «АФГАНЦЕВ» В МЕЖЛИЧНОСТНОМ ОБЩЕНИИ

Опубликовано: Психологический журнал. 1990. Т. 11. № 2. С. 99-108.

Одна из неотложных практических задач, стоящих перед российскими психологами — оказание психологической помощи в послевоенной адаптации нашим соотечественникам, принимавшим участие в войне в Афганистане. Однако решение этой задачи наталкивается на целый ряд трудностей. И главная из них — почти полное отсутствие в отечественной науке данных о психологических последствиях длительного пребывания человека в экстремальных условиях этой войны. Проведенные в 1988-1989 гг. эксперименты, направленные на изучение некоторых особенностей личности и послевоенной адаптации «афганцев», свидетельствуют, что вскоре после возвращения на Родину у многих «афганцев» возникает чувство неудовлетворенности характером межличностных отношений и системой ценностей людей, с которыми они общаются на работе и в быту; появляются не всегда осознаваемая обида на окружающих, желание вернуться в Афганистан (в условиях закончившейся для нашей страны войны это желание фактически означает субъективное стремление вновь окунуться в атмосферу боевого братства, попасть «туда, где чистота» — исп. В.О.). Перечисленные признаки (их список далеко не полон) указывают на наличие временной социальной дезадаптации участников войны, в преодолении которых им обязаны помочь психологи.

В этом плане одна из основных трудностей, с которыми сталкивается специалист, занимающийся проблемами психологической реабилитации участников афганской войны, состоит в отсутствии научно обоснованной таксономии объективных и субъективных причин непонимания «афганцев» (их мировоззрения, свойств личности, мотивов поведения) многими людьми, с которыми они вступают в общение после возвращения домой. Естественно, это затрудняет разработку методов устранения непонимания, вызывающего у участников войны в Афганистане состояние психологического дискомфорта.

Цель статьи — проанализировать основные причины непонимания «афганцев» людьми, различающимися по полу, возрасту, социальному положению. Слово «непонимание» я буду употреблять в работе как антоним «взаимопонимания» (межличностного понимания). Взаимопонимание людей в процессе межличностного общения может быть истолковано двояко: 1) понимание субъектами общения установок, мотивов, целей, личностных черт партнеров при безразличном или даже отрицательном отношении друг к другу; 2) не только понимание установок и т.д., но и их принятие, влекущее появление у субъекта доброжелательного отношения, симпатии и уважения к человеку, с которым он общается. В статье слово «взаимопонимание» употребляется во втором смысле.

МЕТОДИКА

Материалом для анализа причин взаимного непонимания в общении послужили, с одной стороны, данные экспериментов, проведенных с 82 участниками в Афганистане, и, с другой — записи бесед об афганской проблеме и «афганцах» с 30 «экспертами». Объектом психологического анализа были те коммуникативные ситуации, в которых у «афганцев» возникло ощущение, что партнеры по общению их не понимают. Эксперименты проходили в два этапа — летом 1988 и 1989 гг.

На **первом** этапе 35 испытуемых 1 группы сначала отвечали на вопросы опросника Басса-Дарки, предназначенного для выявления агрессивных и враждебных поведенческих реакций человека [13]. Затем каждый испытуемый отвечал на десять основных вопросов (количество дополнительных варьировалось), направленных на выявление субъективных оценок степени сложности перехода от военной жизни к мирной и изменений в характере молодого человека, происшедших под влиянием участия в войне. Прямые вопросы о том, испытывали ли «афганцы» психологические затруднения при общении с неволевавшими людьми и возникало ли у них в таких коммуникативных ситуациях чувство непонимания, испытуемые группы 1 не задавались.

В экспериментах **второго** этапа принимали участие 47 испытуемых группы 2. Они тоже сначала отвечали на вопросы опросника. Затем в ходе «фокусированного» интервью [5, с. 65] испытуемый отвечал на 30 основных вопросов. Большая часть из них была направлена на установление того, возникали ли у участника войны трудности в общении и взаимопонимании с другими ветеранами, а также неволевавшими людьми; часто ли возникали конфликты; как, по мнению испытуемого, относятся к «афганцам» различные по социальному составу группы населения и т.п.

Контрольная группа «экспертов» состояла из рабочих, журналист-

тов, преподавателей, научных работников, ветеранов Великой Отечественной войны, психиатра, нарколога.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В исследовании обнаружено, что наиболее распространенной причиной коммуникативных неудач в ситуации общения участников войны в Афганистане с людьми, не принимавшими в ней участия является нарушение коммуникантами основных условий взаимопонимания.

Первое условие взаимопонимания общающихся людей — наличие у них в памяти примерно одинаковых запасов сведений о предмете обсуждения, похожие модели предметной области, которая становится темой разговора. В противном случае может оказаться, что собеседники осведомлены о диаметрально противоположных свойствах предмета, а общих знаний о нем, всегда необходимых для взаимопонимания, у них нет. Первый камень в стену взаимного непонимания, отделяющую нас от «афганцев», закладывает именно различие знаний об афганской войне и людях, принимавших в ней участие. В психологическом смысле знания принципиально различны. Для невоювавшего человека это просто некоторый набор сведений, почерпнутых из газет, радио- и телепередач и т.п., не ставших для него лично значимым знанием. Для «афганцев» знания об афганской войне и ее участниках — не просто сведения, а сильно эмоционально окрашенные воспоминания о товарищах, боях, опасностях; не воспоминания о том, что было и что не повторится, а неотъемлемая часть внутреннего мира воювавшего, оказывающая существенное влияние на их сегодняшние мысли и поступки: «Как-то это (служба в Афганистане.- В.З.) сильно подействовало на меня, сильное впечатление произвело — такое никогда не забудешь» (исп. И.Г.).

Некоторые из моих собеседников из контрольной группы основным препятствием к пониманию участников афганской войны считали именно принципиальную невозможность постижения невоювавшим человеком всей правды о войне, трудность формирования адекватного представления об условиях жизни и боевых действиях наших воинов в Афганистане. Этой точки зрения придерживаются и сами «афганцы»: «Наверное, для того чтобы люди нас поняли, надо их туда отправить чтобы они наполнили свою жизнь впечатлениями, событиями, которые у нас были» (исп.С.Ч.). О неоднократном появлении чувства непонимания в различных коммуникативных ситуациях сообщили 35 испытуемых группы П. Вместе с тем практически все 82 испытуемых прямо или косвенно указали на то, что взаимопонимание с «афганцами» у них гораздо лучше, чем с другими людьми, причем не только при обсуждении вопросов, имеющих отношение к афганской войне.

Таким образом, у «афганцев» нередко возникает чувство, что партнеры по общению их не понимают. Конкретным подтверждением того, что это субъективное чувство не лишено объективных оснований, оказались выявленные в исследовании искаженные представления отдельных групп населения о характере афганской войны и реальных обстоятельствах несения службы нашими воинскими подразделениями. Исп. СТ., вернувшийся из Афганистана в июне 1988 г., утвердительно отвечая на вопрос о том, не возникало ли у него ощущения, что окружающие люди не понимают его, добавляет: «Я уже даже не стараюсь рассказывать, потому что знаю, что смех будет, не верят просто... Много насмешек, что мы там не воевали, а как бы торговали, что некоторые там не воевали, а с женщинами гуляли. Ну и много еще, все вроде этого: что мы там ничего не делали, а просто...».

К сожалению отраженное в протоколе исп. СТ. мнение — не единичное явление (выразителем этого мнения в данном случае были представители рабочей среды), а один из объективных факторов общественного сознания, мешающих установлению взаимопонимания носителей подобных мнений с «афганцами». Социально-экономические корни этого явления вполне ясны: они связаны с тем, что в последние десятилетия у многих граждан нашей страны возможность поездок за границу ассоциируется с относительно высоким уровнем личного материального благополучия. Но до какой же степени искаженным представлением об обстановке в Афганистане в период пребывания там наших войск нужно обладать, чтобы отождествить участие в афганской войне с мирными зарубежными командировками или туристическими поездками! И когда? Не вначале 80-х годов, а в конце, когда уже широко известными стали данные об убитых и покалеченных наших соотечественниках!

Другое мнение («Афганцы» — народ странный..) обычно основывается на элементарном незнании физического и психического состояния молодых людей, недавно вернувшихся с войны. Такое мнение, как правило, возникает в результате наблюдений за поведенческими реакциями тех военнослужащих, которые принимали активное участие в боевых операциях, рейдах. Эти воины часто испытывали состояние повышенного нервно-психического напряжения, не сразу проходящего после демобилизации (иногда, по словам испытуемых, оно ощущается в течение года и дольше). Например, разведчик М.С., вернувшийся из Афганистана в феврале 1989 г., переболел за время службы гепатитом, малярией, язвой желудка — последствия до сих пор дают о себе знать при физическом напряжении и жаркой погоде. К моменту эксперимента, в июне 1989 г., у него еще нередко бывали кошмары с воспоминаниями о боях, возникало чувство одиночества, было и непонимание со стороны окружающих. Он рассказывает: «Один раз мы

пошли ремонтировать станок, и одна женщина говорит: «Ну что ты такой странный — все время молчишь, глаза в землю опущены. Улыбнись хотя бы!». А я что? Я нормальный хожу, я задумался просто «.

Разумеется, проще всего, заметив замкнутость, необщительность некоторых бывших военнослужащих, отнести это к странностям характера. Гораздо сложнее понять внутренние психологические причины, почему «афганец» старается меньше разговаривать с теми людьми (даже близкими), которые, как он считает, его не понимают. Еще труднее найти способы устранения указанных причин и помочь молодому человеку преодолеть ощущение непонимания и чувство одиночества.

Второе условие межличностного понимания — человек обычно понимает то, что соответствует его установкам, гипотезам, целям. Вступая в общение, субъект пытается оценить психологические качества партнера, делает предположения об особенностях ценностно-нормативной сферы его личности, выдвигает гипотезы о том, как именно партнер его понимает [16]. Взаимопонимание в общении предполагает наличие у общающихся адекватных психологических моделей друг друга.

Исследование выявило неполноту, схематичность, а зачастую и полную неадекватность обобщенных психологических моделей «афганцев» в сознании «экспертов». Не удивительно, что это мешает им правильно прогнозировать поведение участников войны. Женщина, преподаватель вуза, говорит: «Я могу понять тебя или другого человека с похожим на мой жизненным опытом. А «афганцы» вызывают у меня какую-то настороженность, смутное чувство тревоги: не знаешь, чего от них можно ожидать, их поведение для меня во многом непредсказуемо из-за того, что у них есть опыт, который мне трудно представить, в том числе и жуткий опыт убийства».

Недостаток объективных знаний об особенностях личности участников войны в Афганистане нередко восполняется субъективными мнениями, предубеждениями, стереотипами. Социально-психологическими исследованиями давно доказано, что значительная часть коммуникативного опыта людей фиксируется в общественном сознании в виде эталонов и стереотипов. Они «имеют сложную внутреннюю структуру, в которой особенно четко выступают три основных элемента или компонента» [3, с. 100]. Рациональный интеллектуальный компонент может актуализироваться в общении в виде ряда оценочных суждений (пример — этнические стереотипы). «Второй составной частью эталона или стереотипа является его образный компонент, который существует в сознании в виде наглядного представления той или иной степени обобщенности. Так, можно представить себе „типичного“ англичанина или „типичного“ итальянца. Третий компонент эталона или стереотипа эмоциональный. Он актуализируется в форме определенного чувства,

которое вызывает к себе явление, обобщенное в эталоне, и проявляется в тех или иных установках и отношениях к объекту. Все три компонента — рациональный, образный и эмоциональный — неразрывно связаны между собой и, так сказать, взаимно усиливаются в результате внутреннего взаимодействия» [там же, с. 101].

Стереотипы регулируют процесс общения: сходные обобщенные представления о явлении, оказавшемся предметом обсуждения, способствуют установлению взаимопонимания между участниками разговора. Однако взаимопонимание наступает только в том случае, если в психологической структуре стереотипа более или менее равномерно представлены все три компонента отражения. Когда в стереотипе явно преобладает один компонент, например интеллектуальный (к тому же нередко неадекватно отражающий действительность), а другие слабо выражены или вообще отсутствуют, то такой стереотип, наоборот, препятствует пониманию партнерами друг друга. В качестве иллюстрации подобного стереотипа можно привести типичное ошибочное суждение, которое мне неоднократно приходилось слышать: «Эти ребята слишком прямолинейны, у них как бы черно-белое мышление: они многого не понимают в нашей жизни, потому что не осознают важности оттенков, полутонов в отношениях между людьми. Они там привыкли действовать по принципу «друг-враг» и здесь предпочитают рубить сплеча». Мои собеседники из контрольной группы невольно смешивают категории понимания и действия: вывод о неадекватности осмысления, понимания (о соотношении содержания и объема понятий «осмысление» и «понимание» см. [10]) социальных ситуаций «афганцами» они осуществляют исключительно на основании анализа поступков участников войны. Однако этот вывод ошибочен, потому что, одинаково понимая ситуацию, люди могут понимать принципиально различные решения о действиях в ней. И наоборот: поступки человека нельзя рассматривать как однозначный критерий для формирования суждения о характере понимания им окружающего мира. Ошибочность указанного вывода подтверждается и протоколами экспериментов, из которых следует, что «афганцы» не менее адекватно, чем другие люди, понимают производственные и бытовые коммуникативные ситуации. А вот процессы принятия решений у них действительно протекают несколько иначе. Электромонтажник С.К.: «Вижу безобразие творится, вот надо бы промолчать, думаю, это ничем хорошим не кончится, для меня по крайней мере. А я все равно лезу на рожон, даже если знаю... как человек взрослый знаю, что это кончится для меня печально. А для меня уже кончалось печально — я вылетел с одного места работы».

Таким образом, анализируемый социальный стереотип не соответствует действительности. «Афганцы» отличаются от нас не тем, что хуже понимают жизнь в мирных условиях, а тем, что, сталкива-

ясь с социальными аномалиями (беспорядком на производстве, несправедливо по отношению к людям), зачастую не могут промолчать и предпринимают усилия, чтобы устранить недостатки, на которые многие из нас закрывают глаза.

Третье условие взаимопонимания — доброжелательное, заинтересованное отношение собеседников друг к другу [15]. Воевавшие в Афганистане, причем всех «поколений», не перестают удивляться тому, что межличностные отношения между людьми, живущими мирной жизнью, намного хуже, чем между солдатами и офицерами на войне. Р.М. (демобилизировался в 1981 г.): «Видишь, что люди ... человечности в них нет — как-то хапнуть, урвать. А там ребята молодые часто жизнью рискуют — кто калека, кто инвалид. И злишься на этих людей: такое мирное время, а они тут..». И.Г. (вернулся из Афганистана в 1987 г.): «Здесь каждый хочет изловчиться как-то, вылезти: ну, себе выгода чтобы была, единолично». В.Д. (1989): «Здесь просто никакого внимания нет, каждый для себя живет».

Естественно, что наблюдаемое и так остро переживаемое «афганцами» отсутствие внимания, доброжелательного отношения человека к человеку в коммуникативных ситуациях проявляется и по отношению к ним самим. Именно отсутствие подлинного интереса родных и знакомых «афганца» к его рассказам, отсутствие эмоционального отклика на значимые для него события являются одной из наиболее распространенных причин возникновения ощущения непонимания. Десантник А.Б. (вернулся в январе 1989 г.): «Есть такие, которым рассказываешь, а им неинтересно. Просто от нечего делать просят рассказать — равнодушно ко всему этому относятся». Его поддерживает водитель СТ.: «Вот по телевизору фильм показывают (про «афганцев» — В.З.), то болешь, знаешь, что это такое. А они сидят и могут даже смеяться — это обидно, конечно».

Однако и доброжелательное, даже уважительное отношение к «афганцам» — еще не гарантия понимания их в ситуациях межличностного общения. На это указывают обнаруженные при исследовании стереотипы с явным преобладанием эмоционального компонента обобщенного отражения психологического облика участников войны. Вот например мнение об «афганцах», наиболее часто высказываемое женщинами: «Хорошие они парни, жалко их!» (жалко — потому что подвергались опасности, физическим страданиям и моральным сомнениям, которых при ином политическом мышлении тогдашних руководителей страны можно было бы избежать). К сожалению, это как раз тот случай, когда жалость, проявляясь в конкретной ситуации общения, обижает молодого человека, потому что противоречит его образу «Я». Практически все испытуемые сказали, что не сожалеют, а, наоборот, гордятся тем, что они «афганцы», что закалили характер, научились терпеть лишения,

преодолевать трудности, что заглянули смерти в глаза и вернулись домой живыми. Кроме того, статистический анализ результатов ответов на вопрос № 21, 67 опросника Басса-Дарки не дает оснований для выводов о том, что большинство «афганцев» огорчает их судьба и они часто думают, что жили неправильно. Люди, высказывающие приведенное выше мнение, хорошо относясь к «афганцам», тем не менее проецируют на них свои представления об афганской войне. У них неадекватная психологическая модель партнера, и это также становится причиной коммуникативных неудач, непонимания участников войны.

Четвертое условие взаимопонимания гласит: для понимания друг друга партнеры должны исходить из одних и тех же постулатов общения [14] и соотносить предмет обсуждения с одинаковыми социальными образцами, нормами поведения. Это условие должно соблюдаться и в ситуациях общения «афганцев» с невоевавшими людьми. Однако анализ ценностно-нормативных представлений разных групп населения, связанных с афганской проблемой, обнаруживает значительные различия в суждениях о недавно закончившейся войне и ее участниках. За девять лет войны и после нее в общественном сознании сформировалось немало стереотипов. Одни из них возникли в результате неоднократно повторяемых разными людьми элементарных логических ошибок, таких, как неумение вычлнить политические аспекты войны (кто и зачем принимал решение об отправке наших солдат на чужую землю, за что, ради каких целей они там воевали и т.п.) и отделить их от психологических (как вели себя ребята в экстремальных условиях, каких моральных и физических усилий стоило им выполнение воинского долга, какими они вернулись домой — ожесточенными или, наоборот, человечными и добрыми). В основе других стереотипов — искажения о нравственности, происшедшие в общественном сознании за последние десятилетия. Кратко рассмотрю те стереотипы, оценочные суждения (преимущественно негативного характера), которые представляют наибольший интерес в плане изучения причин непонимания «афганцев» в коммуникативных ситуациях.

Во время обсуждения афганской проблемы некоторые «эксперты» говорили об «афганцах» следующее: «Я вполне допускаю, что они неплохие ребята, но не надо делать из них героев. За что они воевали? Не известно, ради какой цели». В психологическом основании этого суждения помимо уже упомянутого смещения политических и субъективных человеческих аспектов войны можно выделить еще один момент — стереотипное представление о герое как человеке, который совершает подвиг, защищая Родину. Логика моих оппонентов очень проста: участие наших войск в афганской нельзя считать непосредственной защитой южных рубежей СССР, следовательно, «афганцы» не могут быть

героями. Мои собеседники не смогли избавиться от усвоенного с детства однобокого шаблонного представления о героизме как личном мужестве, обязательно направленном на «совершение выдающихся по своему общественному значению действий, отвечающих интересам народных масс» [9, с. 298]. Однако, по моему мнению, героизм — категория прежде всего нравственная. Она характеризует отношение человека не столько к абстрактным «интересам народных масс», сколько к конкретным людям. С точки зрения общечеловеческих ценностей героем следует назвать человека, рискующего своей жизнью ради спасения других людей. С этой точки зрения разве не являются героями вертолетчики, сажавшие свои машины под обстрелом противника, чтобы забрать разведчиков, попавших в засаду? Или один из моих испытуемых, пулеметчик И.К., который сам был ранен, потерял много крови, но вытащил из опасной зоны потерявшего сознание товарища? А ведь таких случаев история афганской войны насчитывает немало.

Мнение «не надо из «афганцев» делать героев» нередко высказывается в ситуациях обсуждения их прав на льготы — прав, декларированных сверху, но зачастую плохо реализуемых или вообще игнорируемых на местах. Участники афганской войны помимо объективных трудностей (дефицит жилья и других материальных благ) вынуждены иногда добиваться того, что им и так положено в соответствии с постановлениями правительства, поскольку еще есть люди, сомневающиеся в справедливости и необходимости предоставления им льгот. Чаще всего такого мнения придерживаются бюрократы, от которых зависит выполнение постановлений правительства (исп. И.Т.: «На заводе мне один начальник на просьбу о квартире ответил: «Хорошо еще, что живой вернулся. Да ты вообще должен пример показывать, в землянке жить». И я подумал: может быть, я и правда должен пример показывать?»), а также люди, чьи права ущемляются в случае удовлетворения просьбы «афганца» (ветеран Великой Отечественной войны: «Я сражался за Родину, а теперь десять лет не могу квартиру получить. А их — в льготную очередь! За что их на руках носить, почему им сразу все преподносят на блюдечке?»).

Одной из психологических причин формирования у определенных групп населения подобного отношения к правам участников войны в Афганистане является непонимание того, за что именно эти льготы установлены правительством. Непонимание обычно основано на незнании тех физических и моральных усилий, которые нашим молодым соотечественникам стоило выполнение воинского долга. Кроме того, мало кому в полной мере известны и негативные последствия войны: не говоря уже о ранениях и таких распространенных признаках посттравматического стресса, как нарушение сна, нервно-психи-

ческое напряжение, повышенная раздражительность; многие «афганцы» до сих пор ощущают последствие заболеваний гепатитом, малярией, брюшным тифом. На мой взгляд, вполне естественно, что человек, не по своей воле подвергший жизнь опасности и в большей или меньшей степени утративший здоровье, заслуживает того, чтобы после возвращения домой жить по-человечески (в частности, пользоваться преимущественным правом на получение жилья).

Еще один стереотип: мнение о высокой агрессивности «афганцев» высказывали многие «эксперты». Они предпринимали безнадежные попытки понять «афганцев», представить их обобщенный психологический портрет только на основании той роли, которую молодые люди вынуждены были играть во время войны и от клейма которой они якобы не избавятся в течение всей последующей жизни. Журналист, работающий в одной из центральных газет: «Парень, который убивал, наверняка когда-нибудь, может быть, в состоянии раздражения или просто эмоционального возбуждения захочет еще раз испытать сладостное ощущение власти над жизнью другого человека». Между тем в психологии понимания давно известно, что невозможно понять субъекта, анализируя его поведение исключительно в терминах играемых им в жизни ролей [16].

Понятие «агрессивность человека» имеет несколько значений. В психологии различают агрессию как следствие фрустрации; инструментальную агрессию — способ достижения значимой цели (например: «Не убьешь — убьют тебя. Инстинкт самосохранения просто действует» — исп.Р.М.); ситуативную — человек, бросившийся защищать девушку от хулиганов, иногда вынужден действовать агрессивно; агрессивность как свойство личности, предрасположенность человека совершать акты физической или вербальной агрессии, направленной против других людей. Говоря об участниках войны в Афганистане, обычно имеют в виду последнее. Однако то, что многие «афганцы» вынуждены были проявлять на войне инструментальную агрессию, совсем не означает, что это оказало фатальное воздействие на рост их личностной агрессивности. Проведенное исследование опровергает мнение, что участники афганской войны агрессивнее их невоювавших сверстников. По данным опросника Басса-Дарки, числовые показатели агрессивных и враждебных реакций 60 воевавших в Афганистане статистически значимо не отличаются от показателей 54 курсантов военного училища и 11 молодых людей, отслуживших в армии на территории нашей страны. Развернутый анализ агрессивности личности участников афганской войны представлен в статье [2]. Несмотря на знание результатов исследования, собственные установки и стереотипы часто оказываются для человека более убедительными аргументами, чем научные факты: мне так и не удалось убедить нескольких кан-

дидатов наук и одного доктора наук (не встречавшихся лично с воевавшими в Афганистане) в том, что «афганцы» не агрессивнее нас.

Когда невоевавшие и потому не совершавшие актов агрессии люди осуждают участников афганской войны за поступки, совершенные ими в обстоятельствах, которые невозможно было изменить, они, сами того не сознавая, поступают безнравственно. Ими нарушается этический принцип, согласно которому сфера действия моральной оценки не распространяется на так называемые внеморальные действия [6, с. 15]. Под власть моральной оценки не должно попадать поведение, состоящее из действий, «в которых субъект не имел объективной возможности поступать свободно, быть в полном смысле слова субъектом своих действий. К последним относятся, например, действия, совершенные в условиях, когда отсутствовала физическая возможность поступить в соответствии со своим выбором...» (там же). Совершенно очевидно, что именно этическая категория «внеморального поведения» является наиболее адекватной в ситуации обсуждения вынужденных действий «афганцев» по отношению к противнику.

Мнения, подобные приведенным выше, свидетельствуют о конвенциональном уровне осознания моральных аспектов афганской проблемы моими собеседниками. Человек, который достиг в своем моральном развитии уровня конвенциональной морали, обычно ориентируется на заданные извне (в частности, средствами массовой информации) нормы и требования [4]. По отношению к участникам войны в Афганистане у испытуемых контрольной группы явно не сформировался высший уровень нравственного сознания — уровень автономной морали, который обеспечивается устойчивой индивидуальной системой принципов, совестью и чувством вины [4]. Не удивительно, что они плохо понимают «афганцев»: в психологических исследованиях давно обнаружено, что уровень морального развития субъектов общения является важной детерминантой формирования взаимопонимания между ними (см., например, [17]).

С сожалением приходится констатировать, что фактором, препятствующим развитию у людей высшего уровня осознания моральных аспектов афганской проблемы, являются некоторые сообщения печати, радио и телевидения. Например, один из способов направленного воздействия на сознание читателей газеты — использовать в статье о воевавших в Афганистане только понятия, соответствующие осмыслению проблемы на уровне конвенциональной морали, и избегать употребления выражений, которые могли бы навести читающего на более глубокие размышления, способствовать формированию уровня автономной морали. Именно так, с моей точки зрения безнравственно, поступил корреспондент «Литературной газеты» С. Киселев, зада-

вая вопрос «афганцу», народному депутату СССР С. Червонопискому. Заданный вопрос был актуален летом 1989 г., вскоре после окончательного вывода наших войск, поэтому благосклонно воспринимался редакторами многих газет. Журналист спросил: «Присягу мы с вами принимали практически в одно время: вы — как курсант-десантник, я — как рядовой связист. В ней говорилось: «Я всегда готов выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик». Разве ж в Афганистане вы защищали свою Родину? И не кажется ли вам сегодня, что не по своей воле занимались там тем же, чем занимаются классические армии наемников?» [11].

Во-первых, вопрос задан в откровенно оскорбительной форме: журналист публично, в центральной газете, оказывающей большое влияние на формирование общественного мнения, сравнивает участников афганской войны с наемниками. Между тем, как известно, в наших средствах массовой информации слово «наемник» в подавляющем большинстве случаев употребляется с негативным оттенком. Не удивительно, что значение этого слова в общественном сознании уже давно и устойчиво соответствует значению, приведенному в «Словаре русского языка» с пометкой «презрительное»: «Наемник — тот, кто продался кому-нибудь, кто из низких, корыстных побуждений защищает чужие интересы» [7. с. 323]. Из этого определения ясно следует, что наемник — это доброволец, а, например, некоторые из моих испытуемых узнавали, что направляются в другую страну только в самолете, уже летевшем в Афганистан. И кроме того, какие личные корыстные побуждения, ради которых стоило подвергать свою жизнь опасности, можно приписать «афганцам»?

Во-вторых, этот вопрос мне кажется безнравственным потому, что С. Киселев использует в беседе свое преимущество (службу на территории СССР), и, следовательно, отсутствие прямой ответственности за последствия войны), полученное случайно, а не за какие-то личные заслуги. Если мы считаем себя цивилизованными людьми и стремимся утвердить в обществе принципы социальной справедливости, то в межличностном общении при обсуждении какого-либо вопроса обязаны учитывать объективные обстоятельства, иногда ставящие наших оппонентов в уязвимое в моральном отношении положение. Поэтому, по моему мнению, невоевавший и не побывавший на афганской войне человек не имеет морального права спрашивать ее участников, защищали ли они свою Родину в Афганистане. Вопрос об обоснованности, необходимости участия наших воинских подразделений в чужой войне можно и нужно задавать тем, кто принимал решение о вводе войск в Афганистан, — для привлечения их к моральной и юридической ответственности. Но зачем задавать его «афганцам»? Из их ответов мы не получим нового знания: выбор вариантов ответа довольно ограничен и

давно известен (см., например, точку зрения С. Червонопиского [11]). Как человек, много общавшийся с участниками афганской войны, я знаю, что почти каждый бывший воин неоднократно вынужден был отвечать на неприятный для него вопрос, защищал ли он нашу страну в Афганистане (исп., М.С.: «Смотришь иной раз — такие взгляды, виноватым себя считаешь каким-то.. Да многие и по телевизору говорят: кто вас туда послал? А у нас приказ был!»). По сути дела, спрашивающий реально достигает только одно: ставит партнера в неловкое положение.

Наконец, в-третьих, существенным для настоящего и будущего страны мне представляется не то, как ответят на сформулированный журналистом вопрос участники войны. Гораздо важнее, как ответим на него мы — ведь нас намного больше, чем «афганцев» Разве не из-за нашего безразличия, фактически означавшего молчаливое согласие, наших братьев и сыновей отправляли на войну, которая теперь признана ошибкой [12]? Степень осознания каждым из нас сопричастности к афганским событиям и личной ответственности за последствия войны в конечном счете характеризует моральное состояние нашего общества. Сопричастность как психологическое явление [8] означает не просто принадлежность человека к некоторой социальной общности, а глубокую личную вовлеченность в ее деятельность и осознание ответственности за последствия деятельности.

Результаты исследования говорят о том, что сопричастность к афганской трагедии практически отсутствует в нравственном сознании испытуемых контрольной группы. Когда я спрашивал «экспертов» о наличии у них чувства вины, то вопрос обычно сначала вызывал изумление, а иногда и возмущение: «Разве я их посылал погибать, какое я вообще имею к этому отношение?». Затем следовало категорическое отрицание: «Я ни в чем не виноват, это даже звучит как-то странно!». Парадоксально (парадоксально потому, что из исследований каузальной атрибуции известно, что люди, которые были участниками действий, имевших социально отрицательные последствия, обычно склонны преуменьшать свою ответственность и объяснять свершившееся в безлично-ситуативных терминах [18]), но собственную вину за гибель тысяч наших соотечественников гораздо чаще, чем невоевавшие люди, ощущают сами участники афганских событий. Однако далеко не все: из 25 человек из группы II только 9, отвечая на соответствующий вопрос, высказывались примерно так, как исп. Д.К.: «Иногда и сейчас возникает такое чувство — может быть, лучше бы я погиб вместо него». Характерно, что чувство вины за смерть товарищей не дает покоя не только тем, кто принимал участие в боях, ни и тем, кто не участвовал в боевых рейдах. Кажется парадоксальным, что некоторые «афганцы» берут на себя ответственность за то, в чем они

не виноваты. Однако эта парадоксальность легко устраняется, если принять во внимание высокий уровень развития у данных испытуемых морального сознания. В истинности этого положения нетрудно убедиться, ознакомившись с протоколами экспериментов.

* * *

Основное внимание в статье уделено анализу социальных стереотипов, мешающих людям, не принимавшим участия в недавно закончившейся войне, понимать «афганцев» в ситуациях межличностного общения. Однако в соответствии с диалогической природой процесса взаимопонимания необходимо изучить и то, каким образом воевавшие понимают нас или почему не понимают. Первые шаги в направлении исследования этих вопросов уже делаются.

Литература

1. Знаков В.В. Основные условия межличностного понимания в совместной деятельности // Вопросы психологии. 1984. № 1. С. 138—141.
2. Знаков В.В. Понимание воинами-интернационалистами ситуаций насилия и унижения человеческого достоинства // Психологический журнал. 1989. Т. 10. № 4. С. 113—124.
3. Коломинский Я.Л. Социальные эталоны как стабилизирующие факторы «социальной психики» // Вопросы психологии. 1972. № 1. С. 99—110.
4. Кон КС. В поисках себя. М.: Политиздат, 1984. С. 296—297.
5. Методы социальной психологии / Под ред. Е.С. Кузьмина. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1977. С. 61—89.
6. Николаичев Б.О. Осознаваемое и неосознаваемое в нравственном поведении личности. М.: Наука, 1976.
7. Ожегов СИ. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1988.
8. Самсонов Р.М. Сопричастность как психологическая категория // Материалы IV Всесоюз. съезда Общества психологов. Тбилиси, 1971. С. 204.
9. Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989.
10. Тихомиров О.К., Знаков В.В. Мышление, знание и понимание // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1989. № 2. С. 6—16.
11. Что читают наши парламентарии // Литературная газета. 1989. 12 июня. С. 3.
12. Шеварднадзе Э. А. Ответы на вопросы корреспондента ТАСС // Правда. 1989. 24 марта. С. 6.
13. Buss A. The psychology of aggression. N.Y., 1961.
14. Grice H. Logic and conversation // Syntax and semantics / Ed. by P. Cole and J.L. Morgan. N.Y., 1975. V. 3. P. 41—58.
15. Kanal P. V. Understanding and charity. Chandagarh, 1981.
16. Rosemann B., Kerres M. Internersonales Wahrnehmen und Verstehen. Bern u. a., 1986.
17. Stuart R. B. Decentration in the development of children's concepts of moral and causal judgements // Journal of Psychology. 1967. V. 111. № 1—2. P. 59—68.
18. Webster M., Sobiezek J., Sobiezek B. Sources of self evaluation: A formal theory of significant others and social influence. N.Y., 1974.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СТЕРЕОТИПОВ ПОНИМАНИЯ ЛИЧНОСТИ УЧАСТНИКОВ ВОЙНЫ В АФГАНИСТАНЕ

Опубликовано: Вопросы психологии. 1990. № 4. С. 108—116.

Без малого одиннадцать лет прошло с момента ввода советских войск в Афганистан. И чем дальше в прошлое уходит эта война, тем более тяжелый груз моральной ответственности ложится на наше психологическое сообщество. Ответственности не только за то, что мы ничтожно мало делаем для психологической реабилитации ветеранов, но и за то, что как специалисты не знаем целого поколения молодых людей, вернувшихся с войны,— «афганцев». Разумеется, каждый из нас имеет какие-то знания на уровне обыденного сознания. Однако сегодня ни один советский психолог не сможет с научной определенностью и полнотой ответить на вопрос: «Как повлияла война на психику ее участников, чем структура личности «афганцев» отличается (если это действительно так) от психологических особенностей личности их невоювавших сверстников?»

Прежде чем изучать психологию участников войны в Афганистане, необходимо понять, что их объединяет: почему, когда мы слышим слово «афганцы», в нашем сознании возникает представление о социальной группе, обладающей отчетливо выраженными признаками (в отличие от упоминания о бывших моряках или, например, молодых людях, служивших в армии на территории ГДР)? Можно назвать по крайней мере, три причины наличия в общественном сознании представления об участниках войны в Афганистане именно как о группе людей, имеющих нечто общее.

Во-первых, жизненный опыт «афганцев» — уникальный и резко отличающийся от опыта невоювавших людей. Воспоминания, общее прошлое, неведомое родным и знакомым, сближает участников войны, заставляет их тянуться друг к другу. Это проявляется, в частности, в том, что они становятся членами таких объединений, как «Союз ветеранов Афганистана». Во-вторых, отрицательные психологические последствия длительного пребывания в экстремальных условиях вой-

ны — посттравматический стресс. Это «невидимые миру слезы»: многие (но не все) «афганцы» после возвращения домой столкнулись с тем, чего не довелось испытать большинству из нас (ночные кошмары с воспоминаниями о боях, повышенная тревожность, беспричинная раздражительность, чувство страха и т. д.). В-третьих, особое отношение общества к участникам войны, включающее практически весь спектр человеческих эмоций, мнений, убеждений. Некоторые люди жалеют двадцатилетних ветеранов («они жертвы войны»), другие относятся к ним с настороженностью, третьи откровенно опасаются («они убийцы»), четвертые считают героями, достойными не только уважения, но и преклонения. Такое отношение окружающих способствует тому, что некоторые «афганцы» и сами чувствуют свою особость, непохожесть на остальных граждан страны. Естественно, что это затрудняет процесс послевоенной адаптации.

В психологии давно известно, что недостаток объективных знаний о какой-либо социальной группе является одной из главных предпосылок порождения в массовом сознании стереотипов о психологическом своеобразии личности членов этой группы [9]. И как показывают многочисленные сообщения печати, радио и телевидения, а также единичные психологические исследования [1, 2], за прошедшие одиннадцать лет в общественном сознании накопилось немало стереотипов о качествах личности участников войны в Афганистане. К ним относятся широко распространенные мнения об обостренном чувстве социальной справедливости, присущем «афганцам»; их повышенной конфликтности и раздражительности; о «черно-белом» мышлении, проявляющемся в чрезмерной прямолинейности некоторых их поступков; об «афганском боевом братстве» и т.п. Приведенные мнения вполне соответствуют признакам стереотипов, обычно описываемым в научной литературе: в них фиксируется устойчивый, упрощенный, схематизированный образ группы людей, обладающий явно выраженной пристрастностью, эмоционально-оценочной поляризацией.

Предметом анализа в статье являются индивидуальные формы стереотипов понимания личности участников войны в Афганистане невоювавшими людьми, социальные стереотипы в работе не рассматриваются. Научное исследование последних предполагает получение ответов на два вопроса, которые не ставились в работе: 1) какие функции выполняют стереотипы в группе и 2) как осуществляется их принятие или отвержение группой [12, с. 145].

Стереотипы играют важную роль в процессах межличностного понимания [9, 10]. Допустим, у человека сформировалось стереотипное представление о психологическом своеобразии личности и поведения членов определенной группы. До момента актуализации такое обоб-

шенное представление является «вещью в себе» — элементом структуры личностного знания, никак не затрагивающим интересы других людей. Однако в ситуациях общения субъекта с представителями группы попытки интерпретировать их поступки и черты характера, опираясь прежде всего на сложившийся стереотип, порождают в его сознании стереотипные типы понимания. Стереотипное понимание одним из партнеров другого определяет специфику оценочных суждений субъекта о другом человеке, оказывая тем самым существенное влияние на формирование взаимопонимания между ними.

При анализе стереотипов как компонентов взаимопонимания в общении необходимо учитывать и отрицательные, и положительные психологические последствия стереотипизации. С одной стороны, выводимая из стереотипа схема суждений о другом человеке нередко действует как предубеждение [9]. Неудивительно, что понимание партнера по общению, основанное на предубеждении, чаще всего оказывается неадекватным. В частности, именно таким обычно бывает результат «приложения» стереотипов к пониманию индивидуальных особенностей личности «афганцев» [2]. С другой стороны, стереотипы облегчают понимание, например чем больше стереотипов в тексте, тем легче он понимается [13]. Несмотря на упрощение и схематизацию, стереотипы выполняют необходимую и полезную функцию в психологической регуляции процессов межличностного понимания. Это оказывается возможным потому, что в стереотипе объем истинных знаний нередко превышает объем ложных [6]. Для человека, задача которого понять и описать личность другого человека, система образов и понятий, образующих психологическую структуру стереотипа, является тем эталоном, стандартом, с которым сравнивается объект понимания [10, с. 55]. Категориальная сетка, характеризующая группового обобщенного субъекта, позволяет понимающему «редуцировать неопределенность своего суждения» [9, с. 299]. Последнее оказывается особенно важным в условиях дефицита информации, в частности явного недостатка объективных знаний о свойствах личности участников войны в Афганистане.

Таким образом, стереотипы понимания, во-первых, регулируют процессы общения: если у невоювавшего человека и ветерана сходные представления о чертах личности «афганцев», то это способствует возникновению взаимопонимания между ними. Во-вторых, стереотип представляет собой способ структурирования опыта понимающего субъекта, способ организации знаний, используемых для понимания другого человека.

Цель статьи — выявить возможные источники теоретического анализа стереотипов понимания черт личности «афганцев» и описать первые результаты экспериментального исследования.

Любая война неестественна для человека, противоречит его человеческой сущности, тем не менее вся мировая история состоит из бесконечной череды вооруженных конфликтов. Судя по историческим источникам, начиная с Геродота, и художественной литературе, в сознании невоювавших людей всегда возникали стереотипные, нередко не соответствующие действительности представления о психологических особенностях личности участников войны. В XX в. яркое воплощение эти представления нашли в романах Э.М. Ремарка, А. Барбюса, Э. Хемингуэя. Гораздо хуже обстоит дело с научным анализом закономерностей формирования указанных стереотипов в массовом сознании. В отечественной науке такие данные практически отсутствуют. Пожалуй, наиболее полно стереотипы понимания личности воювавших представлены в исследованиях, посвященных изучению отношения американцев к их соотечественникам, принимавшим участие в войне во Вьетнаме [7, 11, 14].

Если абстрагироваться от политических аспектов войн во Вьетнаме и Афганистане, то нетрудно заметить, что в психологическом смысле, т.е. по воздействию на психику человека во время боевых действий и особенно в период послевоенной адаптации, эти вооруженные конфликты были очень похожими. Об этом свидетельствуют примерно одинаковый возраст (средний) воювавших (19-20 лет), очень быстрый и контрастный переход от боевой обстановки к мирной жизни (у некоторых воинов он занял не более двух суток) и особенно отношение окружающих к участникам войны. Кроме того, мнения о сходстве человеческих факторов, психологических аспектов двух обсуждаемых войн придерживаются многие их участники: такая точка зрения неоднократно высказывалась на советско-американских встречах ветеранов (см., например, [8]). Как показал проведенный недавно социологический опрос [5], 47 % «афганцев» считают, что миссия советских воинов в Афганистане ближе всего к миссии военнослужащих, воювавших во Вьетнаме (22 % идентифицировали себя с бойцами интербригад, воювавших в Испании, и только 13 % — с участниками Великой Отечественной войны).

* * *

В конце 60-х — начале 70-х гг. в американских средствах массовой информации преобладал нелестный стереотип участника вьетнамской войны как одурманенного наркотиками человека с расстроенной психикой, радикально настроенного и склонного к насилию [11]. Задолго до объективных научных исследований в общественном сознании сформировался образ ветерана — нарушителя спокойствия, общепринятых норм поведения, доставляющего немало неприятностей

окужающим («trouble vet» image). В частности, именно такой образ был основным регулятором поведения предпринимателей, делавших «здравомысленный» [И, с. 293] выбор при отборе желающих поступить на работу. Например, в газетных объявлениях делались пометки: «Ветеранов Вьетнама просим не обращаться». Можно выделить три основные причины в целом отрицательного отношения населения США к участникам вьетнамских событий.

1. Непопулярность войны в американском общественном мнении, ярко проявившаяся в демонстрациях и маршах протеста пацифистов. Последние видели в возвратившихся солдатах одновременно и жертв и виновников аморальной войны. Один из ветеранов рассказывал «Когда я сошел с самолета в Окленде, какой-то хиппи плюнул в меня, обзвав детоубийцей» [7, с. 25] (Аналогично во время проведения исследования психологических причин непонимания «афганцев» разными по социальному составу группами жителей Москвы и Ленинграда [2] мне не раз доводилось слышать высказывания такого рода «За что мне их уважать? Они же не отказались участвовать в этой несправедливой войне и убивать ни в чем неповинных людей!»)

2. Военные неудачи во Вьетнаме оказались тяжелым ударом по американскому национальному самосознанию. Как отмечает Д. Кнокс, в США обычное отношение к воинам, вернувшимся домой без победы сначала игнорировать, затем забыть. Так было прежде, так произошло и с участниками вьетнамского конфликта (цит. по [14, с. 10]). Одним из проявлений уязвленной национальной гордости оказались упреки, которые делали «вьетнамцам» ветераны второй мировой войны: «Мы выиграли нашу войну, почему же вы не выиграли свою?» [7, с. 25]. (Ср. с высказыванием ветерана Великой Отечественной войны об «афганцах» «Я сражался за Родину, а теперь десять лет не могу квартиру получить! А их — в льготную очередь! За что их на руках носить, почему им сразу все преподносят на блюдечке?» [2]).

3 Социолог С. Левентман отмечает, что научные отчеты о психологических, а иногда и психиатрических последствиях вьетнамской войны для ее участников, возможно, принесли больше вреда, чем пользы [11, с. 293-295]. Предназначенные для информирования специалистов отчеты о результатах исследований интерпретировались средствами массовой информации как основа для описания *всех* ветеранов Вьетнама. Участники вьетнамской войны стали изображаться как «клинический случай»: люди, у которых если сейчас нет видимых расстройств психики, то они могут внезапно проявиться в будущем. (Такая опасность грозит и нам: мне уже известны случаи отрицательного психологического воздействия на «афганцев» публикаций в периодической печати о посттравматическом стрессе. Особое беспокойство

вызывают у некоторых из них высказываемые авторами газетных и журнальных статей «предсказания» о возможности возникновения признаков стресса через несколько лет после возвращения с войны).

Однако прошли годы и в американском общественном мнении произошло «отделение вьетнамской войны от солдат, которые в ней участвовали» [15с. 88]. В 1978-1980 гг. по поручению президента США Дж Картера Администрация ветеранов провела социологический опрос, направленный на изучение отношения населения страны к участникам войны во Вьетнаме [15]. Исследование обнаружило растущую симпатию к ветеранам. Люди в целом тепло относятся к участникам вьетнамской войны и не считают, что они отличаются по свойствам личности от их невовавших ровесников [15, с. 89]. 83 % американского населения полностью согласны с утверждением, что ветераны заслуживают уважения, и только 15% согласны с мнением, что настоящие герои — те, кто отказался идти на войну. Более того, сегодня уважительное отношение к участникам вьетнамской войны в США стало символом национального самосознания: «Симпатия к ветеранам сегодня объединяется с материнством и яблочным пирогом как отличительный признак настоящего американизма» [7, с. 29].

Не только изменение политических акцентов в оценке войны, но и научные исследования внесли определенный вклад в процесс превращения отрицательного стереотипа участника вьетнамских событий в социально положительный образ исследования показали, что у явного меньшинства ветеранов возникли серьезные психологические проблемы в период после военной адаптации «Из примерно четырех миллионов тех, кто отправился во Вьетнам, один из пяти имел серьезные трудности после возвращения домой» [7, с. 30]. В различных психологических экспериментах не было найдено существенных различий между ветеранами и их ровесниками по параметрам локуса контроля, образа Я, критичности мышления и др. Например, Дж.Ф. Борус, обследовав 765 участников войны через семь месяцев после их возвращения на родину, не нашел значимых психологических различий между ними и испытуемыми контрольной группы (цит. по [11]). Ветеран Вьетнама Т О'Брайен пишет: «Вопреки распространенным стереотипам большинство ветеранов адаптировались к мирной жизни. Конечно, многие из нас продолжают страдать, но подавляющее большинство *не* зависимы от наркотиков, *не* безработны, *не* склонны к суициду, *не* бьют жен и детей, *не* грабят банки и *не* стоят на коленях в тоске и печали» [15, с. 205]

Отношение к ветеранам изменилось в лучшую сторону, но стереотипы в массовом сознании остались. В комплексном исследовании, результаты которого опубликованы в 1986 г. [14], констатируется, что

до сих пор многие американцы верят, что те, кто отправился во Вьетнам, представляют собой образец неудачника, неприспособленного человека, который ни при каких условиях не адаптируется в обществе. Другие считают, что опыт участия в войне превратил молодых людей в наркоманов и потенциальных преступников. Основной вывод исследования: подобные стереотипы имеют некоторые психологические основания только по отношению к меньшинству ветеранов, страдающих посттравматическими стрессовыми расстройствами [14].

* * *

В нашей стране пока, к сожалению, нет объективных оснований для утверждения, что в общественном сознании сформировался устойчивый социально положительный образ участника войны в Афганистане. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты психологических экспериментов [2]. Исследование показало, что у многих людей адекватное представление о чертах личности «афганцев» подменяется набором психологических стереотипов. Выявлены две основные причины формирования стереотипов: 1. Неумение отделить политические аспекты войны (ради каких целей велись боевые действия, кто принимал решение об отправке советских войск в другую страну и т.п.) от психологических (как вели себя ребята в экстремальных условиях, какими они вернулись с войны — ожесточенными или, наоборот, человечными и добрыми). Люди, не сумевшие «отделить войну от солдата», обычно переносят на «афганцев» свое отрицательное отношение к пребыванию наших воинских подразделений на территории Афганистана. 2. Искажения в представлениях о нравственности, происшедшие в последние годы в моральном сознании нашего общества. Одним из проявлений указанных искажений являются безнравственные по своей сути варианты вопроса, который нередко задается «афганцам» не только в частных беседах, но даже публично, например, в средствах массовой информации (см., в частности, [3]) Вопрос этот формулируется так: «Защищали ли вы свою Родину в Афганистане?»

С целью получения более полного представления о стереотипах, играющих существенную роль в понимании черт личности участников войны в Афганистане, было проведено новое экспериментальное исследование.

МЕТОДИКА

Исследование проходило в два этапа. В экспериментах первого этапа принимали участие 62 ветерана Афганистана и 100 испытуемых контрольной группы (55 курсантов военного училища и 45 студентов МГУ, в — том числе служивших в армии на территории нашей страны). Испытуемые обеих групп отвечали на вопросы опросника Спилбергера на личностную тревожность и опросника Басса-Дарки, выявляющего агрессивные и враждебные реакции человека. Кроме того, «афганцы» отвечали на вопросы структурированного интервью, направленного на выявление признаков посттравматических стрессовых расстройств, особенностей послевоенной адаптации, взаимопонимания участников войны между собой и окружающими.

В экспериментах второго этапа участвовали 147 испытуемых — руководители среднего звена автомобильного завода, внештатные социологи оптико-механического завода, студенты. Вначале они заполняли личностный семантический дифференциал [4] на понятие «типичный «афганец» Методика дает возможность судить о трех факторах личности — «оценке», «силе» и «активности». Личностный дифференциал принадлежит к числу наиболее информативных и надежных методов экспресс-диагностики результатов межличностного оценивания в ситуациях общения. Методика позволяет выявить индивидуальные различия в структурах категориальных систем знаний о личности, используемых в процессе понимания другого человека. Несомненным достоинством методики является ее универсальность: личностный дифференциал можно применять при анализе стереотипных представлений испытуемых о типичных чертах личности продавцов, офицеров, русских, немцев и т. п. Вместе с тем методика не дает возможности психологу определить специфические особенности личности «афганцев».

Для выявления представлений испытуемых о типичных особенностях личности и поведения участников войны в Афганистане была разработана параллельная форма теста — опросник, со стоящий из 15 стереотипных суждений об «афганцах» (они приводятся ниже). 147 испытуемых заполняли опросник после заполнения личностного дифференциала. В методике представлены три группы по пять утверждений, результаты согласия или несогласия с которыми коррелируют с факторами «оценка», «сила» и «активность» по личностному дифференциалу. Однако между обсуждаемыми методиками есть два существенных отличия. Во-первых, в личностном дифференциале шкалы биполярные (добрый 3 2 10-1-2-3 эгоистичный), а в новой методике униполярные. Испытуемый должен выразить степень своего согласия со стереотипным мнением, например, «афганцы» не бо-

ятся трудностей, они убеждены, что человек может преодолеть все». Шкальные оценки, как и в личностном дифференциале, имеют семи-значную градацию — от «полностью согласен» (+3) до «совершенно не согласен» (-3). Во-вторых, личностный дифференциал предназначен для оценки черт личности, а шкалы разработанной методики в основном направлены на анализ характера проявления черт личности в поведении (ср. шкалы «сильный — слабый» и «афганцы» отличаются умением защищать свое человеческое достоинство»). Таким образом, методики взаимно дополняют друг друга.

В психологии понимания давно известно, что «понимание другого и понимание собственной личности тесно взаимосвязаны» [10, с. 153] Адекватное понимание других людей невозможно без развития рефлексивных черт характера, в частности оценки своих личностных качеств. Учитывая это положение, 74 испытуемым из 147 сначала предлагалось заполнить личностный дифференциал на понятие «Я сам» (актуальное Я) Только после этого они заполняли личностный дифференциал на понятие «типичный афганец» и новый опросник.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

По группе из 147 испытуемых были получены следующие итоговые результаты суждений о типичных свойствах личности участников войны в Афганистане: «оценка» — средняя арифметическая 1,18, стандартное отклонение 0,95с. «сила» — 1,75 и 0,90, «активность» — 0,44 и 0,94.

Соответственно по группе в 74 человека получены такие результаты суждений о собственной личности: «оценка» — средняя арифметическая 1,87, стандартное отклонение 0,70с. «сила» — 0,75 и 0,93с. «активность» 1,05 и 0,90.

Исследование выявило высокосignificantные различия между самооценками испытуемых и их суждениями об «афганцах» по всем трем факторам личности («оценка» — $p=0,01$ с. «сила» и «активность» — $p=0,001$). Сравнительный анализ числовых значений фактора «оценка» показывает, что испытуемые склонны осознавать себя как носителей положительных, социально одобряемых характеристик в большей степени, чем участников войны (средняя оценка «типичного афганца» 1,41). Большие различия обнаружены по фактору «сила» (средняя «афганца» 1,86). Испытуемые считают, что участники войны в Афганистане являются гораздо более сильными, волевыми людьми, чем они сами. «Афганцам» приписывается уверенность в себе, независимость, склонность к авторитарности в межличностных отношениях. Существенные различия выявлены по фактору «активность» (0,42) Результаты показывают, что испытуемые считают «афганцев» в

меньшей степени активными, общительными и импульсивными, чем они сами.

Если одной изучаемой в исследовании переменной была взаимосвязь суждений об особенностях собственной личности и оценки черт личности «афганцев», то другой — степень знакомства с ветеранами, частота личных контактов. Из 74 испытуемых 14 регулярно (не реже нескольких раз в месяц) общались с участниками войны, 35 разговаривали с ними всего несколько раз, 25 человек ни разу. Однако значимых различий в суждениях о чертах личности «афганцев» между испытуемыми, не знакомыми с ветеранами, и 49 общавшимися с ними в эксперименте обнаружено не было. Нет различий и между индексами интегральной оценки воспринимаемого расстояния между собой и «афганцами». Очевидно, что это направление исследования требует более углубленной проработки.

Обратимся теперь к анализу результатов 147 испытуемых по второму опроснику. Сначала проанализируем их отношение к стереотипам, соответствующим фактору «оценка». Большинство испытуемых согласны с мнениями, что «афганцы» нравственно более зрелые люди, чем их невоевавшие сверстники, у них развито чувство долга, ответственности за порученное дело. После проведенных экспериментов [1,2] такие суждения сформировались и у меня. Испытуемые скорее согласны, чем не согласны с утверждениями: «Война научила «афганцев» состраданию, сочувствию к чужой боли и страданиям»; «Афганцы» правдивы, они стараются не лгать»; «Афганцы» более совестливы, чем их невоевавшие сверстники». Что касается первого стереотипа, то о развитии в экстремальных условиях войны способности почувствовать боль другого человека неоднократно говорили сами ветераны Афганистана [1]. Мнение о правдивости большинства «афганцев» подтверждается не только высказываниями знающих их людей, но и результатами экспериментов. Например, на вопрос № 8 опросника Басса-Дарки: «Если мне случилось обмануть кого-нибудь, я испытывал мучительные угрызения совести» — статистически значимое ($p=0,001$) большинство «афганцев» ответили утвердительно. В то же время 53 человека из 100 испытуемых контрольной группы ответили на этот вопрос отрицательно. Мнение о совестливости участников войны также подтверждается экспериментами: оценки «афганцев» по шкале «совесть» опросника Басса-Дарки значимо ($p=0,05$) превышают оценки курсантов и студентов.

Подводя итог, можно сказать, что по семизначной шкале 147 испытуемых в среднем оценили участников войны в Афганистане скорее положительно, чем отрицательно (+1).

По отношению к стереотипам, соответствующим фактору «сила», испытуемые были более категоричны: в протоколах мало «осторож-

ных» ответов — «скорее согласен, чем не согласен» и «скорее не согласен, чем согласен». Испытуемые не согласны с мнением: «Большинство «афганцев» — это слабые люди, привыкшие подчиняться приказам, чужой воле». И наоборот, они согласны с тем, что «афганцы» умеют защищать свое человеческое достоинство, не боятся говорить правду начальству, убеждены, что человек может преодолеть любые трудности, они надежные люди, на которых можно положиться в трудной ситуации. За ответами испытуемых ясно просматривается образ участника войны — человека надежного, волевого и смелого, т.е. сильной личности. К сожалению, пока нет объективных оснований для вывода о том, насколько этот образ соответствует действительности: сопоставимые со стереотипами научные данные в психологии отсутствуют.

Анализ ответов на вопросы, соответствующие фактору «активность», показывает, что характер ответов в значительной степени обусловлен стереотипным представлением испытуемых об участниках афганской войны как людях замкнутых, необщительных и раздражительных. Однако такой стереотип во многом противоречит результатам экспериментальных исследований. Испытуемые согласны с утверждением: «У «афганцев» часто возникает ощущение, что окружающие их не понимают». Это мнение действительно не лишено психологических оснований [2], но нельзя утверждать, что *большинство* ветеранов испытывают затруднения в установлении взаимопонимания с невоенными людьми. Испытуемые скорее согласны, чем не согласны с утверждением: «Афганцы» более конфликтны, чем другие, чаще «выясняют отношения» с окружающими». Разумеется, среди участников войны есть те, кто нередко вступает в конфликты. Но в среднем агрессивность как свойство личности у ветеранов Афганистана не выше, чем у их невоенных сверстников. В частности, в экспериментах не обнаружено значимых различий по показателям физической и вербальной агрессии опросника Басса-Дарки между испытуемыми контрольной и экспериментальной групп. 147 испытуемых в среднем согласны с тем, что «афганцы» в большей степени возбудимы и раздражительны, чем другие люди. Однако это противоречит экспериментальным данным: по результатам указанного опросника показатели раздражительности и косвенной агрессивности у 100 человек контрольной группы оказались *выше*, чем у участников войны.

Испытуемые скорее согласны, чем не согласны с утверждениями: «Афганцы» часто испытывают состояние апатии и даже депрессии», «Афганцы» трудно сходятся с людьми, нередко испытывают чувство одиночества». Однако, по данным опросника Спилбергера, не обнаружено значимых различий в степени согласия испытуемых двух

групп с утверждением: «У меня бывает хандра». Не различаются они и по общему уровню личностной тревожности (из 100 испытуемых высокая тревожность обнаружена у 35 человек, из 62 «афганцев» — у 18). Как показывают предыдущие исследования [1, 2], конфликтность, раздражительность, депрессия, высокая тревожность, чувство одиночества и непонимания со стороны окружающих в разных сочетаниях проявляются у меньшей части ветеранов, у которых есть признаки посттравматических стрессовых расстройств (по моим данным, не более 20 человек из 62).

Таковы предварительные итоги изучения психологического портрета участника войны в Афганистане в массовом сознании. В следующем исследовании предполагается расширить круг изучаемых переменных: нужно проанализировать характер зависимости оценки черт личности ветеранов от пола, возраста, образования, социального положения испытуемых. Другое планируемое направление исследований — анализ суждений самих участников афганской войны о типичных особенностях поведения и чертах личности «афганца».

* * *

Итак, предварительные результаты исследования говорят о том, что невоенные советские люди полагают, что структура личности участников войны в Афганистане отличается от их собственной. Это суждение не совпадает с мнением американцев об участниках войны во Вьетнаме [15]. Одна причина формирования суждения заключается в том, что в общественном сознании очень медленно происходит процесс размежевания политических и психологических аспектов афганской войны — осознания того, что ответственность за пагубные последствия вооруженного вторжения в чужую страну прежде всего должны нести политические деятели, а не участники боевых действий. По моему мнению, практическая реализация лозунга «Отделить войну от солдата» — на сегодняшний день главная и наиболее актуальная задача нашего общества по отношению к «афганцам». И существенный вклад в решение этой задачи должны внести психологические исследования.

Другая причина возникновения мнения об отличительных особенностях личности участников войны в Афганистане — основанная на недостатке объективной информации неадекватность представлений многих людей об «афганцах». Неадекватность представлений проявляется в чрезмерной обобщенности стереотипных оценочных суждений о личности участников войны. Как показывает анализ ответов на вопросы разработанной методики, соответствующие фактору «активность», испытуемые склонны приписать всем «афганцам» на-

личие психологических проблем, которые беспокоят и мешают послевоенной адаптации только тех ветеранов, которые страдают посттравматическими стрессовыми расстройствами. Посттравматический стресс и посттравматический стрессовый синдром — особые и очень серьезные проблемы, требующие тщательного научного анализа. Психологические исследования в этой области необходимы не только с целью оказания помощи ветеранам: не менее важной задачей является устранение искажений в массовом сознании. Без промедления активно включиться в решение этой задачи — долг советских психологов перед ветеранами Афганистана и обществом.

Литература

1. Знаков В.В. Понимание воинами-интернационалистами ситуаций насилия и унижения человеческого достоинства // Психологический журнал. 1989. Т. 10. № 4. С. 113-124.
2. Знаков В.В. Психологические причины непонимания «афганцев» в межличностном общении // Психологический журнал. 1990. Т. 11. № 2. С. 99-108.
3. Киселев С. Что читают наши парламентарии // Литературная газета 1989.12 июля.
4. Личностный дифференциал: Методические рекомендации / Сост. Е.Ф. Бажин, А.М. Эткинд Л.: Ленинградский психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева, 1983
5. Луцкий А. «Афганцы» среди нас: Что показал социологический опрос // Побратим. 1990. № 2.
6. Русина Н.А. Изучение оценочных эталонов и социальных стереотипов с помощью семантических измерений // Вопросы психологии. 1981. № 5. С. 96-105.
7. Egendorf A.H. Healing from the war Trauma and transformation after Vietnam. Boston, 1985.
8. Fein E.B. Veterans from 2 armies and 2 wars finding shared wounds in Moscow // The New York Times. October 1988.
9. Hiebsch H. Interpersonelle Wahrnehmung und Urteilsbildung. Berlin, 1986
10. Rosemann B., Kerres M. Interpersonales Wahrnehmen und Verstehen. Bern u.a., 1986.
11. Stress disorder among Vietnam veterans: Theory, research and treatment / Ed by Ch.R. Figley N.Y., 1978.
12. Taffel H Human groups and social categories: Studies in social psychology. Cambridge, 1981
13. Thomdyke P.W. Cognitive structures in human story comprehension and memory. Stanford University, 1975.
14. The Vietnam veteran redefined Fact and fiction / Ed. by G. Boulanger and Ch. Kadushin. Hillsdale, 1986.
15. The wounded generation: America after Vietnam / Ed. by A.D. Home. New Jersey, 1981

i
I

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ УЧАСТНИКА ВОЙНЫ В АФГАНИСТАНЕ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ

Опубликовано: Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 6. С. 26-39.

Преобразования, происходящие в последние годы в нашем обществе, сильно изменили структуру массового сознания. Одним из относительно новых элементов структуры, который, однако, уже успел занять в ней прочное место, являются стереотипы понимания личности участников войны в Афганистане. За 15 лет, прошедших с начала войны, в сознании невоювавших граждан страны накопилось немало стереотипных, нередко не соответствующих действительности представлений о психологии «афганцев».

Для психолога в феномене стереотипизации представлений об «афганцах» нет ничего удивительного: социально-психологический анализ военной истории XX века показывает, что стереотипы индивидуального и массового сознания возникали после каждой большой войны — первой и второй мировой [26], в Испании [3, с. 23-24], во Вьетнаме [19]. Например, в США после второй мировой войны некоторые люди распространяли среди населения картинки, на которых ветераны войны изображались в виде разгуливающих по улицам грабителей с дубинками, убивающих всех, кто осмеливается противиться их произволу и насилию [26].

И у нас надежды участников Великой Отечественной войны — защитников Родины и победителей — на уважительное отношение к ним со стороны невоювавших людей и государства во многом не оправдались. Они говорят об этом с чувством горечи, не прошедшем и через 45 лет после возвращения с фронта: «Отрезвление пришло в первые послевоенные годы, трудные и сложные для бывших фронтовиков. Мы тогда не говорили о «потерянном поколении», полагая, что у нас его и быть не может, но оно, увы, было и будет всегда после всех войн, даже «малых», что стало очевидным сегодня, после «Афгана». Так же, как герои Олдингтона и Ремарка, мы почувствовали себя ненужными,

ущербными, особенно инвалиды, получавшие нищенские пенсии, на которые невозможно было прожить... Когда в каких-либо официальных учреждениях мы гордо заявляли, что мы воевали и этим что-то заслужили, нам по-хамски отвечали, что все воевали, что было вроде бы и правдой, но не полной, потому что воевали далеко не все» [11, с. 113].

Как справедливо отмечает Дж.Р. Смит, «общества всегда имели трудности с возвращающимися с войны воинами» [26, с. 20]. Неизбежным следствием этих трудностей (в основном социальных — отсутствие работы, жилья и т.п.) оказывается возникновение в массовом сознании стереотипных представлений о свойствах личности и особенностях поведения ветеранов. Анализ литературных данных показывает, что во все времена люди были склонны без достаточных на то оснований приписывать бывшим участникам войны отрицательные черты характера: заносчивость, агрессивность, конфликтность, излишнюю прямолинейность и т.п. В частности, это отчетливо проявилось в США в конце 60-х — начале 70-х годов — во время и после войны во Вьетнаме [27].

Однако в начале 80-х годов в общественном мнении произошел переворот: миллионы американцев сумели осознать необходимость воплощения лозунга «Отделить войну от солдата» в практику межличностных отношений. В результате принадлежность к корпусу ветеранов Вьетнама стала одним из символов национального самосознания [20, с. 29]. Как отмечает писатель, член Американского легиона Дж. Флетчер, путь осмысления принципиальных различий между политическими и психологическими аспектами войны был долгим и мучительным: «Фактически лишь после 1982 г. стало проявляться общественное признание и радушие по отношению к вьетнамским ветеранам» [17, с. 165].

Тем не менее еще и сегодня многие стереотипы массового сознания не утратили своей силы [27]. Например, по данным исследования, проведенного в 1990 г., даже среди врачей, сотрудников реабилитационных центров нередко наблюдается настороженное и эмоционально холодное отношение к испаноязычным ветеранам и неграм. Не удивительно, что, вернувшись с войны, последние гораздо хуже адаптировались в американском обществе, чем белые ветераны [24]. Различия в степени социально-психологической адаптации наверняка существуют и среди «афганцев» разных национальностей, но пока такие данные отсутствуют. Участие в афганской войне и вьетнамской войнах оказывало во многом сходное воздействие на психику молодых людей во время боевых действий и в период после военной адаптации [9], поэтому в современной ситуации советским психологам не остается ничего другого, как активно использовать данные американских коллег.

На характер стереотипов массового сознания оказывает влияние

и ситуативные социальные факторы. Один из сравнительно недавних примеров — война в Персидском заливе. Как известно, американцы восторженно приветствовали своих соотечественников, принимавших участие в боевых действиях против Ирака. Их встречали как победителей в справедливой освободительной войне. В то же время по контрасту значительно возросло число негативных высказываний в адрес ветеранов Вьетнама — участников проигранной «грязной» войны, нанесшей ощутимый удар по национальному самосознанию. Вследствие этого резко возросла нагрузка реабилитационных центров: туда стало обращаться больше ветеранов с признаками обострения посттравматических стрессовых состояний (личное сообщение американского психотерапевта Веры Уорк). По моим наблюдениям, нечто подобное происходило у нас летом 1989 г. В это время на сессии Верховного Совета СССР, транслируемой по телевидению, обсуждался вопрос о предоставлении некоторых экономических льгот (в том числе снижении оплаты за лекарства) участникам войны в Афганистане. Выступающие, в частности В.И. Шербаков, пришли к выводу, что в условиях скудного государственного бюджета подобные меры нельзя отнести к разряду неотложных, и потому «молодые здоровые парни» могут подождать. После этого мне не раз доводилось слышать негативные высказывания об участниках войны (как о людях, которые требуют для себя различных материальных благ, не обращая внимания на нужды нищих стариков и детей-инвалидов). Отношение населения к «афганцам» в этот период ухудшилось.

Очевидно, что общественная ценность моих субъективных наблюдений и впечатлений неизмеримо ниже ценности объективных результатов научных исследований. Однако в отечественной науке нет данных о том, как неволевавшие граждане страны представляют свойства личности типичного ветерана Афганистана и как они оценивают поведенческие проявления этих свойств в межличностном общении. Редкие и бессистемные социологические опросы, направленные на выяснение отношения населения к социальным и психологическим проблемам «афганцев», мало улучшают положение. Парадоксально, что столь незначительный вклад в решение этого вопроса внесли психологи. Парадоксальность ситуации заключается в том, что в экспериментальной психосемантике личности еще в 70-х годах разработаны интересные и эффективные методы изучения операциональных моделей индивидуального и массового сознания. Благодаря применению таких методов сегодня мы знаем, каков психологический портрет, обобщенный образ диктора у зрителей и слушателей в системах массовых коммуникаций; каков образ типичного студента у студентов разных специальностей; в чем специфика профессиональных и этнических стереотипов и т.п. [16]. Вместе с тем мы практически ничего не

знаем о стереотипах, в которых отражены наиболее характерные психологические особенности людей из такой большой социальной группы, как ветераны афганской войны.

Цель статьи — изучить целостные представления граждан страны (различающихся по психологическим и социально-демографическим признакам) о нравственных, волевых и эмоционально-коммуникативных особенностях личности типичного участника войны в Афганистане.

МЕТОДИКА

Экспресс-диагностика стереотипных представлений испытуемых о свойствах личности и особенностях поведения участников войны в Афганистане осуществлялась посредством методик «Личностный дифференциал» [13] и «Типичный „афганец»» (принципы построения и содержательная структура этой методики описаны в статье, сданной в печать. Публикация статьи планируется в сб. «Новые исследования в психологии и возрастной физиологии». 1992. № 1). Эксперимент проходил в четыре этапа.

На первом этапе испытуемые анонимно заполняли личностный семантический дифференциал (ЛД) на понятие «Я сам» (актуальное «Я»). Методика дает возможность судить о трех факторах личности отвечающего — «Оценке», «Силе» и «Активности». «Оценка» является количественным выражением самооценок нравственных качеств испытуемого, «Сила» — волевых качеств, «Активность» — эмоционально-коммуникативных (общительности и импульсивности). Представление субъекта о себе, «Я-концепция» — это «не просто продукт самосознания, но важный фактор детерминации поведения человека, такое внутриличностное образование, которое во многом определяет направление его деятельности, поведение в ситуациях выбора, контакты с людьми» [14, с. 245]. На основании процитированного теоретического положения психодиагностики самосознания естественно было предположить, что характер самооценок испытуемых повлияет на их представления о психологической специфике личности ветеранов.

На втором этапе испытуемые указывали на опросном листе свой пол, возраст, образование. Затем они отвечали на вопросы о наличии родственных связей и степени личного знакомства с участниками войны в Афганистане (по шкале с шестизначной градацией — от «никогда не разговаривал» до «общаюсь регулярно, не реже одного раза в месяц»). После этого испытуемые выбирали один из четырех вариантов ответа на вопрос о степени их интереса к статьям в газетах и журналах, передачам по радио и телевидению об «афганцах».

Одним из наиболее информативных и надежных методов экспресс-диагностики результатов межличностного оценивания являет-

ся «Личностный дифференциал». Методика позволяет выявлять индивидуальные различия в структурах категориальных систем знаний о личности, используемых в процессе понимания другого человека, например «афганца». Поэтому на третьем эксперимента ЛД заполнялся на понятие «типичный участник войны в Афганистане»: какие свойства личности, по мнению испытуемого, наиболее характерны для большинства ветеранов (сегодня, а не в прошлом, т.е. во время их пребывания на войне).

Наконец, на последнем этапе испытуемые заполняли опросник «Типичный "афганец"». Последний представляет собой параллельную форму теста по отношению к ЛД, заполняемого на понятие «типичный участник афганской войны». В нем также выделяются три указанных фактора, шкальные оценки имеют такую же семизначную градацию (от 3 до -3), почти не отличаются и принципы обработки результатов. Вместе с тем между методиками есть два существенных различия. Во-первых, ЛД — это универсальный опросник, с помощью которого можно оценивать стереотипные представления испытуемых о людях разных национальностей, профессий и т.п. «Типичный "афганец"» — методика, разработанная специально для исследования результатов межличностного оценивания психологических качеств участников войны в Афганистане. Во-вторых, ЛД предназначен для оценивания черт личности, а шкалы новой методики в основном направлены на анализ характера проявления черт личности в поведении (ср. шкалы «сильный — слабый» и «афганцы» отличаются умением защищать свое человеческое достоинство»). Таким образом, методики взаимно дополняют друг друга.

В экспериментах принимали участие 617 человек из 23 городов страны (но около половины из них жители Москвы и Ленинграда). Испытуемыми были учащиеся колледжа, студенты слушатели высшей школы МВД, курсанты военной академии, а также инженеры, экономисты, внештатные социологи, профсоюзные работники, сотрудники отделов кадров и плановых отделов промышленных предприятий различного профиля. В соответствии с требованиями методики были забракованы протоколы 129 испытуемых, больше трех раз ответивших «затрудняюсь ответить» в методике «Типичный "афганец"» и/или поставивших больше четырех нулей при заполнении ЛД на участников войны. Как показали предварительные эксперименты [8], такие испытуемые, во-первых, отличаются от остальных членов выборки неуверенностью в достоверности знаний об особенностях личности и поведения «афганцев»; во-вторых, они значительно ниже оценивают по ЛД нравственные и волевые качества собственной личности. После сортировки по указанному признаку анализировались протоколы остальных 488 испытуемых. Это количество респондентов

соответствует требованию репрезентативности выборки — на ее основе правомерно делать выводы о генеральной совокупности [5].

Из 488 принимавших участие в исследовании было 306 испытуемых женского пола и 182 мужского. Дифференциация по возрасту осуществлялась в соответствии с возрастной периодизацией жизненного цикла человека, описанной Б. Г. Ананьевым [1, с. 130]. Выборка состояла из 278 юношей и девушек в возрасте от 16 до 20 лет, 146 мужчин и женщин первого периода взрослости (21 -35 лет) и 64 второго периода (36 — 60 лет).

В целях выявления специфики представлений самих участников войны о наиболее характерных особенностях личности и послевоенного поведения «афганцев» кроме основной группы испытуемых к участию в экспериментах были привлечены 24 ветерана войны в Афганистане. Следовательно, всего анализировалось 512 протоколов.

Исследование проводилось с марта по октябрь 1990 г.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

По выборке в 488 человек при самооценочном варианте заполнения опросника ЛД были получены следующие средние значения баллов по факторам: «Оценка» (О) — 1,82; «Сила» (С) — 0,96; «Активность» (А) — 1,00. Свойства личности «афганцев» по этой методике испытуемые оценили так: О — 1,50; С — 1,93; А — 0,38. Применение t-критерия Стьюдента позволяет утверждать, что испытуемые значимо ($p < 0,001$) выше оценивают нравственные и эмоционально-коммуникативные качества собственной личности, чем личности «афганцев». Вместе с тем они полагают, что у участников войны намного сильнее развиты волевые качества — уверенность в себе, независимость, склонность рассчитывать на свои силы в трудных ситуациях, стремление к доминированию в межличностных отношениях (различия по фактору «Сила» очень значимы: $t = 19,4$; $p < 0,001$). Те же пропорции количественных показателей факторов (но при более низких абсолютных значениях) сохраняются и в оценках поведенческих особенностей личности ветеранов, полученных по методике «Типичный афганец»: О - 0,85; С - 1,26; А - (0,06).

Таким образом, в целом результаты свидетельствуют о том, что подавляющее большинство испытуемых оценили участников войны в Афганистане как носителей положительных социально одобряемых характеристик. Они считают, что у «афганцев» отчетливо выражены такие психологические качества, как добросовестность, честность, совесть, нравственная зрелость и т.п. Образ участника войны в массовом сознании соответствует образу сильной личности: преобладаю-

щая часть испытуемых согласна с утверждениями о том, что «афганцы» не боятся трудностей, отличаются умением защищать свое человеческое достоинство, не боятся говорить правду начальству; они надежные люди, на которых можно положиться в трудной ситуации. Вместе с тем результаты заполнения шкал, соответствующих фактору «Активность» (особенно по методике «Типичный афганец»), обнаруживают низкие значения показателей эмоционально-коммуникативных свойств личности участников войны. По мнению испытуемых, для ветеранов весьма характерными являются субъективные переживания, усиливающие их замкнутость, необщительность, а также «коммуникативную неуравновешенность» [6]. На это указывает тот факт, что испытуемые «скорее согласны, чем не согласны» с утверждениями о том, что «афганцы» часто испытывают состояние апатии и даже депрессии; они более возбудимы, раздражительны и конфликтны, чем другие люди; у них нередко возникают чувства одиночества и непонимания их окружающими.

Однако, констатируя наличие положительного образа ветерана Афганистана в массовом сознании, психолог не должен упускать из виду тот общеизвестный факт, что у нас в стране есть люди, враждебно настроенные к участникам афганской войны. Последние сами нередко рассказывают об этом, например С. Князев говорит: «Знаю, что у нас в Москве есть люди, и их немало, которые кричат, что «афганцы» все сволочи и негодяи, что девяносто девять процентов их нас — наркоманы и убийцы, что поставить памятник погибшим в Афганистане — это все равно, что памятник Гитлеру» [15, с. 117]. Естественно, что подобные высказывания оскорбляют ветеранов, но можно ли считать, что враждебное отношение к «афганцам» является типичным, широко распространенным в разных слоях населения страны? В одном из предыдущих исследований были проанализированы психологические причины возникновения стереотипов индивидуального сознания, препятствующих пониманию «афганцев» неволевыми людьми [7]. Теперь настало время ответить на вопрос о степени распространенности стереотипов, порождающих негативное отношение к участникам войны. Ответ на этот вопрос можно найти в протоколах проведенных экспериментов.

Оба опросника — и оценочный вариант ЛД, и «Типичный афганец» — построены таким образом, что положительные значения баллов по фактору «Оценка» (от 0,05 до 3,0) свидетельствует о психологическом принятии субъектом большинства участников войны, уважении к ним, а отрицательные значения (от -0,05 до -3,0) — о психологическом отвержении, уверенности в нетипичности наличия у ветеранов социально одобряемых качеств личности и особенностей поведения. Из 488 человек у «29 испытуемых (20 женского пола и 9 мужского) оказались отрицательные значения «Оценки» «афганцев»

по ЛД. Эти испытуемые считают, что участники войны в основном люди безответственные, эгоистичные, черствые, несправедливые, враждебные, неискренние и непривлекательные. Негативные образцы социально-ролевого поведения усматривают в поступках ветеранов 98 человек: минусовые значения фактора «Оценка» по методике «Типичный афганец» оказались у 38 испытуемых женского пола и 60 мужского. Эти испытуемые считают несоответствующими действительности утверждения о том, что «афганцы» правдивы, они стараются не лгать; они более совестливые и нравственные люди, чем их невовавшие сверстники; у них сильно развито чувство долга, ответственности за порученное дело; война научила их состраданию, сочувствию чужой боли и страданиям.

Поскольку у 19 человек отрицательные оценки по обоим методикам совпадают, то в итоге можно говорить о 107 испытуемых, проявивших психологическое отвержение участников войны в Афганистане (21,9% выборки). Применение критерия χ^2 для двузначной генеральной совокупности позволяет с большой степенью уверенности ($p < 0,001$) утверждать, что большинство людей в нашей стране с уважением относятся к ветеранам Афганистана. Тем не менее следует признать: результаты экспериментов говорят о том, что враждебно настроенных по отношению к «афганцам» действительно немало. И это оказывает существенное влияние на послевоенную адаптацию ветеранов, потому что, по словам того же Князева, «хороших людей больше, но плохие встречаются чаще» [15, с. 113]. Причина здесь, по-видимому, в том, что как в русских народных сказках зло обычно гораздо более активно, чем добро, так и в межличностном общении голоса людей, недоброжелательно настроенных по отношению к «афганцам», раздаются чаще и звучат громче голосов тех, кто относится к ним с уважением и симпатией.

Аналогичным образом обстоит дело с влиянием средств массовой информации на формирование стереотипов: известно, что сообщения об отрицательных сторонах общественной жизни вызывают больший резонанс, чем сообщения о достижениях и успехах. Это происходит потому, что события, которые соответствуют существующим в сознании людей негативным стереотипам, быстрее ими замечаются и легче осмысливаются, чем события, которые «не укладываются» в стереотипы, противоречат им [21]. В этой связи не удивительно, что одна журнальная публикация, в которой в сконцентрированном виде представлены «негативные» факты об участниках войны в Афганистане (см., например, Алексиевич С. Цинковые мальчики // Дружба народов. 1990. № 7), порождает больше слухов и неадекватных стереотипов, чем множество передач и статей с эмоционально нейтральной или положительной модальностью изложения содержания.

Анализ психологических и социально-демографических факторов, оказывающих влияние на характер оценивания особенностей личности и поведения ветеранов, осуществлен ниже, а сейчас перейдем к рассмотрению результатов, полученных у 24 испытуемых дополнительной выборки.

Интересно сопоставить данные основной выборки испытуемых с данными 24 участников войны в Афганистане. Оценивая себя по ЛД, ветераны показали средние результаты: О -1,80; С — 1,17; А — 0,89. Ни по одному из факторов не обнаружено значимых различий между данными 488 испытуемых и 24 «афганцев». Это дает основание предположить, что участники войны не считают, что по свойствам личности, отраженным в шкалах ЛД, они чем-то отличаются от невовавших людей.

Оценивая по той же методике типичного участника войны, ветераны по двум факторам (О — 1,65 и С — 1,69) не проявили значимых различий с результатами других испытуемых. Любопытно, что так же, как и остальные испытуемые, ветераны ниже оценивают «Силу Я», чем волевые качества личности большинства «афганцев» (1,17 и 1,69; $p < 0,01$). Вместе с тем участники войны не согласны с мнением о необщительности и коммуникативной неуравновешенности типичного «афганца»: средний балл по фактору «Активность» у них значимо ($p < 0,01$) превышает результат невовавших участников эксперимента (соответственно 1,01 и 0,38).

В ЛД предусмотрена возможность вычисления обобщенного коэффициента, интегральной оценки «воспринимаемого» испытуемым расстояния между свойствами собственной личности и теми же психологическими качествами оцениваемого им человека [13]. Вполне естественно, что у ветеранов, оценивающих типичного участника войны, средняя величина коэффициента оказалась значимо ($p < 0,001$) меньше, чем у невовавших людей, выполнявших то же задание ($K=1,15$ и $1,95$).

По методике «Типичный афганец» у участников войны оказались такие средние данные: О -1,50, С -1,95 и А -0,05. Оценки поведенческих аспектов всех трех групп качеств личности ветеранов у «афганцев» оказались выше, чем у других испытуемых: значимость различий по фактору «Оценка» $p < 0,01$, по фактору «Сила» $p < 0,01$, по фактору «Активность» различия не значимы. Малый объем выборки не позволяет делать серьезных и обоснованных заключений о психологических закономерностях процессов и результатов оценивания — необходимы дополнительные исследования. Поэтому пока я ограничусь констатацией фактов и перейду к анализу соотношений самооценок и оценок личности участников войны, представленных в протоколах испытуемых основной группы.

Личностные детерминанты формирования стереотипов понимания «афганцев». Поставив вопрос о том, какие свойства личности оценивающего субъекта оказывают влияние на характер оценок, даваемых им участникам войны, следует прежде всего обратиться к анализу **мотивационной сферы психики** испытуемых. Интерес к познаваемому человеку является одним из необходимых компонентов межличностного понимания, называемым в психологии пониманием аффективно-интенциональным [25]. Можно предположить, что применительно к ситуации понимания особенностей личности и поведения «афганцев» неволевыми людьми аффективно-интенциональный компонент понимания выражается, в частности, в интересе, проявляемом нашими соотечественниками к сообщениям средств массовой информации, посвященным ветеранам.

Из 488 испытуемых 328 человек сказали, что с интересом воспринимают статьи в газетах и журналах, передачи по радио и телевидению об участниках войны в Афганистане: 79% женщин, 71% мужчин, 60% девушек и 49% За исключением ответов юношей, все результаты значимы по критерию χ^2 ($P < 0,001$). Следовательно, можно утверждать, что большинство населения (67% выборки) проявляют интерес к рассказам о судьбах ветеранов. О том, что этот интерес в основном имеет доброжелательную по отношению к «афганцам» направленность, свидетельствуют положительные и достаточно высокие значения средних баллов по фактору «Оценка».

Однако 125 человек заявили о равнодушии, безразличном отношении к такого рода сообщениям, а 35 испытуемых сказали, что передачи и статьи на эту тему им неинтересны или даже неприятны. Если верно предположение о том, что интерес к сообщениям средств массовой информации об «афганцах» является отражением пристрастно-оценочного отношения, положительных установок социальной перцепции, то отсутствие интереса должно свидетельствовать о наличии негативных установок, предубеждений против участников войны. Соответственно 35 испытуемых, проявивших психологическое неприятие рассказов о судьбах ветеранов, должны быть невысокого мнения о психологических качествах последних. В целом расчеты подтвердили правильность высказанного предположения. С одной стороны, эти испытуемые отличаются от остальных 453 членов выборки тем, что у них более высокие значения самооценки «Силы «Я» (1,32 и 0,93; $p < 0,01$). С другой стороны, 35 испытуемых по обеим методикам значимо ниже оценили нравственные и волевые качества участников войны ($p < 0,001$). Различия между оценками эмоционально-коммуниктивных свойств личности ветеранов у испытуемых двух рассматриваемых групп оказались не значимыми.

Таким образом, характер стереотипных представлений определяется не только свойствами личности объекта познания — типичного участника войны. Не менее важным для процесса формирования стереотипов оказывается и то, какое мотивационное значение для испытуемого имеют ветераны как субъекты межличностного понимания и сопереживания. Одним из индикаторов мотивационного отношения испытуемых к «афганцам» является степень выраженности интереса к публикациям и передачам на эту тему. Интерес отражает ценностные ориентации познающего субъекта, направляющие процесс восприятия продукции систем массовой коммуникации: человек отбирает материал для чтения, слушания или созерцания в зависимости от имеющейся у него системы ценностей. Справедливо и обратное положение: субъект обычно игнорирует те части информационного потока, которые противоречат его жизненным ценностям. По моему мнению, это положение доказывает оправданность поиска связи между отсутствием интереса к сообщениям об участниках войны в Афганистане и оценками их поведения и свойств личности. Оценка воспринимаемых сообщений средств массовой информации определяется соотношением их содержания с субъективной иерархией ценностей испытуемого. В случае, если он выявляет в сообщении содержание, прямо соответствующее его структуре ценностей, то положительно оценивает предметное содержание сообщения. В противоположном случае, т. е. если в тексте сообщения усматриваются контрастные «чужие» позиции, соответствующие нижним уровням субъективной иерархии ценностей, у испытуемого появляется отрицательное отношение к объекту суждения [12].

Вместе с тем не следует забывать, что интерес к сообщениям средств массовой информации о ветеранах у разных людей может быть порожден различными (в том числе не выявленными в эксперименте) причинами. Не стоит преувеличивать его влияние на процесс и результат оценивания участников войны: хотя психологическое отвержение рассказов о судьбах ветеранов соответствует относительно низким значениям оценок их нравственных и волевых качеств, было бы ошибкой делать обратный вывод — психологическому принятию всегда сопутствуют более высокие оценки. О неправомерности подобного вывода свидетельствует тот факт, что из 107 человек, у которых «Оценка» ветеранов оказалась со знаком «минус», 51 испытуемый сказал, что с интересом воспринимает сообщения на указанную тему (38 испытуемых — безразлично, 18 — сообщения им неинтересны или неприятны). Следовательно, если отсутствие интереса связано со снижением баллов по факторам «Оценка» и «Сила», то наличие интереса еще не гарантия высоких положительных оценок, приписываемых свойствам личности «афганцев». Дело в том, что мотивационное

отношение испытуемого к участникам войны является только одной из детерминант формирования стереотипов межличностного понимания. В роли другой детерминанты выступает самооценка субъекта.

Перейду к анализу самооценок испытуемых и оценок, приписываемых участникам войны. В литературе по психологии понимания неоднократно встречаются упоминания о том, что субъекты с завышенной и заниженной самооценкой неадекватно понимают других людей [22]. Однако связь межличностного понимания с самооценкой неоднозначна: последняя зависит от многих факторов — возраста, пола, эмоционального состояния человека, успешности деятельности, ожидания оценок других людей и т.д. Для более отчетливого и дифференцированного представления о том, как испытуемые оценивают себя и «афганцев», сначала я последовательно проанализирую низкие, средние и высокие баллы, характеризующие каждую из трех групп свойств личности. Низкими и высокими считаются такие значения баллов по факторам, которые отличаются от среднеарифметических на величину, не меньшую, чем одно стандартное отклонение.

Низкая «Оценка» по ЛД оказалась у 84 испытуемых, средняя — у 327, высокая — у 77. Субъекты, невысоко оценившие свои нравственные качества, полагают, что у участников войны эти свойства личности развиты лучше (0,67 и 0,95; $p < 0,05$). Испытуемые со средней величиной самооценки, наоборот, оценили себя выше, чем «афганцев» (1,90 и 1,54; $p < 0,001$). То же можно сказать и о тех, у кого высокая самооценка (2,70 и 1,97; $p < 0,001$). Сравнение оценок, приписываемых участникам войны представителями трех указанных групп, обнаруживает следующую картину: субъекты с низкой самооценкой ниже оценивают «афганцев», чем испытуемые со средней ($p < 0,001$), в свою очередь испытуемые со средними величинами баллов по фактору «Оценка» приписывают ветеранам меньшие значения баллов, чем те, у кого самооценка высокая ($p < 0,001$). Сходные результаты получены и по методике «Типичный «афганец»: соответственно 0,39; 0,88; 1,20 (различия между ними тоже статистически значимы).

Таким образом, эксперименты выявили отчетливую тенденцию роста оценки качеств личности ветеранов по мере увеличения самооценки испытуемых. Экспериментальные данные позволяют предположить, что самооценка субъекта является одной из личностных детерминант формирования стереотипных представлений о психологии участников войны. Правдоподобие этой гипотезы подтверждается, в частности, тем, что у испытуемых, считающих, что большинство «афганцев» люди несправедливые, эгоистичные, враждебные и т.п., самооценка оказалась ниже, чем у испытуемых (381 чел), не разделяющих такое мнение (1,58 и 1,88; $p < 0,001$).

Пропорции распределения баллов по фактору А очень напоминают соотношение низких, средних и высоких самооценок и оценок по фактору О. Только 77 испытуемых, низко оценивших эмоционально-коммуникативные свойства собственной личности, полагают, что ветераны более коммуникабельны и уравновешены в ситуациях общения, чем они (-0,50 и 0,22; $p < 0,001$). 336 испытуемых со средней самооценкой, напротив, считают себя более общительными, чем «афганцы» (1,05 и 0,36; $p < 0,001$), а 77 субъектов с высокой самооценкой — гораздо более общительными и уравновешенными (2,33 и 0,67; $p < 0,001$). Сопоставление данных трех групп показывает, что статистически значимыми оказываются различия только между полярными оценками высокими и низкими (0,67 и 0,22; $p < 0,05$).

Следовательно, как и при оценивании нравственных качеств личности, рост величины самооценки эмоционально-коммуникативных свойств сопровождается увеличением балльных оценок, приписываемых участникам войны. Эта тенденция менее выражена, чем в факторе О: она отчетливо проявляется только в полярных группах. Другое отличие фактора А от фактора О состоит в меньших абсолютных величинах самооценок и особенно оценок.

Задача описываемой работы в основном заключалась в том, чтобы определить характер стереотипов массового сознания. Вследствие этого применявшиеся две методики не предназначены для формирования суждений о социальных и психологических причинах низких или, наоборот, высоких самооценок и оценок — необходимы дополнительные исследования другими методами. С одной стороны, вполне возможно, что субъекты, оценивающие себя значительно ниже «афганцев», характеризуются внутренней конфликтностью личности — неудовлетворенностью собой, неуверенностью, колебаниями самооценки, нарушением равновесия в когнитивно-аффективной саморегуляции. С другой стороны, разницу между высокой самооценкой и низкой оценкой эмоционально-коммуникативных свойств личности участников войны можно объяснить психологической закономерностью, называемой в теориях каузальной атрибуции «идеей контрастных представлений»: если субъект оценивает себя как носителя положительных черт, то «плохому» человеку он по контрасту приписывает отрицательные черты; соответственно очень общительные испытуемые считают «афганцев» неразговорчивыми и замкнутыми.

Результаты оценивания волевых качеств и склонности к доминированию в субъект-субъектных отношениях принципиально отличаются от данных по оценке нравственных и эмоционально-коммуникативных свойств личности. 70 испытуемых с низкой «Силой Я» (-0,59), 359 человек со средней (1,05) и 59 с высокой (2,20) приписали

участникам войны практически одинаково высокие оценки волевых качеств личности по обоим методикам: соответственно 2,0; 1,88; 2,14 по ЛД и 1,27; 1,35; 1,35 по «Типичному «афганцу»». Внутри каждой методики различия между данными трех групп статистически не значимы. Такие результаты позволяют предположить, что на формирование стереотипных представлений о личностных и поведенческих аспектах волевых качеств ветеранов влияет не столько самооценка испытуемого, сколько какие-то другие факторы. Одним из них может быть такой элемент обыденного сознания, как полоролевой стереотип «настоящего мужчины», наиболее важными элементами которого являются инструментально-силовые характеристики мужественности.

В основе суждений субъекта о себе и других людях лежит категориальная система представлений обыденного сознания. В психологии понимания категориальная схема, совокупность понятий, используемых человеком в процессе познания другого человека, называется когнитивно-структурным компонентом межличностного понимания [25]. В описываемых экспериментах когнитивно-структурный компонент понимания испытуемыми личности «афганцев» внешне проявляется в соотношении структур количественных показателей трех факторов, эксплицированных в оценках и самооценках. Разница в структурах оценок и самооценок отражена в индексах субъективно воспринимаемого расстояния между психологическими качествами своей личности и личности типичного участника войны.

Сравним данные 72 испытуемых с низкими значениями индекса ($K < 0,92$) и 85 с высокими ($K > 2,91$). У 72 субъектов, считающих, что ветераны мало чем отличаются от них по свойствам личности, «Сила Я» оказалась значительно больше: 1,43 и 0,27; $p < 0,001$ (по другим факторам значимых различий нет). Эти испытуемые выше, чем 85 других, оценили по ЛД нравственные качества участника войны (1,86 и 0,95; $p < 0,001$), а также эмоционально-коммуникативные (0,90 и 0,07; $p < 0,001$), но приписали ветеранам меньше балльные оценки «Силы Я» (1,61 и 2,13; $p < 0,001$). Аналогичная картина наблюдается при сравнении данных двух групп по методике «Типичный афганец». Следовательно, увеличение оцениваемого расстояния между собой и участниками войны в Афганистане соответствует нарастанию стереотипизации: более отчетливой выраженности представления об «афганце» как не очень привлекательном человеке — замкнутом, раздражительном, но волевом. Не удивительно, что наличие подобных стереотипов в сознании невоювавших людей приводит к непониманию ими ветеранов в ситуациях общения [7].

Итак, эксперименты показали, что если одним фактором, вносящим определенный вклад в формирование оценки психологических качеств

участников войны, являются социально-перцептивные установки, ценностные ориентации испытуемого, то другим — его самооценка.

Влияние общения на стереотипы понимания «афганцев». В социальной психологии давно известно, что в ситуациях общения увеличение знаний друг о друге способствует ослаблению и преодолению стереотипов межличностного понимания, в частности устранению этнических предубеждений [24]. Общение является необходимым условием познания человека человеком, коммуникативным компонентом межличностного понимания [25]. Сравним данные 154 испытуемых, лично не знакомых и ни разу не разговаривавших с участниками афганской войны, и 125 человек, часто общающихся с ними, разговаривающих не реже одного раза в месяц.

У 125 общающихся индекс К оказался меньше: 1,86 и 2,11; $p < 0,05$. Следовательно, те, кто знаком с «афганцами», в большей степени ощущают психологическое сходство с ними, чем люди, не имеющие возможности или желания контактировать с ветеранами. Однако обращает на себя внимание тот факт, что общающиеся низко оценили нравственные качества ветеранов по методике «Типичный «афганец»»: 0,57 и 1,10; $p < 0,001$ (по ЛД значимых различий между группами не обнаружено). По двум другим факторам данные обеих методик практически одинаковы: 154 испытуемых приписали участникам войны более высокие оценки волевых качеств, чем 125 испытуемых ($p < 0,01$), но значительно ниже оценили степень их общительности и коммуникативной уравновешенности ($p < 0,001$).

Таким образом, общение можно считать третьим фактором, вносящим вклад в оценивание личности «афганцев». Следует отметить, что проанализированные выше данные позволяют частично ответить на вопрос о том, почему в целом по выборке так велики (по сравнению с самооценками) значения оценок волевых качеств ветеранов и так малы значения баллов, приписываемых эмоционально-коммуникативным качествам. Ответ прямо связан с тем, что лишь незначительная часть испытуемых близко знакома с участниками войны. Во время общения происходит разрушение стереотипов: осуществляется процесс персонификации отдельных представителей социальной общности людей, называемых «афганцами». Участник войны превращается в сознании субъекта из абстрактного образа в конкретного человека, обладающего определенными психологическими свойствами. Вследствие общения у 125 испытуемых оказались более реальные оценки (т.е. приближенные к собственным самооценкам и самооценкам ветеранов Афганистана), чем у остальных участников эксперимента.

Уровень образования и оценка. В экспериментах принимали участие 82 взрослых испытуемых с высшим образованием и 128 со

средним. Оказалось, что более образованные испытуемые ниже оценивают по ЛД эмоционально-коммуникативные свойства личности участников войны: 0,31 и 0,59; $p < 0,01$. Субъективно воспринимаемое психологическое сходство с ветеранами у них также меньше, чем у людей со средним образованием: $K=2,18$ и $1,59$; $p < 0,001$. Значимые различия между данными двух групп обнаружены по фактору О методики «Типичный «афганец»»: 0,47 и 1,23; $p < 0,001$. Это означает, что испытуемые с высшим образованием невысоко ценят такие качества личности участников войны, как правдивость, ответственность, нравственная зрелость, способность к состраданию.

Полученные результаты подтверждают объективную обоснованность мнения, сформировавшегося у меня во время изучения психологических причин непонимания «афганцев» неволевыми людьми [7]: именно обладающие высшим образованием, в том числе учеными степенями, чаще высказывают отрицательные суждения об участниках войны в Афганистане. Например, психолог, кандидат наук говорит: «За что мне их уважать — они же не отказались участвовать в несправедливой войне и убивать ни в чем не повинных людей!». Психологическим фундаментом, на котором строятся подобные суждения, являются искажения в представлениях о нравственности, а также элементарные логические ошибки, как неумение отделить психологические аспекты войны от политических. Неубедительность, логическая уязвимость такого рода высказываний сегодня не нуждается в доказательстве: во-первых, это уже сделано [7], во-вторых, время изменилось.

Результаты этого фрагмента исследования можно рассматривать как иллюстрацию положения, хорошо известно, в частности, из психологии обучения: высшее образование — не гарантия овладения субъектом навыками логически правильного мышления. Многие люди с высшим образованием «часто обнаруживают существенные недостатки не только рефлексивного, но и практического владения такими логическими приемами мышления, как определение и классификация понятий, доказательства, объяснения и т.д.» [10, с. 115].

Возрастные различия в оценивании. С возрастом, увеличением стажа профессиональной деятельности у представителей многих профессий (например, следователей) снимается стереотипность суждений об особенностях личности других людей, вырабатывается способность к более глубокому пониманию психологии человека [2]. Возраст является одним из факторов детерминации самооценки человека [18], поэтому категориальная система понятий, используемая субъектом в процессе познания им других людей, в течение его жизни изменяется. Естественно, что в проводившихся экспериментах это должно было привести к различиям в оценках личности ветеранов испытуемыми разного возраста.

Сравним данные 278 юношей и девушек, 146 мужчин и женщин, ровесников «афганцев» (21-35 лет), и 64 человек возраста их родителей (36-60 лет). Разница в баллах, приписываемых свойствам личности участников войны «ровесниками» и «родителями», обнаружена только по фактору О методики «Типичный «афганец»»: 1,37 и 0,50; $p < 0,001$. Однако возможно, что различие обусловлено более высокой самооценкой нравственных качеств у взрослых испытуемых старшего возраста: 2,02 и 1,81; $p < 0,05$. Поскольку из шести параметров (три фактора по двум методикам) различие в оценках «ровесников» и «родителей» обнаружено только по одному указанному параметру, то целесообразнее оказалось анализировать данные всей группы взрослых, состоящей из 210 человек.

При таком подходе результаты, показанные молодыми людьми и взрослыми по обоим методикам, оказались очень однородными. Значимых различий между самооценками двух групп нет ни по одному фактору, но взрослые испытуемые проявили большее сходство со свойствами личности ветеранов, чем молодые ($K=1,82$ и $2,05$; $p < 0,01$). Взрослые значимо ниже оценили «Силу Я» участников войны (1,71 и 2,09 по ЛД; 1,17 и 1,33 по второй методике), но показали более высокие результаты по фактору А (0,48 и 0,31; 0,05 и -0,16)

Таким образом, с возрастом, приобретением жизненного опыта, как и вследствие общения, уменьшается стереотипность представлений о волевых и коммуникативных качествах ветеранов войны в Афганистане. Испытуемые начинают видеть в каждом из них не абстрактного представителя большой социальной группы, а человека, обладающего определенными психологическими особенностями. Повидимому, с возрастом люди приходят к пониманию того, что участники афганской войны отличаются от них самих не столько степенью выраженности поведенческих проявлений отдельных свойств личности, сколько мировоззрением, основанным на уникальном жизненном опыте, отличном от опыта их неволевающих соотечественников.

Половые различия. Самооценки 306 испытуемых женского пола значимо превышают самооценки 182 испытуемых мужского пола по факторам О (1,87 и 1,72; $p < 0,05$) и А (1,11 и 0,83; $p < 0,001$). Оценки «афганцев» по обоим методикам оказались очень согласованными: женщины и девушки выше, чем мужчины и юноши, оценили их нравственные (1,61 и 1,33; 1,09 и 0,43) и волевые качества (2,03 и 1,75; 1,34 и 1,14), но приписали меньшие величины баллов в шкалах, характеризующих эмоционально-коммуникативные свойства личности участников войны (0,28 и 0,55; -0,22 и 0,19). Более психологическое сходство с ветеранами обнаружили испытуемые мужского пола: $K=1,62$ и $2,15$; $p < 0,001$. Более дифференцированный анализ сопостав-

ление данных юношей и девушек, а также мужчин и женщин мало что привносит в описанную картину. Наиболее характерная особенность этих данных состоит в том, что по обеим методикам у юношей и девушек оценки «Силы» ветеранов практически одинаково высоки и значительно превышают результаты как мужчин, так и женщин.

Итак, что касается более высокой оценки нравственных свойств личности участников войны испытуемыми женского пола, то, как было показано выше, вполне возможно, что она обусловлена самооценкой испытуемых. А вот психологическое объяснение данных по факторам С и А не однозначно. Известно, что типичный мужчина обычно описывается как более настойчивый, активный, рациональный и компетентный, чем типичная женщина [23]. Оценки «афганцев» испытуемыми мужского пола вполне соответствуют такому стереотипу, задаваемому стандартами культуры. Зато оценки девушек и женщин психологически противоречивы: если судить по фактору С, то типичный участник войны является для них образцом настоящего мужчины — сильного, волевого, способного повести за собой и оказать помощь другим в трудной ситуации. В то же время даже высокая самооценка этих испытуемых по фактору А не повлияла на оценку общительности и коммуникативной уравновешенности ветеранов — средние величины баллов оказались низкими. По-видимому, решающую роль здесь сыграли распространенные в нашей стране стереотипные представления об участнике войны в Афганистане как человеке, переживающем посттравматические стрессовые состояния — неразговорчивом, отчужденном от общества, которому свойственны приступы депрессии или, наоборот, вспышки гнева.

* * *

Исследование показало, что формирование образа участника афганской войны в сознании невоювавших людей происходит в условиях противоречивого влияния различных факторов. С одной стороны, важную роль в этом процессе играют личностные детерминанты (мотивация, ценностные ориентации, самооценка), т.е. такие субъективные психические образования, которые далеко не всегда осознаются и контролируются человеком. С другой стороны, специфика образа «афганца» определяется объективными и не зависящими от испытуемого (в момент эксперимента) факторами — его полом, возрастом, образованием, частотой контактов с ветеранами. Следовательно, если у испытуемого явно завышенная или явно заниженная оценка личности типичного участника войны в Афганистане, то не следует делать поспешных выводов о том, что он сознательно «хорошо» или «плохо» относится к «афганцам». Величины приписываемых баллов могут быть обусловлены и неосознанными факторами.

В ходе исследования возникли новые проблемы, требующие безотлагательного решения. Во-первых, проблема объективности: в какой мере стереотипы массового сознания отражают реально существующие, а не воображаемые, представляемые черты личности «афганцев». Для ответа на вопрос о том, насколько стереотипы соответствуют действительности и насколько они ошибочны, нужно осуществить серьезный психологический анализ личностных и поведенческих особенностей участников войны. Во-вторых, проблема дифференциации: давно уже пора перестать говорить об «афганцах» как о некоей однородной массе — необходимо изучать психологическую специфику ветеранов, различающихся по национальным, региональным, возрастным, образовательным и другим признакам. В-третьих, проблема обработки: даже результаты проведенного исследования могут дать новую информацию, если их подвергнуть многомерному статистическому анализу (например, рассмотреть, как оценивают участников войны незнакомые женщины с высшим образованием и низкой самооценкой). По моему мнению, проанализированные данные дают основание для предварительного заключения о том, что адекватнее других психологическую структуру личности «афганцев» представляют мужчин со средним образованием, знакомые с ветеранами и имеющие психологическое сходство с ними. Наиболее искаженные представления о психологических особенностях участников войны в Афганистане — у незнакомых девушек.

Для того чтобы решить все перечисленные, а также и другие проблемы, необходимо объединить усилия многих ученых. Однако чем дальше в прошлое уходит афганская война, тем прозрачнее становится моя надежда на то, что у нас в стране возникнут научные коллективы психологов, заинтересованных в решении моральных и психологических проблем, составляющих тяжелое наследие этой противоречивой войны. Сегодня, как и несколько лет назад, можно рассчитывать только на энтузиазм исследователей-одиночек. Опыт показывает, что и на этом пути могут быть получены интересные результаты.

Литература

1. *Ананьев Б.Г.* Возрастная периодизация жизненного цикла человека // Человек как предмет познания. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1968. С. 129-136.
2. *Бодалев А.А.* Восприятие человека человеком. М: Педагогика, 1982.
3. *Боллинджер Д.* Истина — проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия. М: Прогресс, 1987. С. 23—43.
4. *Трушин Б.А.* Массовое сознание. Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987.
5. *Давыдов А.Л.* Объем выборки // Социологические исследования. 1988. № 6. С. 83-89.

6. Журавлев А.Л. Коммуникативные качества личности руководителя и эффективность руководства коллективом // Психологический журнал 1983. Т. 4. № 1. С. 57–67.
7. Знаков В.В. Психологические причины непонимания «афганцев» в межличностном общении // Психологический журнал 1990. Т. 11. № 2. С. 99–108.
8. Знаков В.В. Психологическое исследование стереотипов понимания личности участников войны в Афганистане // Вопросы психологии. 1990. №4. С. 108–116.
9. Знаков В.В. Письмо в редакцию // Психологический журнал. 1990. Т. 11. № 5. С. 164–165.
10. Ильясов И.М., Можаровский А.Л. Рефлексия как условие формирования научно нормированных способов познавательной деятельности // Проблемы рефлексии. Современные комплексные исследования. Новосибирск: Изд-во Московского университета, 1987. С. 113–121.
11. Кондратьев В. Не только о своем поколении // Коммунист. 1990. № 7. С. 113–124.
12. Крижанская Ю.С. Влияние социальных установок на восприятие в массовых коммуникациях: Автореф. дис. канд. психол. наук. Л., 1985.
13. Личностный дифференциал: Методические рекомендации / Сост. Е.Ф. Бажин, А.М. Эткин Л.: Ленинградский психоневрологический институт им. В.М. Бетерева, 1983
14. Сталин В.В. Самосознание как объект психодиагностики // Общая психодиагностика. М.: Изд-во Московского университета, 1987. С. 245–254.
15. Стрельцова Н. Возвращение из Афганистана. М.: Молодая гвардия, 1990.
16. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М.: Изд-во Московского университета, 1988.
17. Флетчер Дж. Вьетнам и Афганистан: жизнь и литература // Иностранная литература. 1990. № 3. С. 157–165.
18. Bachman I.G., O'Malley P.M. Self-esteem in young men: A longitudinal analysis of the impact of educational and occupational attainment // Journal of personality and social psychology. 1977. V.35. № 6. P. 365–380.
19. Capps W.H. The unfinished war: Vietnam and the American conscience. Boston, 1982.
20. Egendorf A.H. Healing from the war: Trauma and transformation after Vietnam. Boston, 1985.
21. Hamilton D.L., Rose T.L. Illusory correlation and the maintenance of stereotypic beliefs // Journal of personality and social psychology. 1980. V.39. № 5. P. 832–845.
22. Hiebsch H. Interpersonelle Wahrnehmung und Urteilsbildung. Berlin, 1986.
23. Locksley A., Borgida E., Brekke N., Hepburn Ch. Sex stereotypes and social judgement // Journal of personality and social psychology. 1980. V. 39. № 5. P. 821–831.
24. Penk W.E., Allen I. Clinical assessment of posttraumatic stress disorder (PTSD) among american minorities who served in Vietnam // Journal of traumatic stress. 1991. V.4. № 1. P. 41–66.
25. Rosemann B., Kerres M. Interpersonales Wahrnehmen und Verstehen. Bern u.a., 1986.
26. Smith J.R. Sealing over and integration: Modes of resolution in the post traumatic stress recovery process. Durchham, 1981.
27. The Vietnam veteran redefined: Fact and fiction. Hillsdale, 1986.

МАКИАВЕЛЛИЗМ, МАНИПУЛЯТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ВЗАИМОПОНИМАНИЕ В МЕЖЛИЧНОСТНОМ ОБЩЕНИИ

Опубликовано: Вопросы психологии. 2002. № 6. С. 45–55.

Новые социально-экономические условия жизни в нашей стране порождают иные стили отношений между людьми, влияющие на взаимопонимание между ними. И правительственные органы, и рядовые россияне ставят перед психологами новые задачи. Вместе с тем формирование рыночной экономики, рекламного бизнеса, публичное развертывание предвыборных кампаний и т.п. выдвигают на передний план психологической науки такие проблемы межличностного влияния и эффективного воздействия средств массовой информации на население страны, которые хотя и были известны психологам, но находились не в фокусе, а на периферии их внимания. Для отечественной психологии одной из таких проблем является феномен манипуляции. В последние годы положение стало изменяться: было проведено несколько интересных теоретических и экспериментальных исследований. Ученые получили новые данные как о психологических механизмах самого феномена манипуляции, так и о личностных особенностях людей, склонных к манипулятивному поведению, а также способах и технологиях информационно-психологического воздействия [1, 2, 8].

В современном гуманитарном познании проблема манипуляции индивидуальным и общественным сознанием и поведением изучается, по меньшей мере, в двух основных аспектах. Во-первых, в контексте нарушения прав человека. Все мы живем в обществе и ориентируемся на социальные нормы поведения. В развитых странах и тех, в которых люди стремятся к построению справедливого и богатого государственного устройства, важнейшими социальными нормами считаются «права человека». Очевидно, что манипуляция, т.е. обращение с человеком не как с субъектом, а как с объектом, безусловно, противоречит указанным нормам.

Во-вторых, манипулятивное поведение в общении рассматривается как одна из причин нарушения взаимопонимания между людьми.

В психологических исследованиях показано, что в коммуникативных ситуациях наличие манипулятивной направленности хотя бы у одного из партнеров по общению препятствует возникновению взаимопонимания между ними [4].

В 2000 году статус категории «манипуляция», понятийное содержание этого феномена и его роль в структуре психологического знания существенно изменились. Это произошло после русскоязычной адаптации методики исследования макиавеллизма личности [7] и введения в экспериментальную практику и категориальный аппарат российской психологии понятия «макиавеллизм». В наше время понятие «макиавеллизм» нередко используется в различных гуманитарных науках. Макиавеллизм как научная категория широко распространен в зарубежных психологических исследованиях с 1970 года, но не применялся в отечественной психологии (главным образом из-за отсутствия методического инструментария).

Идея использования понятия «макиавеллизм» применительно к психологии индивидуальных различий принадлежит психологам из Колумбийского университета Ричарду Кристи и Флоренс Гейс. Основой понятия послужил образ мыслей, убеждения, установки по отношению к людям, а также поступки, возможные и допустимые способы поведения в межличностном общении, которые проповедовал в своих работах средневековый итальянский дипломат, писатель и историк Никколо Макиавелли. Американские ученые провели контент-анализ трактата Н. Макиавелли «Государь» и на его основе создали психологический опросник. Он называется «Мак-шкала» и активно используется в западной социальной психологии и психологии личности. В результате многократных научно корректных психодиагностических процедур последовательно разрабатывались пять версий опросника. Сегодня в психологических исследованиях чаще всего используется четвертая версия [21]. Именно шкала Mach-IV и была адаптирована в русскоязычном варианте.

Появление в категориальном аппарате российской психологии наряду с понятием «манипуляция» еще одного — «макиавеллизм» — породило естественный вопрос о сходстве и различии психологических феноменов, обозначаемых этими словами. В западной научной литературе ответ на него найти не удалось. Удивительно, но факт: в текстах тех статей, название которых включает слово «макиавеллизм», оно фактически бессистемно чередуется с понятием «манипуляция» (см., например, аналитический обзор [22]). Тогда непонятно, зачем вводить новый термин и чем понятие макиавеллизма отличается от категории манипуляции?

Цель статьи — осуществить анализ психологических феноменов

манипуляции и макиавеллизма, а также их влияния на взаимопонимание людей в общении.

Конкретные **задачи** исследования заключались, во-первых, в описании четырехкомпонентной структуры взаимопонимания; во-вторых, в выявлении сходства и различия содержания категорий «манипуляция» и «макиавеллизм»; в-третьих, в обосновании наличия коммуникативной ригидности у макиавеллистов, отрицательно сказывающейся на их взаимопонимании с партнерами по общению.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

Для современного мирового сообщества, характеризующегося плюрализмом мнений, политических взглядов и экономических форм собственности, чрезвычайно значение приобретает взаимопонимание между людьми. В психологической науке взаимопонимание рассматривается как комплексный феномен, состоящий, по крайней мере, из четырех компонентов.

Во-первых, взаимопонимание это согласование индивидуальных точек зрения на объект понимания — природного явления, социального события, обсуждаемой темы и т.п. Объектом понимания всегда является и фрагмент предметного или виртуального мира с присущими ему закономерностями развития, и субъективное отражение фрагмента. Психологическая специфика отражения определяется индивидуальной структурой личностного знания, с которой соотносится понимаемое, рефлексией знания, сопровождающейся погружением в глубины своего жизненного опыта.

Во-вторых, взаимопонимание обязательно включает понимание себя. Сегодня в гуманитарных науках уже общепризнанным считается суждение о том, что любое понимание одновременно является и самопониманием. Независимо от того, на что направлено понимание — изучение человека, общества или природы, — это всегда процесс самопонимания. Даже если мы пытаемся понять что-то внешнее, какую-то объективную реальность, мы выражаем самих себя, познаем, расширяем и понимаем свой внутренний мир. Любой акт понимания осуществляется в двух направлениях. Понимая что-то во внешнем мире, поднимаясь еще на одну ступеньку познания, субъект одновременно углубляется в себя и как бы возвышается над собой.

В-третьих, обсуждаемый феномен включает понимание партнера по общению. Понимание субъектом другого — это понимание целей, мыслей, личностных черт партнера, а также его ценностно-смысловой позиции, социальных нормативов и этических принципов, которые он реализует в конкретной коммуникативной ситуации. Весьма значительную

роль в понимании другого играют эмпатия (постижение эмоционального состояния партнера, сопереживание ему) и идентификация — умение поставить себя на место другого человека, взглянуть на объект понимания с его точки зрения. Учитывая небольшой объем статьи, для краткого описания этого аспекта взаимопонимания я считаю возможным просто присоединиться к мнению немецких психологов Б. Роземанна и М. Керреса: «Понимание другого должно означать, хотя и всегда частичное, представление о его мыслях и мире чувств, прослеживание мотивов поступков и объяснение ценностных представлений» [16, с. 151].

Наконец, в-четвертых, социально-рефлексивный компонент взаимопонимания: представления субъекта о том, как партнер по общению понимает его. В отечественной науке психологические закономерности структурно-функциональной организации рефлексии как базового свойства личности очень подробно и профессионально проанализированы в диссертации И.М. Скитяевой [9]. В западной психологии основательно изучены три главных источника знаний, опираясь на которые люди формируют социально-рефлексивные представления о себе и понимании их другими. Первый источник знаний коренится в теории социального сравнения. В ее основе лежит предположение о том, что при оценке себя, своего поведения и возможностей субъект сравнивает себя с другими людьми, особенно подобными себе. Вторым источником знаний о себе — отраженная оценка, или «отраженное Я». В этом случае люди получают сведения о себе через прямую оценивающую обратную связь от значимых других или через ярлыки, навешиваемые на них другими. Третий источник самопознания — саморефлексия, поведенческое самовосприятие. Люди иногда действуют как внешние наблюдатели и используют смысл собственных действий для заключений о себе. Более того, люди нередко выступают как наблюдатели своего внутреннего мира (например, мыслей и чувств) и используют содержание наблюдений для выводов о себе [17,18].

Итак, употребляя в статье понятие «взаимопонимание», я буду иметь в виду психологический феномен, состоящий из описанных выше четырех компонентов.

Вторую задачу — выяснения сходства и различия содержания психологических феноменов манипуляции и макиавеллизма — я поставил перед аспиранткой О.О. Ждановой. Первые шаги, сделанные в этом направлении, мне кажутся интересными и продуктивными [3].

Манипуляция

Начать следует с указания на то, что в субъект-объектных и субъект-субъектных контекстах психологи используют понятие «манипуляция» в весьма отличных значениях. Кратко перечислю основные из них.

1. Манипуляция как движение рук, связанное с выполнением определенной задачи: в инженерной психологии, психологии практического мышления и т.п. Не в метафорическом, а в исходном, буквальном значении этого слова термин «манипуляция» обозначает разнообразные виды действий, выполняемых руками: управление рычагами, выполнение медицинских процедур, произвольное обращение с предметами и т.п., нередко требующие мастерства и сноровки при их исполнении.

2. Манипуляция — это такое психологическое воздействие на другого человека, которое не всегда им осознается и заставляет его действовать в соответствии с целями манипулятора. При удачном манипулировании субъект, скрывая свои подлинные намерения, с помощью ложных отвлекающих маневров добивается того, чтобы партнер, сам того не осознавая, изменил свои первоначальные цели.

С психологической точки зрения, следует различать манипуляцию *осознаваемую* и *не осознаваемую* самим манипулятором.

2.1. *Осознаваемая* субъектом манипуляция может быть социально желательной или, наоборот, не одобряемой. В первом случае речь идет о манипуляции, которую человек совершает из лучших побуждений, желания помочь ближнему, во втором — манипуляция направлена исключительно на получение собственной выгоды.

Иногда человек *вынужден* манипулировать другими для достижения полезного для всех результата. При этом он понимает, что поступает так только потому, что не видит другого выхода. Он совершает поступок, испытывая угрызения совести. Примеры «добродетельной манипуляции» легко найти в возрастной психологии при описании известного кризиса подросткового возраста. В частности, манипулятивные приемы иногда используют матери, уговаривающие дочерей в прохладную погоду надеть более теплую, но менее красивую одежду.

«Корыстная манипуляция» неоднократно описана в работах, авторы которых изучают технологии тайного принуждения человека в межличностных взаимодействиях и массовых информационных процессах [1, 2]. Примером корыстной манипуляции можно считать поступок известного героя Марка Твена. Вспомним, как Том Сойер, которому было скучно красить забор, побудил своих друзей выполнить эту работу вместо него. С помощью имитации удовольствия и вдохновения от работы, Том одновременно достиг двух целей. Во-первых, он защитил себя от насмешек мальчишек, представив крашение забора не как принудительный труд недостойный настоящего мужчины, а как увлекательное творческое занятие. Во-вторых, возбудил у друзей зависть и интерес к работе, которая до этого им казалась рутинной. В результате приятелям захотелось делать то, чего они сначала не хотели и что было обузой для Тома.

Следует отметить, что независимо от добродетельного или корыстного мотива манипуляторы ясно осознают социальную нежелательность своего поведения, а некоторые из них могут чувствовать *вину* за те способы, которыми действуют.

2.2. *Неосознаваемая* манипуляция проявляется в самых разных ситуациях, например, таком межличностном общении, когда один из собеседников врет другому. Вранье, отличное по своим психологическим механизмам от лжи и обмана [6], нередко оказывается внешним проявлением защитных механизмов личности. Последние направлены на устранение чувства тревоги, дискомфорта, вызванного неудовлетворенностью субъекта своими взаимоотношениями с окружающими. Стремление человека защитить свой внутренний мир от «несанкционированного вторжения», нежелание обнажать душу перед окружающими из боязни насмешек или проявления снисходительного отношения — достаточно серьезный повод для вранья. Иначе говоря, вранье можно рассматривать как защитную манипуляцию другими в межличностном общении. Защитная манипуляция представляет собой совокупность не выражаемых вслух, скрытых способов воздействия на собеседников, направленных на предупреждение таких возможных их слов и действий, которые потребуют от субъекта актуализации защитных механизмов личности.

Не удивительно, что в современной психологии понятие «манипуляция» нередко применяется в контексте психотерапевтической практики. Там понятию манипуляции обычно придается значение не всегда осознаваемого защитного поведения человека. Некоторые пациенты не осознают, что стиль их общения с другими людьми в основном строится на манипулятивных действиях. В результате они сами страдают от невозможности построить открытые взаимоотношения с окружающими. Формирование нарушенного стиля общения в онтогенезе происходит в результате постепенного искажения представлений пациента о себе и Другом. Основой нарушений общения становится преобладание манипулятивных форм коммуникации над диалогическими. Чаще всего это объясняется ранним травматическим опытом взаимодействия ребенка с матерью — самым первым значимым другим. Такой опыт влечет существенное искажение образов себя и партнеров по общению. Как обнаружено в диссертационной работе Е.П. Чечельницкой, «исследование манипулятивного общения пациентов с разными типами пограничной личностной организации показало, что его основными функциями являются функции контроля горизонтальной и вертикальной дистанции Я — Другой» [10, с. 23].

В психотерапевтической работе причины формирования манипулятивного стиля общения клиента рассматриваются с точки

зрения индивидуально приобретенных стратегий защиты, способов выживания субъекта в мире. И потому в практической психологии понятие манипуляции утрачивает признаки оценочного отношения к манипулятивному поведению как социально не одобряемому. Вследствие этого в сферу психотерапевтического взгляда на природу манипуляции не попадают вопросы моральной оценки действий манипулятора. «Таким образом, использование понятия «манипуляция» в психотерапии вносит дополнительные смыслы в значение этого понятия, определяя, что манипулирование может быть неосознанным, человек может страдать от своего манипулятивного поведения; возможно безоценочное отношение к манипулятивному поведению» [3, с. 28].

Макиавеллизм

Макиавеллизм представляет собой психологический синдром, основанный на сочетании взаимосвязанных когнитивных, мотивационных и поведенческих характеристик [21]. Макиавеллизм следует рассматривать как устойчивую черту личности, выражающую систему отношений человека к другим людям, социальной действительности. Главными психологическими составляющими макиавеллизма как черты личности являются: 1) *убеждение* субъекта в том, что при общении с другими людьми ими можно и даже нужно манипулировать; 2) *навыки*, конкретные умения манипуляции. Последние включают в себя способность убеждать других, понимать их намерения и причины поступков.

Макиавеллизм как личностная черта отражает *желание и намерение* человека манипулировать другими людьми в межличностных отношениях. Речь идет о таких случаях, когда субъект скрывает свои подлинные намерения с. вместе с тем с помощью ложных отвлекающих маневров он добивается того, чтобы партнер, сам того не осознавая, изменил свои первоначальные цели. «Макиавеллизм обычно определяется как склонность человека в ситуациях межличностного общения манипулировать другими тонкими, едва уловимыми или нефизически агрессивными способами, такими, как лесть, обман, подкуп или запугивание» [12, с. 223]. Приведу типичный способ рассуждений девушки с явно выраженными макиавеллистскими чертами личности: «По ночам она долго лежала без сна, размышляя о том, как глупы и ничтожны мужчины и как легко ими манипулировать. Бедняги, сами того не зная, хотели, чтобы их дергали за ниточки. Их необходимо дергать за ниточки. Без этого они ни на что не способны» [11, с. 20]).

Следовательно, макиавелист — это субъект, который манипулирует другими на основе кредо, определенных жизненных принципов,

которые служат ему оправданием манипулятивного поведения. Манипулирование другими людьми, по его мнению, соответствуют природе человека, и потому он не видит в этом ничего зазорного. Просто наиболее эффективный способ достижения своих целей — использовать для этого других людей.

Важно подчеркнуть, что макиавеллист манипулирует всегда *осознанно* и исключительно ради *собственной выгоды*. И уж, конечно, же он не испытывает чувства *вины* за те способы, которыми действует, а скорее относится к ним с одобрением, не видит в них ничего предосудительного. Он не стесняется своих действий, его не раздражают внутренние конфликты, так как в его установках по отношению к другим людям заложены принципы, диктующие, что манипуляция — нормальный, эффективный способ общения с людьми.

Уверенность макиавеллиста в своей правоте, правильности своих поступков оказывает внушающее воздействие на людей, с которыми он общается, делает его привлекательным в их глазах. Люди «заражаются» спокойствием макиавеллиста, у них реже возникают неприятные ощущения, характерные для жертвы манипуляции, так как у него самого не возникает моральных сомнений по поводу своих действий. Манипулируя, макиавеллист не нарушает контакта с другими людьми. Нарушения контакта не происходит потому, что он ведет себя естественно: ведь в соответствии с его установками манипуляция является обычным и вполне допустимым элементом межличностного общения.

Вследствие этого во время общения у партнеров макиавеллиста возникает ложное чувство взаимопонимания с ним. Такое чувство действительно оказывается ложным для жертвы манипуляции. Успешная манипуляция другими всегда строится на умелом сокрытии своих подлинных намерений, мотивов поведения, жизненных устремлений. В тоже время успешность основана хотя бы на минимальном понимании психологии партнера. В результате можно говорить только об одностороннем понимании партнера — со стороны макиавеллиста.

КОММУНИКАТИВНАЯ РИГИДНОСТЬ МАКИАВЕЛЛИСТОВ - БАРЬЕР ДЛЯ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

Одним из важнейших психологических условий взаимопонимания в межличностном общении является наличие у его участников коммуникативной и когнитивной *гибкости*, приспособляемости к конкретным обстоятельствам взаимодействия. Гибкость проявляется в умении людей использовать различное поведение в зависимости от

требований контекста. Она основана на понимании и принятии различий в мотивации партнеров по общению и их индивидуально-психологических особенностей. Как показывают результаты недавно проведенного исследования, коммуникативная гибкость положительно связана с терпимостью к несогласию и отрицательно с вербальной агрессивностью. В этом же исследовании обнаружено, что уровень макиавеллизма отрицательно связан с коммуникативной гибкостью, но не связан с познавательной [15].

Личностные проявления коммуникативной ригидности

Макиавеллист не является гибким коммуникатором, понимающим необходимость учета психологических особенностей партнера. Последнего характеризует готовность к спору, несогласию с оппонентами и умение отстаивать свою точку зрения. Такой человек обычно приводит доводы в защиту своей позиции и не избегает конфронтации при наличии различий во взглядах. В то же время гибкий коммуникатор меньше склонен проявлять в общении вербальную агрессию. А субъекты с высоким уровнем выраженности макиавеллизма обычно идеологически нейтральны, слабо эмоционально вовлекаются в межличностные взаимоотношения и готовы без спора временно изменить свою точку зрения, если считают, что в данный момент им это тактически выгодно [15].

Западные психологи доказали, что люди, демонстрирующие высокие показатели по Мак-шкале, при вступлении в контакт с другими склонны держаться эмоционально отчужденно, обособленно, ориентироваться на проблему, а не на собеседника, испытывать недоверие к окружающим [14]. Такие субъекты в отличие от испытуемых с низкими показателями имеют более частые, но менее глубокие контакты со своими друзьями и соседями. Например, в одном исследовании обнаружена обратная зависимость между уровнем макиавеллизма и сочувствием, проявляемым студентами при даче советов и помощи друг другу. Р. Кристи и Ф. Гейс назвали высокий уровень макиавеллизма «синдромом эмоциональной холодности», потому что социальная отстраненность является основной характеристикой подобных людей [21].

Эмоциональная вовлеченность в межличностные взаимоотношения является необходимым условием формирования эмпатии как компонента понимания личностных особенностей партнеров по общению. Присущая макиавеллистам «эмоциональная тупость» — это еще одно проявление коммуникативной негибкости, препятствующей взаимопониманию. В этом контексте как очень правдоподобный факт следует оценить устное сообщение доктора психологических наук

С.А. Богомаза. В Томске на выборке, состоящей из более 300 испытуемых, он проводил эксперименты с использованием Мак-шкалы и Томского опросника ригидности Г.В. Залевского (ТОРЗ) [5]. Исследователь обнаружил, что чем выше показатели по МАК-шкале, тем у испытуемых более выражена сензитивная ригидность. Это может означать, что субъекты с выраженным макиавеллизмом характеризуются негибкими стереотипными формами эмоционального реагирования на поведенческие проявления эмоций и чувств других людей.

Ценностные ориентации и мировоззренческие установки

У макиавеллистов наблюдается тенденция доминирования экономических и социально-статусных ценностей над моральными и гуманистическими. Это не означает, что поведение макиавеллистов всегда неэтично. Однако экспериментально доказано, что они могут мало заботиться о поддержании высоких этических стандартов, если они не соответствуют их интересам [20]. Исследования корпоративной социальной ответственности показывают, что у субъектов с высоким уровнем макиавеллизма экономическая ответственность за действия, направленные на увеличение собственной прибыли и своего предприятия, явно преобладает над социальной (отражающей соблюдение социальных норм на работе) и моральной ответственностью. Правда, этот вывод нельзя считать универсальным из-за обнаруженных половых различий. Женщины демонстрируют большее внимание к неэкономическим типам ответственности, чем мужчины: у них показатели моральной ответственности перед окружающими их людьми оказываются выше, чем ответственность за экономическую выгоду предприятия [13].

Однако основная причина коммуникативной негибкости, ригидности макиавеллистов заключается в их представлении об *универсальности* манипуляции как эффективного способа общения. Однако в некоторых условиях такое представление, наоборот, может мешать достижению желаемого. Жесткая установка на манипулирование оказывается проявлением социальной ригидности, препятствующей достижению поставленных целей.

Макиавеллист заблуждается, полагая, что манипуляция *всегда* эффективна. Успешность макиавеллистской тактики в значительной степени зависит не только от умений и навыков манипуляции, но и от степени структурированности социальной среды, в которой он действует. Например, чем жестче горизонтальные и вертикальные связи организации контролируются ее руководителем, тем менее успешны (по уровню дохода и занимаемой должности) работающие в ней субъекты с высокими оценками по Мак-шкале. Высокоструктурированная среда снижает успешность попыток макиавеллистов манипулировать

другими: они чаще ошибаются в понимании психологических особенностей людей и затрудняются в определении их слабостей, которые можно использовать для достижения своих корыстных целей. Эта тема обстоятельно раскрыта в двух современных исследованиях маркетинга, в которых изучалась связь макиавеллизма и работы в условиях варьирования свободы импровизации. В первом изучались менеджеры розничных магазинов. В нем было показано, что менеджеры с высоким макиавеллизмом работают лучше в магазинах, характеризующихся слабо структурированной средой. Во втором исследовании обнаружено, что продавцы с высоким макиавеллизмом лучше (чем их коллеги с низкими показателями по Мак-шкале) понимают психологию покупателей и эффективнее выполняют работу там, где рабочая среда допускает высокую свободу импровизации [20].

Отсутствие коммуникативной гибкости, препятствующей не только взаимопониманию, но и достижению собственных целей, в некоторых сферах человеческого бытия связано с парадоксальным, на первый взгляд, отказом макиавеллистов от использования манипулятивных способов воздействия на окружающих. Речь идет прежде всего о многообразных ситуациях конкурентной борьбы, в которой либо непредсказуем результат, либо существует большая опасность проигрыша. В таких ситуациях одним из известных манипулятивных приемов является демонстрация собственной слабости или некомпетентности. Цель демонстрации — усыпить бдительность соперника и побудить его снизить прикладываемые усилия. Манипулятор стремится создать у оппонента ложную уверенность в том, что победа неизбежна или уже достигнута. К примеру, спринтер притворяется хромым на беговой дорожке к старту.

Ложная демонстрация некомпетентности или слабости с целью обезоружить противника — это, конечно, проявление макиавеллизма. Однако есть ситуации, в которых люди с высокими показателями по шкале макиавеллизма вопреки обстоятельствам не желают применять такую тактику поведения. Как черта личности макиавеллизм наиболее близок к доминантности. Соответственно, субъекты с высокими показателями по макиавеллизму скорее доминантные, чем подчиняющиеся. Они склонны контролировать коммуникативные ситуации и быть лидерами малых групп. В общении они, по выражению Дж.А. Шепперда и Р.Е. Сочермана, уверены в том, что они «короли джунглей» [19]. Такая уверенность основана на убеждении, что любая демонстрация уязвимости своего положения (даже если оно выгодно и оправданно ситуацией) неприемлема, потому что это стратегия слабых.

Специально проведенные эксперименты показали, что субъекты со слабо выраженным макиавеллизмом могут быть такими же мани-

пулятивными, как и те, у кого высокие оценки по Мак-шкале. Однако тактика у них различна. Характерно, что «слабые» воздействовали на своих партнеров, представляясь людьми с низкими способностями, тогда, когда существовала конкуренция и результат был неопределенным. «Сильные», напротив, воздерживались от предъяснения себя в качестве людей с низкими способностями, даже если такое представление могло бы быть выгодным. В экспериментальной задаче они отказывались от использования такой стратегии и выбирали для показа соперникам лучшие оценки по тестовым заданиям. Результаты экспериментов ясно показали, что макиавеллисты склонны проявлять себя с лучшей стороны независимо от ситуации, конкретных условий общения [19].

Описанные данные свидетельствуют, во-первых, о том, что выраженные макиавеллисты не являются гибкими коммуникаторами и вследствие этого нередко терпят неудачу там, где вполне могли бы достичь своих целей. Во-вторых, оказывается, что немакиавеллисты тоже могут быть искусными манипуляторами. Попадая в ситуации конкурентной борьбы с неопределенным исходом соревнований, они используют в качестве способа влияния на противника демонстрацию собственной слабости или некомпетентности. Такая стратегия поведения не основана на понимании психологии и оценке возможностей конкретного соперника. Она является априорной и скорее характеризует привычный стиль поведения немакиавеллистов.

Макиавеллисты, напротив, отказываются от стратегии, требующей проявления слабости, даже в тех случаях, когда она могла дать им преимущество. В момент отказа они не придают значения необходимости понимания соперника и не задумываются над теми роковыми последствиями, к которым может привести непонимание психологических особенностей соперника. Вместо этого, люди с высокими показателями по шкале макиавеллизма склонны всегда демонстрировать свои сильные стороны. Они делают это независимо от ситуаций и обстоятельств, в которые поставлены. В этой особенности личности макиавеллистов ярко проявляется их ориентация в общении прежде всего на себя, а не на партнера. Естественно, что это мешает эффективному взаимопониманию, для которого обязательной является диалогическая коммуникативная направленность субъектов общения [4].

* * *

Итак, проведенный теоретический анализ показал, что взаимопонимание людей в общении имеет сложную психологическую структуру, состоящую по крайней мере из четырех компонентов. Манипулятивная направленность поведения субъектов общения и высокая

степень выраженности макиавеллизма личности хотя бы у одного из коммуникантов снижают вероятность достижения взаимопонимания между ними. В отличие от немакиавеллистов субъектов с высокой степенью выраженности макиавеллизма личности нельзя назвать гибкими коммуникаторами. В общении они нередко проявляют коммуникативную ригидность, препятствующую не только достижению поставленных ими целей, но и взаимопониманию с партнерами.

Литература

1. *Грачев Г.В., Мельник И.К.* Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М.: Институт философии РАН, 1999.
2. *Доценко Е.Л.* Психология манипуляции. М.: ЧеРо; Издательство МГУ, 1997.
3. *Жданова О.О.* Сравнительный анализ понятий «манипулирование» и «макиавеллизм» и их использования в психологической литературе // В.М. Бехтерев и современная психология, психотерапия. Сборник статей к конференции. Казань: Центр инновационных технологий. 2001. С. 26-31.
4. *Желтонова Ю.Л.* Ценностно-смысловые детерминанты межличностного взаимопонимания Автореф. дис. ...канд. психол. наук. Ростов-на-Дону: РГУ, 2000.
5. *Залевский Г.В.* Томский опросник ригидности Г.В. Залевского (ТОРЗ) // Сибирский психологический журнал. 2000. Вып. 12. С. 129—137.
6. *Знаков В.В.* Макиавеллизм и феномен вранья // Вопросы психологии. 1999. № 6. С. 59-70.
7. *Знаков В.В.* Методика исследования макиавеллизма личности. М.: Смысл, 2001.
8. *Марголина Е.Л., Рюмишина Л.И.* Манипуляция как психологический феномен // Прикладная психология. 1999. № 4. С. 65—74.
9. *Скитяева И.М.* Закономерности структурно-функциональной организации рефлексии и их роль в формировании личности. Автореф. дис. ...канд. психол. наук. Ярославль: ЯрПГУ, 2002.
10. *Чечельницкая Е.Л.* Стратегии манипулятивного общения у пациентов с искажением образа Я при пограничной личностной организации. Автореф. дис. ...канд. психол. наук. М.: МГУ, 1999.
11. *Шелдон С.* Расколотые сны. М.: АСТ, 2001. С. 20.
12. *Ames M., Kidd A.H.* Machiavellianism and women's grade point averages // Psychological Reports. 1979. V. 44. № 1. P. 223-228.
13. *Burton B.K., Hegarty W.H.* Some Determinants of Student Corporate Social Responsibility Orientation // Business & Society. 1999. V. 38. № 2. P. 188-205.
14. *Domelsmith D. E., Dietch J.T.* Sex differences in the relationship between Machiavellianism and self-disclosure // Psychological Reports. 1978. V. 42. № 3. P. 725-721.
15. *Martin M.M., Anderson C.M., Thweatt K.S.* Aggressive communication traits and their relationships with the Cognitive Flexibility Scale and the Com-

- munication Flexibility Scale // Journal of Social Behavior and Personality. 1998. V. 13. Issue 3. P. 531-540.
16. *Rosemann B., Kerres M.* Interpersonales Wahrnehmen und Verstehen. Bern, Stuttgart, Toronto: Huber, 1986.
 17. *Schoeneman T.J.* Reports of the Sources of Self-knowledge // Journal of Personality 1981. V. 49. № 3. P. 284-293.
 18. *Sedikides C, Skowronski J.* On the Sources of Self-knowledge: The Perceived Primacy Self-reflection // Journal of Social and Clinical Psychology. 1995. V. 14. № 3. P. 244-270.
 19. *Shepperd J.A., Socherman R.E.* On the Manipulative Behavior of Low Machiavellians Feigning Incompetence to «Sandbag» on Opponent // Journal of Personality and Social Psychology. 1997. V. 72. № 6. P. 1448-1459.
 20. *Sparks J. R.* Machiavellianism and Personal Success in Marketing the Moderating Rote of Latitude for Improvisation // Journal of the Academy of Marketing Science, 1994, V. 22. Issue 4. P. 393-400.
 21. *Studies in Machiavellianism / Ed. by Christie R., Geis EL.* New York: Academic Press, 1970.
 22. *Wilson D.S., Near D., Miller R.R.* Machiavellianism: A synthesis of the evolutionary and psychological literatures // Psychological Bulletin. 1996. V. 119. № 2. P. 285-299.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

ПОНИМАНИЕ И НРАВСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

ТИПЫ ПОНИМАНИЯ ПРАВДЫ О НЕГАТИВНЫХ ЯВЛЕНИЯХ 1960-1980 гг.

Опубликовано: Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 3.
С. 15-29.

*Крупница правды, использованная
для ложной цели, в ложном
контексте, — это уже неправда
и, может быть, худшая.*

Н. Я. Эйдельман

Социальные преобразования, происходящие сегодня в обществе, процессы демократизации и гласности выдвинули на передний план психологической науки ряд проблем, которые еще совсем недавно не привлекали внимания психологов, находились на периферии исследовательских интересов. Одна из таких актуальных проблем — понимание сущности правды. Сегодня нам известно много фактов, недоступных для гласного обсуждения в 1960-1980-х годах, мы лучше знаем прошлое своей страны. Но означает ли это, что мы знаем правду о происходивших тогда событиях и лучше, чем прежде, понимаем их смысл? В указанной проблеме отчетливо выделяются две наиболее значимые для общества стороны — социальная и психологическая.

Социальный аспект проблемы представляет собой следующий вопрос: любые ли факты, события, явления, имевшие место в действительности, можно делать предметом широкого обсуждения, а не искаженные сообщения о них считать правдой? Психологический же аспект проблемы понимания правды заключается в необходимости научного анализа семантики слова «правда» и классификации тех смыслов, которые вкладывают в это понятие люди, требующие сделать достоянием гласности правду о положении в Нагорном Карабахе, о привилегиях партаппарата, опубликовать списки тех, кто подписывал «письма протеста» против А.И. Солженицына, поименно назвать виновников экологических катастроф и т. п.

Понятия правды и истины чаще всего обозначаются одним словом: в художественных текстах обычно им оказывается «правда», в научных — «истина». Однако, по моему мнению, это не синонимы. Истинность представляет собой логическую категорию, характеризующую или соответствие высказывания фактам, действительности (корреспондентная теория истины [14]), или внутреннюю согласованность знания, определяемую путем сопоставления предложений языка-объекта и метаязыка (когерентная теория истины [16]). Правда — это психологическая категория, существенно отличающаяся от истины и являющаяся одной из характеристик процессов общения, социальной коммуникации. Можно привести несколько доводов в защиту такой точки зрения.

Во-первых, в отличие от логической истинности высказывания, независимой от особенностей канала коммуникации, степень правдивости сообщения для общающихся людей, как правило, всегда обусловлена целями говорящего и слушающего (иллюстрация этого положения — эпиграф к статье). В ситуациях общения правда далеко не всегда тождественна простому соответствию высказывания фактам, действительности. В частности, нередко сомнительной оказывается правдивость таких высказываний оппонентов в конфликтной ситуации, которые сорвались у них с языка под влиянием ситуативных эмоций («Я тебя ненавижу!»). В наше время разгула страстей «митинговой стихии» надо особенно отчетливо понимать, что факт, соответствующий действительности, становится правдой в человеческих отношениях только в том случае, если субъект говорит о нем убежденно, и делается это осознанно. В противном случае опрометчиво было бы принимать за правду, например, негативные высказывания представителей одной национальности о представителях другой.

Во-вторых, объективно истинное событие становится правдой в ситуации общения только тогда, когда общающиеся верят, что это событие действительно произошло. Иначе говоря, событие, истинность которого субъекты общения не имели желаний или возможности проверить, кажется им правдоподобным на основе их моделей мира, представлений о действительности. Если вера в правдоподобие отсутствует, то истинные факты воспринимаются людьми как небылицы: в начале 1980-х годов именно так воспринимались большинством из нас рассказы «афганцев» о том, что они участвовали в войне, а не в обычных войсковых учениях. В таких коммуникативных ситуациях действует психологический механизм «пристрастной ассимиляции» новых знаний о другом человеке: информация, поддерживающая точку зрения субъекта, принимается им с доверием, а противоречащим фактам он старается найти другое, «более глубокое» объяснение [12].

В-третьих, субъекты общения обычно воспринимают как правди-

вые сообщения высказывания не обо всех обсуждаемых истинных событиях, явлениях, фактах, а только о тех, которые они понимают. Человеку свойственно стремление не столько знать окружающий мир, сколько понимать его, ибо непонятые знания мертвы: процесс понимания знания о мире (точнее говоря, самого мира, отраженного в знании) заключается не столько в определении его истинности, сколько в выявлении ценностной характеристики знания [11]. Индивидуальная специфика понимания зависит от той системы ценностей, социальных норм, с которой субъект соотносит понимаемое. Например, ответы на вопрос: «Правда ли, что М. — красивая женщина?» — наверняка окажутся различными в зависимости от канонов красоты, отличающихся в разных культурно-исторических традициях.

Ключевой момент в определении любой социальной нормы — указание на должное, необходимое, т. е. такое положение дел в обществе, которое соответствует принятым в нем ценностям. Поэтому обращение коммуникантов к ценностно-нормативной оценке высказывания всегда означает сопоставление ими отображенной в высказывании конкретной социальной ситуации с той, которая, по их мнению, должна быть в соответствии с писаными и неписаными законами общества. Понятое знание о мире обязательно включает представление понимающего субъекта о том, каким должен быть мир. Понимание в этом смысле и есть процесс и результат сопоставления существующего с должным. Это положение образно и лаконично выражено еще в прошлом веке: «Два труда подлежит человеку в сей жизни: понять то, что существует и что должно существовать» [7, с. 192]. Современная наука лишь более развернуто и аргументированно подтвердила мысль, что ценностно-нормативные представления понимающего субъекта являются неотъемлемой составляющей процесса понимания [5].

Таким образом, наивно отождествлять правдивость сообщения только с отображаемыми в нем фактами (событиями, явлениями) предметного мира. Категория правды очень «нагружена» субъективными компонентами (целями коммуникантов, их убеждениями, ценностями, усвоенными социальными нормами), ее содержание непосредственно зависит от психологической специфики понимания субъектами общения обсуждаемых фактов.

На основе анализа употребления рассматриваемого понятия в научной литературе и средствах массовой информации можно выделить пять типов понимания людьми того, что они считают правдой, какой смысл вкладывают в это понятие.

Документальная правда — «то, что соответствует действительности, истина» [8]. Обычно под документальной правдой имеют в виду

точное описание фактов, событий, явлений объективной реальности, их беспристрастную фиксацию. Такая правда нужна человеку для ориентации в окружающей его социальной действительности. Чтобы из лозунга превратиться в реально существующую и регулирующую поведение людей форму общественного сознания, документальная правда должна стать нормой общественного бытия, социально одобряемой категорией. Норма — это обычай, порождаемый массовым повторением однотипных действий, их закреплением в виде общеобязательных стереотипов поведения [4].

В социальном плане превращение документальной правды в форму общественного сознания зависит в основном от двух факторов: 1) степени совпадения реального с должным, т.е. социально одобряемой и официально допустимой гласной «нормы правдивости» с реальными фактами, полной картиной происходящих в обществе событий; 2) наличия в стране значительного числа людей, для которых стремление говорить правду является осознанной социальной позицией. Еще десять лет назад в отечественной документалистике существовал огромный разрыв между тем, о чем разрешено было говорить, и тем, о чем нужно было говорить — что действительно происходило в стране. Естественно, что у многих людей это вызывало чувство глубокого неудовлетворения. В частности, В.М. Шукшин в очерке «Нравственность есть Правда» вынужден был отстаивать право художника на неприукрашенное изображение жизни (см.: Собр. соч.: В 3 т. М., 1985. Т. 3. С. 617- 628).

В психологическом плане функционирование документальной правды в каналах коммуникации порождает немало серьезных проблем. Одна из них связана с тем, что на декларативном, лозунговом уровне правдивость всегда считалась прерогативой наших средств массовой информации и отличительной чертой характера советского человека. Однако на самом деле потребность и осознанная необходимость всегда говорить правду не были реально действующими регуляторами поступков абсолютного большинства граждан страны. Сегодня документальная правда как важный элемент гласности буквально у нас на глазах становится социальной нормой — путем массового повторения стереотипных требований публиковать правдивые сведения о последствиях чернобыльской катастрофы, данные о росте преступности и т. п. В средствах массовой информации документальная правда постепенно начинает приобретать статус должного, т. е. социально необходимого, одобряемого и ценного. Правда становится нормой общественной жизни. Но означает ли это, что норма осмысливается, сознательно усваивается всеми членами общества? Теоретический анализ и результаты описываемого ниже экспериментального исследования свидетельствуют об обратном. Многие люди

конформно следуют норме, заученно твердят о правде как необходимом элементе гласности и межличностных отношений, не задумываясь над тем, во всех ли случаях можно говорить правду, какими могут оказаться ее последствия для окружающих и т. д.

Другая проблема связана с психологическими особенностями понимания правды. Человек воспринимает как правду не все факты, которые становятся ему известны, а только понятные ему. (Например, я прочитал немало публикаций о неопознанных летающих объектах, но не могу с уверенностью сказать, правда ли то, что такие объекты существуют. И это несмотря на то, что в некоторых из прочитанных статей приводятся данные, которые трудно опровергнуть). Понять документальное сообщение о каком-либо событии — не значит узнать абсолютно все относящиеся к событию факты. Понять — значит воспринять каждый факт как обладающий определенной ценностью для субъекта, увидеть в каждом из имеющихся сведений часть целого, необходимое звено в цепи фактов, образующих событие. Отсюда следует, что увеличение степени правдивости сообщений в ситуациях общения зависит не столько от узнавания субъектами все новых и новых фактов, сколько от наличия у них в сознании концептуальной схемы, в соответствии с которой можно осмысливать, понимать сообщаемые факты.

Еще один психологический аспект проблемы оказывается особенно значимым при анализе степени правдивости высказываний о поступках людей. Очевидно, что отраженные в высказывании голые факты (например: «Н. обвинил Б. в получении взятки») без обсуждения мотивов поведения людей, обстоятельств совершения поступков нельзя считать документальной правдой. Более того, истинные факты, рассматриваемые вне целостного контекста поведения, могут давать искаженное представление о реальной картине происшедших событий. Такие случаи неоднократно имели место в периодической печати при описании негативных поступков, совершенных нашими солдатами на афганской войне.

В канале коммуникации сообщение о документальном факте оказывается таким средством общения, которое может быть использовано как для защиты интересов человека, так и против него. Вследствие этого в ситуациях общения большое значение имеет то, с какой целью один из собеседников сообщает факты другому.

Инструментальная правда — правдивое высказывание как средство достижения значимой для субъекта цели или способ выражения его кредо, убеждения: «лучше горькая правда, чем сладкая ложь». О таком типе понимания правды уместно говорить в контексте анализа целей, мотивов и установок субъектов общения, детерминирующих правдивые высказывания. Инструментальная правда может выска-

зываются из чисто утилитарных соображений, в частности основной целью сообщений в газетных колонках происшествий является не столько информирование читателей, сколько их предостережение. Утилитарные цели (карьеристские, материальные и т. п.) преследуют некоторые журналисты, писатели и ученые, сообщающие правду о негативных явлениях недавнего прошлого, но по существу стремящиеся извлечь личную выгоду из «разоблачительной» темы. Еще одной побудительной причиной высказывания субъектом инструментальной правды в ситуации общения может быть его искреннее убеждение: правда — всегда благо для человека, и нет ничего более важного для гражданина, чем борьба с ложью. (Это вовсе не бесспорное утверждение: во многих областях науки и практической деятельности важную роль играют как раз неистинностные составляющие знания. Одной из таких областей, как убедительно показал Е. А. Климов [6], является психология. В профессиональной деятельности психолог не может обойтись без «технологического вымысла»: если он считает, что испытуемому всегда следует говорить только правду, то многие эксперименты, например, направленные на определение степени конформности личности, окажутся принципиально неосуществимыми). Люди, не признающие исключений из этого правила и последовательно реализующие указанное убеждение в практике межличностного общения, фактически занимают в коммуникативной ситуации монологическую, эгоцентрическую позицию. Они, раз и навсегда приняв принцип «правду любой ценой», считают несущественным анализ возможных реакций собеседника на правдивое сообщение. В определенном смысле такую позицию можно охарактеризовать как догматическую, потому что она основана на затвержденном и критически непереосмысливаемом правиле поведения. Для убежденного сторонника инструментальной правды в межличностных отношениях важны прежде всего собственные побудительные причины поступков. Он уверен в том, что, говоря окружающим правду в глаза, поступает так для их же пользы — способствует их личностному совершенствованию. И это доставляет ему чувство удовлетворения.

Правда в человеческих отношениях должна служить не только истине, но и благу общающихся людей. В ситуации межличностного общения, будучи высказыванием одного человека о другом, инструментальная правда не теряет своей инстинктивной функции. Вместе с тем она неизбежно вторгается в сферу нравственности — становится моральной оценкой. Инструментальная правда оказывается той гранью, которая отделяет прямолинейную и потому нередко безнравственную «правду-истину» от «правды-справедливости» [2]. С одной стороны, утилитарный целевой подход к использованию правды нередко при-

ходит в противоречие с требованием справедливости в межличностных отношениях. Инструментальная правда может быть сознательно аморальной, безнравственной (назвать калеку уродом с целью оскорбить человека, предать гласности содержание конфиденциальной беседы на личную тему). Правда такого типа может оказаться и неосознанно несправедливой, безнравственной по отношению к партнеру (бестактность). Иногда для того, чтобы инструментальная правда приобрела оттенок безнравственности, субъекту достаточно сообщить о таком поступке другого человека, который может быть расценен окружающими как отрицательный, сознательно не упоминая о мотивах и обстоятельствах его совершения. Например, сказать, что Н. попал в милицию за драку, не упомянув о том, что он защищал женщину от хулиганов. С другой стороны, правдивое высказывание о другом человеке может стать и актом справедливости, обусловленным благородным стремлением помочь партнеру избавиться от недостатков, которые тот не замечает.

Нравственная правда регулируется моральными принципами, в первую очередь представлениями субъекта о том, что можно говорить другому человеку, а что ни при каких обстоятельствах нельзя (даже если имеются в виду истинные факты). Нравственная правда основана на допущениях о том, как справедливо поступать по отношению к людям, а как нет. Для высказывающего такую правду главными являются соображения, связанные с осознанием характера воздействия сообщения на собеседника. Ведущую роль в формировании правдивого высказывания как морального деяния, социального поступка играют психологические механизмы идентификации и эмпатии. Прежде чем сказать правду о другом человеке, субъект задает себе вопрос: «А справедливо ли это будет по отношению к нему?» — и высказывается только в том случае, если отвечает на него утвердительно. Нравственная правда — это «порядок, основанный на справедливости, честности» [8]. В такой правде субъективное представление о справедливости приобретает статус должного и становится критерием нравственной оценки в ситуациях общения. Вместе с тем сопоставление реальных межличностных отношений с теми, какими они должны быть в соответствии с нормами справедливости, принятыми субъектом, способствует понижению им объективного содержания указанных ситуаций.

Таким образом, процесс понимания нравственной правды субъектами общения детерминируется их представлениями о справедливости. Этот уровень осмысления человеком сущности правды характеризуется его собственной нравственной позицией, включающей оценочно-критическое отношение к социальным нормам — обычаям.

Одной из таких подвергаемых критической оценке норм является норма социальной справедливости. В наших общественных науках долгое время доминировала точка зрения на справедливость как на всеобщее равенство и одинаковую степень удовлетворенности интересов разных людей (см., например, [10, с. 86]). Сегодня такая трактовка понятия подвергается пересмотру, вызванному, в частности, переходом общества на рельсы рыночной экономики: многие уже осознали, что экономика не может быть справедливой (в приведенном выше значении этого слова) или несправедливой — она либо эффективна, либо нет. Естественно, что в этих условиях у разных людей представления о справедливости формируются на принципиально различных психологических основаниях — о них будет сказано в экспериментальной части работы. В теоретическом разделе статьи уместно привести только обобщенную психологическую характеристику понятия справедливости, побуждающего коммуникантов высказывать нравственную правду.

По моему мнению, справедливым, психологически обоснованным следует считать только такое высказывание субъекта о поведении другого человека, о фактах из его биографии, в котором не просто приводится какой-то факт, но и раскрываются его субъективные и объективные причины. Высказать нравственную правду о поступке человека — значит, во-первых, объяснить, каковы мотивы, цели данного поступка, а также связать все это с убеждениями, моральными качествами личности. Во-вторых, описать не зависящие от него внешние обстоятельства, в которых был совершен поступок. Выявление указанных объективных и субъективных факторов дает возможность окружающим найти психологическое оправдание происшедшего.

Рефлексивная правда проявляется в высказываниях людей с развитой способностью к личностной и коммуникативной рефлексии. В ситуациях общения такие субъекты склонны подвергать сомнению адекватность своей моральной позиции, критически оценивать качества собственной личности — главным образом для того, чтобы ответить на вопрос: «Имею ли я право сказать партнеру правду о его недостатках и тем более есть ли у меня основания для чувства морального превосходства?». Здесь обращение к образу «Я» оказывается как бы психологическим антиподом эгоцентрической позиции убежденно-приверженца инструментальной правды: анализ себя как субъекта общения предпринимается вовсе не для самоутверждения. Человек не убежден в том, что его понимание сущности правды является правильным и единственно возможным. Наоборот, субъект не уверен, сомневается в своем праве давать оценку поступкам другого человека. И это, как ни парадоксально, свидетельствует о диалогичности его мышления, раскованности, «духе свободы». (На это положение обра-

тил внимание А. А. Брудный во время дискуссии по проблемам формирования нового политического мышления, см.: [9]).

В условиях, требующих морально-этического решения проблемы, происходит активизация рефлексивного процесса [3]. При вербальном общении рефлексия дает возможность говорящему лучше проанализировать коммуникативную ситуацию, полнее обосновать внутреннюю мотивацию поступков партнеров и вследствие этого глубже понять сущность высказываемой рефлексивной правды. Центральным психологическим звеном рефлексивной правды как вербального выражения отношения человека к другим людям является процедура установления и регулирования одинаковых моральных требований по отношению к себе и другим в ситуации общения. Функцию вторичной рефлексии по поводу своих установок, мотивов, поступков выполняет совесть. Последняя облегчает субъекту решение морально-этических проблем, помогает понять другого человека не только в его конкретности и уникальности. Рассматривая поступки другого человека сквозь призму совести, субъект согласовывает их с нормами должностования — моральным кодексом, регулирующим поведение людей в цивилизованном обществе. «Ведь задача совести — открыть человеку "то, что надо"» [13, с. 98]. Только полагаясь на совесть, можно адекватно соотнести моральные законы с действиями в конкретной ситуации.

Вместе с тем совесть оказывает прямое влияние на понимание рефлексивной правды, формирование ее смысла для субъекта — совесть направляет человека в поисках смысла [13]. В процессе онтогенеза среди порождаемых человеком смыслов индивидуальных ситуаций в его сознании постепенно фиксируются, накапливаются и такие, которые имеют нечто общее со смыслами, возникающими у других людей. «Эти смыслы относятся скорее к человеческому положению вообще, чем к уникальным ситуациям. Эти смыслы и есть то, что понимается под ценностями. Таким образом, ценности можно определить как универсалии смысла, кристаллизующиеся в типичных ситуациях, с которыми сталкивается общество или даже все человечество. Обладание ценностями облегчает для человека поиск смысла, так как, по крайней мере в типичных ситуациях, он избавлен от принятия решений» [13, с. 288—289]. Однако в случае необходимости высказать рефлексивную правду перед субъектом всегда встает вопрос о том, что истина может быть только одна, но нет абсолютной убежденности, что обладает ей именно он (поэтому часто бывает нелегко решить, прав ли партнер, поступая по совести). Нетрудно понять, почему высшим нравственным проявлениям рефлексивной правды оказывается искренняя гласная самокритика, требующая от человека не только признания своих ошибок, изменения социальной позиции, но и гражданского мужества.

Художественная правда представляет собой своеобразную концентрацию правды — изображение типичных характеров в типичных обстоятельствах [6, с. 19]. Авторы лучших образцов художественной прозы не только изображают в единичном образе обобщенные психологические черты, «списанные» с разных людей, но и, говоря о человеке, высказывают нравственную и рефлексивную правду о нем. Подтверждение этому можно найти в рассказах молодого талантливого писателя, «афганца», Олега Ермакова. В 1989-1990 г. рассказы О. Ермакова публиковались в журналах «Знамя». «Новый мир», в «Литературной газете». В отличие от большинства произведений советской военной прозы в рассказах Ермакова видно, что автор пытается разглядеть во враге человека — человека, страдающего и ненавидящего тех, с кем ему приходится воевать. Совесть не позволяет молодому писателю лгать, и потому, рассказывая жесткую, неприукрашенную правду о поведении наших солдат на афганской войне, он как бы обращается к читателю: «Ты должен знать, что я тоже не ангел, а участник этих событий — во мне есть то, что в моих героях». Замечу, что, по моему мнению, исследование художественной правды — задача скорее литературоведа, чем психолога, поэтому далее в статье этот тип понимания правды я рассматривать не буду.

Итак, теоретический анализ показал, что правдивые, неискаженные сообщения об одних и тех же истинных фактах люди могут понимать по-разному — как правду документальную, инструментальную, нравственную или рефлексивную. Тип понимания правды о социальной действительности непосредственно зависит как от познавательных компонентов интеллектуальной деятельности (целей, прогнозов, умозаключений и т.п.), так и от характера моральных оценок и нравственных убеждений личности. Последние в значительной степени определяют социально-психологическую позицию субъекта, занимаемую им по отношению к партнерам по коммуникации. «Психологическим стержнем» каждой из четырех возможных позиций является личностная ориентация субъекта на тот тип понимания правды, который он считает допустимым в высказываниях о других субъектах общения.

Формирование нравственных убеждений, моральных норм является предметом изучения не только в психологии, но и в этике. Специалистов по этике мораль интересует прежде всего как форма общественного сознания, нравственность они рассматривают сквозь призму нормативной регуляции действий человека в обществе. Психологи больше внимания уделяют закономерностям формирования уровней развития морального сознания, моральных суждений и самооценок, проявляющихся в поведении субъекта. Категория правды, т. е. такого высказывания о человеке, которое может быть понято как опи-

сание или нравственного поступка, или аморального, оказывается как бы на границе двух областей научного знания. Однако ни в этике, ни в психологии пока нет исследований, посвященных данному аспекту понимания правды.

Необходимость восполнения этого пробела в психологическом знании очевидна для исследователей, поэтому **цель** статьи — проанализировать причины, побуждающие людей по-разному понимать суть понятия «правда», выявить когнитивные и личностные детерминанты формирования различных типов понимания правды о негативных явлениях 1960-1980-х годов.

МЕТОДИКА

В экспериментах участвовали 62 женщины и 28 мужчин — студенты и инженерно-технические работники в возрасте от 16 до 66 лет (в проведении экспериментов принимала участие В.А. Куприкова). Они отвечали на вопросы структурированного интервью, состоящего из шести основных блоков вопросов. Ориентировочные вопросы были направлены на констатацию наличия или отсутствия у испытуемого интереса к фактам о негативных явлениях 1960-1980-х годов («Как вы считаете, надо ли лично вам знать дела и фамилии людей, виновных в загрязнении окружающей среды, запрещавших некоторые книги и фильмы, препятствовавших внедрению полезных изобретений и т.п.?»). Причинные вопросы — зачем, по мнению испытуемого, нужно знать подобные факты или почему он не хочет их знать? Вопросы на идентификацию: «Попытайтесь мысленно поставить себя на их место и понять, почему эти люди так поступали?». Вопросы на эмпатию: «Как вы относитесь к людям, совершавшим обсуждаемые поступки, — с осуждением, сочувствием или эмоционально нейтрально?». Вопросы на рефлекссию: «Как бы вы повели себя, оказавшись в силу обстоятельств на их месте?»; «Нет ли у вас ощущения, что и вы сами в какой-то мере ответственны за то, что происходило в стране в 1960 -1980-е годы?».

После выяснения точки зрения испытуемого по поводу обсуждаемых явлений и отношения к людям, совершавшим поступки, которые сегодня преподносятся средствами массовой информации с оттенком осуждения, ему задавались диагностические вопросы («Как вы считаете, надо ли в газетах сообщать фамилии жертв ограбления?»; «Если бы это зависело только от вас, опубликовали бы вы сегодня список всех людей, подписавших в начале 1980-х годов „письма протеста“ против А.Д. Сахарова?»). Цель диагностических вопросов — определить тип понимания правды, который испытуемый считает допустимым и наиболее приемлемым в публичном высказывании о поступках

другого человека. Основных вопросов в интервью было 12, дополнительных — значительно больше.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Отвечая на ориентировочные вопросы, 65 человек (средний возраст 38 лет) сказали, что обязательно нужно знать фамилии и конкретные деяния людей, препятствовавших внедрению экономически выгодных изобретений, запрещавших некоторые книги и фильмы, виновных в загрязнении окружающей среды и т.п. 16 испытуемых (средний возраст 35 лет) заявили, что не хотят этого знать. 9 человек (24 года) сказали, что считают полезным для себя и для общества сведения только о самих негативных явлениях, а знание фамилий причастных к ним людей — излишним, ненужным.

Проанализируем психологические особенности трех типов высказанных мнений.

Только у 7 (из 65) испытуемых, считавших необходимым знать негативные факты, потребность в подобном знании можно охарактеризовать как стремление к документальной правде. Их аргументация основана на убеждении, что «всегда лучше знать, чем не знать — всякое знание хорошо» (исп. О. С.). У значительной части представителей первой группы потребность в правде имеет явно выраженный инструментальный характер. Одни испытуемые говорят, что знание «отрицательных» фактов необходимо им для анализа, помогающего разобраться в социальной действительности. Исп. А. М.: «Я хочу понять логику развития событий, в чьих это было интересах — чтобы жить не вслепую, а осмысленно». Этот анализ непременно включает антиципацию, направленность на будущее: «Надо знать, чтобы не повторить подобных ошибок» (исп. И. К.). Для других доминирующей является познавательная мотивация, интерес к психологии людей, совершавших поступки, которые сегодня публично осуждаются. Исп. Н. М.: «Хотелось бы знать, кто эти люди, как они сами относятся к тем проблемам, которые сегодня у нас имеются»; исп. А. А.: «Хочется посмотреть этим людям в глаза, узнать, чувствуют ли они за собой вину». Наконец, для 27 отвечавших главным является справедливое, по их мнению, наказание виновных, т. е. людей, лично ответственных за загрязнение рек и озер, выпуск некачественных продуктов и т. п. Исп. Т. А.: «Надо знать своих „героев“, чтобы воздать им по заслугам»; исп. В. Н.: «Надо наказывать — тогда не будет поспешных решений и будет с кого спросить». Характерная деталь: знать правду с целью возмездия в среднем чаще желают люди старше 40 лет, чем люди моложе 30 (различия значимы по критерию Стьюдента, $p < 0.01$).

Теперь приведу три наиболее типичные причины, по которым 16 испытуемых второй группы не хотят знать правду о негативных явлениях 1960-80 гг.: 1. Неверие в возможность перемен, улучшения социальной обстановки в стране: «Не вижу в этом смысла: изменить все равно ничего нельзя — такое знание бесполезно для выхода из нынешнего кризиса» (исп. А. С.); 2. Осознание того, что «все эти разоблачения уже тормозят движение вперед, препятствуют развитию общества» (исп. А. Ч.); 3. Мотив психологической защиты: «Я стараюсь защищать себя от негативной информации, она только перегружает память, отвлекает» (исп. И. Б.).

Наконец, рассмотрим, почему 9 испытуемых считают, что важно знать только сами негативные поступки, а не фамилии совершавших их людей. Во-первых, «конкретные имена не имеют существенного значения — система делала людей такими» (исп. С. К.). Интересно, что в протоколах испытуемых 16-25 лет указание на социальную систему как основной фактор, повлиявший на формирование негативных поступков, встречается не реже, чем в протоколах испытуемых более зрелого возраста. Во-вторых, «большинство этих людей сегодня уже не у власти, Зачем мне знать их имена — мстить что ли?» (исп. Г. В.). В-третьих, нежелание испытуемого знать отрицательную информацию нередко обосновывается тем, что таковы его психологические качества: «Я не борец по природе — не пойду же я воевать с ними. А факты нужно знать для ориентации в жизни» (исп. М. Р.).

Итак, ответы на ориентировочные и причинные вопросы показали, что для многих испытуемых зрелого возраста потребность знать правду о негативных явлениях обусловлена желанием публично наказать виновный. Для молодежи более характерно стремление к «отрицательному» знанию как одному из источников приемлемого для субъекта ответа на вопрос: «Как жить дальше, не повторяя ошибок предыдущего поколения?».

Отвечая на вопрос об эмоциональном отношении к людям, совершившим в 1960-1980 гг. порицаемые ныне поступки, 51 испытуемый из 90 (средний возраст 38 лет) выразил свое резко отрицательное отношение (исп. М. Р.: «Осуждаю, ненавижу, злюсь на них!»). 39 более молодых испытуемых (32 года) сказали, что относятся к таким людям нейтрально или даже с сочувствием, основанным на понимании (исп. В. Я. «Я их не осуждаю, но и не одобряю. Оценки у меня нет, просто я думаю, что понимаю их. Ведь нелепо, когда наше отношение к ним базируется на сегодняшних установках, не соответствующих вчерашнему дню»). Различия между средними величинами возраста двух групп испытуемых статистически значимы: $t=3,04$, $p < 0,01$.

Подавляющее большинство из «группы осуждающих» — люди

зрелого возраста, хорошо знающие реальные условия жизни в стране в 1960-1980-е годы. Несмотря на это, у них отчетливо проявилась тенденция к игнорированию объективных обстоятельств, в которых действовали люди, совершившие негативные поступки. Например, директор химического завода, вынужденный использовать малоэффективные очистные сооружения и не имевший средств на их замену. Испытуемые склонны сводить причины негативных поступков исключительно к психологическим факторам. В частности, исп. А. Л. главным недостатком многих бывших руководителей считает низкий уровень культуры: «Это связано с духовной деградацией, утратой внутренней культуры, вещизмом. Они не осознают, не задумываются, что должен делать человек. Считают, что, если сказали сверху — обязательно надо выполнить». Исп. Д. Б. подчеркивает отсутствие способности прогнозировать результаты своих поступков: «Они, наверное, и сами не предвидели последствий своих действий. Руководители, которые отдавали такие приказы, как строить БАМ и другие ненужные объекты, должны были предвидеть последствия». Исп. Н. Л. делает акцент на слабости характера обсуждаемых руководителей: «Конечно, я их осуждаю: берут на себя ответственность, а отстоять правильную позицию перед начальством не могут».

Для психолога подобная «личностная» интерпретация испытуемым поведения другого человека не является чем-то неожиданным и труднообъяснимым — высказанные суждения просто дополняют известные экспериментальные данные. В социально-психологических исследованиях давно обнаружены различия в характере восприятия и понимания одних и тех же событий наблюдателями и деятелями: «Исполнители приписывают причины своего поведения ситуационным требованиям, в то время как свидетели считают причинами тех же самых поступков устойчивые личностные диспозиции деятелей» [15, с. 2]. В исследованиях каузальной атрибуции тенденция к переоцениванию роли личностных факторов регуляции поведения и недооценке влияния ситуационных факторов вообще считается одной из основных когнитивных ошибок атрибуции [18, с. 183].

Интересно, что, несмотря на солидный жизненный опыт, большинство испытуемых рассматриваемой группы утверждают, что если бы они сами оказались в то время на месте бывших руководителей, то действовали бы вопреки неблагоприятным (для развития общества) обстоятельствам и не обращали внимания на давление «сверху». Исп. Б. С., 43 года: «Я пошла бы против течения, поступала бы более честно по отношению к народу»; исп. А. О., 50 лет: «Я бы советовался с подчиненными и не исполнял сомнительные в моральном отношении приказы». Что это: не утраченная с молодостью наивность или дей-

ствительно нереализованные возможности, скрытые резервы личности? Ответить на этот вопрос можно, только проведя дополнительное исследование — психодиагностическими и биографическими методами. Пока приведенные высказывания приходится рассматривать просто как любопытные психологические факты.

Из 39 испытуемых, проявивших эмоционально нейтральное или положительное отношение к людям, чьи поступки обсуждались, 22 человека сказали, что и сами повели бы себя аналогичным образом, оказавшись на их месте (остальные 17 сказали, что не могут представить себя в такой роли). Отношение только некоторых испытуемых можно охарактеризовать как эмпатическое, формирующееся преимущественно на аффективной основе: «Мне их жалко: несмотря на внешнее благополучие, у них не очень-то приятная жизнь. Я думаю, что в душе у них тоска, мерзко, фальшиво. Жалко, что им пришлось так поступать, выполнять такую роль» (исп. Д. Ч.). Другие испытуемые руководствуются принципом «не суди, да не судим будешь»: «Я лично не могу осуждать конкретных людей, это у меня черта характера такая — христианская что ли» (исп. М. П.). Вместе с тем принятие субъектом указанного принципа вполне совместимо с критической оценкой собственных поступков: «Не хотел бы их судить — они сами должны оценить свою жизнь. Но я бы себе такого не простил» (исп. К. Д.).

Для большей части испытуемых неотрицательное отношение к «героям» недавнего прошлого — результат скорее рационального осмысления истории, социально-политической обстановки в 1960-1980-х годах, чем непосредственной эмоциональной оценки. Доводы в защиту тех, кто совершал неблагоприятные поступки, сводятся к двум главным соображениям. Психологической подоплекой обоих соображений является указание на важную роль конформности личности в формировании отношения испытуемого к обсуждаемым людям. Первый довод: человек — всегда продукт своего времени и ведет себя в соответствии с «принятыми правилами игры». Исп. И. Б.: «Люди во все это верили, были людьми того времени, а в результате подменялись нормы морали, совести. Ведь тогда в обществе был в целом отрицательный штамп диссидента — человека, выступающего „против»». Это высказывание дополняет 20-летняя О. К.: «Мне кажется, они воспитаны так, что бороться против верхушки, допустим против партии, не могли. У них даже мысли не возникало, что партия может быть в чем-то не права». К попыткам критического осмысления прошлого присоединяются те испытуемые, которые считают, что в 1960-1980-е годы в общем и целом жизнь в стране была налажена нормально и не нуждалась в радикальных переменах: «Бюрократ честно выполнял свои обязанности, как я могу его осуждать? У меня нет на это мораль-

ного права. Если бы это удовлетворяло моим интересам, то я поступал бы так же» (исп. А. Ч.).

Второй довод основан на самоанализе, в результате которого испытуемый приходит к выводу, что тоже вряд ли сумел бы долго противостоять давлению внешних обстоятельств: «Мне даже кажется, что я бы в то время тоже так поступил: чтобы делать по-другому, надо одному против всех идти — это тяжело, это надо очень сильный характер иметь. Я бы так не смог» (исп. С. С.). Из сказанного выше логично и последовательно вытекает ответ на следующий вопрос: «Я к таким людям нейтрально отношусь. Одобрять их, естественно, не за что, а осуждать я их не могу, потому что уже сказал, что поступал бы так же».

Таким образом, конформисты не склонны к осуждению «отрицательных персонажей», потому что стараются понять их. Основными детерминантами становления понимания правды являются эмпатия, идентификация и мысленное воспроизведение объективных условий жизни людей в 1960-1980-х годах. В целом можно сказать, что проведенный анализ ответов испытуемых на вопросы пяти типов позволил выявить психологические предпосылки понимания правды о негативных явлениях: в ответах каждого испытуемого уже довольно хорошо просматривается его точка зрения на сущность правды. Обратимся теперь к анализу ответов на диагностические вопросы.

Эта часть экспериментального исследования показала, что большинство испытуемых из группы «осуждающих» полагают, что наиболее подходящей для публичного обсуждения негативных поступков является инструментальная правда. Решающим фактором, влияющим на формирование суждения о том, что любую правду о человеке можно опубликовать, является представление о гласности как универсальной и, главное, обязательной норме демократии: «В газетах надо публиковать и положительную, и отрицательную информацию, т. е. все, что журналисты считают интересным — это моральная аксиома» (исп. О. С.). Однако анализ протоколов показал, что на самом деле для испытуемых это пока еще не моральная аксиома, а только затвержденная социальная норма. Когда начинаешь задавать вопросы (например, задумываются ли они о том, приятно ли будет жертве ограбления увидеть свою фамилию в газете), то выясняется, что представления испытуемых о допустимых пределах, нравственных границах гласности довольно расплывчаты. Одни испытуемые говорят, что они вообще не задумывались над тем, что публикация может нанести моральную травму пострадавшему, пока им не был задан этот вопрос. Затем в свое оправдание они ссылаются на такие обстоятельства, которые можно обобщить в печально известной формуле «общественное всегда важнее личного»: «Раз люди интересуются — надо печатать»

(исп. В. Т.); «Пока конкретно не напишут, слухи множатся, а конкретизация убивает слухи» (исп. Л. Л.); «Нельзя запрещать сенсации, а то снова нагородим такой частокол запретов, что в нем увязнет свобода слова» (исп. М. Э.).

Кроме того, их мнение основано на представлении о гласности как о чем-то объективном и совершенно не зависящем от воли и желания одного человека: «Все равно ведь меня никто не спросит, хочу я или нет, чтобы обо мне писали» (исп. И. С.). Самым сильным аргументом в защиту того, что сегодня о частной жизни человека можно публиковать практически все, испытуемым кажется указание на западные образцы публицистики: «Во всех цивилизованных странах печатают хронику происшествий» (исп. Б. Б.). Однако этот аргумент оказывается неубедительным: на вопрос о том, можно ли в соответствии с нашим законодательством публиковать без согласования с потерпевшим его фамилию, мне не смогли ответить не только испытуемые, но и сотрудники пресс-центра МВД СССР и Академии МВД СССР. Все, в том числе и опрошенные по телефону сотрудники названных учреждений, говорили, что факт публикации — дело профессиональной этики и совести журналиста. Ясно, что речь идет о весьма растяжимом понятии.

Другие испытуемые пытаются разрешить дилемму «публиковать — не публиковать» путем разведения (в категоричной или более мягкой форме) моральных и утилитарных аспектов проблемы. Исп. Б. И.: «Для меня нравственность и правда — это совершенно разные понятия»; исп. А. Е.: «Я не связываю эту информацию с моралью, осуждением. Она просто утилитарная. Моя точка зрения такая: опубликовать надо из соображений гласности, не думая в этот момент о морали, сознательно оставить осмысление нравственных аспектов на потом — когда понадобится использовать эту информацию».

Таким образом, аргументация приверженцев инструментальной правды в защиту гласности как приоритетного фактора в решении вопроса об обнародовании негативных явлений не продумана до конца. Вследствие этого в ситуациях общения расплывчатые представления субъекта о границах гласности препятствуют развитию у него процессов идентификации, эмпатии, ухудшают понимание другого человека. Важно отметить, что это особенно характерно для молодых людей 16-25 лет: утилитарное стремление знать негативные поступки, совершенные «поколением отцов», нередко мешает им увидеть в «отцах» живых людей, которые сегодня могут пострадать за то, что делали вчера.

Каковы же психологические детерминанты формирования инструментальной правды, что побуждает субъекта высказывать такую правду о другом человеке? Отмечу главные моменты:

1. Утилитарные соображения: а) знание негативных явлений необходимо для того, чтобы предотвратить их возникновение в будущем; б) публикация таких сведений может пригодиться, например, для научной работы или при назначении человека на новую должность; в) надо располагать такой информацией, чтобы сформировать правильное мировоззрение.

2. Эгоцентрическая позиция, ориентация на свое внутреннее состояние — стремление снять напряженность, раздражение, накопившееся по отношению к партнеру: «Я считаю, что лучше открыто человеку сказать, чем таиться. Я руководствуюсь своим состоянием: если не выскажусь, то все равно внутри останется агрессия на него, которая когда-нибудь потом выльется. А так даже честнее» (исп. В.К.).

3. Неумение оценить, нужна ли правда партнеру, поэтому следование своим представлениям о пользе правды в межличностных отношениях: «Я не могу оценить, нужна ли правда другому, и потому вынуждена поступать так, как мне кажется правильным» (исп. Д. С.).

4. Убеждение в том, что есть люди, которым всегда приятно оказаться в центре внимания, даже в обсуждаемом негативном контексте увидеть свою фамилию на страницах газет: «Все-таки это проявление определенного интереса ко мне как к личности» (исп. М. Р.). Исп. В. Г. проиллюстрировал это положение упоминанием об известном чеховском персонаже, попавшем под пролетку.

5. Наконец, «краеугольный камень» социально-психологической позиции приверженцев инструментальной правды, их представление о справедливости: «Чтобы жить, надо верить, что добро вознаграждается, а зло будет наказано» (исп. И. К.).

Рассмотрим теперь психологические причины, побуждающие испытуемых считать наиболее приемлемой для человеческого общения нравственную правду. Анализ протоколов таких испытуемых (а их не более 20 из 90 человек) показывает, что они пытаются осмыслить обсуждаемые негативные поступки как целостные развивающиеся во времени события. Эти события связаны с объективными и субъективными условиями, уходящими корнями в прошлое, и имеют ощутимые последствия сегодня. Испытуемые согласны с тем, что из моральных соображений необходимо опубликовать списки людей, например препятствовавших внедрению полезных изобретений или подписывавших «письма протеста». Но при этом они настаивают на соблюдении некоторых ограничений.

Что же это за соображения, перевешивающие чашу весов морального выбора в пользу мнения о необходимости предать гласности «дела давно минувших дней»? Принимая такое решение, испытуемые делают это не с целью морального осуждения, напротив, они дума-

ют, что нравственная правда может помочь жить сегодня людям, совершившим необдуманный поступок десять или двадцать лет назад: «Мне бы опубликовать в голову не пришло, я прощаю таких людей. Но это надо для самих людей из списка: чтобы они осознали, покаяться. Сейчас они стараются забыть это, но этого забывать нельзя — прежде всего самому человеку. Мне их жаль, но это надо сделать» (исп. Т. К.). Исп. Н. Ф. указывает на своевременность и неизбежность публикации: «Все равно когда-нибудь кто-нибудь из личной выгоды, например, чтобы опорочить кого-то из списка, опубликует его. И сейчас даже полезней для людей из списка: сегодня они моложе, готовы бороться, могут ответить. Если сильные, как, например, Лигачев, то отобьются. А если человек изменился — сможет доказать».

Теперь вернусь к анализу ограничений на характер публикаций о негативных явлениях прошлого, которые позволят считать такие публикации нравственной правдой. Перечисленные ниже ограничения по существу являются для испытуемых тем «психологическим фундаментом», на основе которого в их сознании возникает понимание совокупности понятий, мнений, убеждений, соответствующей психологическому содержанию нравственной правды.

1. Испытуемые полагают, что предание гласности списков обязательно должно сопровождаться пояснениями, современным комментарием: «Надо публиковать, но нужно учитывать уровень информированности подписывающих людей на тот момент и их тогдашние мотивы. Вот актер Е. Матвеев признался, что подписал письмо против Сахарова, но особо не задумывался. Подписывали не только от трусости или для выгоды, но и от незнания реальной ситуации» (исп. Н. К.).

2. Надо учитывать, что те, кого обсуждают, имеют родных и близких, на которых самым пагубным образом могут отразиться опубликованные данные: «Это надо осторожно: назовем родителей, а страдают дети. Каждый на себя должен посмотреть, а то сейчас слишком много безгрешных появилось» (исп. К. У). Как людей, трезво оценивающих нашу действительность, испытуемых беспокоит и такой аспект гласности: «Ведь у нас народ привык как реагировать: — раз опубликовали, есть он в списке — значит он враг. Большинство людей не будут разбираться, что его побудило, какие были обстоятельства. Увидят фамилию в списке — значит он плохой. Но я все-таки надеюсь, что люди смогут понять, они не составят резко отрицательного мнения о человеке» (исп. М. Г.).

3. Ссылаясь на знание психологии обывателя, испытуемые считают даже вредными публикации о негативных явлениях 1960-1980-х годов в средствах массовой информации: «Может быть, лучше сделать архив: если понадобится список для каких-нибудь целей, напри-

мер научных, то любой может получить. Но не публиковать на первых страницах газет. Должно же быть у человека понятие о высшем суде. Ты должен знать, что всегда можешь быть осужден, если кому-то это понадобится. Я против публикации для широкого оповещения, но в архив — обязательно» (исп. Т. К.). Другие испытуемые предлагают печатать такую информацию в специальных журналах.

4. По мнению испытуемых, сегодня говорить и писать стоит только о тех, кто сейчас занимает значительные должности и в силу своего положения может оказывать влияние на формирование мировоззрения многих людей: «Об умерших не стоит писать. А о живых... может быть, он уже повинулся, осознал — я теперь по-другому к нему отнесусь. Ведь в прошлом каждого человека можно найти темные пятна» (исп. К. В.).

Таким образом, эксперименты подтвердили теоретическое положение о нравственной правде как таком публичном высказывании о другом человеке, которое основано на идентификации с ним, а главное — на чувстве справедливости по отношению к нему.

Результаты анализа моральных суждений испытуемых, которые можно квалифицировать как рефлексивную правду, оказались в некоторой степени парадоксальными. В диалоге с экспериментатором только у двух испытуемых постепенно проявилась социально-психологическая позиция, соответствующая рефлексивной правде. Между тем, отвечая на «вопросы на рефлексии», многие испытуемые (особенно старше 25 лет) говорили, что чувствуют угрызения совести из-за того, что долгое время молчали, приспособлялись к обстоятельствам, не противились тому, что сегодня считают злом. Однако совесть для них так и не стала реальным регулятором поиска смысла нравственных проблем, имеющих отношение и к их собственной жизни — в прошлом и настоящем. Ее место заняли рациональные рассуждения на тему о том, что «это система сделала всех нас такими».

Чрезвычайно интересно было наблюдать за тем, как совесть, нравственные критерии направляли процесс порождения рефлексивной правды у двух других испытуемых. Решение о том, что необходимо предать гласности сообщение о негативных поступках, вызревало у них медленно, в противоречиях и сомнениях, в процессе самокритики и осознания правды как средства нравственного очищения человека, «когда-то поступившего не лучшим образом» (исп. Г. Г.). Исп. 3. Т. говорит: «Есть и на моей совести грехи: я понимала, что так жить нельзя, но как-то оправдывала себя, да и сейчас в какой-то мере это делаю. Я виновата в том, что желание принять такую жизнь оказалось сильнее, чем отвергнуть. Может быть, ума или воли не хватило». И далее: «Мы, люди, должны оценивать свою жизнь. Но не каждый может сам все осознать, и, может быть, оступившемуся человеку надо помочь это сделать». Такие циклы

оценок-самооценок повторяются еще несколько раз. В результате испытуемая преодолевает сомнения и приходит к убеждению, что правду нужно сказать, но только в крайне деликатной форме, не оскорбляющей достоинство необдуманно поступившего человека.

Сомнения колебания, неоднократное переосмысление анализируемой ситуации свидетельствуют о «духе свободы» — осознании субъектом множественности вариантов морального выбора, но также и его ответственности. Не удивительно, что формирование процесса понимания рефлексивной правды происходит хотя и непоследовательно, но гораздо более развернуто и динамично, чем, например, инструментальной правды.

Итак, проведенное исследование показало, что представленная типология понимания правды не является теоретической абстракцией: в сознании разных испытуемых действительно формируются различные типы понимания правды о негативных явлениях 1960-1980-х годов. Тип понимания правды зависит от социально-психологической позиции субъекта, его моральных суждений. Как и в экспериментах, направленных на выявление личностных типов мышления [1], индикатором социально-психологической позиции человека является профиль оценочно-самооценочных отношений. Сопоставляя оценки своих и чужих качеств личности, оценки факторов и моральных категорий, испытуемый формирует свое понимание сущности правды как компонента коммуникативной ситуации. Чем более сложную моральную проблему видит субъект в ситуации, тем активнее разворачиваются у него процедуры оценивания. Оценочные высказывания занимают весьма скромное место в протоколах испытуемых, ориентированных на инструментальную правду, зато хорошо представлены у тех, кто «исповедует» нравственную и рефлексивную правду.

Понимание правды о других людях неразрывно связано с различными уровнями развития морального сознания понимающих субъектов, поэтому нет ничего удивительного в том, что в протоколах проведенных экспериментов можно обнаружить все четыре главных компонента возникновения моральных действий [17]. При анализе обсуждаемой ситуации испытуемые идентифицируют возможные способы действий и их последствия; устанавливают, какие из действий удовлетворяют моральным критериям; принимают решения о действиях, т.е. выбирают одну из конкурирующих моральных ценностей; наконец, обдумывают нравственные последствия принятого решения. Однако для получения ответа на вопрос о том, какую конкретную роль играет каждое из моральных действий в формировании понимания человеком документальной, инструментальной, нравственной и рефлексивной правды, нужно проводить новые исследования.

Литература

1. *Абульханова-Славская К.А.* Личностные типы мышления // Материалы финско-советского симпозиума. М.: Наука, 1986. С. 154—172.
2. *Бердяев Н.А.* Философская истина и интеллигентская правда // Вехи: Сб. статей о русской интеллигенции. М.: Новости, 1990. С. 5—26.
3. *Волкова М.В.* Взаимосвязь рефлексии и уровня притязаний в решении мыслительных задач: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1989.
4. *Дробницкий О.Т.* Понятие морали. М.: Наука, 1974.
5. *Ивин А.А.* Ценности и понимание // Вопросы философии. 1987. № 8. С. 31-43.
6. *Климов Е.Л.* Точность, истинность знания и «технологический вымысел» в психологии // Вопросы психологии. 1990. № 2. С. 14—23.
7. *Одоевский В.Ф.* Русские ночи. Л.: Наука, 1975.
8. *Ожегов С.И.* Правда // Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1988. С. 467.
9. Психологические аспекты нового политического мышления (Материалы «круглого стола») // Психологический журнал. 1990. Т. 11. № 1. С. 30.
10. Рациональное и эмоциональное в морали / Под ред. А.И. Титаренко, Е.Л. Дубко. М.: Изд-во Московского университета, 1983.
11. *Тихомиров О.К. Знаков В.В.* Мышление, знание и понимание // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1989. № 2. С. 6—16.
12. *Трусов В.П.* Психология межличностного влияния и оценивания. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1984.
13. *Франки В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
14. *O'Connor D.* The correspondence theory of truth. L., 1975.
15. *Jones E.E., Nisbett R.E.* The actor and observer: divergent perceptions of the causes of behavior. Hillsdale, 1972.
16. *Rescher N.* The coherence theory of truth. Oxford, 1973.
17. *Rest J.R.* Ein interdisziplinärer Ansatz zur Moralerziehung und ein Vierkomponenten-Modell der Entstehungsmoralischer Handlungen // Moralische Zugänge zum Menschen. Zugänge zum moralischen Menschen / Hrsg. E. Oser u.a. München, 1986. S. 20-41.
18. *Ross L.* The intuitive psychologist and his shortcomings: distortions in the attribution processes // Advances in experimental social psychology. 1977. V. 10. P. 173-220.

ПОНИМАНИЕ СУБЪЕКТОМ ПРАВДЫ О МОРАЛЬНОМ ПРОСТУПКЕ ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА: НОРМАТИВНАЯ ЭТИКА И ПСИХОЛОГИЯ ПРАВСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Опубликовано: Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 1. С. 32-43.

В последнее время в гуманитарных науках наблюдается лавинообразное нарастание интереса к проблеме понимания сущности правды и как следствие этого — смещение акцента с гносеологических концепций истины на ее прагматические аспекты. Происходит возрождение забытой традиции русской философии (Н.К. Михайловский, Н.А. Бердяев и др.), в соответствии с которой в социальном познании следует различать истину как простое соответствие суждений фактам, поступкам людей и правду, основанную на осознании субъектом моральной ответственности за свои высказывания о поведении другого человека. Особенно отчетливо это проявляется в психологии и этике.

Психологические исследования показывают, что в контексте анализа общения и взаимопонимания логическая категория «истина» по содержанию и объему оказывается беднее психологической категории «правда». Во-первых, объективно истинное событие становится правдой в коммуникативной ситуации только в том случае, если общающиеся верят, что событие действительно произошло. Во-вторых, субъекты общения обычно воспринимают как правдивые не все высказывания об обсуждаемых истинных событиях, явлениях, фактах, а только те, которые они понимают. Наконец, в-третьих, многие считают истинность второстепенным признаком правдивости суждений о поведении людей, а главным — их соответствие требованиям справедливости [6].

Правда всегда содержит зерно истины — без этого она не может быть правдой. Но этого зерна недостаточно для того, чтобы истинное событие стало правдой в коммуникативной ситуации. Любую социальную истину, например факт совершения кем-либо поступка, каждый из нас понимает по-своему, со своей ценностно-смысловой позиции. Это означает, что, принимая высказывание о поступке другого человека за правду, мы осознанно или неосознанно оцениваем поступок, интерпре-

тируем услышанное, исходя из своих представлений о возможном и недопустимом в отношениях между людьми, о справедливом и несправедливом, честном и нечестном. Иначе говоря, крупица познанной истины погружается в море личного опыта, а поскольку последний у людей различен, то оказывается, что «у каждого своя правда». Истина не искажается, но понимается носителями правды неодинаково, и типы понимания соответствуют разным типам правды.

При осуществлении психологического анализа правды как атрибута человеческого общения недостаточно учитывать только истинностный ее аспект — соответствие высказываний коммуникантов объективной реальности. В русском языке есть определения, гораздо точнее отражающие то, что люди обычно считают правдой в межличностных отношениях, например: «Правда — идеал поведения, заключающийся в соответствии поступков требованиям морали, долга, в правильном понимании и выполнении этических принципов. Вообще жизненный идеал, справедливость, основанный на принципах справедливости — порядок вещей» [10]. Как психологические исследования, так и подобные словарные определения не оставляют сомнений в том, что понятие правды является одним из важнейших элементов категориальной структуры психологии понимания: очевидно, что «правильное понимание этических принципов» у разных людей неодинаково — представления о справедливости, соответствии поступков требованиям долга и т.п. у них значительно различаются. Поскольку понятия, составляющие содержание правды, многозначны, то не удивительно, что партнеры по общению по-разному понимают сообщения, функционирующие в канале коммуникации, — одни могут считать их правдой, а другие нет.

Правда — такое психическое образование, которое объединяет когнитивную и нравственную сферу личности и с равным основанием может быть отнесено к каждой из них. Особенно нужно подчеркнуть, что правда оказывается как бы мостом, соединяющим истину с моралью. Следуя традиции русской культуры, правду можно сравнить с весами, на одной чаше которых находится истина, а на другой мораль. Если сильно перевешивает первая чаша, то такая истина чаще всего оказывается не благом, а вредом для того, чьи поступки становятся достоянием гласности. Крен чаши весов в противоположную сторону приводит к мучительным размышлениям и колебаниям субъекта, иногда приводящим его к отказу от высказывания правды о моральном проступке другого человека «по нравственным соображениям». Такое понимание сущности правды приводит ученых к закономерному выводу о том, что эта научная категория находится как бы на стыке между психологией и этикой, т.е. входит в понятийную структуру обеих наук.

Нормативная этика учит, что в большинстве этических систем,

формировавшихся на протяжении всей истории человечества, содержится требование всегда говорить правду: «не лжесвидетельствуй», «будь честен перед собой и людьми» и т.п. Нормативная этика ставит и решает проблемы назначения человека, содержания морального долга, обосновывает общие для всех людей моральные принципы и нормы, а также указывает на необходимость их преломления в индивидуальном нравственном сознании [19]. С этической точки зрения, правдивость является неотъемлемой чертой характера нравственной личности: не только осознанной необходимостью, но и внутренней потребностью всегда говорить правду. Такие используемые в реальной жизни людей приемы сокрытия правды как «ложь во спасение», «добродетельный обман» могут быть оправданы различными соображениями: гуманными, психологическими, правовыми, но никогда — моральными. Следовательно, с позиций нормативной этики правда оказывается обязательным атрибутом человеческого общения и важнейшим условием формирования нравственной личности.

Однако в современных условиях, когда гласность обрушила на нас множество неизвестных ранее фактов и сведений, иногда бывает очень непросто отличить правду от обмана. Как показывают эксперименты, еще большую сложность для наших соотечественников представляет установление допустимых пределов, так сказать, нравственных границ, правдивых высказываний о поведении значимых других [6]. В этой связи не удивительно, что сегодня большое значение имеют психологические исследования индивидуальных различий в понимании того, что люди считают правдой. Особенно острое социальное звучание эта сторона проблемы приобретает в контексте так называемых разоблачительных публикаций. В последнее время появилось немало сообщений о «негативных» поступках, совершенных в прошлом некоторыми известными всей стране общественными и политическими деятелями. Многими читателями эти публикации были восприняты как порочащие честь и достоинство описываемых людей. Между тем авторы обычно иначе понимают то, о чем пишут: об этом говорят их ответы на возмущенные письма читателей, судебные протоколы рассмотрения исков, поступивших от лиц, посчитавших себя публично оскорбленными, и т.д. В этой связи важнейшими аспектами психологического исследования должно стать изучение того, как мы понимаем правду и ложь в высказываниях о поступках другого человека, а также какие поступки считаем морально предосудительными, т.е. проступками [9, с. 278].

Цель статьи — осуществить теоретический анализ тех особенностей личности и мировоззрения людей, которые играют роль психологического фундамента в процессе формирования у них разных типов понимания правды о моральных проступках.

Теоретический и экспериментальный анализ позволяет утверждать, что в ситуациях межличностного общения можно говорить о существовании, по крайней мере, трех типов правды — инструментальной, нравственной и рефлексивной. Во время экспериментов эти типы понимания возникали у испытуемых в процессе осмысления таких «негативных» поступков, как подписание многими людьми «писем протеста» против А.Д. Сахарова и А.И. Солженицына, введение запретов на публикацию высокохудожественных литературных произведений, загрязнение окружающей среды отходами производства и т. п. [6].

Суть инструментальной правды заключается в том, что субъект, гласно признавая факт совершения кем-либо поступка, руководствуется утилитарными (иногда даже корыстными) целями или следует нравственному императиву, предписательному моральному суждению, отражающему его кредо: «Люди всегда должны говорить правду». В основе понимания правды как инструмента, средства реализации поведения в коммуникативной ситуации лежит эгоцентричная ценностно-смысловая позиция субъекта. Высказывая партнерам по общению то, что он считает правдой, субъект стремится либо достичь вполне определенную цель, либо выразить таким способом свои нравственные принципы. Вместе с тем возможная реакция на его высказывание человека, чей поступок предается гласности, а также мотивы и конкретные обстоятельства совершения поступка субъекту в общем-то безразличны: он ориентирован только на себя — несмотря на участие в диалоге с партнерами по общению, его позиция монологична.

Инструментальную правду нельзя считать порождением исключительно нашего времени: если бросить ретроспективный взгляд на всемирную историю, то подобное понимание сущности правды можно обнаружить у людей различных эпох. Особенно отчетливо оно проявлялось у великих реформаторов и страстных проповедников религиозных идей. В одной из лучших биографий Ф.Ницше обращение с правдой, основанное на таком понимании, называется неуклюжей правдивостью, «свойственной мыслителям в шорах (вроде Лютера), которые, ничего не видя по сторонам, в бешенстве набрасываются на одну единственную, на свою правду» [12, с. 116].

Правдивость это нравственная черта, характеризующая стремление субъекта говорить только то, что он считает правдой. Правдивость приверженцев инструментальной правды основана на убежденности в своей правоте — праве никогда не скрывать от себя и других действительного положения дел. Правдивость и убежденность являются компонентами такой важнейшей личностной детерминанты понимания правды как честность человека [9, с. 396]. Самооценка честности оказывает прямое влияние на формирование инструментальной правды:

субъекты с высокой самооценкой, как правило, меньше сомневаются в своем праве давать моральные оценки поступкам других людей. В этой связи необходимо отметить, что психологические эксперименты [7] выявляют существенные половые различия в самооценке указанного нравственного качества личности. Сравнение оценок честности, приписанных себе при анонимном заполнении «Личностного дифференциала» 306 девушками и женщинами, а также 206 юношами и мужчинами, обнаруживает, что испытуемые женского пола считают себя более честными, чем испытуемые мужского (t=2,14; p< 0,05).

С одной стороны, такие результаты женской самооценки противоречат до сих пор распространенной «мужской» точке зрения, выраженной еще Н.А. Бердяевым: «Женщины лживее мужчин, ложь есть самозащита, выработанная историческим бесправием женщины со времен победы патриархата над матриархатом» [2, с. 79]. С другой стороны, психологические исследования показывают, что проблема значительно усложняется и становится менее однозначной, если ее перевести в плоскость психологического анализа разных степеней осознания субъектом своего намерения солгать или обмануть. У некоторых женщин первоисточником обмана оказывается «маленькая неправда», безобидное преувеличение, в основе которого лежит естественное и осознанное желание наилучшим образом представить себя в глазах собеседников. Существенную роль в этом, очевидно, играют механизмы психологической защиты. Вначале неправда требует самооправдания, обычно основанного на очень пристрастном и необъективном отражении социального окружения. Затем, переходя в привычку, становясь компонентом нравственного сознания личности, неправда нередко заменяется сначала полуосознаваемым, а потом вполне сознательным обманом и даже ложью (которым тоже подыскивается «разумное» самооправдание). В результате такая женщина может считать себя честным человеком, допускающим невинную ложь там, где, по ее мнению, без этого не обойтись.

У мужчин ложь и обман чаще бывают ситуативными: они точнее могут описать ситуации, в которых лгут, и отчетливее осознают, зачем, с какой целью это делают. А поскольку они знают обстоятельства, в которых нарушают известную им моральную норму, то критичнее женщин относятся к собственной честности. Следствие самокритичности — более низкие самооценки.

Если рассматривать лживость как независимую от пола общечеловеческую характерологическую черту, то есть основания полагать, что она чаще проявляется у субъектов с малой устойчивостью к стрессу, с выраженной невротичностью, истеричностью, склонностью к антисоциальному поведению [17].

Осуществляя психологический анализ честности как одной из личностных детерминант формирования инструментальной правды, не следует переоценивать ее роль в реальном поведении субъекта. Психологические данные свидетельствуют о том, что в ситуациях общения устойчивость человека к соблазну ввести партнера в заблуждение зависит и от других факторов (например, от уровня развития интеллекта и образования). К сожалению, пока для психологов «эти данные интересны с точки зрения анализа их неявного смысла, но не совсем понятны» [14, с. 25]. Кроме того, честность нельзя рассматривать как статичную неизменяемую черту характера, потому что она формируется в течение всей жизни человека в процессе развития ценностно-смысловой сферы его личности. Результаты изучения указанного психологического феномена под углом зрения анализа его динамики, развития показывают, что «что честность как смысловое образование — это не правило или свод правил, не конкретный мотив или совокупность мотивов, а определенный общий принцип соотношения мотивов, целей и средств жизни, в том или ином виде реализуемый в каждой конкретной ситуации» [3, с. 97].

Другим личностным основанием формирования инструментальной правды является психологический защитный механизм поддержания высокой самооценки, актуализующийся при сравнении субъектом себя со значимыми другими. Если сравнение способностей, компетентности или уровня достижений оказывается не в его пользу, если он замечает, что его дела идут хуже, чем у окружающих, то субъект может сказать себе: «Только обманщики богатеют и делают карьеру. Такой честный человека, как я, никогда не достигнет многого в этом мире (стране, городе, заводе)» [15, с. 49]. После этого он может обсуждать моральные проступки людей, не столько думая о пользе для них высказанной вслух правды, сколько гордясь своей честностью.

В качестве еще одного личностного основания инструментальной правды следует рассматривать ориентацию человека на принцип «объективной ответственности» (Ж. Пиаже). Принцип заключается в том, что субъект оценивает поступки других людей только по их последствиям, не принимая в расчет мотивы и обстоятельства совершения поступка. Руководствуясь указанным принципом, приверженцы инструментальной правды при обсуждении действий людей, лично ответственных за загрязнение рек и озер, выпуск некачественной продукции и т.п., не сомневаются в том, что «их надо наказывать — тогда не будет поспешных решений и будет с кого спросить» [6, с. 23].

Проведенные эксперименты показали, что испытуемые, требующие наказания людей, когда-то в прошлом совершивших ошибки, соотносят объективные последствия поступка не с конкретной личностью, а

с абстрактной моральной нормой воздаяния за зло (иначе говоря, с социальной необходимостью «объективной ответственности»). Испытуемые мало задумываются над тем, по своей ли воле критикуемый человек совершил проступок, испытывал ли он колебания и нравственные сомнения, как он теперь относится к содеянному. Даже побуждаемые экспериментальными условиями к психологическому анализу «негативных» поступков приверженцы инструментальной правды обращают внимание только на одну какую-нибудь возможную причину поведения обсуждаемых людей. Их интерпретация поведения отличается неполнотой и односторонностью, например: «Они, наверное, и сами не предвидели последствий своих действий. Руководители, которые отдавали такие приказы, как строить БАМ и другие ненужные объекты, должны были предвидеть последствия» (исп. Д. Б.).

Таким образом, такие субъекты, считая, что говорят правду, основываются на неполной истине: обсуждая проступок, они лишь констатируют факт его совершения и указывают на негативные социальные последствия. Вместе с тем они не знают, стремился человек совершить этот поступок или это произошло вопреки его воле, действовал он по злему умыслу или в силу ошибочного понимания морального долга.

Теперь перейду к анализу психологических оснований того типа правды, который я назвал нравственной правдой. В большинстве этических учений нравственность отождествляется с моралью: «Нравственность — понятие, являющееся синонимом морали (русский вариант латинского термина мораль происходит от слова «нрав»)» [9, с. 223]. В зарубежной психологии морали вопрос о существовании «нравственной позиции человека» [3], нравственного поступка, нравственного сознания и т.п. вообще не возникает: западные психологи употребляют такие понятия, как «моральное познание», «моральный поступок» [14], «моральная личность» [22] и др. Вместе с тем для многих исследователей очевидно, что нужно различать мораль как форму общественного сознания (систему норм, требований к правилам поведения и межличностных отношений, предъявляемых человеку обществом) и нравственность как характеристику психологической структуры личности (отвергающей или принимающей эти требования, осознающей их необходимость и испытывающей внутреннюю потребность в исполнении моральных норм, следовании им). Следует отметить, что вопрос о сходстве и различии морали и нравственности оживленно дискутируется в немецкой этике. Первоисточником дискуссий послужила критика Гегелем этической теории Канта [23].

Мораль наряду с правом и обычаями принадлежит к основным типам нормативной регуляции действий человека. Принципы морали

не допускают исключений и претендуют на абсолютность. С моральных позиций, должное и фактически принятое в обществе, т.е. общепринятые моральные нормы, с одной стороны, и нравственные представления и поведение людей, с другой стороны, могут расходиться. В нашем обществе это, в частности, отчетливо проявляется в отношении разных групп населения к участникам войны в Афганистане [7]. С этической точки зрения, некоторые человеческие поступки (обман, безответственность, беспринципность и др.) являются ничем иным как моральными проступками. Между тем всем известно, что в жизни такие поступки совершаются довольно часто, они составляют неотъемлемую часть психологической реальности — нравственного сознания и поведения очень многих людей. Субъект может нарушать моральные нормы, не понимая, в чем состоит его моральный долг перед другими людьми, или, понимая, но подыскивая для себя убедительные, по его мнению, психологические оправдания проступка. Вследствие этого моральный проступок нельзя отождествлять с нравственным проступком: о последнем речь может идти только в том случае, если человек осознает свою вину и раскаивается в содеянном. Таким образом, понятие «моральный проступок» целесообразно использовать в контексте анализа внешней оценки поступка, т.е. таких суждений людей, в которых устанавливается его соответствие моральным требованиям.

Называя правду нравственной, я, во-первых, имею в виду то, что необходимость говорить правду соответствует сознательной нравственной позиции и мотивационной направленности субъекта; во-вторых, что краеугольным камнем, психологическим фундаментом нравственной позиции человека как субъекта общения является его представление о справедливости. «Нравственная правда основана на допущениях о том, как справедливо поступать по отношению к людям, а как нет. Для высказывающего такую правду главными являются соображения, связанные с осознанием характера воздействия сообщения на собеседника. Ведущую роль в формировании правдивого высказывания как морального деяния, социального поступка играют психологические механизмы идентификации и эмпатии. Прежде чем сказать правду о другом человеке, субъект задает себе вопрос: «А справедливо ли это будет по отношению к нему?» — и высказывается только в том случае, если отвечает на него утвердительно» [6, с. 19].

Эксперименты показали, что испытуемые, ориентирующиеся в межличностном общении на нравственную правду, считают оправданной и справедливой публикацию списков людей, например препятствовавших внедрению полезных изобретений или подписывавших «письма протеста». Они принимают такое решение не с целью морального осуждения, напротив, эти испытуемые полагают, что людям,

десять или двадцать лет назад совершившим необдуманный поступок, высказанная другими нравственная правда может помочь осознать и искупить свою вину. Приверженцы нравственной правды пытаются осмыслить обсуждаемые моральные проступки как целостные развивающиеся во времени события. Эти события связаны с объективными и субъективными условиями, которые уходят корнями в прошлое, но имеют ощутимые последствия в настоящем. Испытуемые оценивают события, исходя из представлений о том, какие отношения между людьми следует считать справедливыми [6].

Из психологических исследований давно известно, что «люди различаются в отношении предпочитаемых идей справедливости» [22, с. 209]. Поэтому если психолог утверждает, что понимание субъектом правды о поступке другого человека можно квалифицировать как нравственную правду, то утверждение должно быть аргументировано указанием на конкретный тип представлений о справедливости. Следовательно, для лучшего понимания сущности нравственной правды необходимо проанализировать факторы, влияющие на формирование представлений о справедливости.

Первым из них оказывается пол человека. По данным К.Джиллиган, в ситуациях морального выбора мужчины и женщины понимают справедливость по-разному: для мужчин наиболее значимым в суждениях о другом человеке является обоснованность и беспристрастность (equity), в то время как женщины ориентируются на принцип участия и заботы (care). По мнению Джиллиган, «логика, на которой основывается этика заботы, является психологической логикой отношений, которая противоположна формальной логике справедливости (измеряемой по шкале Колберга — В. 3.)» [20, с. 73].

Женщинам редко удается достичь высших стадий нравственного рассуждения по шкале Л. Колберга. Из-за того, что на характер их рассуждений обычно сильно влияет социальный контекст решаемой моральной дилеммы, ответы женщин, как правило, не превышают конвенционального уровня нравственных суждений. Однако последующие эксперименты показали, что испытуемых разного пола нельзя безоговорочно относить к одной или другой категории. Скорее можно сказать, что у них преобладает та или иная тенденция к определенному способу осмысления моральных проблем. Искусственное приписывание испытуемых к классам «забота» и «справедливость» создает ошибочное впечатление, что предпочитаемые способы нравственных размышлений существуют как дихотомические [27].

Тем не менее как данные западных психологов, так и результаты экспериментов, проведенных на российской выборке испытуемых, позволяют заключить, что женщины, высказывающие нравственную

правду о чем-либо моральном проступке, склонны действовать по принципу «не навреди». Они думают прежде всего о том, чтобы не унизить человека правдой, не допустить такого обобщения, при котором их высказывание воспринималось бы окружающими как отождествление проступка с личностью. Эти женщины справедливой считают только такую оценку поступка другого человека, которая основана на понимании его намерений и эмпатии по отношению к нему. Мужчины склонны понимать справедливость как принцип всеобщего блага, для них важно то, что она представляет собой общечеловеческую ценность — и эта ценность, с их точки зрения, должна проявляться в конкретных ситуациях общения. Мужчины высказывают нравственную правду в том случае, если убеждены, что их суждение не противоречит принципам справедливости, очевидным и для обсуждаемого человека. Однако, как будет показано ниже, этих принципов несколько, и не всегда удается избежать противоречия между ними.

Вторым фактором, влияющим на формирование у испытуемых представлений о справедливости, является ориентация на успех. Психологические исследования показывают, что стремление личности к достижению внешнего успеха тесно взаимосвязано с верой в «справедливый мир»: убеждением субъекта в том, что он живет в таком мире, где каждый в конечном счете получает то, что заслужил [21]. Человеку нередко приходится сталкиваться в жизни с несправедливостью, и если он не может ее устранить, то пытается увидеть положение вещей таким образом, чтобы минимизировать осознаваемую меру несправедливости. Для этого он старается как-то объяснить ее, обосновать неизбежность и закономерность выпавших на его долю неприятностей. Выражением такого стремления оказывается рассмотрение, например, бедности как следствия собственной пассивности, а ударов судьбы как заслуженного наказания за прошлые упущения и промахи того, на кого эти удары обрушились.

Убеждение субъекта в том, что «каждый человек заслужил свою судьбу», становится для него основным принципом справедливости, на который он ориентируется, высказывая нравственную правду. Эксперименты показывают, что испытуемые, верящие в справедливость мира, низко оценивают личностные качества людей с несчастливой судьбой. В то же время те, на чью долю выпало больше счастья, кому в жизни сопутствует успех, оцениваются ими значительно более положительно [24]. Такой испытуемый вполне может сказать правду о допущенных другим человеком ошибках, считая высказывание справедливым и полезным для партнера.

Вера в справедливость мира в основном присуща субъектам, которые в деловых и межличностных отношениях ориентируются преиму-

щественно на внешний успех. А доминирование такой ориентации может привести субъекта к оправданию любого пути к успеху: нравственным признается то, что способствует его достижению. Вместе с тем соображения, связанные с учетом интересов других людей, как бы отодвигаются на периферию нравственного сознания и приобретают второстепенное значение. Даже простой факт попадания человека в ситуацию достижения отрицательно сказывается на проявлении у него склонности к альтруистическому поведению, готовности к оказанию помощи тем, кто в ней нуждается [8].

Следовательно, направленность на внешние достижения, по сути дела, способствует возникновению у субъекта искаженного представления о справедливости: «Ориентация на успех способна привести человека к безнравственной и эгоистической вере в то, что реальный мир «справедлив» к нему лично и равнодушен (вплоть до преступного) к другим» [11, с. 127]. Отсюда можно сделать вывод, что у субъектов, ориентированных на внешний успех, должны возникать трудности с порождением таких суждений о моральном проступке другого человека, которые и ими самими, и партнерами по общению понимаются как нравственная правда. Выше уже отмечалось, что последняя формируется с учетом объективного положения и субъективной ценностно-смысловой позиции обсуждаемого человека — это трудно учесть эгоцентрику, постоянно думающему о собственном успехе.

Наконец, третий фактор, от которого зависит формирование и развитие справедливости как психологического ядра нравственной личности, — адекватность используемых субъектом принципов справедливости тем социальным контекстам и областям человеческих отношений, на которые, по его мнению, эти принципы могут быть распространены. Западные психологи выделяют и анализируют несколько принципов справедливости: принцип равенства требует одинакового обращения со всеми людьми и недопустимости привилегий; принцип потребностей предполагает распределение ограниченных ресурсов среди членов солидарного сообщества в соответствии со всеми признанными их потребностями (например, большую часть совместно заработанных денег должен получить тот, кто вынужден кормить большую семью); принцип достижений, наоборот, ориентирован на распределение привилегий и доходов только в соответствии с мерой индивидуального вклада в совместное дело; принцип равенства шансов: справедливой считается оценка, основанная на учете не одинаковых результатов (которые, как известно, могут быть достигнуты с помощью совершенно различных средств), а равных потенциальных возможностей людей добиться успеха; принцип соблюдения традиции: справедливым признается то, что предписывает традиция [22].

В разнообразных социальных контекстах (распределения благ, при- суждения штрафов, помощи незнакомым и т.п.) предпочтительными оказываются разные принципы справедливости. Предсказать в конкретном случае, оценит ли субъект различия в положении людей как справедливые или несправедливые, можно только на основании знания того, какой принцип он считает применимым к данной предметной области. Эксперименты показали, что предпочтения принципов справедливости нельзя обобщать на все предметные области и социальные контексты. Например, на работе при определении заработной платы наиболее адекватным следует считать принцип достижений, а в дружеских отношениях многими предпочитается принцип равенства [25].

Проблема нравственной правды при рассмотрении ее под углом зрения анализа применяемых субъектом принципов справедливости в ситуациях общения фактически превращается в проблему межличностного понимания. Партнеры по общению только в том случае поймут высказывание о чем-либо проступке именно как нравственную правду, если, во-первых, каждый из них считает психологическим основанием сказанного один и тот же принцип справедливости; и, во-вторых, партнеры согласны в том, что применение этого принципа к обсуждаемому проступку является вполне допустимым и нравственно оправданным. В противном случае возможны разногласия в моральных оценках, иногда приводящие к полному взаимному непониманию. Следует заметить, что пока эта сторона формирования нравственной правды практически не изучена и требует проведения дополнительных исследований.

Переходя к психологическому анализу рефлексивной правды, необходимо подчеркнуть, что она проявляется в высказываниях людей с развитой способностью к личностной и коммуникативной рефлексии. В ситуациях общения такие субъекты склонны подвергать сомнению адекватность своей нравственной позиции, критически оценивать качества собственной личности. Они это делают главным образом для того, чтобы ответить на вопрос: имеют ли они моральное право сказать партнеру правду о его недостатках. Как показало экспериментальное исследование, лишь двое из 90 испытуемых посчитали наиболее подходящими для обсуждения чужих моральных проступков такие суждения, которые соответствовали рефлексивной правде [6].

Есть основания полагать, что высказывать рефлексивную правду обычно предпочитают люди, самореализация которых в общении происходит на конструктивном уровне развития личностной рефлексии [4]. Для них характерно, во-первых, тождество нравственных требований, предъявляемых к себе и другим; и, во-вторых, стремление соотносить внешние требования с внутренними возможностями, субъек-

тивными средствами, имеющимися в распоряжении личности и необходимыми для выполнения требуемого. Приверженцы рефлексивной правды задумываются и над формой ее выражения: они уделяют серьезное внимание моральным аргументам, помогающим обсуждаемому человеку адекватно воспринять правду, избежать конфронтации с ней. Одна группа используемых аргументов связана с попытками субъекта релятивизировать сказанное, т.е. связать суждение с прошлым, показать человеку, что его проступок не уникален — нечто подобное происходило с другими людьми в разное время и в различных условиях. Другие аргументы направлены на отделение негативных последствий содеянного от психологических особенностей личности деятеля [13].

Также психологически значимым фактором личностной детерминации рефлексивной правды является чувство «экзистенциальной вины». Понятием «экзистенциальная вина» обозначают чувство неловкости, стеснения (*Bedrangnis*), возникающее у субъекта при осознании разницы между собственным благоприятным положением и неблагоприятным положением другого человека. «Экзистенциальная вина» — не сочувствие и не эмоциональная оценка действий, а результат характеристики своего положения как сравнительно выгодного или привилегированного. Сравнение может производиться по параметрам благосостояния, (престижа, влияния, здоровья, свободного времени и т.д. [22]. Чувство • «экзистенциальной вины» возникает у совестливых людей, в частности, в тех случаях, когда они вынуждены говорить рефлексивную правду о чужом проступке. Попав в силу внешних обстоятельств и нравственных убеждений в положение прокурора, обязанного обсуждать неприглядные стороны человеческого поведения, такие люди обычно испытывают чувство внутреннего протеста и сомнения в своем праве давать моральные оценки другим. Вследствие этого «экзистенциальная вина», отражаясь в нравственном сознании, способствует формированию и развитию рефлексивной правды как диалогического психического образования: ;• неоднократному переосмыслению субъектом своей ценностно-смысловой позиции и сопоставлению ее с позицией другого человека, разрыванию циклов оценок-самооценок, выдвижению предположений о возможной реакции слушателей или читателей на высказанную правду.

Психологическим регулятором поиска смысла нравственных проблем для сторонников рефлексивной правды является совесть. «Совесть — это вторичная рефлексия по поводу своих поступков, побуждений и мотивов, возникающая, когда человек бывает способен судить ;• себя с моральной точки зрения, которую он может отличить от своей ;• собственной, частной и субъективной» [5, с. 177].

Совесть, вторичная рефлексия является фундаментальным качеством нравственного самосознания личности. Она характеризует спо-

способность человека самостоятельно формулировать нравственные обязанности, требовать от себя их выполнения и производить самооценку совершаемых поступков. «Поэтому самосознание в нравственном аспекте — это не сознание собственной значимости, а сознание собственной ответственности. Для него более характерно состояние вины, чем состояние довольства, удовлетворенности» [9, с. 309]. В качестве конкретного подтверждения жизненности этого положения можно указать на нравственную позицию Б.Ш.Окуджавы, сформулированную им в статье «Интеллигент — человек с большой совестью» («Куранты», 21 марта 1992 года, с. 7).

Чем глубже рефлексия субъекта, чем обоснованнее внутренняя мотивация собственных поступков, тем отчетливее он осознает, какую ответственность возлагает на себя, высказывая правду о поведении другого человека, выраженную в оценочных суждениях. Проведенные эксперименты выявили склонность приверженцев рефлексивной правды при осмыслении чужих моральных проступков, учитывая собственные человеческие слабости, уделять существенное внимание поиску обстоятельств, смягчающих вину оступившегося человека (возможных заблуждений, недостаточной информированности, благих намерений и т.п.). [6].

Характерная психологическая особенность таких людей состоит в том, что они стремятся как можно полнее обосновать необходимость высказывания рефлексивной правды (или отказа от нее). Средством обоснования является анализ субъектом своих мотивов, поиски ответа на вопрос: что побуждает меня сказать правду о чужом моральном проступке? Хотя, на первый взгляд, это кажется парадоксальным, но самоанализ углубляет знания субъекта не только о себе, но и о психологии другого человека: рефлексия помогает ему решить, есть ли основания для того, чтобы считать поступок проступком. Тот, кто впоследствии осознает, что ошибся, возлагает на себя нелегкий груз нравственной ответственности. Важность проблемы различения поступков и моральных проступков люди осознали много веков назад. В частности, Аврелий Августин писал: «Есть некоторые действия, напоминающие проступок или преступление, и тем не менее это не грехи, потому что они не оскорбляют ни Тебя, Господи Боже наш, ни общества: человек, например, добыл для себя некоторые предметы, соответствующие и его образу жизни и времени, но, может быть, из страсти к приобретению? Желая кого-то исправить, наказывают его, пользуясь своей законной властью, но, может быть, из страсти причинять вред?» [1, с. 98-99].

В современных условиях при анализе когнитивных и личностных детерминант формирования рефлексивной правды нельзя не учитывать такого фактора как существование в сознании людей различных

религиозных верований. У верующих и неверующих образы социального мира существенно различаются. В частности, подлинно религиозные люди показывают более высокие результаты по шкале «веры в справедливый мир» и обнаруживают меньшую склонность к авторитаризму, чем те, кто редко соблюдает обряды и посещает церковь. Тем не менее «высокорелигиозные» субъекты описывают социальную реальность в более негативных терминах, чем «среднерелигиозные»; однако первые оценивают окружающий мир как вполне терпимый, в то время как вторые выражают меньшую готовность принимать социальную реальность такой, какая она есть [26]. Естественно было бы предположить, что верующие люди более снисходительны к недостаткам ближних и потому больше ценят в общении рефлексивную правду.

Эта гипотеза, конечно, требует научного доказательства, однако уже сегодня очевидны два обстоятельства весьма существенные для раскрытия психологических механизмов понимания рефлексивной правды. Во-первых, то, что совесть является одним из центральных компонентов христианского религиозного сознания, определяющим весь строй отношений верующих с окружающими [16]. Во-вторых, психологу необходимо учитывать противоречивое единство осознаваемых и неосознаваемых образующих формирования рефлексии и совести. С одной стороны, нельзя забывать, что рефлексия является в значительной степени неосознаваемым психическим процессом. Вероятно, именно это дает основание В.Е. Франклу говорить о совести как «подсознательной духовности»: наиболее значимые для бытия человека «экзистенциальные решения» чаще всего принимаются рефлексивно, и психологические корни таких решений следует искать в его подсознании. С другой стороны, Франкл отмечает, что совесть как глубоко персонализированная религиозность (совсем не обязательно связанная с институтом церкви) есть осознание субъектом ответственности за свои поступки, бытие в мире [18].

Таким образом, формирование понимания рефлексивной правды о моральном проступке другого человека происходит одновременно в трех взаимосвязанных направлениях: 1) усвоения субъектом предметного содержания поступка, попыток понять истинные мотивы и обстоятельства его совершения; 2) рефлексии собственного «я», анализа причин желания сказать правду и нравственных последствий ее высказывания; 3) моделирования реакции партнера на правду и стремления наиболее адекватно «вписать» содержание правды в ценностно-смысловую структуру личности собеседника.

Итак, сравнительный этико-психологический анализ показал, что в нормативной этике правда рассматривается как единый для всех людей моральный образец, на который они должны ориентироваться

в повседневной жизни. В отличие от этики в психологии нравственно-го сознания выделяются, по меньшей мере, три различных типа правды, три способа понимания ее сущности. Для понимания субъектом высказанной собеседником правды о поведении третьего лица ему недостаточно следовать предписываемым нормативной этикой моральным нормам и верить, что партнер не лжет. Тип понимания правды, смысл обсуждаемого события для субъекта, во-первых, зависит от того, в какие нравственные принципы преобразуются в его сознании моральные нормативные суждения. Во-вторых, формирование определенного типа понимания правды о чем-либо проступке происходит под влиянием как психологических, так и непсихологических факторов: пола субъекта, степени его информированности об обстоятельствах совершения проступка, самооценки честности, представлений о справедливости и др. В проведенном исследовании намечены только основные направления изучения личностной и когнитивной детерминации трех типов понимания правды. Для того чтобы понятия инструментальной, нравственной и рефлексивной правды превратились в надежное средство объяснения социальных феноменов (таких, как «разоблачительные публикации»), каждое из намеченных направлений должно стать предметом углубленного научного анализа.

Литература

1. *Августин А.* Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского. М.: Ренессанс, 1991.
2. *Бердяев Н.А.* Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.: Книга, 1991.
3. *Брошусь Б.С.* Аномалии личности. М.: Мысль, 1988.
4. *Волкова М.В.* Взаимосвязь рефлексии и уровня притязаний в решении мыслительных задач: Дис.... канд. психол. наук. М., 1989.
5. *Дробницкий О.Т.* Понятие морали. М.: Наука, 1974.
6. *Знаков В.В.* Типы понимания правды о негативных явлениях 1960—1980 гг. // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 3. С. 15-29.
7. *Знаков В.В.* Психологический портрет участника войны в Афганистане в массовом сознании // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 6. С. 26—39.
8. *Нартова-Бочавер С.К.* Ситуация достижения как фактор изменения готовности к помощи. Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1992.
9. Словарь по этике. М.: Политиздат, 1989.
10. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1939. Т. 3. С. 690.
11. *Тульчинский Г.Л.* Разум, воля, успех: О философии поступка. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1990.
12. *Цвейг С.* Казанова. Фридрих Ницше. Зигмунд Фрейд. М.: Интерпракс, 1990.
13. *Baron D., Charity I.W.* The role of truth in psychic healing: How do children of perpetrators of the holocaust from their morality // The reality of trauma

in everyday life: Implications for intervention and policy. Proceedings International Society for Traumatic Stress Studies. 7th Annual Convention. Washington., 1991. P. 83.

14. *Blasi A.* Bridging moral cognition and moral action: A critical review of literature // Psychological Bulletin. V. 88. № 1. P. 1-45.
15. *Dolinski D.* What is the source of the belief in an unjust Polish world? // Polish Psychological Bulletin. 1991. V. 22. № 1. P. 41-51.
16. *Ebeling G.* Theologische Erwagungen uber Gewissen // Das Gewissen in der Diskussion. Darmstadt, 1976. S. 142-161.
17. *Fjordbak T.* Clinical correlates of high lie scale elevations among forensic patients // Journal of Personality Assessment. 1985. V. 49. № 3. P. 252-255.
18. *Frankl V.E.* Der unbewusste Gott: Psychotherapie und Religion. Munchen, 1988.
19. *Gibbard A.* Wise choices, apt feelings: A theory of normative judgment. Cambridge, 1990.
20. *Gilligan C* In a different voice: Psychological theory and women's development. Cambridge, 1982.
21. *Lerner M.J.* The belief in a just world: A fundamental delusion. N.Y., 1980.
22. *Montada L., Dalbert C., Reichle B., Schmitt M.* Urteile uber Gerechtigkeit, «existentielle Schuld» und Strategien der Schuldabwehr // Moralische Zugänge zum Menschen. Zugänge zum moralischen Menschen. Munchen, 1986. S. 205-225.
23. *Moralität und Sittlichkeit. Das Problem Hegels und die Diskursethik.* Frankfurt am Main, 1986.
24. *Schmitt M.* Ungerechtes Schicksal und Personenbewertung // Zeitschrift für Sozialpsychologie. 1991. Bd. 22. № 3. S. 208-210.
25. *Schmitt M., Montada L.* Determinanten erlebter Gerechtigkeit // Zeitschrift für Sozialpsychologie. 1982. Bd. 13. № 1. S. 32-44.
26. *Szmajke A.* Religiousness, belief in a just world, authoritarianism and subjective image of social life in Poland at the decline of real socialism // Polish Psychological Bulletin. 1991. V. 22. № 1. P. 33-42.
27. *Yacker N., Weinberg S.L.* Care and justice moral orientation: A scale for its assessment // Journal of Personality Assessment. 1990. V. 55. № 1—2. P. 18—27.

НЕПРАВДА, ЛОЖЬ И ОБМАН КАК ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ПОНИМАНИЯ

Опубликовано: Вопросы психологии. 1993. № 2. С. 9—16.

«Ложь существует на свете. Она в нас и вокруг нас. Нельзя закрывать на это глаза. «Всякий человек есть ложь», — говорится в псалме 115 (ст.2). Мы могли бы перевести это так: человек есть существо, способное лгать».

Х. Вайнрих

В последнее время в гуманитарных науках наблюдается лавинообразное нарастание интереса к проблемам понимания сущности правды и ее психологических антиподов — лжи, обмана и неправды. Причины актуальности этих проблем очевидны: широкое распространение указанных коммуникативных феноменов определяет их социальную значимость и диктует настоятельную потребность в их изучении. Всего несколько лет назад анализ причин лживости детей и взрослых занимал в основном педагогов и юристов, а честность была предметом исследования специалистов по психологии личности. Сегодня в связи с изменением социальной обстановки в стране указанные вопросы интересуют ученых самых разных специальностей — социологов, этиков, специалистов по маркетингу и т.п. Названия их статей вряд ли нуждаются в пространных комментариях: «Ложь как состояние сознания», «Полуправда», «Дебри неправды и метафизика истины» [1,6,11].

Однако анализ отечественных психологических публикаций показывает, что несмотря на очевидную актуальность обсуждаемой темы в нашей науке почти нет исследований, посвященных изучению закономерностей порождения и понимания правды, лжи, неправды и обмана в системах коммуникации. Лишь в самое последнее время были сделаны первые шаги в направлении изучения психологического со-

держания правды. Проведенный теоретический и экспериментальный анализ психологических механизмов понимания правды в ситуациях межличностного общения выявил три основные ее типа — инструментальную, нравственную и рефлексивную правду [8, 9].

Исследования обнаружили, что в контексте анализа общения и взаимопонимания логическая категория «истина» по содержанию и объему оказывается беднее психологической категории «правда». Истина и правда устанавливаются относительно хотя и частично пересекающихся, но все же разных миров. Истина — характеристика суждения об объективной отстраненной от человека реальности, а правда — атрибут канала коммуникации, о правде уместно говорить только применительно к миру общающихся и понимающих друг друга людей. Правда всегда содержит зерно истины — без этого она не может быть правдой. Но этого зерна еще недостаточно для того, чтобы истинное событие стало правдой в коммуникативной ситуации. Во-первых, объективно истинное событие становится правдой в ситуации общения только в том случае, если общающиеся верят, что событие действительно произошло. Во-вторых, субъекты общения обычно воспринимают как правдивые не все высказывания об обсуждаемых истинных событиях, явлениях, фактах, а только, по их мнению, правдоподобные те, которые они понимают. Наконец, в-третьих, многие считают истинность второстепенным признаком правдивости суждений о поведении людей, а основным — их соответствие требованиям справедливости. При этом главным оказывается вопрос не о том, верно ли в суждении отражена действительность, а насколько оно согласуется с представлением о правде как «жизненном идеале, справедливости, основанном на справедливости порядке вещей» [12].

Если с психологическим анализом правды в отечественной психологии дело наконец сдвинулось с мертвой точки, то нельзя сказать того же про исследование ее семантических антиподов — лжи, неправды и обмана. Несмотря на актуальность указанных проблем, в нашей науке до сих пор нет ответа даже на вопрос, первым возникающий у любого психолога, обращающегося к их изучению: «Существует ли какое-то различие между психологическим содержанием лжи, неправды и обмана или это просто синонимы?» Между тем зарубежные ученые давно и плодотворно работают в этой области.

Значительная часть их исследований посвящена «детектору лжи»: теории построения полиграфа и эффективности его применения в различных областях практики, например при доказательстве обвинения в суде [21]. Большое внимание западные психологи уделяют анализу вербальных и невербальных признаков, на которые ориентируется человек, считающий, что партнер по общению лжет. В частности, при приеме на работу подозрение, что претендент лжет с целью произвести

лучшее впечатление, возникает у принимающего в тех случаях, когда его собеседник слишком долго обдумывает ответы на простые вопросы, отвечает неопределенно, пропускает необходимые детали, избегает зрительного контакта [18]. Аналогичные результаты получены при изучении того, на какие признаки ориентируются таможенники, определяя наличие или отсутствие у пассажира контрабандного груза [19].

Скромнее представлены результаты исследования когнитивного и личностного содержания изучаемых психологических феноменов — лжи и обмана. В этом плане заметным научным событием стала статья Р. Хоппера (R. Horrer) и Р.А. Белла (R.A. Bell), предпринявших попытку расширить концептуальные рамки понятия «обманное общение» (deceptive communication). Авторы отмечают, что обман не ограничивается словами: обманывать можно и посредством действий. Они также обращают внимание читателя на то, что не всякий обман включает акт лжи: обманщики могут использовать истинную информацию, провоцируя собеседника на ошибочные выводы из нее [17]. Однако как в этой работе, так и в публикациях других исследователей отсутствуют указания на характерные признаки обмана и лжи, по которым их можно различать в ситуациях общения.

Цель статьи — осуществить теоретический анализ сходства и различия в психологическом содержании неправды, лжи и обмана, а также выявить особенности их понимания людьми в разных коммуникативных ситуациях.

* * *

Неправда в средствах массовой информации и ситуациях межличностного общения обычно проявляется в двух разновидностях. Во-первых, неправда как вербальный эквивалент заблуждения: человек верит в реальность существования чего-то, но ошибается — в результате он говорит неправду, сам того не понимая. Так, спортсмен в кругу друзей может рассказывать, что его соперник перед соревнованиями употребляет допинг.

Во-вторых, неправда как следствие ограниченности знания, неполноты истины: описание говорящим внешней стороны поступка другого человека (например, вступления в общество «Память») при незнании мотивов последнего и конкретных обстоятельств, в которых реализуется поведение. В социальном познании правдивыми следует считать только такие сообщения о поведении людей, в которых отражены все три основных компонента любого поступка — действие, его цель и внешние условия. В противном случае данных, необходимых для адекватного понимания поступка, оказывается недостаточно. Обычно это приводит к искажению реальной картины описываемых событий в сознании понимающего субъекта, и, следовательно, превращению правды в неправду.

Наша жизнь изобилует парадоксальными, на первый взгляд, ситуациями, в которых один из партнеров не лжет, сознательно не извращает фактов, но тем не менее говорит неправду. Примером может служить утверждение, которое в последнее время довольно часто можно услышать или прочитать: «Н. еще в семидесятых годах дал добровольную подписку о сотрудничестве с КГБ». Сегодня такие утверждения, как правило, высказываются с оттенком осуждения, отрицательным эмоциональным подтекстом. Однако люди, считающие подобные обвинения морально оправданными, нередко не имеют понятия о том, что Н. «добровольно» подписал соответствующий документ под давлением, т.е. в условиях шантажа и реальной угрозы благополучию, а, может быть, и безопасности родных и близких. Формально обвиняющие не лгут, но все же говорят неправду: правда заключается в том, что, хотя Н. и вынужден был сотрудничать с «компетентными органами», но старался сообщать как можно меньше сведений, компрометирующих других людей.

Таким образом, для квалификации неправды как категории психологии взаимопонимания нам прежде всего необходимо определить, в какой степени мысли испытуемого о действительности соответствуют самой действительности. Иначе говоря, следует признать модель мира испытуемого верной или ошибочной.

Другое направление психологического анализа неправды требует изучения целевых компонентов поведения общающихся людей. Как свидетельствуют приведенные выше примеры, отличительным признаком неправды, характеризующим обе ее разновидности, является отсутствие у субъекта намерения исказить факты, в частности передать ложные сведения о другом человеке. Следовательно, для подтверждения или отрицания наличия неправды в высказывании субъекта о ком-либо нужно установить, что он действительно думает об этом человеке. Другими словами, необходимо установить соответствие мысли высказыванию. Продвигаясь по двум указанным направлениям анализа поведения партнеров по коммуникации, психолог сможет дифференцировать неправду как произвольную фактическую ложность сообщений и неискренность как важный элемент сознательной лжи.

Ложью обычно называют умышленную передачу сведений, не соответствующих действительности. Наиболее распространенное в европейской культуре определение указанного феномена восходит к Блаженному Августину: «Ложь — это сказанное с желанием сказать ложь» (цит. по: [4, с. 47]). Цель лгущего — с помощью вербальных или невербальных средств коммуникации дезинформировать партнера, ввести его в заблуждение относительно истинного положения дел в обсуждаемой области. В ситуации общения ложь является выражением намерения одного из собеседников исказить «правду-истину» [2]. Ложь имеет

отношение прежде всего к истинностным составляющим знания о мире как самого лгуна, так и понимающего лживое высказывание субъекта. Она направлена на такую коррекцию референтного компонента модели мира понимающего, которая противоречит действительности.

Понятие лжи является предметом исследования во многих в гуманитарных науках [4, 7], но пока это мало способствует выявлению ее специфики в разных областях практической и теоретической деятельности. В частности, не определены отличительные признаки категории лжи в логике и психологии: если ограничиться характеристикой лжи только как оценки суждений, в которых неверно представлены факты, то эти признаки становятся неразличимыми. Например, трудно понять, при описании каких познавательных и коммуникативных ситуаций следует использовать пару логических антонимов «истина — ложь», а когда более уместным является употребление психологической оппозиции «правда — ложь». Решение проблемы значительно упрощается, если учесть, что в квалификации лжи как категории психологии взаимопонимания существенную роль играет анализ не только истинностных составляющих знания, но и целевых аспектов поведения субъектов общения.

Как отмечалось выше, в логике и психологии понимания не тождественны объем и содержание понятий правда и истина — так же обстоит дело и с категорией лжи. С логической точки зрения, любое суждение, в котором искажены факты, неверно отражена действительность, следует признать ложным независимо от того, хотел говорящий солгать или нет. «Для суждения характерно, что оно всегда является либо истинным, либо ложным объективно, т.е. независимо от того, полагает ли его тот или иной человек истинным или ложным» [5, с. 92].

С позиций психологии понимания, ложными оказываются не только те сообщения, в которых извращаются факты. Для квалификации лжи как психологической категории достаточно, чтобы один из партнеров по общению, высказывая какое-либо суждение, думал, что он лжет, т.е. считал, что умышленно искажает факты. Это утверждение может показаться парадоксальным, но человек может лгать, сообщая собеседнику истину. Допустим, что у субъекта А. есть знакомый, который ему не нравится, и он хочет сделать так, чтобы у того были неприятности. А. сказал знакомому, что поезд, на котором тот должен ехать в командировку, отходит на час позже срока, запомненного А. при чтении расписания. Но А. ошибался: поезд действительно отправился на час позже, и его знакомый благополучно уехал. Объективно сказав истину, субъективно А. солгал. Следовательно, для того чтобы лгать, не обязательно знать факты — было бы желание исказить их!

Анализ целей субъектов общения дает психологу возможность отделить правду от лжи и в семантически противоположных ситуациях:

когда произносимая одним из партнеров неистина является правдой, а не ложью. Я имею в виду различные формы иносказания (аллегории, иронию, шутку и т.п.), т.е. слова и выражения, обретающие в контексте речи смысл, противоположный их буквальному значению. Например, в драме Шекспира «Юлий Цезарь» Антоний, обращаясь к горожанам, неоднократно называет Брута, Кассия и других убийц Цезаря почтенными людьми. Называя их так, Антоний приводит одно за другим свидетельства неблагодарности и предательства «почтенных людей». В конце концов горожане правильно понимают смысл речи Антония и обращают свой гнев на убийц Цезаря. Называя последних почтенными людьми, Антоний не лгал: произносимая вслух противоположное тому, что подразумевал, он хотел, чтобы слушатели поняли смысл, а не значение сказанного.

В человеческом общении иронию, метафору, шутку и т.п. нельзя считать ложью: это правдивое описание действительности, не имеющее целью фальсифицировать истину. Цель такого описания — раскрыть особенности объекта, а не увести от него в сторону. В частности, нелепо было бы буквально воспринимать известное пушкинское присловье: «Сказка ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок». Сказка не является ложью потому, что сказочник никогда не скрывает, что рассказывает не о реальном мире, а о выдуманном. И потому даже дети понимают, что любая сказка — правда, а не ложь. Однако сказка это правда особого рода: она характеризует истинность знаний рассказчика и слушателя, относящихся не к реальному миру, а к существующей в их сознании модели мира. В рамках такой модели описания русалок, сидящих на ветвях, братца Иванушки, превращающегося в козленочка, и т.п. оказываются вполне правдивыми, т.е. не противоречащими представлению человека о закономерностях функционирования вымышленного мира. Вместе с тем и слушающий, и рассказывающий сказку знают, что придуманный мир не во всем соответствует действительности.

Таким образом, так же как при научной квалификации неправды, в процессе психологического анализа лжи следует различать референтные и концептные аспекты лживого сообщения: отношение сказанного (или показанного) к действительности и к особенностям ее отражения в психике субъектов общения.

В научной литературе обсуждаются как личностные, так и ситуативные (field-deceptive context [22]) детерминанты порождения лжи в коммуникативных системах. Психологические исследования показывают, что чаще лгут субъекты с малой устойчивостью к стрессу, повышенной тревожностью, невротичностью, а также склонные к совершению антисоциальных поступков [16]. Кроме того, у экстерналов наблюдается более выраженная тенденция лгать в различных ситуациях, чем у интерналов [20]. Академические и клинические исследо-

вания не обнаружили связи между оценками по шкалам лжи личностных опросников и уровнем интеллекта и образования испытуемых. Интересно, что способность успешно лгать другим совершенно не связана с умением определять, когда лгут тебе [15].

Наряду с личностными особенностями субъектов общения существенную роль в порождении и понимании лжи играют ситуативные факторы. Важным параметром социальной обстановки является степень нормативной или ситуативной поддержки, которая предоставляется лжецу. Иногда мы просто вынуждены лгать: если в один прекрасный день все психологи примут решение никогда не вводить в заблуждение испытуемых, то многие эксперименты станут невыполнимыми. Однако при этом нам не уйти от проблемы моральной оправданности лжи. Эта проблема возникает и в других областях человеческого бытия. Давно установлено, что есть такие ситуации, в которых ложь почти целиком обусловлена обстоятельствами, и такие, в которых моральная ответственность обычно возлагается на солгавшего. Очевидно, что если военнопленный лжет врагам, то его ложь более оправданна, чем поступки тех, кто лжет священнику, доктору или близким друзьям [15]. Конкретные обстоятельства, разумеется, могут быть и не настолько однозначными, они могут способствовать возникновению серьезных нравственных проблем, связанных с «ложью во спасение». Например: следует ли командиру терпящего бедствие самолета сказать пассажирам правду или солгать им, что «полет проходит нормально»? Вместе с тем в целом ясно, что ситуативные факторы создают благоприятный или неблагоприятный фон для порождения и понимания ложных сообщений.

Я думаю, что применительно к российским условиям есть все основания для утверждения, что благоприятной предпосылкой распространения лжи в отношениях между россиянами является сложившаяся в нашей стране социокультурная ситуация. «Скоро двадцать лет солженицынскому воззванию «Жить не по лжи». Российские диссиденты размножали его на бумаге и старались жить по нему. Благодаря этому сегодня российская интеллигенция может гордиться: призыв был услышан, на бой с ложью вышли сотни людей. Однако никто не гордится: очевидно, бой выиграла ложь» [10]. В последнее время такая черта характера, как честность, все больше напоминает шагреновую кожу: ее моральная ценность убывает в глазах все большего числа людей. В одном из проводимых мной в 1992 году экспериментальных исследований 196 испытуемых, различающихся по возрасту, полу и социальному положению, должны были выразить согласие или несогласие с утверждением: «Большинство людей готовы поступить не совсем честно ради собственной выгоды». 151 испытуемый ответил «да» и только 45 человек не согласились с таким мнением ($\chi^2 = 56.25$;

$p < 0.001$). В другом исследовании 62 участника войны в Афганистане заполняли опросник Басса-Дарки. Вопрос № 59 в нем формулируется так: «Раньше я думал, что большинство людей говорит правду, но теперь я в это не верю». 50 «афганцев» ответили, что действительно потеряли веру в правдивость большинства людей ($\chi^2 = 22.08$; $p < 0.01$).

Эти данные подтверждают результаты опросов, неоднократно проводимых журналистами на улицах Москвы и других российских городов: значительная часть населения страны считает неправду неотъемлемой частью нашего бытия. Соответственно люди воспринимают ложь как такой феномен межличностного, межгруппового и межнационального общения, на который нельзя закрывать глаза, но с которым практически невозможно бороться — ее нужно принимать как данность. Подобные представления, укореняясь в массовом сознании, создают благоприятную социально-психологическую почву для порождения не только откровенной лжи, но и для более изощренных ее форм, связанных с обманом.

Дж.А. Подлесны (J.A.Podlesny) и Д.С.Раскин (D.C. Raskin) считают, что «обман может быть определен как поступок или утверждение, цель которого — скрыть истину от другого или ввести его в заблуждение» [22, с. 782]. По моему мнению, такое определение является слишком обобщенным, неконкретным и потому требующим уточнения. Обман это полуправда, сообщенная партнеру с расчетом на то, что он сделает из нее ошибочные, не соответствующие намерениям обманывающего выводы. Полуправда — потому что, сообщая некоторые подлинные факты, обманщик умышленно утаивает другие, важные для понимания целого. Например, в ноябре 1992 года И.Н. Бугримова, К.С. Лучко, Л.В. Шапошникова и другие известные артисты от имени ассоциации «За дружбу народов» были приглашены на вечер, который должен был состояться в Центральном доме работников искусств. Им было сказано, что на сцену выйдут исключительно «народные артисты СССР». Однако никого из артистов не предупредили, что планируемое мероприятие имеет политический оттенок: оно посвящено 70-летию образования СССР. И понятно, почему не предупредили: если бы это было сделано, то некоторые из приглашенных отказались бы прийти [3].

Вместе с тем неверно было бы полагать, что любая полуправда является обманом. Если человек честно признает, что он не может открыто высказать все, что знает о каком-либо случае, то он не обманывает окружающих, а просто говорит неполную правду. Так может поступить начальник уголовного розыска на встрече с журналистами. Социальные, моральные и психологические аспекты полуправды раскрываются в интересной монографии С. Бок (S. Bok) [14], ранее написавшей книгу о лжи [13]. В межличностных отношениях «честная полуправда» мо-

жет проявляться в такой черте характера как скрытность. Например, из психологических исследований известно, что люди, побывавшие в экстремальных условиях, в которых говорить правду было небезопасно, нередко испытывают затруднения в установлении близких отношений с родными и окружающими. В частности, у ветеранов войн во Вьетнаме и Афганистане одной из главных причин подобных трудностей является неосознанное нежелание раскрываться перед другим человеком.

Успешный обман обычно основывается на эффекте обманутого ожидания: человек, которого обманывают, учитывая полученную правдивую информацию, прогнозирует развитие событий в наиболее вероятном направлении, а обманывающий поступает так, что нарушает его ожидания. Цель обмана в том и состоит, чтобы направить мышление собеседника по пути актуализации часто встречающихся знакомых ситуаций. Обманутый всегда является невольным соучастником обмана: он жертва собственных неадекватных представлений о действительности. 25 ноября 1992 года в газете «Московский комсомолец» была напечатана заметка о продаже в зеленоградском магазине «Электроника» телевизоров марки «Юность 406 ВЕ». Поскольку телевизор отечественный, то покупатели, естественно, надеялись, что по нему можно будет смотреть пять телевизионных программ, транслируемых из Москвы. Однако дома никому из неудачливых покупателей не удалось настроить приемник хотя бы на один из каналов. Как оказалось, экспортный вариант «Юности» по своей конструкции не подходит для приема наших телепрограмм. Зная это представители посреднической фирмы не смогли реализовать товар в Югославии и поставили его в отечественный магазин — они обманули покупателей.

К сожалению, в наше время люди часто оказываются одураченными мошенниками. Чаще всего это происходит потому, что мы наивно думаем, что человек, с которым мы вступаем в товарно-денежные отношения, непременно поступит так же, как сами повели бы себя на его месте. И ошибаемся. Поэтому сегодня так важны научные исследования психологических механизмов понимания обмана. Понимание обмана требует от субъекта ответа, по крайней мере, на два вопроса: 1) есть ли основания для того, чтобы считать полученное сообщение обманом? и 2) каковы подлинные установки и цели человека, передавшего сообщение? Психологические эксперименты показывают, что на успешность понимания влияет порядок, в котором субъект отвечает на эти вопросы. Было обнаружено, что если правда и обман предварительно дифференцируются на уровне анализа намерений передающего сообщение, то субъекту легче оценить, насколько сказанное соответствует действительности [23].

В межличностных отношениях обман, как правило, проявляется в оценках поступков. Обычно используется простой проверенный века-

ми способ: внешняя канва поступка другого человека передается точно, но вместе с тем подлинные обстоятельства его совершения умышленно утаиваются, а намерения совершившего поступок искажаются с помощью произвольной, не ограниченной фактами интерпретации. Нередко это приводит не только к неадекватной отрицательной оценке поступка обманутым индивидом, но и к неправомерным обобщениям психологических качеств личности совершившего поступок. Например, субъект говорит приятелю об их общем знакомом: «Ф. скуповат по натуре — он никогда не подаст нищему и гроша». Однако субъект хорошо знает, что Ф., помимо содержания детей, значительную часть своего весьма скромного заработка отдает малообеспеченным родителям пенсионерам. На помощь кому-то другому у него просто не хватает денег. Следовательно, субъект сознательно обманывает приятеля.

Обман может быть не только вербальным, не менее распространен «обман действием». Один из примеров — безбилетный проезд в общественном транспорте. Человек входит в городской автобус, т.е. совершает такое же «истинное», «правдивое» действие, как и другие пассажиры, но не пробивает талончик. Наиболее вероятная реакция большинства пассажиров (возникающая если не в сегодняшней экономической ситуации, то, по крайней мере, несколько лет назад) предположение о том, что у него есть проездной билет или эквивалентный проездному документ. Цель «зайца» — обмануть окружающих, делая вид, что он имеет законное право не пробивать талончик.

Таким образом, как и неправда, обман основан на неполноте информации, сообщаемой вводимому в заблуждение человеку. Отличие неправды от обмана определяется целями передающего сообщение субъекта. Главное, что роднит обман с ложью — сознательное стремление субъекта исказить истину. Их различие заключается в следующем: ложь направлена на изменение референтного компонента знания собеседника об обсуждаемой ситуации, а обман обращен к концептной составляющей знания, субъективной модели мира партнера по общению. В обманном сообщении нет прямых искажений истины, они появляются в сознании обманываемого человека как результат ошибочных выводов из правдивой информации. Добиться такого результата с помощью многозначительных умолчаний и выразительной мимики — тайная цель каждого обманщика.

* * *

Итак, для определения неправды, лжи и обмана как категорий психологии понимания исследование содержания этих феноменов необходимо осуществлять одновременно в двух взаимопересекающихся плоскостях анализа. Одно направление исследования — анализ установок, отноше-

ний, намерений передающего сообщение субъекта, другое — выявление степени соответствия сообщения действительности. При таком подходе неправду можно охарактеризовать как высказывание, основанное на заблуждении или неполном знании; ложь как сознательное искажение знаемой субъектом истины, а обман как полуправду, провоцирующую понимающего ее человека на ошибочные выводы из достоверных фактов.

Литература

1. Ахиезер А.С. Дебри неправды и метафизика истины // *Общественные науки и современность*. 1991. № 5. С. 28—36.
2. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // *Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции*. М.: Новости, 1990. С. 5—26.
3. Бобров С. Дураят голову нашему брату! // *Куранты*. 1992. № 225.
4. Вайнрих Х. Лингвистика лжи // *Язык и моделирование социального взаимодействия*. М.: Прогресс, 1987. С. 44—87.
5. Торский Д.П. Логика. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1963.
6. Тусейнов Г.Ч. Ложь как состояние сознания // *Вопросы философии*. 1989. № 11. С. 64—76.
7. Запасник С. Ложь в политике // *Философские науки*. 1991. № 8. С. 94—107.
8. Знаков В.В. Типы понимания правды о негативных явлениях 1960—1980 гг. // *Психологический журнал*. 1991. Т. 12. № 3. С. 15—29.
9. Знаков В.В. Понимание субъектом правды о моральном проступке другого человека: нормативная этика и психология нравственного сознания // *Психологический журнал*. 1993. Т. 14. № 1. С. 32—43.
10. Кротов Я. Жить не по лжи: круг третий // *Куранты*. 1992. № 222. С. 6.
11. Свинцов В.И. Полуправда // *Вопросы философии*. 1990. № 6. С. 53—62.
12. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1939. Т. 3. С. 690.
13. Bok S. Lying: Moral choice in public and private life. N.Y., 1979.
14. Bok S. *Secrets: On the ethics of concealment and revelation*. Oxford, 1984.
15. DePaulo B.M., Rosenthal R. Telling lies // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1979. V. 37. № 10. P. 1713-1722.
16. Fjordbak T. Clinical correlates of high lie scale elevations among forensic patients // *Journal of Personality Assessment*. 1985. V. 49. № 3. P. 252-255.
17. Hopper R., Bell R.A. Broadening the deception construct // *Quarterly Journal of Speech*. 1984. V.70. № 3. p. 288-302.
18. Kraut R.E. Verbal and nonverbal cues in the perception of lying // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1978. V. 36. № 4. P. 380-391.
19. Kraut R.E., Poe D. Behavioral roots of person perception: The deception judgments of customs inspectors and laymen // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1980. V. 39. № 5. P. 784-798.
20. Lefcourt H.M. Locus of control: Current trends in theory and research. Hillsdale, 1976.
21. Lykken D.T. The detection of deception // *Psychological Bulletin*. 1979. V. 86. № 1. P. 47-53.
22. Podlesny J.A., Raskin D.C. Physiological measures and the detection of deception // *Psychological Bulletin*. 1977. V. 84. No 4. P. 782-799.
23. Zuckerman M., Koestner R., Colella M.J., Alton A.O. Anchoring in the detection of deception and leakage // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1984. V. 47. № 2. P. 301-311.

САМООЦЕНКА ПРАВДИВОСТИ И ПОНИМАНИЕ СУБЪЕКТОМ ЧЕСТНОСТИ

Опубликовано: *Психологический журнал*. 1993. Т. 14. № 5. С. 13-23.

«Яе следует обижаться на людей, утаивших от нас правду: мы и сами постоянно утаиваем ее от себя»

Ларошфуко

Мы живем в эпоху перемен, которая останется в памяти потомков как период, когда в обществе и сознании миллионов россиян происходили радикальные преобразования. Многие моральные ценности, оказавшие значительное влияние на формирование характера и нравственного сознания нескольких поколений людей, сегодня подвергаются переосмыслению и переоценке. В частности, в последнее время наблюдается изменение представлений наших соотечественников о нравственной ценности и психологическом содержании таких моральных категорий, как правдивость и честность. Сложная социально-политическая и экономическая обстановка в стране порождает у людей множество вопросов, на которые трудно получить однозначные ответы: можно ли считать правдивым журналиста, предавшего гласности подробности частной жизни политического деятеля, не спросив у него разрешения? честно ли поступил предприниматель, утаивший от партнера незапланированную дополнительную часть совместной прибыли, полученную в результате его личной инициативы, деловой активности? и т.п.

Всего несколько лет назад человека, нашедшего бумажник с деньгами и вернувшего его владельцу, большинство из нас без колебаний называли бы честным. А сегодня все чаще раздаются голоса тех, кто полагает, что честным следует называть того, кто вернул найденное, но потребовал за это определенное вознаграждение. По их мнению, ситуация безвозмездного возврата найденной вещи незнакомому человеку — вымышленная, не встречающаяся в реальной жизни, и потому обсуждать

ее бессмысленно. Очевидно, что в массовом сознании происходит изменение нормативных представлений о правилах честных и нечестных отношений между людьми. Это особенно заметно при сравнении моральных принципов старшего поколения с мировоззрением тех школьников старших классов, для которых пушкинский «мой дядя самых честных правил» является анахронизмом, воспринимается ими как комический персонаж, совершенно не соответствующий духу нашего времени.

В этой связи в современных условиях становятся актуальными психологические исследования объективных и субъективных факторов, влияющих на понимание человеком честности и правдивости. Однако несмотря на очевидную теоретическую и практическую значимость таких исследований, в отечественной психологии отсутствуют данные о том, каким смыслом обладают для взрослых людей понятия честности и правдивости: из каких компонентов, по их мнению, формируются указанные черты характера и как они проявляются в межличностном общении.

Западные психологи, как правило, изучают различные проявления в общении обратной стороны обсуждаемых психологических феноменов — нечестности, лжи и обмана. Причем характерно, что упоминания о правдивости можно найти в основном именно в таком контексте. Как самостоятельный предмет исследования данный психологический феномен не рассматривается. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что в предметном указателе реферативного журнала «Psychological Abstracts» за 1990 и 1991 годы есть слова «честность», «ложь», «обман», но нет термина «правдивость». Другая характерная черта работ зарубежных психологов заключается в том, что за редким исключением (см., например, [12]), в них обсуждаются не личностные, а ситуативные факторы, побуждающие субъекта к обману, совершению нечестных поступков [15]. Такой подход не случаен, он основан на убеждении, что честность не определяется каким-то конкретным свойством личности. Результаты экспериментов привели исследователей к выводу, что «честность как «характерная черта» оказывается настолько включенной в ситуативный контекст, что возможности ее измерения являются ограниченными» [17 с. 411].

Вместе с тем из многочисленных исследований «Я-концепции» [19] известно, что поступки человека детерминируются не только ситуативными факторами. На формирование поведения субъекта влияет его самооценка — сплав когнитивных представлений о свойствах собственной личности, их критического осмысления и эмоционально-ценностного отношения к ним. Самооценка, являясь продуктом самосознания, одновременно оказывается и необходимым условием, существенным моментом его развития. Решая различные познавательные и коммуни-

кативные задачи, мы всегда оцениваем свои возможности, соотносим их с конкретными обстоятельствами, после чего принимаем решение о действиях. В свою очередь, действия, поступки детерминируют развитие сознания и личности. На основании сказанного выше можно предположить, что общие закономерности взаимодействия личностных и ситуативных факторов формирования и развития самосознания должны проявиться и при психологическом анализе частного случая — соотношения самооценки правдивости и понимания субъектом правил честного поведения в различных объективных обстоятельствах.

Цель статьи — изучить взаимосвязь самооценки правдивости субъекта и понимания им того, какой поступок следует считать честным, а какой нечестным в обстоятельствах, побуждающих его солгать.

МЕТОДИКА

В исследовании, проводившемся в 1992 году, приняли участие 196 испытуемых (103 женского пола и 93 мужского) в возрасте от 16 до 47 лет. Испытуемыми были абитуриенты и студенты вузов, офицеры, обучающиеся в военной академии, а также работники центров занятости населения. Кроме меня, эксперименты проводили Р.А. Абдурахманов, Н.И. Бетчук, О.В. Галицына и Л.В. Темнова, за что я им очень признателен. Процедура экспериментов заключалась в том, что испытуемые анонимно, проставляя на бланке ответов вымышленные инициалы, заполняли три опросника.

1. *Методика самооценки правдивости.* Разработка методики осуществлялась в несколько этапов. На первом этапе были отобраны 75 слов и выражений, по моему мнению, имеющих отношение к правдивости как черте личности. Примерно половина из них были взяты из фактора 8 тезауруса личностных черт [8]. На втором этапе эксперты, 23 психолога и 14 студентов факультета психологии, по трехбалльной шкале оценивали степень своей убежденности в том, что каждое из предложенного набора слов и выражений как-то отражает правдивость человека. Затем их оценки были подвергнуты факторному и кластерному анализу. В результате из 75 осталось 28 характеристик правдивости, сгруппированных в три фактора, собственные значения которых превышали единицу. Учитывая входящие в факторы характеристики правдивости, условно их можно обозначить как «правда-истина», «правда-справедливость» и «правда-совесть» (инструментальный, нравственный и рефлексивный аспекты правдивости [3]). После этого был составлен опросник самооценки правдивости, состоящий из 28 пунктов и построенный по принципу униполярного семантического дифференциала. На шкале от 0 до 5 испытуемый должен был

указать субъективную оценку выраженности у него каждого из перечисленных качеств. Например: Неподкупный 0 12 3 4 5.

В настоящее время работа по созданию методики не закончена. Строго говоря, она еще не является опросником в психологическом смысле этого слова: не проведена факторизация результатов обследования большой выборки испытуемых, не выявлена ретестовая надежность методики и т.д. Поэтому в статье не приводятся какие-либо интегральные показатели самооценки правдивости. Баллы, приписанные себе испытуемыми по разным шкалам, я буду анализировать только как частные самооценки.

2. *Методика УСК (уровень субъективного контроля)*. Самооценки правдивости сопоставлялись с локусом контроля, показателями интернальности-экстернальности личности. Для этой цели применялась известная методика УСК в модификации Е.Г. Ксенофоновой [6]. Выбор методики определялся двумя главными соображениями. Во-первых, локус контроля рассматривается основателем метода Дж.Б. Роттером как степень понимания человеком причинных связей между своим реальным поведением и тем, чего он хотел бы достичь [16]. В частности, осознание таких связей играет важную роль в формировании понимания субъектом различий между честными и нечестными способами достижения желаемого. Во-вторых, в контексте психологического анализа понимания честности необходимо было соотнести самооценки правдивости с показателями интернальности-экстернальности личности. Необходимость соотнесения диктовалась полученными в разных работах данными о том, что интерналы более правдивы, чем экстерналы, что экстернальным людям чаще свойственна склонность к обману [6].

3. *Опросник на ложь (социальную желательность)*. Он был составлен из десяти вопросов шкалы лжи опросника Ж. Тейлор на личностную тревожность и девяти «буферных» вопросов. Вопросы чередовались в случайном порядке. Подсчитывался суммарный показатель «ложных» ответов, он может колебаться от 0 до 10.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Результаты анализа самооценок по опроснику правдивости у 196 испытуемых показали, что средний балл по шкале «Правдивый» (3.74) статистически значимо превышает соответствующий балл (1.39) по шкале «Обманывающий» ($t = 24.16, p < 0.001$). Еще больше выражены различия между самооценкой правдивости и лживости (3.74 и 0.84; $t = 32.42, p < 0.001$). Среднеарифметическая по шкале «Честный» существенно выше средней по шкале «Нечестный» (3.82 и 1.12; $t = 30.29, p < 0.001$). Следовательно, нет сомнений в том, что испытуемые

считают себя правдивыми и честными людьми (значимых различий между самооценками этих качеств личности не обнаружено).

При анализе самооценок личностных качеств, психологически противоположных честности и правдивости, выявилось, что средний балл по шкале «Обманывающий» оказался выше среднего шкалы «Нечестный» (1.39 и 1.12; $t = 2.55, p < 0.05$). Еще больше выражены различия между показателями по шкалам «Обманывающий» и «Лживый» (1.39 и 0.84; $t = 5.28, p < 0.001$). Результаты ясно указывают на то, что испытуемые используют в межличностном общении ложь и обман (о сходстве и различии психологического содержания этих понятий см.[4]), но тем не менее считают себя честными людьми. Очевидно, что для объяснения причин этого противоречия необходимо обратить внимание прежде всего на когнитивный компонент честности и проанализировать специфику понимания испытуемыми «честных правил» поведения человека в обществе. Придерживаясь такой стратегии исследования, я смогу ответить на вопрос о том, почему испытуемые полагают, что в некоторых коммуникативных ситуациях правила честного поведения вполне допускают обман, а ситуативная ложь никак не сказывается на общей правдивости субъекта.

В соответствии с целью работы особый интерес для меня представлял анализ ответов испытуемых на два «буферных» вопроса, вставленных в шкалу лжи из опросника Тейлор. Первый из них (вопрос № 10) формулировался так: «Большинство людей готовы поступить не совсем честно ради собственной выгоды». Испытуемые должны были выразить свое согласие или несогласие с этим утверждением.

151 человек согласился с высказанной в вопросе точкой зрения и только 45 отвергли ее ($\chi^2 = 56.25, p < 0.001$). Интересно проанализировать личностные характеристики, по которым отличаются испытуемые двух выявленных групп. У 45 испытуемых, ответивших «нет», оказались значительно более высокими средние показатели общей интернальности (соответственно 32.55 и 22.99; $t = 2.61, p < 0.01$), интернальности в области неудач (8.33 и 4.52; $t = 3.01, p < 0.01$) и профессиональных отношений (8.91 и 6.61; $t = 2.54, p < 0.05$). Те, кто не считает, что большинство людей готовы совершить нечестный поступок, не только более строго судят себя за допущенные ошибки и промахи. Они также скромнее оценивают свою самокритичность (3.57 и 3.88; $t = 2.10, p < 0.05$) и совестливость (3.75 и 4.16; $t = 2.85, p < 0.01$).

Итак, чем ниже интернальность субъекта, чем больше выражены у него экстернальные качества личности, тем больше шансов, что он считает окружающих его людей нечестными. И наоборот. Этот факт косвенно согласуется с данными западных психологов о большей склонности экстерналов к обману и совершению аморальных поступков [6].

Кроме того, у 151 субъекта с более выраженной экстернальностью личности проявилась тенденция чаще лгать в экспериментальной ситуации: их средняя оценка по шкале лжи превышает среднюю группы из 45 человек (2.47 и 2.33). Однако это утверждение не может быть категоричным, так как различия между средними статистически не значимы.

Более сложным, вынуждающим испытуемого задуматься о влиянии на судьбу другого человека публично высказанной «правды-истины» или «правды-справедливости» [1], был вопрос № 14: «Ради спасения невиновного в суде можно дать ложные показания».

123 испытуемых ответили на этот вопрос утвердительно, а 73 отрицательно ($\chi^2 = 12.25$, $p < 0.01$). Таким образом, есть основания для заключения о том, что большинство опрошенных согласны дать ложные свидетельские показания. Те, кто ответили «нет», оценили себя как реже обманывающие (1.16 и 1.52; $t = 2.21$, $p < 0.05$) и менее лживые (0.66 и 0.92; $t = 2.03$, $p < 0.05$), чем ответившие «да». Характерно, что несмотря на достоверные различия между средними по шкалам «Обманывающий» и «Лживый», у испытуемых двух групп не обнаружено значимых различий между самооценками правдивости, честности и нечестности. Следовательно, у 123 испытуемых согласие дать ложные свидетельские показания не противоречит их пониманию правдивости и честности: они считают себя такими же честными и правдивыми людьми, как и отказавшиеся солгать в суде.

Вместе с тем очевидно, что за одинаковыми количественными показателями скрываются качественные различия в понимании испытуемыми обеих групп психологического содержания честности и правдивости. Применительно к обсуждаемой ситуации нетрудно предположить, что эти различия обусловлены разной интерпретацией того вклада, который вносит в формирование указанных черт характера другая личностная черта — справедливость. Замечу, что значимых различий между средними самооценок испытуемых двух групп по шкалам «Справедливый» и «Несправедливый» также не обнаружено. В этой связи возникает вопрос: в какой степени ответы испытуемых обусловлены интеллектуальными представлениями, когнитивным пониманием правдивости и честности, а какую роль играет чувство справедливости, основанное на сострадании и желании помочь ложью жертве правосудия? Для выяснения этого испытуемых просили прокомментировать свои ответы, кратко указать причины, по которым они ответили «да» или «нет».

Рассмотрим сначала, какими соображениями руководствуются 73 человека, считающих ложные показания в суде недопустимыми. Анализ письменных комментариев к ответам на вопрос показывает, что большинство из испытуемых этой группы высказывание истины понимают как инструментальную правду [3]. Они в основном заняты

обоснованием причин, в соответствии с которыми свидетель должен говорить правду, а несправедливость осуждения невиновного не попадает в фокус их внимания, не становится предметом обсуждения.

В протоколах отражены три основных типа обоснования причин правдивости. Первый тип объяснений представляет собой указание на правовые взгляды субъекта (исп. И. Р.: «Закон должен стать выше всех интересов. Только закон может определить невиновность и должен определять») и на особенности понимания им гражданских обязанностей человека как члена общества (исп. К. Ф.: «В любом случае необходимо придерживаться уголовного кодекса»). Объяснения второго типа сводятся к ссылкам на свои нравственные убеждения и психологические особенности личности: «Ложные показания мне дать очень трудно, так как меня будут мучить угрызения совести» (исп. Т. 3.); «Не умею лгать, тем более публично» (исп. И. Х.). Не последнюю роль в отрицательном ответе на четырнадцатый вопрос играют и опасения навлечь на себя неприятности: «За дачу ложных показаний вы привлекаетесь к судебной ответственности» (исп. Ш. Х.). Третий тип объяснения причин правдивости основан на абстрагировании субъекта от реалий нашей правовой системы и невербализуемой вере в «справедливый мир» [14]: «Если человек действительно невиновен, то ложные показания не нужны» (исп. С. Ш.). Однако всем известно, что в судебной практике нередки случаи ошибок и злоупотреблений, оказывающих роковое влияние на судьбу обвиняемого. Не желая задумываться о возможных негативных последствиях высказанной правды, испытуемые тем не менее стараются снять с себя потенциальную моральную ответственность: «Я считаю, что всегда следует давать истинные показания, а виновен ли подсудимый — дело суда» (исп. В. Г.).

У другой части испытуемых, ответивших «нет» на вопрос № 14, при обсуждении ситуации проявляется ценностно-смысловая позиция, соответствующая нравственной правде [3]. Мысленно поставив себя на место свидетеля, они рассматривают влияние свидетельских показаний на судьбу обвиняемого: «Мне кажется, что если человек невиновен, то можно доказать его невиновность, не говоря неправды. Тайное всегда становится явным, и, если ложь откроется, то хуже будет только этому невиновному человеку» (исп. Г. Н.). Для этих испытуемых характерны довольно идеализированные суждения об осмысливаемой социальной ситуации. Во-первых, в их ответах отчетливо прослеживается мысль о том, что правда всегда в каком-то высшем смысле одновременно является и справедливостью. Следовательно, говоря правду, свидетель поступает справедливо по отношению к подсудимому: «Я считаю, что ложные показания давать не следует. Надеюсь, что справедливость торжествует и невиновный будет оправдан» (исп. Д. С.). Во-вторых,

конкретные пути превращения правды в справедливость субъектом либо просто декларируются (исп. В. Б.: «Желательно найти факты, доказывающие невиновность человека»), либо им выражается надежда, что правда станет тождественной справедливости с помощью кого-нибудь другого — судьи, адвоката и т.п. (исп. К. Л.: «Если человек невиновен, то его скорее всего оправдают»).

Таким образом, нравственные принципы испытуемых, считающих невозможным солгать в суде, детерминируют понимание ими свидетельских показаний как инструментальной или нравственной правды. Суждений, свидетельствующих о понимании субъектом истинных показаний как рефлексивной правды [3], ни в одном из протоколов обнаружено не было.

Теперь проанализируем протоколы 123 испытуемых, полагающих, что ради спасения невиновного можно дать ложные показания.

Прежде всего необходимо отметить, что письменные комментарии испытуемых позволяют ответить на вопрос о том, почему субъекты, согласившиеся солгать в суде, тоже считают себя честными и правдивыми людьми. (Замечу, что обоснованность такой субъективной точки зрения подтверждается «объективными», т.е. в меньшей степени зависимыми от произвольной и осознанной самооценки, данными. Я имею в виду отсутствие значимых различий между средними 73 и 123 испытуемых по шкале лжи). Ответ на этот вопрос предельно прост: они иначе, чем отказавшиеся дать ложные показания, понимают честность. Это проявляется прежде всего в когнитивном компоненте честности, а точнее — в понимании субъектом правил честного поведения в таких ситуациях, в которых возникает необходимость противодействовать лжи, направленной на причинение вреда другому человеку. «Ложь и насилие — две формы преднамеренного давления (assault) на людей. И то, и другое заставляет людей действовать против их воли» [10, с. 18]. Испытуемые согласны с мнением, что «если иногда можно применять силу против насилия, то почему нельзя использовать ложь против лжи?» [там же, с. 126].

Основанные на этой логике правила честного поведения включают в себя представление о том, что не следует лгать правдивому человеку, но можно, а нередко и нужно обманывать лжеца. Подобный кодекс чести действует не только в ситуациях межличностного общения, он распространяется субъектом и на взаимодействие с государственными структурами, в частности судом. Например, офицер К.Б. пишет: «Раз невиновного судят, значит это уже ложь, обман, подлог. А клин клином вышибают, если, конечно, недостаточно фактов для оправдания невиновного. Я бы такие показания дал в том случае, если бы был уверен, что они помогут». Студент М. Х. более кратко: «Когда судят невиновного, значит тоже лгут». Основываясь на описанном выше

понимании честности, испытуемые делают вполне закономерный, т.е. соответствующий их ценностно-смысловой позиции вывод: не всякое умышленное искажение фактов является ложью в моральном смысле этого слова. Бывают ситуации, в которых можно намеренно говорить то, что не соответствует действительности, и тем не менее искренне верить, что это не ложь. Например, испытуемый Б. Ф. пишет: «Если закон настолько несовершенен, что допускает возможность осуждения невиновного, то ложные показания в суде во имя спасения чести невиновного перестают быть ложью» (разрядка моя — В. З.).

Для объективности и полноты картины анализируемых психологических явлений субъективное понимание лжи испытуемыми необходимо сопоставить с ее пониманием, основанным на внешних критериях. В качестве таких критериев могут быть использованы определения семантических антиподов лжи — инструментальной, нравственной и рефлексивной правды [3].

Необходимо отметить, что суждения, которые можно квалифицировать как инструментальную ложь, в протоколах не обнаружены. Это не удивительно: отсутствие высказываний, понимание которых испытуемыми соответствовало бы инструментальной лжи, обусловлено прежде всего содержанием обсуждаемой юридической ситуации. Во-первых, субъект, заполняющий опросник, понимает вопрос о спасении невиновного как абстрактный, т.е. не связанный с конкретным человеком. У испытуемого нет инструментальной цели, личной заинтересованности в том, чтобы скрыть от суда истину. Во-вторых, ситуация не стимулирует субъекта и к высказыванию лжи как выражению его кредо, сознательного мировоззрения. Нет ничего проще, чем представить себе коммерсанта, живущего по принципу «не обманешь не продашь». Однако трудно вообразить человека, убежденного в том, что в любом суде всегда нужно лгать и обманывать. Вряд ли можно считать таким человеком офицера М. П., утверждающего, что «конкретно наша судебная и правоохранительная система это почти сплошной произвол, коррупция или в лучшем случае некомпетентность». Я думаю, что если бы ему были заданы дополнительные вопросы, то выяснилось бы, что его готовность дать ложные показания вызвана желанием спасти жертву правосудия от произвола, коррупции и некомпетентности.

Всего три человека высказали точку зрения, которую можно охарактеризовать как рефлексивную ложь. Такая ложь возникает в результате предвосхищения субъектом не только отрицательного влияния истинных показаний на судьбу обвиняемого, но и последующих за этим угрызений совести правдивого свидетеля. В этом случае совесть оказывается основным регулятором поведения человека, именно совесть побуждает испытуемого отказаться от истины в пользу

субъективно понимаемой справедливости: «Если мои показания повлекут за собой освобождение невиновного, то смогла бы соврать. Так как если из-за моей слабости осудили бы невиновного, меня замучила бы совесть» (исп. Н. Ш.).

Решение о высказывании рефлексивной лжи субъект принимает не сразу, а только после тщательного обдумывания ситуации, сопоставления ценности произнесенной вслух правды и чувства вины, которое неизбежно возникнет в случае оставления без помощи жертвы правосудия: «С одной стороны, первоначальная ложь повлечет за собой следующую, лишь усложняя ситуацию, да и совесть может не давать успокоиться. С другой стороны, все это — ничто по сравнению с судьбой невиновного, когда творится беззаконие и бороться с ним малыми силами нереально» (исп. А. Д.).

Остальные 120 человек были удивительно единодушны в комментариях к ответам на четырнадцатый вопрос. Ценностно-смысловая позиция, сформировавшаяся у этих испытуемых при осмыслении обсуждаемой ситуации, может быть адекватно представлена этическим принципом «ложь во спасение». Я буду называть такую ложь нравственной. Хотя с точки зрения нормативной этики два слова, входящие в выражение «нравственная ложь», логически несовместимы, употребление этого понятия в психологическом контексте вполне оправданно. Феномен нравственной лжи, безусловно, является одним из компонентов нравственного сознания россиян. Нет ничего удивительного в том, что указанный психологический феномен типичен для российского массового сознания: он порожден социально-экономическими условиями общества, в котором мы живем. В частности, такую точку зрения высказывали некоторые участники проведенных экспериментов: «Ложь во имя спасения невинного. Это возможно только у нас в стране, так как здесь почти никогда не докапываются до истины, а всегда гонятся только за показателями. У нас просто нет других путей доказательства невиновности» (исп. А. Т.).

Пытаясь обосновать допустимость применения нравственной лжи, испытуемые исходят из того, что «не всегда можно положиться на объективность и честность суда» (исп. Н. К.). Они полагают, что «если таково наше «правосудие», то почему бы не помочь бедняге» (исп. И. Т.). Например, исп. Г. У. так комментирует свой ответ: «Невиновный не должен страдать, и если суд не вершит правосудия (хотя он для этого создан), думаю, я бы отдал свой голос невиновному, дав ложные показания в его пользу. А иначе ему вообще не на кого надеяться». Для этих испытуемых не так важна непоколебимость собственных нравственных убеждений, как помощь, оказанная несправедливо обвиненному человеку: «Я думаю, в этой ситуации можно поступиться

какими-то моральными принципами ради того, чтобы в дальнейшем установилась справедливость» (исп. В. Н.).

Итак, анализ протоколов дает основание для выдвижения гипотезы о том, что испытуемые первой группы (73 человека) понимают правду как такую категорию межличностного общения, которая семантически связана со справедливостью — в их сознании одна не может существовать без другой. Для них правда это «порядок, основанный на справедливости, честности» [7, с. 467]. В то же время испытуемые второй группы склонны критически относиться к возможности отождествления правды и справедливости в реальных жизненных ситуациях: они полагают, что человек нередко бывает вынужден выбирать сказать ему правду или поступить, по его мнению, справедливо. Для них правда это прежде всего или даже исключительно «то, что соответствует действительности, истина» [там же].

Проверка гипотезы осуществлялась путем факторного анализа самооенок личностных черт. Факторный анализ проводился отдельно для каждой выборки испытуемых. Результаты анализа подтвердили гипотезу. В обоих случаях получилась трехфакторная структура, объясняющая в группе из 73 человек 55.6% общей дисперсии, а в группе из 123 — 56.1%. Однако распределение факторных нагрузок на шкалы было неодинаковым. В группе согласившихся дать ложные показания первый фактор (31.1%) образовали шкалы «Честный», «Нечестный», «Правдивый», «Лживый», «Обманывающий», а также «Справедливый» и «Несправедливый», отражающие декларируемые ценностные представления субъекта о себе. В отличие от этого во втором факторе (12.9%) и третьем (12.1%) максимальные нагрузки оказались в шкалах, выражающих не декларируемую субъектом собственную справедливость, а реальную, т.е. проявляющуюся во взаимодействии с другими людьми. Я имею в виду самооенки по следующим позициям: «Критичный к другим», «Беспристрастный, объективный в общении», «Согласный с тем, что «горькая правда всегда лучше, чем сладкая ложь», «Прощающий другим их ошибки», «Часто осуждающий других».

Иная картина наблюдается в факторной структуре самооенок испытуемых, не согласных с дачей ложных показаний. Первый фактор (его информативность 30.1%) по распределению факторных весов очень мало отличается от фактора I группы из 123 человек. Зато в факторах II (13.2%) и III (12.3%) наряду с «объективными» показателями справедливости значимые нагрузки получили оценки по шкалам «Честный», «Несправедливый», «Правдивый», «Справедливый» и «Обманывающий». В этом случае оценки справедливости не выделяются в отдельные факторы, а так же, как честность и правдивость, получают значимые нагрузки во всех трех факторах. Отсюда следует, что

психологическое содержание указанных личностных черт в сознании этих испытуемых неразрывно связано и аналитически трудно дифференцируемо. В то же время у испытуемых другой группы правдивость и справедливость представлены в разных, достаточно удаленных друг от друга точках семантического пространства нравственного сознания.

Результаты факторного анализа говорят о том, что испытуемые, не согласные дать ложные показания, понимают правдивость как психологическое качество, включающее в себя представление о справедливости. По их мнению, в общении лживое высказывание субъекта всегда оказывается несправедливым по отношению к партнеру. По этой причине с помощью лжесвидетельства нельзя восстановить нарушенную юридическую и просто человеческую справедливость. Однако у большинства участников экспериментов наблюдается более дифференцированное понимание психологического содержания правдивости, справедливости и, соответственно, честности. Для них переход от понимания к действию в конкретной коммуникативной ситуации чаще всего заключается в осознании необходимости предпочтения только одной из перечисленных моральных ценностей.

Эксперименты показали, что за кажущейся простотой логической дихотомии ответов на четырнадцатый вопрос (да или нет) скрывается неоднозначность понимания испытуемыми описываемой в нем ситуации. В исследовании выявлено несколько типов психологических оснований, учитывая которые субъект соглашается или не соглашается дать ложные показания в суде. Если принять во внимание множественность источников детерминации одинаковых поступков (положительных и отрицательных ответов), то становится понятно, почему величины подавляющего большинства коэффициентов корреляции близки к нулю. Я имею в виду бисериальную корреляцию ответов испытуемых на указанный вопрос со всеми остальными измеряемыми показателями — самооценками правдивости по 28 шкалам, коэффициентами разных видов интернальности и суммарным показателем по фактору лжи из опросника Тейлор. Очевидно, что взаимовлияние различных детерминант препятствует нормальности распределения изучаемых величин.

* * *

Итак, одни люди понимают честность как категорическое отвержение лжи в любых ее проявлениях. Другие, напротив, полагают, что бывают ситуации, где ложь неизбежна. Психолог не должен давать моральные оценки той или другой позиции, задача психологического анализа состоит в другом: выявить личностные и социальные детерминанты, побуждающие субъекта сказать правду или солгать в конкретной коммуникативной ситуации. Такой подход обусловлен не только сообра-

жениями этики психологического исследования. Дело обстоит гораздо сложнее: обе позиции уходят своими корнями в далекое прошлое и опираются на авторитетные мнения людей, оставивших заметный след в истории человечества.

Традиция, в соответствии с которой ложь считается моральным грехом, в европейской культуре восходит к Августину Блаженному. Он перечислил восемь видов лжи, описываемых по принципу уменьшения вреда, причиняемого тому, кого лжец вводит в заблуждение [9]. С точки зрения целого ряда предыдущих авторов, рассматривая ложь сквозь призму наносимого ею вреда, некоторые виды лжи можно если не простить, то по крайней мере оправдать. Несмотря на это, Августин непреклонен: любая ложь оскорбляет Бога и подвергает опасности бессмертную душу человека. Он полагает, что «если бы всему роду человеческому грозило истребление и его можно было бы спасти при помощи лжи, то надо было бы отказаться произнести ложь и дать человечеству погибнуть; если посредством лжи можно помешать одному или нескольким людям согрешить, то лучше дать им согрешить, чем солгать; даже если, солгавши, можно спасти ближнего от вечного осуждения, то лучше даже ему погибнуть, чем спасти его ценой неправды» (цит. по: [2, с. 153]).

Христианская мораль в течение многих веков оказывала и продолжает оказывать прямое и косвенное влияние на формирование сознания миллионов людей. (Наглядной иллюстрацией влияния можно считать приверженность к правде испытуемых первой группы. Некоторые из них, например студент З.Н., прямо заявляли: «Я основываюсь на религиозном убеждении «Не лжесвидетельствуй!»). В этой связи не удивительно, что учение о лжи такого авторитетного теолога как Аврелий Августин послужило пищей для размышления лучших умов средневековья и последующих столетий.

Наиболее существенный вклад в решение обсуждаемой проблемы внес И. Кант. В требовании безоговорочной правдивости людей Кант не находит никаких оправданий для лжи. Он считает, что ложь унижает достоинство человека. Кроме того, ложь является нарушением морального долга, несправедливостью субъекта по отношению ко всему человечеству, потому что даже однократная ложь содействует тому, чтобы никаким свидетельским показаниям не давалось веры. «Ложь всегда вредна кому-нибудь, если не отдельному лицу, то человечеству вообще, ибо она делает негодным к употреблению самый источник права» [5, с. 293]. По Канту, каковы бы ни были внешние обстоятельства лжи, вина за аморальный поступок все равно ложится на субъекта, а подлинные причины содеянного кроются в его разуме.

В преклонении перед правдивостью Кант не допускает права субъекта на ложь даже в ситуации, когда надо дать ответ «на вопрос злоумыш-

ленника, дома ли тот, кого он задумал убить» [5, с. 293]. Обосновывая свою точку зрения, Кант ссылается на непредвиденные субъектом отрицательные последствия ложных показаний (ср. с высказыванием испытуемого Г.Н.: «Тайное всегда становится явным... и т.д.»). Если же человек скажет правду, то «собственно, не он сам причиняет этим вред тому, кто страдает от его показаний, но случай. Ибо сам человек при этом вовсе не свободен в выборе, так как правдивость (если уж он должен высказаться) есть его безусловная обязанность» [5, с. 295-296].

Таким образом, понимание честности как безоговорочной правдивости основано на доводах, построенных на обращении как к внутреннему миру человека, его совести, так и к общечеловеческим ценностям, доказательству общественной целесообразности правды и вредности лжи. Однако не следует обольщаться себя иллюзией: в современном мире такое понимание является скорее исключением, чем правилом. На это указывают не только значимое большинство испытуемых, согласившихся солгать в описываемом в статье эксперименте, но и данные зарубежных исследований [11,13].

Надо признать, что моральные аргументы в защиту тезиса о допустимости в человеческом общении ситуативной лжи (как уже ставшие историческими, так и современные) являются не менее убедительными, чем рассуждения Августина, Канта и их последователей. Еще Фома Аквинский пытался связать степень греховности или, наоборот, моральной оправданности разных видов лжи с намерениями человека, искажающего факты. Он писал: «Грех лжи отягчается, если субъект намерен ложью причинить вред другому, и это называется вредной ложью; грех лжи уменьшается, если она направлена на добро или на развлечение, и тогда мы имеем дело с шутливой ложью, или на полезность, и тогда это услужливая ложь, посредством которой субъект стремится помочь другому человеку или спасти его от вреда» [18, с. 256-257].

Последовательное обоснование и развитие этой точки зрения в наше время привело ученых к выводу о том, что применительно к современному обществу можно перечислить немало случаев, когда ложь считается социально оправданной. Прежде всего это относится к ситуациям с выраженной угрозой для жизни человека. Л.Сакс, ссылаясь на пример, приведенный в книге С. Бок [10, с. 40], как бы подводит черту под результатами социально-психологических исследований честности и обмана: «Возможно, философ Кант стал бы спорить с человеком, солгавшим гестапо о присутствии еврея в его или ее доме, но большинство из нас не стали бы этого делать» [17, с. 410]. Говоря более обобщенно, сегодня, как, впрочем, и раньше, морально оправданной считается ложь, используемая во благо другого человека. Нет сомнения в том, что именно с таким психологическим феноменом мы

имеем дело при обсуждении выявленных в экспериментах отдельных случаях рефлексивной лжи и массовых — лжи нравственной.

Феномен нравственной лжи является неотъемлемой частью сознания наших соотечественников: напомним, что статистически значимое большинство опрошенных согласилось солгать в суде. Если выйти за рамки психологической науки и рассмотреть проблему соотношения правды, лжи, справедливости и несправедливости в более широком философско-культурном контексте, то можно заключить, что названный феномен есть типичное порождение русского менталитета. Дилемма — что выше, закон или совесть? — мучила многих отечественных мыслителей. Не случайно в русской научной и художественной литературе так много раз был описан неправый суд. И все-таки, несмотря на нравственные колебания и сомнения, дилемма обычно сводилась к однозначному решению. В частности, Ф.М. Достоевский и Н.А. Бердяев неоднократно говорили, что когда русский человек оказывается вынужденным выбирать между истиной и справедливостью, то чаще всего он предпочитает справедливость в ущерб истине.

Такое «пренебрежительное» отношение к понятию истины компенсируется в сознании русских людей тем, что во все времена для них непреходящей ценностью обладала категория правды. Полагаю, не будет даже преувеличением, если сказать, что в русском национальном сознании всегда царил культ правды. Не случайно, первый свод законов древней Киевской Руси, отражающий коллективные представления наших предков о справедливом государственном устройстве, назывался «Русская Правда». Затем так же был назван конституционный проект главы Южного общества декабристов П.И. Пестеля. Как свидетельствует отечественная история, стремление к правде (но не истине) является отличительной чертой русского национального характера. Такова наша психология, и я думаю, что в этом отношении она мало изменилась со времен николаевской России.

Вместе с тем, как показало проведенное исследование, рефлексивная и нравственная ложь, не связывается в сознании русского человека с такими чертами собственной личности, как лживость и нечестность. Напротив, подобная ложь понимается субъектом как атрибут честности, необходимое условие справедливого отношения к людям, попавшим в беду. Эксперименты еще раз указали на очевидную истину: насколько неявно очерченными, размытыми являются субъективно воспринимаемые границы между правдой и неправдой, честностью и ее противоположностью. В частности, основанное на чувстве справедливости самооправдание лжесвидетельства способствует вытеснению на задний план сознания истинностной составляющей свидетельских показаний. В результате явная ложь так трансформируется

в психике субъекта (например, испытуемого Б.Ф.), что понимается им как благородная правда.

Не следует воспринимать мои слова как призыв к релятивизму в понимании правды и лжи и оправданию нечестности. Я просто хочу подчеркнуть необходимость более дифференцированного психологического анализа обсуждаемой проблемы. Правда и ложь, честность и нечестность являются двумя сторонами медали — одного не понять без другого. Поэтому существенное место в изучении понимания субъектом честности должно занять исследование личностных и ситуативных детерминант нечестности, неправды, лжи и обмана.

Литература

1. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М.: Новости, 1990. С. 5—26.
2. Гольбах П. Галерея святых. М.: Политиздат, 1962.
3. Знаков В.В. Понимание субъектом правды о моральном проступке другого человека: нормативная этика и психология нравственного сознания // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 1. С. 32—43.
4. Знаков В.В. Неправда, ложь и обман как проблемы психологии понимания // Вопросы психологии. 1993. № 2. С. 9—16.
5. Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 292-297.
6. Ксенофонтова Е.Г. Уровни развития саморегуляции личности: критерии их определения. Дис. канд. психол. наук. М., 1988.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1988.
8. Шмелев А.Г., Похилко В.И., Козловская-Тельнова А.Ю. Репрезентативность личностных черт в сознании носителя русского языка // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 2. С. 27—44.
9. Augustine On lying. Against lying // Bok S. Lying: Moral choice in public and private life. Sussex., 1978. P. 250-255
10. Bok S. Lying: Moral choice in public and private life. Sussex, 1978.
11. Contemporary moral controversies in business. N.Y., 1989.
12. Geis F. Machiavellianism // Dimensions of personality. N.Y., 1978. P. 305—364.
13. Hopper R., Bell R.A. Broadening the deception construct // Quarterly Journal of Speech. 1984. V. 70. № 3. P. 288-302.
14. Lerner M.J. The belief in a just world: A fundamental delusion. N.Y., 1980.
15. Mitchell T.E. Actor-observer differences in attributions to morality // The Journal of Social Psychology. 1985. V. 125. № 4. P. 475-477.
16. Rotter J.B. Internal versus external control of reinforcement: A case history of a variable // American Psychologist. 1990. V.45. № 4. P. 489-493.
17. Saxe L. Lying: Thoughts of an applied psychologist // American Psychologist. 1991. V. 46. № 4. P. 409-415.
18. Thomas Aquinas Whether lies are sufficiently devided into officious, jocose and mischievous lies? Whether every lie is a mortal sin ? // Bok S. Lying: Moral choice in public and private life. Sussex., 1978. P. 255—261.
19. Wyllie R. The self-concept. N.Y., 1979.

КАТЕГОРИИ ПРАВДЫ И ЛЖИ В РУССКОЙ ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ ПОНИМАНИЯ

Опубликовано: Вопросы психологии. 1994. № 2. С. 55—63.

В последнее время в России и далеко за ее пределами наблюдается резкое возрастание интереса ученых и публицистов к нашему социальному и культурному наследию, духовной традиции русского народа. При этом в большинстве устных выступлений и публикаций духовная традиция понимается не в узком смысле (как церковная, относящаяся к духовенству), а в широком — как имеющая отношение к умственной деятельности, области духа. Например, в интересной статье Б.С.Братуся вводится понятие духовной ступени развития личности — уровня, на котором решаются субъективные отношения человека с Богом [5]. Духовную сферу личности нельзя рассматривать только через призму интеллектуальной, умственной деятельности человека. Духовность субъекта можно понять только в контексте культуры и мироздания, потому что духовная сфера жизни человека включает в себя как бесконечное разнообразие его связей и отношений с другими людьми, так и попытки осознания своего места и роли в универсуме — в человеческом мире и за его пределами.

Одним из существенных элементов духовной традиции является психологический склад ума русского народа, т.е. те черты характера, которые иностранцы и сами русские подмечали у многих поколений россиян. Наиболее типичными среди них являются стремление к правде и отношение ко лжи.

Цель статьи — проанализировать психологическое содержание правды и лжи как компонентов русского национального самосознания и проиллюстрировать результаты анализа данными экспериментальной психологии понимания.

Слово «правда» имеет для русских людей особое значение, свидетельств тому в отечественной истории более, чем достаточно. Русской Правдой назывался первый свод законов древней Киевской Руси, от-

ражающий коллективные представления наших предков о справедливом государственном устройстве. Много веков спустя так же был назван конституционный проект главы Южного общества декабристов П.И. Пестеля. Ф.М. Достоевский, собираясь выпускать литературный журнал, писал в письме к брату: «Что же касается до названия "Правда", то оно, по-моему, превосходно, удивительно и можно чести приписать выдумку названия. Это прямо в точку. И мысль *наиболее подходящую* заключает, и к обстоятельствам идет, а главное — в нем есть некоторая наивность, вера...» [23, с. 465] (которая, по мнению писателя, была характерна для умонастроения российского общества середины XIX в.).

Чуть позднее, в конце столетия, был опубликован трактат русского философа Н.К. Михайловского «Письма о правде и неправде». Он писал: «Ведь и по-русски со-весть и со-знание, в сущности, одно и то же слово. Но по-русски есть и еще более яркий пример совпадения разных понятий истины и справедливости в одном слове «правда». Можно по этому случаю сказать: как скуден, как жалок дух русского народа, не выработавший разных слов для понятий истины и справедливости! Но можно также сказать: как велик дух русского народа, уразумевший родственность истины и справедливости, самым языком свидетельствующий, что для него справедливость есть только отражение истины в мире практическом, а истина — только отражение справедливости в области теории; что истина и справедливость не могут противоречить друг другу!» [15, с. 384].

Много размышлял на эту тему и другой философ — Н.А.Бердяев. Он часто говорил: «Какое прекрасное русское слово «Правда» в его первоначальном народном смысле — нет однозначного слова на других языках. «Искать Правду» — значит искать одновременно высшую истину и высшую справедливость...» [3, с. 391]. Для того чтобы более отчетливо представить разные смысловые оттенки правды, он употреблял понятия «правды-истины» и «правды-справедливости» [4].

В этом контексте неудивительно, что для русской философии является традицией подчеркивание зависимости содержания правды и истины как от бытия, объективной действительности, так и от мировоззрения человека, а также от индивидуальных особенностей его познавательной активности. Русские ученые считают, что «истина, правда присущи не самому бытию, а только бытию познанному, изреченному» [2, с. 342]. Несмотря на то, что истину принято считать безусловно объективной категорией, для человека субъективно она выступает как такое искомое, нахождение которого определяется его знаниями, способностями, навыками умственной деятельности. Вот, например, что такое истина с точки зрения «типичного и гениального представителя русского способа мышления» [14, с. 212] В.С. Соловьева: «Истина сама по

себе — то, что есть, в формальном отношении — соответствие между нашей мыслью и действительностью. Оба эти определения представляют истину только как искомое. Ибо, во 1-х, спрашивается, в чем состоит и чем обусловлено соответствие между нашей мыслью и ее предметом, а во 2-х, спрашивается, что же в самом деле есть?» [20, с. 473].

В психологии подобную точку зрения на категорию истины развивал один из наиболее философски образованных отечественных психологов С.Л. Рубинштейн. Он писал: «Истина объективна в силу адекватности своему объекту, не зависимому от субъекта — человека и человечества. Вместе с тем как истина она не существует вне и помимо познавательной деятельности людей. Объективная истина — не есть сама объективная реальность, а объективное познание этой реальности субъектом. Таким образом, в понятии объективной истины получает конденсированное выражение единство познавательной деятельности субъекта и объекта познания» [19, с. 37].

Одно из конкретных проявлений «единства познавательной деятельности субъекта и объекта познания» заключается в том, что согласно традициям русской науки и культуры, в отличие от западных, поиски истины в делах общественных, в отношениях между людьми неотделимы от представлений о добре и зле. В основе такой позиции лежит убеждение русских мыслителей в том, что истина и правда — это категории не формальной логики, а нравственной философии. В логике высказывание, утверждение или мнение считается истинным, если и только если оно соответствует фактам. Российскую интеллигенцию, вечно занятую решением «проклятых» вопросов, поисками гармонии в окружающей социальной действительности, в таком определении истины не устраивает ограничение «и только если». Причина заключается в том, что в русской науке и культуре истина всегда рассматривалась не только с познавательной, но и с моральной точек зрения.

Западные мыслители иначе оценивают соотношение истины и морали. Наиболее прозорливые представители западной цивилизации вынуждены признать, что живут в условиях конфликта этических, эстетических и познавательных ценностей. Например, М. Вебер в докладе, обращенном к молодежи, констатирует: «Мы знаем также, что прекрасное может не быть добрым и даже оно прекрасно именно потому, что не добро, — это нам известно со времен Ницше, а еще ранее вы найдете это в «Цветях зла» — так Бодлер назвал томик своих стихов. И уже ходячей мудростью является то, что истинное может не быть прекрасным и что нечто истинно лишь постольку, поскольку оно не прекрасно, не священо и не добро» [6, с. 142]. Еще раньше Ф.Ницше, упоминая Вольтера, писал о том, что «истина, искание истины чего-нибудь да стоит, и когда человек при этом поступает слишком по че-

ловечески, — «il ne cherche le vrai que le bien» (он ищет истины только для того, чтобы делать добро) — то держу пари, что он не найдет ничего!» [16, с. 184].

Последнее утверждение (о дихотомии истины и добра) совершенно неприемлемо для русского склада ума. Наше национальное самосознание исторически формировалось на основе представления о том, что истина, не связанная с добром (в частности, справедливостью), — это ущербная истина и даже, может быть, вообще не истина. При анализе общественных явлений поиск рафинированной познавательной истины считается занятием бессмысленным: таким путем нельзя прийти к раскрытию свойств изучаемого социального объекта, но можно стать жертвой собственных заблуждений и иллюзий. «Русские не допускают, что истина может быть открыта чисто интеллектуальным, рассудочным путем, что истина есть лишь суждение. И никакая гносеология, никакая методология не в силах, по-видимому, поколебать того дорационального убеждения русских, что постижение сущего дается лишь цельной жизни духа, лишь полноте жизни» [14, с. 210].

Н.К. Михайловский писал: «Везде, где есть место обеим половинам единой Правды, то есть во всех делах, затрагивающих человека, как животное общественное, одной истины человеку мало — нужна еще справедливость. Он может понимать ее узко, мелко, даже низко, но, по самой природе своей, не может от нее отказаться, и забытая, искусственно подавляемая половина Правды, без его ведома, даже против его воли, руководит им. Если ученый или художник напускает на себя комическую важность человека, ищущего в делах общественных только истины и анализирующего их с точки зрения химической, анатомической или какой там еще, так он, прежде всего, истины не найдет» [15, с. 430].

Таким образом, правда и истина являются постоянным предметом размышления и вместе с тем важными компонентами самосознания россиян. Однако прежде чем изучать, какое место сегодня занимают эти понятия в структуре массового сознания, необходимо осуществить психологический анализ их сходства и различия. С точки зрения современной психологии содержания правды и истины неодинаковы и их различия можно сформулировать в нескольких пунктах.

1. Истина это категория логики и теории познания, выражающая соответствие наших знаний о мире самому миру. Правда — категория психологии взаимопонимания, выражающая не только соответствие знаний миру, но и степень адекватности наших оценок социальной действительности. Истина — категория гносеологическая, характеризующая содержание знания, правда — понятие онтологическое, отражающее отношение человека к истинному знанию. Истину мы познаем, а правду понимаем. Кратко поясню это положение.

Понятие истины уместно применять, во-первых, для характеристики суждений об объективной реальности, о «мире без человека» — о природных явлениях («Земля вращается вокруг Солнца»), физических особенностях веществ («Вода закипает при температуре 100 градусов по Цельсию») и т.п. Истина обладает свойством обобщенности и одинаковости для всех людей, имеющих достоверное знание, например: «Москва — столица России», «Трижды три — девять». Такие утверждения — бесспорные истины. Они будут бесспорными до тех пор, пока содержащееся в них знание оценивается только по одному признаку — его истинности, т.е. подлинности, реальности существования отраженных в знании фактов. Именно истинностная оценка знания является основанием универсальности, общезначимости истины: каждый, кто знает таблицу умножения, может высказать соответствующее истинное суждение.

Во-вторых, в русской культуре имеет глубокие корни понятие православной христианской истины. Однако в этом случае изменяется основание, по которому, например, христианские десять заповедей, считаются вечными истинами. Познавательная истина — объект знания, а религиозная — веры. В православной религии вопрос об истинности высказываний Христа не только не ставится, но расценивается верующими как богохульство: в божественных откровениях нельзя сомневаться, в них надо верить. Почему же тогда многие религиозные догматы остались в истории человечества именно как истины? Потому, что с ними соглашались и продолжают в них верить многие миллионы людей. В православии отличительным признаком истинности положений Библии считается их общезначимость, не знающая национальных и исторических границ универсальность. Христианские истины подобны закону: они обладают надындивидуальным статусом и обязательны для всех верующих. Но с научной точки зрения любая религиозная истина — не более чем метафора, потому что догматы церкви основаны не на достоверном знании, а на мнениях, убеждениях, преданиях. («Церковь православная утверждает на предании, но на предании истины, а не на предании лжи» [22, с. 54]).

Вместе с тем во избежание путаницы не следует говорить, что высказывания типа «Несколько лет назад в Армении было землетрясение» являются правдой. Это истина, а не правда. Правдой целесообразно называть только истины, относящиеся к миру человека. Истинностная оценка знания необходима, но недостаточна для констатации суждений, например, о поступках людей. Правда — это такая истина, которая становится предметом личного отношения, субъективной оценки.

Оценка субъектом своего или чужого истинного суждения (этическая, эстетическая, межличностная и т.п.) зависит от характера понима-

ния им обсуждаемого поступка, его ценностно-смысловой позиции и мировоззрения. В зависимости от того, в какой контекст личностного знания включается знание о поступке другого человека, познанная истина приобретает для субъекта разный смысл. И это основная причина того, почему при осмыслении одной и той же истины возможно появление различных вариантов правды. Правда как выражение мировоззрения субъекта дает ему возможность отстаивать с ее помощью свои ценности, нравственные убеждения. Реализация такой возможности представлена в русском языке в личностных характеристиках: борец за правду, правдолюб и т.п. Естественно, что для адекватного поведения в коммуникативной ситуации субъект должен понимать психологические основания превращения для партнера истины в правду: почему он определенным образом оценивает поступок или высказывание, с какой позиции его рассматривает, с чем сравнивает и т.п.

Таким образом, истина это характеристика содержания знания, а правда — конкретное выражение познавательного отношения субъекта к отображенной в знании действительности, понимания ее. Например, задача следствия собирать факты, устанавливать истину, а суд должен осмысливать причинно-следственные связи, понимать правду о преступлении.

2. В отличие от истинности высказывания, независимой от канала коммуникации, степень правдивости сообщения для общающихся людей всегда обусловлена целями говорящего и слушающего. Можно выделить по крайней мере четыре цели высказывания правды, в частности правды о другом человеке: а) *утилитарная* цель — правдивое высказывание как средство достижения субъектом значимой цели (например, публикация журналистом разоблачительного материала о неуважаемом им политике); б) *мировоззренческая* цель — выразить свое кредо, убеждение: «лучше горькая правда, чем сладкая ложь»; в) *нравственная* — высказать правду, основываясь на искреннем убеждении, что она будет способствовать нравственному совершенствованию человека, о котором говорится; г) *рефлексивная* — стремление не только к позитивному моральному воздействию на другого, но и к нравственному самосовершенствованию посредством правды.

Н.Д. Арутюнова, анализируя содержание речевых актов, подводимых в русском языке под категорию говорения правды, высказывает точку зрения, что правда несовместима со злым умыслом. По ее мнению, цель правды — искренняя самокритика или попытка исправления другого человека. «В экстенционал правды могут входить исправимые дефекты, но не то, над чем человек не властен. Правда предполагает нравственный урок» [1, с. 23].

В теоретическом плане эта позиция (для меня очень привлекательная) близка к категорическому моральному императиву Канта: она указывает,

каким должен быть правдивый человек. Но мы живем не в мире кантовских идеалов, а в обществе, где люди говорят правду, руководствуясь не только моральными соображениями. На это указывают данные психологии понимания, в которой экспериментально изучен феномен инструментальной правды. Высказывая такую правду, испытуемые руководствуются утилитарной или мировоззренческой целью (либо обеими вместе). Психологические детерминанты, побуждающие субъекта высказывать такую правду о другом человеке, весьма разнообразны. К ним относятся представление о «воздающей справедливости», неумение оценить, нужна ли правда партнеру, ориентация субъекта на свое внутреннее состояние и т.п. Эксперименты показали, что объективные психологические детерминанты порождения правды могут недостаточно ясно осознаваться субъектом. Вследствие этого он может искренне считать, что, говоря правду о другом человеке, он руководствуется исключительно моральными соображениями. Однако подлинные причины такого речевого акта следует искать в объективной детерминации поведения субъекта [9].

3. Для человека правдой обычно является только та истина, в которую он верит. В ситуациях общения объективно истинное событие становится для партнеров правдой только тогда, когда они верят, что это событие действительно произошло. Иначе говоря, событие, истинность которого субъекты общения не имели желания или возможности проверить, кажется им правдоподобным на основе их моделей мира, представлений о действительности. Если вера в правдоподобие отсутствует, то истинные факты воспринимаются людьми как небылицы: в начале 80-х гг. именно так воспринимались большинством из нас рассказы «афганцев» о том, что они участвовали в войне, а не в обычных войсковых учениях.

Главная причина, препятствующая возникновению у нас веры в правду, обычно заключается в том, что правда не соответствует нашим представлениям о должном, т.е. о том, что может и должно произойти в обсуждаемой ситуации. Правда отражает не идеальное представление о реальном мире и потому, как правило, она асимметрична и неоднозначна, многовариантна. Образно говоря, «ложь всегда прекрасна и округла, правда уродлива и кривонога» [17]. Замечу, что русские давно нашли способ, как повысить веру в правдоподобие правды и тем самым облегчить ее понимание. Рецепт понимания доступно излагает один из героев Ф.М. Достоевского: «Друг мой, настоящая правда всегда неправдоподобна, знаете ли вы это? Чтобы сделать правду правдоподобнее, нужно непременно подмешать к ней лжи. Люди всегда так и поступали» [8, с. 222].

Но какова жизнь, такова и правда. Неудивительно, что уродливая правда нашей жизни иногда может быть постигнута только разумом,

а чувства отказываются в нее поверить. К примеру, нетрудно рационально обосновать необходимость экономических реформ в стране, но эмоционально тяжело принять «правду жизни» — сопровождающие реформы инфляцию и массовое обнищание людей. Противоречие между разумом и чувствами оказывается психологическим барьером, препятствующим пониманию правды. Вследствие этого во многих коммуникативных ситуациях истина для партнеров в лучшем случае так и остается истиной, не превращаясь в правду, а в худшем — понимается как неправда или ложь.

Не анализируя тонкие различия между истиной и правдой, наш народ давно интуитивно понял различия между ними и отдал предпочтение правде. В реальных жизненных ситуациях мы обычно ориентируемся на субъективно-личностную правду, отвергая безличную объективную истину. Характерная особенность нашего национально-го самосознания состоит в том, что русские люди всегда с подозрением относились к истине, одновременно исповедуя культ правды. Как свидетельствует отечественная история, стремление к правде (но не к истине) является отличительной чертой русского национального характера. Эта черта нашла яркое воплощение в пьесах А.Н. Островского. Его герои нередко отправляются «искать правду», но чаще всего приходят к отрицанию житейской ценности истины и признают: «Правда хорошо, а счастье лучше». Ф.М. Достоевский неоднократно отмечал, что когда русский человек вынужден выбирать между истиной и справедливостью, то он скорее предпочтет ложь, чем несправедливость. Например, один из героев «Преступления и наказания» говорит: «...вранье всегда простить можно; вранье дело милое, потому что к правде ведет» [7, с. 126]. Подчеркну: не к истине, а к правде, потому что для русского народа «Правда — от Бога, а истина — от ума».

Истоки «пренебрежительного» отношения русских к безличной объективной истине восходят к традиции христианской религии. Согласно последней Бог есть воплощение правды, основанной не только на соответствии высказываний фактам, действительности, но прежде всего на справедливости по отношению к тому человеку, о котором идет речь (т.е. не «правды-истины», а «правды-справедливости»). Особенно отчетливо проблема противопоставления истины и Христа осознана и выражена Достоевским (в частности, в письме к Н.Д. Фонвизиной, в «Записной тетради» за 1880-1881 гг.). Русские так решают эту проблему: «Но не вы ли говорили мне, что если бы математически доказали вам, что истина вне Христа, то вы бы согласились лучше остаться со Христом, нежели с истиной?» [8, с. 256].

От такого решения уже только один шаг до признания того, что противоположность правды — ложь — иногда полезна и морально

оправданна («вранье дело милое»). Недаром среди россиян так распространено представление о допустимости «лжи во спасение». настолько распространено, что даже попало в словарные определения лжи. Вот, к примеру, как определяет указанный феномен В.С. Соловьев: «Ложь — в отличие от заблуждения и ошибки — обозначает сознательное и потому нравственно предосудительное противоречие истине» [21, с. 911]. Это типично русское понимание лжи, включающее ее в область рассмотрения не теории познания, а нравственной философии. В последней, по мнению В.С. Соловьева, одной из важнейших является такая проблема: «В нравственной философии имеет значение вопрос о лжи необходимой, т.е. о том, позволительно или непозволительно делать сознательно несогласные с фактической действительностью заявления в крайних случаях, например для спасения чьей-нибудь жизни» (там же).

Проблема поставлена еще И. Кантом, который, как известно, считал, что даже в такой крайней ситуации ложь совершенно недопустима [12]. Русские мыслители находят решение, коренным образом отличающееся от кантовского: «Нравственность не есть механический свод различных предписаний, безотносительно обязательных в своей отдельности. С материальной стороны нравственность есть проявление доброй природы; но человек, по природе добрый, не может колебаться между нравственным интересом спасти ближнего и нравственным интересом соблюдать фактическую точность в своих показаниях; добрая натура исключает склонность ко лжи или лживость, но в данном случае *лживость не играет никакой роли*» (курсив мой — В.З.) [21]. Строго говоря, здесь речь идет не о решении проблемы нравственной оправданности лжи, а скорее об уходе от решения. Нельзя же всерьез считать решением проблемы полный отказ от понимания лжи как сознательного противоречия истине и перевод обсуждаемой категории исключительно в область этики. Тем не менее точка зрения В.С. Соловьева не случайна, а закономерна: она основана на русской духовной традиции и адекватно отражает отношение нашего народа ко лжи в межличностном и официальном общении.

Несмотря на радикальные изменения, произошедшие в жизни людей с XIX до конца XX в., отношение наших соотечественников ко лжи если и изменилось, то очень незначительно. Подтверждение справедливости последнего утверждения можно найти в современной психологии понимания. Например, во время экспериментов, которые я проводил в 1992 году, испытуемый Б.Ф. так прокомментировал свою готовность дать ложные показания в суде ради спасения невиновного: «Если закон настолько несовершенен, что допускает возможность осуждения невиновного, то ложные показания в суде во имя спасения

чести невиновного перестают быть ложью « (курсив мой — В. З.) [11]. «Лживость не играет никакой роли» и «ложные показания...перестают быть ложью» — почти идентичные по смыслу высказывания, не правда ли? Между тем их авторов разделяет столетие.

Проведенные эксперименты выявили феномен *нравственной лжи*, являющийся неотъемлемой частью самосознания наших соотечественников. Он проявляется, в частности, в том, что статистически значимое большинство испытуемых согласны дать ложные показания в суде ради спасения невиновного человека. Нет ничего удивительного в том, что указанный психологический феномен типичен для российского массового сознания: он порожден социально-экономическими условиями общества, в котором мы живем. Такую точку зрения высказывали некоторые участники проведенных экспериментов: «Ложь во имя спасения невинного. Это возможно только у нас в стране, так как здесь почти никогда не докапываются до истины, а всегда гонятся только за показателями. У нас просто нет других путей доказательства невиновности» (исп. А. Т.).

Эксперименты выявили и такой вид преднамеренного искажения фактов, который обусловлен очень высоким уровнем морального развития субъекта. Только три человека, комментируя свои ответы на вопрос о лжесвидетельстве, высказали точку зрения, которую можно охарактеризовать как рефлексивную ложь. Такая ложь возникает в результате предвосхищения субъектом не только отрицательного влияния истинных показаний на судьбу обвиняемого, но и последующих за этим угрызений совести правдивого свидетеля. В этом случае совесть оказывается основным регулятором поведения человека, именно совесть побуждает испытуемого отказаться от истины в пользу субъективно понимаемой справедливости: «Если мои показания повлекут за собой освобождение невиновного, то смогла бы соврать. Так как если из-за моей слабости осудили бы невиновного, меня замучила бы совесть» (исп. Н. Ш.).

Решение о высказывании рефлексивной лжи субъект принимает не сразу, а только после тщательного обдумывания ситуации, сопоставления ценности произнесенной вслух правды и чувства вины, которое неизбежно возникнет в случае оставления без помощи жертвы правосудия: «С одной стороны, первоначальная ложь повлечет за собой следующую, лишь усложняя ситуацию, да и совесть может не давать успокоиться. С другой стороны, все это — ничто по сравнению с судьбой невиновного, когда творится беззаконие и бороться с ним малыми силами нереально» (исп. А. Д.).

Вместе с тем, исследование показало, что рефлексивная и нравственная ложь, не связываются в сознании русского человека с таки-

ми чертами собственной личности, как лживость и нечестность. Напротив, подобная ложь понимается субъектом как атрибут честности, необходимое условие справедливого отношения к людям, попавшим в беду. В частности, основанное на чувстве справедливости самооправдание лжесвидетельства способствует вытеснению на задний план сознания истинностной составляющей свидетельских показаний. В результате явная ложь так трансформируется в психике субъекта (например, испытуемого Б. Ф.), что понимается им как благородная правда [11].

Таким образом, в то время как западные психологи уделяют основное внимание личностным и особенно ситуативным детерминантам порождения лжи в коммуникативных системах [24, 25], в отечественной психологии понимания, пожалуй, главным является вопрос о моральной допустимости лжи. Однако я бы грубо исказил факты, если бы стал настаивать на нашей национальной исключительности и утверждать, что русские обычно лгут только ради блага другого человека. Лживость — общечеловеческая черта, и потому широкое распространение лжи находит отражение как в западной, так и отечественной психологии понимания [10, 26]. Ложь разлагает государственный аппарат США [18], она же является историческим бедствием российского государства. В 1855 г. известный славянофил К.С.Аксаков подал царю Александру II докладную записку «О внутреннем состоянии России». В ней он писал: «Современное состояние России представляет внутренний разлад, прикрываемый бессовестной ложью... При потере взаимной искренности и доверенности, все обняла ложь, везде обман. Правительство не может при всей своей неограниченности добиться правды и честности; *без свободы общественного мнения это и невозможно*. Все лгут друг другу, видят это, продолжают лгать, и неизвестно, до чего дойдут» (цит. по: [22, с. 449]). Настал конец XX в., а современные нам публицисты рисуют все ту же безотрадную картину повсеместного распространения лжи в общественной и частной жизни [13,17].

Итак, очевидно, что ложь, так же как и правда, представляет собой не только социальную, но и психологическую проблему. Однако удовлетворительное решение проблемы раскрытия содержания правды и лжи как компонентов национального и индивидуального самосознания сегодня вряд ли возможно. Слишком малочисленны психологические исследования в этой области. Получить новые данные и переосмыслить уже имеющиеся — одна из актуальных задач отечественной психологии.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Речеповеденческие акты и истинность // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис / Под ред. Т.В. Булыгиной. М.: Наука, 1992. С. 6-39.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
3. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.: Книга, 1991.
4. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М.: Новости, 1990. С. 5—26.
5. Братусь Б.С. К проблеме нравственного сознания в культуре уходящего века // Вопросы психологии. 1993. № 1. С. 6—13.
6. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Самосознание европейской культуры XX века / Составитель Р.А. Гальцева. М.: Политиздат, 1991.
7. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. М.: Художественная литература, 1971.
8. Достоевский Ф.М. Бесы. М.: Правда, 1990.
9. Знаков В.В. Типы понимания правды о негативных явлениях 1960—1980 гг. // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 3. С. 15-29.
10. Знаков В.В. Неправда, ложь и обман как проблемы психологии понимания // Вопросы психологии. 1993. № 2. С. 9—16.
11. Знаков В.В. Самооценка правдивости и понимание субъектом честности // Психологический журнал 1993. Т. 14. № 5. С. 13-23.
12. Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Трактаты и письма М.: Наука, 1980. С. 292-297.
13. Кротов Я. Жить не по лжи: круг третий // Куранты. 1992. № 222.
14. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991.
15. Михайловский Н.К. Письма о правде и неправде // Сочинения' В 6 т СПб., 1897. Т. 4.
16. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Избранные произведения в 2-х кн. Кн. 2. М.-Л.: Сирин, 1990.
17. Новоженев Л. Ложь-93 // Московский комсомолец, 24 июня 1993.
18. Рейсман В.М. Скрытая ложь. Взятки: «крестовые походы» и реформы. М.: Прогресс, 1988.
19. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание: О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957.
20. Соловьев В.С. Истина // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XIII. СПб., 1894.
21. Соловьев В.С. Ложь // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XVIIа. СПб., 1896.
22. Соловьев В.С. Сочинения: В 2-х т. Т. 1. М.: Правда, 1989.
23. Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2-х т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990.
24. DePaulo B.M., Rosenthal R. Telling lies // Journal of Personality and Social Psychology. 1979. V. 37. № 10. P. 1713-1722.
25. Podlesny J.A., Raskin D.C. Physiological measures and the detection of deception // Psychological Bulletin. 1977. V. 84. № 4. P. 782-799.
26. Saxe L. Lying: Thoughts of an applied psychologist // American Psychologist. 1991. V. 46. № 4. P. 409-415.

ПОЧЕМУ ЛГУТ АМЕРИКАНЦЫ И РУССКИЕ: РАЗМЫШЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ПСИХОЛОГА НАД КНИГОЙ ПОЛА ЭКМАНА

Опубликовано: Вопросы психологии. 1995. № 2. С. 84—92.

В нашей стране психологическая литература всегда пользовалась большим спросом, но сегодня книжный рынок буквально захлестнул поток самых разнообразных по тематике изданий, имеющих прямое или косвенное отношение к психологии. Многие книги написаны на поразительно низком профессиональном уровне, авторы некоторых из них — просто шарлатаны. Вместе с тем в море «психологической макулатуры» встречаются и подлинные шедевры, написанные психологами высшей квалификации. К числу последних принадлежит книга Пола Экмана — одного из ведущих в мире специалистов по разоблачению лжи [12]. Небольшую по формату и объему (272 страницы) книжку выпустило тиражом 50000 экземпляров издательство «Педагогика-Пресс».

Прежде чем провести исследование по психологии детской лжи и опубликовать его результаты, Экман более двадцати лет работал со взрослыми испытуемыми. Сочетание богатого опыта с несомненным исследовательским талантом привело к тому, что излагаемые в книге психологические виды, причины, мотивы лжи в достаточной полной мере характеризуют не только детей, но и взрослых. На это неоднократно указывает автор (см., например, [12, с. 145]) и с ним трудно не согласиться. Разделяя точку зрения американского психолога, в статье я буду говорить о психологии лжи, не акцентируя внимание читателей на ее возрастных отличиях.

Популярный стиль изложения может создать у человека, не знакомого с обсуждаемой научной проблемой, впечатление поверхностности проделанного Экманом психологического анализа. Между тем такое впечатление в корне неверно: в книге ставятся и решаются фундаментальные вопросы, имеющие отношение к самой сути анализируемого феномена. К ним относятся вопросы о том, отличаются

ли лжецы низким интеллектом; можно ли их считать социально плохо приспособленными; в каких случаях лжец не испытывает чувства вины; в каком возрасте дети начинают лгать; есть ли связь между стадиями морального развития Л. Колберга и склонностью субъекта ко лжи; правда ли, что лжецы вырастают в малообеспеченных семьях; и т.п. На каждый из названных и многих других вопросов автор дает развернутые, обстоятельные, но отнюдь не нравоучительные ответы.

Таким образом, П. Экман провел, безусловно, глубокий и чрезвычайно интересный психологический анализ лжи: ее мотивов, разновидностей, личностных и ситуативных детерминант, способствующих или, наоборот, препятствующих возникновению этого феномена в ситуациях общения людей. Вместе с тем вызывает удивление тот факт, что в отличие от других исследователей [4, 14, 15] Экман не различает психологические аспекты неправды, лжи и обмана, а употребляет перечисленные выше термины как синонимы. Нередко это приводит к противоречиям, затрудняющим понимание психологической сути анализируемых феноменов.

В частности, несмотря на преклонение перед высоким уровнем профессионализма американского коллеги, мне трудно согласиться с его расширительной трактовкой понятия «ложь». По мнению Экмана, например, жульничество является одним из видов лжи. Ложью он также называет умолчание правды, сознательное сокрытие истины. С такой морально-психологической позиции лживость оказывается антонимом не правдивости, а более обобщенного качества личности — честности. Однако честность основывается не только на правдивости субъекта, но и на совокупности других правил поведения («кодексе чести»), которыми он руководствуется при совершении конкретных поступков.

Американский психолог характеризует как ложь поступок своего тринадцатилетнего сына Тома, тайком от родителей устроившего вечеринку в загородном доме: «Конечно, организовав эту вечеринку, он поступил некрасиво, однако мне он не сказал ни одного слова лжи. Том соглашался, что он не прав, но протестовал против того, чтобы расценивать случившееся как обман. Обманом считал происшедшее я. Есть разница между сокрытием правды и изречением лжи, но, по моему, и то и другое — ложь» [12, с. 27].

В данном случае я склонен скорее признать правоту мальчика, чем его отца. Скрыв от родителей правду, Том не солгал, а поступил нечестно. Вполне возможно, что на прямой вопрос о том, собирал ли он своих друзей в загородном доме, подросток не только не дал бы лживого ответа, но даже никогда и не помышлял об этом. Экман пишет: «Согласно моему определению лжи как намеренного введения в за-

блуждение другого человека, сокрытие правды — такая же ложь, как и произнесение неправды, особенно если тот, от кого скрывается информация, ожидает ее получить без специального на то требования» [12, с. 55].

Однако, по моему мнению, предоставление или сокрытие ребенком сведений, в которых, как он знает из прошлых разговоров с родителями, они испытывают потребность, не имеет прямого отношения ко лжи. Вопрос о том, сказать или скрыть правду, каждый решает в зависимости от своего понимания правил честного поведения. Соответственно ожидания родителей без напоминания получить необходимую информацию также являются психологическими компонентами понимания честности, но не лжи. Если принять точку зрения Экмана, то нечестность и ложь становятся вообще неразличимыми. С позиций психологического анализа содержания этих понятий ложь всегда представляет собой утверждение, в котором сознательно искажается истина (причем, не обязательно словами, лгать можно и жестами). Между тем для того чтобы поступать нечестно, совсем не обязательно что-то утверждать (пользоваться шпаргалкой, списывать на экзамене и т.п.).

Приведенный пример, вероятно, кому-то покажется незначительным, но для концепции лжи П. Экмана он является принципиальным. Американский исследователь признает: «Конечно, люди не всегда говорят правду и не всегда так уж необходимо их разоблачать» [12, с. 20]. В частности, «тактичность зачастую предполагает недомолвки, приукрашивание, а также слова, которые абсолютно не соответствуют истине, но в то же время и не являются ложью» (там же). Экман ни в малейшей степени не навязывает читателю своих нравственных убеждений, но сам при обсуждении проблемы лжи не отступает от них ни на шаг. Его рассуждения основываются на традиции, восходящей в западной культуре к богословским трудам Блаженного Августина [13] и получившей завершение в моральной философии И. Канта. Фактически американский психолог, как и его знаменитый немецкий предшественник, категорически отвергает ложь во всех ее проявлениях: «Я научился каждый раз удерживаться от того маленького шага, с которого начинается большая ложь...» [12, с. 85]. Краеугольным камнем фундамента такой морально-психологической позиции является представление о том, что ложь нарушает права обманываемого человека. Подобное представление отражается в определениях лжи — как в том, которого придерживается Экман, так и приводимых в толковых словарях английского и немецкого языка.

Психологический анализ лжи как коммуникативного феномена обнаруживает принципиальные различия в понимании содержания этого понятия в западной и русской культуре. Для западной истори-

ко-культурной традиции типичным является включение в словарные определения лжи или явного, или подразумеваемого указания на того человека, которому лгут. В русских дефинициях ложь, как правило, рассматривается только как нравственное или аморальное деяние лгущего субъекта, искажающего истину.

Утверждение о принципиальности указанных различий я сначала попытаюсь обосновать путем сравнительного анализа американских, английских, немецких и русских толковых словарей.

Типичными для американских словарей являются такие значения понятия ложь: «1. Неистинное утверждение, сделанное с намерением обмануть; ложь, неправда. 2. То, что создает или предназначено для того, чтобы произвести ложное впечатление» [17, с. 456]. Соответственно «лгать» обозначает: «1. Делать неверное заявление или заявления, особенно с намерением обмануть. 2. Производить ошибочное или вводящее в заблуждение впечатление» (там же). Аналогичные определения можно найти и в одном из самых авторитетных словарей американского варианта английского языка — словаре Уэбстера [22, с. 864], [27, с. 516-517]. Обратимся теперь к английскому толковому словарю Кассела, в котором указывается, что лгать — значит «говорить или писать что-нибудь с сознательным намерением обманывать; произвести ложное впечатление, чтобы обмануть» [16, с. 675]. Практически такие же определения обсуждаемого действия и понятия содержатся в других известных английских словарях [21, с. 604], [23, с. 429]. Не составляют исключения и немецкие определения: «Ложь — намеренно неверное высказывание. Высказывание, направленное на осознанный обман другого» [26, с. 2420]. «Лгать — говорить противоположное правде, намеренно говорить неправду, чтобы обмануть другого» [26, с. 2421]. (См. также [25, с. 574]).

Приведенные выше дефиниции не являются оторванными от жизни лингвистическими абстракциями. Они соответствуют представлениям о лжи, существующим в сознании многих людей, в частности американских психологов. Например, Экман определяет указанный психологический феномен «как намеренное введение в заблуждение другого человека» [12, с. 55]. Аналогичной точки зрения придерживается Ф.Л. Карсон с соавторами: «Ложь есть умышленно ложное утверждение, которое предназначено для того, чтобы обмануть другого или предполагает вероятность обмана другого» [15, с. 388].

«Другой» не случайно представлен в большинстве западных дефиниций лжи. В западной культуре ложь обычно рассматривается как одна из форм насилия над обманываемым человеком, как нарушение прав личности [14, с. 18]. Например, И. Кант отвергал любую ложь на том основании, что «ложь всегда вредна кому-нибудь, если

не отдельному лицу, то человечеству вообще, ибо она делает негодным к употреблению самый источник права» [6, с. 293]. А. Шопенгауэр, напротив, доказывал необходимость высказывания абсолютно не соответствующих истине утверждений в ситуациях неоправданного вмешательства во внутренний мир личности [11]. Но что интересно: диаметрально противоположные взгляды обоих немецких философов зародились в одной и той же морально-правовой почве — признании необходимости соблюдения прав человека.

Современные западные психологи опираются на философскую традицию, которая наиболее ясно выражена в определении Хьюго Гротюса: «Ложь в собственном смысле слова есть намеренная, связанная с желанием обмануть неправда, которая отнимает или ограничивает у ближнего возможность суждения, на которую он согласно молчаливому соглашению имеет естественное право. Ложь предосудительна, потому что несовместима с правами того, к кому она обращена» (цит. по: [20, с. XLIII]).

Согласно этой традиции намеренно неистинное утверждение считается ложью в строгом смысле слова только в том случае, если оно вступает в конфликт с правом личности, к которой оно обращено. Например, шантажист не имеет права на информацию, которая ему нужна, чтобы вымогать деньги. Следовательно, сообщать преступнику ложные сведения — это не значит лгать. А. Шопенгауэр указывал, что право на ложь распространяется на любой лишенный законного основания вопрос о личных и деловых обстоятельствах человека. Он считал ложь необходимым орудием самообороны против любопытства, потому что его мотив может оказаться недоброжелательным и повредить личности [11, с. 217-219].

Таким образом, определения лжи, формулируемые западными мыслителями, основываются на представлениях о нарушении прав того, кому лгут. Каждый человек имеет право принимать решения, полагаясь на истинную, а не искаженную ложью информацию об окружающем мире. Например, не покупать товары, навязываемые ему обманными рекламными объявлениями (*deceptive advertisings*) [15]. Представления о правах человека не только глубоко укоренились в западной общественной морали, они отражаются в индивидуальном сознании людей: живой пример тому — Пол Экман. Вследствие этого западное понимание лжи я называю морально-правовым.

Разумеется, я не настолько наивен, чтобы приписывать такое понимание лжи абсолютно всем нашим западным современникам. Если бы это было так, то ложь не была бы повсеместно распространенным явлением. В частности, по данным Американского совета по образованию приблизительно две трети студентов колледжей и высших учеб-

ных заведений лгут и обманывают [24]. Я вижу свою задачу в ином: выявить не общее для всех людей (это отлично сделал в своей книге Экман), а особенное, т.е. некоторые культурно обусловленные различия между россиянами и представителями западного мира. И надо сказать, что русские историко-культурные традиции тоже дают основания для выявления психологических особенностей понимания лжи.

Начну с того, что толковые словари русского языка порождают у заинтересованного читателя образы, весьма отличные от тех, на которые наводит чтение американских, английских и немецких литературных источников. В словаре В.И. Даля находим такие определения: «Лгать — врать, говорить или писать ложь, неправду, противное истине. Ложь — то, что солгано, слова, речи, противные истине» [2, с. 241]. В словаре современного русского литературного языка: «Ложь — намеренное искажение истины; обман, неправда» [9, с. 331].

С точки зрения русских авторов, смысловыми признаками, позволяющими констатировать наличие или отсутствие лжи в ситуации общения, являются ее референтный и интенциональный аспекты: искажена ли истина и сделано это намеренно или нет. Коммуникативный аспект лжи, воздействие не соответствующего фактам утверждения на другого человека, хотя и подразумевается, но остается как бы на втором плане и не подвергается серьезному научному анализу.

Вместе с тем наше понимание лжи имеет существенную для психологического анализа особенность: определения обсуждаемого феномена нередко содержат указания на морально предосудительный характер действий лгущего субъекта. Например: «Лжет, не краснея» [7, с. 257]. Довольно распространенным является рассмотрение лжи как синонима такого социально порицаемого поступка, как клевета [8, с. 166]. И.А. Ильин указывает на неразрывную связь лжи и предательства [5].

Это не случайно, а скорее закономерно: для русской культурной традиции характерно рассмотрение лжи как морально предосудительного деяния субъекта. Солгав, человек берет грех на душу и за это расплачивается муками совести. Вот, к примеру, как определяет указанный феномен В.С. Соловьев: «Ложь — в отличие от заблуждения и ошибки — обозначает сознательное и потому нравственно предосудительное противоречие истине» [10, с. 911]. Это типично русское понимание лжи, включающее ее в область рассмотрения не теории познания, а нравственной философии. В.С. Соловьев, И.А. Ильин и другие русские мыслители осуждают солгавшего, потому что он отступает от своей божественной и человеческой сути, но в их определениях лжи тоже нет ни слова о том человеке, которому лжет субъект. Ложь рас-

сматривается прежде всего как категория нравственного сознания человека, поэтому русское понимание лжи я называю субъективно-нравственным.

Одно из наиболее серьезных возражений против такого названия русского понимания обсуждаемого феномена заключается в следующем: словарные определения и тем более опубликованные много лет назад размышления отечественных философов могут не соответствовать представлениям о социальной и психологической природе лжи, существующим в сознании современных россиян.

Для того чтобы подтвердить или опровергнуть это возражение осенью 1994 года я провел эмпирическое исследование.

МЕТОДИКА

В исследовании принимали участие 286 испытуемых в возрасте от 18 до 62 лет (143 женщины и 143 мужчины) — студенты, офицеры, работники центров занятости населения. Они анонимно отвечали на вопросы:

1. Скажите, пожалуйста, что такое с Вашей точки зрения ложь, то есть дайте краткое определение лжи?
2. В каких ситуациях Вы можете солгать, не испытывая (или почти не испытывая) угрызений совести?

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Подавляющее большинство испытуемых, 239 человек (124 женщины и 115 мужчин), привели определения, мало чем отличающиеся от словарных: «Ложь это несоответствие между мыслимым и произносимым»; «Преднамеренное высказывание человеком ложных суждений в тех или иных целях»; «Заведомое искажение истины» и т.п. И только 47 испытуемых (19 женщин и 28 мужчин) дали определения такого рода: «Ложь это обман, введение в заблуждение собеседника по интересующему его вопросу»; «Заведомо осознанное искажение истины для оправдания своих поступков или введение в заблуждение собеседника ради корыстной цели»; «Умышленное искажение реальной ситуации при пересказе другим людям».

Статистический анализ различий между результатами испытуемых двух выявленных групп ($\chi^2 = 127.6$; $p < 0,001$) убедительно подтвердил гипотезу о том, что случайно выбранные и обследованные россияне при определении лжи акцентируют внимание не на вреде, приносимом ложью другому человеку. Главное для них — объективная характеристика содержания данного психологического феномена

и субъективная оценка качеств личности лжеца. 90 испытуемых, хотя их никто об этом не просил, включили в определения лжи отрицательную моральную оценку лгущего субъекта. Например, женщина, 47 лет, пишет: «Ложь это намеренное искажение правды. Ложь — самое низменное качество человека». Мужчина, 56 лет, более кратко: «Ложь — это подлость». Студентка, 19 лет: «Ложь — это неискренность человека, связанная с нежеланием открыть истинные факты, злостью, завистью, со скрыванием своих недостатков». Офицер, 33 года: «Ложь — это крайняя черта непорядочности».

Таким образом, эта часть исследования выявила удивительную устойчивость психологических особенностей понимания лжи, традиционных для русской культурной традиции: мнения наших современников почти буквально совпадают со словарными определениями и мнениями российских философов начала века.

Характерной особенностью анонимных ответов испытуемых на второй вопрос является статистически значимое преобладание ситуаций, в которых субъект лжет ради блага другого человека, над ситуациями, в которых он поступает так для достижения собственных целей. Из 286 человек только 13 (7 женщин и 6 мужчин) сказали, что никогда не лгут. 101 испытуемый (30 женщин и 71 мужчина) сказал, что обычно лжет, ориентируясь на собственные интересы. При этом они приводят аргументы, которые можно найти в работах психологов разных стран, в частности американских [18,19].

Испытуемые из этой группы, описывая свои поступки, приводят причины, которые можно назвать общечеловеческими. Например, студент, 24 года, пишет: «Я могу солгать в ситуации осознанного манипулирования человеком, к которому не испытываю ни малейшего уважения» (западные психологи связывают такое поведение со свойством личности лгущего субъекта, называемым ими макиавеллизмом [18]). Студентка, 18 лет: «Если мне человек солгал, я тоже могу ему солгать». Офицер, 30 лет: «Ложь в целях самообмана или успокоения душевных переживаний, а также ложь для повышения авторитета в глазах окружающих». «Женщина, 44 года: «Мне почему-то всегда стыдно лгать. Но если я вижу, что человек не совсем порядочен, иногда мне нравится доставить ему некоторые неудобства моей ложью».

Кроме того, ложь для достижения личных целей иногда порождается не только субъективными причинами, но и объективными социально-экономическими условиями, которых мы живем: «В наше время, когда приходится обращаться в какую-то организацию, приходится говорить неправду. Иначе у тебя этот вопрос не решится» (офицер, 27 лет). Кстати, на это обратил внимание и П. Экман, посещавший СССР в 1979 и 1990 г.г.: «За многие десятилетия советские люди ус-

воили, что добиться чего-либо они могут, лишь обходя установленные предписания. Хитрость и обман в этой стране стали нормой. Каждый знал, что законы несправедливы, система порочна и выжить можно, лишь перехитрив систему» [12, с. 10].

Перейду теперь к анализу результатов большей группы испытуемых, состоящей из 172 человек. Данные ими ответы на второй вопрос не отличаются разнообразием, в основном их можно охарактеризовать как «ложь во спасение»: искажение диагноза, сообщаемого неизлечимо больному; желание оградить близкого человека от лишних неприятностей; неточное изложение родителям совсем не героических обстоятельств гибели их сына в армии и т.п. Тем не менее, как показали результаты статистического анализа ($\chi^2 = 17.95$; $p < 0.001$), ответы именно этой группы испытуемых следует признать типичными, отражающими генеральную совокупность представителей нашей русской культуры. Однако результаты обобщенного межгруппового сравнительного анализа скрывают в себе интересные половые различия, т.е. различия ситуаций, в которых чаще всего лгут женщины и мужчины. В группе женщин 106 испытуемых указали, что чаще лгут ради другого, и 30 — для достижения собственных целей ($\chi^2 = 41.36$; $p < 0.001$). В группе мужчин соотношение составляет соответственно 66 и 71 человек (различия не значимы).

Следовательно, широко распространенное представление о том, что в сознании русских людей «ложь во спасение» имеет наибольший удельный вес по сравнению с другими видами лжи [3] справедливо только применительно к женской половине населения (для тех, кто не доверяет статистическим критериям, скажу менее категорично: применительно к женской половине обследованной выборки из 286 россиян).

Исследование выявило и еще одну интересную закономерность. «Ложь во спасение» является для нас типичной, но существует и такой вид лжи, который играет очень незначительную роль в сознании и поведении большинства россиян. Я имею в виду ложь, произносимую с целью сохранить в неприкосновенности свой внутренний мир, предотвратить вмешательство в личную жизнь. Как свидетельствует, частое упоминание этого вида лжи Экманом (см. с. 32,35, 53, 55 и др.), американцы, даже самые маленькие, относятся к такой лжи вполне серьезно и нередко используют ее в межличностном общении.

Между тем из 273 протоколов только в 20 (14 женщин и 6 мужчин) я нашел описания ситуаций, в которых человек вынужден солгать, чтобы защитить свою честь и достоинство (например, некоторые женщины предпочитают таким образом избавляться от назойливых поклонников). Подобная ложь используется не только в реальных случаях морального давления со стороны других людей, но и предполагаемого, т.е. тогда, когда субъекту кажется, что такая угроза существ-

вует. Девушка, студентка МГУ, пишет: «Я могу солгать, когда мне это удобно (даже не обязательно необходимо). Мне кажется, что таким образом я защищаю себя от людей, которые хотят управлять моим поведением. Это помогает мне избежать некоторых проблем, не прибегая к конфликту». Подобные ответы дали только 7% испытуемых, поэтому очевидно, что их нельзя считать типичными.

Последний результат мне представляется очень важным. Разное отношение американцев и русских к вмешательству в их личную жизнь имеет глубокие культурно-исторические корни. Западная духовность в значительной степени основана на католической религии, а юридический дух католицизма, как точно подметил С.С. Аверинцев, требует ограждения, определенного дистанцирования одного личного бытия от другого. Он пишет: «Когда читаешь католические книги по моральной теологии, поражаешься, как подробно там оговариваются границы права ближнего на свои личные секреты, не подлежащие разглашению под страхом греха, и тому подобные загородочки вокруг территории индивидуального бытия, — и насколько часто там употребляется одно важнейшее, привычное для нас отнюдь не в сакральных контекстах слово: «договор», по-латыни — «контракт»» [1, с. 229].

В современной западной психологии морали эта проблема формулируется как обоснование права взрослого или ребенка уклониться от расспросов на личные темы, сославшись на нежелание приоткрывать завесу над своими секретами. Приведу высказывание П. Экмана: «В рамках нашей плюралистической культуры всегда будут существовать различные точки зрения на любую сторону жизни детей. Проблема состоит в том, четко ли родители различают, что им необходимо знать, а с чем они могут смириться как с проявлением независимости ребенка. Если существует взаимное согласие о наличии каких-то личных сфер, то ребенок вправе уклониться от расспросов или ответить: «Это мое личное дело», подобно тому как родители запирают дверь своей спальни» [12, с. 177].

В противоположность западной корни русской духовности следуют искать в общинных формах устройства жизни людей, в рамках которых они психологически не раздельны, а, наоборот, тесно связаны друг с другом и более открыты в общении. «Далеко не случайно Достоевский ненавидел самый дух морали контракта, в котором угадывал суть западного мироощущения, считал его безнадежно несоместимым с христианской братской любовью и даже поминал в связи с ним весы в руке третьего апокалипсического всадника — образ средней меры, отмеривающей ровно столько и не больше» [1, с. 229].

Коллективистские представления о единении с другими людьми, социально одобряемые образцы предельной искренности, открытости

в общении вошли в нашу плоть и кровь, стали неотъемлемой частью русского национального самосознания. Сегодня никого не удивляет, что в нашей культуре не принято говорить собеседнику: «Я не буду отвечать на Ваш вопрос, потому что это мое личное дело». Даже если вопрос действительно касался внутреннего мира личности, такой ответ чаще всего воспринимается если не как грубость, то по крайней мере как невежливость. При этом мало кому приходит в голову, что подобные вопросы нарушают права человека. Вследствие этого обследованные россияне так редко вспоминали и о том, что ложью можно оградить себя от назойливости и чрезмерного любопытства.

* * *

Результаты проведенного исследования показали, что в отношении лжи у американцев и русских есть много общего. И те, и другие лгут из корыстных побуждений, из-за желания избежать наказания, страха унижения, стремления повысить свой авторитет и т.д. Но в этой статье меня интересовало не столько общее, сколько особенное. Психологические особенности двух различных типов понимания лжи, названных морально-правовым и субъективно-нравственным, отчетливо проявились как при теоретическом, так и при экспериментальном анализе проблемы. Время изменилось, и сегодня россияне получили возможность общаться с западным миром. Вследствие этого повысился интерес к общечеловеческим ценностям, стала больше проявляться тенденция к интеграции русской культуры с культурами других стран и народов. В этих условиях мне кажется важным для психологов не растерять присущие нашему народу черты характера и особенности поведения в огромном потоке общепсихологических исследований, проводимых по международным стандартам и направленных на изучение психологии человека. Одним из перспективных и интересных направлений работ в этом направлении я считаю психологический анализ морально-правового и субъективно-нравственного понимания лжи.

Литература

1. Аверинцев С.С. Византия и Русь: два типа духовности. Статья вторая // Новый мир. 1988. № 8.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2. СПб.: Диамант, 1997.
3. Знаков В.В. Правда и ложь в сознании русского народа и современной психологии понимания. М.: Институт психологии РАН, 1993.
4. Знаков В.В. Индивидуальные различия понимания обмана в малом бизнесе // Психологический журнал. 1994. № 6. С. 51—60.
5. Ильин ИЛ. О лжи и предательстве // Аксиомы религиозного опыта. М.: Рарог, 1993.

6. Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 292-297.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1988.
8. Словарь русского языка: В 4 т. Т. 2. М.: Институт русского языка АН СССР; «Русский язык», 1986.
9. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 6. М.—Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1957.
10. Соловьев В.С. Ложь // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XVIIа. СПб., 1896.
11. Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность. М.: Республика, 1992.
12. Эжман П. Почему дети лгут? М.: Педагогика-Пресс, 1993.
13. Augustinus A. Die Luge und Gegen Luge. Wurzburg. 1986.
14. Bok S. Lying: Moral choice in public and private life. N.Y., 1979.
15. Carson Th.L., Wokutch R.E., Cox J.E. An ethical analysis of deception in advertising // Contemporary moral controversies in business. N.Y., 1989.
16. Cassel's English Dictionary. London, 1969.
17. Funk & Wagnalls Standard Dictionary. N.Y., 1983.
18. Geis F. Machiavellianism // Dimensions of personality. N.Y., 1978.
19. Hopper R., Bell R.A. Broadening the deception construct // Quarterly Journal of Speech. 1984. V. 70. № 3.
20. Keseling P. Das Problem der Luge abendlandischen Mittelalter. Das Problem der Luge in der Neuzeit // Augustinus A. Die Luge und Gegen Luge. Wurzburg. 1986.
21. Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow, Essex, England, 1987.
22. New Webster's Dictionary of the English Language. Delhi, 1983.
23. The Penguin English Dictionary. Harmondsworth, Middlesex, England, 1977.
24. Saxe L. Lying: Thoughts of an applied psychologist // American Psychologist. 1991. V. 46. № 4. P. 409-415.
25. Ulstein Lexicon der deutschen Sprache. Frankfurt-Berlin, 1969.
26. Wahrig G. Dutsches Wörterbuch. Munchen, 1980. 27. Webster's School Dictionary. Massachusetts, U.S.A. 1986.

**ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ ПРАВДЫ В ЭТИКЕ
И. КАНТА, НРАВСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ
В.С. СОЛОВЬЕВА И СОВРЕМЕННОЙ
ПСИХОЛОГИИ**

Опубликовано: Психологический журнал 1997. Т. 18. № 4.
С. 3-14.

*«Такой правды, которая принадлежала бы
единичному человеку, не существует, не ты
повелеваешь ей, а она тобой».*

И.Г. Фихте

В последние годы в России в гуманитарных науках наблюдается повышенный интерес к проблеме соотношения истины и правды. Например, раздаются голоса философов в защиту точки зрения, в соответствии с которой категорию истины следует применять только в методологии естествознания, а понятие правды — в методологии общественных наук [22, с. 116-117]. Лингвисты подчеркивают, что «правда» дает истинностную оценку конкретным утверждениям о жизни людей, «истина» — общим суждениям о Вселенной и религиозным представлениям о сущности мира [2, с. 18]. Психологи высказывают мнение, что истина представляет собой категорию логики и теории познания, а правда — категорию психологии понимания. Истина отражает соответствие наших знаний о мире самому миру. В общении любое правдивое высказывание субъекта выражает не только соответствие сказанного действительности, но и его этическое отношение к партнерам [9, с. 17].

Интерес к указанной проблеме отражает стремление ученых осмыслить глубинные основания жизни человека и понять причины перемен, происходящих в современном мире в целом и российском обществе в частности. Вопрос *что есть истина!*, заданный Понтием Пилатом Иисусу Христу, относится к самой сути человеческого бытия. Неудивительно, что он представляет собой фундаментальную проблему теории познания. Философы и психологи анализируют ее с двух основных, но тем не менее различных точек зрения. Первых прежде всего интересует: какой смысл имеет само понятие истины? Вторые стремятся понять,

какие представления, мнения, суждения субъектов познания и общения являются истинными и какие ложными, а также от каких психологических факторов зависит характер понимания людьми истины и правды?

Осуществляя научный анализ феномена правды, психолог должен различать две стороны проблемы: как люди *понимают* правду и как они *ведут себя* (часто ли в общении говорят правду или ложь и обман). В отечественной психологии личности и возрастной психологии поведенческий аспект проблемы нередко сводится к изучению правдивости как черты характера человека. Например, в интересной диссертации Е.Г. Беляковой выделяются четыре аспекта правдивости (традиционные для психологических исследований характера и свойств личности). Первый аспект — правдивое поведение, то есть добровольное следование норме правдивости, даже если ее нарушение сулит человеку определенные выгоды при безнаказанности его действий. Второй аспект связан с мотивационно-потребностной сферой личности, определяющей правдивое отношение к другим людям. Третий аспект — когнитивный, включающий моральные знания, представления и суждения, связанные с нормой правдивости. Наконец четвертый аспект — это переживание собственной или чужой правдивости в плане самосознания при нарушении или, наоборот, следовании нравственной норме [4, с. 38]. Однако как психологические исследования, так и реальная жизнь показывают, что прямая зависимость между пониманием субъектом правды и следованием принципам правдивости в конкретных коммуникативных ситуациях отсутствует. Вследствие этого среди западных психологов распространено мнение, что «изучение правдивости как личностной характеристики оказалось непродуктивным» [30, с. 213].

В психологии понимания проблема правды ставится иначе: исследователей интересуют прежде всего интенциональные аспекты понимания правды, а также когнитивная и моральная оценки сходства и различия содержания истины и правды. Поведенческие аспекты феномена правды при таком ракурсе рассмотрения проблемы оказываются несущественными.

Цель статьи — проанализировать наиболее значимые историко-научные тенденции изучения проблемы понимания правды и соотнести их с перспективными направлениями современных психологических исследований.

* * *

Работы современных ученых опираются на философские и культурные традиции, уходящие корнями в средневековье. Отражение различий в содержании понятий истины и правды можно найти еще в творениях Блаженного Августина [1, 26], но в аналитически ясном виде они пред-

ставлены в трудах гениального Канта. Он разделял теоретическое знание (результат познания того, что существует) и практическое — знание, «посредством которого я представляю себе, что должно существовать» [13, с. 545-546]. Соответственно об истине он много размышлял в своей теории познания (вершиной которой является «Критика чистого разума» [13]), а правда, по Канту, — объект познания практического разума, предмет нравственной философии. Анализ проблем правды и правдивости посвящены многие страницы его этических сочинений [14, 15, 25, 27].

Для Канта понимание правды — это проблема анализа не внутреннего мира говорящего (его установок, целей, знаний, ценностных ориентации), а способа соотнесения любого правдивого высказывания с обязательным для каждого человека долгом, с априорными моральными нормами. Кант ищет прежде всего мотивационную сторону высказывания: что побуждает человека говорить правду. И он находит этот источник не в конкретном субъекте, а в априорных нормах нравственности, долге. Хотя такие нормы и называются моральными, по существу они имеют правовой характер. Канта интересует только одно: говорит человек правду, повинувшись исключительно долгу (и тогда и только тогда он поступает нравственно) или руководствуется иными мотивами. В последнем случае, как бы ни были благородны мотивы субъекта, его поведение не соответствует критериям нравственности.

Допустим, врач пожалеет безнадежно больного, постоянно думающего о том, чтобы его невыносимые страдания как можно скорее закончились. Доктор скажет больному правду: ему недолго осталось мучаться. По Канту, такой поступок не имеет ничего общего с правдивостью как чертой характера подлинно честного человека. Ведь поступок врача был продиктован не долгом, а состраданием, т.е. одной из человеческих «слабостей». Кант ясно осознает, что поступок сам по себе совсем не плох, а может быть, даже и хорош — но не следует выдавать его за моральный!

В кантовском понятии долга в концентрированном виде выражена идея необходимости ориентации каждого члена общества на нравственно общее (способность человека предьявлять к себе и другим одинаковые моральные требования), то есть на то, что принципиально отлично от «материи желания». Оценка человеческой деятельности как нравственной или, наоборот, безнравственной не может основываться только на психологических побуждениях субъекта, потому что последние могут изменяться. В частности, человек сегодня может подавать милостыню из сострадания, а завтра по каким-то причинам возненавидеть всех нищих. Когда поступок совершается исключительно по склонности, без осознания субъектом долга или обязанности, то он не имеет нравственной цены. В этом случае, по Канту, поступок можно рассматривать как случайный психологический факт, не имеющий

никакого всеобщего, объективного значения. Нравственными наши действия становятся только тогда, когда они основаны на разумном убеждении, уважении к нравственному долгу. Многим это покажется парадоксом, но если человек ненавидит нищего и, тем не менее, считая, что помогать сирым и убогим — обязанность каждого добродетельного христианина, подает ему милостыню, то он поступает нравственно.

В житейском смысле немецкий философ не был идеалистом: он ясно понимал, что в реальной жизни невозможно указать хотя бы на один поступок человека, про который с уверенностью можно утверждать, что его мотивация исключает какие-нибудь эмпирические побуждения, «материю желания». Однако это обстоятельство ничуть не уменьшает объективного значения нравственного долга, так как он должен выражать не то, что бывает, а то, что должно быть. По Канту, моральные нормы предписывают следующему им человеку не цель, не конкретное содержание деятельности, а только определенную форму — форму всеобщей законосообразности. Вследствие этого для решения вопроса, принадлежит ли обсуждаемый поступок к числу нравственных или безнравственных, надо всегда смотреть, мог ли бы он стать всеобщим законом поведения человека в обществе. Если это окажется возможным, то он будет нравственным, в противном же случае — безнравственным.

Н.О. Лосский, анализируя взгляды Канта, пишет: «Примеры.... легко найти, рассматривая нарушения правила «не лги». Кант, сторонник ригористической морали, не допускает никаких исключений из этого правила, даже и взятого в его отвлеченной всеобщности. В статье «О мнимом праве лгать из любви к человеку», рассматривая вопрос даже и не с нравственной, а с правовой точки зрения, он говорит: «Правдивость в высказываниях, которых нельзя избежать, есть формальный долг человека в отношении к каждому человеку, хотя бы и могли возникнуть от нее вредные последствия для него и для других». Этот долг Кант обосновывает указанием на то, что ложь подрывает доверие к высказываниям, а, следовательно, и ко всем правилам, основанным на договоре. Таким образом, по мнению Канта, даже и в том случае, когда убийца спрашивает, в нашем ли доме друг наш, которого он хочет убить, мы обязаны сказать правду» [19, с. 189].

Многие философы, среди которых немало русских (см., например, [6, с. 67]), критиковали немецкого мыслителя за то, что в его интерпретации нравственный закон оказывается чисто формальным — не зависимым от конкретного морального содержания поведения человека, а также моральных оценок его поступков, которые могут быть даны разными людьми. Однако обвинения Канта в ригоризме и формальном характере его этики нельзя признать справедливыми. Великий немецкий мыслитель отчетливо осознавал различия между моралью как

формой сознания современного общества (несовершенного во многих отношениях) и нравственным статусом индивида, к достижению которого он призывал стремиться всех людей [15]. Он понимал также, что правдивое высказывание как моральный поступок субъекта нередко противоречит аморальной практике окружающей действительности. Но следование долгу — не рабское подчинение законам общества, а, наоборот, проявление собственной воли нравственно зрелого индивида, высшее проявление человеческой субъективности. На первый взгляд это может показаться парадоксом, но по Канту, «нравственная свобода личности состоит в осознании и выполнении долга» [8, с. 162].

Этические воззрения Канта с пониманием и сочувствием были восприняты многими западными мыслителями (такими, как И.Г.Фихте — см. эпиграф к статье), высоко оценивавшими роль права в частной жизни людей. Неудивительно, что в западной науке и культуре до сих пор распространен *морально-правовой* подход к пониманию семантического антипода правды — лжи. В противоположность этому для россиян практически во все исторические периоды более типичным было *субъективно-нравственное* понимание лжи [10]. Соответственно в нашем отечестве преобладала иная точка зрения на понимание сущности правды [12, 21]. Полнее и глубже других ее выразил «типичный и гениальный представитель русского способа мышления» [18, с. 212] В.С.Соловьев.

* * *

Развернутое и основательное рассмотрение вопросов нравственной философии представлено в его книге «Оправдание добра» [24]. А.Ф.Лосев писал: «Присматриваясь ближе к этому труду Вл. Соловьева, мы видим, что своей целью философ ставит здесь определение правды, не впадая в какой бы то ни было тон наставления, проповеди или пропаганды» [17, с. 161]. На эту цель ясно указывает сам автор: «Назначение этой книги — *показать добро как правду*, то есть как единственный правый, верный путь жизни во всем и до конца — для всех, кто решится предпочесть его» [24, с. 42].

Соловьев разработал собственную концепцию правды, существенно отличающуюся от кантовской. Он соглашался с основным положением этического учения Канта: «Добродетельный человек есть человек, *каким он должен быть*»- [24, с. 125]. Однако выдающийся русский мыслитель на этом не остановился и развил положение о тройственном характере должного, или нравственного, отношения: «Должное отношение не есть отношение одинаковое. Различая себя от другого, мы это другое необходимо полагаем или определяем тройко: или как *нижшее* (по существу), или как *подобное* нам (однородное), или как *высшее* нас» (там же). Отношение не будет должным, нрав-

твенным, если человек относится к себе подобному как к низшему существу (смотрит на него как на бездушную вещь) или как к высшему (видит в нем божество или предписание божественной воли). Нравственное отношение имеет место тогда, когда субъект не находит себя ни безусловно господствующим, высшим, ни подчиненным, низшим существом, а искренне считает себя средним, одним из многих.

В соответствии с тройственным характером нравственного отношения русский ученый ввел различие между правдой реальной, формальной и идеальной — для словесного выражения того, что есть, что может и что должно быть. Понятие правды объединяет в себе три основных требования нравственности, «поскольку одна и та же правда по существу своему требует различного отношения: аскетического — к низшей природе, альтруистического — к нашим ближним и религиозного — к высшему началу» [24, с. 25].

Выделение трехкомпонентной структуры обсуждаемого феномена позволило В.С. Соловьеву не только содержательно расширить и углубить понятие правды. Использование вместо одного значения категории правды (как простого соотношения высказывания с действительностью) трех различных по смысловым оттенкам понятий дает возможность снять противоречие между кантовским пониманием лжи как безусловной противоположности правде и нравственным долгом человека (например, с помощью фактически ложной речи спасти друга, которого ищет убийца). По Соловьеву, «те философы, которые особенно настаивают на правиле «не лги», как не могущем иметь никакого исключения, впадают сами в фальшь, произвольно ограничивая значение правды (в каждом данном случае) одною ее реальною или, точнее, фактическою стороною, в *отдельности взятою*»- [24, с. 134]. Ложь противоположна правде в полном смысле слова в тех случаях, когда под ложью имеют в виду противоречие не только правде реальной и формальной, но и, главным образом, правде идеальной, чисто нравственной (то есть тому, что должно быть).

Рассматривая кантовский пример с убийцей, русский философ приходит к прямо противоположному решению моральной дилеммы: в такой ситуации человек с развитым нравственным сознанием просто обязан сказать неправду, чтобы «отвести глаза» преступнику. С одной стороны, поскольку убийца тоже человек, то, казалось бы, как и любой другой член общества, он имеет право на знание истины. Следовательно, задавая вопрос, он может рассчитывать на получение точного ответа от людей, знающих истину. Однако, с другой стороны, его вопрос нельзя ограничить простым желанием знать факты: где находится тот, кого он замыслил убить. «Ведь запрос убийцы вовсе не существует как отдельный и самостоятельный акт, выражающий его любознательность насчет фактического местонахождения его жертвы: этот запрос

есть только нераздельный момент в целом ряде поступков, составляющих в совокупности покушение на убийство, и утвердительный ответ вовсе не был бы исполнением общей обязанности говорить правду, а только преступным *пособничеством*, благодаря которому покушение превратилось бы в совершение убийства» [24, с. 137].

По Соловьеву, любое высказывание о человеческих делах можно понимать как правдивое только тогда, когда оно отражает поступок в его действительной целостности и собственном, внутреннем смысле. Иначе говоря, глубокое понимание поступка возможно только в том случае, когда понимающий субъект может ответить на три вопроса: что? почему? в каких обстоятельствах? — что именно сделал человек, каков мотив действия и условия, в которых был совершен поступок. Как отмечает Соловьев, смысл вопроса убийцы в приведенном выше примере заключается не в получении сведений, а в намерении убить человека. Поняв преступный замысел, мы не имеем ни теоретического основания, ни морального права давать преступнику информацию о местонахождении разыскиваемого. «С этой *единственно правдивой* точки зрения вопрос убийцы значит только: *помоги мне совершить убийство*, и фактически точный ответ на него, отвлекаясь от действительного смысла вопроса и придавая ему вопреки очевидности какое-то отношение к истине, был бы прямо *лжив* — с теоретической стороны, а практически означал бы только *исполнение этого преступного требования*; тогда как «отвод глаз» был бы единственным возможным способом *отказа* в этом требовании, — отказа *нравственно обязательного* не только по отношению к жертве, которой это спасает жизнь, но и по отношению к злодею, которому это дает время одуматься и отказаться от своего преступного намерения» (там же).

Таким образом, в отличие от Канта Соловьев считал, что проблему правды нельзя сводить к обязательному для всех членов общества стремлению всегда придерживаться истины в соответствии с требованиями морального долга. Трехкомпонентная структура правды дает возможность ученым осуществлять более тонкий и дифференцированный анализ истинностных и ценностно-нормативных аспектов обсуждаемого феномена (в частности, моральных норм того или иного общества и нравственных представлений субъекта, понимающего, а также принимающего или отвергающего общепринятые нормы). Морально-правовой тип мышления Канта побуждал его искать источник высказывания человеком правды в обязанностях гражданина перед обществом, в априорном понятии долга, корни которого скрываются в необходимых и неизбежных ограничениях, которые накладывает на индивида жизнь среди людей. Например, ложные обещания несообразны с долгом, во-первых, потому, что они нарушают права других и оскорбляют человеческое достоинство; во-вторых, если все начнут да-

вать обещания, не собираясь их выполнять, то это отрицательно повлияет на правовые основания государственного устройства.

У Соловьева тип мышления, способ обсуждения проблемы понимания правды преимущественно субъективно-нравственный. Конкретно это означает, что, как и Кант, он уделяет самое пристальное внимание внешней детерминации порождения правдивого высказывания — влиянию на высказывающего или понимающего правду человека доминирующих в обществе моральных норм и религиозных представлений. Однако решающее слово в определении того, можно ли считать правдой истинное высказывание, остается за говорящим или слушающим субъектом. Все зависит от того, сумеет ли он осознать и различить в высказывании сосуществование реальной, формальной и идеальной правды. Соответственно для ученого, изучающего индивидуальный характер понимания правды, основным способом исследования оказывается анализ сознания субъекта — нравственных представлений и когнитивной специфики решения им моральных проблем.

Взгляды обоих великих мыслителей, немецкого и русского, оказали значительное влияние на современные представления о психологических механизмах понимания правды.

* * *

В настоящее время существует по крайней мере пять различных общенаучных подходов к изучению сущности правды — аналитический, семантический, корреспондентный, когерентный и интерсубъектный [31]. В западной психологии наиболее значимым признается корреспондентный подход [30, с. 206], в соответствии с которым правда есть выражение отношения (корреспонденции) знаний человека о мире и самого мира; она порождается в процессе взаимодействия субъекта с объектом. Это так называемая «материальная правда» [30, с. 204]. Помимо материальной правды психология имеет дело и с этической, обычно изучаемой в контексте теории морального развития Л. Колберга. В психологии развития представлены пять основных тематических направлений изучения правды. Во-первых, попытки определения самого понятия. Во-вторых, поиски ответов на вопросы о том, в каком возрасте дети становятся способны говорить правду и как развивается эта способность. В-третьих, какие факторы детерминируют приписывание детьми суждениям значений правдивости или ложности. В-четвертых, какие правила и стратегии они используют, чтобы прийти к заключению о правдивости-лживости (или ложности) высказываний. В-пятых, каковы индивидуальные различия в правдивости и как научить детей всегда говорить правду [30].

В современной психологии проблема понимания правды, например, правдивого высказывания о каком-то поступке человека, не сводится к

кантовскому анализу соотношения сознания субъекта, высказывающего суждение, с долгом, априорными моральными нормами. В социальном познании правдивыми считаются только такие сообщения о поведении людей, в которых отражены все три основные составляющие любого поступка — действие, его цель и внешние условия, обстоятельства, в которых человек что-то сделал (или вынужден был сделать). Следовательно, современная трактовка проблемы отличается от позиции Канта, она более близка к точке зрения Соловьева: его трехкомпонентная структура правды точнее отражает три плоскости психологического анализа правдивых высказываний о поведении людей. Даже западные ученые, воспитанные на кантовской традиции уважения к честности и правдивости в личных и общественных отношениях, признают, что иногда человек попадает в ситуации, в которых внешние обстоятельства сильнее внутреннего морального категорического императива. В частности, С. Бок (S. Bok) пишет: «Возможно, философ Кант стал бы спорить с человеком, солгавшим гестапо о присутствии еврея в его или ее доме, но большинство из нас не стали бы этого делать» (цит. по: [33, с. 410]).

Современный научный анализ психологических механизмов понимания правды включает не только установление связи между суждением и отраженной в нем действительностью. Для психолога не менее важно выявить цель говорящего, установить степень осознания им намерения выразить определенную этическую позицию, отражающую его отношение к человеку или людям, о которых идет речь в высказывании. При этом необходимо различать истинное содержание высказывания (то есть соответствие сказанного действительности) и субъективное отражение побуждений, мотивации говорить правду в коммуникативной ситуации. Как показали психологические исследования, субъективное отражение своей цели и степени искренности может сильно зависеть от отрицания, вытеснения, рационализации — защитных механизмов личности, в разной степени осознаваемых мужчинами и женщинами [11].

Личностные факторы играют существенную роль и при формировании субъектом оценки правдивости своих или чужих суждений, основанных на воспоминании событий, происходивших в далеком прошлом. Такие оценки важны при анализе точности свидетельских показаний и биографических описаний. Очевидно, что прошлый опыт человека интегрирован в структурах личностного знания. Легкость или, наоборот, затруднения в его актуализации подвержены влиянию многих личностных факторов. Тем не менее, сегодня приходится констатировать, что наиболее интересные психологические исследования автобиографической памяти [28, 34] направлены преимущественно на анализ ее когнитивных составляющих.

Заметным научным событием в области изучения автобиографической памяти (развернутый аналитический обзор исследований автобиографической памяти представлен в статье В.В. Нурковой [23]) стала статья У.Нейссера (U. Neisser). Она посвящена анализу правдивости свидетельских показаний Джона Дина, которые он давал комиссии Сената США на слушаниях по Уотергейтскому делу (цит. по: [28]). Нейссер выделил в высказываниях Дина три вида правды — дословную передачу, рассказ о сути, основном содержании происшедшего, и реэпизодическую память. Дословная передача это буквальное воспроизведение событий без какого-либо искажения истины. Знакомство с сутью происходящего обычно вызывает у слушателей вопрос о критериях, на основании которых была сообщена одна информация и намеренно или случайно выпущена другая. Критерием адекватности, правдивости информации считается ее соответствие фреймам, сценариям и тому подобным структурам знаний субъекта. Основным признаком реэпизодической памяти заключается в том, что те эпизоды, жизненные ситуации, которые повторяются несколько раз, в целом воспроизводятся точнее, чем уникальные события. Последние имеют тенденцию к ассоциации со случайными фактами, не имеющими объективного отношения к предмету обсуждения. Как У.Нейссер, так и другие ученые обстоятельно анализируют причины искажений в свидетельских показаниях и автобиографических воспоминаниях. Однако их исследования направлены на изучение когнитивных аспектов психики человека, но отнюдь не личностных и, тем более, относящихся к категориям и ценностям нравственного сознания.

В отличие от этого в современной психологии понимания анализ сходства и различия категорий истины и правды осуществляется в контексте изучения истинностных и ценностно-смысловых компонентов знаний как психологических предпосылок и основания формирования понимания. Причины этого очевидны: для научного анализа понимания наиболее существенными являются две характеристики знания — его истинность и ценность для субъекта. В психологии понимания понятия истины и правды анализируются под углом зрения органического единства их трех основных аспектов: гносеологического (отражение, образ), аксиологического (ценность) и практического (применение истинных знаний).

Гносеологический аспект истины и правды. Истина — это категория логики и теории познания, характеризующая только соответствие знания действительности. Правда — категория психологии общения и взаимопонимания, выражающая не только соответствие знаний миру, но и степень адекватности наших оценок социальных отношений, поведения людей (например, моральных оценок). Я согласен с мнением А.Л. Никифорова, что категорию истины следует применять только в методологии

естествознания, а понятие правды — в методологии общественных наук [22, с. 116-117]. Истинное знание отражает законы природы и общества, то есть того, *что происходит*. Правдивые сведения, отражающие закономерности поведения человека, кроме истинных знаний о том, что реально происходит, всегда включают в себя представление передающего эти сведения субъекта о том, что *должно происходить*. Истина обладает свойством обобщенности и одинаковости для всех людей, имеющих достоверное знание. Именно истинностная оценка знания является основанием универсальности, общезначимости истины: каждый, кто знает таблицу умножения, может высказать соответствующее истинное суждение. Однако истинностная оценка знания недостаточна для констатации суждений, например, о поступках людей. Правда — это такая истина, которая становится предметом личного отношения, субъективной оценки. Оценка субъектом своего или чужого истинного суждения зависит от характера понимания им обсуждаемого поступка, его ценностно-смысловой позиции и мировоззрения. В зависимости от того, в какой контекст личного знания включается знание о поступке другого человека, познанная истина приобретает для субъекта разный смысл. И это основная причина того, почему при осмыслении одной и той же истины возможно появление различных вариантов правды.

Таким образом, истина это характеристика содержания знания, а правда — конкретное выражение отношения субъекта к отображенной в знании действительности, понимания ее. Вследствие этого истину мы познаем, а правду понимаем.

Аксиологический аспект. Объективно истинное знание (в частности, законов природы) обладает для субъекта определенной ценностью. Однако с точки зрения психологического анализа содержания понятий, ценность истины отличается от ценности правды. Субъект понимает как правду только те объективно истинные суждения, которые характеризуют межличностные взаимодействия, с выраженным этическим отношением человека к человеку. Этическое отношение основано на усвоенных моральных нормах и включает в себя представления о том, как следует поступать человеку, чтобы окружающие считали его добрым, ответственным, искренним и т.п. Как свидетельствует отечественная история, в нашей культуре многие считают истинность второстепенным признаком правдивости суждений о поведении людей, а основным — их соответствие требованиям справедливости. Например, Н.Д. Арутюнова пишет: «Значение истинностной оценки вторично для слова *правда*» [3, с. 16]. При этом главным оказывается вопрос не о том, верно ли в суждении отражена действительность. Гораздо важнее определить, насколько оно согласуется с представлениями общающихся субъектов о правде как некотором идеале поведения, заключающемся в

соответствии поступков человека требованиям морали, долга, то есть в правильном понимании и выполнении этических принципов.

Практический аспект. Истина представляет собой и результат познания, и его конечную цель. К примеру, основной целью работы ученого является получение нового истинного знания. В классических концепциях истины последняя рассматривается как такая характеристика отношения между высказыванием и действительностью, которая включает в себя объективное знание о свойствах действительности, но не включает субъективное понимание возможностей практического применения знания [16]. В отличие от истины психологическое содержание правды всегда включает интенцию, установку субъекта так или иначе использовать правдивые сведения в коммуникативных ситуациях. Правда не является конечной целью общения и межличностного познания (за исключением случаев, когда человек поставил перед собой задачу «найти правду»). Она всегда высказывается субъектом для чего-то (например, для того чтобы дать психологическую характеристику значимого другого), то есть с определенной целью, которую партнеры по коммуникации должны адекватно понимать.

В психологии понимания есть еще одна плоскость различия между истиной и правдой, очень существенная для психологической практики. Понятие истины обычно используется для выражения соотношения высказывания, суждения, мнения с действительностью, а понятие правды — кроме того еще и с правильностью, правилами поведения, нормами. Есть целые области деятельности, где для людей важна не истинность, а обращение к иному уровню опыта, основанному на правдоподобию, правильности, непротиворечии норме. Одной из таких областей психологической практики является нейролингвистическое программирование — НЛП. Вот, например, как определяют свои задачи признанные авторитеты в области НЛП Р. Бэндлер и Дж. Гриндер: «Мы называем себя людьми, создающими модели.... Мы не имеем никакого представления о «действительной» природе вещей, и нас не очень интересует, что такое «истина». Задача моделирования — находить полезные описания. Поэтому если нам случится заявить, что нечто известное вам из научных исследований или статистики не соответствует действительности — то поймите, что здесь вам предлагается иной уровень опыта. Мы не предлагаем вам ничего истинного — только полезное» [5, с. 63].

Специалисты по НЛП, разумеется, понимают значимость истины и правды в познании и общении. Однако, как В.С. Соловьев указал на ситуации, в которых моральные ценности могут иметь приоритет над чисто познавательными, так и современные психологи обращаются к поиску новых некогнитивных и, соответственно, «неистинностных» сторон феноменологии человеческой психики. Причем, НЛП — далеко не единственная

область, в которой людям не нужна истина, а достаточно правдоподобных моделей. В искусстве и психологии художественного творчества на них основано понятие художественной правды. Обратимся, например, к театру. Еще И.В. Гете говорил о том, что «правда искусства» отличается от «правды жизни». В отличие от природы и общества применительно к искусству мы называем правдой не соответствие реальности произведения, созданного творческой фантазией художника, а лишь правдоподобие художественного образа. Когда мы идем в театр, то не ожидаем, что все разыгрывающееся на сцене будет правдивым и настоящим. Однако мы стремимся к тому, чтобы все увиденное и услышанное казалось нам именно таким — правдивым и настоящим [29, с. 68]. Подлинный ценитель искусства способен увидеть в произведении мастера не только правдоподобие образа: он вживается в мир, развивающийся по своим собственным законам, и как бы воспаряет над грешной землей. Согласно Гете, в этом проявляется то, что зритель называет художественной правдой [29].

Наконец, важным практическим аспектом понимания правды является проблема ее принятия: наличия или отсутствия у человека желания знать истинное положение дел. Осознанное или неосознаваемое субъектом отвержение фактов приводит к непониманию правдивых суждений о них. К примеру, в начале восьмидесятых годов рассказы «афганцев» о том, что на территории соседней страны они участвовали в настоящих боевых действиях, а не обычных учениях нередко воспринимались неволевыми людьми как фантазии, преувеличения, вымыслы. Сегодня эта проблема оказывается особенно значимой в биоэтике и медицинской психологии. Мотивация, интенция является одним из необходимых компонентов понимания, называемым в психологии пониманием аффективно-интенциональным [32]. В этой связи чрезвычайно интересным представляется вопрос о том, какие индивидуально-личностные и социально-демографические факторы влияют на желание или нежелание субъекта знать правду. Частичный ответ на этот вопрос можно найти в социологических опросах на тему «Если состояние пациента безнадежно, имеет ли он право знать всю правду о состоянии своего здоровья, или врач должен решать, что именно сообщать пациенту?» [7]. Оказывается, что ответы «пациент имеет право знать правду» и «врач должен решать, что именно сообщать больному» зависят от возраста опрашиваемых, пола, образования, уровня доходов. При постановке вопроса в заостренной форме («Если бы это касалось лично Вас, хотели бы Вы узнать всю правду о состоянии своего здоровья?») правду желают знать относительно большее число мужчин, чем женщин; молодых людей, чем пожилых; высокообразованных, чем малообразованных; жителей больших городов, чем живущих в деревне [7].

Такие данные очень интересны, но они не дают ответа на вопрос:

почему одни люди ходят знать правду, а другие нет? Однако одна причина очевидна — ориентация разных социальных групп и даже народов на два принципиально различные, полярные типа этики. Первый тип — персоналистическая, индивидуалистская этика. Она характерна для стран с длительной традицией демократии, с присущим ей плюрализмом и особым значением личной ответственности. Второй тип — этика групповой солидарности, коллективизма, отказывающая индивидуальному «Я» вправе определять собственное поведение, судьбу, и отвечать за свои поступки. Вопрос о личной ответственности имеет смысл только тогда, когда человек обладает правдивыми сведениями об условиях своего существования. В противном случае свобода субъекта, возможности принятия им правильных решений ограничиваются; соответственно ответственность за многое из того, что с ним происходит, ложится на общественные институты.

Преимущественная ориентация на разные типы этических систем отчетливо проявляется у жителей западной и восточной Европы. В недавно опубликованной статье И. Марковой [20] сравнивались ответы шотландцев и словаков на вопрос о том, должна ли сохраняться врачебная тайна в том случае, если больной или больная СПИДом является безответственным человеком, неразборчивым в связях, не использующим мер предосторожности и потому распространяющим вирус? Испытуемые из шотландской выборки после обсуждения проблемы пришли к заключению, что врачебная тайна является правом, которое не может быть оспорено. Они утверждали, что нарушение тайны означало бы создание «колонии прокаженных» и что «это — вопрос медицинского просвещения, а не изоляции больных. Это заболевание нельзя изолировать» [20, с. 64]. Смысл высказываний словаков сводился к необходимости защитить общество. Если человек распространяет болезнь, то он нарушает закон — почему тогда врач должен соблюдать конфиденциальность? Очевидно, что жители Западной Европы при принятии решения, как и Кант, ориентировались прежде всего на правовые аспекты проблемы. Испытуемые из восточноевропейской выборки руководствовались преимущественно морально-нравственными критериями: можно предположить, что В.С. Соловьев дал бы такой же ответ на обсуждаемый вопрос.

Когда статьи с описаниями результатов подобных исследований попадают в руки психолога, то у него сразу же возникают различные предположения о необходимости проведения дополнительного изучения личностных качеств респондентов. В частности, вполне вероятно, что статистически значимое большинство субъектов с выраженной интернальностью личности захотят знать правду о неблагоприятном прогнозе своего заболевания, в то время как число таких людей среди экстерналов будет небольшим. Интересно было бы узнать, различаются ли по

склонности знать горькую правду субъекты с различными личностными типами мышления. И таких вопросов можно поставить немало.

* * *

В статье представлены как историко-научные традиции в изучении проблемы понимания правды, так и тенденции современных исследований. И история, и современность предоставляют психологам много материала для размышлений и дальнейших исследований.

Кант поставил проблему понимания правды как проблему соответствия суждений о поступках людей не столько тому, каковы эти поступки в действительности, сколько тому, какими они должны, обязаны быть, чтобы не противоречить правовым и моральным нормам. Правда всегда выражает как то, что есть, так и то, что должно быть.

В.С. Соловьев пошел дальше и осуществил более дифференцированный анализ обсуждаемого феномена. Он выделил трехкомпонентную его структуру — правду реальную, формальную и идеальную. Основное внимание он уделил рассмотрению правды как категории нравственного сознания.

Современные научные представления о психологических механизмах понимания правды основаны на анализе и развитии идей обоих великих мыслителей. В психологии понимания понятие правды анализируется под углом зрения единства их трех основных аспектов: гносеологического, аксиологического и практического. При гносеологическом ракурсе рассмотрения проблемы правда выступает как должное отношение субъекта к социальному миру. Аксиологический анализ обнаруживает, что правда это такая категория нравственного сознания, которая характеризует этическое отношение человека к человеку. Практический угол зрения на проблему показывает, что правда является необходимым компонентом общения и взаимопонимания людей. Нередко правдивость суждения о чем-либо поступке формируется главным образом на основе его соответствия «правильности», общепринятым нормам поведения людей. При этом истинность сказанного как бы отодвигается на задний план сознания субъекта, высказывающего или воспринимающего суждение.

Литература

1. *Августин А.* Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского. М.: Ренессанс, 1991.
2. *Арутюнова Н.Д.* Речеповеденческие акты и истинность // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис / Под ред. Т.В. Булыгиной. М.: Наука, 1992. С. 6—39.
3. *Арутюнова Н.Д.* Истина и этика / Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М.: Наука, 1995. С. 7—23.
4. *Белякова Е.Г.* Психологические особенности развития правдивости при

переходе из подросткового в юношеский возраст. Дис.канд. психол. наук. М., 1995.

5. *Бэндлер Р., Гриндер Дж.* Из лягушек — в принцы. Нейро-лингвистическое программирование. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1992.
6. *Введенский А.И.* Условие позволительности веры в смысл жизни // Смысл жизни в русской философии. СПб.: Наука, 1995.
7. *Гудков Л.Д., Юдин Б.Г.* Медицинская этика и право на информацию // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 127—132.
8. *Гулыга А.В.* Кант. М.: Молодая гвардия, 1977.
9. *Знаков В.В.* Правда и ложь в сознании русского народа и современной психологии понимания. М.: Институт психологии РАН, 1993.
10. *Знаков В.В.* Почему лгут русские и американцы: размышления российского психолога над книгой Пола Экмана // Вопросы психологии. 1995. № 2. С. 84—92.
11. *Знаков В.В.* Половые различия в понимании неправды, лжи и обмана // Психологический журнал. 1997. Том 18. № 1. С. 38—49.
12. *Ильин И.Л.* Аксиомы религиозного опыта. М.: Рарогъ, 1993.
13. *Кант И.* Критика чистого разума. Соч.: В 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3.
14. *Кант И.* Трактаты и письма. М.: Наука, 1980.
15. *Кант И.* Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. СПб.: Наука, 1995.
16. *Липский Б.И.* Практическая природа истины. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1988.
17. *Лосев А.Ф.* Владимир Соловьев и его время. М.: Прогресс, 1990.
18. *Лосев А.Ф.* Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991.
19. *Лосский И.О.* Условия абсолютного добра. (Основы этики. Характер русского народа). М.: Республика, 1991.
20. *Маркова И.* Социальные репрезентации демократии в обыденном и рефлексивном мышлении // Психологический журнал. 1996. Том 17. № 5. С. 56—68.
21. *Михайловский Н.К.* Письма о правде и неправде. Соч.: В 6 т. СПб., 1897. Т. 4.
22. *Никифоров А.Л.* Революция в теории познания? // Общественные науки и современность. 1995. № 4. С. 113—117.
23. *Нуркова В.В.* Автобиографическая память как проблема психологического исследования // Психологический журнал. 1996. Том 17. № 2. С. 16—29.
24. *Соловьев В.С.* Оправдание добра. М.: Республика, 1996.
25. Современные зарубежные исследования философии Канта. М.: ИНИОН РАН, 1975.
26. *Augustinus A.* Die Luge und Gegen Luge. Wurzburg. 1986.
27. *Bok S.* Kant's arguments in support of the maxim «Do what is right though the world should perish» // Argumentation: Lying. 1988. V. 2. № 1. P. 7—25.
28. *Edwards D., Potter J.* The chancellor's memory: Rhetoric and truth in discursive remembering // Applied cognitive psychology. 1992. V. 6. № 1. P. 187—215.
29. *Goethe I.W.* Uber Wahrheit und Wahrscheinlichkeit der Kunstwerke // Goethes Werke in zwolf Banden. Berlin und Weimar, 1974. Bd. 11. S. 67—74.
30. *Laakker J.F.* Development of concept of truth and lying: A developmental task // Developmental task: Towards a cultural analysis of human development. Dordrecht at al. 1994. P. 203—224.
31. *Puntel L.B.* Wahrheitstheorien in der neueren Philosophie. Eine kritisch-systematische Darssstellung. Darmstadt, 1978.
32. *Rosemann B., Kerres M.* Interpersonales Wahrnehmen und Verstehen. Bern u.a., 1986.
33. *Saxe L.* Lying: Thoughts of an applied psychologist // American Psychologist. 1991. V. 46. № 4. P. 409—415.
34. *Wagenaar W.A., Groeneweg J.* The memory of concentration camp survivors // Applied cognitive psychology. 1990. V. 4. № 1. p. 77—87.

«ИСТИНА» И «ПРАВДА» В ХРИСТИАНСТВЕ И ПСИХОЛОГИИ ПОНИМАНИЯ

Опубликовано: Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 6. С. 61—71 (в соавторстве с И.А. Романовой).

В психологии давно назрела дискуссия по проблемам истины и правды. Сегодня специалистов по психологии познания уже не может удовлетворить определение объективной истины как такого содержания представлений познающего субъекта о мире, которое не зависит ни от человека, ни от человечества. Оно, несомненно, устарело и не соответствует точкам зрения современных философов [10], лингвистов [2] и других ученых-гуманитариев. Тем более, такое определение истины — прямое и «грубое» противопоставление человека и мира — не может удовлетворить психологов, уяснивших глубокую мысль С.Л. Рубинштейна о том, что без субъекта в гносеологическом плане не существует и объекта [15]. Проблема зависимости истинности отражения мира от психологических характеристик познающего мир субъекта особенно отчетливо проявляется в психологии понимания. В ней различаются истина как логико-гносеологическая категория и правда как психологическая [8]. В психологии понимания выявлены признаки, по которым истину следует отличать от правды, экспериментально описаны различные типы понимания последней, а также показано, какое значение названные категории имеют в русской культурно-исторической и, в частности, религиозно-философской традиции [6]. Вместе с тем очевидно, что вопрос о том, какие внутренние и внешние условия детерминируют процесс превращения в сознании человека гносеологической истины в психологическую правду (субъективную по форме и объективную по содержанию), безусловно, требует дальнейшего изучения.

Для того чтобы получить (хотя бы в первом приближении) ответ на поставленный вопрос, мы начнем исследование с анализа мировоззренческих аспектов категорий «истины» и «правды» — того, как они представлены в сознании и поведении многих поколений людей.

Исторический контекст проблемы. Обращение к истории, в том числе истории христианской религии, способствует получению интересных результатов во многих областях современного человекознания. Однако при анализе соотношения содержания, объема, контекстов употребления понятий «истина» и «правда» такой ход мысли имеет особый смысл. Дело в том, что различение указанных понятий, с трудом прокладывающее путь к умам современных ученых, отчетливо прослеживается еще в трудах древнегреческих авторов и в Новом Завете [23].

В древнегреческом языке слово «истина» (*aletheia*) буквально обозначает «не скрытое» [4]. Оно указывает на событие, реальный факт, который можно наблюдать, обозначить и описать с помощью слов. Факт (событие) раскрывается, обнаруживается людьми или сам «обнаруживают себя», хотя и может подвергаться искажению и замалчиванию. В словаре И.Х. Дворецкого слово *aletheia* переводится следующим образом: 1) истина, правда (например, рассказывать всю правду, быть истинным, в действительности); 2) действительность, подлинность; 3) истинность, верность (например, истинность снов и сбывшегося пророчества); 4) правдивость, прямота, искренность; 5) «истина» (сапфировое украшение, которое, как символ истинности их учения, носили жрецы в Египте) [5, т. 1, с. 77-78].

Следовательно, в древнегреческом языке под истиной (*aletheia*) понималась реальность, реальное положение вещей, адекватность высказывания действительности. *Aletheia*, в отличие от слова *dikaiosyne* (правда), не может описывать человеческие качества. В юридической языковой практике истина понимается как реальность, реальные факты, события, в противоположность многочисленным субъективным описаниям в свидетельских показаниях. В исторических трудах истина также указывает на реальный ход событий и противопоставляется подлинное бытие в отличие от преходящих, «внешних» событий. Так, для Платона истина (*aletheia*) — мир вечных и неизменных идей, подлинная реальность в отличие от *eidolon* (отражение, видимость, кажимость). Такой подлинной реальностью является только божественное [13]. Если Платон еще формально употребляет слово «истина» для обозначения того, что соответствует действительности, то у гностиков, неоплатоников прилагательное «истинный» начинает пониматься только как «вечный, божественный» [24, с. 240]. Таким образом, основное для предшествующих этапов значение (действительный, подлинный) становится производным от более позднего (божественный). Человек обладает истиной настолько, насколько он близок к божеству, видит вечный, божественный смысл происходящего [21, с. 1722].

Для людей, знающих историю, не покажется странным тот факт, что описанные выше значения истины очень близки к христианскому их пониманию. Греческий язык Нового Завета не является полностью тождественным классическому древнегреческому языку. Ключевые понятия Нового Завета необходимо рассматривать не только в системе греческого языка, но и античной культуры, философии, миропонимания.

В языке Нового Завета слово «истина» употребляется в следующих значениях:

1. Истина — то, что обладает верностью и силой. Истина понимается как норма, подлинное и надлежащее. В этом ветхозаветном смысле слово «истина» употребляется в послании апостола Павла к Галатам (2:5; 2:14).

2. Истина — то, на что человек может положиться. В значении верности, доверия. Божественная истина здесь является синонимом Его верности (*pistis*).

3. Истина как реальное положение дел, такое как оно само является себя (Первое послание апостола Иоанна, 3:18).

4. Истина как истинность утверждения (см. Евангелие от Марка, 14:70, или Деяния апостолов, 26:25).

5. Истина как истинное учение, вера. Именно в этом смысле праведные названы «детьми истины», а апостол Павел называет Евангелие истиной и часто замещает одно понятие другим (Второе послание апостола Павла к Коринфянам, 4:2).

6. Истина как божественная реальность, откровение. Это значение слова *aletheia* в основном употребляется в Евангелии и посланиях апостола Иоанна.

В состав значений новозаветного слова «истина» *aletheia* входят древнегреческие, ветхозаветные и собственно новозаветные значения, которые можно назвать специфическими для христианства (истина как истинное учение, христианство; истина как божественная реальность, откровение). Уже в более поздних, в том числе в современных христианских текстах, вне зависимости от того к какому вероисповеданию принадлежат их авторы, слово «истина» понимается, в основном, как «истинное учение», или «божественная реальность». На эту специфику понимания истины в Новом Завете и в христианстве опираются авторы большого числа современных апологетических сочинений, совершая зачастую осознанную или неосознанную подмену понятий. Сначала слово «истина» употребляется в традиционном для европейской культуры и науки «греческом» смысле как «реальное положение дел, — так, как оно само является себя» или «истинность утверждения», а затем происходит переход в другую плоскость рассу-

дения, и под тем же словом «истина» начинает подразумеваться «истинное учение» или «божественная реальность».

Итак, общим основанием, объединяющим древнегреческое и новозаветное понимание слова «истина», можно считать идею «отражения реальности» (включая и реальность божественную), «реального положения дел», того, что происходит вне человека и независимо от него. Человек может по-разному относиться к истине, руководствоваться ею, полагаться на нее, но в слове «истина» отсутствует элемент личной включенности человека в процесс ее создания и «осуществления». Истина, особенно в новозаветном значении, несет этическую нагрузку: это реально существующий атрибут Бога, добро. Вместе с тем надо учитывать, что это добро абсолютное, данное человеку «извне» и на все времена.

Иные значения и контексты употребления обнаруживаются при анализе слова «правда».

Древнегреческое слово «правда» (dikaiosyne) происходит от слова *dike*, являющегося ключевым понятием для греческой этики, юриспруденции, теологии и имеющего очень широкий спектр значений. *Dike* понималось как «право», «справедливость» не только в юридическом и политическом смысле, но и как божественная справедливость, божественно установленный порядок на земле. *Dikaiosyne* имеет в словаре Дворецкого следующие значения: справедливость, законность, праведность, правда, правосудие, судопроизводство [5, т. 1, с. 405]. Это понятие выражает повинование, долженствование по отношению к Богу и людям, связь с обычаем, традицией и обозначает справедливость, законность, то, что соответствует божественной идее устройства общества. Оно употребляется в этике, юриспруденции, богословии, науке о политике. С его помощью можно характеризовать человека умеренного, повинующегося законам, выполняющего свой гражданский долг, не противопоставляющего себя обществу и не «возвышающегося» над ним.

В Новом завете понятие «правда» (dikaiosyne) употребляется в следующих значениях:

1. Правда как справедливый суд и управление (Деяния апостолов, 17:31; Откровение Иоанна Богослова, 19:11).

2. Правда как праведное, правильное поведение, правильное «хождение пред Богом». Это наиболее частое для Нового Завета значение слова «правда», означающее повинование Божьей воле, подражание Христу, непорочность, праведность перед Божьим судом.

3. Правда как атрибут Бога. Например, апостол Павел понимает правду как Божественное свойство и на основании этого строит свою доктрину спасения и оправдания человека. Правда для него — сущность Бога. Правда понимается также как объект надежды и веры: свою правду Бог являет в спасении человека [25, с. 428-429].

Итак, слово «правда», в отличие от слова «истина», следует трактовать как осуществление, воплощение абсолюта, истины в жизни реальных людей. Не случайно, в классическом древнегреческом языке «правда» обозначала и справедливость, и законность, и судопроизводство как попытку создания или восстановления справедливости. Божественная правда в новозаветном понимании связана с идеей личных отношений Бога и людей, «совершающихся» в определенных действиях. Бог действует праведно, являя свое милосердие людям, а люди праведны, выполняя Божественные заповеди. Если слово «истина» относится скорее к миру вещей и событий, не включающих человека, безразличных к отношениям между людьми, то слово «правда» описывает социум, относится к сообществу людей.

Современные контексты проблемы соотношения истины и правды. Сегодня с любопытством и даже изрядной долей изумления можно констатировать, что за последние две тысячи лет понимание соотношения содержания понятий «правда» и «истина» мало изменилось. Об этом свидетельствуют точки зрения современных ученых. Например, по мнению Н.Д. Арутюновой, категория «правда» дает истинностную оценку конкретным утверждениям о жизни людей, а «истина» — общим суждениям о Вселенной и религиозным представлениям о сущности мира [2, с. 18]. Однако такую точку зрения отнюдь не все считают очевидной и общепринятой. В психологии наглядным свидетельством этого являются разногласия между взглядами К.Г. Юнга и Э. Фромма.

Юнг, возможно, сам того не осознавая, использовал идею истины в древнегреческом и новозаветном понимании. Он считал истиной факты, саму реальность, а не оценочное суждение человека о ней. И такой феноменологический подход, с его точки зрения, является наиболее адекватным для деятельности психолога. В работе «Психология и религия» он писал: «Истиной для этой психологии являются факты, а не суждения. Например, говоря о мотиве непорочного зачатия, психология интересуется исключительно фактом наличия такой идеи; ее не занимает вопрос об истинности или ложности этой идеи в любом ином смысле. С точки зрения психологии эта идея истинна ровно настолько, насколько она существует. Психологическое же существование субъективно лишь до тех пор, пока та или иная идея овладевает только одним индивидом, эта же идея становится объективной, когда принимается обществом путем *consensus gentium*. Данная точка зрения является общей для всех естественных наук. Психология подходит к идеям и другим продуктам сознания так же, как, например, зоология к различным видам животных. Слоны истинны, ибо существуют. Более того, он не является ни умозаключением, ни субъективным суждением творца, это — феномен» [20, с. 132].

Следовательно, истиной в понимании Юнга является факт («не скрытое»), а не суждения о нем. Его критерий различения субъективного и объективного (возникла ли какая-то идея только у одного человека или же она установлена обществом) мало чем отличается от религиозного. Например, для христиан «истинное учение», «божественная реальность», фактически являющиеся синонимами объективной истины, объективны именно вследствие их общепринятости и даже институциональной заданности.

Фромм использовал понятие истины в значении, содержательно более соответствующему категории «правда», и не соглашался с точкой зрения Юнга: «Юнговское понятие истины несостоятельно. Он утверждает, что «истина — это факт, а не суждение о нем», что «слон является истинным, потому что он существует». Но он забывает, что истина всегда и необходимо относится к суждению, а не к описанию феномена, который мы воспринимаем с помощью наших органов чувств и который мы обозначаем при помощи словесного символа. Юнг утверждает далее, что идея является «психологически истинной, поскольку она существует». Но идея «существует» независимо от того, является ли она иллюзией или основана на фактах. «Существование» идеи не делает ее «истинной» ни в каком смысле. Даже практикующий психиатр не смог бы работать, если бы он не устанавливал истинности идеи, то есть ее связи с явлением, которое она описывает. Не сделав этого, он не смог бы выявить даже, с чем он имеет дело — с галлюцинацией или симптомом паранойи. Но подход Юнга несостоятелен не только с точки зрения психиатра, Юнг отстаивает релятивистские взгляды, которые только при поверхностном знакомстве кажутся более терпимыми по отношению к религии, чем взгляды Фрейда, но в действительности по самому своему духу противоположны таким религиям, как иудаизм, христианство и буддизм. Последние рассматривают стремление к истине как одну из самых главных добродетелей и важнейших обязанностей человека и утверждают, что их доктрины, будучи постигнуты либо через откровение божие, либо при помощи лишь силы разума, могут быть проверены на истинность» [19, с. 231-232].

Очевидно, что Фромм придает истине значение правды, он понимает, что последняя более соответствует описанию психологии людей, социальных взаимодействий, а также индивидуальных отношений человека с Богом.

Таким образом, во взглядах крупных ученых, в их понимании сути истины и правды наблюдаются значительные расхождения. Неудивительно, что, несмотря на серьезные результаты научных и религиозно-философских изысканий в этой области, интерес мыслителей к проблеме соотношения истины и правды сегодня не только не угасает,

а, наоборот, возрастает. Причины этого явления понятны. Интерес к указанной проблеме отражает стремление ученых осмыслить глубокие основания жизни человека и понять причины перемен, происходящих в современном мире. Очевидно, что серьезные психологические исследования в этой области в наше время, характеризующееся значительными изменениями в мировоззрении людей, не только теоретически значимы, но и практически полезны.

Осуществляя психологический анализ понимания людьми истины и правды, следует различать в этой проблеме *теоретико-методологические* и *конкретно-психологические* аспекты.

Теоретико-методологические аспекты проблемы. Для психологов одним из важнейших источников нового осмысления старых вопросов являются фундаментальные труды С.Л. Рубинштейна. Он ставил проблему истины не только в гносеологическом (как адекватности познания бытию), но и в онтологическом плане: необходимости рассмотрения бытия в ином качестве — включенности человека в мир, значимости бытия по отношению к потребностям реального человеческого существа.

Как известно, основной формой, в которой совершается мыслительный процесс, является суждение. Отношение суждения к его предмету, т. е. истинность суждения, является проблемой логики и гносеологии. Однако любое суждение человека представляет собой не только чисто познавательный, но и аффективный акт. Оно выражает отношение субъекта к объекту и другим людям, поэтому в суждении проявляется личность, ее отношение к происходящему, к окружающему миру. По Рубинштейну, «закрывающееся в суждении положение объективно истинно или не истинно; субъективно, как высказывание субъекта, оно обладает для него той или иной достоверностью. Оно в сугубо психологическом плане правдиво или ложно, в зависимости от того, адекватно или неадекватно оно выражает убеждение субъекта в истинности или неистинности того или иного положения; оно истинно или неистинно в зависимости от того, адекватно ли оно отражает свой объект» [16, с. 386].

Истина преломляется через внутренний мир человека, его жизнь, переживания и действия. Преломляясь, она переходит в убеждения субъекта, определяющие его поведение. С этой точки зрения логичным и закономерным оказывается определение истины «как такого понятия, которое может быть определено только соотносительно с человеком: существование истины возможно только для человека, познающего бытие, только соотносительно с ним» [16, с. 58]. А поскольку человек включен в мир человеческих отношений, то онтологический аспект истины неизбежно содержит и этический смысл. С нашей точки зрения, в социальном и гуманитарном познании именно этичес-

кий смысл — отношение субъекта к другим людям — придает истине статус правды. Истина начинает выступать как оценочное суждение, выражающее не только гносеологическое отношение познания к действительности (тому, что есть на самом деле), но и онтологическое, в частности нравственное, отношение человека к человеку. В работе «Человек и мир» Рубинштейн писал: «Точно так же проблемы познания, истины, открывающейся в познании, выступают не как обособленный гносеологический аспект изолированно взятого отношения человека к бытию. Это отношение также опосредствуется человеческими добродетелями и пороками — в познавательное отношение к бытию, к истине вплетается отношение к другим людям. Истина при этом — это не только правильность, но правда, справедливость, способность принять то, что есть, как оно есть (на самом деле), смотреть в глаза действительности, вскрывать ее» [14, с. 64].

В современной российской психологии идеи Рубинштейна нашли плодотворное воплощение в формировании нового научного направления — психологии субъекта. Одним из основателей этого направления является ученик Рубинштейна А.В. Брушлинский. Изучая психологические характеристики и свойства человека, он ставит во главу угла целостность субъекта как основание для системности всех его качеств. Неудивительно, что он категорически не принимает корреспондентный подход к определению истины: ведь если рассматривать истину только как соответствие (корреспонденцию) высказывания действительности, то в этом случае изучение психологических особенностей познающего субъекта становится ненужным и даже мешающим «объективному» познанию. По мнению Брушлинского, как сознательная, так и бессознательная активность на уровне психического как процесса являются способом формирования, развития и проявления человека как субъекта [3]. Развитие активности субъекта как творца своей жизни закономерно предполагает признание им других людей как равноправных субъектов, обладающих теми же правами, что и он сам. Одним из таких прав является право на правдивую информацию обо всем, что непосредственно касается его жизни. Например, правдивых медицинских данных о состоянии своего здоровья.

Другая ученица Рубинштейна, К.А. Абульханова-Славская, работающая в рамках того же научного направления, подчеркивает важность изучения правды как мировоззренческой и личностной позиции субъекта: «В разрешении неизбежных в общении противоречий между своими личными интересами и желаниями других людей и с точки зрения этики, и с точки зрения психологии решающую роль играет способность личности говорить и отстаивать правду. Позиция правды предполагает доверие к другому — исходное условие человеческого

общения. Это есть не что иное, как этический эквивалент признания личности в другом, а значит, его «права» на свой путь, иные решения и т. д. По этой же логике моя позиция должна давать простор для личного выбора, а потому исключает ложь во имя сглаживания расхождений. Позиция правды в отношениях и общении — это отсутствие притворства, готовность разрешать противоречия и мужество идти на них. Двойственность личности приводит к лжи и замазыванию противоречий, стремлению выдать свою позицию за общую, маскировке истинных целей и намерений и к неизбежно связанной с этим двойственности поведения. Такой способ установления и сохранения отношений при его внешней гладкости оборачивается моральными издержками, раздвоением или деградацией личности. Поэтому отстаивание правдивых отношений есть утверждение личностью этического в жизни, в способе общения с людьми. Здесь речь идет не просто о «соблюдении» этических норм и идеалов в поведении, а об отстаивании подлинно нравственных отношений» [1, с. 231-232].

К феномену доверия как необходимого компонента правдивых отношений между людьми (как известно, на обязательности таких отношений особенно настаивал Кант [8]) сегодня привлечено пристальное внимание многих психологов. И это неудивительно: указанный феномен играет существенную роль практически во всех областях социальных взаимодействий, в том числе и имеющих общечеловеческое значение. К последним относится проблема доверия к истинности свидетельских показаний при опознании нацистских преступников. Блестящим примером сочетания серьезного теоретического анализа с юридической практикой может служить фундаментальное исследование голландского психолога В.Вагенаара (Wagenaar). Он проанализировал психологические механизмы возникновения и динамики свидетельских показаний, а также факторов, влияющих на формирование доверия к ним. Исследование было проведено на основании материалов опознания Ивана Демьянчука, получившего в немецком концентрационном лагере, где он служил в годы войны, прозвище Иван Грозный [26].

Таким образом, с теоретико-методологической точки зрения, осуществляя психологический анализ соотношения понимания истины и правды, необходимо учитывать конкретные проявления активности человека как субъекта познания, общения, созерцания — своей жизни в целом. Кроме того, важно учитывать мировоззренческую, и прежде всего этическую, позицию личности, включающую ориентацию на принятие или отвержение правдивых отношений с другими людьми.

Конкретно-психологические аспекты проблемы. Они весьма разнообразны, но в этой статье мы рассмотрим только два: тендерные различия в понимании истины и правды, а также закономерные изме-

нения образа истинных событий, превращающие его из объективной истины в субъективную правду.

Теоретический анализ проблемы соотношения истины и правды показывает, что она отнюдь не является простой и очевидной для ученых (в частности, Юнга и Фромма). Еще сложнее и запутаннее она кажется при анализе обыденного сознания. В массовом сознании указанные понятия нередко искажаются до неузнаваемости: правдой называется либо то, что в психологии понимания называется неправдой, либо то, что по определению не имеет никакого отношения к правде. Приведем пример из романа А. Марининой:

«Мне нужна сейчас истина, а не правда.

— Вы видите разницу между этими понятиями? — вздернул брови психоаналитик.

— Огромную. Надо сказать, что ее вижу не только я, но и вся мировая философия. Правда — это то, что вы чувствуете и думаете. Когда вы не лжете, когда говорите искренне — вы говорите правду. *Но совсем не обязательно, что эта правда соответствует объективной реальности* (курсив наш — В.З и И.Р.). Истина — это то, что было на самом деле. Вы этого можете просто не знать или понимать неправильно. Можете добросовестно заблуждаться. Поймите, у меня нет оснований сомневаться в вашей искренности. Но основания сомневаться в вашей безошибочности меня есть» [9, с. 122].

В конкретно-психологическом плане это очень значимый пример. Выделенное курсивом предложение показывает, что, если ориентироваться на результаты проведенных в психологии понимания исследований, то в процитированном отрывке речь вообще идет не о правде или правдивости, а об искренности человека. Ведь если высказывание не содержит хотя бы крупницу истины, то оно не может быть правдой [6]. Научно корректное описание психологической сути правдивости дано Рубинштейном в книге, отрывок из которой мы уже цитировали. Правдивость или ложность суждения зависит не от искренности субъекта, а от того, «адекватно или неадекватно оно выражает убеждение субъекта в истинности или неистинности того или иного положения» (курсив наш — В.З. и И.Р.) [16, с. 386]. Иначе говоря, правдивость — это *оценка адекватности* убеждения человека в истинности суждения. Отсюда следует, что можно быть искренним и в то же время неправдивым.

Однако, как известно, научные понятия редко совпадают с житейскими, а определения, данные психологами, вполне могут расходиться с представлениями больших групп населения. Вот и в этом случае, несмотря на явное несовпадение с научными дефинициями, точка зрения, высказанная А. Марининой, отражает реально существующие в сознании многих людей *половые различия* в понимании правды. Пре-

жде чем подтвердить это утверждение психологическими данными, приведем еще один отрывок из того же романа:

«Продюсер, который никогда не врет, — это не продюсер, а режиссер. *Режиссер должен быть правдив, потому что он творец и должен донести свои мысли и чувства до зрителя* (курсив наш — В.З. и И.Р.). Если он не будет правдив, ему не поверят. А продюсер должен врать на каждом углу, иначе он и денег на фильм не достанет, и потом ничего не заработает» [9, с. 168].

Результаты психологических исследований [7] дают основание утверждать, что мужчины под правдой обычно имеют в виду суждения, в которых адекватно, правильно отражаются факты, события, явления окружающего мира. В сознании женщин это понятие чаще связывается с оценкой выражения мыслей и чувств. Женщины нередко отождествляют правдивость с искренностью. В общении они поступают в соответствии с принципом: «Если я искренне убеждена в истинности того, что говорю, значит я говорю правду». При этом «правда» выражает объективность отражения не внешнего мира, а внутреннего — мнений и убеждений женщины. Однако исследования защитных механизмов личности приучили психологов с осторожностью относиться к поведенческим проявлениям искренности: возможно, это всего лишь рационализация. Как отметил Фромм, «детальное исследование процесса рационализации... открыло новое измерение истины и показало, что того факта, что кто-то верит во что-то, еще недостаточно, чтобы судить о его искренности, что, только поняв, какие бессознательные процессы происходят в человеке, можно узнать, рационализирует он или говорит правду» [19, с. 264].

Надеемся, что наша точка зрения покажется читателю более обоснованной, если сошлемся на результаты тендерных исследований. Они свидетельствуют о разной направленности интересов мужчин и женщин — стремлении к получению информации о фактах, событиях в мире и интересе к эмоциям, мыслям и чувствам окружающих людей. Стиль слушания мужчин сфокусирован на информационный уровень разговора, а женщин — на взаимоотношения, то есть метаинформационный уровень [17]. В этом контексте становится понятной тенденция мужчин связывать понятия истины и правды с взаимодействиями субъекта с объективной действительностью, а женщин — в основном с миром переживаний и чувств (своих и окружающих).

Кроме тендерных различий в понимании истины и правды, существуют и общепсихологические механизмы, присущие всем людям и влияющие на понимание ими своих объективно истинных высказываний как правдивых. Прежде всего мы имеем в виду *переструктурирование и схематизацию прошлого опыта*, проявляющиеся в процессах

памяти, мышления и понимания. Из экспериментальной психологии известно, что пересказ человеком любой информации обычно является не дословным воспроизведением, а такой реконструкцией, которая включает в себя запомненные, известные, но и новые элементы. Более того: наличие реконструктивных элементов в сообщении может служить указанием на то, что человек говорит правду. И наоборот: если, например, обвиняемый на допросах дословно, заученно твердит одно и то же, то скорее всего он лжет [27].

Эта особенность человеческой психики, немаловажная для обыденной жизни и общения людей, приобретает первостепенную значимость в судебной практике — при оценке истинности показаний обвиняемых, потерпевших, свидетелей преступления. Как показано в психологических исследованиях автобиографической памяти, даже точное соответствующее фактам признание никогда не бывает абсолютно достоверным. «Истинное признание» — всегда субъективно подлинный автобиографический рассказ, который включает в себя как реконструктивные, так и конструктивные элементы. Истинное воспоминание при воспроизведении не тождественно точному «снимку» прошлого, а представляет собой «карту», которая достраивается и меняется в зависимости от ситуации воспроизведения, инструкции, целей, эмоционального состояния допрашиваемого, его мотивации [11,12].

Субъективно истинное признание всегда понимается и оценивается говорящим не как истина, а как правда. И это действительно правда: реконструкция прошлого опыта, закономерное конструирование новых его элементов является одним из важнейших психологических механизмов превращения воспоминаний об истинной картине происшедшего в правду. В отличие от истины правда — это не «калька», не буквальная передача случившегося, а иногда осознанная, но чаще неосознаваемая мысленная трансформация событий.

Очень похожим по психологическим механизмам переструктурирования личного опыта является феномен, названный Х.Г. Лернер (Lerner) рассказыванием «правдивых историй» о своей жизни [22]. Пересказ знакомым того, что случилось с тобой, является формой экспериментирования или имитации, которая расширяет опыт человека и чувство возможного. Пересказ и переосмысление событий своей жизни отражает желание найти себя для того, чтобы *быть* собой. «Рассказывать 'правдивые истории' о личной жизни это не значит быть собой или даже находить себя. Это *выбор* себя» [там же, с. 67]. Одна и та же «правдивая история» при ее пересказе другим людям может содержать детали, противоречащие первоначальному рассказу. Это не означает сознательного искажения реальной картины описываемых событий: просто есть множество путей, которыми мож-

но правдиво и реально структурировать и переструктурировать свой опыт. Кроме того, именно то, что в данный момент переживается с большей эмоциональной интенсивностью, имеет тенденцию субъективно пониматься как правда.

* * *

Как показали проведенные ранее психологические исследования, содержания правды и истины неодинаковы и их различия можно сформулировать в нескольких пунктах.

1. Понятие «правда» по объему и содержанию шире понятия «истина». Истина как логико-гносеологическая категория выражает оценку адекватности знаний субъекта о мире. Истина неразрывно связана со знанием: она — и конечная цель, и основной научный результат познания. Правда — категория психологии понимания, выражающая не только адекватность знаний о мире, но и их осмысленность, смысловую ценность для субъекта. Вследствие этого истину мы познаем, а правду понимаем. Правда — атрибут канала коммуникации, о правде уместно говорить только применительно к миру общающихся и понимающих друг друга людей. Правда всегда содержит зерно истины — без этого она не может быть правдой. Однако этого зерна еще недостаточно для того, чтобы истинное событие стало правдой в коммуникативной ситуации.

2. В отличие от истинности высказывания, независимой от канала коммуникации, степень правдивости сообщения для общающихся людей всегда обусловлена целями говорящего и слушающего. Мы понимаем правду, а не познаем ее именно потому, что делаем вывод о правдивости или лживости высказывания только в результате понимания его смысла: мотивов и целей партнера по общению, — зачем он это сказал. В частности, роль мотивов и целей говорящего и слушающего в понимании правды отчетливо проявилась в экспериментально изученном феномене инструментальной правды. Высказывая нелюбимую правду о другом человеке, испытуемые руководствуются утилитарной или мировоззренческой целью, основанной на принципе «Горькая правда всегда лучше, чем сладкая ложь». Интенциональные компоненты психики говорящего, побуждающие его высказывать такую правду о другом человеке, весьма разнообразны. К ним относятся представление о «воздающей справедливости», неумение оценить, нужна ли правда партнеру, ориентация субъекта исключительно на свои личные убеждения т.п. [6]. Успешность квалификации коммуникантами высказывания как правды или лжи в значительной мере зависит от их способности выявить «интенциональный пласт» содержания речевого сообщения (термин Т.Н. Ушаковой), т.е. те намерения субъекта, которые лежат в основе речи, но обычно лишь косвенно

проявляются в произносимых словах. Вследствие этого можно надеяться, что одним из перспективных направлений психологического изучения целевых аспектов понимания правды станет применение метода интен-анализа [18].

3. Для человека правдой является только та истина, в которую он верит. В ситуациях общения объективно истинное событие становится для партнеров правдой только тогда, когда они верят, что это событие в самом деле произошло. Иначе говоря, событие, истинность которого субъекты общения не имели желания или возможности проверить, кажется им правдоподобным на основе их моделей мира, представлений о действительности. Если вера в правдоподобие отсутствует, то истинные факты воспринимаются людьми как небылицы. Хорошей иллюстрацией этого положения является классический для американской психологии социальных ситуаций случай — описание биржевого краха в Нью-Йорке в 1929 году. Как известно, с него началась великая депрессия тридцатых годов. Проведенное после биржевого кризиса исследование показало, что в банках в этот момент были наличные деньги. И банковские служащие говорили об этом вкладчикам, они пытались убедить их в том, что говорят правду. Однако люди им не поверили. Субъективно они воспринимали объективно истинные сообщения как неправду. И поскольку все одновременно стали забирать свои деньги, банки один за другим обанкротились. Результат известен — тяжелой кризис, спад в американской экономике.

4. Наконец, многие считают истинность второстепенным признаком правдивости суждений о поведении людей, а основным — их соответствие требованиям справедливости. При этом главным оказывается вопрос не о том, верно ли в суждении отражена действительность, а насколько оно согласуется с представлением о правде как некотором идеале, основанном на справедливости отношениях между людьми [6].

На основании современных данных к перечисленным четырем психологическим признакам, превращающим истину в сознании высказывающего ее субъекта в правду, можно добавить еще два. Во-первых, это описанные выше тендерные различия в понимании истины и правды; во-вторых, — особенности памяти, мышления и понимания человека, способствующие таким «искажениям» истинных воспоминаний, которые превращают их в психологическую правду.

Итак, проведенное исследование выявило давние культурно-исторические традиции, глубокие корни современного понимания понятий «истина» и «правда». Как и в древности, сегодня слово «истина» связывается в сознании людей с отражением реальности (в том числе для верующих — божественной реальности), т.е. того, что происходит вне человека и независимо от него. Однако это не означает, что воз-

никновение и существование истины никак не связано с познающим мир субъектом. Напротив, истина как объективная категория определяется только посредством соотношения понятия с субъектом, бытия с сознанием. В процессе познания, взаимодействия субъекта с объектом гносеологическая истина постепенно превращается для него в психологическую правду. Как было показано выше, это происходит вследствие конкретизации, индивидуального осмысления истины, включения ее в контекст личностного знания.

Правда представляет собой воплощение истины в жизни людей и потому она очень «насыщена» психологическими составляющими. Современные психологические исследования не отрицают античного и христианского понимания правды, а наполняют его конкретным содержанием. Ранее оно было не выявленным, скрытым различными социальными, культурными, религиозными контекстами от взоров ученых — как верующих, так и неверующих. Благодаря размышлениям и экспериментам психологов постепенно становится все яснее и яснее, почему истина понимается и субъективно переживается как правда. Превращению объективной истины в правду — субъективную по форме и объективную по содержанию — способствует соотнесение мотивов и целей истинного высказывания с интенциональной сферой понимающего высказывание субъекта; определение правдоподобности сообщения; соотнесение с представлениями о должном (этических, социальными и другими нормами), соответствием сказанного требованиям справедливости; убеждение в тождестве истины и искренности; временная динамика переструктурирования и схематизации образа истинных событий. Очевидно, что как уже названные, так и другие компоненты понимания правды требуют углубленного психологического анализа и экспериментального исследования.

Литература

1. *Абульханова-Славская К.А.* Личностный аспект проблемы общения // Проблема общения в психологии. М.: Наука, 1981. С. 218—241.
2. *Арутюнова Н.Д.* Речеповеденческие акты и истинность // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М.: Наука, 1992. С. 6-39.
3. *Брушлинский А.В.* Субъект: мышление, учение, воображение. М.-Воронеж: Академия педагогических и социальных наук. 1996.
4. *Вейсман А.Д.* Греческо-русский словарь. Репринт 5-го издания 1899 г. М: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1991.
5. *Древнегреческо-русский словарь.* В 2-х т. Сост. И.Х. Дворецкий. М: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. Т. 1-2.

6. *Знаков В.В.* Правда и ложь в сознании русского народа и современной психологии понимания. М.: Институт психологии РАН, 1993.
7. *Знаков В.В.* Половые различия в понимании неправды, лжи и обмана // Психологический журнал. 1997. Том 18. № 1. С. 38–49.
8. *Знаков В.В.* Проблема понимания правды в этике И. Канта, нравственной философии В.С. Соловьева и современной психологии понимания // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 4. С. 3–14.
9. *Мартына А.Б.* Я умер вчера. Роман в 2-х т. Т. 1. М.: ЭКСМО-Пресс, 1998.
10. *Никифоров А.Л.* Революция в теории познания? // Общественные науки и современность. 1995. №4. С. 113–117.
11. *Нуркова В.В.* Автобиографическая память как проблема психологического исследования // Психологический журнал. 1996. Том 17. № 2. С. 16–29.
12. *Нуркова В.В.* Проблема истинности автобиографических воспоминаний в процессе судопроизводства // Психологический журнал. 1998. Том 19. № 5. С. 15–29.
13. *Платон.* Государство // Собрание сочинений в четырех томах. М.: Мысль, 1993. Т. 2.
14. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. М.: Наука, 1997.
15. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание: О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957.
16. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. В 2-х т. М.: Педагогика, 1989. Т. 1.
17. *Таннед.* «Ты меня не понимаешь!» Почему женщины и мужчины не понимают друг друга. М.: Вече-Персей-АСТ, 1996
18. *Ушакова Т.Н., Латынов В.В., Павлова А.А., Павлова Н.Д.* Ведение политических дискуссий: Психологический анализ конфликтных выступлений. М.: Академия, 1995.
19. *Фромм Э.* Психоанализ и религия // *Фромм Э.* Иметь или быть? М.: Прогресс, 1990. С. 217–308.
20. *Юнг К.Г.* Психология и религия // *Юнг К.Г.* Архетип и символ М.: Ренессанс, 1991. С. 129–202.
21. *Encyclopedia of Theology. The concise Sacramentum Mundi / Ed. by K. Rahner. The Seabury Press. N.Y., 1975.*
22. *Lemer H.G.* The Dance of Deception. Pretending and Truth-telling in Women's Lives. N.-Y., 1993.
23. *Novum Testamentum Graece. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1993.*
24. *Theological Dictionary of New Testament. Grand Rapids. Michigan, 1983 V. 1.*
25. *The Interpreters Bible. A Commentary in twelve Volumes. Abingdon Press. Nashville. USA, 1990.*
26. *Wagenaar W.* Identifying Ivan: A case study in legal psychology Harvester, Wheatshoaf, Great Britain, 1988.
27. *Wagenaar W., van Koppen P.J., Crombag H.F.M.* Anchored Narratives: The Psychology of Criminal Evidence. St.Martin's Press Great Britain, 1993.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ ИСТИННЫХ И НЕИСТИННЫХ СООБЩЕНИЙ В КОММУНИКАТИВНЫХ СИТУАЦИЯХ

Опубликовано: Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 2. С. 54–65.

Проблема искажения человеком фактов при передаче сообщений другим людям стара как мир. Однако это не означает, что науке хорошо известны психологические механизмы правды и лжи. Напротив: многообразие возможных вариантов искажения истины, неосознаваемых побудительных причин, плохо осознаваемых мотивов и ясно представленных в сознании субъекта интересов способствовало возникновению различных, нередко противоречащих друг другу научных представлений о психологическом сходстве и различии содержания названных коммуникативных феноменов. Мы живем в мире информации, массовых коммуникаций, многочисленных деловых и личных контактов людей. В этих условиях личностная свобода человека как субъекта, творца своей судьбы в значительной степени определяется правильностью принимаемых им жизненно важных решений. На их принятие влияют суждения субъекта об истинности или ложности сообщений, которые он получает из средств массовой информации и ситуаций непосредственного общения с другими людьми. Как показывают психологические исследования, понимание истинности и правдивости, неистинности и ложности сообщений зависит от многих как ситуативных, так и личностных факторов. Проблема понимания особенно усложняется тем, что, несмотря на изобилие публикаций, посвященных психологическому анализу правды и ее разнообразных коммуникативных антиподов, в научной литературе отсутствует описание общепринятых признаков, по которым их можно было бы классифицировать.

Цель статьи — предложить и обосновать такую классификацию признаков истинных и неистинных сообщений, в рамках которой сходство и различие между ними можно будет сравнивать по одним и тем же трем общим основаниям.

Анализ отечественных и зарубежных исследований показывает, что в психологии правду и ее противоположность, ложь, целесообразно характеризовать по трем основным признакам: *фактическая истинность* или ложность утверждения; *вера* говорящего в истинность или ложность утверждения; наличие или отсутствие у говорящего *намерения* ввести в заблуждение слушающего. Еще в начале века, анализируя психологические механизмы детской лжи, такую точку зрения, высказывал русский философ и психолог В.В. Зеньковский. Он писал: «Под ложью мы должны разуметь заведомо лживые высказывания с целью кого-либо ввести в заблуждение: мы имеем здесь три основных момента, одинаково необходимых для того, чтобы была возможность говорить о лжи, — ложное (в объективном смысле) высказывание, сознание того, что это высказывание ложно, и, наконец, стремление придать заведомо ложной мысли вид истины, стремление ввести кого-либо в заблуждение» [8, с. 215]. В современной науке подобных взглядов придерживаются А.Ф. Стрихартц и Р.В. Бертон (A.F. Strichartz, R.V. Burton) [40], Л. Коулман и П. Кей (L. Coleman, P. Kay) [24], а также другие исследователи. Перечисленные три признака дают основание для классификации разновидностей правды и психологического анализа ее отличий от семантических антиподов — неправды, вранья, лжи и обмана. В таблице представлены результаты первого этапа анализа.

Таблица

Соответствие или несоответствие высказывания фактам	Утверждение говорящего соответствует фактам		Утверждение говорящего не соответствует фактам		
	Говорящий верит в истинность утверждения	Говорящий не верит в истинность утверждения	Говорящий верит в истинность утверждения	Говорящий не верит в истинность утверждения	
Наличие или отсутствие намерения обмануть партнера					
Говорящий не имеет намерения обмануть партнера	1 Правда	2 Правда	3 Неправда	4 Неправда	5 Вранье
Говорящий имеет намерение обмануть партнера	6 Обман	7 Мнимая ложь	8 Самообман	9 Ложь	

В *клетке 1* таблицы отражен самый очевидный случай сознательного высказывания человеком правдивого утверждения: субъект говорит то, что соответствует фактам; он верит в истинность утверждения и не имеет намерения обмануть того, к кому обращено высказывание.

Способность человека различать правду и ложь в суждении, высказывании, т.е. понимать, верно ли отражена в нем действительность, непосредственно зависит от нашего умения понимать саму реальность, причинные связи, лежащие в основе природного и социального мира. В раннем детстве такое умение появляется не сразу, а формируется в процессе онтогенетического развития психики. Пожалуй, наибольший научный вклад в обоснование этого положения внес выдающийся швейцарский психолог Жан Пиаже. Изучая особенности детского мышления, он обнаружил, что в раннем детстве человек еще не способен дифференцировать свое Я от остального мира. Недифференцированность в свою очередь проистекает из эгоцентризма ребенка, не умеющего учитывать другие точки зрения. «Это значит, что ребенок не способен четко отделить психологические события от физических: специфически человеческие переживания (мысли, чувства, желания и т.д.) постоянно проникают в объективную реальность и сливаются с ней» [18].

Одной из форм подобной недифференцированности психологических и физических событий является тенденция рассматривать первые как вторые: стремление приписывать своим фантазиям, мыслям статус предметов. Эту тенденцию Пиаже называет *реализмом*. Например, пяти-шестилетний ребенок считает, что сон приходит к нему извне и располагается в его комнате; сны можно видеть глазами, как рассматривают картину. Противоположная тенденция развития детской психики, дополняющая недифференцированность, заключается в склонности наделять физические события и предметы психологическими свойствами — одушевленностью, мышлением, сознанием и т.п. Это *анимизм*: если оторвать пуговицу, то ей будет больно, если передвигать камень, то он это почувствует. На второй стадии развития психики ребенка психологическими способностями наделяются уже не все предметы и явления, а только постоянно обладающие специальной функцией движения — велосипед, ветер и др. «На третьей стадии сознание приписывается только объектам, способным на спонтанное движение: солнце и ветер могут сознавать, но велосипед уже не может. И наконец, на четвертой стадии ребенок приписывает сознание только людям и животным» (там же, с. 370). Следовательно, только в возрасте 11-12 лет в сознании ребенка происходит окончательная дифференциация психологической и физической реальности. Соответственно, до этого возраста вряд ли можно научно обоснованно говорить о том, что в речах окружающих его людей маленький человек различает правду, а не приписывает их высказываниям одному ему ведомый смысл.

Исследование, направленное на развитие концепции Пиаже о развитии понятия правды у детей, проводилось Петерсен с соавторами (цит. по: [Laak, 1994]). Исследователи показывали детям 5, 8, 9, 11

лет и взрослым видеосюжеты со сценами намеренной лжи и произвольных неправдивых утверждений. Эксперименты показали, что от 5 до 11 лет у детей последовательно возрастает способность отличать правду от преувеличения (малыши считают его ложью). Один из сюжетов изображал догадку, предположение о направлении: потерявший правильную дорогу взрослый спрашивает о ней у ребенка, который говорит, что не знает, как попасть в нужное взрослому место, но думает, что тот избрал неверный путь и потому не попадет туда, куда ему нужно. Обнаружено, что с возрастом (от 5 лет до взрослости) с 90% до 30% уменьшается количество испытуемых, считающих, что ребенок солгал. С возрастом у людей формируется убеждение, что о лжи как семантическом антиподе правды можно говорить в случае не только выявления фактического несоответствия сказанного действительному, но и выявления сознательного намерения исказить истину. «Авторы сравнивают результаты с наблюдениями Пиаже, согласно которым дети младше 7 лет считают клятвы и ложь одним и тем же. Предположения гораздо чаще рассматриваются как ложь детьми, чем взрослыми. Младшие испытуемые фактически неправдивые утверждения считают ложью» [34, с. 208].

Современных психологов очень интересует вопрос о закономерностях понимания детьми правды и лжи. В психологии представлены пять основных тематических направлений изучения правды. Во-первых, попытки определения самого понятия. Во-вторых, поиски ответов на вопросы о том, в каком возрасте дети становятся способными говорить правду и как развивается эта способность. В-третьих, какие факторы детерминируют приписывание детьми суждениям значений правдивости или ложности. В-четвертых, какие правила и стратегии они используют, чтобы прийти к заключению о правдивости-лживости (или ложности) высказываний. В-пятых, каковы индивидуальные различия в правдивости и как научить детей всегда говорить правду [34].

К. Басси (K. Bussey) экспериментально изучала понимание детьми 5 и 8 лет правдивости или ложности рассказов о совершении мелких преступлений. Она исследовала влияние четырех факторов: ложности утверждений, типа содержания рассказа, поверили рассказу или нет, понес ли наказание виновный. Рассказы включали главного персонажа, его мать или отца, его брата или друга. Каждый рассказ имел одно из шести окончаний: 1) персонаж сказал, что он (она) не совершал преступления (однако это ложь) и ему (ей) поверили; 2) ему не поверили и он был наказан; 3) ему не поверили, но не наказали; 4) герой сказал, что он не совершил преступления (это правда), но был наказан; 5) герой сказал, что он не совершал преступления (это правда) и не был наказан; 6) персонаж просто совершил преступление. Оказа-

лось, что дошкольники (71,3%) были менее точными в установлении лжи и правдивых утверждений, чем восьмилетние дети (98,8%). Для всех испытуемых ошибочность служила более значимым критерием оценки утверждений, чем вера, последующее наказание или вовлечение в чужую оплошность. Это подтверждает предыдущие исследования, согласно которым соответствие фактам является наиболее сильным критерием умения определять правдивость сообщений [22].

А.Ф. Стрихартц и Р.В. Бертон изучали проблему другим методом — они сделали акцент на исследовании понимания трех основных «прототипных» признаков правды: фактической истинности утверждения; веры говорящего в истинность высказывания; наличие или отсутствие у говорящего намерения ввести в заблуждение слушающего. В исследовании участвовали 150 человек, составивших 5 групп (15 испытуемых мужского пола, 15 — женского). Для участия были выбраны люди пяти возрастов: младший дошкольный возраст, старший дошкольный возраст, первоклассники, пятиклассники, и в качестве контрольной группы — взрослые. Эксперимент представлял из себя серию из 8 коротких сюжетов, в которых варьировалось наличие или отсутствие трех прототипных элементов. Предполагалось, что понимание правды улучшается и облегчается по мере того, как в воспринимаемой ситуации увеличивается количество прототипных элементов (предельный случай представлен в клетке 1 таблицы).

Проведенное исследование показало, что детские ответы не всегда сопоставимы со взрослыми. Оказалось, что невозможно сделать какое-либо надежное заключение относительно использования понятий «ложь» и «правда» младшими дошкольниками, так как только 14 из 30 были способны использовать элементы хоть в какой-то степени систематически. Старшие дошкольники и первоклассники дихотомизировали свои ответы, основываясь исключительно на «фактуальности»; другие два прототипных элемента практически не оказали никакого влияния на их суждения о правдивости высказываний. Ответы пятиклассников были расположены между маленькими детьми и взрослыми по весу элементов «веры» и «фактуальности». Особенно ими учитывался первый класс элементов: когда говорящий хотел обмануть, тогда для объяснений дети использовали данный критерий, однако их отчеты были лишены твердости и уверенности, характерной для взрослых. Взрослые придавали гораздо большее значение вере говорящего в истинность своего суждения, чем его действительное соответствие реальности. С возрастом элемент намерения начинает играть более существенную роль, чем «фактуальность». В целом был сделан вывод, что вера объединяется с фактической истинностью и намерениями с большей вероятностью в сознании взрослых, чем де-

тей. Иначе говоря, понимание правды взрослыми психологически более интегрировано, в то время как детское понимание имеет дифференцированный характер [22].

Взрослые люди, несомненно, лучше детей понимают различия между правдой и ложью, но нередко затрудняются в установлении разницы между правдой и истиной. Теоретический анализ проблемы соотношения истины и правды показывает, что она отнюдь не является простой и очевидной для ученых, в частности для таких несомненно крупных, какими были К.Г. Юнг и Э. Фромм [12]. Еще сложнее и запутаннее она кажется при анализе обыденного сознания.

Клетка 2 (см. табл.) соответствует ситуациям «случайной правды»: когда субъект сомневается в истинности своего суждения, но все-таки по тем или иным соображениям делает его. Например, подросток сказал старшей сестре, что он пошел учить уроки к однокласснику. Она думает, что он солгал и отправился играть в футбол. Однако на вопрос матери о местонахождении брата сказала, что он пошел учить уроки. Брат действительно пошел к однокласснику, хотя сестра этого не знала. Она так сказала не потому, что хотела обмануть мать, а потому, что сомневалась в истинности слов брата и допускала возможность того, что он сказал правду. В психологическом смысле такая разновидность правды гораздо интереснее предыдущей, но она требует от психолога немалых усилий, направленных на установление причин того, почему человек, сомневаясь в истинности высказывания, все же делает его.

В *клетке 3* представлены наиболее характерные признаки неправды в общении людей. Такую разновидность неправды можно считать вербальным эквивалентом заблуждения: человек верит в реальность существования чего-то, но ошибается — в результате он говорит неправду, считая ее правдой. Так, спортсмен в кругу друзей может рассказывать, что его соперник перед соревнованиями употребляет допинг.

В общении людей заблуждения могут проявляться не только по отношению к реальным фактам, но и к прогнозам возможного развития событий. Иллюстрацией этого могут служить нарушенные обещания. Мы живем в таком мире, который изобилует парадоксальными ситуациями, в которых один из партнеров не лжет, сознательно не извращает фактов, но тем не менее говорит неправду. В частности, нарушенные обещания политиков далеко не всегда следует осуждать как ложь. Типичный пример приводит П. Экман (P. Ekman) [26]. Американские журналисты осуждали президента Клинтона за то, что в своей предвыборной кампании он критиковал политику Дж. Буша в отношении гаитянских иммигрантов и обещал улучшить их положение в США. Однако после победы на выборах Клинтон фактически унаследовал и продолжал эту политику. На упреки журналистов он с возмущением

отвечал, что американский народ посчитал бы его глупцом, если бы он последовал своим обещаниям, в то время как изменились обстоятельства. Экман пишет: «С моей точки зрения Клинтон лгал только в том случае, если тогда, когда он критиковал Буша, он сам намеревался проводить такую же политику» [26, с. 96]. Если же американский президент, давая обещание, собирался его выполнить, но *потом* не смог или не захотел его выполнить, то он говорил неправду.

Высказывание субъектом неправды может быть обусловлено не только заблуждением, но и его неспособностью правильно понимать причины и последствия того, что он утверждает. Именно на непонимании может быть основана его уверенность в истинности произносимого. Соответственно непонимание ведет к «случайному» высказыванию неправды. Как утверждают американские психологи С. Линскольд и П.С. Уолтере (S. Lindskold, P.S. Walters), неправду, сказанную случайно, ни в коем случае нельзя считать ложью. Неправда, которую высказывают люди, неспособные быть ответственными за свои действия, или те, которых считают неспособными понимать последствия своих действий (например, дети или умственно отсталые взрослые), также не есть ложь [36].

Клетка 4 отражает другую разновидность неправды: в коммуникативных ситуациях неправда нередко проявляется тогда, когда человек сознательно искажает эмпирические факты, но делает это в шутку или потому, что не находит иных способов воздействия на окружающих. Прежде всего я имею в виду различные формы иносказания (иронию, аллегория, метафору и т.п.), т.е. слова и выражения, обретающие в контексте речи смысл, противоположный их буквальному значению.

Датский философ С. Кьеркегор в одном из тезисов своей диссертации утверждал, что понятие иронии вошло в культуру вместе с Сократом. Ирония построена на противопоставлении буквального значения сказанного скрытому за ним смыслу. Следовательно, строго говоря, прямое значение высказывания всегда оказывается неправдой, и для того чтобы понять иронию, необходимо сопоставить буквальное значение со скрытым смыслом, т.е. неправду с правдой. Например, мама пятилетнего мальчугана, вернувшегося с улицы перепачканным в грязи, может всплеснуть руками: «Ну и красавец ты сегодня!»

В драме Шекспира «Юлий Цезарь» Марк Антоний, обращаясь к горожанам, неоднократно называет убийц Цезаря Брута и Кассия почтеннейшими людьми. Называя их так, Антоний приводит одно за другим свидетельства неблагодарности «почтенных людей» и благородных помыслов убитого диктатора. В конце концов горожане правильно понимают смысл речи Антония и обращают свой гнев на

убийц Цезаря. Называя Брута и Кассия почтенными людьми, Антоний не лгал, но говорил неправду: произносил вслух противоположное тому, что подразумевал, он хотел, чтобы слушатели поняли смысл, а не значение сказанного. Таким образом, его утверждение не соответствовало мыслимым фактам, он не верил в истинность произносимого, но не имел намерения обмануть горожан.

Клетка 5 отражает уникальное явление — вранье. Оно характерно для российского самосознания и, по моему мнению, представлено у нас в значительно большей степени, чем у других народов.

Вранье представляет собой социальный и психологический феномен. Первым обратил на него внимание и выразил его в явном виде Ф.М. Достоевский. В статье «Нечто о вранье» он писал: «С недавнего времени меня вдруг осенила мысль, что у нас в России, в классах интеллигентных, даже совсем и не может быть нелгущего человека. Это именно потому, что у нас могут лгать даже совершенно честные люди. Я убежден, что в других нациях, в огромном большинстве, лгут только одни негодяи; лгут из практической выгоды, то есть прямо с преступными целями. Ну а у нас могут лгать совершенно даром самые почтенные люди и с самыми почтенными целями. У нас, в огромном большинстве, лгут из гостеприимства. Хочется произвести эстетическое впечатление в слушателе, доставить удовольствие, ну и лгут, даже, так сказать, жертвуя собою слушателю. Пусть припомнит кто угодно — не случалось ли ему раз двадцать прибавить, например, число верст, которое проскакали в час времени везшие его тогда-то лошади, если только это нужно было для усиления радостного впечатления в слушателе. И не обрадовался ли действительно слушатель до того, что тотчас же стал уверять вас об одной знакомой ему тройке, которая на пари обогнала железную дорогу» [5, с. 85].

Насколько я могу судить по литературе и общению с иностранцами, вранье — типичное порождение русской культуры, отсутствующее в массовых проявлениях на Западе. Слово «врать» в русском языке «употребляется обычно в тех случаях, когда речь идет о чем-либо мало-существенном, незначительном» [2, с. 187]. В словаре В.И. Даля слову «врать» соответствуют следующие значения: «лгать, обманывать словами, облыжничать, говорить неправду, вопреки истине; говорить вздор, небылицу, пустяки; пустословить, пустобаять, молоть языком, суесловить; хвастать, сказывать небывальщину за правду» [4, т. 1, с. 259].

Нетрудно заметить, что в большинстве приведенных синонимов вранья подчеркивается не столько гносеологический, познавательный аспект намеренного искажения истины, сколько онтологический, экзистенциальный, характеризующий конкретные ситуации межличностного общения. Обычно это понятие используется тогда, ког-

да нужно не оценить истинность высказываний человека, а понять и оправдать его. Вранье проявляется в конкретных ситуациях общения людей и потому его причины обусловлены как социально-экономическими факторами, так и индивидуально-психологическими. Вранье представляет собой социокультурный феномен, типичный для российского самосознания и вместе с тем неразрывно связанный с психологическими особенностями личности врунов. С точки зрения содержательного анализа понятий «вранье» ни в коем случае нельзя отождествлять с «ложью». Психологическая структура лжи основана на сочетании трех семантических антиподов правды: утверждение говорящего не соответствует фактам, он не верит в истинность произносимого и собирается обмануть партнера. В психологическом смысле вранье принципиально отличается от лжи. Приведу лишь некоторые отличительные признаки вранья.

1. Вранье — не дезинформационный феномен, а коммуникативный: один из способов установить хорошие отношения с партнером, доставить своей выдумкой удовольствие себе и ему. Это не столько средство преднамеренно искаженного отражения действительности, сколько способ установления контакта и сближения людей. Социальная допустимость вранья и даже его нормативная заданность отражена в русских пословицах: «Не любо, не слушай, а врать не мешай!»; «Врать не устать, было б кому слушать»; «Не хочешь слушать, как люди врут, — ври сам!» [15, т. 1, с. 385].

2. Вранье не рассчитано, на то, что ему поверят, в этом акте отсутствует намерение обмануть слушателя. Рассказывая небылицы, человек и не рассчитывает на то, что кто-то в них поверит. Иначе говоря, он не надеется обмануть партнера. Эту особенность русского вранья отмечают иностранцы, хорошо знающие Россию. Р.Ф. Смит (R.F. Smith) так выражает эту мысль: «Ожидает ли враль, что ему поверят? Конечно, нет. Не может быть большей ошибки, чем вывод о том, что эти творческие измышления предназначаются для того, чтобы их принимали всерьез» [39, с. 44].

В русской культуре вранье имеет характер конвенционального соглашения о принятии к сведению сообщения партнера (в тех случаях, когда правда нежелательна для говорящего). Например, опоздавший в школу ученик рассказывает учительнице, что причиной опоздания послужил ветер такой силы, что сбивал людей с ног. В ответ учительница устало машет рукой и говорит: «Садись за парту».

3. Вранье не предполагает унижения слушателя и получения за его счет какой-то личной выгоды. Бескорыстность и кажущаяся бессмысленность вранья всегда приводили в изумление иностранцев. Очень показательный пример, приведенный немецким профессо-

ром моральной философии, воспроизводит А.А. Гусейнов: «Я заметил, — сказал тот в минуту откровенности, — что российские коллеги имеют совершенно странную привычку обманывать без нужды, без видимой пользы для себя. К примеру, наш общий друг Б., которого, как вы знаете, я высоко ценю и стараюсь опекать здесь, в Германии, где он проходит научную стажировку. Мы с ним договорились, что он напишет благодарственное письмо в фонд, который выделил для него стипендию. По прошествии некоторого времени я спрашиваю его, написал ли он письмо. Он мог вообще его не писать, формально он не был обязан делать этого. Мог написать позже. Да и спросил я о письме из вежливости, чтобы продемонстрировать свое участие в его делах. Словом, совершенно спокойная светская ситуация, допускавшая любой возможный ответ. Во всяком случае ответы типа «знаете ли, никак не соберусь», «нет, пока не написал, но я предполагаю в течение месяца написать», «а стоит ли вообще писать?» были бы вполне органичны. Однако друг наш ответил просто «да». А чуть позднее я, впрочем, совершенно случайно, установил, что это не так. Он сказал неправду. Почему он так поступил? Аналогичный опыт был у меня с двумя другими коллегами» [3, с. 97].

Российский ученый называет это явление немотивированным обманом (с моей точки зрения, в строгом смысле слова это не обман, а вранье, но не будем придираться к словам) и отмечает, что он «вмонтирован» в нашу общественную коммуникацию. «Вопрос, поставленный проницательным коллегой, стал занимать меня. Наблюдая уже пристрастным взглядом за собой и окружающими, перебирая жизненные впечатления, я установил поразительную точность сделанного немецким профессором наблюдения. Действительно, обман — и именно обман как бы на пустом месте, без давления обстоятельств, без желания извлечь особую пользу, обман из-за любви к искусству, словом, просто обман — вошел в наши нравы, стал своего рода неписаной нормой. Почти естественным состоянием. Мне вспомнился случай с товарищем, который находился в Москве в командировке. Однажды он звонил домой жене из моей квартиры и на вопрос, откуда он говорит, ответил, что из гостиницы. А другой раз, разговаривая с ней же, но уже из гостиницы, на тот же вопрос, откуда он говорит, ответил, что из моей квартиры. Эпизод этот анекдотичный, но по-своему показательный» [там же, с. 99].

Для психолога приведенные примеры чрезвычайно важны и занимательны, но не как социальные казусы, а как задача, которую предстоит решить: теоретико-экспериментальные исследования должны доказать, что за видимой немотивированностью такого обмана скрываются вполне серьезные социальные отношения и экономические ус-

ловия жизни людей. Одна из главных социальных причин вранья заключается в извечной безотрадности русской жизни и неинтересности, скучности правды, вызывающей желание расцветить, приукрасить ее. И потому мотивы этого коммуникативного феномена, интуитивно понятные любому русскому, остаются неведомы большинству иностранцев, проводящих с нами торговые, политические и иные переговоры.

4. Классическое вранье характеризуется тем, что враль получает нескрываемое удовольствие, наслаждение от самого процесса изложения небылиц. Вместе с тем во вранье всегда есть некоторый элемент самолюбования и самовозвеличивания: врущий человек хочет хотя бы на время стать объектом всеобщего внимания, почувствовать себя более значительным, ценным в глазах окружающих. Главное, чего хочет враль, — восторженного внимания публики. Жизнь отражается в искусстве, и потому в русской литературе в изобилии представлены вдохновенные вруны — один Хлестаков чего стоит! Другой показательный пример — серия очерков А.Ф. Писемского «Русские лгуны» [14].

Подобными «талантами» российская земля, видимо, не оскудеет никогда. Сегодня на российском политическом небосклоне к ним, бесспорно, относится В.В. Жириновский. Вот, например, что он успел сказать в течение только одного дня. 11 сентября 1998 г., Государственная Дума, во время обсуждения кандидатуры Председателя правительства РФ: «Весь мир сегодня за вас, это тоже настораживает. Весь мир против Ельцина и Черномырдина, но вдруг за сутки весь мир за Евгения Максимовича Примакова. И кто? Все наши враги. Все, кто разрушает страну семьдесят, пятьдесят лет, последние десять лет: вот этот нам нужен, вот это хороший, вот он выведет, выедет». Немного позднее, обращаясь к кандидату на пост Центрального банка РФ В.В. Геращенко: «Вы член Сингапурского клуба. Членом может быть человек, имеющий **наличными** (выделено интонацией — В.З.) личный капитал пятьдесят миллионов долларов». Ну кто поверит в то, что абсолютно весь мир без исключения «против Ельцина и Черномырдина» и что у человека, любого человека в любой стране, могут быть пятьдесят «миллионов долларов наличными»? Я думаю, что Жириновский и не рассчитывает на то, что ему поверят. Его цель иная: покрасоваться перед телекамерами, в очередной раз привлечь к себе внимание зрителей и посеять сомнения в умах депутатов.

5. Обращаясь к анализу психологических механизмов вранья, нельзя не отметить, что нередко его нужно рассматривать как внешнее проявление защитных механизмов личности, направленных на устранение чувства тревоги, дискомфорта, вызванного неудовлетворенностью субъекта своими взаимоотношениями с окружающими. Стремление человека защитить свой внутренний мир от «несанкци-

онированного вторжения», нежелание обнажать душу перед окружающими из боязни насмешек или проявления снисходительного отношения — достаточно серьезный повод для вранья. Немало ярких иллюстраций можно найти в биографии выдающегося французского писателя, написанной С. Цвейгом: «Стендаль не прочь приврать без всякого внешнего повода — только для того, чтобы вызвать к себе интерес и скрыть свое собственное я; словно искусный боец — удары шпаги, сыплет он град мистификаций и измышлений, чтобы не дать любопытным приблизиться к себе» [19, с. 390]. Как подобные литературные примеры, так и данные экспериментальной психологии личности убеждают в том, что изучение защитных механизмов — рационализации, проекции, отрицания и др. — может существенно расширить не обыденные, а научные представления о природе обсуждаемого феномена.

Итак, психолог имеет основание говорить о наличии правды в словах испытуемого в том случае, если в исследовании установлено, что утверждение субъекта соответствует фактам, он верит или не верит в истинность произносимого и не имеет намерения ввести в заблуждение того, к кому обращено высказывание. С неправдой и враньем люди сталкиваются тогда, когда в высказывании или невербальном утверждении факты искажаются, но искажаются без намерения ввести партнера в заблуждение. Иначе говоря, для квалификации правды, неправды и вранья как категорий психологии понимания исследователю прежде всего необходимо определить, в какой степени мысли испытуемого о действительности соответствуют самой действительности, т.е. признать модель мира испытуемого верной или ошибочной. Кроме того, нужно точно знать, имел ли испытуемый осознанное намерение обмануть партнеров по общению.

Теперь я перейду к рассмотрению случаев, когда субъект имеет намерение ввести в заблуждение партнера по диалогу — внешнему или внутреннему.

Клетке б соответствует обман. В научной литературе есть немало определений этого коммуникативного феномена. Например, Дж.А. Подлесны и Д.С. Раскин (J.A. Podlesny D.C. Raskin) считают, что «обман может быть определен как поступок или утверждение, цель которого — скрыть истину от другого или ввести его в заблуждение» [37, с. 782]. По моему мнению, такое определение является слишком обобщенным, неконкретным и потому требующим уточнения. Обман следует описывать на основании двух его главных смыслообразующих признаков.

Во-первых, обман основан на сознательном стремлении одного из коммуникантов создать у партнера ложное представление о предмете обсуждения, однако обманывающий не искажает факты. Отличитель-

ный признак обмана — полное отсутствие в нем ложных сведений, прямых искажений истины. Обман это полуправда, сообщенная партнеру с расчетом на то, что он сделает из нее ошибочные, не соответствующие намерениям обманывающего выводы. Полуправда — потому, что сообщая некоторые подлинные факты, обманщик умышленно утаивает другие, важные для понимания целого. Успешный обман обычно основывается на эффекте обманутого ожидания: человек, которого обманывают, учитывая полученную правдивую информацию, прогнозирует развитие событий в наиболее вероятном направлении, а обманывающий совершает поступок, нарушающий его ожидания. Цель обмана в том и состоит, чтобы направить мышление собеседника по стереотипному пути актуализации часто встречающихся знакомых ситуаций. Вследствие этого обманутый всегда является невольным соучастником обмана: он жертва собственных неадекватных представлений о действительности (подробное обоснование этой точки зрения см. в [9]).

Во-вторых, обман обычно связан с реальными действиями (как в случаях мошенничества), а нередко — и с материальными потерями для обманываемого. Обман включает манипулятивное использование контекстных особенностей, которое создает ложное представление о ситуации. Обман нельзя сводить к ложным вербальным утверждениям — он не может быть ограничен словами. В действительности обман чаще основывается на игре определенной роли, чем на конкретном противоречащем фактам утверждении. Так, нерадивый студент может играть роль усердного, чтобы на экзамене произвести впечатление на профессора.

В выполненной под моим руководством дипломной работе О.О. Ждановой изучалось сходство и различие в понимании лжи и обмана русскими и немецкими студентами. Обнаружено, что обман для немцев часто связывается со сферой материального: «Обман — ложь с целью получения материальной выгоды», «За обманом стоит стремление к обогащению». В ответах российских испытуемых не было ни одного указания на принадлежность к материальной сфере как отличительного признака обмана. В то же время, если часть русских характеризовала обман как злонамеренный, причиняющий вред другим, совершающийся из корыстных побуждений, то были и такие ответы, в которых обман сравнивался с игрой, трюком, фокусом, сказкой. У немцев негативная оценка обмана проявлялась во всех ответах и значительно более однозначно, чем у русских.

В другом исследовании Ждановой изучались личностные факторы, влияющие на понимание лжи и обмана. В работе предпринята интересная попытка анализа психологических различий личности тех испытуемых, которые считают, что больший моральный вред в общении наносит ложь, и тех, кто считает, что обман. Для выявления личностных

особенностей испытуемых были использованы многофакторный опросник личности Р.Б. Кеттела, метод исследования уровня субъективного контроля, методика изучения ценностных ориентации М. Рокича, методика самооценки правдивости. Сравнение ценностных ориентации двух групп позволило говорить о более активной жизненной позиции испытуемых, полагающих, что ложь больше разрушает доверие между людьми и вредит нормальному общению. Качества, которые они считали одними из наиболее ценных в любых ситуациях, больше соответствовали облику борца: твердая воля, самоконтроль, смелость. А с точки зрения испытуемых второй группы наиболее ценными для человека являются качества, необходимые в коммуникации для установления и поддержания контакта: они чаще выбирали широту взглядов, чуткость, терпимость. Испытуемых группы «Ложь» в большей степени интересовал факт оправданности действий (выделялись категории намерений защитить себя и причинить вред другим, эгоистических и альтруистических целей). Группа «Обман» оценивала ситуации как вредные, если они причиняют очевидный, материальный ущерб (опоздание на поезд). А ситуации, которые не имеют столь явно выраженных отрицательных последствий, оцениваются ими как более безобидные [7].

Мои экспериментальные исследования [11] дают основание для выдвижения гипотезы о том, что существуют и половые различия в понимании: женщины в общении более вредной считают ложь, а мужчины обман. Очевидно, причины этого феномена следует искать в акцентировании этической и познавательной сторон коммуникации. Описывая сущность обмана, мужчины обычно дают оценку суждений, не соответствующих объективной реальности и ведущих к реальным материальным потерям. Женщины подчеркивают, что в общении наиболее сильное эмоциональное впечатление у них вызывает не искажение фактов, а ложь (иногда своя, иногда чужая) с целью сокрытия или представления в неверном свете подлинных мыслей и чувств. Эта гипотеза кажется мне интересной, но, безусловно, требующей доказательства.

В научной литературе обсуждаются как личностные, так и ситуативные (field-deceptive context [37]) детерминанты порождения обмана в коммуникативных системах. Диалектика взаимодействия и взаимовлияния личностных и ситуативных факторов обмана особенно отчетливо проявляется в экспериментах с применением опросника, шкалы макиавеллизма. Р.Е. Краут и Дж.Д. Прайс (R.E. Kraut, J.D. Price) обнаружили, что дети с высокими оценками по этой шкале более эффективно обманывают детей с низкими оценками [33]. Д.Д. Брагински. (D.D. Braginsky) показала, что первые успешнее заговаривают зубы вторым и побуждают их съесть горькое печенье [21]. Однако у взрослых испытуемых соотношение такой черты их личности, как макиавеллизм, и си-

туативных факторов, побуждающих обмануть в значимой для них ситуации, оказывается не настолько однозначным. Как показало исследование Ф.Л. Гейс (F.L. Geis), нет различий в общем количестве согласившихся на списывание и обман на экзамене среди студентов с высоким и низким уровнем макиавеллизма. Различия были в том, что первые соглашались обманывать только с партнером, который имел высокий статус, и отказывались обманывать с партнером, имеющим низкий статус. На решение вторых о поддержке обмана описание характеристик партнера не оказывало систематического влияния. Иначе говоря, на принятие решения об обмане у субъектов с высоким уровнем макиавеллизма влияет прежде всего предоставленная им информация о партнере, а испытуемые с низким уровнем решаются на это только в результате личного впечатления — понравился им человек или нет [29].

В клетке 7 отражено нередко встречающееся в общении людей противоречие между субъективной и объективной сторонами лжи: убеждением человека в том, что он солгал собеседнику, и реальным актом лжи, происшедшим в конкретной коммуникативной ситуации. С позиций психологии понимания, ложными оказываются не только те сообщения, в которых извращаются факты. Для квалификации лжи как психологической категории достаточно, чтобы один из партнеров по общению, высказывая какое-либо суждение, думал, что он лжет, т.е. считал, что умышленно искажает факты. Однако если он ошибается, то такую ложь следует характеризовать не как объективную, а как субъективную (в смысле искаженного отражения действительности), мнимую, кажущуюся. Человек может лгать, сообщая собеседнику истину. Это утверждение совершенно некорректно с точки зрения логики и теории познания, но для психолога оно вполне осмысленно и допустимо. Приведу пример. Допустим, у субъекта К. есть знакомый, который ему не нравится, и он хочет сделать так, чтобы у того были неприятности. К. сказал знакомому, что поезд, на котором тот должен ехать в командировку, отходит на час позже срока, который запомнил К. при чтении расписания. Но К. ошибался: поезд действительно отправился на час позже, и его знакомый благополучно уехал. Объективно сказав истину, субъективно К. солгал.

Клетка 8 соответствует явно недостаточно изученному в психологии феномену самообмана. С точки зрения психологии общения и взаимопонимания самообман представляет собой особый случай внутреннего диалога, аутокоммуникации: здесь и обманывающий, и обманываемый представлен в одном лице. Наиболее очевидные ситуации, ведущие к самообману, обычно связаны с тем, что человек, получая какое-то знание, не верит в его правдоподобие или вовсе отрицает, отторгает от себя.

Естественно, что проблема самообмана занимает не только психологов: она привлекает к себе внимание методологов [38], философов [20], литературоведов [13] и представителей других специальностей. С логико-гносеологической точки зрения явление самообмана содержит в себе неразрешимое противоречие: человек одновременно должен верить в истинность суждений А и не-А. Если субъект обманывает себя, то он знает, что отрицаемое суждение является ложным, и в то же время убеждает себя в его истинности. Отсюда следует, что чисто логическими методами проблема самообмана не может быть решена — необходимы дополнительные знания о психике людей, поведение которых, как известно, нередко строится на нарушенной логике. Для психологов, знающих о существовании защитных механизмов личности, в частности, отрицания и обособления, проблема не кажется столь уж неразрешимой. Как пишут Д. Креч, Р. Кратчфилд и Н. Ливсон «человеческий разум способен, в определенных обстоятельствах, развивать две логически несовместимые концепции одновременно, не осознавая их очевидную противоречивость. Этот феномен получил название 'логиконепроницаемой перегородки', что является одной из форм феномена обособления. Этот механизм изолирует одно направление мыслей от других таким образом, что взаимодействие между ними ослаблено и таким образом конфликт не возникает» [16, с. 98].

Одним из первых вопросов, который возникает у любого, кто задумывается на природой самообмана, — по отношению к кому и чему человек может обманывать себя. Анализируя формы и способы самообмана, философ Д.И. Дубровский рассматривает три основных предметных области, по отношению к которым имеет смысл говорить о реальном существовании этого феномена: «В первом приближении можно выделить три области: 1) когда человек обманывает себя относительно самого себя (своих действительных качеств, знаний, достигнутых результатов, своего будущего и т.п.); 2) когда он обманывает себя относительно других субъектов (отдельных лиц, групп, организаций и т.п.), оценивая их качества, намерения, возможности, их отношения к нему и т.п.; 3) когда он обманывает себя относительно каких-либо предметов (их существования, местоположения, стоимости, функциональных возможностей и т.д.), событий и обстоятельств» [6, с. 78]. Следует признать, что пока в большинстве психологических публикаций основное внимание уделяется первой из названных областей.

Современные психологи выделяют четыре необходимых и достаточных критерия самообмана. Для того чтобы быть в состоянии самообмана, субъект должен иметь два противоречащих друг другу убеждения (что Р и что не-Р); эти убеждения должны быть представлены одновременно; одно убеждение субъектом не осознаваемо; действие, опреде-

ляющее, какое из убеждений является, а какое не является предметом осознания, — это не случайное, а мотивированное действие [30].

В одном из исследований изучались субъективные способы реализации этих критериев в ситуации узнавания испытуемыми записанных на пленку голосов — своих и чужих. Цель исследования состояла в том, чтобы показать: специфический феномен ошибочной идентификации своего или чужого голоса есть частный случай самообмана. В первом эксперименте было показано, что когда испытуемый делает ошибку идентификации, то тем самым доказывается факт: правильное и неправильное убеждение существуют у него одновременно. При этом большинство испытуемых не осознают наличия правильного знания. Кроме того, данные корреляционного анализа указывают на связь ошибок с мотивационной сферой субъекта. Проверка четвертого критерия, затрагивающего мотивационный аспект, потребовала от экспериментаторов обращения к результатам опросников, заполненных перед экспериментом и после него. Были рассмотрены баллы, характеризующие когнитивные противоречия у испытуемых, давших не менее двух «нарциссических» ошибок, и у тех, кто не дал таких ошибок. Как и ожидалось, «нарциссическая» группа имела значимо низкие показатели по избеганию самопреждевательства. Соответственно, группа давших по две и более ошибки «неузнавания» себя, показала значимо более выраженную тенденцию вовлекаться в самообман. Таким образом, эксперименты доказали, что когда люди неверно идентифицируют голоса себя и других, они вовлечены в самообманное поведение [30].

Для психологов проблема самообмана имеет еще и особый профессиональный смысл: я имею в виду психодиагностические процедуры заполнения испытуемыми разнообразных опросников. Во время этих процедур иногда трудно бывает отличить сознательную подтасовку данных испытуемыми от неосознанных проявлений социальной желательности и самообмана [28]. И в решении этих проблем психологи еще только в самом начале пути.

Клетка 9 соответствует классическому случаю откровенной лжи. Ложью обычно называют умышленную передачу сведений, не соответствующих действительности. Наиболее распространенное в европейской культуре определение указанного феномена восходит к Блаженному Августину: «Ложь — это сказанное с желанием сказать ложь» (цит. по: [1, с. 47]). Цель лгущего — с помощью вербальных или невербальных средств коммуникации дезинформировать партнера, ввести его в заблуждение относительно истинного положения дел в обсуждаемой области.

В западной культуре распространено морально-правовое понимание лжи: определения лжи, формулируемые западными мыслите-

лями, основываются на представлениях о нарушении прав тех, кому лгут. Каждый человек имеет право принимать решения, полагаясь на истинную, а не искаженную ложью информацию об окружающем мире. Например, не покупать товары, навязываемые ему обманными рекламными объявлениями (*deceptive advertisements*) [25]. Соответственно подавляющее большинство определений лжи, даваемых западными авторами, включают указания на человека, которого лгущий хочет ввести в заблуждение. Например, Ф.Л. Карсон с соавторами пишет: «Ложь есть умышленно ложное утверждение, которое предназначено для того, чтобы обмануть другого или предполагает вероятность обмана другого» [23, с. 388]. В отличие от этого русское понимание лжи субъективно-нравственное: для нашей культурной традиции характерно рассмотрение лжи как морально предосудительного деяния субъекта. Вместе с тем в подавляющем большинстве русских определений обсуждаемого феномена отсутствует указание на того человека, которому лжет субъект (подробнее см.: [10]).

Как западные, так и российские психологи уделяют большое внимание анализу вербальных и невербальных признаков, на которые ориентируется человек, считающий, что партнер по общению лжет [17]. В частности, при приеме на работу подозрение, что претендент лжет с целью произвести лучшее впечатление, возникает у принимающего в тех случаях, когда его собеседник слишком долго обдумывает ответы на простые вопросы, отвечает неопределенно, пропускает необходимые детали, избегает зрительного контакта [31]. Аналогичные результаты получены при изучении того, на какие признаки ориентируются таможенники, определяя наличие или отсутствие у пассажира контрабандного груза [32].

Психологические исследования показывают, что чаще лгут субъекты с малой устойчивостью к стрессу, повышенной тревожностью, невротичностью, а также склонные к совершению антисоциальных поступков [27]. Кроме того, у экстерналов наблюдается более выраженная тенденция лгать в различных ситуациях, чем у интерналов [35]. Академические и клинические исследования не обнаружили связи между оценками по шкалам лжи личностных опросников и уровнем интеллекта и образования испытуемых. Интересно, что способность успешно лгать другим совершенно не связана с умением определять, когда лгут тебе [25].

Сказанное выше не означает, что на лживое поведение субъекта не оказывают побуждающего воздействия конкретные особенности тех коммуникативных ситуаций, в которых он оказывается. Напротив: с позиции психологии социальных ситуаций ситуативные детерминанты поведения людей неразрывно связаны с личностными. Ситуативные факторы не являются семантической противоположностью личностных, не существует дихотомии: человек лжет преимущественно или

под влиянием своих личностных качеств, или в зависимости от ситуации, в которой он оказался. Дело в том, что в западной социальной психологии, особенно в интеракционизме, ситуация обычно описывается не с объективных позиций стороннего наблюдателя, а как ситуация для субъекта. Это означает, что интеракционисты поставили в центр изучения то, как происходит взаимодействие человека с ситуацией, как он ее воспринимает и понимает. Субъект сам становится активным элементом социальной ситуации, и если он принимает решение солгать партнерам, то он не только изменяет ситуацию в свою пользу, но и проявляет себя как личность. Следовательно, личностные проявления остаются значимыми и для тех психологов, которые считают, что человек лжет в основном под влиянием обстоятельств, в которых он оказывается.

* * *

Описанная в статье классификация позволяет систематизировать основные варианты истинных сообщений и разнообразных их искажений, возникающих в человеческом общении. На мой взгляд, главное достоинство классификации заключается в том, что впервые все многообразие психологических проявлений правдивости-лживости сообщений удалось сравнить по трем одним и тем же признакам. Вместе с тем не стоит строить иллюзий относительно полноты предложенной схемы: ее три базовых элемента тоже еще предстоит расчленить на составляющие и проанализировать. В классификации должны отражаться, в частности разные намерения субъекта: утверждает он что-то ради достижения справедливости или корыстных целей, избегания наказания или защиты ближнего. Она построена с монологической позиции, т.е. только с точки зрения субъекта, который лжет, обманывает, говорит правду и т.д. Вместе с тем общение по своей природе диалогично, а в классификации практически отсутствует какое-либо упоминание как о специфике понимания сообщений субъекта собеседниками, так и о степени морального ущерба, наносимого, например, ложью. Ложь может быть защитной, вредящей, социально нейтральной и т.п. Разумеется, как названные, так и другие психологические стороны истинных и неистинных сообщений в коммуникативных ситуациях должны быть подвергнуты дальнейшему тщательному исследованию.

Литература

1. *Вайнрих Х.* Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987. С. 44–87.
2. *Горбачевич К.С.* Русский синонимический словарь. СПб.: ИЛИ РАН, 1996.
3. *Гусейнов А.Л.* Язык и совесть: Избранная социально-философская публицистика. М.: Институт философии РАН, 1996.

4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. СПб.: Диамант, 1997.
5. Достоевский Ф.М. Нечто о вранье // Собр. соч.: В 15 т. СПб.: Наука, 1994. Т. 12. С. 138-148.
6. Дубровский Д.М. Обман: Философско-психологический анализ. Москва: РЭИ, 1994.
7. Жданова О.О. Психологические особенности понимания лжи и обмана // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1998. № 4. С. 183—189.
8. Зеньковский В.В. Психология детства. М.: Academia, 1996.
9. Знаков В.В. Индивидуальные различия понимания обмана в малом бизнесе // Психологический журнал 1994. № 6. С. 51—60.
10. Знаков В.В. Почему лгут русские и американцы: размышления российского психолога над книгой Пола Экмана // Вопросы психологии. 1995. № 2. С. 84-92.
11. Знаков В.В. Половые различия в понимании неправды, лжи и обмана // Психологический журнал 1997. № 1. С. 38—49.
12. Знаков В.В., Романова И.Л. «Истина» и «правда» в христианстве и психологии понимания // Психологический журнал 1998. № 6. С. 62—72.
13. Корякин Ю.Ф. Самообман Раскольникова: Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». М.: Художественная литература, 1976.
14. Писемский А.Ф. Русские луны // Соч.: В 3 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. Т. 2. С. 501—566.
15. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля: В 3 т. М.: Русская книга, 1993.
16. Психологическое самообразование: читая зарубежные учебники. Проблемы психологии личности. М.: Школа-Пресс, 1992.
17. Симоненко С.И. Психологические основания ложности и правдивости сообщений // Вопросы психологии. 1998. № 3. С. 78-84.
18. Флейвел Дж.Х. Генетическая психология Жана Пиаже. М.: Просвещение, 1967.
19. Цвейг С. Стендаль // Собр. соч.: В 9 т. М.: Библиосфера 1996. Т. 6. С. 387-468.
20. Bach K. An analysis of self- deception // Philosophy and phenomenological research. 1981. V. 41. № 3. P. 351-370.
21. Braginsky D.D. Machiavellianism and manipulative interpersonal behavior in children // Journal of Experimental Social Psychology. 1970. № 6. P. 77—99.
22. Bussey K. Lying and Truthfulness: Childrens Definitions, Standards and Evaluative Reactions // Child Development. 1992. V. 63. № 1. P. 129-137.
23. Carson Th.L., Wokutch R.E., Cox J.E. An ethical analysis of deception in advertising // Contemporary moral controversies in business. N.Y., 1989. P. 384—394.
24. Coleman L., Kay P. Prototype semantics: The English word lie // Language, 1981. V. 57. P. 26-44.
25. De Paulo B.M., Rosenthal R. Telling lies // Journal of Personality and Social Psychology. 1979. V. 37. № Ю. P. 1713-1722.
26. Ekman P. Deception, Lying and Demeanor // States of Mind: American and Post-Soviet Perspectives on Contemporary Issues in Psychology. N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1997. P. 93-105.
27. Fjordbak T. Clinical correlates of high lie scale elevations among forensic patients // Journal of Personality Assessment. 1985. V. 49. № 3. P. 252—255.
28. Gudjonsson G.H. Self-Deception and Other-Deception in forensic assessment // Personality and Individual Differences. 1990. V. 11. № 3. P. 219-225.
29. Geis F. L. Machiavellianism // Dimensions of personality. N.Y.: John Willey & sons, 1978. P. 305-364.
30. Gur R.C., Sackeim H.A. Self-Deception: a Concept in Search of a phenomenon // Journal of Personality and Social Psychology. 1979. V. 37. № 2. P. 147-169.
31. Kraut R.E. Verbal and nonverbal cues in the perception of lying // Journal of Personality and Social Psychology. 1978. V. 36. № 4. P. 380-391.
32. Kraut R.E., Poe D. Behavioral roots of person perception: The deception judgments of customs inspectors and laymen // Journal of Personality and Social Psychology. 1980. V. 39. № 5. P. 784-798.
33. Kraut, R.E., Price, J.D. Machiavellianism in parents and their children // Journal of Personality and Social Psychology. 1976 V. 33. P. 782-786.
34. Laak ter J.J.F. Development of concept of truth and lying: A developmental task // Developmental tasks: Towards a cultural analysis of human development. Dordrecht at al.: Kluwer academic publishers, 1994. P. 203-224.
35. Lefcourt H.M. Locus of control: Current trends in theory and research. Hillsdale, 1976.
36. Lindskold S., Walters P.S. Categories for acceptability of lies // The Journal of Social Psychology. 1983. V.120. XXI - First Half. P. 129-136.
37. Podlesny J.A., Raskin B.C. Physiological measures and the detection of deception // Psychological Bulletin. 1977. V. 84. № 4. P. 782-799.
38. Rorty A.O. Self-deception, akrasia and irrationality // Social Science Information. 1980. V. 16. № 6. P. 905-922.
39. Smith R.F. Negotiating with the Soviet. Bloomington and Indianapolis: Indiana university press, 1989.
40. Strichartz A. F., Burton R. V. Lies and Truth: A Study of the Development of the Concept // Child Development, 1990, V. 61. № 1. P. 211-220.

ПОЛОВЫЕ, ТЕНДЕРНЫЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПОНИМАНИИ МОРАЛЬНОЙ ДИЛЕММЫ

Опубликовано: Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 1. С. 41-51.

Проблема сходства и различий в психологии мужчин и женщин является предметом размышлений уже нескольких поколений ученых: о ней писали Ф. Ницше, О. Вайнингер, Н.А. Бердяев и другие мыслители. К концу XX века в психологической науке сформировались два взаимосвязанных, но не тождественных направления исследований — психология половых различий [6, 14, 25] и тендерная психология [2, 23].

В первом направлении классической является работа Э.Э. Маккоби и К.Н. Джэклин. Ее авторы проделали большую работу и в результате факторного анализа результатов исследований, проведенных многими психологами, пришли к выводу о том, что о достоверных различиях в психологических характеристиках мальчиков и девочек, мужчин и женщин можно говорить лишь применительно к четырем группам свойств: 1. Девочки и женщины превосходят мальчиков и мужчин по вербальным способностям. 2. Мальчики и мужчины превосходят девочек и женщин по пространственным способностям. 3. Мальчики и мужчины превосходят девочек и женщин по математическим способностям. 4. Мальчики и мужчины более агрессивны, чем девочки и женщины [26].

В 1990 г. Г. Крампен с коллегами, анализируя накопленные к этому времени данные о половых различиях, добавил еще два свойства: у девочек и женщин выше уровень тревожности, чем у мальчиков и мужчин; у женщин выше показатели нейротизма и субъективных (психосоматических) расстройств. Кроме того, литературные данные указывают также на некоторые тенденции в половых различиях. Они относятся к таким чертам личности, как: локус контроля (у женщин он в большей степени внешний, чем внутренний, у мужчин — наоборот); макиавеллизм (у мужчин показатели выше), а также некоторые

аспекты мотивации достижения (например, женщины демонстрируют более высокие оценки ожидания неудачи) [24].

Представители тендерного подхода склонны рассматривать психологические характеристики таким образом, как будто они в ничтожно малой степени подвержены влиянию такой независимой переменной, как пол. Гораздо более значимыми для раскрытия психологических механизмов познания и общения специалисты по тендерной психологии считают определение таких характеристик человека, как маскулинность и фемининность. Развернутый анализ и детальная социально-психологическая интерпретация содержания конструкта маскулинности-фемининности представлены в работе В.А. Лабунской. Она выделяет восемь параметров (нивелирование индивидуальных различий, унификация поведения в пределах заданной этносоциальной группы; варьирование в зависимости от этнокультурной и социально-психологической среды и т.п.), описание которых в совокупности образует определение обсуждаемого феномена. «Из данного определения фемининности-маскулинности следует, что эти конструкты не связаны напрямую с биологическим полом, что они являются не только социокультурными, но и социально-психологическими явлениями, фиксирующими психотип мужского и женского поведения в пределах одной тендерной роли» [17, с. 108]. Далее Лабунская делает весьма радикальное утверждение: «Но мы присоединяемся к тем исследователям, которые выказывают пренебрежительное отношение к фактору пола как к неспецифической переменной и малозначимой с точки зрения основных трактовок предметного поля социальной психологии. Мы согласны с ними и считаем, что тендерный фактор, представленный сквозь призму трактовки фемининности-маскулинности, — это наиболее перспективный путь понимания детерминации феноменов социальной психологии, это наиболее возможный аспект включения фактора пола в контекст социальной психологии» [там же, с. 109-110].

Таким образом, отношения между тендерной психологией и психологией половых различий сложны и неоднозначны: далеко не всегда предметную область одной дисциплины можно легко отличить от предмета другой. По моему мнению, наиболее простым и точным критерием отличия одной области психологической науки от другой является тип эксперимента, проводимого в них психологами.

Один тип: мы берем группу испытуемых и изучаем у каждого из них особенности памяти, внимания, тревожности, агрессивности — что угодно. Затем делим выборку на подгруппы мужчин и женщин, после чего начинаем анализировать, чем у них различаются отмеченные психологические признаки. В этом случае в эксперименте исследу-

дуются только половые различия между людьми. Именно такой тип эксперимента я проводил при изучении различий в понимании мужчинами и женщинами неправды, лжи и обмана [10].

Принципиально другой тип эксперимента, другие переменные представлены в тендерных исследованиях. Современные тендерные исследования характеризуются тремя основными отличительными признаками.

1. Группы испытуемых разделяют по половому, биологическому признаку на женщин и мужчин.

2. Изучаются ролевые позиции, которые люди, независимо от биологического пола, занимают в общении. Роли могут быть маскулинными, фемининными и андрогинными (смешанными). Андрогиния предполагает, что, взаимодействуя с другими, человек может принимать на себя и типично мужские, и типично женские социальные роли.

3. Различия в ценностных ориентациях, направленность на несколько отличающиеся системы ценностей. В фемининных ценностях более значимыми считаются ценности любви, семьи, человеческих отношений. В маскулинных — независимость, социальная успешность, высокий уровень достижений. Признание субъективно и объективно более значимыми маскулинных или фемининных ценностей также может быть напрямую не связано с биологическим полом.

Я полагаю, что различение двух типов экспериментальных процедур дает возможность ясно понять, что изучал психолог: половые особенности психологии испытуемых или тендерные.

Однако ученым не следует забывать, что половые и тем более тендерные различия в психологии людей (гораздо сложнее обнаруживаемые в экспериментах) по разным причинам могут не проявляться в некоторых познавательных и коммуникативных ситуациях. «Важно отдавать себе отчет в том, что пол — это лишь одно из множества индивидуальных различий. Примерами других различий могут служить возраст, интеллект, культура и социальный класс. Возможно, эти различия существенно взаимодействуют друг с другом, оказывая влияние на индивидуальное поведение и на установки по отношению к технологиям. Поэтому необходимо осознавать, что попытки рассмотрения исключительно пола в изоляции от ряда других индивидуальных различий могут оказаться слишком сильным упрощением» [19, с. 281].

Важнейшими причинами нивелирования (уничтожения, сглаживания различий [3, с. 649]) поведенческих проявлений психологии мужчин и женщин, а также маскулинных и фемининных субъектов оказываются социальные, культурные, этнические и другие особен-

ности людей, живущих в разных странах. Еще из исследований М. Мид, проводившихся в первой половине прошлого века, известно, что полоролевое поведение имеет природные предпосылки: совокупность генетических, морфологических и физиологических признаков, на основании которых различаются мужской и женский пол. Однако условия жизни и воспитания могут либо акцентировать внимание на полоролевых стереотипах, либо, наоборот, подавлять их.

Научные исследования, проводимые в разных странах, показывают, что в современном высокотехнологичном обществе особенно живучими оказываются стереотипы, относящиеся к традиционно мужским сферам профессиональной деятельности, например, типа «человек — техника». И что особенно любопытно, — носителями таких стереотипов в западном мире чаще всего становятся женщины. В частности, это распространяется на компьютерные технологии: «Половые стереотипы, выявленные ранее на школьной популяции, на этой группе проявились еще четче. В этом исследовании выявился один любопытный фактор: юноши оценивают свою компетентность в применении компьютеров выше, чем девушки с примерно таким же опытом взаимодействия с компьютерами.

Такая недооценка девушками своей компетентности находит подтверждение и в других исследованиях. Например, ученые, поставившие задачу выяснить субъективные предпочтения мужчин и женщин, сообщают о том, что в точных науках женщин вообще гораздо меньше, чем мужчин. Особенно явно это прослеживается в так называемых «тяжелых» науках, например, в физике. Соотношение полов уравновешено в биологии и в химии, и хотя в этих областях женщины показывают лучшие результаты, чем мужчины, но свою успешность они оценивают ниже, чем мужчины, во всех без исключения областях науки. И в последующих исследованиях, в которых изучались субъективные предпочтения учащихся, было показано, что как юноши, так и девушки относят обучение физике и технологиям к преимущественно мужской сфере интересов» [19, с. 277].

Отсутствие реальных половых различий при парадоксальном сохранении стереотипов половых ролей чаще всего наблюдается там, где мужчины и женщины исполняют одни и те же функции, делают одинаковую работу. Так обстоит дело в современном менеджменте (см., например, [13, с. 84-85]).

Иногда внешние обстоятельства требуют от женщин стремиться к большему, чем обычно, проявлению маскулинных качеств личности. Примером может служить включение женщин в традиционные «мужские игры»: соперничество, конкурентную борьбу, стремление к успеху на работе или в спортивных достижениях. История человечества

показывает, что армия и война всегда были главной «кузницей маскулинности». И когда в боевые армейские подразделения вступают женщины, то обстоятельства способствуют их маскулинизации. В яркой художественной форме этот процесс показан в фильме режиссера Р. Скотта «Солдат Джейн» с Д. Мур в главной роли.

Труднее обнаружить сферы человеческого бытия, способствующие феминизации мужчин. Возможно (хотя я не знаю соответствующих исследований, но они могли бы быть весьма любопытны), что повышению уровня фемининных качеств у них способствует, в частности, профессия актера. Например, спектакли, в которых мужчины играют женские роли: «Служанки» Р. Виктюка, японский театр «кабуки» и др.

Не только половые различия, но и маскулинность и фемининность субъектов общения в некоторых условиях не оказывают существенного влияния на специфику понимания ими коммуникативных и познавательных ситуаций. Тендерная идентичность не является устойчивой личностной чертой и в разные периоды онтогенеза зависит от совокупности многих переменных. «Содержание конструкторов маскулинности-фемининности изменяется под влиянием культурного, когортного и тендерного факторов» [4, с. 5]. Обобщенно говоря, следует признать, что в некоторых случаях вполне разумно допустить отсутствие значимых различий между фемининностью и маскулинностью не у одного человека, а у целых групп людей. При этом психолог, как будет показано ниже на эмпирическом материале, сталкивается с серьезными трудностями в выявлении тендерных различий между людьми, например, по-разному понимающими конфликтную ситуацию.

Значимым «маскировочным фактором», препятствующим выявлению половых и/или тендерных различий в психологических исследованиях, является генерализованный, очень сходный смысл, приписываемый некоторым понятиям большинством носителей языка. Такой смысл внутри культурной общности людей перекрывает индивидуальные, половые, тендерные и другие различия в понимании понятий. Вместе с тем генерализация не устраняет при этом кросс-культурных различий в понимании. Проиллюстрирую подобное понимание на примере наиболее распространенной интерпретации смысла коммуникативных феноменов «агрессия», «высказывание правды — сокрытие лжи» в русской и западной науке и культуре.

В современной России исследования агрессивного поведения людей, его социальных и психологических корней, имеют не только теоретическое, но прежде всего практическое значение. Причины повышенного интереса к феномену агрессии настолько очевидны, что не требуют дополнительного объяснения. Неудивительно, что российские ученые активно занимаются исследованием этой проблемы: в ма-

териалах III Всероссийского съезда психологов я обнаружил 224 публикации, авторы которых так или иначе обсуждают тему агрессивного поведения [7]. Однако вот что характерно: и психологи, и словари русского языка толкуют агрессию исключительно в негативном ключе — как слова и действия одних людей, выражающих враждебность и неприязнь по отношению к другим [3, с. 28; 21, с. 19].

В отечественной психологии агрессия рассматривается как «целенаправленное деструктивное поведение, противоречащее нормам и правилам сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевленным и неодушевленным), причиняющее физический вред людям или вызывающее у них отрицательные переживания, состояние напряженности, страха, подавленности и т.д. Агрессия объединяет такие разнообразные акты поведения, как злые шутки, сплетни, враждебные фантазии, деструктивные формы поведения, вплоть до убийств и самоубийств» [15, с. 8].

Иное, более широкое и менее категорически негативное значение, имеет обсуждаемое понятие в западной психологической литературе. «Обычно оно применяется для обозначения таких действий, которые предположительно могут быть мотивированы: а) страхом или фрустрацией; б) желанием вызвать страх у других или побудить их к спасению бегством; в) стремлением осуществить свои планы или интересы» [27, с. 18].

Один из основателей гуманистической психологии, идейный лидер ее экзистенциальной ветви Ролло Мэй предпринял попытку переосмысления феномена агрессии с позиций человеческого существования: «силы быть», самоутверждения, отстаивания себя. Употребляя термин «конструктивная агрессия», он отмечает, что развитие современного технологического рыночного общества невозможно без конкуренции. Конкуренцию, основанную на соперничестве, соревновании, нельзя представить без некоторых проявлений агрессивности: последняя оказывается неотъемлемой составляющей полноценного человеческого существования [20, с. 184].

Разумеется, большинство людей и у нас, и на Западе с моральным осуждением относятся к откровенным поведенческим проявлениям физической и вербальной агрессии. Вместе с тем, как подчеркивает И. Гофман, для эффективного повседневного общения в англо-американском обществе любому субъекту необходимо обладать приемами «тонкой агрессивной тактики». Совокупность поведенческих навыков, из которых формируются такие приемы, реализуется в самых разнообразных сферах человеческого бытия. Он иллюстрирует это примерами поведения официантки при обслуживании клиента, учителя в отношениях с учениками и другими [5, с. 42-43].

Таким образом, очевидно, что западное понимание поведенческих проявлений агрессии отличается от нашего. Вместе с тем очевидно и то, что генерализованные социокультурные значения обсуждаемого понятия в разных странах являются такими мощными факторами воздействия на мировоззрение людей, что психологам, по меньшей мере, наивно надеяться на обнаружение существенных различий мужского и женского, а также маскулинного и фемининного понимания сущности агрессии.

Приведу еще один пример, относящийся к этике отношений субъектов общения. Осуществляя русскоязычную адаптацию методики исследования макиавеллизма личности, я столкнулся с таким затруднением. По ответам на пункт опросника «Нельзя простить человека, лгущего другому» оказалось невозможно дифференцировать мнения российских испытуемых: подавляющее большинство из 195 и мужчин, и женщин с этим не согласны. Между тем для западных психологов это «работающий вопрос»: одни испытуемые согласны со сформулированным в нем утверждением, другие — нет. Мировоззренческим основанием фундаментальных различий в неодинаковой интерпретации лжи как коммуникативного феномена является неоднократно описанное западное морально-правовое и русское субъективно-нравственное его понимание [11].

Социокультурные различия имеют такой фундаментальный и обобщенный характер, что включают в себя в форме частных случаев личностные, возрастные, половые, тендерные и многие другие проявления человека как представителя общества и государства. Неудивительно, что психологи нередко испытывают серьезные трудности, связанные с определением влияния пола и тендера на поведение людей, понимание ими познавательных и коммуникативных ситуаций.

Ниже описано эмпирическое исследование понимания российскими испытуемыми одной из моральных дилемм известного американского психолога Л. Колберга. По типам понимания ситуации морального выбора американские психологи могут вполне удовлетворительно дифференцировать своих испытуемых в соответствии с их личностными, половыми, тендерными и другими особенностями.

Одна цель исследования заключалась в том, чтобы показать, что российские испытуемые в отличие от американцев понимают дилемму однозначно и единообразно. **Другая цель** — попытаться обнаружить индивидуальные и типологические различия в понимании моральной дилеммы мужчинами и женщинами, а также фемининными и маскулинными субъектами с неодинаковыми свойствами личности.

Были сформулированы три основные гипотезы.

1. Существуют половые и тендерные различия в понимании морально предосудительных поступков (лжи и сокрытия правды): женщины и фемининные субъекты проявят большее, чем мужчины и маскулинные испытуемые, стремление к честному поведению.

2. Субъекты с высокими показателями по шкале макиавеллизма при понимании дилеммы в большей степени будут оправдывать ложь.

3. Субъекты с высокой самооценкой нравственных качеств личности при понимании ситуации морального выбора будут говорить, что на месте героя они не стали бы скрывать ложь и открыли правду.

МЕТОДИКА

Прежде чем изучать психологические особенности понимания моральной дилеммы, были проведены две предварительные серии экспериментов, направленные на психометрический анализ методики тендерной идентичности, а также выявление наличия или отсутствия связей маскулинности и фемининности с макиавеллизмом личности.

В целом исследование состояло из трех этапов и проводилось в Смоленске, Костроме и Москве.

В экспериментах первого этапа принимали участие 277 человек, 150 женщин и 127 мужчин — студенты и люди с высшим образованием разного профиля. Их средний возраст: $M=23,9$, $SD=7,7$. $Me=21$.

Испытуемые заполняли российскую версию методики С.Л. Бем на измерение тендерной идентичности личности — МИГИ в адаптации В.А. Лабунской и М. В. Бураковой [4]. По результатам каждого испытуемого у меня есть таблица первичных данных.

В экспериментах второго этапа в исследовании приняли участие 410 испытуемых в возрасте от 16 до 56 лет, но в основном студенты: $M=21$, $SD=9,09$. $Me=24,1$. Средний возраст 197 мужчин ($M=28,4$ $SD=11,55$) значимо ($p < 0,01$) превышал возраст 213 женщин ($M=20,1$, $SD=1,80$)

Сначала испытуемые заполняли опросник МИГИ, затем шкалу Мак-1У[12].

Эксперименты третьего этапа по разработанной мной программе в рамках дипломных работ в Москве и Костроме проводили Н.А. Сысоева и Т.А. Москвина. Испытуемыми были студенты различных факультетов гуманитарного и естественнонаучного профиля МГУ им. М.В. Ломоносова, КГУ им. Н.А. Некрасова и КГТУ. Всего в исследовании приняли участие 212 человек (104 мужчины и 108 женщин) в возрасте от 16 до 26 лет ($M=20,1$; $SD=1,77$).

Сначала испытуемым предлагалось анонимно заполнить три опросника: Мак—шкалу, МИГИ, Личностный дифференциал, а затем прочесть текст, описывающий одну из дилемм Л. Колберга:

«Джуди — 12-летняя девочка.... Мать обещала ей, что она могла бы пойти на специальный рок-концерт в их городе, если девочка скопит деньги на билет, работая приходящей няней и немного экономя на завтраке. Она скопила 15 долларов на билет, да ещё дополнительно 5 долларов. Но мать изменила решение и сказала Джуди, что та должна потратить деньги на новую одежду для школы. Джуди была разочарована и решила любым способом пойти на концерт. Она купила билет, а матери сказала, что заработала всего 5 долларов. В среду она пошла на представление, а своей матери сказала, что провела день с другом. Через неделю Джуди рассказала своей старшей сестре, Луизе, что она ходила на концерт, а матери солгала. Луиза раздумывала, сказать ли ей матери о поступке Джуди» [1, с.15].

После ознакомлением с этой историей испытуемые письменно отвечали на вопросы:

1. Должна ли Луиза рассказать матери, что Джуди солгала о деньгах или промолчать?
2. Важно ли сдержать обещание, данное кому-то, кого вы хорошо не знаете и вероятно не увидите снова?
3. Как бы Вы поступили на месте Луизы: сказали матери правду или нет?

Предполагалось, что испытуемые, различающиеся по полу, тендерной идентичности и личностным характеристикам по-разному будут понимать ситуацию морального выбора и, соответственно, неодинаково ответят на вопросы.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

На первом этапе после заполнения испытуемыми МИГИ в дополнение к определенным В.А. Лабунской и М.В. Бураковой психометрическим характеристикам методики осуществлялся статистический анализ наших результатов. Он был направлен на выявление одномерной надежности, внутренней согласованности пунктов трех шкал опросника, указывающей на степень однородности состава заданий. Иначе говоря, — отнесенности вопросов именно к таким качествам испытуемых, как маскулинность и фемининность. Внутренняя согласованность определялась с помощью вычисления коэффициента α Кронбаха.

Для шкалы фемининности $\alpha=0,839$. Средняя величина коэффициента корреляции между ответами на 10 входящих в шкалу вопросов $r=0,349$.

Для шкалы маскулинности $\alpha=0,818$. Коэффициент корреляции $r=0,315$.

Нейтральная шкала: $\alpha=262$, $r=0,036$.

Приведенные выше числовые показатели свидетельствуют об очень хорошей внутренней согласованности шкал фемининности и маскулинности. Вместе с тем согласованность нейтральной, маскировочной шкалы, как и следовало ожидать, очень мала.

Вывод: по характеристике одномерной надежности МИГИ является вполне удовлетворительным инструментом измерения тендерной идентичности.

Основной целью экспериментов второго этапа было определение наличия или отсутствия корреляционной связи между показателями тендерной идентичности и макиавеллизма.

Статистический анализ результатов с применением двустороннего критерия Колмогорова-Смирнова обнаружил, что средние показатели фемининности у 213 женщин значимо ($p < 0,001$) превысили те же показатели у 197 испытуемых в мужской выборке ($M=4,73$ и $M=4,12$). Однако различия по шкале маскулинности у женщин и мужчин оказались не значимыми ($M=4,34$ и $M=4,48$).

Причины недифференцированности современных людей по свойству маскулинности, по-видимому, верно указывает И.С. Клецина, ссылающаяся на данные и отечественных, и зарубежных авторов. В массовом сознании постепенно происходит насыщение образа женщины характеристиками, традиционно приписываемыми мужчинам. Данные научных исследований «отражают проявления полоролевой демократизации, которая в основном происходит за счет расширения полоролевого репертуара женщин» [22, с. 459].

Вместе с тем в современном обществе наблюдается и тенденция к феминизации мужчин. В психологии уже проведено несколько исследований, направленных на анализ ее положительного и отрицательного влияния на разнообразные сферы человеческого бытия. В одном из них испытуемыми были работники российской государственной службы [9]. Его автор, используя целый комплекс психологических методов, выделяет категорию феминизированных мужчин и изучает присущие им способы профессиональной деятельности. По ее мнению, профессиональный стиль деятельности феминизированных мужчин имеет характерные особенности: «Они реже применяют различные формы прямого психологического давления на людей, реже прибегают к прямым формам агрессии в своей профессиональной деятельности...»

При принятии решений по отношению к другим лицам они в большей степени ориентируются на систему межличностных отношений, а не только на суть проблемы. Данная особенность профессиональной деятельности может как повышать эффективность самой деятельнос-

ти, когда учет мнения окружающих повышает продуктивность принимаемых решений, так и снижать ее, так как окружающие могут склонить феминизированную личность через систему эмпатичных отношений, навязать ей свое решение» [9, с. 7].

Однако «феминизированные черты важны не сами по себе, а в сочетании с другими. Наибольший эффект в профессиональной деятельности, связанной с работой с людьми, достигают лица, обладающие феминизированными чертами личности в сочетании с относительно противоположными чертами. Это позволяет им менять свой стиль деятельности на противоположный в зависимости от ситуации, требований деятельности» [там же, с. 17].

Казалось бы, приведенные выше аргументы свидетельствуют против обоснованности утверждения о том, что фемининность является преимущественно женским качеством, а маскулинность мужским. Однако дополнительный статистический анализ результатов нашего исследования все-таки подтверждает справедливость высказанного суждения.

Из 410 испытуемых фемининных и гиперфемининных (тех, у кого разница между оценками фемининности и маскулинности находится в пределах от 0,4 до 3,8) оказалось 149 человек. Из них 44 мужчины и 105 женщин. Применение как биномиального критерия, так и критерия Колмогорова-Смирнова с вероятностью ошибки $p < 0,01$ дает основание утверждать, что среди фемининных и гиперфемининных субъектов преобладают женщины. Маскулинными и гипермаскулинными (разница между оценками от -0,4 до -3,7) оказались 143 испытуемых — 93 мужчины и 50 женщин. Те же способы статистического анализа приводят к выводу, что среди маскулинных и гипермаскулинных субъектов значимо больше мужчин, чем женщин.

Следовательно, утверждение о том, что маскулинность является преимущественно (но не исключительно) мужским качеством, а фемининность женским, является научно обоснованным.

Теперь перейду к ответу на вопрос о связи тендерной идентичности и макиавеллизма. Среднеарифметические оценки по Мак-шкале и женщин, и мужчин находятся в среднем диапазоне: $M=74,6$ и $M=78,0$. Корреляционная матрица смешанной выборки, состоящей из 410 испытуемых, показала: есть отрицательная корреляция между макиавеллизмом и фемининностью ($r=-0,395$), но отсутствует аналогичная связь с маскулинностью.

Практически ничего не изменяет анализ, учитывающий разделение испытуемых по половым и тендерным признакам. У 197 мужчин мак-показатели не связаны с маскулинностью, но отрицательно коррелируют с фемининностью ($r=-0,308$). Так же обстоит дело у 213

женщин, только величина коэффициента немного выше ($r=-0,435$). Следовательно, отдельный анализ подтверждает результаты смешанной выборки: и у женщин, и у мужчин наблюдается отрицательная корреляция макиавеллизма с фемининностью, но отсутствует связь с маскулинностью.

Теперь проанализирую связи макиавеллизма с гиперфеминностью и гипермаскулинностью. Гиперфемининных субъектов в выборке оказалось 82 человека (из них 62 женщины и 20 мужчин), гипермаскулинных — 84 (56 мужчин и 28 женщин). И у тех, и у других значимые коэффициенты корреляции тоже только между макиавеллизмом и фемининностью ($r=-0,279$ и $r=-0,273$). Однако сами оценки по Мак-шкале у гипермаскулинных гораздо более высокие: $M=80,52$ и $M=70,96$. $\chi^2=315,08$, $p < 0,001$.

Итак, эксперименты подтвердили гипотезу об отрицательной связи между оценками по Мак-шкале и показателями фемининности по МИГИ. Однако предположение о положительной связи макиавеллизма и маскулинности не подтвердилось.

Такие результаты соответствуют данным о меньшей выраженности макиавеллизма у женщин, но противоречат представлениям о макиавеллизме как преимущественно мужской черте личности [12]. Для разрешения противоречия, во-первых, необходим более углубленный анализ факторов, влияющих на формирование тендерной идентичности людей разного пола. Во-вторых, нужно детальнее исследовать сходство и различие поведенческих проявлений макиавеллизма у мужчин и женщин. При этом особое внимание следует обратить на причины и обстоятельства, препятствующие ясному и четкому определению маскулинности-фемининности и макиавеллизма личности.

Количественный и качественный анализ результатов основной серии экспериментов (*третьего этапа* исследования) осуществлялся по нескольким направлениям: поиска половых, тендерных различий, а также определения психологических особенностей испытуемых, ответивших «да» или «нет» на каждый из трех задаваемых вопросов. Для выявления статистически значимых различий между средними указанных групп испытуемых применялись непараметрические критерии Колмогорова-Смирнова и Манна-Уитни.

Прежде чем переходить к конкретному психологическому анализу ответов на вопросы, я кратко рассмотрю содержательную структуру моральной дилеммы Колберга, в значительной степени определяющую характер ее понимания.

В истории, предложенной испытуемым для понимания (включающего нравственную оценку поступков героев), противопоставляются разные моральные нормы и ценности. Испытуемый должен выразить

личное отношение к описанным моральным проблемам: основываясь на своей ценностно-смысловой позиции, проинтерпретировать ситуацию в процессе ответов на заданные вопросы. В ситуации выделяются три главные подтемы, которые нужно проинтерпретировать испытуемым: нарушение обещания (мать дала обещание дочери, что та пойдет на концерт, но затем изменила решение); ложь (Джуди солгала матери); доверие (Джуди доверила свою тайну старшей сестре, Луизе). Названные подтемы отражают всем известные моральные нормы, связанные с обыденными представлениями о порядочном человеке: он держит данное слово, говорит правду, не раскрывает доверенные ему чужие секреты.

В сознании разных людей указанные нормы преломляются по-разному, причем в зависимости от ценностно-смысловой оценки ситуации одни нормативные представления могут противоречить другим. Специфика понимания дилеммы зависит от субъективных приоритетов испытуемых. Кроме того, она определяется и социальными нормами и полоролевыми стереотипами, регулирующими психологические отношения между субъектами общения.

Количественный анализ ответов на вопросы. Как я уже упоминал выше, ответы испытуемых на три использованных вопроса дилеммы Колберга однообразно отрицательны. Только 24 человека полагают, что Луиза должна рассказать матери, что Джуди солгала, 188 считают, что ей следует молчать. 68 испытуемых согласны с тем, что важно сдерживать обещание, данное кому-то, кого вы хорошо не знаете и вероятно не увидите снова; 144 человека с этим не согласны. 187 испытуемых на месте Луизы не сказали бы матери правду и только 25 сказали бы. И биноминимальный критерий, и χ^2 Пирсона, безусловно, покажут во всех трех случаях статистически значимое преобладание отрицательных ответов.

Характерно, что испытуемые, дающие положительные и отрицательные ответы, не отличаются ни по признакам пола, ни тендерной идентичности, ни личностных особенностей. Очевидно, что социальные и культурные нормы, сформировавшиеся в нашем отечестве, оказывают решающее воздействие на представления испытуемых о том, как другим следует вести себя в подобных ситуациях, и какую поведенческую стратегию предпочли бы они сами. Для выявления специфических особенностей понимания дилеммы разными группами испытуемых необходим более детальный анализ полученных данных, фокусирующийся на отдельных использовавшихся в эксперименте переменных. Именно такой анализ я и попытаюсь осуществить.

Половые различия. Выборка состояла из 108 женщин и 104 мужчин, между их результатами были выявлены следующие статистически значимые различия.

У женщин меньше, чем у мужчин, показатели по Мак-шкале ($p < 0,001$; $M=76,12$ и $M=80,95$). Однако у них больше: оценки фемининности ($p < 0,001$; $M=4,52$ и $M=3,99$); показатели по шкале Оценка «Личностного дифференциала» ($p < 0,01$; $M=11,22$ и $M=8,28$); показатели по шкале Активность «Личностного дифференциала» ($p < 0,02$; $M=6,21$ и $M=4,26$); оценки согласия с тем, что надо выполнять обещание, данное малознакомому человеку ($p < 0,004$; $M=0,77$ и $M=0,59$). Следовательно, женщины выше, чем мужчины, оценивают нравственные и эмоционально-коммуникативные свойства своей личности. Кроме того, они в большей степени убеждены в том, что по отношению к малознакомым людям, с которыми больше никогда не встретишься, надо вести себя честно.

Проанализирую теперь ответы на вопросы к тексту. На вопрос о том, должна ли Луиза рассказать матери о поступке Джуди, большинство испытуемых ответили, что ей следует промолчать. Объясняя причины своего суждения, испытуемые чаще всего обращались к подтеме «доверие». В первую очередь они обращали внимание не на факт лжи Джуди (считая ложь нормальным, вполне оправданным в этой ситуации поступком), а на межличностные отношения сестер и матери. Испытуемые говорили о том, что, рассказав матери об обмане младшей сестры, Луиза потеряет ее доверие, нарушит доверительные отношения. И мужчины, и женщины полагали, что сохранение тайны Джуди необходимо для сохранения хороших отношений между сестрами.

Однако необходимо отметить различия в ответах мужчин и женщин. Мужчины, во-первых, обращали внимание на социальные роли людей, включенных во взаимоотношения, и сравнивали моральный проступок с социально-нормативными представлениями — тем, «как должно быть» («Потому что она сестра». «Нельзя делать подлости своим». «Не надо выдавать членов своей семьи, это противоречит законам человеческого общежития». «Это собственные деньги Джуди. Родители должны обеспечивать своих детей, а не требовать их деньги». «Это секрет Джуди и Луизы, а секреты должны держаться в тайне»). Во-вторых, мужское понимание дилеммы основано на представлении о праве субъекта на самостоятельность в принятии решений и контролировании ситуации морального выбора. Характерно, что они не узурпируют право самостоятельного решения, а признают и права других людей («Если Джуди захочет рассказать, то она сама должна это сделать». «Каждый сам выбирает, как ему поступать». «Это в принципе не ее (Луизы) дело». «Это деньги Джуди и только она решает, что с ними делать»).

Женщины акцентировали внимание на психологическую, интимно-личностную сторону взаимоотношений героев. Женскому понима-

нию ситуации присуща диалогичность, оно реализуется в категориях Я и Она (Они). Для женщин важно сохранить и не разрушить связь с другими людьми. В обсуждаемой ситуации ложь расценивается ими как меньшее зло, нежели разрушение психологических отношений («Ей доверили тайну, говоря правду, она тем самым подставит сестру, и этот поступок может разрушить отношения Джуди с матерью». «Сестры доверяют друг другу и не хотели бы испортить отношения». «Из-за пустяка можно серьёзно испортить отношения с сестрой, потерять доверие». «Если сестре рассказали эту историю, то ей доверили и ждали молчания»).

Только 24 человека ответили на этот вопрос «да», т.е. они считают, что Луиза должна все рассказать матери. Женщины объясняли это воспитательными целями («Чтобы Джуди так больше не делала»), а мужчины тем, что проблему можно решить совместно, разобравшись откровенно («В нормальной семье родитель поймет ребенка, а ребенок — поймет реакцию родителя на открытую правду: после разбора ситуации впредь лгать никто не будет»).

Напомню второй вопрос: «Важно ли сдерживать обещание, данное кому-то, кого вы хорошо не знаете и вероятно не увидите снова?». Те, кто ответили на него «нет» (преимущественно мужчины), объясняют свою позицию тем, что иногда бывают обстоятельства, когда обещание невозможно или даже уже не нужно выполнять. Таким образом, вина за невыполнение обещания снимается с себя и переносится на обстоятельства. Здесь трудно не провести аналогии с хорошо известной в социальной психологии «фундаментальной ошибкой атрибуции». Объясняя чье-либо поведение, мы недооцениваем влияние ситуации и переоцениваем степень проявления установок и черт личности человека, совершающего какие-то действия. Совсем иначе мы оцениваем точно такие же действия, совершенные нами. «Мы совершаем основную ошибку атрибуции, интерпретируя поведение других людей. Мы часто объясняем свое собственное поведение с точки зрения ситуации, но считаем, что другие несут ответственность за свое поведение» [18, с. 107].

Проанализирую теперь ответы испытуемых, положительно ответивших на вопрос. Мужчины подчеркивают, что есть моральные нормы, согласно которым нарушать обещание недопустимо («Слово дал — слово держи». «Надо вести себя честно, иначе не сохранить репутацию»). Следовательно, для них важно, что нарушение обещания может повлечь ухудшение репутации и в итоге — общественного положения.

Женщин больше заботит самоуважение и то, как нарушенное ими обещание отразится на другом человеке. («Чтобы сохранить уважение

к себе, необходимо сделать ответственность постоянным правилом жизни». «Ради собственного достоинства»). Если нарушить обещание, то можно потерять доверие человека. («Это сохраняет хорошие взаимоотношения и укрепляет доверие между людьми». «Нарушение обещания — предательство, недопустимое тем более, если человек действительно близкий»). Интересно, что при уменьшении степени близости с человеком отношение женщин к нарушению или невыполнению обещания меняется. В результате получается, что обещание, данное незнакомому человеку, вовсе не обязательно неукоснительно исполнять.

Бликие отношения между людьми в социальной психологии получили название «психологической дистанции», которая и на теоретическом, и на экспериментально-методическом уровне тщательно проанализирована в работах А.Б. Купрейченко [8, 16]. Её данные позволяют пролить свет на некоторые из психологических причин ответов, даваемых испытуемыми после ознакомления с дилеммой Колберга.

В общении и деятельности ориентация женщин на достижение субъективно значимого результата приводит к тому, что с увеличением психологической дистанции у них сильнее, чем у мужчин, изменяется уровень отношения к соблюдению нравственных норм. Например, мужчины и женщины демонстрируют различный характер гибкости уровня правдивости. «Если у мужчин уровень изменяется плавно, то у женщин уровень правдивости резко падает в отношениях со вторым кругом (друзья, сподвижники, сотрудники, непосредственный руководитель), а в отношениях с самым далеким кругом женщины даже несколько правдивее мужчин (см. ответы на второй вопрос в нашем эксперименте — В.3.), то есть у женщин отношение к соблюдению норм правдивости изменяется неравномерно с ростом психологической дистанции» [8, с. 309-310].

Таким образом, наряду с уже перечисленными мной характеристиками внутреннего мира понимающего субъекта — стремление следовать общеизвестным моральным нормам, боязнь потери репутации, самоуважение, опасение причинить вред другому человеку — при анализе понимания описанных в тексте поступков и взаимоотношений героев необходимо учитывать еще одну. Психологическая дистанция играет значимую роль в понимании допустимых пределов правдивости и представлений о справедливости в межличностных отношениях. Мужское и женское понимание нравственных коллизий различаются и зависят от психологической близости субъекта с тем, кому он (она) говорит правду или лжет, чьи поступки понимает, оценивает, оправдывает или осуждает.

Ответы на третий вопрос к экспериментальному тексту («Как бы Вы поступили на месте Луизы: сказали матери правду или нет?») содержательно мало чем отличаются от ответов на первый. Это означает, что те испытуемые, которые считают, что надо сказать правду, как правило, утверждают, что и сами поступили бы так же, и наоборот. Коэффициент корреляции Спирмена между результатами ответов на первый и третий вопросы $r=0,562$.

Итак, в ходе анализа ответов на вопросы были выявлены некоторые специфические отличия понимания ситуации морального выбора мужчинами и женщинами. И те, и другие в основном оправдывали моральный проступок героини, но объясняли это разными причинами. Мужчины при понимании и интерпретации ситуации больше внимания уделяли социальным позициям субъектов общения, для них более важным оказывалось положение человека в системе социальных ролей. Им в большей степени, чем женщинам, было свойственно соотносить поступки людей с их социальными ролями, а также правилами, которые этим ролям приписываются. Женщины больше внимания обращали на психологические характеристики взаимодействующих людей (степень доверия, близость, стабильность отношений), а также на эмоции и чувства участников общения (сочувствие, обида, радость за другого и др.).

Маскулинность и фемининность. Для получения данных контрастных групп я проанализировал результаты испытуемых, у которых наиболее выражена маскулинность и фемининность. Сравнение данных 58 гипермаскулиных субъектов (из них 35 мужчин и 23 женщины) и 31 гиперфемининного (6 мужчин и 25 женщин) показало следующее.

У гипермаскулиных выше, чем у гиперфемининных, показатели по Мак-шкале ($p < 0,004$; $M=81,72$ и $M=73,90$) и по шкале Сила «Личностного дифференциала» ($p < 0,001$; $M=10,91$ и $M=4,55$). Вместе с тем у них ниже: показатели по шкале Активность «Личностного дифференциала» ($p < 0,001$; $M=9,39$ и $M=12,56$) и оценки согласия с тем, что надо выполнять обещание, данное малознакомому человеку ($p < 0,01$; $M=0,62$ и $M=0,87$).

Обращают на себя внимание следующие характерные особенности понимания и интерпретации ситуации гипермаскулиными и гиперфемининными субъектами. Они приводят объяснения, сходные с интерпретацией ситуации мужчинами и женщинами, но несколько иначе расставляют акценты.

Испытуемые гипермаскулиного типа имеют более высокие показатели по шкале макиавеллизма. Они оправдывают поступок Джуди и считают, что она имела моральное право на ложь. Причина: мать обещала, но не сдержала обещание, т.е. нарушила «правила игры» («Она выполнила свою часть договора с матерью». «Матери не стоило ме-

нять решение»). Гиперфемининные субъекты дают такие же ответы, но по другой причине. Практически единогласно они признают право Джуди на самостоятельное решение куда потратить деньги. («Эти деньги она специально зарабатывала именно для концерта, а не для одежды». «Мать обещала Джуди, что разрешит пойти на концерт, тем более эти деньги девочка заработала сама»).

Гипермаскулиные испытуемые считают, что обещание сдерживать не обязательно, если это тебе не принесёт выгоды («Это манёвр для получения необходимой информации». «Люди всегда многое обещают, чтобы достичь собственной цели, поэтому обещание не обязательно сдерживать, так как этого человека я больше не увижу». «Моё обещание незнакомому человеку — это манипуляция им. Получив своё, обещание теряет свою значимость». «Я с этого не могу ничего поиметь, тем не менее, придётся затратить собственные силы на выполнение этого обещания»).

И наоборот, если эти испытуемые и согласны выполнить обещание, то только при условии, что смогут извлечь для себя личную выгоду. («Этот человек мне может пригодиться когда-нибудь». «Так как это может быть выгодно мне»).

Гиперфемининные субъекты положительный ответ на вопрос обосновывают не выгодой, а самоуважением, основанным на осознании правильности, безусловной необходимости выполнения моральных норм («Для того, чтобы держать себя в определённой моральной форме». «Это не зависит от степени уверенности в человеке, просто даёшь обещание и выполняешь его, обещание есть обещание». «Это укоренено в сознании человека». «Это заложено в общественной морали, это принцип жизни»). Нарушенные обещания в общем и целом разрушают отношения с другими людьми, даже не близкими тебе. («Нельзя играть чувствами человека и человеческим доверием». «Иногда обещание может быть жизненно важным для другого человека, того, кого я не увижу». «Невыполнение обещания разбивает надежды других». «Своим обманом ты можешь глубоко ранить человека»).

Таким образом, гипермаскулиным субъектам при понимании и интерпретации предложенной ситуации более свойственны обращения к сложившимся у них представлениям о справедливости, морально и социально должно. Для них во взаимоотношениях важны социальные роли и правила, которые следует выполнять. Гиперфемининные испытуемые менее категоричны, ориентированы при понимании и оценке ситуации скорее на сами взаимоотношения, их качественные характеристики, такие, как стабильность, доверительность, близость. При интерпретации они чаще обращаются к чувствам, эмоциям и переживаниям участников ситуации (обида, сочувствие, вина).

Макиавеллизм личности. Сравнительный анализ полярных групп испытуемых по Мак-шкале: 54 человека из нижнего квартиля (оценки 48-70) и 53 из верхнего (87-107). У слабо выраженных макиавеллистов больше: оценки фемининности ($p < 0,001$; $M=4,62$ и $M=3,88$); показатели по шкале Оценка «Личностного дифференциала» ($p < 0,01$; $M=11,88$ и $M=7,64$); оценки согласия с тем, что надо выполнять обещание, данное малознакомому человеку ($p < 0,001$; $M=0,85$ и $M=0,47$). Однако у них ниже показатели по шкале Активность «Личностного дифференциала» ($p < 0,05$; $M=4,37$ и $M=7,47$).

Следовательно, по результатам эксперимента нельзя сказать, что субъекты с более высокими показателями по шкале макиавеллизма при понимании и оценке ситуации морального выбора в большей степени, чем испытуемые с низкими оценками по Мак-шкале, оправдывают ложь. Однако они в меньшей степени склонны выполнять обещание, данное малознакомому человеку.

Самооценка нравственных качеств личности. Теперь сравню результаты 54 испытуемых с низкими показателями Оценки по «Личностному дифференциалу» (меньше 6) и 56 — с высокими (больше 13).

У 54 больше, чем у 56, показатели по Мак-шкале ($p < 0,01$; $M=82,37$ и $M=72,64$). Однако у них меньше: оценки фемининности ($p < 0,001$; $M=3,82$ и $M=4,63$); показатели по шкале Сила «Личностного дифференциала» ($p < 0,05$; $M=5,09$ и $M=9,20$); показатели по шкале Активность «Личностного дифференциала» ($p < 0,03$; $M=3,05$ и $M=6,12$); оценки согласия с тем, что надо выполнять обещание, данное малознакомому человеку ($p < 0,07$; $M=0,59$ и $M=0,75$).

Обращает на себя внимание тот факт, что приведенные выше числовые показатели почти в точности копируют данные мужчин и женщин. У последних тоже выше самооценка нравственных качеств личности. Соответственно, сходны ответы, даваемые этими двумя группами испытуемых: содержательные различия есть только по вопросу об обещании.

* * *

Итак, все три выдвинутые в исследовании гипотезы количественно подтвердились лишь частично и скорее во второстепенном, чем главном пункте. И женщины, и фемининные субъекты, и люди с низкими показателями по шкале макиавеллизма, и испытуемые с высокой самооценкой нравственных качеств личности оправдывали ложь главной героини. Их склонность к честному поведению проявилась лишь в убеждении в том, что нужно выполнять обещания, даваемые малознакомым людям.

Очевидно, что отраженные в гипотезах выбранные переменные не играли главной роли в формировании понимания конкретной моральной дилеммы Колберга. Гораздо большее влияние на понимание оказали распространенные в русской культуре представления о «нормальности» лжи как вполне допустимого в межличностных отношениях способа достижения справедливости. Вместе с тем качественный анализ содержания ответов испытуемых подтверждает выдвинутые гипотезы. Мужчины и женщины, маскулинные и фемининные субъекты, люди с низкими и высокими показателями по шкале макиавеллизма, испытуемые с высокой и низкой самооценкой нравственных качеств личности совершенно по-разному объясняют причины формально одинаковых ответов. Следовательно, можно ожидать, что в менее культурно зависимых ситуациях половые, тендерные и личностные детерминанты формирования понимания будут более очевидными и легче выявляемыми в психологических экспериментах.

Литература

1. *Анциферова Л.И.* Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Л. Колберга и его школы) // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3. С. 5—17.
2. *Берн Ш.* Тендерная психология. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2001.
3. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000.
4. *Буракова М.В.* Интерпретация маскулинности-фемининности внешнего облика субъекта общения. Автореф. дис. ...канд. психол. наук. Ростов-на-Дону: РГУ, 2000.
5. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
6. *Трошев И.В.* Психология половых различий: Монография. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001.
7. Ежегодник Российского психологического общества: Материалы 3-го Всероссийского съезда психологов. 25-28 июня 2003 года. В 8 т. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003.
8. *Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б.* Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М.: Институт психологии РАН, 2003.
9. *Зингер Т.Э.* Влияние феминизированных черт личности мужчин на их профессиональную деятельность в системе госслужбы. Автореф. дис. ...канд. психол. наук. М.: РАГС, 2002.
10. *Знаков В.В.* Половые различия в понимании неправды, лжи и обмана // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 1. С. 38—49.
11. *Знаков В.В.* Послесловие. Западные и русские традиции в понимании лжи: размышления российского психолога над исследованиями Пола Экмана // Экман П. Психология лжи. СПб.: Питер, 1999. С. 243-268.
12. *Знаков В.В.* Методика исследования макиавеллизма личности. М.: Смысл, 2001.
13. *Иванченко Г.В.* Реальность Паблик рилейшнз. М.: Смысл, 1999.

14. *Ильин Е.Л.* Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб.: Питер, 2002.
15. Краткий психологический словарь / Ред.-сост. Л.А. Карпенко; под общей ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. Ростов-на-Дону: Феникс, 1988.
16. *Купрейченко А.Б.* Отношение личности к соблюдению нравственных норм в зависимости от психологической дистанции (у предпринимателей и менеджеров). Автореф. дис. ...канд. психол. наук. М.: ИП РАН, 2001.
17. *Лабунская В.А.* Социально-психологический подход к изучению маскулинности-фемининности личности // *Личность и бытие: Теория и методология. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова.* Краснодар: Кубанский государственный университет, 2003. С. 107—112.
18. *Майерс Д.* Социальная психология. СПб.: Питер, 1997.
19. *Морган К., Морган М.* Половые различия в применении технологий // *Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А.Е. Войскунского.* М: Можайск-Терра, 2000. С. 267-289.
20. *Мэй Р.* Сила и невинность: в поисках истоков насилия. М.: Смысл, 2001.
21. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1988.
22. Практикум по тендерной психологии / Под ред. И.С. Клещиной. СПб.: Питер, 2003.
23. *Edwards R.* The effects of gender, gender role, and values on the interpretation of messages // *Journal of Language and Social Psychology.* 1998. V. 17. № 1. P. 52-71.
24. *Krampen G., Effertz B., Jostock U., Mutter B.* Gender Differences in Personality: Biological and/or psychological? // *European Journal of Personality.* 1990. V.4. № 4. P. 303-317.
25. *Maccoby E.E.* Gender and relationships // *American Psychologist.* 1990. № 4. P. 513-520.
26. *Maccoby E.E., Jacklin C.N.* The Psychology of Sex Differences. Stanford: Stanford University Press, 1974.
27. *Reber A.S.* The Penguin Dictionary of Psychology. London: Penguin Books, 1985.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

ПОНИМАНИЕ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ БЫТИЕ

ПОНИМАНИЕ КАК ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

Опубликовано: Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 2.
С. 7-15.

Психология понимания в наше время является одним из перспективных и динамично развивающихся направлений современной психологической науки. Как показывает методологический анализ научных оснований этого направления, с позиций психологии понимания, сегодня можно говорить о двух главных подходах к изучению этого феномена — *познавательном и экзистенциальном*.

В психологии познания понимание рассматривается как мыслительная процедура, направленная не на получение нового знания, а на смыслообразование, приписывание смысла знанию, полученному в процессе мыслительной деятельности. Посредством понимания субъект не только познает окружающий мир, но и выражает свое отношение к социальной действительности (о понимании как познавательном отношении см. [2]). Индивидуальная специфика понимания вносит весьма существенный вклад в формирование личностных способов мышления субъекта, осмысливающего моральные, правовые, политические, экономические ценности изменяющегося мира.

Разнообразные познавательные теоретико-экспериментальные исследования внесли существенный вклад в раскрытие психологических механизмов понимания. Вместе с тем они показали, что, следуя в этом направлении, вряд ли можно получить научное представление не об отдельных сторонах, признаках, характеристиках понимания, а понять его как нечто единое, феноменологически целое. К такому выводу я пришел после многолетнего теоретического и экспериментального анализа основных условий, необходимых для возникновения понимания, различных форм, в которых оно проявляется, свойств личности, детерминирующих специфику этого феномена, и т.п. [2]. Можно, конечно, и дальше уточнять и углублять наши знания о когнитивных составляющих понимания как одного из компонентов познавательной

деятельности и общения людей. Однако это метод скорее аналитического расчленения, чем синтетического объединения разных и нередко противоречивых данных о целостном феномене.

Для меня показательным примером того, как основательная, кропотливая и вдумчивая исследовательская работа ученого постепенно приводит к тому, что, изучая понимание с позиций когнитивного подхода, мы в конце концов узнаем «все ни о чем», является монография Ж.Ф. Ришара [8]. Он пишет: «Природа знаний в памяти, используемая для понимания текста или ситуации, позволяет нам выделить различные процессы, посредством которых реализуется понимание. Понимание может быть и партикуляризацией схемы, и конструированием реляционной сети, которую используют для переработки очень общих знаний, касающихся целых классов ситуаций, подлежащих переработке (например, что такое рассказ? что такое проблема?). Эти знания уточняют тип информации, который должна содержать в себе интерпретация и тип запретов, которым должна удовлетворять интерпретация в ходе своего построения. Это может быть также конструирование отдельной ситуации, которая должна быть совместима со всей информацией общего характера, имеющейся в распоряжении. Это может быть, наконец, конструирование реляционной или процедурной структуры по аналогии с существующей структурой путем ее модификации с целью адаптации.

Мы увидим, что существует огромное многообразие процессов понимания и что их можно охарактеризовать, исходя из предыдущих различий: термин понимание является, таким образом, родовым термином, который надлежит специфицировать в зависимости от типа процесса, с помощью которого реализуется понимание» [8, с. 9].

Последующая и, надо признать, добросовестная спецификация содержания родового термина дает возможность читателю узнать, что такое понимание как партикуляризация схемы, конструирование концептуальной структуры, рассуждение по аналогии с известной ситуацией. Однако чем детальнее французский психолог рассматривает разные аспекты проблемы, тем труднее уяснить, что представляет собой понимание как целостное, неразложимое на части психологическое образование.

ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Неудивительно, что сегодня многие ученые стали рассматривать понимание не только как познавательный, но и как экзистенциальный феномен. Экзистенциальный ракурс его рассмотрения предполагает изучение конкретных ситуаций бытия человека и целостного их понимания.

С одной стороны, обращение к экзистенциальным проблемам, не-

обходимость понимать реальные жизненные ситуации вызваны практическими запросами, востребованностью психологов в современном российском обществе. Это отчетливо проявляется, например, в практике психологического консультирования. В частности, я имею в виду то направление, которое один из наиболее профессиональных и глубоко мыслящих отечественных психологов, Ф.Е. Василюк, называет понимающей психотерапией. С позиций данного направления, «в широком смысле психотерапевтическое понимание есть особая интенция, особая диалогическая установка, делающая понимание главной, самоценной и в известном отношении последней задачей терапевта. Воплощая эту установку, терапевт все делает для того, чтобы понять пациента и дать ему это понимание, а не старается понять для того, чтобы что-то сделать — повлиять, вылечить, исправить» [1, с. 48].

В понимающей психотерапии терапевт не проявляет активности, направленной на формирование понимания пациентом своих проблем. Сознательный отказ от воздействия в сочетании с полной обращенностью к пациенту, настроенностью на него направлен на создание возможности последнему самому понять и продуктивно преобразовать те жизненные проблемы, которые побудили человека обратиться к психологу.

С другой стороны, к концу XX века многими учеными была осознана необходимость рассматривать понимание в более широком научном контексте, чем его описание как феномена осмысленного отражения разных сторон явлений, событий, ситуаций. Х.Г. Гадамер, П. Рикер и др. стали интерпретировать понимание как содержательно более объемную категорию, чем познание, и уж тем более — индивидуальное мышление. Понимание, с их точки зрения, представляет собой универсальную способность человека, реализующуюся в его способах бытия в мире. В наши дни такая методологическая позиция приобрела устойчивые очертания. В ее основания были положены размышления крупнейших мыслителей нашего столетия — философов, психологов, историков и др. В психологии эта позиция связана прежде всего с развитием субъектно-деятельностного подхода и формированием психологии человеческого бытия как относительно самостоятельной области психологической науки.

Как известно, категория «бытия» принадлежит к основополагающим понятиям философии. Под бытием понимается сущее: то, что существует сейчас, существовало в прошлом и будет существовать в будущем. Несмотря на такой всеобъемлющий и, казалось бы, вневременный характер бытия, с гносеологической точки зрения в нем надлежит различать два главных периода — до существования человека и возникновение человечества. Такое различие принципиально важно, потому что человек являет собой новый уровень сущего в процессе его развития: при соотнесении с ним выявляются новые свойства в бытии всех пре-

жних уровней. Как убедительно показал С.Л. Рубинштейн в «Бытии и сознании», с появлением человека, «возникновением нового уровня сущего во всех нижележащих уровнях выявляются новые свойства. Здесь раскрывается значение, смысл, который приобретает бытие, выступая как «мир», соотносительный с человеком как частью его, продуктом его развития. Поскольку есть человек, он становится не чем иным, как объективно существующей отправной точкой всей системы координат. Такой отправной точкой человеческое бытие становится в силу человеческой активности, в силу возможности изменения бытия, чем человеческое существование отличается от всякого другого» [11, с. 63].

Введение Рубинштейном в контекст психологического анализа соотношения бытия и сознания новой категории «мир» стало важной вехой в развитии методологических оснований психологии. «Мир» как философско-психологическое понятие может быть понят только сквозь призму высшего продукта развития бытия — человеческого бытия. Мир — это бытие, преобразованное человеком, включающее в себя человека и совокупность связанных с ним общественных и личных отношений. Вследствие человеческой активности мир представляет собой бытие, которое изменяется действиями в нем субъекта. Сознание и деятельность, мысли и поступки оказываются не только средствами преобразования бытия, в мире людей они выражают подлинно человеческие способы существования. И одним из главных из них является специфика понимания мира субъектом. Человек, находящийся внутри бытия и обладающий психикой, сам творит свою жизнь в мире и понимает его.

Вследствие этого современные психологи, изучающие человека и сами живущие в человеческом мире, вольно или невольно вторгаются в пределы особой области психологической науки — психологии человеческого бытия. К основателям психологии человеческого бытия следует отнести прежде всего В. Франкла и С.Л. Рубинштейна. Несмотря на принадлежность к совершенно различным социальным мирам и научным школам, двое выдающихся ученых высказывали поразительно сходные суждения о психологии человека. Основой сходства являются прежде всего почти одинаковые представления о *должном* — морально-нравственном императиве, который регулирует поступки субъекта, его представления о подлинно человеческом отношении к себе и другим. Этическую категорию долженствования можно сравнить с компасом, не только помогающим человеку выбирать способы ориентации в житейских ситуациях, но и адекватно понимать их.

Сходство научных взглядов двух ученых проявилось и в трех группах проблем психологии человеческого бытия, которые неизменно оказывались в центре их внимания. Рубинштейн говорит о проблемах взаимодействия субъекта с объектом, человека с объективной действительнос-

тью; отношениях субъекта с другими людьми и его отношении к себе. Франкл интерпретирует эти проблемы в терминах ценностей — смысловых универсалий, обобщающих опыт человечества. Он описывает три класса ценностей, позволяющих сделать жизнь человека осмысленной: труда (творчества), переживания и отношения [16]. Соответственно ученый описывает три типа смысла: «Хотя Франкл подчеркивает, что у каждого индивида есть смысл в жизни, которого никто другой не может воплотить, все же эти уникальные смыслы распадаются на три основные категории: (1) состоящие в том, что мы осуществляем или даем миру как свои творения; (2) состоящие в том, что мы берем у мира в форме встреч и опыта; (3) состоящие в нашей позиции по отношению к страданию, по отношению к судьбе, которую мы не можем изменить» [15, с. 498].

Утверждая, что в конце двадцатого века созрели предпосылки для рассмотрения психологии человеческого бытия как самостоятельной области психологической науки, я отчетливо осознаю не только перспективность такого направления анализа многих психических феноменов (в частности, понимания), но и возможные возражения и теоретиков, и практиков. Прочитав или услышав это утверждение, любой образованный психолог может выразить недоумение: психологическое направление исследований, имеющее дело с анализом коренных проблем человеческой жизни, уже существует — это экзистенциальная психология. Ее предметом являются такие глобальные вопросы, как проблемы жизни и смерти человека; свободы и детерминизма; выбора и ответственности; общения и одиночества; смысла и бессмысленности или даже абсурдности существования [7]. В фокусе внимания психологов, исследующих закономерности психики человека с позиций психологии человеческого бытия, находятся фактически те же проблемы, однако *подходы к их решению* в двух названных направлениях психологической науки существенно различаются. Между психологией человеческого бытия и экзистенциальной психологией есть принципиальные различия, и некоторые особенности последней не позволяют исследователю эффективно, научно корректно изучать психологические особенности понимания мира субъектом.

Во-первых, проблема, с которой обязательно сталкивается психолог, привыкший к теоретико-экспериментальному анализу проблемы понимания, заключается в том, что экзистенциалистская ориентация в разных областях (например консультировании) имеет глубоко интуитивный, а не эмпирический фундамент. Естественно, это означает скорее схватывание феноменологической целостности изучаемых явлений, чем установление достоверности выявленных закономерностей и воспроизводимости обнаруженных фактов. Экзистенциальные психологи «доступные пониманию психические взаимосвязи называют также внутренней причинностью (Kausalitat von innen), тем самым указывая на наличие непреодолимой

пропасти между собственно причинностью («внешней причинностью») и связями, устанавливаемыми в сфере психического и заслуживающими называться «причинными» только на правах аналогии» [20, с. 367]. Для психолога, анализирующего феномен понимания с позиций психологии человеческого бытия, признание существования непреодолимой пропасти между внешней и внутренней причинностью оказывается совершенно неприемлемым. Понимающий субъект является органичной и неотъемлемой частью мира и потому внешние и внутренние условия его существования включены как во «внешние», так и во «внутренние» связи и отношения. Следовательно, оба типа причинных связей и отношений имеют не дизъюнктивный, а взаимодополнительный характер.

Поскольку согласно экзистенциалистскому понятию существования, функции субъекта и объекта в бытии принципиально различны (объект «существует», а субъект «переживает»), то человек не познает объективный мир, а именно «переживает». Мало того, что в соответствии с этим тезисом постулируется если и не непознаваемость объекта, то уж во всяком случае несущественность познания мира, его малая значимость для самореализации человека. Это означает еще и акцент на сиюминутности: фокусировании внимания на тех эмоциях и чувствах, которые проявляются в данный момент. В экзистенциальной психотерапии это называется принципом «здесь и теперь». В результате получается, что человек пассивно отражает непознаваемые внешние стимулы, а не осуществляет свою жизнь как активно познающий, действующий и преобразующий мир субъект.

Для психолога-исследователя изучение любого психологического явления связано с анализом его причинно-следственных связей, внутренних и внешних условий, которые обусловили его формирование и развитие. Как отмечает Е.А. Климов, «в любом случае понимание и объяснение явлений психики должно быть «связесообразным», т. е. опираться на раскрытие рассматриваемого явления в системе тех или иных характеризующих его реальных связей (более принято и благозвучно выражение «законосообразность» понимания, объяснения; его мы и будем придерживаться)» [5, с. 26].

В отличие от научно-познавательной традиции, с экзистенциальной точки зрения исследовать — прежде всего означает отодвинуть повседневные заботы и глубоко размышлять о своей экзистенциальной ситуации. Иначе говоря, думать не о том, каким образом мы стали такими, каковы мы есть, а о том, *что мы есть*. С позиций психологии человеческого бытия, психолог не может ограничиться узнаванием того, что есть, выявлением субъектом понимания, например, смысла своей жизни. Напомним, что для Рубинштейна и Франкла главная категория — *долженствование*. Следовательно, задача психолога состоит не в констатирующем описании особенностей наличного бытия человека. Это еще и оценка ре-

ального бытия с позиций идеальных представлений о нем, этических отношений, морального императива. Только таким способом можно понять психику субъекта не как данность, определенный временной срез, а как динамическое, процессуальное образование. В этом плане человека следует рассматривать не только как телесное существо, но и как духовное.

В отечественной культуре бытие человека всегда описывалось в терминах не столько отражения приземленных реальных фактов, сколько стремления к достижению правды, попыток найти реальность более высокого порядка — высшую духовную правду. Например, Л.Н. Толстой в 1886 г. в черновике предисловия к сборнику «Цветник» говорил о том, что нужно «не искать правды житейской, а правды духовной... В миру-то нет полной правды, и потому, чтобы выразить ее, надо описывать не то, что есть, а то, чего никто не видел, но все понимают» (цит. по: [14, с. 13-14]).

Во-вторых, субъектно-деятельностные основания психологии человеческого бытия изначально построены на представлении о том, что развитие человеческой психики происходит в общении людей, диалоге субъекта с миром. В отличие от этого экзистенциальная психология по существу представляет собой психологию индивидуализма. Она изучает отдельного человека, противостоящего враждебному ему миру и остающегося один на один с неизбежными жизненными противоречиями — добром и злом, своими желаниями и социальными ограничениями, наконец, жизнью и смертью. Один из крупнейших современных психотерапевтов профессор Стэнфордского университета И.Д. Ялом называет такой модус существования человека экзистенциальной изоляцией. Он пишет: «Индивиды часто бывают изолированы от других или от частей себя, но в основе этих отъединенностей лежит еще более глубокая изоляция, связанная с самим существованием, — изоляция, которая сохраняется при самом удовлетворительном общении с другими индивидами, при великолепном знании себя и интегрированном™. Экзистенциальная изоляция связана с пропастью между собой и другими, через которую нет мостов. Она также обозначает еще более фундаментальную изоляцию — отделенность между индивидом и миром» [19, с. 400].

Согласно экзистенциальному взгляду на мир, как бы ни был близок один человек другому, между ними все равно всегда остается непреодолимая пропасть, потому что каждый из нас в одиночестве приходит в мир и в одиночестве должен его покидать. Это порождает неизбежный конфликт между создаваемой абсолютной изоляцией и потребностью в общении с людьми, защите и, в конечном счете, — принадлежности к какой-то целостности. Экзистенциальный подход не отрицает важной роли intersubъективных отношений в жизни человека, однако это отношения не взаимодействия и сотрудничест-

ва, а отстранения и отчуждения. Взгляд другого человека на субъекта превращает последнего в бездушный объект наблюдения, отчужденный как от самого себя, так и от всего окружающего мира. Особенно отчетливо установка на индивидуализм проявляется в центральной для экзистенциалистской теории проблеме свободы: например, в отношениях половой любви каждый из партнеров стремится завладеть свободой другого и превратить ее в вещь [12].

С позиций психологии человеческого бытия, к проблеме одиночества необходим дифференциальный подход. Он предполагает изучение психологических характеристик и выделение разных типов одиноких людей, а также поиски причинных связей между временным состоянием и длительным чувством одиночества. Эта проблема связана с индивидуально-психологическими особенностями восприятия человеком себя и своего окружения. Одиночество как мироощущение и переживание личности представляет собой многомерное, системное качество, которое нельзя понимать и оценивать упрощенно, т.е. исключительно как проявление экзистенциальной изоляции. Одиночество — объективное состояние и субъективное мироощущение — зависит от социально-ролевого статуса субъекта и его личностных качеств.

В исследовании Н.Е. Харламенковой по этим параметрам было выделено три типа личности. *Зависимый* тип характеризовался сочетанием низкой потребности в самоутверждении с завышенной самооценкой и суженной (за счет отвержения целей самореализации) системой ценностей. Для людей *доминирующего* типа характерны гиперпотребность в самоутверждении, завышенная самооценка и ориентация на ценности самореализации. *Самодостаточный* тип личности отличает конструктивный способ самоутверждения в сочетании с ориентацией на независимость, ценности общения с другими людьми и саморазвитие. Результаты экспериментов показали, что только зависимые и доминирующие личности переживают состояние одиночества в виде негативно окрашенного чувства отчужденности от людей. «При этом оказалось, что доминирующая личность с ярко выраженными агрессивными тенденциями, демонстрируя свою независимость от других людей, на самом деле нуждается в них гораздо в большей мере, чем зависимая личность» [17, с. 90]. В то же время для самодостаточного человека состояние одиночества ассоциируется с чувством свободы и независимости: «Самодостаточная личность, ориентированная на собственное понимание действительности, интерпретирует состояние одиночества как своеобразное благо, не испытывая обостренного чувства одиночества и отчужденности» [там же, с. 91].

Следовательно, при дифференцированном психологическом подходе к проблеме оказывается, что экзистенциальную изоляцию нельзя рассматривать как универсальную характеристику бытия человека, не-

пременно порождающую чувство одиночества. Многое зависит от того, какими психологическими свойствами обладает субъект, какое место он занимает в обществе и как оценивает свои отношения с другими людьми.

В-третьих, сторонникам психологии человеческого бытия присущ если не безграничный оптимизм, то во всяком случае трезвый и реальный взгляд на место и предназначение человека в системе мироздания. Такая мировоззренческая позиция отвергает представления об безусловной абсурдности и бессмысленности человеческого существования. Экзистенциальная психология во многом унаследовала идеи философии экзистенциализма, в основе которой лежит пессимистический взгляд на человеческую природу. «Экзистенциальный человек» безуспешно пытается преодолеть «отвратительные», вызывающие тошноту (вспомним название одноименного романа Ж.-П. Сартра) проявления своей телесной, материальной оболочки. Одновременно он с ужасом сознает, что это ему не дано: растворение себя в потоке мелких чувств и желаний, обыденных ситуаций всегда будет препятствовать постижению высшего смысла бытия. Неудивительно, что неизбежным и малоутешительным выводом экзистенциализма являются мысли об универсальности смерти как единственной антитезы бытию, бессмысленности и даже абсурдности существования человека: небытие не уравнивает бытие, а активно опровергает его.

В противоположность изложенному выше, психология человеческого бытия исходно направлена на анализ существования субъекта в мире с позиций «Я и другой человек». В этом ракурсе фундаментальные проблемы человеческой жизни видны под иным углом зрения. В частности, конечная точка земного пути человека, смерть, предстает не как безусловная трагедия. Отношение к ней субъекта определяется в зависимости от рассмотрения им себя, своей активности в мире, возможностей взаимодействовать с другими людьми и оставить после себя что-то если не значительное, то по крайней мере субъективно ценное. Ведь смерть это не только трагический конец индивидуального существования: «Смерть есть также конец моих возможностей дать еще что-то людям, позаботиться о них. Она в силу этого превращает жизнь в обязанность, обязательство сделать это в меру моих возможностей, пока я могу это сделать. Таким образом, наличие смерти превращает жизнь в нечто серьезное, ответственное, в срочное обязательство, в обязательство, срок выполнения которого может истечь в любой момент. Это и есть закономерно серьезное отношение к жизни, которое в известной степени является этической нормой» [11, с. 82]. Отсюда закономерный вывод: «Мое отношение к собственной смерти сейчас вообще не трагично. Оно могло бы стать трагичным в силу особой ситуации, при особых условиях — в момент, когда она обрывала бы какое-то важное дело, какой-то замысел» [там же]. Следовательно,

этическое отношение субъекта к другим людям и себе коренным образом изменяет представление человека о трагическом финале бытия.

Как перечисленные, так и другие не названные особенности экзистенциальной психологии и психологии человеческого бытия привели меня к выводу о большей перспективности изучения проблемы понимания с позиций последней. Это не означает отрицания возможности и в чем-то даже продуктивности экзистенциального взгляда на проблему (например, К. Ясперс с этих позиций осуществил просто блестящий по глубине и ясности анализ феноменологии понимания [20]). Просто таков мой личный научно-мировоззренческий и, если хотите, «экзистенциальный» выбор.

ПОНИМАНИЕ СУБЪЕКТОМ МИРА И САМОПОНИМАНИЕ

Главная проблема, занимающая обоих основоположников психологии человеческого бытия, — это проблема поиска и нахождения каждым человеком смысла жизни. По Франклу, «нахождение смысла — это вопрос не познания, а призвания. Не человек ставит вопрос о смысле своей жизни — жизнь ставит этот вопрос перед ним, и человеку приходится ежедневно и ежечасно отвечать на него — не словами, а действиями. Смысл не субъективен, человек не изобретает его, а находит в мире, в объективной действительности, именно поэтому он выступает для человека как императив, требующий своей реализации» [15, с. 114]. Для Рубинштейна смысл жизни представляет собой такое ценностно-эмоциональное образование личности, которое проявляется не только в принятии одних ценностей и отрицании других, но и в саморазвитии, самореализации личностных качеств субъекта, ищущего и находящего высший, «запредельный» смысл своего бытия. Франкл называет его сверхсмыслом, а Рубинштейн полагает, что «смысл человеческой жизни — быть источником света и тепла для других людей. Быть сознанием Вселенной и совестью человечества. Быть центром превращения стихийных сил в силы сознательные. Быть преобразователем жизни, выкорчевывать из нее всякую скверну и непрерывно совершенствовать жизнь» [11, с. 113].

В соответствии с названием этой статьи я не собираюсь анализировать всю совокупность проблем, относящихся к психологии человеческого бытия. Ее цель более конкретна — рассмотреть только то, что связано с психологической спецификой понимания мира субъектом. Основные вопросы, которые необходимо обсудить в статье, так или иначе связаны с интерпретацией понимания мира как такого поиска и порождения человеком разнообразных смыслов, которые делают для него этот мир осмысленным, а свое существование в нем оправданным.

Для обоснования необходимости изучения понимания субъектом мира с позиций психологии человеческого бытия прежде всего нужно

обозначить круг проблем, с которыми сталкивается психолог-исследователь в этой проблемной области.

Первая проблема — центральная с точки зрения субъектно-деятельностного подхода — взаимодействие субъекта и объекта как определяющий фактор формирования понимания. Иначе говоря, это проблема объективных и субъективных условий понимания. Как показывают психологические исследования общения и взаимопонимания людей, смысловой анализ и понимание коммуникативной ситуации зависит от личностного и субъективного значения, которое она имеет для человека. Для понимания того, что происходит, психолог должен суметь определить то, как коммуниканты сами интерпретируют эту ситуацию, понимают ее как целое. Это очень непростая задача, и прежде всего потому, что люди часто не осознают, что их партнеры могут совершенно по-другому понимать ту же ситуацию. Вследствие этого они склонны быть чересчур уверенными в своем предсказании их поведения.

Положение осложняется еще тем, что субъекты общения нередко заблуждаются и относительно себя, своих возможных реакций на то или иное изменение ситуации. На это обратили внимание американские психологи Л. Росс и Р. Нисбетт: «Люди могут проявлять излишнюю уверенность и в предсказании своего собственного поведения, если его контекст необычен или неопределен. Мы утверждаем, что люди способны прогнозировать поведение с обоснованной уверенностью лишь тогда, когда их собственная интерпретация безусловно точна и одновременно вполне совпадает с интерпретацией, имеющейся у человека, чье поведение рассматривается» [10, с. 49]. Из этого следует важный для психологии понимания вывод о расхождении между субъективной уверенностью в правильности рефлексивного понимания партнеров и объективной реальностью процессов, происходящих в коммуникативной ситуации. Иначе говоря, «люди склонны проявлять гораздо большую субъективную уверенность в предсказании реакций друг друга, чем это можно позволить исходя из объективной оценки точности этих предсказаний» [там же, с. 158].

Таким образом, субъективная интерпретация коммуникативной ситуации ее участниками оказывается не менее важной составляющей понимания, чем объективные обстоятельства, в которых происходит общение. При этом необходимо учитывать, что неадекватность интерпретации, избыточная уверенность в предсказании социального поведения может быть обусловлена двумя главными причинами. «Во-первых, для того чтобы предсказать, какова будет реакция того или иного человека на определенную ситуацию (даже если речь идет о хорошо известном нам человеке, которого мы наблюдали ранее во многих разнообразных ситуациях), как правило, необходимо знать или правильно

догадываться о ее деталях, в особенности о тех ее свойствах, которые определяют относительную привлекательность возможных альтернативных реакций. *Во-вторых*, помимо знания о подобных объективных особенностях ситуации, необходимо учитывать личную точку зрения того человека, чьи действия мы предсказываем» [там же, с. 160].

Вторая проблема, которую необходимо рассмотреть, — взаимозависимость понимания и самопонимания. Сегодня многие ученые-гуманитарии пришли к выводу о том, что понимание всегда одновременно является и самопониманием [13,18]. Независимо от того, на что направлено понимание — изучение человека, общества или природы, — это всегда процесс самопонимания. Даже если мы пытаемся понять что-то внешнее, какую-то объективную реальность, мы выражаем самих себя, познаем, расширяем и понимаем свой внутренний мир. Любой акт понимания осуществляется в двух направлениях. Понимая что-то во внешнем мире, поднимаясь еще на одну ступеньку познания, субъект одновременно углубляется в себя и как бы возвышается над собой. Об этом очень точно сказал Ж.П. Сартр: «Понять — значит измениться, превзойти самого себя...» (цит. по: [13, с. 348]).

С позиций психологии человеческого бытия, понимание нужно человеку для того, чтобы понять себя, определить, что он есть, какое место занимает в мире. В конечном счете смысл нашего бытия действительно состоит в понимании, а главное предназначение субъекта — искать смысл жизни, понимать ее. Понимая мир, человек должен понять себя не как объект, а осознать изнутри, с позиции смысла своего существования.

Почему понимание одновременно является выходом вовне и таким актом самопонимания, который оказывается изменением психической реальности понимающего субъекта, возвышающим его над «бренной телесной оболочкой»? Для специалистов по психологии понимания ответ на этот вопрос очевиден. Разнообразные познавательные подходы к изучению понимания внесли существенный вклад в раскрытие психологических механизмов этого феномена, но вместе с тем уже почти исчерпали себя. Сегодня мы немало знаем об основных условиях возникновения понимания, различных формах, в которых оно проявляется, свойствах личности, детерминирующих специфику понимания [2]. Однако эти знания мало способствуют уяснению сути духовного Я понимающего мир человека. Я имею в виду то невыразимое в познавательных категориях возвышенное состояние, которое возникает в самые творческие мгновения акта понимания. Поиски психологических оснований духовного Я понимающего субъекта бессмысленны в рамках когнитивной психологии, потому что такие основания скорее соответствуют психологии человеческого бытия.

Третья проблема — выявление основных направлений анализа

самопонимания в современной психологии. В наиболее общем виде самопонимание можно определить как процесс и результат наблюдения и объяснения человеком своих мыслей и чувств, мотивов поведения; умение обнаруживать смысл поступков; способность отвечать на причинные вопросы относительно своего характера, мировоззрения, а также отношения к себе и другим людям.

В этом контексте важно обратить внимание на неодинаковость, нетождественность феноменов «самопознание» и «самопонимание». Познавая себя, субъект получает знания путем ответа на *констатирующие* вопросы типа «Какой я?» или «Что я знаю о себе?» Например, заполняя психологические опросники, человек может узнать о степени сформированности у него коммуникативных черт личности, показателях вербального и невербального интеллекта и т.п. Ответы на констатирующие вопросы приводят нас к узнаванию чего-то нового, но не обязательно понятного. Вследствие этого оказывается возможной такая парадоксальная ситуация, при которой человек может достаточно хорошо знать, но не понимать себя. В процессе самопонимания мы отвечаем на вопросы другого типа — *причинные*: «Зачем я так поступил?», «Почему этот человек мне не нравится?»

Указанные различия между самопознанием и самопониманием особенно отчетливо видны в психотерапевтических практиках. Цель многочисленных психотерапевтических методик заключается в попытках терапевта побудить пациента понять себя посредством ответов на вопросы о том, почему он (она) именно так, а не иначе думает, чувствует, поступает. Возникающее вследствие ответов на вопросы лучшее понимание себя способствует осознанию причин болезни и в конечном счете — преодолению ее. Если же пациент просто со временем все больше и больше узнает о своих болезненных симптомах, то такое самопознание оказывается малопродуктивным. Как отмечают специалисты, каждый из них «может встретиться с больными, которые благодаря иногда многолетним контактам с психиатрами обладают большими знаниями о своих невротических механизмах, что ни в коей мере не облегчает их страданий» [4, с. 192].

И.А. Романова проанализировала немногочисленные отечественные, а в основном западные публикации. Она пришла к выводу, что прежде всего заслуживают внимания две главные интерпретации феномена — в гуманистической психологии и психоанализе. Психоанализ рассматривает самопонимание как такое психическое образование, которое дает возможность личности изменяться в процессе взаимодействия с психоаналитиком. Понимание человеком своих подавленных чувств, желаний ведет к личностной интеграции и противопоставляется механизмам защиты, в первую очередь, рационализации и интеллектуализации. Следовательно, с позиций психоанализа

можно ставить и искать пути решения проблемы адекватности самопонимания, исследовать его механизмы, взаимосвязь самопонимания и саморегуляции. «В гуманистической психологии самопонимание рассматривается как предпосылка личностного роста и самоактуализации. Однако в отличие от психоаналитического подхода гуманистическая психология подчеркивает эмоциональный, чувственный, эмпатический, а не рациональный характер самопонимания. Самопонимание тесно связано с самопринятием, положительной самооценкой и дает личности возможность более полно прожить свою жизнь, «быть собой» в максимальной степени» [9, с. 132].

Несмотря на интересность и практическую полезность воззрений представителей двух названных направлений на природу самопонимания, для психологического анализа этого феномена необходимо выявить конкретные внешние и внутренние условия его формирования и развития. Изучение таких условий должно вестись в направлении исследования сходства и различий самопонимания с самопознанием, самооценкой, самоотношением, самопринятием и самоубеждением; соотношения человека как субъекта самопонимания (его понимающего Я) и как его объекта (понимаемого Я); процесса самопонимания и его продукта; адекватности самопонимания и самообмана (в психологическом смысле эти категории, по-видимому, нельзя рассматривать как семантические антиподы).

Четвертая проблема, которую необходимо обозначить, — общественные и личностные детерминанты самопонимания. В мире человека понимание различных явлений осуществляется изнутри социокультурной среды как самопонимание: понимание субъектом себя как члена культурно-языковой общины. Л. Витгенштейн писал, что в стране с чуждыми нам традициями, «даже владея языком этой страны, мы не понимаем людей. И не потому, что не знаем, что они говорят друг другу. Мы не можем обнаружить себя в них» (цит. по: [3, с. 186]).

Иначе говоря, проблема заключается в поисках того целостного контекста, в который субъект включает все, что должно приобрести для него смысл. В соответствии с исходными установками психологии человеческого бытия, этот контекст следует искать как во внешнем мире, общении с другими людьми, так и во внутреннем мире субъекта. Психологические исследования показывают, что конкретный характер самопонимания в значительной степени зависит от того, к какой социальной общности относит себя человек, с какой позиции он пытается получить ответы на жизненно важные вопросы.

Влияние на самопонимание идентификации себя с определенной группой особенно возрастает в периоды политических и экономических преобразований в обществе. На это, в частности, указывают данные этнопсихологических исследований: «В условиях трансформации системы

базовых социальных категорий (гражданской, этнической и т.д.) личность стремится идентифицироваться с теми группами, членство в которых позволяет ей решить проблему смысловой определенности, а именно, — помогает наиболее адекватным изменившейся реальности способом ответить на вопрос: *кто я?* Через поиски ответа на этот вопрос человек реализует не столько базальную потребность в самоуважении, сколько базальную потребность *в смысле, в понимании*. Ответ на этот вопрос служит усилению чувства контроля над собственной жизнью, а, следовательно, лучшей адаптации человека в изменившемся мире. Поэтому далеко не всегда человек идентифицируется с наиболее привлекательными социальными категориями (например, европейцами или доминирующей этнической группой), а подчас осознанно причисляет себя к неуважаемым, навязанным извне негативным категориям (например, изгоям, людям второго сорта, «инородцам» и т.д.), поскольку эти категории более точно определяют его положение в новой социальной реальности» [6, с. 53].

Социальная идентификация как один из психологических механизмов понимания субъектом мира и себя в мире конкретно проявляется в избирательности социальных контактов, которые люди используют для подтверждения собственного мнения о себе. Как показал У.Б. Суонн, выбирая круг общения, люди предпочитают иметь дело с теми, кто видит и оценивает их так же, как они сами. Это помогает подтверждению «правильности» самопонимания и идентичности. Интересно, что такая стратегия поведения не зависит от оценочной составляющей самопонимания. Если мы видим себя в негативном свете, то предпочитаем выбирать знакомых, которые видят нас так же. При положительном взгляде на себя мы ищем партнеров, которые подтверждают такое самопонимание. Общение с теми, кто оценивает нас примерно так, как мы, способствует адекватному предсказанию социальных взаимодействий и порождает чувство контроля над своим окружением. Расхождение в оценках и самооценках, наоборот, уменьшает это чувство и ведет к переживаниям, страданию и ощущению несчастья [22].

Другим социально-психологическим фактором формирования самопонимания является сопоставление субъектом понимания себя с его пониманием другими, занимающими более высокое или низкое статусное положение. В частности, на примере семейных пар показано, что если один из супругов имеет более высокий социальный и психологический статус, то его (ее) суждения оказывают значимое влияние на самооценку и самопонимание партнера по браку. И наоборот: при более низком статусе самопонимание субъекта может изменяться под влиянием партнера. При одинаковом статусе влияние оказывается взаимным [21].

Таким образом, исследование понимания субъектом мира с позиций психологии человеческого бытия открывает перед нами новые

горизонты и интересные перспективы психологического анализа этого феномена.

Литература

1. *Василюк Ф.Е.* Семиотика психотерапевтической ситуации и психотехника понимания // Московский психотерапевтический журнал. 1996. №4(14). С. 48-68.
2. *Знаков В.В.* Понимание в познании и общении. М.: Институт психологии РАН, 1994.
3. *Ионин Л.Г.* Понимающая социология. Историко-критический анализ. М.: Наука, 1979.
4. *Кемпиньски А.* Человек и невроз. Психопатология и психотерапия неврозов. М.: Независимая ассоциация психологов-практиков, 1997.
5. *Климов ЕА.* Социальная перцепция: объяснение и понимание // Развитие социально-перцептивной компетентности личности. Материалы научной сессии, посвященной 75-летию академика АА. Бодалева. М.: РАГС, 1998. С. 24-29.
6. *Лебедева Н.М.* Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от поисков самоуважения к поискам смысла // Психологический журнал 1999. Т. 20. № 3. С. 48-58.
7. *Леонтьев ДА.* Что такое экзистенциальная психология? // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. М.: Смысл, 1997. С. 40-54.
8. *Ришар Ж.Ф.* Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений. М.: Институт психологии РАН, 1998.
9. *Романова И А.* Самопонимание личности // Индивидуальный и групповой субъекты в изменяющемся обществе. (К 110-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна). М.: Институт психологии РАН, 1999. С. 131—132.
10. *Росс Л., Нисбетт Р.* Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. М.: Аспект Пресс, 1999.
- И. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. М.: Наука, 1997.
12. *Сартр Ж.-П.* Стена: Избранные произведения. М.: Политиздат, 1992.
13. *Соколов Б.* Понимание понимания: понимание Платоновского понимания // Парадигмы философствования. Вторые международные философско-культурологические чтения. СПб.: Философско-культурологический исследовательский центр ЭЙДОС. Санкт-Петербургский Союз ученых. 1995. С. 346-352.
14. *Тарасов А.Б.* Праведники и праведничество в позднем творчестве Л.Н. Толстого. Автореф. дис... канд. филол. наук. М.: АО «Диалог-МГУ», 1998.
15. *Тихонравов Ю.В.* Экзистенциальная психология. Учебно-справочное пособие. М.: ЗАО «Бизнес-школа Интел-Синтез», 1998.
16. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
17. *Харламенкова Н.Е.* Дифференциальный подход к проблеме одиночества: зависимость, доминирование, самодостаточность // Психология личности: новые исследования. М.: Институт психологии РАН, 1998. С. 85—97.
18. *Шатовалов В.Ф.* Как понять Россию? (Этюды о «российской экзотичности») // Общественные науки и современность. 1998. № 1. С. 89—102.
19. *Ялом ИД.* Экзистенциальная психотерапия. М.: Независимая фирма «Класс», 1999.
20. *Ясперс К.* Общая психопатология. М.: Практика, 1997.
21. *Cast A. D., Stets J. E., Burke P. J.* Does the Self conform to the views of others? // Social psychology quarterly. 1999, V. 62. № 1. P. 68-82.
22. *Swann W.B.* Identity negotiation: where two roads meet // Journal of personal and social psychology. 1987. V. 53. № 5. P 1038-1051.

ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ И САМОПОНИМАНИЕ СУБЪЕКТА

Опубликовано: Личность и бытие: Теория и методология. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2005. С. 22—44.

Динамика формирований научных представлений о субъекте и бытии (в том числе «аутентичном бытии» [28]) в современной психологии отражает их эволюцию в методологии науки. Двадцатый век показал, что психология, как и другие науки, эволюционировала от классической парадигмы, к неклассической, а затем — к постнеклассической [31].

Постнеклассическое понимание мира и человека в мире характеризовалось ростом рефлексии ученых над ценностными и смысловыми контекстами человеческого бытия. На этом этапе развития науки решающее значение приобретают те культурные и ценностно-смысловые контексты, с которыми субъект соотносит познаваемую и понимаемую реальность. Иначе говоря, наряду с естественнонаучными методами познания все большее значение приобретают социогуманитарные. Одна из причин пристального внимания ученых к социальному и культурному контекстам человеческого бытия заключается в том, что образцом для неклассической науки в определенной мере явилась теоретическая физика, а на становление постнеклассической более существенное влияние оказывает культурология [9]. В последние годы в человекознании все чаще проявляется тенденция сочетания использования пространственных, энергетических, механических метафор с метафорами, ранее применявшимися исключительно в гуманитарных дисциплинах: игра, роли, ритуал, драма и т.п. Типичный пример — драматургический подход И. Гофмана, изучающего, как презентация субъекта себя другим людям, принятие на себя разных ролей в разнообразных ситуациях осуществляется в непрерывном процессе воспроизводства личного самосознания в социуме [8].

Но еще более значимым для развития психологии субъекта я считаю то, что постнеклассический тип рациональных рассуждений дает возможность ученым избежать противопоставления номотетического и идиографического способов исследования и реализовать единство

естественнонаучных и гуманитарных методов понимания изучаемых явлений. Показательным примером могут служить исследования Ю.И. Александрова в области системной психофизиологии. В них показано, что культура, общественные формы жизни, способствующие формированию функциональных систем, заставляют мозг работать по-новому. Проводя аналогию между системной структурой субъективного опыта и системной структурой культуры, Александров доказывает тезис о том, что в каждой культуре структура опыта индивида комплементарна структурам других индивидов. Взаимодействие культуры и процесса специализации нейронов приводит к тому, что человек *формирует свой опыт* в культуре, а не *усваивает, ассимилирует* ее содержание [1].

Следовательно, тип культуры, в которой живет человек, влияет не только на поведенческие проявления психики, но и на ее мозговую организацию. Для меня эти исследования очень важны для доказательства положения о том, что предметом психологии субъекта и формирующейся на ее основе психологии человеческого бытия могут быть такие проблемы, которые для своего решения требуют привлечения не только гуманитарных, но и естественнонаучных методов. Да и сами решаемые проблемы могут относиться не только к так называемой «вершинной психологии», а затрагивать и биологические основания психики.

Описанные выше три способа рациональных рассуждений в нашей науке интегрировались в той области психологического знания, которая получила название «психология субъекта».

Проблема субъекта является одной из ключевых в психологической науке, как западной, так и российской. Как отмечает Л.И. Анцыферова, «в западной психологии, в теориях личности, построенных на основе психоаналитической практики (А. Адлер, А. Маслоу, К. Роджерс, К. Юнг, К. Хорни и др.), понятие «субъект» занимает одно из центральных мест. Оно обозначает способности человека быть иницирующим началом, первопричиной своих взаимодействий с миром, с обществом; быть творцом своей жизни; создавать условия своего развития; преодолевать деформации собственной личности и т.д.» [3, с. 29-30]. Аналогичные соображения высказывает Л.В. Алексеева: «В теориях личности А. Адлера, А. Маслоу, К. Роджерса, К. Хорни, К. Юнга понятие «субъект», по сути, занимает одно из центральных мест. В качестве антитезы внешней детерминации психического в исследованиях Дж. Мида (G. H. Mead, 1912; 1975), Г. Олпортом (G. Allport, 1960), Х. Кохутом (H. Kohut, 1971) выдвигались на первый план такие понятия, как «самость» («self»); в исследованиях Э. Эриксона (1996) — понятия «эго» и «Я»» [2, с. 74].

В российской психологической науке категория субъекта сейчас играет системообразующую роль и привлекает внимание многих ученых. Неудивительно, что в течение последнего десятилетия проблема

субъекта обсуждалась на конференциях, в статьях, монографиях, диссертациях, учебных пособиях [2, 4, 7, 21, 24, 25, 26, 30, 32, 33, 34]. Результаты научных исследований свидетельствуют о том, что в последние десять-пятнадцать лет, главным образом благодаря целенаправленным и даже, можно сказать, подвижническим усилиям А.В. Брушлинского, в отечественной психологии сформировалась новая область психологических исследований — психология субъекта.

В современной психологии субъекта фактически представлена история главных проблем российской психологической науки двадцатого столетия, которые в течение почти полувека занятий научной деятельностью были в фокусе внимания Брушлинского. Это проблемы соотношения биологического и социального, сознательного и бессознательного, внешних причин и внутренних условий в детерминации психики. Психология человеческого бытия представляет собой то направление развития, ту сторону психологии субъекта, которая возникла с появлением постнеклассической парадигмы.

Перечислю характерные особенности психологии человеческого бытия, которые, по моему мнению, сегодня позволяют назвать ее новой областью психологической науки.

Теоретические основания

В психологии человеческого бытия одновременно реализуются, дополняя и обогащая друг друга, когнитивная и экзистенциальная исследовательские парадигмы. В современной науке сосуществование когнитивной и экзистенциальной парадигм отчетливо проявляется в том, что одни и те же психологические проблемы могут изучаться под разными углами зрения. Для меня показательным примером оказались собственные исследования понимания, в которых отчетливо наблюдался переход от его анализа с позиций психологии познания [12] к рассмотрению этого феномена в контексте бытийного слоя сознания субъекта [13].

Когнитивный план изучения психической реальности характеризуется акцентом на познании и поведении человека, стремлением ученых выявить общие закономерности психического развития, большим интересом к фактам и правилам, чем к исключениям. Когнитивные исследования в основном имеют отражательно-познавательную направленность, т.е. ориентированы на изучение того, как субъект отражает и познает окружающую действительность и свой внутренний мир.

Когнитивные психологи ищут, прежде всего, новое знание. Например, изучая мышление субъекта, они много *знают* об этом психологическом феномене. Когнитивного психолога, получающего в эксперименте новое знание о психике, прежде всего, интересует вопрос: «Истинно ли оно?». Ученого, находящегося на позиции психологии

человеческого бытия, больше занимает ответ на другой вопрос: «Какой смысл это знание имеет для субъекта?». Это не значит, что для него не существенна проблема истинности, просто анализ ценностно-смысловой стороны знания является для него приоритетным.

В экзистенциальной психологии приоритеты иные. Большинство современных психологов используют понятие «экзистенция» как синоним «бытия». Напомню, что В. Франкл использовал термин «экзистенциальный» для реализации трех целей. Во-первых, с целью описания специфики человеческого бытия; во-вторых, для характеристики смысла существования человека; в-третьих, для обозначения стремления к нахождению смысла своего существования, т.е. воли к смыслу [36]. Воля нужна человеку для преодоления препятствий, извечного расхождения между «не хочу» и «надо». В человеческом бытии реализация волевого начала всегда предполагает напряжение, усилия субъекта, направленные на преодоление не только внешних препятствий, но и себя. Вероятно, именно это имел в виду Р. Мэй, когда писал, что понятие «экзистенция» (существование), образованное от латинского корня *existere*, в переводе с английского буквально означает «не сдаваться, подниматься на борьбу» [22, с. 51].

В экзистенциальной плоскости анализа психической реальности акцент делается на отличные от когнитивных проявления психической активности субъекта. Это, прежде всего, *созерцание* и *переживание* . Известно, что человеческое бытие не исчерпывается познавательным отношением к миру. Применительно к переживанию неуместно говорить об отражении, о данности в переживании предметного мира. Переживания страдания, восторга, любви, приобретая в сознании субъекта оценочный ценностный характер, становятся воплощением экзистенциальной наполненности человеческого бытия. Они предотвращают человека от так называемого «экзистенциального вакуума», ощущения пустоты и бессмысленности жизни.

Экзистенциальный план исследования психической реальности отражается в направленности ученых на анализ вариантов *порождения опыта* , имеющего смысл для субъекта. Экзистенциально ориентированные психологи предпочитают специфические детали обобщенным признакам, а индивидуальные, например характерологические, отличия людей — их сходству и подобию. Их исследования направлены не столько на поиск фактов, событий, явлений, сколько на то, какой *смысл* они имеют для субъекта. Это, конечно, не означает, что в данном случае психологи концентрируются исключительно на интрапсихических проблемах и отказываются от обращения к объектам и людям, окружающим субъекта. Просто главную цель исследования они видят в определении того, как испытуемый структурирует свою идентичность в соответствии с системой конструктов, отражающих субъективное отношение «Я — мир». Иначе говоря, цель за-

ключается в выявлении ценностно-смысловой позиции субъекта, оказывающей решающее влияние на формирование смысла фактов, событий и т.д.

Различие в углах зрения психологов на то, что является наиболее важным для ученого, изучающего психику субъекта, сказывается на неодинаковости целей *постановки вопросов* и ожиданий, связанных с ответами. Когнитивные психологи ставят вопросы и формулируют гипотезы для того, чтобы, узнав ответы, получить новые знания. С экзистенциальной точки зрения очень часто оказывается, что вопросы нужно задавать вовсе не для того, чтобы получить на них однозначные ответы. Задача психолога — показать, что одновременно в психической реальности человека существует бесконечное множество различных состояний, событий, ситуаций. Неудивительно, что при исследовании психики человека, в общем и целом, вопросы скрывают в себе больший потенциал развития, обладают большей силой, чем ответы на них. Вопросы нужны для более отчетливого *осознания тех значимых для субъекта ценностно-смысловых контекстов* , в которые он может оказаться включенным и которые впоследствии могут существенно повлиять на его жизнь. Иначе говоря, речь идет об осознании возможности реализации разнообразных жизненных сценариев, которые В.Н. Дружинин называл вариантами жизни — жизнь как предисловие, жизнь как творчество, жизнь как достижение и др. [10].

Задача ученого, изучающего субъекта с позиций психологии человеческого бытия и учитывающего не только когнитивные, но и экзистенциальные компоненты психики, заключается главным образом в *постижении* . Постигание включает в себя не только безличное знание об объекте, но и ценностно-смысловое понимание, соотнесенное с личностным знанием понимающего субъекта. Отличительная особенность постижения как способа понимания мира заключается в гармоничном сочетании *отражения* воспринимаемых фрагментов объективной действительности и *порождения, конструирования* субъектом новых реальностей.

В основании психологии человеческого бытия лежат не только изложенные выше конкретно-научные традиции: ее описание невозможно без обращения к более широкому философскому контексту решаемых в ней проблем. Как известно, категория «бытия» принадлежит к основополагающим понятиям философии. Под бытием понимается сущее: то, что существует сейчас, существовало в прошлом и будет существовать в будущем. Несмотря на такой всеобъемлющий и, казалось бы, вневременный характер бытия, с гносеологической точки зрения в нем надлежит различать два главных периода — до и после возникновения человека и человечества. Такое различие принципиально важно, потому что человек являет собой новый уровень сущего в процессе его развития: при соотнесении с ним выявляются новые свойства в

бытия всех прежних уровней. Как убедительно показал С.Л. Рубинштейн, с появлением человека, «возникновением нового уровня сущего во всех нижележащих уровнях выявляются новые свойства. Здесь раскрывается значение, смысл, который приобретает бытие, выступая как «мир», соотносительный с человеком как частью его, продуктом его развития. Поскольку есть человек, он становится не чем иным, как объективно существующей отправной точкой всей системы координат. Такой отправной точкой человеческое бытие становится в силу человеческой активности, в силу возможности изменения бытия, чем человеческое существование отличается от всякого другого» [27, с. 63].

Введение Рубинштейном в контекст психологического анализа соотношения бытия и сознания новой категории «мир» стало важной вехой в развитии методологических оснований психологии. «Мир» как философско-психологическое понятие может быть понят только сквозь призму высшего продукта развития бытия — человеческого бытия. Мир — это бытие, преобразованное человеком, включающее в себя человека и совокупность связанных с ним общественных и личных отношений. Вследствие человеческой активности мир представляет собой такое бытие, которое изменяется действиями в нем субъекта. Сознание и деятельность, мысли и поступки оказываются не только средствами преобразования бытия, в мире людей они выражают подлинно человеческие способы существования. И одним из главных является специфика понимания субъектом мира

Современные психологи сами живут в человеческом мире и потому, изучая субъекта, вольно или невольно вторгаются в пределы психологии человеческого бытия. К основателям психологии человеческого бытия следует отнести прежде всего С.Л. Рубинштейна и В. Франкла. Несмотря на принадлежность к совершенно различным социальным мирам и научным школам, Франкл и Рубинштейн высказывали поразительно сходные суждения о психологии человека. Основой сходства являются, прежде всего, их почти одинаковые представления о должном — таком морально-нравственном императиве, который регулирует поступки субъекта, его представления о подлинно человеческом отношении к себе и другим. Этическую категорию долженствования можно сравнить с компасом, не только помогающим человеку выбирать способы ориентации в житейских ситуациях, но и адекватно понимать их.

Сходство научных взглядов двух ученых проявилось и в трех группах проблем психологии человеческого бытия, которые неизменно оказывались в центре их внимания. Рубинштейн говорит о проблемах взаимодействия субъекта с объектом, человека с объективной действительностью, отношениях субъекта с другими людьми и его отношении к себе. Франкл интерпретирует эти проблемы в терминах ценностей — смысловых универсалий, обобщающих опыт человечес-

ва. Он описывает три класса ценностей, позволяющих сделать жизнь человека осмысленной: ценности труда (творчества), переживания и отношения [36]. В соответствии с этим ученый описывает три типа смысла: «Хотя Франкл подчеркивает, что у каждого индивида есть смысл в жизни, которого никто другой не может воплотить, все же эти уникальные смыслы распадаются на три основные категории: (1) состоящие в том, что мы осуществляем или даем миру как свои творения; (2) состоящие в том, что мы берем у мира в форме встреч и опыта; (3) состоящие в нашей позиции по отношению к страданию, по отношению к судьбе, которую мы не можем изменить» [35, с. 498].

Предмет психологии человеческого бытия

Предметом исследования в этой области психологической науки являются не психические процессы или свойства (познание, эмоции, переживания и т.п.), а *смысловые образования, выражающие ценностное отношение субъекта к миру*. Основной акцент здесь делается на анализе ценностных, *аксиологических* аспектов бытия человека. В мире человека объективно истинные описания и объяснения обязательно включают в себя *аксиологические* факторы: соотносительность получаемых знаний о мире не только со средствами познавательной деятельности, но и с ценностно окрашенными представлениями субъекта о *должном*. Психология человеческого бытия стала новым шагом в направлении расширения ценностно-смысловых контекстов, в которые включались классические проблемы так называемой вершинной психологии: смысла жизни, свободы, духовности, гуманизма. Вместе с тем она изучает и классические экзистенциальные проблемы: одиночества, осмысленности или абсурдности бытия, отношения субъекта к жизни и смерти. Наиболее общей проблемой психологии человеческого бытия, прямо или косвенно включающей все названные выше, является *проблема понимания*. Я имею в виду понимание субъектом мира и себя в мире.

Из сказанного следует, что для психологии человеческого бытия, в частности, важно исследовать ценности и ценностные ориентации людей. Я обосную это утверждение на примере одной из названных проблем психологии человеческого бытия — проблеме гуманизма и гуманистического мышления.

Мы живем в такое время, когда в российском общественном сознании происходит формирование новых ценностей и переосмысление старых. Изучение генезиса и природы общечеловеческих и индивидуальных ценностей, например, ценностей образования, является фундаментальной проблемой гуманитарного познания. Междисциплинарность проблемы ценностей, без которой невозможно ее серьезное рассмотрение, проявляется, в частности, в том, что ею занимаются филосо-

фы, социологи, психологи, педагоги и ученые других специальностей. Субъективно ценности переживаются людьми как идеалы — ориентиры желательного состояния дел. Сегодня, особенно у молодежи, наблюдается рост интереса к получению знаний, умений и навыков, способствующих росту материального благосостояния человека и общества. Вместе с тем люди задумываются и над тем, какое место в их жизни занимают гуманистические ценности. В образовании статус гуманистических приобретают ценности, реализованные в профессиональной деятельности и общении педагога ради ученика, направленные на его развитие, становление как личности, образование и воспитание [19].

Под гуманизмом обычно понимается признание наивысшей ценности человека, его права на свободное развитие, проявление своих потребностей и способностей, утверждение блага человека как критерия оценки общественных отношений [6]. Ценностный подход в образовании связан с выявлением и формированием системы ценностей человека, фактически представляющих собой совокупность осознанных смыслов его жизни, и ценностных ориентации — направленности субъекта на реализацию ценностей. Ценностные ориентации ученика направлены на сферу мировоззренческого осмысления мира, понимания своего отношения к окружающей действительности и взаимоотношений с людьми. С точки зрения этого подхода предметом изучения педагогики и педагогической психологии является ценностно-смысловая сфера личности ученика и, в первую очередь, индивидуальные способы понимания бытия, интерпретации смыслов жизни. Ценностный подход направлен на анализ понимания смыслов, развитие способностей учащихся к такому осмыслению получаемых знаний, которое включает осознание его гуманистической ценности. Следовательно, понимание как компонент гуманистического мышления позволяет ценностно опосредствовать познавательную деятельность. Сущность гуманистического мышления заключается в ценностном осмыслении бытия, его понимании [19].

Единицы анализа психического, их интергативный характер

В рамках этой парадигмы психологами признается безусловная необходимость приоритетного изучения не отдельных составляющих психики (памяти, мышления, эмоций и т.п.), а целостных единиц. Такими единицами являются *события, ситуации*. Я имею в виду такие ситуации, в которые субъект попадает при взаимодействии с другими людьми и которые отражаются в его внутреннем мире. Рассматривая жизнь человека как череду событий и ситуаций, психология человеческого бытия не только расширительно трактует деятельностные основания детерминации психики, но и раскрывает новые источники формирования субъектности человека.

С этих позиций деятельность, направленная на достижение конкретной цели в определенный момент времени, имеет для психологического анализа более частное значение, чем *дело*, которому человек служит и считает смыслом своей жизни. Дело становится ценностно-целевым фактором, не только устремляющим жизнь субъекта в будущее, но и формирующим способ видения мира, понимания окружающей действительности. «Дело — то, чему человек предан по жизни, то, что выше, больше него, длиннее, чем его жизнь. У дела есть продолжатели и предшественники. Оно имеет историю. Культурные проблемы решаются годами, десятилетиями, веками. У тех, кто включен в этот процесс, — общее дело, общий смысл. Жизнь, таким образом, становится воплощением этого смысла, способом утверждения своего видения мира, своего понимания добра, своей ценности» [11, с. 39].

Вследствие этого деятельность, направленная на достижение конкретной цели в определенный момент времени, имеет для психологического анализа человеческого бытия более частное значение, чем дело, которому человек служит и считает смыслом своей жизни. Таким образом, целостная жизнь субъекта полнее и адекватнее описывается понятием «дело», чем категорией «деятельность».

Однако при рассмотрении единиц анализа психического с позиций психологии человеческого бытия содержание категории «дело» тоже нередко оказывается узкой, недостаточно полно выражающей движущие силы развития и формирования новых граней субъектности. По Брушлинскому, субъект всегда является активным творцом, преобразующим себя и окружающую действительность [7]. Разумеется, человек живет в реальном мире, в котором все совершается по законам необходимости, в том числе биологической целесообразности. Осознание существования таких законов можно назвать горизонтальной, так сказать, приземленной плоскостью измерения человеческой жизни. Но подлинно человеческое в человеке, субъектное в субъекте определяется все-таки прежде всего вертикальным измерением. Я имею в виду ориентацию на идеалы, устремление к высшим духовным ценностям, основанное на соединении интеллекта и нравственности. Одним из таких идеалов является творчество, контролируемое совестью.

В канун 200-летия А.С. Пушкина В.С. Непомнящий писал о поэте: «Автор помещает себя не в субъектную позицию (характерную для большинства литературных произведений, особенно лирического рода), а в то же *объектное пространство Творения*, где находятся его герои; «субъектность» же автора носит инструментальный характер — это «субъектность» орудия, находящегося в руках высшей творческой силы (всем известно религиозное отношение Пушкина к своему творческому дару как к чуду), высшей Правды» [23, с. 99].

Приведенный пример — не только историко-литературный и имеющий отношение исключительно к нашему национальному гению. На мой взгляд, выраженная в нем глубокая мысль далеко выходит за пределы литературной критики и позволяет читателю отвлечься от «запредельных» трансцендентных аспектов благоговения человека перед дарованными ему судьбой творческими возможностями. С позиций психологии человеческого бытия в нем можно и нужно усмотреть «обратное» влияние творческого начала и нравственных идеалов человека на формирование индивидуально-неповторимых субъектных качеств его личности.

В предельных случаях идеалы воплощаются в том, что человек считает своим *призванием*, путем, с которого он не сможет свернуть, даже если в минуту слабости сам этого захочет. Хрестоматийный случай упорного следования призыванию выражен в фразе, приписываемой Мартину Лютеру: «На том стою и не могу иначе». (На самом деле, когда 18 апреля 1521 года Лютер выступал перед рейхстагом в Вормсе в защиту своих религиозных взглядов, он закончил речь как обычно: «Да поможет мне Бог. Аминь». Но восторженным поклонникам Лютера этого показалось недостаточно, и впоследствии они добавили к речи знаменитую концовку. Впервые она появилась в трудах великого немецкого реформатора, изданных в Виттенберге между 1539 и 1558 годами).

Какое отношение «дело» или «призвание» имеют к единицам анализа психического? Самое непосредственное. В деле, которому ты будешь служить всегда, или в жизненном призвании ежедневно и, может быть, ежечасно проявляется отношение субъекта к событиям и ситуациям, в которых он оказывается. В категориях «дело», «призвание» есть постоянная устремленность в будущее. Это означает, что избранный путь, линия жизни направляют поведение человека в конкретных обстоятельствах, кристаллизуя и шлифуя новые грани его субъектных качеств. Другими словами эту мысль выразил В.Н. Дружинин: «Принятие решения о варианте жизни является «точкой бифуркации». После выбора обратного пути нет, и личность человека должна модифицироваться под влиянием нового образа жизни» [10, с. 64].

В целом же дело и призвание, во-первых, можно считать такими *целенаправленными структурами, в которых интегрируются единицы психического*. Во-вторых, как уже было сказано, дело и призвание всегда основаны на нравственности, неразрывно связаны с совестью и ориентацией на высшие духовные ценности. Вследствие этого обретение нового совокупного опыта, когда-то воплощенного в конкретных событиях и ситуациях, означает *восхождение на новую ступень субъектности, качественное изменение субъекта*. Следовательно, дело или призвание, ставшие для человека смыслом жизни, осмысленной целью бытия, являются индикаторами индивидуальных характеристик субъектности человека.

Методы познания психической реальности

В психологии человеческого бытия используются традиционные методы психологического исследования: опросники, метод микросемантического анализа, методика определения тендерной идентичности и другие. Главная цель выбора методик, подходящих для проведения конкретного исследования (например, изучения оптимизма), состоит в том, чтобы их набор давал психологу возможность делать выводы о сочетании *отражения* субъектом воспринимаемых фрагментов объективной действительности и *порождения, конструирования* им новых реальностей.

Наиболее полно и точно такое сочетание выражено в *нарративном принципе*. Этот принцип является одним из основных методов психологии человеческого бытия, он позволяет объединить усилия когнитивных и экзистенциальных психологов. В современной психологии представления о нарративе как организующем принципе, лежащем в основе человеческих действий и поступков, развиваются Т.Р. Сарбином, К. Дж. Гергеном и другими учеными [38, 39]. Нарратив — это такой способ организации эпизодов, действий и описаний действий, который включает как смыслы поступков людей, так и причины происходящих событий [29].

Применительно к человеческому познанию нарративы можно сравнить с гермами, стоявшими вдоль дорог и указывавшими путь древним грекам. Нарративные описания субъектом различных ситуаций фактически являются внутренне присущими ему способами упорядочивания, придания смысла опыту, получения знания, которое структурирует его восприятие и понимание мира и себя в мире.

Нарративный принцип основан на многократно доказанном в психологии факте: там, где отсутствуют четкие связи между эмпирическими событиями, человек сознательно или неосознанно организует их в целостные структуры, соответствующие культурным нормам. Рассказываемая субъектом история и конкретная ситуация, в которой происходит рассказ, всегда связаны с базовыми культурно-историческими структурами. Имеющийся у субъекта репертуар фреймов, сценариев, нарративных форм, переплетающийся с культурными нормами, определяет, какую историю, где, когда и кому можно и нужно рассказывать. «Другими словами, не только нарратив опосредует, выражает и формирует культуру, но и культура в свою очередь определяет нарратив» [5, с. 33]. По моему мнению, сказанное выше подтверждает продуктивность попытки Ю.И. Александрова найти содержательную аналогию между системной структурой субъективного опыта и системной структурой культуры, а также его утверждения о том, что человек формирует свой опыт в культуре, а не усваивает, ассимилирует ее содержание.

Итак, почему нарративный принцип оказывается важнейшим методом психологии человеческого бытия?

Во-первых, нарративный принцип, всегда предполагает взаимодействие субъекта и объекта, он основан на убеждении, что любую ситуацию человеческого бытия можно интерпретировать многими способами. Из-за этого у психологов возникает обоснованное сомнение в существовании «объективных», не зависящих от точки зрения рассказчика историй, происходящих с людьми. Следовательно, «веру в то, что здесь существует некая реальная история, ждущая своего раскрытия, лишенная аналитической конструкции и существующая до нарративного процесса, мы можем охарактеризовать как *онтологическое заблуждение*» [5, с. 35]. Нарративные структуры человеческого опыта, безусловно, определяют и направляют понимание субъектом событий и ситуаций. Вместе с тем в процессе понимания нарратив тоже изменяется в зависимости от свойств описываемого. Таким образом, способ познания изменяется в результате взаимодействия внешних и внутренних условий развития психического развития субъекта.

Во-вторых, в нарративном принципе, как и в психологии человеческого бытия, отвергается предположение, что при обсуждении многомерных ситуаций человеческого бытия существует одна и только одна реальность, с которой обязательно должны согласовываться все нарративные описания. Иначе говоря, нельзя «объективно отразить» ситуацию, потому что реальность, к которой она принадлежит, возникает еще и в результате порождения, конструирования, домысливания субъектом некоторых ее сторон. «Следует постоянно помнить о том, что может существовать множество различных историй, которые говорят о таких сложных вещах, как, скажем, человеческая жизнь. Из исследований феномена автобиографии широко известно, что любая история жизни обычно охватывает несколько жизненных историй, которые, к тому же, изменяют сам ход жизни. Ошибочно полагать, что разнообразные автобиографические нарративы различаются по тому, что некоторые из них являются «верными», а другие «не (или менее) верными». Лежащая в основании этой ошибки идея состоит в том, что существует некоторый тип градации значений истинности историй, начинающийся от истинной истории, базирующейся на документальных фактах, и кончающийся неверной историей, часто основывающейся на лжи или самообмане. Реальность, таким образом, рассматривается как некоторый сорт объективного, квази-документального критерия, на основании которого можно судить об истинности нарративной репрезентации. Но если и есть такого типа «реальная» жизнь, которую некто уже ведет, как мы узнаем об этой предзаданной реальности? Она, конечно же, не дана нам, потому что все, что служит жизни, становится ее частью» [там же, с. 36].

В-третьих, нарративная структура описания мира принципиальна для психологии человеческого бытия вследствие необходимости

учета целенаправленности человеческого поведения и взаимной детерминации описываемых в истории событий и поступков. Нарративное повествование всегда развивается по направлению к цели, смысловому конечному результату. Кроме того, логика нарративных структур основана на правдоподобию: последующие события не должны противоречить предыдущим [38]. Это дает возможность психологу выявлять смысловые и причинно-следственные связи, лежащие в основе понимания мира субъектом. При этом понимание оказывается центральной проблемой, в которой, как в фокусе, сходятся большинство проблем психологии человеческого бытия.

В-четвертых, нарративные способы не существуют в нашем сознании в виде шаблонов, которые нужно только заполнить конкретным содержанием описываемой ситуации. Нарративы и сами ситуативно изменчивы: они видоизменяют свои формы под влиянием требований ситуации, к описанию которых они применяются. Иначе говоря, в них потенциально содержатся умственные действия, соответствующие познавательной деятельности субъекта, направленной на структурирование, упорядочивание опыта. Неудивительно, что И. Брокмейер и Р. Харре считают, что нарратив следует рассматривать как модель: «Мы утверждаем, что, вместо того чтобы быть онтологической сущностью или способом репрезентации, нарратив действует как особо гибкая *модель*. Любая модель в очень общем смысле слова является аналогией. Она связывает неизвестное с известным, используется для объяснения (или для интерпретации) ряда явлений путем отсылки к правилам (или схемам, структурам, сценариям, рамкам, сравнениям, метафорам, аллегориям и т.п.), которые так или иначе включают в себя обобщенное знание» [5, с. 39-40].

Из «модельной метафоры» следует вывод: «Рассмотренные под таким углом зрения нарративы являются одновременно моделями мира и моделями собственного «я». Посредством историй мы конструируем себя в качестве части нашего мира» [там же, с. 40]. Ту же мысль иначе выражал Дж. Брунер, писавший о том, что, понимая мир, человек имеет дело не с определенной формой его репрезентации, а со специфическим способом конструирования и установления реальности. Психологи, анализируя этот способ, должны, прежде всего, обращать внимание на методы познания себя и осмысления людьми своего опыта [37].

Такие рассуждения имеют принципиальное значение для психологии человеческого бытия, потому что они в явном виде подчеркивают неразрывную связь понимания с самопониманием. Без самопознания и самопонимания субъекта реализация нарративного принципа становится невозможной.

Рефлексия типов рациональности

Современное постнеклассическое понимание характеризуется ростом рефлексии ценностных и смысловых аспектов мира человека. Рефлексия научных типов рациональных рассуждений — это *не осознание их, а преобразование*. Преобразование проявляется в том, что субъект не только осознает типы знания и правила действий с ними, но и порождает их смысл. А в смысле потенциально содержится возможность его понять. Понимающий субъект не дистанцирован от изучаемого мира, а находится внутри него, погружен в природную и социальную действительность. Мир оказывается таким, каким субъект его видит, какие методы познания он применяет, какие вопросы ставит. Постнеклассическая психология человеческого бытия включает не только новые способы осмысления мира, но и рефлексии над основаниями рациональных типов познания. Как отмечает В.А. Лекторский, сегодня сама рациональность начинает пониматься по-другому. Только в простейших случаях рациональные рассуждения можно свести к действиям по фиксированным правилам, следование которым приводит к заранее намеченной цели. В более широком и глубоком смысле рациональность предполагает пересмотр, изменение и развитие самих правил [20].

С позиций психологии человеческого бытия одну из главных причин переосмысления рациональных типов познания следует искать в неразрывной связи понимания субъектом мира и его самопонимания. Известно, что любое понимание всегда включает в себя самопонимание. Самопонимание дает человеку возможность обратиться к своим истокам, ответить на вопросы о том, какой он и что с ним происходит. Вместе с тем углубление в себя одновременно означает постепенное удаление от ясных и логичных схем рассуждений. В результате порождаются новые типы рациональных рассуждений, парадоксальным образом включающие в себя иррациональные и бессознательные компоненты.

Самопонимание неразрывно связано с рефлексией. Самопонимание (в отличие от самосознания) всегда основано на таком рефлексивном анализе своего опыта, который в результате умственных операций и действий приводит к переструктурированию, переосмыслению, т.е. *преобразованию* внутреннего мира субъекта. В этом нет ничего удивительного. Рефлексия онтологически представлена в структуре психики человека как особый метасистемный уровень ее организации. Специфика данного уровня состоит в том, что на нем психика как бы преодолевает собственную «системную ограниченность», поскольку делает саму себя предметом собственной регуляции. Современные исследования показывают, что рефлексии следует рассматривать одновременно и как процесс, и как состояние, и как свойство. Процессуальная динамика рефлексии способствует изменению человека, формированию у него новых субъектных качеств [18].

Исследования показывают, что самопонимание является одновременно и целостным, интегративным, и неоднородным, многомерным психологическим феноменом. Пытаясь его описать и определить, психологи обычно обращают наиболее пристальное внимание на разные стороны самопонимания — либо когнитивную, познавательную, либо экзистенциальную, бытийную. *Когнитивная* составляющая самопонимания представлена, прежде всего, способностью и склонностью субъекта к рефлексии, сознательному самоанализу. Однако современный психолог не может удовлетвориться изучением только этой составляющей анализируемого феномена, потому что большие и подлинно экзистенциальные решения в жизни человека, как правило, не рефлексированы и тем самым не осознаны. *Экзистенциальная* составляющая самопонимания воплощается не столько в научно достоверных знаниях и познавательной деятельности, сколько в смыслах и приобщении к разнообразным ценностям.

Самопонимание как когнитивный феномен направлен на осмысление, порождение смысла того, что человек узнал о себе во время самопознания. Успешное самопонимание можно определить как осмысленный результат наблюдения и объяснения человеком своих мыслей и чувств, мотивов поведения; умение обнаруживать смысл поступков; способность отвечать на причинные вопросы о своем характере, мировоззрении, отношении к себе и другим людям, а также о том, как другие понимают его. Причинное знание по своей сути есть отражение углубления в сущность предметов и явлений, и потому оно никогда не оставляет прежней психику получающего это знание субъекта. Неудивительно, что, понимая что-то во внешнем мире, мы и углубляемся в себя, и возвышаемся над собой.

В современных направлениях психотерапии понятие самопонимания используется для того, чтобы обозначить осознание клиентом недостаточно адаптивных моделей межличностных взаимодействий.

Для более точного определения содержания самопонимания выделяется три главных компонента моделей взаимоотношений клиента:

- то, что клиент хочет, в чем он нуждается;
- то, как он воспринимает реакции других людей на него;
- поведенческие реакции клиента в межличностных отношениях.

Самопонимание определяется через континуум от простого узнавания проблемной зоны до глубокого понимания источников паттернов. Используя такое определение, клиент может достигать самопонимания, начиная узнавать свои желания, типичные реакции, реакции на себя других. На следующем уровне самопонимание будет включать в себя узнавание того, что одинаковые интерперсональные паттерны проявляются у клиента в различных ситуациях межличностного общения. Глубокое понимание возникает, когда клиент приходит к тому, чтобы понять интерперсональные истоки своих желаний и реакций.

В настоящее время психологи активно анализируют, какие личностные черты определяющим образом влияют на самопонимание субъекта. Например, проверяется предположение о том, что испытуемые, характеризующиеся как рефлексивные, стремящиеся к самосовершенствованию и открытые к опыту, с большей вероятностью достигнут большего уровня самопонимания.

Совсем иные грани самопонимания раскрываются при рассмотрении этого феномена с позиций психологии человеческого бытия. Благодаря ретроспективной и антиципирующей направленности интереса к своему внутреннему миру субъекту становятся возможными «понимание себя в мире», «экзистенциальные размышления о себе». Они направлены на поиск смысла своего существования, своих поступков и мысленный выход за пределы не только конкретной коммуникативной ситуации, но и за пределы своей жизни, включение ее в какую-то иную систему координат, в которой жизнь наделяется смыслом.

Понять себя — значит выйти за свои пределы и узнать правду о себе. Не общезначимую истину, связанную с получением новых достоверных знаний, а смыслопорождающую личностную правду. Индивидуальная правда основана на таком соотношении знаний с принимаемыми субъектом ценностями, которые согласуются с его представлениями о должном. Самопониманию как ответу на причинные вопросы, соответствует понятие «правды о себе». Иначе говоря, не соответствие знания так называемой объективной реальности, а его соотношение с внутренними критериями развития личности, представлениями о своем идеальном Я, т.е. представлениями о должном.

Обращаясь внутрь себя, своего Я, ментального опыта, человек является экзистенциальным субъектом самопонимания только до тех пор, пока он искренен и правдив. Вольно или невольно преступая границы правдивости, мы тем самым отчуждаем свою подлинную сущность, начинаем рассматривать себя как бы со стороны. В этом случае мы перестаем быть субъектом, превращаясь в объект сотворенной легенды, т.е. такого удобного себе и окружающим образа Я, который становится уже скорее мифом, чем реальностью.

Самопонимание как категория психологии человеческого бытия отражает понимание субъектом ограниченности когнитивных, рациональных способов объяснения стабильности своего внутреннего мира, осознание динамики изменяющихся, временных ценностно-смысловых образований Я.

Это согласуется с точкой зрения Брушлинского. Развивая психологию субъекта, основными признаками субъектности мышления он считал отказ от оперирования жёсткими, заранее заданными дихотомическими альтернативами. Он полагал, что только при этом условии осу-

ществим глубокий анализ альтернативных возможностей и соответственно выделение новых неявных качеств исследуемой реальности.

Как показывают эмпирические исследования, субъекты, достигшие высшего поставтономного уровня самопонимания, пытаются наиболее объективно представить реальность во всем ее многообразии и сложности. На одни и те же вопросы они дают более разнообразные ответы, чем люди, находящиеся на автономном уровне. Многие из этих сложных ответов более непосредственны, спонтанны и менее подчинены здравому смыслу, чем у «автономных» субъектов.

На поставтономном уровне самопонимания мысли и чувства чаще раскрываются именно так, как они фактически появляются. Конфликты и противоречия выражаются непосредственно. Вместе с тем на поставтономной стадии рациональные мысли и рефлексия перестают восприниматься как данность и становятся объектами сомнения и исследования. У субъекта появляется понимание непрерывности процесса реструктурирования взгляда на мир.

Такие люди хотят освободиться от рабства рациональной «мысли» и быть свободными от ограничивающих самоопределений. Они стремятся увидеть жизнь заново, без предвзятых идей и сформированных в течение жизни мыслительных навыков. И это при том, что они отчетливо понимают, насколько трудно выйти за пределы автоматизированного рационального поведения.

В этом новом переживании собственного «я» становится возможным понять ограничения самоидентификации посредством ее категоричного и конкретного определения. Субъект переживает свое «я» в его постоянной трансформации и сознательно отказывается от объективной идентификации. Он понимает, что стремление к постоянству индивидуальности — невозможная и ненужная мечта (вследствие переживания непрерывного потока изменения состояний сознания).

Таким образом, экзистенциальное самопонимание более трансцендентно, чем когнитивное. Оно основано на большем принятии субъектом противоречий в своем Я и меньшем стремлении всему найти рациональное объяснение.

* * *

Итак, психология человеческого бытия имеет не только теоретические основания, но и ясно прослеживающиеся перспективы экспериментального исследования ее ключевых проблем. Последние представлены в экспериментальных исследованиях субъект-субъектных и субъект-объектных типов понимания высказываний, половых и тендерных различий в понимании моральной дилеммы, когнитивных и

экзистенциальных составляющих самопонимания, понимания ситуации эвтаназии и других [14, 15, 16,17].

Литература

1. *Александров Ю.И., Александрова Н.Л.* Системная структура субъективно-го опыта и системная структура культуры // Материалы международного научного симпозиума «Системно-синергетическая парадигма в культуре и искусстве». Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2004. С. 82—88.
2. *Алексеева Л.В.* Психология субъекта и субъекта преступления: Монография. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2004.
3. *Анциферова Л.И.* Психологическое содержание феномена субъект и границы субъектно-деятельностного подхода // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой, В.Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000. С. 27—42.
4. *Богданович Н.А.* Субъект как категория отечественной психологии. Автореф... дис. канд. психол. наук. М.: ИП РАН, 2004.
5. *Брокмейер Й., Харре Р.* Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29—42.
6. *Брушлинский А.В.* Гуманистичность психологической науки // Психологический журнал. 2000. № 3. С. 43—48.
7. *Брушлинский А.В.* Психология субъекта СПб.: Алетейя, 2003.
8. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
9. *Гусельцева М.С.* Культурно-историческая психология: от классической — к постнеклассической картине мира // Вопросы психологи. 2003. № 1. С. 99—115.
10. *Дружинин В.Н.* Варианты жизни: Очерки экзистенциальной психологии. М.: ПЕР СЭ; СПб.: ИМАТОН-М, 2000.
11. *Зарецкий В.С.* Творчество. Рефлексия. Самоопределение // 2 Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: Материалы сообщений / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. С. 32—40.
12. *Знаков В.В.* Понимание в познании и общении. М.: Институт психологии РАН, 1994.
13. *Знаков В.В.* Понимание как проблема психологии человеческого бытия // Психологический журнал. 2000. № 2. С. 7—15.
14. *Знаков В.В.* Субъект-объектный и субъект-субъектный типы понимания высказываний в межличностном общении // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М.: ПЕР СЭ, 2002. С. 144-160.
15. *Знаков В.В.* Половые, тендерные и личностные различия в понимании моральной дилеммы // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 1. С. 41—51.
16. *Знаков В.В.* Самопонимание субъекта как когнитивная и экзистенциальная проблема // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 1. С. 18—28.
17. *Знаков В.В.* Понимание экзистенциального выбора: жизнь в страданиях или эвтаназия // Вопросы психологии. 2005. № 6. С. 3—12.
18. *Карпов А.В.* Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
19. *Кулюткин Ю.Н., Бездухов В.П.* Ценностные ориентиры и когнитивные структуры в деятельности учителя. Самара: Изд-во СамГПУ, 2002.
20. *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
21. *Личность и бытие: субъектный подход. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. В 3-х томах. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2004.*
22. *Мэй Р.* Открытие Бытия. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2004.
23. *Непомнящий В.С.* Пушкин: Проблема целостности подхода и категория контекста (методологические заметки) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1999. № 1. С. 91—104.
24. *Проблема субъекта в психологической науке // Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой, В.Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000.*
25. *Психология индивидуального и группового субъекта // Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М.: ПЕР СЭ, 2002.*
26. *Психология субъекта профессиональной деятельности / Под ред. В. А. Барабанщикова и А.В. Карпова. Вып. 2. Москва-Ярославль: Аверс-Пресс, 2002.*
27. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. М.: Наука, 1997.
28. *Рябикина З.И.* Личность и ее бытие в быстро меняющемся мире // Личность и бытие: Теория и методология. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2003. С. 5—26.
29. *Сарбин Т.Р.* Нарратив как базовая метафора для психологии // Постнеклассическая психология: Журнал конструкционистской психологии и нарративного подхода. 2004. № 1. С. 6—28.
30. *Селиванов В.В.* Мышление в личностном развитии субъекта. Смоленск: Универсум, 2003.
31. *Степин В.С.* Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
32. *Субъект и объект практического мышления. Монография / Под ред. А.В. Карпова, Ю.К.Корнилова. Ярославль: Ремдер, 2004.*
33. *Субъект, личность и психология человеческого бытия // Под ред. В.В. Знакова и З.И. Рябикиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.*
34. *Тарасова Л.Н.* Основы психологии субъекта. Саранск: Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, 2004.
35. *Тихонравов Ю.В.* Экзистенциальная психология. Учебно-справочное пособие. М.: ЗАО «Бизнес-школа Интел-Синтез», 1998.
36. *Франки В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
37. *Burner J.* Two Modes of Thought // Actual Minds, Possible Worlds. London: Harvard University Press, 1986. P. 11—43.
38. *Gergen K.J., Gergen M.M.* Narrative Form and the Construction of Psychological Science // Narrative Psychology: The Storied Nature of Human Conduct / Ed. by Th.R. Sarbin. Westport, Connecticut. London: Praeger, 1986. P. 22-45.
39. *Sarbin T.R.* The Narrative as a Root Metaphor for Psychology // Narrative Psychology. The Storied Nature of Human Conduct / Ed. by Theodore R. Sarbin. New York: Praeger, 1986. P. 3-22.

САМОПОЗНАНИЕ СУБЪЕКТА

Опубликовано: Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 1. С. 31—41 (в соавторстве с Е.А. Павлюченко).

«Не легко указать на кого-либо, кто стал бы несчастным оттого, что был невнимателен к происходящему в чужой душе. Но неизбежно будет несчастен тот, кто не следит за движениями своей собственной души»

Марк Аврелий «Наедине с собой»

«Познай самого себя» — гласит надпись, высеченная на колонне при входе в храм Аполлона в Дельфах. Все мы слышали это изречение, но кто с достаточным основанием имеет право утверждать, что в полной мере понимает его смысл? С точки зрения современной науки, смысл этого высказывания многогранен: он включает соотношение познания как гносеологической категории и познания как одной из предметных областей психологии, самопознания как обязательного компонента любого познания, самопознания культуры и самопознания конкретного человека. Древний грек, прочитавший надпись на колонне, и современный ученый-психолог выделяли в качестве главного принципиально различные стороны содержания изречения. Для древних призыв познать себя означал прежде всего направленность на познание человека вообще, его места в обществе и мироздании. Умение увидеть в частных проявлениях своей личности общие черты, присущие и другим людям, это уже обобщение, отличающее не столько индивидуальный разум, сколько общий, «коллективный», способный сделать предметом размышления *человека*: и как индивида, пребывающего в данном месте и времени, и как частицу вселенной.

На такой способ античного мышления неоднократно обращал внимание Н.А. Бердяев. Он писал: «Уже греки видели в познании самого себя начало философии. И на протяжении всей истории философской мысли обращались к самопознанию, как пути к познанию мира. Но

что это было за самопознание? Было ли это самопознание вот этого конкретного человека, единственного и неповторимого человека, было ли это его познание и познание о нем? Думаю, что это было не познанием о нем, а познанием о человеке вообще. Самопознающий субъект был разумом, общим разумом, предметом его познания был человек вообще, субъект вообще. Общее познавало общее, универсальное познавало универсальное. Сам познающий себя человек стусевывался, в нем оставались лишь общие черты, исчезало необщее выражение лица. Греческая философия, несмотря на лозунг «познай самого себя», стремилась к познанию единого универсального и неизменного и отвращалась от множественного и подвижного мира» [3, с. 316].

Следует признать, что сам Бердяев в философской автобиографии [3] блестяще обосновал возможность иного, коренным образом отличного от античного способа самопознания. Он сделал это, рассмотрев конкретные факты своей биографии и события окружающей жизни через ценностную призму их духовного и общественного содержания. Смысловая направленность самоанализа философа отражала его трансцендентное стремление к выходу за пределы проблем эмпирического бытия и попытки их объяснения с позиций отнесенности ко всему человеческому роду. Неудивительно, что у Бердяева даже мелкие и на первый взгляд незначительные подробности повседневной жизни освещались внутренним светом, экзистенциальным, *субъектным* взглядом на их роль и значение в самопознании мыслителя.

Именно осознание недопустимости самообъективации, отчуждения, поглощения индивидуального общим определяло для него границы самопознания и давало надежду, что познание будет экзистенциальным. Обращаясь внутрь себя, своего Я, ментального опыта и т.п., человек является экзистенциальным субъектом самопознания только до тех пор, пока он искренен и правдив. Вольно или невольно преступая границы правдивости, мы тем самым отчуждаем свою подлинную сущность, начинаем рассматривать себя как бы со стороны. В этом случае мы перестаем быть субъектом, превращаясь в объект сотворенной легенды, т.е. такого удобного себе и окружающим образа Я, который становится уже скорее мифом, чем реальностью.

За подтверждением верности высказанных соображений снова обратимся к Бердяеву: «Я сам, познающий, — экзистенциален, и эта экзистенциальность есть вместе с тем не объективируемый предмет моего познания. Но объективация возникает всякий раз, когда я начинаю себя идеализировать или когда обнаруживаю смирение паче гордости, когда бываю не до конца, не до последней глубины правдив и искренен. На этих путях я начинаю творить свой образ, возвышенный или приниженный, объективированный во вне. Я начинаю себя

стилизовать, и мне самому начинает нравиться мой стилизованный образ. Я создаю о себе миф» [там же, с. 317].

Интерес к «человеку экзистенциальному» сегодня является одной из самых заметных тенденций современного человекознания. В отечественной психологической науке в последнее время эта тенденция проявилась, в частности, в проведении I всероссийской научно-практической конференции по экзистенциальной психологии [11] и зарождении новой области психологического знания — психологии человеческого бытия [6]. Вся история психологии XX века представляет собой последовательную смену научных теорий, исследовательских подходов к изучению психики. В конце столетия наиболее ярким проявлением этого оказалось смещение интересов многих психологов с когнитивной парадигмы на экзистенциальную, переход от изучения отдельных психических процессов и явлений к анализу целостных ситуаций человеческого бытия. Отличительная особенность экзистенциального подхода состоит в стремлении противопоставить себя картезианской картине мира, согласно которой он состоит из отдельных объектов, в том числе — воспринимающих их и взаимодействующих с ними субъектов.

Сегодня необходимо отчетливо осознать и особо подчеркнуть, что в психологии экзистенциальная исследовательская парадигма не противопоставляется познавательной, когнитивной, а дополняет и обогащает ее. Сторонники когнитивного и экзистенциального методов исследования психической реальности обращают наиболее пристальное внимание на разные стороны последней. У первых в фокусе внимания оказывается *поведение*, у вторых — *переживание*; когнитивная *объяснительная модель* ориентирована на выявление причинно-следственных связей, а экзистенциальная — главным образом на анализ вариантов порождения опыта, имеющего смысл для субъекта; наконец *направленность общения* субъекта: с окружающими его людьми (Я и другие) и пристальный интерес к аутокоммуникации.

Когнитивисты, следуя традициям естественнонаучного эксперимента, стремятся выявить общие закономерности психического развития человека, они склонны интересоваться фактами и правилами: последние обычно занимают их больше, чем исключения. Такой подход основан на «вертикальном мышлении»: в различных сообществах выявленные закономерности могут приобретать статус законов и предписываться «сверху» как обязательные для всех членов сообщества (вспомним об этических кодексах психологов, существующих в разных странах).

Психологи экзистенциальной ориентации предпочитают специфические детали обобщенным признакам, а индивидуальные, например характерологические, отличия людей — их сходству и подобию. И главное: экзистенциально ориентированные исследования направлены

не столько на поиск фактов, событий, явлений, сколько на то, какой *смысл* они имеют для субъекта. Это, конечно, не означает, что в этом случае психологи концентрируются исключительно на интрапсихических проблемах и отказываются от обращения к объектам и людям, окружающим субъекта. Просто главную цель исследования они видят в определении того, как испытуемый структурирует свою идентичность в соответствии с системой конструкторов, отражающих субъективное отношение «Я — мир». Иначе говоря, цель заключается в выявлении ценностно-смысловой позиции субъекта, оказывающей решающее влияние на формирование смысла фактов, событий и т.д. Экзистенциально ориентированные психологи демонстрируют преимущественно «горизонтальный» способ мышления, фокусирующийся на взаимоотношениях конкретных людей, находящихся в определенных отражаемых, переживаемых ими ситуациях. «Горизонтальное» мышление основано на здоровом скептицизме психологов-исследователей в отношении возможности нахождения таких общих для всех людей закономерностей, универсальность применимости которых во всех ситуациях и обстоятельствах человеческой жизни ни у кого не будет вызывать сомнения.

В отечественной психологии систематически разрабатывались разные варианты теории деятельности, и центральными для них неизменно оказывались категории отражения и действия (чаще всего — познавательного, когнитивного). Вместе с тем в субъектно-деятельностной концепции С.Л. Рубинштейна, особенно в работе «Человек и мир», явно просматриваются экзистенциальные тенденции изучения психики. Вследствие этого в нашей психологии деятельностный подход, неразрывно связанный с проблемой субъекта, представляет собой плодотворную почву для использования и когнитивных, и экзистенциальных методов исследования человеческой психики. Не случайно также и появление такого варианта субъектно-деятельностного подхода, как психология человеческого бытия, для которой категория субъекта является одной из основных.

Субъектом представители субъектно-деятельностного подхода называют человека, рассматриваемого на высшем для него уровне активности, целостности, автономности. «Субъект — это всеохватывающее, *наиболее широкое* понятие человека, обобщенно раскрывающее неразрывно развивающееся единство всех его качеств: природных, социальных, общественных, индивидуальных и т.д. Личность, — напротив, менее широкое и недостаточно целостное определение человеческого индивида. Например, в психологии, как известно, очень тщательно и систематически исследуются различные *черты* личности, так или иначе связанные с ее природными и социальными свойствами: экстраверсия-интроверсия, тревожность, ригидность, импульсивность и т.д.» [4, с. 17]. Размышляя о статике и динамике личностного развития, думаем,

что современный психолог вполне может согласиться с глубокой мыслью Бердяева: «Личность есть неизменное в изменениях» [3, с. 230].

Поскольку любой человек не рождается, а становится субъектом в процессе своей деятельности, общения и других видов активности, то научно значимым оказывается вопрос о критериях, в соответствии с которыми можно утверждать, что психолог исследует именно субъекта, а не индивида, индивидуальность и т.п. «Первый существенный критерий становления субъекта — это выделение ребенком в возрасте 1-2 лет в результате предшествующих сенсорных и практических контактов с реальностью наиболее значимых для него людей, предметов, событий и т.д. путем обозначения их простейшими значениями слов. Следующий наиболее важный критерий — это выделение детьми в возрасте 6-9 лет на основе деятельности и общения объектов благодаря их обобщению в форме простейших понятий (числа и т.д.)» [4, с. 20].

Другим критерием субъектности уже взрослого человека является умение согласовывать свою индивидуальную активность, способ организации личной жизни с социальными структурами, нормами и формами деятельности. Согласование направлено на снятие неизбежно возникающих противоречий между желаниями и возможностями личности и требованиями общества. В таких характеристиках личности, как инициатива и ответственность, проявляются мотивы, смыслы, способности разрешения жизненных трудностей, противоречий, конфликтов, связанные с интерпретацией себя как ответственного субъекта [1].

С нашей точки зрения, для того чтобы иметь необходимые и достаточные основания говорить о человеке именно как о субъекте, психологам нужно обратить внимание еще на два аспекта проблемы.

Во-первых, на те черты личности испытуемых, которые способствуют или препятствуют осознанию человеком совершаемых им поступков и ответственности за них как *свободного нравственного деяния*. Субъектом можно назвать только внутренне свободного человека, принимающего решения о способах своего взаимодействия с другими людьми прежде всего на основании сознательных нравственных убеждений.

Во-вторых, на особенности самопознания, самопонимания и рефлексии, обеспечивающие человеку взгляд на себя со стороны. Необходимость этого очевидна: поскольку важнейшими элементами социального мира являются образы Я тех людей, из которых этот мир состоит, то предметом психологии человеческого бытия неизбежно оказывается направленность познавательной, этической и эстетической активности общающихся субъектов не только друг на друга, но и на себя. Вместе с тем взгляд со стороны несет в себе не менее очевидную опасность десубъективизации: нередко, поставив себя в позицию стороннего наблюдателя своего внутреннего мира, человек как бы

объективирует и отчуждает свои проблемы, признавая, что не может с ними справиться. Говорить о человеке как субъекте можно только при таком понимании им собственного бытия, при котором он, осознавая объективность и сложность своих проблем, в то же время обладает ответственностью и силой для их решения. А решенная проблема уже не может быть отчужденно-объективной, она становится неотъемлемой частью внутреннего мира активного деятельного субъекта, преодолевшего трудности, сначала казавшиеся ему непреодолимыми.

В социальных взаимодействиях любой человек представлен не только таким, каков он есть в действительности, но и таким, каким его видят окружающие. Мнения, представления, понятия других людей влияют на его (ее) познание и понимание себя. С позиций психологии человеческого бытия, взаимосвязь субъекта с миром уходит своими корнями в проблему самопознания и самопонимания. Обобщенно названную проблему можно выразить как укорененность индивидуального сознания в личностном бытии субъекта.

Подробно сходство и различие содержания самопознания и самопонимания раскрывается в другой работе [7], а в этой статье предметом анализа является только первый из названных психологических феноменов. Мы ограничимся перечислением трех критериев, по которым их можно различать.

1. **Результатом** самопознания оказываются новые знания, а самопонимания — новый смысл того, что человек уже знал о себе. В современной психологии самопознание обычно определяется как «вся сумма информации о себе, представленная в индивидуальном сознании» [16, с. 249]. Существуют и более детализированные представления о сущности обсуждаемого феномена. Например, Я. Козелецкий считает, что самопознание это «познавательная репрезентация самого себя, то есть та часть знания личности, которая содержательно относится к себе как к единому целому или к какому-нибудь аспекту этого целого» (цит. по [13, с. 108]).

В отличие от самопонимания самопознание позволяет получать человеку новые знания, но не наделяет их смыслом, не иерархизирует их по ценностям. Оно дает ему возможность формировать определенные представления о себе и систематизировать их. В процессе самопознания субъект имеет дело со сбором данных, анализом и синтезом новых сведений о психологических особенностях своих мотивов, характера, мировоззрения и т.п. Еще Б.Г. Ананьев отмечал, что одним из главных источников самопознания является собственная деятельность субъекта. В деятельности возникают знания о себе, раскрываются и определяются границы физических, психических и нравственных ресурсов, проверяется адекватность личности самой себе. Человек познает себя по своим делам и оценивает по успехам и достижениям [2].

2. **Способ получения нового** — констатация новых знаний с последующей их категоризацией или установление причинно-следственных связей путем постановки вопросов разных типов и ответов на них. По способу получения нового основанием различения самопознания и самопонимания оказывается тип вопросов, которые мы задаем, познавая или понимая себя.

Познавая себя, субъект получает знания путем ответа на констатирующие вопросы типа: «Какой я?», или «Что я знаю о себе?». В частности, заполняя психологические опросники, человек может узнать о степени сформированности у него коммуникативных черт личности, показателях вербального и невербального интеллекта и т.п. Ответы на такие вопросы приводят нас к узнаванию чего-то нового, но не обязательно понятного. Вследствие этого оказывается возможной такая парадоксальная ситуация, при которой человек может достаточно хорошо знать, но не понимать себя. С точки зрения психологического анализа самопознания важна временная обращенность вопросов [16]. Последние могут относиться к прошлому (каким я был несколько лет назад?), настоящему (что я представляю из себя сегодня?) и будущему (каким я буду, когда вырасту или вернусь из армии?).

В процессе самопонимания мы отвечаем на вопросы другого типа — причинные: «Зачем я так поступил?», «Почему этот человек мне не симпатичен?». Причинное знание по своей сути есть отражение углубления в сущность предметов и явлений, и потому оно никогда не оставляет прежней психику получающего это знание субъекта. Не удивительно, что, *понимая что-то во внешнем мире, мы и углубляемся в себя, и возвышаемся над собой.*

3. **Источник информации** — разные составляющие собственной личности и отношений с другими людьми. При самопознании и самопонимании, пытаясь получить новые сведения о себе, человек обращается к *разным сторонам собственной личности*. Обоснование этой точки зрения, в частности, можно найти в теории У. Джемса о двух составляющих личности [5]. Согласно Джемсу, личность разделена на две важнейшие структуры: «Я-познающее» и «Я-познаваемое». «Я-познающее» — это субъективная составляющая познания человеком мира и себя в мире. Иначе говоря, это тот аспект личности, который организует и интерпретирует наш опыт. «Я-познаваемое» представляет собой совокупность всего того, что человек называет своим: материальные проявления его сущности (тело, собственность), социальные отношения, роли, личность и духовные характеристики (сознание, мысли пр.). В каждый отдельный момент «Я-познающее» осознает реальность, мир вокруг и внутри себя, а «Я-познаваемое» является тем объектом, на котором фокусируется внимание «Я-познающего». Че-

ловеческое существование приобретает осмысленную цель только тогда, когда порождается смысл «Я-познаваемого», когда оно становится понятным, «прозрачным» для субъекта. Как следует из изложенного, *формирование и развитие самопознания в большей степени соответствует «Я-познающему», а самопонимания — «Я-познаваемому».*

Прежде чем переходить к конкретному теоретико-экспериментальному анализу самопознания, надо описать этот психологический феномен в самом общем виде. «Самопознание — сложный, многоуровневый процесс, индивидуализированно развернутый во времени. Очень условно и в самой общей форме его можно разделить на два основных уровня. На первом уровне самопознание осуществляется через различные формы соотнесения самого себя с другими людьми, т.е. при таком познании себя человек преимущественно опирается на внешние моменты, включая себя в сравнительный контекст с другими. Основными внутренними приемами такого самопознания являются самовосприятие и самонаблюдение. Однако на стадии более или менее зрелого самопознания включается и самоанализ» [15, с. 95].

Самопознание как процесс характеризуется динамичностью: он проявляется в непрерывном движении от одного знания о себе к другому и последующем уточнении, расширении, углублении нового знания. «Для второго уровня самопознания специфично то, что соотнесение знаний о себе происходит не в рамках «Я и другой человек», а в рамках «Я и Я», когда человек оперирует уже готовыми знаниями о себе, в какой-то степени сформированными, полученными в разное время, в разных ситуациях. Ведущими внутренними приемами данного уровня самопознания являются самоанализ и самоосмысливание, которые, однако, необходимо опираются на самовосприятие и самонаблюдение [там же, с. 97-98].

Для анализа самопознания первостепенное значение имеют те источники, из которых человек получает знания о себе. В современной психологии исследования самопознания в основном ведутся в направлении поиска путей, способов, которыми человек познает себя. В психологической литературе [18, 19] выделяются *три* первичных источника информации.

1. Символическая интеракционистская теория «отраженной самооценки» — основана преимущественно на психологическом анализе коммуникации, общения людей. В качестве основного источника самопознания в ней постулируются социальные обратные связи. Под связями понимаются непосредственные вербальные оценки, получаемые от других людей и преобразованные самим субъектом. Дж. Мид и другие социальные психологи утверждают, что самопознание — это попытка воспринять и представить себя такими, какими видят нас окружающие [18].

2. Когнитивные теории самовосприятия и объективного самосознания. Согласно этим теориям, ведущим источником самопознания является самовосприятие, самоанализ и рефлексия субъекта. Известно, что люди иногда действуют как внешние наблюдатели: они стараются взглянуть на себя со стороны, получить новые данные и сформулировать смысл своих действий для заключений о себе. Вместе с тем нередко они делают объектом анализа собственный внутренний мир (мысли, чувства, переживания и т.п.) для выводов о себе. Наиболее типичными примерами подобных концепций можно считать теории самовосприятия Д.Дж. Бема и объективного самосознания С. Дувала и Р.А. Виллунда. Несколько обобщая, можно утверждать, что с позиций таких теорий самопознание рассматривается как особая форма взаимодействия субъекта и объекта воспринимаемого и познаваемого. Самопознание включает наблюдение за своим поведением и условиями, в которых оно происходит. С этой точки зрения, ведущим в процессе самопознания является осмысленное самонаблюдение, основанное на анализе образов, мыслей и чувств, а также внешних действий, поступков и ситуаций [18,19].

3. Теория социального сравнения. В ее основе лежит предположение о том, что в процессе самопознания, при оценке своего поведения и возможностей люди сравнивают себя с другими людьми, особенно подобными. Однако социальное сравнение далеко не всегда направлено именно на самопознание. Иногда люди занимаются сравнением скорее для повышения оценки собственного Я, чем в целях объективного самопознания. Как показал У.Б. Суонн, выбирая круг общения, люди предпочитают иметь дело с теми, кто видит и оценивает их так же, как они сами. Интересно, что такая стратегия поведения не зависит от оценочной составляющей самопознания. Если мы видим себя в негативном свете, то предпочитаем выбирать знакомых, которые видят нас так же. При положительном взгляде на себя мы ищем партнеров, которые подтверждают такое самопонимание. Общение с теми, кто оценивает нас примерно так, как мы, способствует адекватному предсказанию социальных взаимодействий и порождает чувство контроля над своим окружением. Расхождение в оценках и самооценках, наоборот, уменьшает это чувство и ведет к переживаниям, страданию и ощущению несчастья [20].

Собственно конкретно-психологические исследования самопознания ведутся в трех главных направлениях: во-первых, анализ того, какие составляющие Я-концепции могут дать человеку полезные сведения для лучшего узнавания себя; во-вторых, какого рода информацию о себе люди предпочитают извлекать из общения с другими; в-третьих, от каких социальных и личностных факторов зависит мотивация субъекта к самопознанию.

Например, в направлении анализа мотивационных детерминант

самопознания проводятся исследования индивидуальных различий предрасположенностей человека к осуществлению или избеганию самоанализа, самонаблюдения, саморефлексии и т.п. Западные психологи экспериментально анализируют, что преобладает у субъекта: мотивация самопознания или реакция психологической защиты, связанной со стремлением избегать неприятных знаний о себе. В частности, было обнаружено, что испытуемые, имеющие высокую мотивацию самопознания, более точно оценивают свое знание о себе (и ведут себя в соответствии с этим знанием), чем испытуемые с низким уровнем. Соответственно выделяется две группы испытуемых: 1) люди, имеющие потребность в самопознании более сильную, чем потребность в поддержании самоуважения; 2) люди, у которых потребность в самозащите преобладает над потребностью в самопознании [17].

Итак, исследования западных психологов свидетельствуют о том, что по экзистенциальному отношению к самопознанию люди могут распределяться, по крайней мере, по двум группам. У одних любознательность, интерес к своему внутреннему миру настолько высок, что он подавляет опасение, что новые знания, которые субъект узнает о себе, могут ему не понравиться, снизить самооценку, повлиять на самоуважение. Вполне вероятно, что эту группу образуют люди старших возрастных категорий с уже сформированной структурой самоотношения и склонностью задумываться о смысле жизни. Для других людей, возможно, более тревожных, с преобладанием мотивации избегания неудачи над мотивацией достижения успеха, потребность в самозащите и поддержании самоуважения является гораздо большей жизненной ценностью, чем самопознание.

Проведенные исследования, безусловно, важны и интересны. Однако большинство из них направлено на изучение ситуативных и отчасти личностных детерминант самопознания испытуемых, но практически не затрагивает вопроса о психологической структуре изучаемого феномена. Между тем, не выяснив, чем структура самопознания отличается, например, от структуры самопонимания, нельзя проанализировать взаимные связи смысловых образований личности и ее защитных механизмов, способствующих или, наоборот, препятствующих осуществлению желания человека узнать о себе что-либо новое.

Основная цель нашего исследования также состоит в определении того, какие именно социальные условия, субъективные мотивы и особенности личности способствуют, а какие — препятствуют самопознанию. Однако мы считаем, что это возможно только после уяснения категориального состава обсуждаемого феномена.

Цель данной статьи, в которой отражены результаты первого этапа исследования, — экспериментально проанализировать структуру самопознания, выявить его основные компоненты.

В ходе экспериментов проверялись две гипотезы.

1. Структуру самопознания образуют три главных компонента: личностный, рефлексивный и коммуникативный.

2. Чем человек старше (начиная со студенческих лет и до пенсионного возраста), тем большее мотивационно-ценностное значение имеет для него самопознание.

МЕТОДИКА

В экспериментах принимали участие 77 испытуемых, различающиеся по полу, возрасту и уровню образования. Одна подгруппа испытуемых с высшим техническим образованием состояла из 30 мужчин от 40 до 54 лет ($M=46$; $SD=4.30$) и 30 женщин в возрасте от 39 до 54 лет ($M=45.1$; $SD=4.06$). Другую подгруппу образовали 7 студенток и 10 студентов различных ВУЗов Москвы в возрасте от 17 до 21 года (эксперименты с ними проводила М. Бобылева).

Выбор методик, опросников, заполняемых испытуемыми, определялся не только конкретными задачами первого этапа исследования, но и стратегическими планами. Последние предполагают создание на втором этапе экспериментальных условий, в которых люди с разными личностными свойствами могут либо предпочесть узнать что-то новое о себе (несмотря на то, что субъективный смысл и объективное значение полученных знаний может оказаться отрицательным), либо из-за опасения утраты самоуважения уклониться от получения информации.

Всего испытуемым предлагалось заполнить шесть опросников в следующей последовательности:

- 1) опросник самооотношения В.В. Столина и СР. Панталева [14, с. 123-130];
- 2) личностный дифференциал [9];
- 3) методика диагностики личности на мотивацию к успеху Т. Элерса [10, с. 423-425];
- 4) шкала личностной тревожности Спилбергера— Ханина [12, с. 59-63];
- 5) психодиагностическая методика определения индивидуальной меры рефлексивности А.В. Карпова и В.В. Пономаревой [8, с. 255-265];
- 6) методика диагностики личности на мотивацию к избеганию неудач Т. Элерса [10, с. 425-427].

Статистическая обработка данных проводилась с применением факторного анализа по методу главных компонент с варимакс вращением матрицы (пороговый критерий факторных нагрузок — 0,60), а также с использованием критерия согласованности альфа Кронбаха и критериями различий Колмогорова-Смирнова и Манна-Уитни.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Предположение, положенное в основу *первой гипотезы*, заключалось в следующем: основные данные о структурных компонентах самопознания можно будет получить после корреляционного и факторного анализов результатов испытуемых по трем методикам — опросника самооотношения, личностного дифференциала и методики рефлексивности. Статистический анализ выявил важную особенность данных: результаты трех шкал личностного дифференциала («Оценка», «Сила» и «Активность») обнаружили крайне низкие коэффициенты корреляционной связи (среднеарифметическая величина $r=0.168$) с остальными семнадцатью шкалами: двенадцатью из опросника самооотношения и пятью — методики рефлексивности. Соответственно это проявилось и в процедуре факторного анализа. При пяти значимых факторах, объясняющих 70% дисперсии, шкалы личностного дифференциала получили значимые нагрузки в самостоятельном факторе, в котором факторные веса всех других шкал были значительно ниже 0.50. Фактически это означает, что переменные личностного дифференциала не обнаруживают отчетливо выраженной связи с показателями двух других опросников. При заданной трехфакторной структуре, объясняющей 57% дисперсии факторных нагрузок, шкалы личностного дифференциала вообще не получили значимых факторных весов. Иначе говоря, они «выпали» из факторной структуры данных.

Следовательно, наше предположение о том, что ответы, даваемые испытуемыми при заполнении личностного дифференциала, могут иметь отношение к структурным компонентам самопознания, оказалось неверным. К такому же выводу приводит переосмысление теоретических конструктов методики. Все три ее шкалы имеют явно выраженный самооценочный характер: испытуемые оценивают нравственные, волевые и эмоционально-коммуникативные качества своей личности с позиций принимаемых ими ценностных образцов, норм поведения. У взрослого человека самооценка выражает сформированную ценностно-смысловую позицию, но не ведет к получению новых знаний о себе, потому что, заполняя опросник, испытуемый просто фиксирует на бланке то, что давно продумал и с чем внутренне согласен.

Принципиально иные результаты мы получили после факторного анализа 17-ти шкал опросника самооотношения и методики рефлексивности. После варимакс вращений матрица факторных нагрузок на шкалы оказывается очень структурированной, с отчетливо выраженными и легко психологически интерпретируемыми тремя факторами (см. табл.). Основываясь на содержательной специфике входящих в них шкал, условно их можно обозначить как «ценностно-личностный»,

«рефлексивно-когнитивный» и «мотивационно-коммуникативный» факторы. Эти три фактора исчерпывают 63.74% дисперсии результатов: фактор 1 - 31.87%, фактор 2 - 18.82%, фактор 3 - 13.05%. Проанализированные данные являются гомогенными, внутренне согласованными, это проявляется как в однородности всех 17-ти показателей, так и во внутренней связности шкал, входящих в каждый из трех факторов. Коэффициент альфа Кронбаха для всей матрицы $\alpha=0.704$, для фактора 1 $\alpha=0.766$, для фактора 2 $\alpha=0.794$, для фактора 3 $\alpha=0.854$.

Таблица. Факторные нагрузки на шкалы опросников

Опросник самоотношения	Методика рефлексивности	Факторы		
		1	2	3
Интегральная самооценка		0,796		
Самоуважение		0,844		
Аутосимпатия		0,824		
Самоуверенность		0,700		
Самопринятие		0,738		
Саморуководство				
Самообвинение		-0,723		
Самопонимание		0,667		
	Интегральная оценка рефлексивности		0,976	
	Ретроспективная рефлексия деятельности		0,623	
	Рефлексия настоящей деятельности		0,736	
	Рефлексия будущей деятельности		0,738	
	Рефлексия общения		0,711	
Ожидание положительного отношения других				0,870
Самоинтерес				0,723
Отраженное самоотношение				0,850
Самоинтерес (готовность к конкретным действиям по отношению к своему Я)				0,794
Собственные значения факторов		5,417	3,199	2,219
Процент объясняемой дисперсии		31,9%	18,8%	13,0%

При анализе матрицы в качестве порогового критерия был использован факторный вес 0.60. В соответствии с этим критерием в первом фак-

торе объединяются семь шкал опросника самоотношения (восьмая шкала «Саморуководство» с факторной нагрузкой 0.323 была оставлена потому, что ее удаление всего на 0.01 увеличивает коэффициент согласованности пунктов как всей матрицы, так и входящих только в первый фактор; между тем исключение вопросов, относящихся к шкале «Саморуководство» в последующих экспериментах, привело бы к недопустимому с психодиагностической точки зрения искажению опросника).

Фактор 1 включает восемь оценочных пунктов, характеризующих личностные проявления самоотношения, самоуважения субъекта. Основным критерием положительной или отрицательной оценки является субъективное мнение испытуемого о соответствии-несоответствии качеств собственной личности значимым нравственным и социальным ценностям. Очевидно, что самооценки по шкалам аутосимпатии, самопринятия, самоуверенности и т.п. выражают степень удовлетворенности субъекта собой, согласованности его внутреннего мира с, внешним. На положительном полюсе фактора задано отношение к самому себе как уверенному, самостоятельному, надежному человеку, которому есть за что себя уважать. В основе этого отношения лежит согласие со своими внутренними побуждениями, принятие себя таким, каков я есть, несмотря на недостатки. На противоположном полюсе могут быть представлены неудовлетворенность собственными возможностями, ощущение слабости, сомнение в способности вызывать уважение, самообвинение. В целом можно сказать, что ценностно-личностный фактор отражает ценностно-смысловое отношение субъекта к психологическим особенностям своей личности.

В фактор 2 вошли пять шкал методики рефлексивности. В российской психологии понятие рефлексии неотделимо от категории деятельности. «Рефлексия рассматривается как обращенность познания человека на ход своей деятельности, на психические качества и состояния, проявляющиеся в ней, на свой внутренний мир. Рефлексия понимается как процесс критического осмысления текущей деятельности, умение выделять, анализировать и соотносить с предметной ситуацией собственные действия, как процесс обоснования необходимости внести коррективы в ход деятельности, предпринять новую деятельность» [8, с. 256]. Рефлексия направлена и на выяснение оснований собственного способа осуществления активности, анализ содержания сознания субъекта деятельности, и на процессы взаимодействия с другими людьми: рассуждения за них, понимание их мировоззрений, характеров, мотивов и т.д. Вследствие этого рефлексия трактуется как единая психологическая реальность — *рефлексивное действие* [8].

Рефлексивно-когнитивный фактор, безусловно, отражает деятельностное отношение субъекта к объекту, его активность, направленную

на предметно-социальный мир, включающий в себя живущих, действующих в нем людей. Об этом недвусмысленно свидетельствуют шкалы, получившие значимые нагрузки: общая оценка индивидуальной меры рефлексивности испытуемого, ретроспективная рефлексия деятельности, рефлексия настоящей деятельности, рассмотрение будущей деятельности, рефлексия общения и взаимодействия с другими людьми.

Фактор 3 представлен четырьмя шкалами опросника Столина-Пантлеева: частными и общими показателями самоинтереса, а также ожидаемого, опосредствованного процессами коммуникации отношения к субъекту партнеров по общению. Самоинтерес является одной из движущих сил процесса самопознания, его мотивационной детерминантой: трудно представить человека с отсутствием устойчивого интереса к психологическим особенностям своей личности, но тем не менее систематически занимающегося самопознанием. Естественно, что самоинтерес нельзя считать исключительно внутренней, индивидуально-психологической склонностью субъекта. Очень часто он побуждается внешними обстоятельствами жизни, взаимоотношениями с людьми: вопросами о личной жизни, просьбой или требованием написать автобиографию и т.д. Что же касается отношения других (отраженного самоотношения), то оно представляет собой убеждение субъекта в том, что его личность, характер и деятельность способны вызывать у других уважение, симпатию, одобрение, понимание (или наоборот). Речь идет о предвосхищаемом, отраженном отношении других людей, превращающемся в самоотношение субъекта [14]. Очевидно, что в мотивационно-коммуникативный фактор вошли шкалы, отражающие свойства личности субъекта, способствующие самопознанию посредством извлечения сведений о себе из настоящих, прошлых и будущих ситуаций общения.

Таким образом, факторный анализ ответов испытуемых на 57 вопросов опросника самоотношения и 27 вопросов методики рефлексивности выявил три хорошо интерпретируемых фактора, включающих соответственно восемь, пять и четыре шкалы. Результаты, полученные при факторизации, позволяют сделать предварительный вывод о подтверждении первой гипотезы: самопознание не является внутренне однородной структурой, а состоит, по крайней мере, из трех основных компонентов.

Проверка *второй гипотезы* (о связи возраста и стремления человека к самопознанию) осуществлялась путем выявления значимых различий результатов по всем 17-ти шкалам (с помощью критериев Колмогорова-Смирнова и Манна-Уитни) между испытуемыми разного возраста. Сравнение проводилось на двух группах: 1) всей выборке из 77 испытуемых, разделенной по медиане возраста; 2) подвыборках 60 взрослых и 17 студентов.

Рассмотрим два указанных случая.

1. Медианное значение всей выборки равно 43 года. Сравнение тех, кто моложе и старше этой возрастной границы, обнаруживает следующее. У старших по сравнению с младшими по опроснику Столина-Пантлеева больше показатели по шкалам «Самоуважение» ($Z=-2.61$, $p< 0.01$), «Самоуверенность» ($Z=-2.08$, $p< 0.04$), «Самопонимание» ($Z=-2.43$, $p< 0.02$); соответственно по методике Карпова-Пономаревой больше суммарный индекс рефлексивности субъекта ($Z=-2.08$, $p< 0.04$), а также «Рефлексия общения и взаимодействия с другими людьми» ($Z=-2.11$, $p< 0.04$).

2. Средний возраст 60-ти испытуемых $M=45.55$, $SD=4.18$; студентов — $M=19.12$, $SD=1.32$. У взрослых больше показатели по шкале «Самопонимание» ($Z=-2.30$, $p< 0.02$), «Итоговый показатель рефлексивности» ($Z=-2.41$, $p< 0.02$), «Рефлексия настоящей деятельности» ($Z=-2.31$, $p< 0.02$), «Рассмотрение будущей деятельности» ($Z=-2.17$, $p< 0.03$).

Из статистического анализа результатов недвусмысленно следует вывод, подтверждающий вторую гипотезу: хотя и не по всем, но по многим шкалам, являющимся по исходному замыслу исследования индикаторами самопознания, оценки молодых испытуемых ниже оценок взрослых.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Три выявленных в нашем исследовании фактора — ценностно-личностный, рефлексивно-когнитивный и мотивационно-коммуникативный — хорошо согласуются с методологическими и теоретическими положениями как отечественной, так и зарубежной психологии. Во-первых, — с идущими от С.Л. Рубинштейна и принципиально важными для психологии человеческого бытия представлениями о трех ведущих типах отношений человека с миром: отношении субъекта к себе, к объекту (объективной действительности) и взаимоотношениях с другими людьми. Во-вторых, обнаруженные факторы в значительной степени соответствуют трем описанным выше источникам информации, из которых человек получает знания о себе. В контексте нашей работы наиболее существенным следует считать доказанный западными психологами факт, что предпочтение в использовании того или иного источника знаний о себе в значительной степени определяется личностными качествами субъекта.

Эксперименты показывают, что люди используют все три основных источника информации для самопознания, но удельный вес их различен. Это, в частности, было обнаружено в экспериментальном исследо-

вании Т.Дж. Шоенемана. Оказалось, что самонаблюдение и саморефлексия как источники знаний о себе в самоотчетах испытуемых получили наибольшую часть предпочтений (70,2%). Обратная связь от других людей использовалась в 18,8% случаев, а социальное сравнение — в 10,7%. Интересно, что в ходе интервью социальное сравнение упоминалось чаще относительно положительных, чем отрицательных черт личности. «Хорошие» и «плохие» характеристики, безусловно, оказали влияние на частоту упоминаний источников самопознания. Видимо, это механизм компенсации не совсем желательной оценки со стороны других людей. [18, с. 288]. Аналогичные данные с помощью более подробных, развернутых методик получили К. Седикидес и Дж.Дж. Скворонски [19]. Следовательно, субъективная значимость знаний, получаемых из разных источников, оказывается неодинаковой: она зависит как от социальных обстоятельств, в которых осуществляется процесс самопознания, так и от индивидуально-личностных особенностей субъекта.

Почему в процессе самопознания испытуемые предпочитают больше опираться на самонаблюдение и саморефлексию, чем на обратную связь и социальное сравнение? Для ответа на этот вопрос необходимо обратить внимание на те психологические особенности испытуемых, которые выражают их ценностное отношение к себе (в нашем исследовании они представлены в ценностно-личностном факторе). Предпочтение тех источников, из которых субъект может получить скорее позитивные, чем негативные знания, обусловлено *желанием поддержать положительное представление о себе*. Возможно, самодостаточные и уверенные в себе индивиды предпочитают самонаблюдение и саморефлексию, а социальное сравнение является ведущим источником самопознания для неуверенных и социально зависимых людей.

Три источника самопознания различаются по степени выраженности *активности* самого субъекта. В этой связи чрезвычайно важной является рефлексивно-когнитивная составляющая самопознания, отражающая активно-деятельностное отношение человека к миру. Самонаблюдение и саморефлексия предпочитают людьми не только потому, что эти процедуры поддаются сознательной регуляции и зависят от познавательной активности субъекта. Регуляция и активность всегда селективны: это означает, что субъект самопознания может придавать большое значение одним полученным знаниям (как правило, характеризующим его с положительной стороны) и «не замечать» других (обычно отрицательных, снижающих его самооценку). Вследствие действия механизмов психологической защиты, субъективной точки зрения, сознательного желания противопоставить себя окружающим и т.п. объективные результаты рефлексивно-когнитивного самоанализа легче исказить, чем данные социального сравнения или обратной связи. Следовательно,

сведения, полученные посредством самонаблюдения, саморефлексии, хотя и требуют персональных усилий, зато имеют гораздо больше шансов привести к психологически ожидаемому результату.

Мотивационно-коммуникативная сторона самопознания проявляется прежде всего во взаимодействии субъекта с другими людьми. Например, обнаружено, что люди с высокой потребностью в самопознании больше ценят источники самоотражения, чем испытуемые с низкой. В то же время субъекты с высокими показателями по шкале самомониторинга М. Снайдера, имеющие характерную внешнюю ориентацию, высоко оценивают значимость данных, полученных от их социального окружения [19].

В отличие от рефлексивно-когнитивного фактора, для качеств личности субъекта, представленных в мотивационно-коммуникативной составляющей самопознания, активность, деятельностное начало не являются основными. Именно поэтому этот фактор и результируется в знаниях, полученных с помощью обратной связи от других людей. Информация о себе через обратную связь может прийти без проявления какой-либо активности и оказаться совсем нежелательной для субъекта. Это еще раз подтверждает тот факт, что желаемые характеристики получить легче, если человек занимается самонаблюдением и саморефлексией или сравнивает себя с другими.

Итак, проведенное исследование является первым шагом на пути исследования самопознания. Тем не менее нам удалось подтвердить две выдвинутые гипотезы: о трехкомпонентной структуре самопознания и возрастных различиях его мотивации. Мы отчетливо осознаем, что по научной идеологии и методикам, на основании которых мы делали заключения о психологической структуре и функциях изучаемого феномена, исследование пока является скорее проективным, чем строго научным. Основное внимание было уделено личностным качествам, которые обеспечивают самопознание, а не особенностям его формирования, развития и функционирования в различные периоды жизни человека. Однако надеемся, что нам удастся развить эту линию исследования в планируемых экспериментах.

Литература

1. *Абульханова К.А.* Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности). М.-Воронеж: Академия педагогических и социальных наук. 1999.
2. *Ананьев Б.Г.* Избранные психологические труды. В двух томах. М.: Педагогика, 1980. Т. 2.
3. *Бердяев Н.А.* Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.: Книга, 1991.

4. *Брушлинский А.В.* О критериях субъекта и его деятельности // Психология субъекта профессиональной деятельности. Москва-Ярославль: ДИА-пресс, 2001. С. 5-23.
5. *Джемс У.* Психология. М.: Педагогика, 1991. С. 80—119.
6. *Знаков В.В.* Понимание как проблема психологии человеческого бытия // Психологический журнал. 2000. № 2. С. 7—15.
7. *Знаков В.В.* Самопознание и самопонимание как проблемы психологии человеческого бытия // Психология субъекта профессиональной деятельности. Москва-Ярославль: ДИА-пресс, 2001. С. 88—104.
8. *Карпов А.В., Пономарева В.В.* Психология рефлексивных процессов управления. Москва-Ярославль: ДИА-пресс, 2000.
9. Личностный дифференциал: Методические рекомендации / Сост. Е.Ф. Бажин, А.М. Эткин Л.: Ленинградский психоневрологический институт им. В.М. Бетерева, 1983
10. Основы психологии. Практикум / Ред.-сост. Л. Д. Столяренко. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.
11. Первая всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии. Материалы сообщений. М.: Смысл, 2001
12. Практическая психодиагностика. Методики и тесты / Ред.-сост. Д.Я. Райгородский. Самара: Бахрах, 1998.
13. *Романова И.Л.* Основные направления исследования самопонимания в зарубежной психологии // Психологический журнал. 2001. № 1. С. 102—112.
14. *Стопин В.В., Пантилев С.Р.* Опросник самоотношения // Практикум по психодиагностике: Психодиагностические материалы. М.: МГУ, 1988. С. 123-130.
15. *Чеснокова И.И.* Проблема самосознания в психологии. М.: Наука, 1977.
16. *Vgaun B.* Development of self-knowledge and the process of individuation // Polish Psychological Bulletin. 1988. V. 19. № 3-4. P. 249-256.
17. *Franzoi S. L., Davis M. H., Markwiese B.* A Motivational Explanation for the Existence of Private Self-Consciousness Differences // Journal of Personality. 1990. V. 58. № 8. P. 641-659.
18. *Schoeneman T.J.* Reports of the Sources of Self-knowledge // Journal of Personality 1981. V. 49. № 3. P. 284-293.
19. *Sedikides C, Skovronski J.* On the Sources of Self-knowledge: The Perceived Primacy Self-reflection // Journal of Social and Clinical Psychology, V. 14. № 3. 1995. P. 244-270.
20. *Swann W.B.* Identity Negotiation: Where Two Roads Meet // Journal of Personal and Social Psychology. 1987. V. 53. № 5. P. 1038-1051.

ПСИХОЛОГИЯ СУБЪЕКТА КАК МЕТОДОЛОГИЯ ПОНИМАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

Опубликовано: Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 2. С. 95-106.

Сегодня в российской психологической науке категория субъекта играет системообразующую роль: вряд ли кто-то из современных психологов возьмет на себя труд опровергать это утверждение. История конкретно-научного анализа проблемы субъекта восходит к началу XX века. Почему же тогда именно в последнее десятилетие названная категория приобрела для нас совершенно особое значение, а многочисленные теоретические и эмпирические исследования породили новую область знания — «психологию субъекта»?

Ответ на этот вопрос следует искать не только в логике развития научного познания, но и в индивидуально-психологических особенностях работающих в этом направлении ученых. Их характеризует устойчивый интерес к проблеме, ясное осознание научных позиций, страстное стремление доказать собственную правоту оппонентам и желание привлечь на свою сторону все больше новых сторонников. Таким психологам присуща убежденность в интегративном характере категории «субъект». Они считают, что в ней воплощено всеохватывающее, наиболее широкое понятие человека, обобщенно раскрывающее целостность всех его качеств: природных, индивидуальных, социальных, общественных.

В науке разрозненные факты, эмпирические данные и теоретические концепции объединяют в границах единой научной области конкретные люди. Как правило, они отличаются профессиональной эрудицией, глубиной ума, умением теоретически мыслить. В «психологии субъекта» бесспорным лидером и одним из ее основателей был Андрей Владимирович Брушлинский. Об этом свидетельствует не только впечатляющее количество его выступлений, докладов, статей, написанных и отредактированных им коллективных и индивидуальных монографий по проблеме психологии субъекта [4, 5, 6, 7, 8, 9, 10]. Главная тема его научных работ последнего десятилетия оказалась в значительной мере завершен-

ной, доведенной до некоторой логической точки. Андрей Владимирович разработал целостный, оригинальный и вполне сформированный вариант психологии субъекта. Брушлинский не просто развивал субъектно-деятельностный подход, копируя и продолжая идеи своего учителя С.Л. Рубинштейна. Он несомненно сделал принципиально новый шаг в этом направлении, описав научные основы психологии субъекта.

Принципиальная новизна, по моему мнению, заключается главным образом в трех основных положениях. Во-первых, в переходе от микросемантического к *микроаналитическому* методу познания психического; во-вторых, в значительном расширении представлений о содержании *активности* как фактора детерминации психики; в-третьих, в целостном системном характере исследования *динамического, структурного и регулятивного* планов анализа психологии субъекта.

Цель статьи — показать, что психологию субъекта сегодня следует рассматривать как методологическую основу конкретных эмпирических исследований, в частности, проблем понимания человеческого бытия.

Для реализации этой цели вначале я обосную приведенное выше утверждение о трех основных положениях психологии субъекта.

1. Отличительная особенность современной научной методологии заключается в стремлении ученых снять главное противоречие картезианской картины мира, в которой человек противостоит дискретным отдельным объектам, событиям и ситуациям реальной действительности. Противоречие устраняется путем признания неизбежного для любого научного познания мира (учитывающего взаимодействия субъекта с объектом) включения познающего в познаваемое. С такой точки зрения, объективная ситуация включает в себя воспринимающего, понимающего и оценивающего ее человека. «Воздействие любой «объективно» стимулирующей ситуации зависит от личностного и субъективного значения, придаваемого ей человеком. Чтобы успешно предсказать поведение определенного человека, мы должны уметь учитывать то, как он сам интерпретирует эту ситуацию, понимает ее как целое» [20, с. 46].

Объективные процессы развития научного познания в психологии XX-XXI веков были направлены как на дифференциацию разных областей психологической науки, так и на их интеграцию. Тенденция к дифференциации характеризует развитие не только психологии: по этому пути идут все фундаментальные науки, и степень их дифференциации является показателем прогресса научного знания. В психологической науке эта тенденция наиболее отчетливо проявлялась в 1960-1970 г.г., когда происходило интенсивное формирование инженерной, социальной, педагогической, юридической и других отраслей психологии. В то время интеллектуальные усилия ученых были сфокусированы скорее на изучении отдельных сторон психики человека

(памяти, мышления, свойств личности), чем на стремлении понять ее как системно организованное целое.

В конце XX века ситуация изменилась: в науке стало явно преобладать стремление к целостности, осознание психологами того, что анализ разнообразных психологических феноменов должен гармонично сочетаться с их синтезом. Соответственно, наше время характеризуется все возрастающим интересом психологов к комплексным, системным проблемам и усложнением методов их анализа. Примером может служить психосемантика, которую уже невозможно представить без различных компьютерных вариантов математической обработки данных [18]. Комплексные, системные проблемы побуждают ученых рассматривать анализируемые психические феномены не только под углом зрения исследования их отдельных сторон, признаков, характеристик (такая традиция наиболее отчетливо воплощается в экспериментальной когнитивной психологии). Комплексные проблемы нужно описывать как нечто единое, феноменологически целое (это больше соответствует экзистенциально-гуманистическому подходу).

Проблемы, на которые сегодня обращается наиболее пристальное внимание, непосредственно связаны с традиционной для психологии постановкой вопроса об основных единицах анализа психического. Объективные обстоятельства и методы, с помощью которых исследователи узнают что-то новое о человеческой психологии, существенно изменяют научные представления о «единицах психики». В разные исторические периоды единицами анализа психики выступали ощущение, рефлекс, действие, отношение, значение и т.п. Современный этап развития психологической науки дает основание считать, что в качестве единиц психики следует рассматривать более интегративные образования, основанные на трансформации структур индивидуального опыта человека. Примером могут служить события [2] и ситуации [20]. Сегодня ученым стало ясно, что любая ситуация включает в себя воспринимающего, понимающего и оценивающего ее человека. Иначе говоря: взаимодействие субъекта с объектом фактически приводит к включению познающего в познаваемое. Человек парадоксальным образом и противостоит как нечто внешнее объективным обстоятельствам своей жизни, и сам является их внутренним условием. Субъект не только пассивно фиксирует, понимает природные и социальные ситуации, но и пытается активно воздействовать на них. Вследствие этого он преобразует не только мир, но и себя в мире.

Естественно, что изменение научных представлений о единицах психики не могло не сказаться на методах ее исследования. Хорошо зарекомендовавшие себя микросемантический, микрогенетический и другие приемы микроанализа психики сегодня необходимо дополнить макроаналитическим методом познания психического. Используя в исследо-

вании этот метод, психолог вычленяет в качестве единиц анализа психического такие интегративные образования, которые отражают обобщенные схемы трансформированного в течение жизни индивидуального и коллективного опыта человека. В этом случае тщательный анализ отдельных сторон психики субъекта (ощущений, состояний и т.п.) оказывается для исследователя далеко не главной задачей. Прежде всего его интересуют такие целостные фрагменты человеческого бытия, в которых представлены процессы и результаты субъект-объектных и субъект-субъектных взаимодействий: события, ситуации — общения учителя с учеником, руководителя с подчиненным, психотерапевта с пациентом.

Нет ничего удивительного в том, что именно Брушлинский стал одним из первых психологов, проявивших повышенный интерес к макроаналитическому методу познания психического. Приведу только две причины.

Во-первых, такой подход дал Андрею Владимировичу возможность под иным углом зрения (отличным от предыдущих исследований, например, решения мыслительных задач методом микросемантического анализа) взглянуть на фундаментальные проблемы, занимавшие его в течение всей жизни.

Во-вторых, пристальное внимание Брушлинского к макроаналитическому методу познания психического вообще соответствует его научному онтогенезу. Вся его жизнь в науке и особенно последнее десятилетие творческой биографии характеризовались стремлением к изучению целостной, единой психики человека: сложных действий с объектами, нравственных поступков, гуманистической направленности личности и т.п. Эволюция научных взглядов ученого очевидна: с каждым годом для него все более значимыми и интересными становились закономерности формирования вершинных проявлений человеческой психологии — духовности, нравственности, свободы, гуманизма.

Андрей Владимирович отличался широтой взглядов и мастерством применения ключевых идей психологии субъекта для объяснения многих социальных и политических явлений. Несомненная заслуга Ученого заключается в том, что он сумел показать значимость результатов, казалось бы, сугубо академических исследований для объяснения процессов, происходящих в современной России. Его работы насыщены рассуждениями о возникновении в сознании россиян как субъектов собственной жизни таких ценностей, как свобода, демократия, права личности, частная собственность.

Он считал, что гуманистичность психологии неразрывно связана с духовностью, духовной деятельностью человека. И наоборот: большое значение придавал бездуховной антисубъектной сущности тоталитаризма, авторитаризма, манипуляций человека человеком и государства —

общественным сознанием. Соответственно, он все чаще задумывался о сходстве и различии субъектно-деятельностного подхода с гуманистической психологией. В последние годы Андрей Владимирович в своих работах упоминал имена К. Роджерса и А. Маслоу, проявлял несомненный интерес к трудам Дж. Бьюдженталя, И. Ялома и других классиков экзистенциального направления в психологии и психотерапии.

2. По сравнению с «классическим» рубинштейновским вариантом субъектно-деятельностного подхода в психологии субъекта существенно расширены представления о содержании активности как фактора детерминации психики. Брушлинский субъектом называл человека, рассматриваемого на высшем для него уровне активности, целостности, автономности: «Важнейшее из всех качеств человека — быть субъектом, т. е. творцом своей истории, вершителем своего жизненного пути. Это значит инициировать и осуществлять изначально практическую деятельность, общение, поведение, познание, созерцание и другие виды специфически человеческой активности (творческой, нравственной, свободной) и добиваться необходимых результатов» [6, с. 30].

Целостность субъекта означает единство, интегративность не только деятельности, но и вообще *всех* видов его активности. Помимо бесспорно деятельностных оснований (напомню, что Андрей Владимирович любил повторять выражение из «Фауста» И.В. Гете: «Вначале было дело») в психологии субъекта уделяется значительное внимание и другим проявлениям человеческой активности: общению, созерцанию, бессознательной психической жизни — видениям и переживаниям во время сна и т.д.

Для психологии субъекта проблема активности является одной из главных, она оказывается тем камнем преткновения, с которым сталкиваются все участники дискуссий о специфике субъектных проявлений личности и индивидуальности. Наиболее важный аспект проблемы формулируется в вопросе: «Только ли в случае сознательной активности о человеке можно говорить как о субъекте?» Вот как отвечает на него А.В. Брушлинский: «Для человека как субъекта сознание особенно существенно, потому что именно в ходе рефлексии он формирует и развивает свои цели, т. е. цели деятельности, общения, поведения, созерцания и других видов активности. При этом он осознает хотя бы частично некоторые из своих мотивов, последствия совершаемых действий и поступков и т.д. Вместе с тем человек остается субъектом — в той или иной степени — также и на уровне психического как процесса и вообще бессознательного. Последнее не есть активность, вовсе отделенная от субъекта и не нуждающаяся в нем. Даже когда человек спит, он в какой-то (хотя бы минимальной) мере — потенциально и актуально — сохраняется в качестве субъекта, психическая активность которого в это время осуществляется весьма энергично на уровне именно бессознательного (напри-

мер, в форме сновидений), но без целей, рефлексии и произвольной саморегуляции в их обычном понимании. Столь специфическая разновидность активности в принципе существует лишь потому, что до того, как она началась (т. е. до засыпания), человек был «полноценным» субъектом деятельности, общения и созерцания и только потому он продолжает во сне свою психическую жизнь в форме очень своеобразных видений и переживаний. Но сама деятельность субъекта (практическая и теоретическая) в строгом смысле слова невозможна, когда человек спит, хотя психическое как процесс продолжает формироваться в это время весьма активно. Вот почему гипнопедия (обучение в период естественного сна) наталкивается на принципиальные трудности» [4, с. 20-21].

Брушлинский рассматривал активность с системных позиций, тщательно анализируя разные ее формы и уровни в их взаимосвязях и взаимодействиях. Ученый внедрял в психологическое сообщество мысль о том, что и сознательная, и бессознательная активность на уровне психического как процесса являются способом формирования, развития и проявления человека как субъекта.

3. То, что к концу жизни для Андрея Владимировича основным предметом его научных размышлений стала именно описанная выше проблемная область, не удивительно: в психологии субъекта в сконцентрированном виде отражена тематика всех его предыдущих исследований. С методологической точки зрения можно утверждать, что он разрабатывал психологию субъекта как целостную и системную область психологического знания. На уровне конкретно-психологических исследований, представленных в разных публикациях Брушлинского, это проявлялось в осознанном выделении им структурного, динамического и регулятивного планов анализа психологии субъекта. При этом наибольшее внимание он уделял двум главным проблемам: *критериям субъекта и разнообразию видов человеческой активности.*

Динамический план анализа психологии субъекта. Человек не рождается субъектом, а становится им в процессе деятельности, общения и других видов активности. В этой связи научно значимым оказывается вопрос о критериях, в соответствии с которыми можно утверждать, что психолог исследует именно субъекта, а не индивида, индивидуальность и т.п. «Первый существенный критерий становления субъекта — это выделение ребенком в возрасте 1-2 лет в результате предшествующих сенсорных и практических контактов с реальностью наиболее значимых для него людей, предметов, событий и т.д. путем обозначения их простейшими значениями слов. Следующий наиболее важный критерий — это выделение детьми в возрасте 6-9 лет на основе деятельности и общения *объектов* благодаря их обобщению в форме простейших **понятий** (числа и т.д.)» [9, с. 12-13].

Брушлинский рассматривал проблему критериев прежде всего в *динамическом* плане. Он стремился раскрыть онтогенетические корни формирования субъекта в процессе проявления им разных видов активности — познания, действия, созерцания, индивидуального развития (как особого качества способа подлинно человеческого существования). Неудивительно, что он ценил, часто обсуждал и цитировал работы Е.А. Сергиенко о ранних этапах развития субъекта [21].

Однако динамический план психологии субъекта не ограничивается только временной составляющей онтогенеза психики. Не менее важной оказывается конкретная динамика протекания психических процессов, реализации знаний, умений и т.п. в тех ситуациях, в которых человек проявляет себя как субъект. Вследствие этого, опираясь на логику рассуждений Андрея Владимировича и анализируемые им социальные и иные области проявлений человеческой субъектности, к названным выше следует добавить еще по меньшей мере два критерия.

Третьим критерием субъекта следует считать сформированность у человека способности осознавать совершаемые им поступки как свободные нравственные деяния, за которые он несет ответственность перед собой и обществом. Субъектом можно назвать только внутренне свободного человека, принимающего решения о способах своего взаимодействия с другими людьми прежде всего на основании сознательных нравственных убеждений. Говорить о человеке как субъекте можно только при таком понимании им собственного бытия, при котором он, осознавая объективность и сложность своих проблем, в то же время обладает ответственностью и силой для их решения.

Четвертый критерий — развитость навыков самопознания, самопонимания и рефлексии, обеспечивающие человеку взгляд на себя со стороны. В отличие от остального сущего человек всегда соотносен со своим бытием. Соотнесенность проявляется прежде всего в направленности познавательной, этической и эстетической активности взаимодействующих людей не только друг на друга, но и на себя. Именно рефлексивное отношение каждого из нас к себе наиболее рельефно выражает отношение к бытию. Способность к рефлексии, направленной на себя — ключ к превращению человека в субъекта. Субъект — это тот, кто обладает свободой выбора и принимает решения о совершении нравственных поступков, основываясь на результатах самопознания, самоанализа, самопонимания.

Структурный план анализа психологии субъекта. Другая сторона исследования психологических характеристик субъекта представляет собой *структурный* план анализа обсуждаемой проблемной области. В этом ракурсе в фокусе исследования психологов оказываются различные виды активности: деятельность, общение (Б.Ф. Ломов), созерцание (С.Л. Рубинштейн), преобразовательная активность человека, направ-

ленная на создание и изменение обстоятельств своей жизни и жизни других людей (Б.Г. Ананьев). Я согласен с В.А. Лабунской, которая считает, что «перечисленные выше характеристики субъекта наиболее органично соединены в определении, которое было дано А.В. Брушлинским. Свое определение субъекта он построил на основе анализа идей С.Л. Рубинштейна, Л.С. Выготского, Б.Г. Ананьева, А.Н. Леонтьева и других. Субъект трактуется как индивид, находящийся на соответствующем своему развитию уровне преобразовательной активности, целостности, автономности, свободы, деятельности, гармоничности и отличающийся своеобразной целенаправленностью и осознанностью. В данном определении необходимо подчеркнуть такое свойство субъекта, как «преобразовательная активность, соответствующая уровню развития индивида». Этот параметр субъекта позволяет любого человека квалифицировать в качестве субъекта, имеющего характерный для его уровня развития вид, качество, форму, способы, средства преобразовательной активности» [16, с. 35].

В человеческом бытии разнообразные виды активности реализуются прежде всего в совокупности отношений человека к природе, себе и другим людям. Как полагает К.А. Абульханова, раскрывать психологическую природу субъекта надо через совокупность его отношений к миру. С этой позиции, субъект — это специфический способ организации, качественной определенности сознания современной личности. Личность, выступая как субъект деятельности, сталкивается с противоречием своих желаний, потребностей и объективными препятствиями на пути их удовлетворения. Именно разрешая противоречия, личность приобретает новое качество отношений к миру, дающее психологу основание говорить о ней как о субъекте деятельности [1].

Андрей Владимирович, во-первых, не во всем соглашался с такой точкой зрения: «Субъект — это всеохватывающее, наиболее широкое понятие человека, обобщенно раскрывающее неразрывно развивающееся единство всех его качеств: природных, социальных, общественных, индивидуальных и т.д. Личность, — напротив, менее широкое и недостаточно целостное определение человеческого индивида» [8, с. 17]. Во-вторых, он не сводил активность субъекта исключительно к деятельности: проявление сознательной и бессознательной активности в поведении, формирование политической воли, рост духовности — все использовалось им в качестве аргументов для обоснования субъектной сущности людей.

Регулятивный план анализа психологии субъекта. Регулятивная сторона исследований формирования и развития человека как субъекта неразрывно связана с проблемой детерминации психики. По Брушлинскому, в человеческой психике не только отражается действительность. Формируясь во взаимодействии субъекта с объектом, психика представляет собой высший уровень *отражения* действительности и потому высший

тип *регуляции* всей жизни человека. Психика служит для регуляции деятельности, общения, созерцания и т.п. «На этих совсем разных уровнях взаимодействия человека с миром всё психическое, отражая действительность, участвует в регуляции движений, действий и поступков. Психическое формируется и объективно проявляется в том, как оно осуществляет эту регуляторную функцию. Вот почему основным и всеобщим методом объективного психологического познания является изучение всех психических явлений через движения, действия и поступки, вообще через внешние проявления человека, которые этими психическими явлениями непрерывно регулируются. Таков вышеупомянутый методологический принцип единства сознания (вообще психики) и деятельности. В силу своей всеобщности он закономерно определяет любые, самые разнообразные методы и методики исследования во всех отраслях психологии: общей, социальной, индустриальной, управленческой и т.д.» [7, с. 7].

На уровне конкретно-психологических исследований, например мышления, регулятивные аспекты психики Андрей Владимирович чаще всего обсуждал в связи с проблемой обратных связей. Не случайно целая глава его последней монографии называется «Субъект деятельности и обратная связь» [10]. В более широком контексте, имеющем прямое отношение к методологии психологического знания, проблема регуляции рассматривалась им с учетом объективного разнообразия законов природы и общества.

Современное научное познание направлено на выявление двух основных типов закономерностей, определяемых двумя группами законов. Первая группа законов — это законы бытия, описывающие то, что есть. «Законом» в этом значении понятия называется то, что регулярно повторяется и в силу необходимости происходит именно так, как происходит. Изучая явления, подчиняющиеся таким законам, ученые стараются выявить объективно существующие причинно-следственные связи и устойчивые отношения. Вторая группа — законы, представляющие собой регулирующие механизмы и предписывающие, как именно должны происходить те или иные процессы (чаще всего в мире человека). По своей сути они отражают законы долженствования, нормы — моральные, социальные, юридические и др. Например, моральное долженствование по В. Франклу и С.Л. Рубинштейну (морально-нравственный императив, который регулирует поступки субъекта, его представления о подлинно человеческом отношении к себе и другим) лежит в основе психологии человеческого бытия [13].

Нормативно-регулятивные установления не могут быть истинными или ложными. Более корректно их следует называть правильными или неправильными (с точек зрения разных людей). Оценка правильности-неправильности осуществляется путем соотнесения знания не

с критериями истинности, а с ценностями, принимаемыми и отвергаемыми различными социальными группами. Примером ценностно-нормативного регулятора является понятие красоты в искусстве. Применительно к неодинаковым для разных исторических периодов, стран и народов критериям красоты, в частности женской, понятие истинности фактически теряет смысл. В каком смысле мы можем говорить об истинности «Мадонны» Рафаэля или «Казначейши» В.А. Тропинина? В таких случаях признание изображенной художником на полотне женщины красивой или нет зависит от специфики ценностных представлений о красоте, имеющих у зрителя.

Очевидно, что законы первого типа легче обнаружить в естественных науках, в то время как второго — в гуманитарных и общественных. Что касается научной психологии, то, как известно из работ Б.Г. Ананьева, Ж. Пиже и других ученых, по своей сути она представляет собой неразрывное единство естественнонаучного, социального и гуманитарного знания. Такой же точки зрения на психологию придерживался и Андрей Владимирович. В проблеме детерминизма, как ее понимал и неоднократно описывал Брушлинский, отражается одновременно и естественнонаучный, и социально-гуманитарный характер психологической науки.

По мере формирования и развития психологии субъекта проблема регуляции поведения, деятельности и т.п. приобретала новое смысловое значение. Учитывая двойственность законов, которые детерминируют развитие психики субъекта, ученым все чаще приходилось задумываться над тем, что представляет собой тот мир, в котором живет современный человек. В XX веке, например, некоторые поэты стали утверждать, что «поэзия не следует за действительностью. Она в какой-то мере формирует язык, а язык формирует действительность. Поэзия в какой-то мере оказывается первичной, а действительность, по-видимому, вторичной» [11, с. 28]. Другая сфера нашей жизни, по отношению к которой Андрей Владимирович проявлял явный интерес, — виртуальная реальность, Интернет. Можно ли считать исключительно плодом фантазии писателя В. Пелевина [17] выход героев компьютерных игр в реальную действительность игроков? Иначе говоря, можно ли утверждать, что реальный мир субъекта, играющего в компьютерную игру, отделен «стеклянной стеной» от мира героя, преодолевающего одно препятствие за другим и переходящего с одного уровня сложности взаимодействия с миром на другой? А на какие законы следует ориентироваться при описании так часто обсуждаемых Брушлинским феноменов свободы и духовного Я познающего мир субъекта? В работах Андрея Владимировича нам открываются не только попытки поставить эти вопросы, но и оригинальные способы их решения.

Важнейшим в этом плане является ответ на фундаментальный для теории познания вопрос: что первично — бытие или сознание? В пуб-

ликациях последних лет Брушлинский неоднократно повторял, что по отношению к двум крайностям (дух или материя, сознание или бытие) существует более перспективный «третий путь» в решении фундаментальной общей проблемы детерминизма психики человека. Это субъектно-деятельностная теория, разработанная С.Л. Рубинштейном и его учениками (одним из самых талантливых и последовательных среди них был А.В. Брушлинский). С позиций данной теории нет альтернативы: психическое или бытие, существующие сами по себе. Субъект, находящийся внутри бытия и обладающий психикой, — вот та «точка схождения» идеального и материального, в которой реально осуществляется детерминация поведения и развития психики. «Для данной теории не психическое и не бытие сами по себе, а субъект, находящийся внутри бытия и обладающий психикой, творит историю» [5, с. 17]. Очевидно, что такое решение проблемы детерминизма основано на осознанном принятии тезиса о включении познающего в познаваемое. Иначе говоря, речь идет об изучении субъекта как неотъемлемой части воспринимаемой, понимаемой и оцениваемой им объективной ситуации. Так же очевидно и то, что в идее «третьего пути» потенциально заключена возможность такого описания детерминации различных психических феноменов, которое построено на учете непротиворечивого взаимодействия и диалектической связи законов первого и второго рода.

Итак, по моему мнению, все сказанное выше убедительно свидетельствует о том, что психология субъекта представляет собой сформировавшуюся область психологического знания, обладающую довольно ясно очерченными контурами, проблемами, методами их решения и теоретико-методологическими основаниями. Психология субъекта не только основывается на фундаментальных традициях субъектно-деятельностного похода школы С.Л. Рубинштейна, но и сама порождает новые ветви этого богатого плодами древа познания (такие, как психология человеческого бытия [13]). Сегодня есть все основания утверждать, что психология субъекта уже обрела методологический статус: ее следует рассматривать в качестве методологической основы исследования проблем психологии человеческого бытия. Среди них центральное место занимает круг проблем, связанных с пониманием субъектом мира и себя в мире.

Проблемы психологии понимания человеческого бытия. Я кратко рассмотрю только три из них — наиболее значимые в контексте статьи.

Во-первых, проблему различения парадигматического и нарративного способов понимания мира. С точки зрения психологии субъекта, в этой проблеме наиболее отчетливо воплощается взаимодополнительный характер микро- и макроанализа психического, а также регуляции реальных ситуаций человеческого бытия законами и первого, и второго типов.

Во-вторых, проблему направленности активности субъектов общения

на себя: психологического анализа роли самопонимания, самопознания, рефлексии в формировании взаимопонимания. Исследование этой проблемы актуально прежде всего в связи с тем, что рефлексивность, обращение внимания на основания своего бытия вообще является одной из главных психологических особенностей человека как субъекта (см. выше о четвертом критерии субъекта). Психологические процессы самопознания и самопонимания не только дают человеку возможность обратиться к своим истокам, ответить на вопросы о том, какой он есть и что с ним происходит. Обращенность на себя, свою сущность, с одной стороны, неизбежно приводит к выявлению психологической неоднородности и даже противоречивости последней. С другой стороны, результатом самопознания, самопонимания является не только разрешение противоречий: они парадоксальным образом способствуют возрастанию целостности и гармоничности психологических проявлений человека как субъекта.

В-третьих, проблему субъект-субъектных и субъект-объектных типов понимания высказываний и психологических особенностей партнеров в межличностном общении. Теоретическим основанием этой проблемы является положение С.Л. Рубинштейна о том, что психологическая природа субъекта наиболее полным образом раскрывается через такую совокупность его отношений к миру, которая включает признание права других людей на автономность, уникальность, независимость — субъектность. В психологии субъекта эта проблема трансформировалась как в поиски истоков духовности людей, так и в выявление бездуховной антисубъектной сущности тоталитаризма, авторитаризма, манипуляций человека человеком.

В последние годы у многих психологов наблюдается смещение фокуса научных интересов из когнитивной плоскости анализа психических явлений в экзистенциальную. Описывая две названные плоскости, известный американский психолог Дж. Брунер отмечает, что есть два основных типа понимания мира.

Первый он называет *парадигматическим*, основанным на непосредственном восприятии окружающего мира. Приверженцы этого способа для понимания своего опыта ориентируются на логичность рассуждений и результаты строгих эмпирических исследований. Такие люди говорят только то, что знают, и стараются высказывать именно то, что имеют в виду. Они ищут определения причинно-следственным связям, чтобы узнать порядок происходящих событий и иметь возможность контролировать реальность. Они не приемлют неопределенности: любую теорию подвергают проверке и если она впоследствии доказана, то, следовательно, является истинной.

Второй способ понимания Брунер называет *нарративным* (повествовательным). В этом случае мы имеем дело с человеческими жела-

ниями, потребностями, целями. По сути, это формы рассказов, в которых люди описывают превратности человеческого бытия. Нарративный способ понимания мира и себя в мире предполагает, что человек всегда потенциально способен сказать больше, чем осознает. Повествование — это всегда процесс, в ходе которого люди пытаются понять и выразить такие связи событий, которые приобретают субъективную значимость только во время рассказа [25].

Парадигматический и нарративный способы познания и понимания мира явным образом указывают на факт существования реальностей, соответствующих двум группам законов: отражаемой людьми и порождаемой ими. Естественно, что отражение невозможно без порождения психических новообразований, так же как мысленное конструирование и реконструирование нового подчиняется законам материального мира. Однако Брунер делает парадоксальный вывод о том, что *«две обсуждаемые перспективы представляют два несопоставимых подхода к развитию*. Одна рассматривает знание в свете его универсальной и неотъемлемой валидности и проверяемости; для другой знание — частное, конкретное, определяемое контекстом. Говоря классическим языком, один подход изучает мысль в ее номотетическом и объяснительном проявлении, другой — в идиографическом и интерпретативном» [3, с. 10]. Он полагает, что *«два эти подхода представляют собой два принципиальных, несоизмеримых пути обретения человеком знания о мире — и посредством подтверждения универсальной логической необходимости, и посредством объяснительной реконструкции соответствующих обстоятельств»* [там же].

Иным образом два названных подхода интерпретируются в психологии субъекта и психологии человеческого бытия: не как несовместимые и противоположные способы понимания мира, а, наоборот, как взаимодополнительные и взаимозависимые. Процесс мышления понимающего субъекта направлен на познание причинно-следственных связей объективной реальности и поиск истины. Вместе с тем он направлен и на конструирование субъективного опыта, порождение и развитие индивидуального смысла событий, происходящих с человеком. Парадигматический способ дает субъекту возможность видеть в окружающем его мире проблемы и задавать *информативные* вопросы, полезные для их решения. Нарративный подход ориентирован на выявление целостных ситуаций человеческого бытия: субъект задает себе и другим *смыслопорождающие* вопросы, направленные на развитие историй.

В психологии нарративная парадигма является конкретным выражением макроаналитического метода познания психического (недаром Андрей Владимирович благодарил меня за совет приобрести книгу по нарративной терапии «Конструирование иных реальностей» [22]). Нарративный подход ориентирован на выявление психологических осо-

бенностей интерпретации людьми разных, в том числе порождаемых, конструируемых социальных реальностей. В качестве типичного примера социальных реальностей можно привести целостные ситуации человеческого бытия, отраженные в историях о своей жизни, которые люди рассказывают друг другу. Главная задача интерпретации — описание способов воздействия реальностей на формирование жизненных смыслов людей. Разумеется, любая социальная реальность объективна и потому интерпретация не может быть произвольной: она опирается на факты и достоверное истинное знание. Однако центральным в нарративном подходе все-таки оказывается не категория истины, а понятие смысла.

В мире человека конструируемые реальности представлены в основном жизненными историями, которые люди рассказывают, интерпретируя, познавая, развивая их содержание и приписывая им смысл. Осмысливаемые истории дают человеку возможность понять себя не как объект, а осознать *изнутри*, с точки зрения смысла своего существования: история всегда в явном или скрытом виде включает рассказывающего ее субъекта.

В нарративной психологии учеными проводится аналогия между пониманием текста и пониманием человеком самого себя, собственного поведения и событий своей жизни. По мнению Е. Тршебински, нарративный подход может помочь ученым унифицировать Я-концепцию как систему знаний, верований, мнений и убеждений. В его рамках можно интегрировать классические понятия «те» и «self» в единой модели ментального опыта. Такая модель деятельно регулирует процессы самопонимания, принятия решений и деятельности [26]. Самопонимание в нарративной психологии рассматривается как создание «текста» о самом себе, непрерывная самоинтерпретация, самоистолкование [24]. Основной вопрос при этом заключается в том, каким образом человек взаимодействует со своим опытом во время рассказа о нем.

В основании нарративной психологии лежит положение о том, что все люди по своей природе являются рассказчиками: рассказ присутствует во всех видах устного общения и творчества. Рассказывая о себе, своем поведении, поступках, субъект выделяет в жизненном потоке и по-новому видит события своего прошлого. В результате он их оценивает и придает им определенный, соответствующий данному времени и месту смысл.

Неудивительно, что некоторые ученые, в частности, Д. МакАдамс считают, что мы рождаемся с «повествующим разумом» [25]. Рассказы создают историю, связывая людей во времени как участников событий, рассказчиков и слушателей. Рассказы подробно повествуют о том, что случилось, где и когда. Тем самым реконструируются прошлые события, воссоздается история, образно говоря, рисуются картины человеческого бытия. Рассказы учат нас, и с их помощью мы учимся жить и действовать,

они организуют ход наших мыслей, способствуют психологическому совершенствованию и зрелости, помогают общению с другими людьми.

Таким образом, для психолога истории, ситуации оказываются единицами макроанализа, включающего и конструктивное описание событий, из которых состоит история, и самого «конструктора» — рассказчика. Для понимающего субъекта история это способ, которым он осмысливает жизнь, выстраивает свой опыт во временную последовательность, дающую ощущение непрерывности и смысла жизни. Пересказ субъектом истории, переосмысление ее составляющих (событий и собственных реакций на них) способствует углублению самопонимания и личностному развитию. К такому эффекту приводит соединение актуализируемого прошлого опыта с его переоткрытием, переживанием соотношения опыта с новой пространственной и временной ситуацией.

Новая, иногда альтернативная, интерпретация истории приводит и к иному ее пониманию. Повествование всегда одновременно адресовано не только себе, но и другим людям. Вследствие этого новое понимание субъектом пересказываемой истории приводит к изменению его взаимопонимания с тем, кому он рассказывает. Ведь для того, чтобы достичь взаимопонимания, необходимо не только расширить с помощью пересказа свой опыт, углубить самопонимание, — нужно еще суметь посмотреть на историю с другой точки зрения, встать на позицию другого человека.

В психологии человеческого бытия взаимопонимание рассматривается как комплексный феномен. Он состоит, по крайней мере, из четырех компонентов. Динамика формирования взаимопонимания в общении основана на диалектической взаимосвязи процессов рефлексии и антиципации (обращенности в прошлое и будущее).

Во-первых, взаимопонимание это согласование индивидуальных точек зрения на объект понимания — природного явления, социального события, обсуждаемой темы и т.п. Объектом понимания всегда является и фрагмент предметного или виртуального мира с присущими ему закономерностями развития, и субъективное отражение фрагмента. Психологическая специфика отражения определяется индивидуальной структурой личностного знания, с которой соотносится понимаемое, рефлексией этого знания, сопровождающейся погружением в глубины своего жизненного опыта.

Во-вторых, взаимопонимание обязательно включает понимание себя. Не только взаимопонимание, но и вообще любое понимание одновременно является и самопониманием. «Понимая нечто, субъект понимает самого себя и, лишь понимая себя, способен понять нечто» [19, с. 264]. Рассказывая историю партнеру по общению, понимая в диалоге новые грани ее смысла, субъект одновременно углубляется в себя и выходит за пределы своего внутреннего мира. Он обращает

ся к содержанию ответных реплик и психологических особенностей другого человека, вступая с ним в диалог. Диалогическое понимание возникает в точке пересечения ценностно-смысловых позиций субъектов общения. Оно осуществляется в двух направлениях и основано на диалектической взаимосвязи процессов рефлексии и антиципации.

В-третьих, обсуждаемый феномен включает понимание психологии партнера по общению. Понимание субъектом другого — это понимание целей, мыслей, личностных черт партнера, а также социальных нормативов и этических принципов, которые он реализует в конкретной коммуникативной ситуации.

Наконец, в-четвертых, социально-рефлексивный компонент взаимопонимания: представления субъекта о том, что думает, чувствует, переживает партнер по общению и как он понимает его.

В психологии человеческого бытия, одним из главных методологических оснований которой является психология субъекта (второе основание составляют идеи В. Франкла и других ученых [13]), большое внимание уделяется анализу влияния на формирование взаимопонимания субъект-субъектных и субъект-объектных типов взаимодействия между партнерами по общению. Очевидно, что вряд ли следует называть субъектом человека, занимающего в общении монологическую позицию: не слушающего другого, не признающего за ним права на собственное мнение и, в общем-то, совершенно не заинтересованного в принятии и понимании его как равноправного коммуникативного партнера. Психологические эксперименты свидетельствуют о реальном существовании таких людей: показательным примером является монологическое субъект-объектное понимание инструментальной правды. Противоположный, диалогический субъект-субъектный тип понимания высказываний в диалоге демонстрируют испытуемые, понимающие правдивые сообщения как нравственную или рефлексивную правду [12].

Проведенные исследования показали, что стремление хотя бы одного из партнеров обращаться с другим не как с субъектом, а как с объектом, которым можно манипулировать, пагубным образом сказывается на успешности достижения взаимопонимания. Обнаружено, что психологической предпосылкой манипулятивного поведения является высокий уровень выраженности макиавеллизма личности субъекта. Субъекты с высоким уровнем макиавеллизма в общении отличаются коммуникативной негибкостью, ригидностью. Личностными и ценностно-ориентационными основаниями ригидности, препятствующими достижению взаимопонимания, являются «синдром эмоциональной холодности», низкая эмпатичность, преобладание субъективной значимости социально-статусных ценностей над моральными, представление об универсальности манипуляции как эф-

фективного способа общения, убеждение в собственном превосходстве, игнорирование психологических особенностей партнеров [15].

Другой психологической предпосылкой предпочтения субъект-субъектного или субъект-объектного типов взаимодействия в коммуникации являются половые и тендерные различия общающихся людей [14]. Люди отличаются не только по полу, но и по степени выраженности маскулинности и фемининности. Последние непосредственно не связаны с биологической половой принадлежностью. Маскулинность и фемининность определяются ролевыми позициями, которые мужчины и женщины занимают в общении, а также ценностными ориентациями, направленностью на несколько отличающиеся системы ценностей.

Естественно, что в жизни маскулинные признаки чаще проявляются у мужчин, а фемининные у женщин. Зарубежные психологи полагают, что для мужчин в общем и целом характерна ориентация на себя, самоутверждение, саморазвитие, доминирование и контроль над партнерами. Для женщин более типична ориентация на других, включающая самоотверженность, заинтересованность в собеседниках и желание быть с ними. В разных сферах жизни мужчины реагируют на поведение других таким образом, чтобы показать свою компетентность или доминирование, в то время как женщины пытаются поддерживать относительную близость. Западные психологи обычно описывают женщин как ориентированных на зависимость, а мужчин — ориентированных на контроль, доминирование. Соответственно понимание субъектом сообщения зависит от его пола и половой роли. При этом вербальная агрессия, манипуляция и макиавеллизм, присущие маскулинной позиции в общении, оказывают вполне определенное влияние на понимание субъектом сообщений в коммуникации. Сочетание принадлежности к женскому полу и фемининных ценностей предполагает благожелательную и поддерживающую интерпретацию сказанного партнером. Сочетание мужской половой роли с ориентацией на себя и пола источника сообщения предполагает доминирующую и контролирующую интерпретацию [23].

Задачей нашего экспериментального исследования было изучение субъект-субъектных и субъект-объектных типов понимания высказываний в межличностном общении с позиций психологии человеческого бытия. В нем было получено три основных результата.

1. Обнаружено, что если у человека отчетливо выражены маскулинные психологические качества, то, как правило, он/она в коммуникативных ситуациях понимает высказывания собеседников по монологическому субъект-объектному типу. Это значит, что такой человек склонен интерпретировать слова партнера как проявление излишней опеки над собой, стремление командовать, манипулировать, показы-

вать свое превосходство. Иначе говоря, он/она подозревает, что другие люди обращаются с ним/ней не как с равноправной личностью, субъектом познания и общения, а как с «вещью», объектом, не имеющим своего внутреннего мира, который следует принимать во внимание и уважать. При выраженности фемининных признаков у испытуемых, напротив, наблюдается исходная направленность на диалогическое общение. Она включает убеждение человека в том, что, если собеседник что-то говорит, то он обращается к нему как равноправному партнеру, подлинному субъекту общения. Неудивительно, что такие люди понимают высказывания других по субъект-субъектному типу.

2. Подтвердилась гипотеза о связи типов понимания высказываний с особенностями личности испытуемых. В частности, чем выше показатель макиавеллизма, ориентация на Я или на работу, профессиональную деятельность, тем с большей вероятностью можно утверждать, что испытуемые будут понимать высказывания по субъект-объектному типу. И, наоборот: при высокой ориентации на общение в сочетании с низкой оценкой по шкале макиавеллизма, увеличивается вероятность того, что высказывания будут пониматься по субъект-субъектному типу.

3. Преобладание субъект-субъектного или субъект-объектного типов понимания высказывания испытуемым зависит от пола говорящего, т.е. источника сообщения. Когда и испытуемый, и участники диалога являются людьми одного пола, то преобладает субъект-объектное понимание. При чтении и осмыслении диалогов, происходящих в разнополых парах, последние чаще понимаются испытуемыми по субъект-субъектному типу [14].

* * *

Итак, проведенный анализ показал, что категория субъекта, исследованию которой так много усилий и таланта посвятил Андрей Владимирович Брушлинский, действительно занимает особое место в современной психологии и играет в ней системообразующую роль. Благодаря ему, его ученикам и последователям психология субъекта в наше время представляет собой фундаментальную область психологической науки. В ее основании лежат не только убедительные теоретико-методологические доказательства, она имеет и вполне осязаемые эмпирические следствия. Единственное, в чем сегодня ощущается острая научная необходимость, — в творческом развитии психологии субъекта. И надежда на превращение необходимости в реальность есть. Залогом тому служит не только безусловная научная перспективность дальнейшего развития идей психологии субъекта, но и память современных и будущих поколений психологов, в которой надолго сохранится светлый облик Ученого — Андрея Владимировича Брушлинского.

Литература

1. *Абульханова К.А.* Мировоззренческий смысл и научное значение категории субъекта // *Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики.* М.: Институт психологии РАН, 1997. С. 56—74.
2. *Барабанчиков В.А.* Восприятие и событие. СПб.: Алетейя, 2002.
3. *Брунер Дж.* Торжество разнообразия: Пиаже и Выготский // *Вопросы психологии.* 2001. № 4. С. 3-13.
4. *Брушлинский А.В.* Субъект: мышление, учение, воображение. М.-Воронеж: Академия педагогических и социальных наук. 1996.
5. *Брушлинский А.В.* Психологическая наука — основа гуманизации высшего образования // *Развивающаяся психология — основа гуманизации образования.* М.: Российское психологическое общество, 1998. В 2 т. Т. 2. С. 15—17.
6. *Брушлинский А.В.* Психология субъекта: некоторые итоги и перспективы // *Известия Российской академии образования.* М: Магистр, 1999. С. 30—41.
7. *Брушлинский А.В.* Деятельность субъекта как единство теории и практики // *Психологический журнал.* 2000. Т. 21. № 6. С. 5—11.
8. *Брушлинский А.В.* О критериях субъекта и его деятельности // *Психология субъекта профессиональной деятельности.* Москва-Ярославль: ДИА-пресс, 2001. С. 5-23.
9. *Брушлинский А.В.* О критериях субъекта // *Психология индивидуально- и группового субъекта.* М.: ПЕР СЭ, 2002. С. 9-33.
10. *Брушлинский А.В.* Психология субъекта СПб.: Алетейя, 2003.
11. *Венилова Т.* Поэзия важнее, чем крестовые походы... // *Иностранец.* 2002. № 24. С. 28.
12. *Знаков В.В.* Психология понимания правды. СПб.: Алетейя, 1999.
13. *Знаков В.В.* Понимание как проблема психологии человеческого бытия // *Психологический журнал.* 2000. Т. 21. № 2. С. 7-15.
14. *Знаков В.В.* Субъект-объектный и субъект-субъектный типы понимания высказываний в межличностном общении // *Психология индивидуального и группового субъекта /* Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Володиной. М.: ПЕР СЭ, 2002. С. 144-160.
15. *Знаков В.В.* Макиавеллизм, манипулятивное поведение и взаимопонимание в межличностном общении // *Вопросы психологии.* 2002. № 6. С. 45—55.
16. *Лабунская В.А., Менджерцкая Ю.А., Бреус ЕД.* Психология затрудненного общения. М: Академия, 2001.
17. *Пелевин В.О.* Затворник и шестипалый. М.: ВАГРИУС, 2001.
18. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. Смоленск: СГУ, 1997.
19. *Порус В.Н.* Искусство и понимание: сотворение смысла // *Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания.* М.: Политиздат, 1990. С. 256-277.
20. *Росс Л., Нисбетт Р.* Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. М.: Аспект Пресс, 1999.
21. *Сергиенко ЕЛ.* Природа субъекта: онтогенетический аспект // *Проблема субъекта в психологической науке /* Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Володиной, В.Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000. С. 184—203.
22. *Фридман Д., Комбс Д.* Конструирование иных реальностей: Истории и рассказы как терапия. М.: Независимая фирма «Класс», 2001.
23. *Edwards R.* The effects of gender, gender role, and values on the interpretation of messages // *Journal of Language and Social Psychology.* 1998. V. 17. № 1. P. 52-71.
24. *Gergen K.J.* If persons are texts // *Hermeneutics and psychological theory.* L.: New Brunswick; 1988. P. 28-51.
25. *McAdams DP.* The stories we live by: Personal myths and the making of the self. New York and London: The Guilford press. 1996. P. 27-37.
26. *Trzebinski J.* Narrative self, understanding, and action // *The self in European and North American culture: Development and processes.* Dordrecht, Netherlands: Kluwer Academic Publishers. 1995. P. 73—88.

САМОПОНИМАНИЕ СУБЪЕКТА КАК КОГНИТИВНАЯ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Опубликовано: Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 1. С. 18-28.

Одной из самых заметных и общезначимых тенденций современного человекознания является интерес к «человеку экзистенциальному», проблемам человеческого бытия. Отражением этой тенденции стало возникновение оригинального варианта новой методологии понимания человеческого бытия — психологии субъекта.

Теоретическая **цель** статьи заключается в анализе соотношения психологии субъекта и психологии человеческого бытия, а также когнитивных и экзистенциальных традиций изучения одной из фундаментальных проблем названных областей психологической науки — феномена самопонимания.

Сегодня в российской психологии категория субъекта играет системообразующую роль. В ней воплощено всеохватывающее, наиболее широкое понимание человека, обобщенно раскрывающее целостность всех его качеств: природных, индивидуальных, социальных, общественных. Не случайно многие российские психологи в той или иной мере обращались в своих работах к проблематике субъекта. Наиболее существенный вклад в ее развитие внес А.В. Брушлинский, разработавший вместе со своими учениками и соратниками целостный и оригинальный вариант психологии субъекта [1].

Повышенный интерес современных психологов к проблеме субъекта в значительной мере обусловлен эволюцией психологического знания: переходом от классической объяснительной парадигмы к неклассической, а затем и постнеклассической [16]. Психология субъекта стала закономерным воплощением и одним из вершинных проявлений синтеза психологических знаний, полученных на каждом из этапов развития. Эта область психологической науки сформировалась на основе представлений о взаимной дополнительности психических закономерностей отражения действительности и порождения

человеком новой реальности (недостаточность только категории «отражения» для описания психических явлений, «исчерпанность ее эвристического потенциала» сегодня отчетливо осознается и даже, можно сказать, остро экзистенциально переживается методологически мыслящими психологами [11]). Вследствие этого психология субъекта адекватно описывает и законы бытия, описывающие то, что есть, и законы должноствования, предписывающие, как именно должны происходить те или иные события и явления в мире человека.

Психология человеческого бытия представляет собой то направление развития, ту сторону психологии субъекта, которая возникла с появлением постнеклассической парадигмы. Современное постнеклассическое понимание человеческого бытия характеризуется ростом рефлексии ценностных и смысловых аспектов мира человека. Познающий субъект не дистанцирован от изучаемого мира, а находится внутри него, погружен в природную и социальную действительность. Мир оказывается таким, каким его видит субъект, какие методы познания он применяет, какие вопросы ставит. С этой точки зрения объективно истинные описания и объяснения обязательно включают в себя аксиологические факторы: соотнесенность получаемых знаний не только со средствами познавательной деятельности, но с ценностно-целевыми структурами [16]. Психология человеческого бытия дала ученым возможность расширить ценностно-смысловые контексты, в которые включались классические психологические проблемы: смысла жизни, ценностных ориентации, свободы, духовности. В этом проявилось стремление психологов выйти за рамки категории *деятельности* и обратиться к понятию *существования*, от *бытия* перейти к *становлению*, непрерывному развитию психики субъекта. В психологии человеческого бытия одновременно реализуются, дополняя и обогащая друг друга, когнитивная и экзистенциальная исследовательские парадигмы. Существование в современной науке данных парадигм отчетливо проявляется в том, что одни и те же психологические проблемы могут изучаться под разными углами зрения. (Для меня показательным примером оказались собственные исследования понимания, в которых отчетливо наблюдался переход от его анализа с позиций психологии познания [2] к рассмотрению этого феномена в контексте бытийного слоя сознания субъекта [3]).

Когнитивный план изучения психической реальности характеризуется акцентом на познании и поведении человека, стремлении ученых выявить общие закономерности психического развития, их большим интересом к фактам и правилам, чем исключениям. Когнитивно ориентированные исследования в основном имеют отражательно-познавательную направленность на определение того, как субъект отражает и познает окружающую действительность и свой внутренний мир.

Экзистенциальный план анализа психической реальности выявляет прежде всего переживание, в этом случае попытки объяснения психологом предмета исследования направлены главным образом на анализ вариантов *порождения опыта*, имеющего смысл для субъекта. Экзистенциально ориентированные психологи предпочитают специфические детали обобщенным признакам, а индивидуальные, например характерологические, отличия людей — их сходству и подобию. Их исследования направлены не столько на поиск фактов, событий, явлений, сколько на поиски *смысла*, который они имеют для субъекта. Это, конечно, не означает, что в данном случае психологи концентрируются исключительно на интрапсихических проблемах и отказываются от обращения к объектам и людям, окружающим субъекта. Просто главную цель исследования они видят в определении того, как испытуемый структурирует свою идентичность в соответствии с системой конструкторов, отражающих субъективное отношение «Я — мир». Иначе говоря, цель заключается в выявлении ценностно-смысловой позиции субъекта, оказывающей решающее влияние на формирование смысла фактов, событий и т.д.

Когнитивные психологи, анализируя, например мышление субъекта, много *знают* об этом психологическом феномене. Задача ученого, изучающего субъекта с позиций психологии человеческого бытия и учитывающего не только когнитивные, но и экзистенциальные компоненты психики, заключается прежде всего в *постижении*. Работая на экзистенциальном, онтологическом уровне, он стремится постигать механизмы и феноменологию психологии человека. Постигание включает в себя не только безличное знание об объекте, но и ценностно-смысловое понимание, соотношенное с личностным знанием познающего субъекта. Когнитивного психолога, получающего в эксперименте новое знание о психике, прежде всего интересует вопрос: «Истинно ли оно?». Ученого, находящегося на позиции психологии человеческого бытия, больше занимает ответ на другой вопрос: «Какой смысл это знание имеет для субъекта?». Это не значит, что для него не существенна проблема истинности, просто анализ ценностно-смысловой стороны знания является для него приоритетным.

С позиций психологии человеческого бытия взаимосвязь субъекта с миром уходит своими корнями в проблему самопознания и самопонимания. Названную проблему обобщенно можно обозначить как укорененность индивидуального сознания в личностном бытии субъекта. Самопонимание дает человеку возможность обратиться к своим истокам, ответить на вопросы о том, какой он и что с ним происходит. Развитие самопонимания является одним из важнейших условий становления человеческой субъектности, онтогенеза формирования субъекта [15].

С одной стороны, успешное самопонимание способствует возрастанию целостности и гармоничности психологических проявлений человека как субъекта. О самопонимании как интегративной способности к объединению различных сторон психической жизни в целостный, рефлекслируемый субъектом внутренний мир писали многие психологи. В частности, эта способность нередко проявляется во время психотерапевтических сеансов. Один из крупнейших современных психотерапевтов профессор Стэнфордского университета И.Д. Ялом пишет: «Таким образом, один из способов, которым самопонимание способствует позитивным изменениям, заключается в том, что оно побуждает индивидов признавать, интегрировать и давать свободное выражение ранее разобщенным частям личности» [18, с. 751]. Психоанализ также рассматривает самопонимание как психическое образование, дающее субъекту потенциальную возможность личностных изменений в процессе взаимодействия с психоаналитиком. Понимание человеком своих подавленных чувств, желаний ведет к личностной интеграции и противопоставляется механизмам защиты, в первую очередь, рационализации и интеллектуализации [14].

С другой стороны, обращенность на себя, свою сущность неизбежно приводит субъекта к выявлению психологической неоднородности и даже противоречивости последней. Однако неоднородность, противоречивость сущности человеческого Я и, соответственно, самопонимания стали очевидны для психологов только в самое последнее время. Во второй половине XX в. в исследованиях самопонимания явно просматривалась интегративная тенденция. В значительной мере это объясняется тем, что до 1980-х гг. в подавляющем большинстве эмпирических исследований в фокусе внимания исследователей оказывалось содержание Я-концепции, а ее структура игнорировалась. Главная причина заключалась в широком распространении убеждения в том, что сущность человека следует искать в единстве его психологических качеств (К. Роджерс, Г. Оллпорт и др.). Такое убеждение давало психологам возможность изучать целостную Я-концепцию как единое обобщенное представление людей о себе.

Новые, альтернативные структурные модели, отражающие общие тенденции развития психологического знания, основаны на представлении о Я-концепции как скорее многогранной и многомерной, нежели единой. Сегодня психологи все чаще обращаются к анализу не только содержания знания, но и его структуры, организации его компонентов. В течение последних двух десятилетий в психологической науке появилось понятие структурных характеристик самопознания и самопонимания. Возникли и научные направления, в которых исследуются такие характеристики. Например, П.У. Линвилл предложила термины «самосложность» и «самопростота». Она определяет

их, во-первых, как размерность организованного набора знаний о себе, имеющегося у каждого человека, и, во-вторых, как меру пересечения, наложения понятий, описывающих разные стороны Я. Сегодня в этом направлении работают многие психологи. В частности, Е.Т. Хиггинс с коллегами исследовали несоответствие самопонимания с реальностью и должностованием: насколько реальное Я субъекта отличается от Я идеального и Я должного [27].

Следовательно, научные исследования показывают, что самопонимание является одновременно и целостным, интегративным, и неоднородным, многомерным психологическим феноменом. Пытаясь его описать и определить, психологи обычно обращают наиболее пристальное внимание на разные стороны самопонимания — либо когнитивную, познавательную, либо экзистенциальную, бытийную.

При когнитивном взгляде на проблему подчеркивается неразрывная связь самопонимания с самосознанием и рефлексией. Например: «Самопонимание представляет собой процесс постижения смысла своего существования, результатом которого является когнитивное и эмоциональное согласование продуктов самосознания и реальной действительности» [4, с. 7]. На рефлексию как значимый компонент самопонимания указывали многие ученые, в том числе и такие авторитетные, как Х.-Г. Гадамер [25]. В западной психологии дискутируется и вопрос о том, не отражает ли саморефлексия отрицательные личностные качества — склонность к самокопанию, застревание на собственных проблемах, основанное на недоверии к себе? Многие психологи отвечают на него отрицательно: осознание своего внутреннего мира, внимание к своим мыслям и чувствам у нормальных людей способствует адекватной адаптации к социальной действительности [28]. В частности, М.Б. Коннолли с соавторами пишет, что клиенты, характеризующиеся как рефлексивные и стремящиеся к самосовершенствованию, в общении с психотерапевтом обнаруживают более глубокий уровень самопонимания паттернов межличностных отношений [20].

Итак, *когнитивная* составляющая самопонимания представлена прежде всего способностью и склонностью субъекта к рефлексии, сознательному самоанализу. Однако современный психолог не может удовлетвориться изучением только этой составляющей анализируемого феномена, потому что большие и подлинно экзистенциальные решения в жизни человека, как правило, не рефлексивны и тем самым не осознанны. Рефлексия ослепляет понимающего себя субъекта: любой самоанализ пытающийся осознать процесс смыслообразования в его зарождении, источнике обречен на неудачу [17, с. 99]. Главная причина заключается в сознательном характере рефлексивных процессов и принципиальной невозможности интроспекции потребност-

но-мотивационных механизмов смыслообразования, а также анализа взаимодействия вершин самосознания понимающего себя субъекта и глубинных слоев его психики (личностного бессознательного и архетипов коллективного бессознательного).

Экзистенциальная составляющая самопонимания воплощается не столько в научно достоверных знаниях и познавательной деятельности, сколько в смыслах и приобщении к разнообразным ценностям. Например, согласно К. Роджерсу, подлинное знание себя не может быть рациональным: оно спонтанно, эмоционально насыщено и непосредственно переживаемо [12]. В формировании как самопонимания, так и понимания субъектом других людей существенную роль играют нерациональные составляющие психологии человеческого бытия, включающие установки, мнения, убеждения: эмпатия, эмоциональные отношения, невербализованные операциональные смыслы, личностное знание. Особенно отчетливо это осознают представители гуманистического подхода. «В гуманистической психологии самопонимание рассматривается как предпосылка личностного роста и самоактуализации. Однако в отличие от психоаналитического подхода гуманистическая психология подчеркивает эмоциональный, чувственный, эмпатический, а не рациональный характер самопонимания. Самопонимание тесно связано с самопринятием, положительной самооценкой и дает личности возможность более полно проживать свою жизнь, «быть собой» в максимальной степени» [13, с. 132].

Рассмотрение самопонимания с позиции психологии человеческого бытия, в контексте самоактуализации и самореализации человека позволяет определить основные экзистенциальные характеристики анализируемого феномена. Говорить о сформированности самопонимания субъекта можно, во-первых, если он автономен, относится к себе с уважением, способен достаточно полно и искренно выразить себя (вербальными и невербальными средствами). Во-вторых, субъект может понять побудительные мотивы, движущие силы (в том числе бессознательные) поведения и их влияние на свою жизнь. Наконец, в третьих, он не только осознает убеждения, установки, разрушающие гармонию его отношений с самим собой и миром, но и интенционально направлен на выработку конструктивных способов их изменения.

Именно данные о существенной роли рефлексии, самосознания, самоактуализации, бытийных ценностей [10] в формировании самопонимания субъекта были положены в основу эмпирического исследования анализируемого феномена.

Эмпирическая цель статьи — проанализировать структуру самопонимания, выявить его основные компоненты.

В ходе исследования проверялись две гипотезы.

1. Самопонимание субъекта представляет собой сложный психологический феномен, в котором можно выделить две составляющие: когнитивную и экзистенциальную. Когнитивная составляющая самопонимания отражает его познавательную направленность, а экзистенциальная — бытийную, связанную с пониманием субъектом себя в реальных ситуациях человеческого бытия;

2. Психологические особенности самопонимания у испытуемых женского и мужского пола различны: у первых более выражена когнитивная, конкретно-ситуативная направленность, а у вторых — бытийная, экзистенциальная.

МЕТОДИКА

Исследование проводилось в Костроме и Москве и проходило в два этапа. В исследовании, проводимом по разработанной мной программе, принимали участие В.Л. Бруклич и А.А. Милорадова.

Процедура. На первом, предварительном, этапе осуществлялись перевод и русскоязычная адаптация «Методики диагностики самосознания» А. Фенигштейна, М.Ф. Шайера и А.Х. Басса [24, 29]. Она представляет собой опросник, состоящий из 23 вопросов. Каждый ответ оценивается испытуемым в диапазоне от 0, «совершенно не характерно» (для меня), до 4, «очень характерно». Методом факторного анализа авторами были выявлены три шкалы. Шкала личного самосознания отражает саморефлексию субъекта («Я всегда стараюсь понять себя») и осознание внутреннего состояния, внимание к своим мыслям и чувствам («Я сознаю ход моих мыслей, когда решаю какую-нибудь проблему»). Шкала социального самосознания связана с интересом к себе как члену общества, взаимодействующему с другими людьми и проявляющему интерес к их суждениям и оценкам («Мне важно, что люди думают обо мне»). Шкала социальной тревожности выражает ту или иную степень дискомфорта, испытываемого человеком при обращении на него внимания другими («Я чувствую беспокойство, выступая перед группой людей»). Сумма оценок по трем шкалам дает общий показатель самосознания.

На втором этапе выбор методов исследования определялся теоретически обоснованным представлением о том, что самопонимание субъекта тесно связано с такими психическими образованиями, как рефлексия, самосознание, смысложизненные ориентации, потребность в самоактуализации. Вследствие этого испытуемым предлагалось заполнить четыре опросника в следующей последовательности: 1) методика диагностики самосознания [24]; 2) методика смысложизненных ориентации [9]; 3) методика определения уровня рефлексивности [6]; 4) методика оценки уровня самоактуализации [5].

Статистическая обработка данных проводилась с применением факторного анализа по методу главных компонент с варимакс-вращением матрицы, а также использованием критерия согласованности альфа Кронбаха и критериями различий Колмогорова-Смирнова и Манна-Уитни.

Методики рефлексивности и самосознания были направлены на выявление преимущественно когнитивных составляющих самопонимания субъекта, а опросники смысложизненных ориентации и самоактуализации — экзистенциальных.

Теоретическим основанием построения методики измерения уровня рефлексивности — опросника Карпова-Пономаревой — стало представление о том, что «рефлексия является такой *синтетической психической реальностью*, которая может выступать (и реально выступает) и как психический процесс, и как психическое свойство, и как психическое состояние *одновременно*, но не сводится ни к одному из них» [6, с. 47]. Важнейшая функция рефлексивности состоит в структурировании осознаваемых субъектом своих психических свойств, их произвольном контроле и коррекции. «В этом проявляется генеративно-порождающий потенциал рефлексивности; она раскрывается как такое качество субъекта, суть которого состоит в его способности к экспликации, выявлению, «распознаванию», а — в известной мере — и в формировании других свойств и качеств, к их осознанию и репрезентации как своих и образующих его «самость», то есть субъектность как таковую» [6, с. 55]. Между тем в разработанной методике «рефлексия и при познании собственного внутреннего мира, и при познании внешнего мира (в том числе, и субъективного — «мира других субъектов») трактуется как единая психологическая реальность — *как рефлексивное действие*» [7, с. 255]. Рефлексия соотносится с функцией только отражательного-познавательного, когнитивного анализа ретроспективной, настоящей и будущей *деятельности*, а также взаимодействия испытуемого с другими людьми.

Такой же когнитивистской направленностью характеризуется и методика самосознания. Ее результаты дают представление отнюдь не об ответах субъекта на кардинальные вопросы бытия («кто я?», «какой Я?», «почему я такой?» и т.д.), не о бескорыстной любознательности, обращенной на себя, свою психологическую уникальность, неповторимость. Пункты опросника связаны с конкретно-ситуативным отражением испытуемым собственных психологических качеств, поведения в социуме и возможных реакций других людей на него («Я постоянно анализирую мотивы своих поступков»; «Для меня значимо то, какое впечатление я произвожу на других»). Как показали исследования западных психологов, самоотчеты людей с высокими самооценками са-

мосознания по сравнению с испытуемыми с низкими имеют больше отношения к их актуальному поведению, они отличаются логичностью и согласованностью во времени. Такие люди обладают лучшими навыками *познания* себя, обнаруживают больше несоответствий между своими личностными характеристиками и обобщенными высказываниями о них, получаемыми в виде обратной связи от окружающих [23].

В противоположность первым двум опросники смысложизненных ориентации и самоактуализации предназначены не для того, чтобы выявлять возможности человека отражать, познавать конкретные социальные ситуации и свое поведение в них. Они построены таким образом, чтобы определять, как субъект решает экзистенциальные проблемы («Я стремлюсь к достижению внутренней гармонии») и отвечает на фундаментальные вопросы бытия («Если бы мне пришлось подводить сегодня итог моей жизни, то я бы сказал, что она была вполне осмысленной»). Именно поэтому указанные методики использовались для получения представления об экзистенциальных, бытийных компонентах самопонимания людей, принимавших участие в исследовании.

Испытуемые. На первом этапе в исследовании принимали участие 200 испытуемых в возрасте от 18 до 50 лет. Среди них было 120 женщин (средний возраст $M=23,45$ года, стандартное отклонение $SD=5,23$) и 80 мужчин ($M=22,45$ года, $SD=6,35$). Кроме того, проверка ретестовой надежности опросника проводилась на 68 студентах в возрасте от 18 до 20 лет.

На втором этапе испытуемыми были 430 человек — студенты, аспиранты, преподаватели гуманитарных и технических вузов, инженеры, работники узла связи и др.). Возраст — от 17 до 58 лет (215 женщин $M=27,04$ лет, $SD=11,42$; 215 мужчин - $M=24,67$, $SD=9,86$).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

На первом этапе сначала было проведено нескольких серий пилотажных экспериментов. Затем 200 испытуемых заполняли окончательный вариант методики диагностики самосознания. Результаты приведены в табл. 1.

Таблица 1. Средние и стандартные отклонения шкальных показателей

Шкалы опросника	Среднее значение	Стандартное отклонение
Личное самосознание	24,26	5,74
Социальное самосознание	20,85	4,07
Социальная тревожность	11,54	4,70
Общий показатель	56,64	10,16

Полученные результаты почти не отличаются от шкальных оценок, приведенных американскими психологами [24, с. 525].

Надежность-согласованность опросника. Следующим шагом было вычисление коэффициента α Кронбаха. Его значение для общего показателя $\alpha=0,756$ (средняя величина коэффициента интеркорреляции между 23 вопросами $r=0,12$); для шкалы личного самосознания $\alpha=0,70$; для шкалы социального самосознания $\alpha=0,66$; для шкалы социальной тревожности $\alpha=0,64$. В исследованиях, проводившихся западными психологами, коэффициенты Кронбаха варьировали от 0,63 до 0,75 для шкалы личного самосознания; от 0,76 до 0,84 для шкалы социального самосознания; от 0,68 до 0,79 для шкалы социальной тревожности [28].

Кроме того, одномоментная надежность вычислялась методом расщепления пунктов опросника на первую и вторую половину. В этом случае надежность-согласованность двух половин опросника по формуле Спирмена-Брауна также оказалась довольно высокой $\alpha=0,76$.

Ретестовая надежность вычислялась по данным 68 студентов, дважды заполнявших опросник с интервалом в три недели. Коэффициент корреляции Спирмена для общего показателя $r=0,82$; для шкалы личного самосознания $r=0,59$; для шкалы социального самосознания $r=0,70$; для шкалы социальной тревожности $r=0,80$. Аналогичные коэффициенты у авторов опросника имеют следующие значения: 0,80; 0,79; 0,84; 0,73 [24, с. 524–525].

На основании приведенных выше данных было сделано заключение о психометрической корректности русскоязычной версии методики диагностики самосознания.

На *втором* этапе исследования проверка гипотезы о структурных компонентах самопонимания осуществлялась двумя способами: методом факторного анализа и путем сравнения результатов контрастных групп испытуемых.

Факторный анализ проводился по интегральным показателям первых трех методик, а также показателю самопонимания и трех связанных с ним шкал из методики оценки уровня самоактуализации. Психологический конструкт самоактуализации — сложное психическое образование, которое не было предметом анализа в статье. По этой причине вместо интегрального показателя самоактуализации я использовал шкалу «Самопонимание» и наиболее содержательно и статистически связанные с ней шкалы: «Автономность» ($r=0,39$), «Спонтанность» ($r=0,39$) и «Аутосимпатия» ($r=0,43$). Основанием для выбора стали не только конкретные результаты моего исследования, но и более общие соображения, высказанные автором русскоязычного варианта адаптации методики оценки уровня самоактуализации: «Показатели по шкалам самопонимания, спонтанности и аутосимпатии, как правило, связаны между собой» [5, с. 299].

Результаты факторного анализа смешанной группы 430 испытуемых приведены в табл. 2.

Таблица 2. Факторные нагрузки на шкалы опросников

Шкалы опросников	Фактор 1	Фактор 2
Интегральная оценка самосознания		0,59
Интегральная оценка по СЖО	0,75	
Интегральная оценка рефлексивности		0,67
Автономность	0,50	-0,60
Спонтанность	0,53	-0,52
Самопонимание	0,72	
Аутосимпатия	0,59	
Собственные значения факторов	1,97	1,87
Процент объясняемой дисперсии	28%	27%

После варимакс вращения матрица факторных нагрузок на шкалы оказывается очень структурированной, с отчетливо выраженными и легко психологически интерпретируемыми двумя факторами (см. табл. 2). Практически неизменная двухфакторная структура матрицы сохраняется и в случаях анализа результатов отдельно 215 испытуемых женского пола и 215 мужского. Основываясь на содержательной специфике входящих в факторы шкал, условно их можно обозначить как «когнитивно-познавательные компоненты самопонимания» и «экзистенциально-бытийные компоненты самопонимания».

При анализе матрицы в качестве порогового критерия был использован факторный вес 0.50. В соответствии с этим критерием в первом факторе объединяются интегральный показатель опросника смысловых ориентации и четыре шкалы методики оценки уровня самоактуализации.

Фактор 1 включает оценки по таким чертам личности, которые способствуют глубокому и полному пониманию испытуемым себя как субъекта, живущего в мире, открытого ему и ясно осознающему границы, отделяющие его Я от других и вместе с тем объединяющие его не только с окружающими людьми, но и с человечеством в целом. Его *ценностные ориентации* выражают наличие в жизни целей, которые придают ей осмысленность, направленность и временную перспективу. Жизнь человека интересна, эмоционально насыщена, поддается контролю, основана на свободе принятия решений и их реализации. *Автономность* является одним из важнейших критериев психического здоровья, целостности и полноты личности. Автономный субъект независим и свободен, однако не одинок и отчужден от

других. *Спонтанность* — качество, вытекающее из уверенности в себе и доверия к окружающему миру. Оно соотносится с такими ценностями, как свобода, естественность, «легкость бытия» [8]. *Самопонимание* неразрывно связано со свободой от психологической защиты, отделяющей личность от собственной сущности, уверенностью, основанной на знании себя, поведенческими проявлениями «ориентации изнутри». Наконец, *аутосимпатия* основана не на отсутствии самокритики, а на хорошо осознаваемой позитивной Я-концепции, которая служит субъекту источником устойчивой адекватной самооценки.

В целом можно сказать, что в факторе 1 представлены те компоненты самопонимания, которые характеризуют испытуемого как экзистенциального субъекта и являются предметом научного анализа в психологии человеческого бытия.

В фактор 2 с положительным знаком вошли показатели самосознания и рефлексивности, а с отрицательным — автономности и спонтанности. На положительном полюсе фактора задано отношение к самому себе как «человеку рассуждающему». В основе этого отношения лежит убеждение в правильности парадигматического способа понимания мира и себя в мире [19]. Используя такой способ для понимания своего опыта, испытуемые ориентируются на логичность рассуждений и ищут причинно-следственные связи, чтобы узнать порядок происходящих событий и иметь возможность контролировать реальность. При этом самосознание и рефлексивность субъекта реализуются в его способности к самоанализу содержания собственной психики, а также осознанному и осмысленному восприятию психологических особенностей других людей.

На противоположном полюсе фактора представлены семантические антиподы автономности и спонтанности как компонентов структуры самопонимания субъекта. Зависимость от окружающих и вместе с тем отчуждение от них, ощущение личной несвободы, недоверие к миру, неспособность к спонтанному поведению, чувство фрустрации культурными нормами. В итоге — не только неудовлетворенность собственными возможностями, но и ясное осознание невозможности адекватно понять себя.

В целом можно сказать, что в факторе 2 представлены личностные черты, которые и способствуют, и препятствуют отражению и познанию субъектом психологического своеобразия своего внутреннего мира, причин поступков, отношений с другими людьми. Иначе говоря, в факторе представлены когнитивно-познавательные компоненты самопонимания.

Таким образом, факторный анализ ответов испытуемых на вопросы четырех опросников выявил два хорошо интерпретируемых фактора, включающих соответственно пять и четыре шкалы. Результаты,

полученные при факторизации, позволяют сделать предварительный вывод о подтверждении первой гипотезы: самопонимание не является внутренне однородной структурой, а состоит, по крайней мере, из двух основных компонентов.

Результаты факторного анализа были подтверждены методом сравнения данных контрастных групп испытуемых. Задача сравнительного анализа заключалась в том, чтобы определить, какими чертами личности обладают испытуемые с высокими показателями когнитивно-познавательных компонентов самопонимания и какими — с отчетливо выраженными экзистенциально-бытийными компонентами. Для решения задачи сначала сравнивались данные участников исследования с низкими и высокими оценками по интегральной оценке рефлексивности, а затем по шкале самопонимания.

Нижний квартиль распределения рефлексивности включал оценки в диапазоне от 48 до 112, а верхний от 128 до 150. Оценки 119 испытуемых попали в нижний квартиль ($M=103,6$), а 111 в верхний ($M=134,8$). У «нижних» соответственно более низкие, чем у «верхних», показатели интегральных оценок самосознания ($M=52,9$ и $M=61,0$; $p < 0,001$). Интегральные оценки по опроснику смысловых ориентаций у двух групп испытуемых значимо не различались. Зато различия по шкалам опросника самоактуализации оказались отчетливо выраженными, у испытуемых с низкой рефлексивностью они явно выше. «Автономность»: $M=8,2$ и $M=5,9$; $p < 0,001$. «Спонтанность»: $M=7,2$ и $M=5,5$; $p < 0,001$. «Самопонимание»: $M=8,0$ и $M=6,8$; $p < 0,05$. «Аутосимпатия»: $M=8,3$ и $M=6,0$; $p < 0,001$.

Противоположная картина наблюдается при сравнении данных испытуемых с низкими и высокими оценками по шкале самопонимания. Нижний квартиль распределения по этой шкале включал оценки в диапазоне от 1,5 до 4,5, а верхний от 10,5 до 13,5. Оценки 102 испытуемых попали в нижний квартиль ($M=3,9$), а 76 в верхний ($M=11,2$). У «нижних», с одной стороны, оказались значимо более высокими, чем у «верхних», показатели интегральных оценок самосознания ($M=59,3$ и $M=56,6$; $p < 0,04$) и рефлексивности ($M=121,8$ и $M=114,9$; $p < 0,01$). С другой стороны, у них, наоборот, ниже интегральная оценка по опроснику смысловых ориентаций ($M=98,0$ и $M=109,9$; $p < 0,01$). Соответственно ниже и оценки по шкалам «Автономность» ($M=5,8$ и $M=8,5$; $p < 0,001$), «Спонтанность» ($M=4,9$ и $M=7,9$; $p < 0,001$), и «Аутосимпатия» ($M=5,5$ и $M=8,9$; $p < 0,001$).

Таким образом, приведенные результаты свидетельствуют о четко выраженной закономерности. Она заключается в том, что чем более в структуре самопонимания субъекта выражены экзистенциально-бытийные компоненты, тем меньшие оценки он получает по шка-

лам, соответствующим когнитивно-познавательным составляющим обсуждаемого психологического феномена, и наоборот. Вместе с тем они подтверждают первую гипотезу о двухкомпонентной структуре самопонимания.

Проверка второй гипотезы о половых различиях в структуре самопонимания осуществлялась путем сравнения данных испытуемых женского и мужского пола. В исследовании принимали участие 124 девушки и 138 юношей в возрасте от 17 до 22 лет, 91 женщина и 77 мужчин в возрасте от 23 до 58 лет. У девушек и женщин действительно оказались более высокие, чем у юношей и мужчин, оценки по показателям самосознания ($M=60,0$ и $M=53,7$; $p < 0,001$) и рефлексивности ($M=121,0$ и $M=117,5$; $p < 0,01$). Вместе с тем нет значимых различий по показателю смысловых ориентаций (хотя средняя у испытуемых женского пола ниже: $M=102,3$ и $M=105,7$), спонтанности и аутосимпатии. Однако есть разница в оценках по шкалам «Автономность» ($M=6,5$ и $M=7,2$; $p < 0,05$) и «Самопонимание» ($M=7,0$ и $M=7,5$; $p < 0,05$). Следовательно, гипотеза о том, что у испытуемых женского пола более выражена когнитивная, конкретно-ситуативная направленность самопонимания, а мужского — бытийная, экзистенциальная, тоже в целом подтверждается.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Выявленные в эмпирическом исследовании данные о половых различиях в самопонимании соответствуют результатам западных психологов. У женщин понимание себя направлено преимущественно на формирование неразрывной внутренней связи с другими людьми, у них самопонимание оказывается когнитивным базисом осмысления своего социального статуса, роли и положения в обществе. Мужчине самопонимание обеспечивает осознание его отличия от других членов общества. При описании себя женщины часто употребляют социальные категории, относящиеся к группам, к которым они принадлежат. Мужчины чаще используют признаки, индивидуализирующие их, показывающие их самобытность и уникальность, не привязанную к ситуативным обстоятельствам жизни [26]. Одной из наиболее известных в области исследований самопонимания является модель психического развития У. Деймонда и Д. Харта, в которой различается четыре аспекта Я: материальное, деятельное, социальное и психологическое [22]. Эксперименты показывают, что половые различия в самопонимании проявляются еще в детском возрасте: мальчики чаще описывают себя в деятельностных категориях, а у девочек больше упоминаний о своем материальном Я [26].

Когнитивные компоненты обсуждаемого феномена, проявляющиеся в ответах испытуемых на вопросы опросников самосознания и рефлексивности, начинают формироваться в подростковом возрасте. Возникновение самопонимания начинается с осознания собственного Я как активной рефлексивной инстанции, контролирующей внутренний опыт. При этом у подростка постепенно появляется представление о том, что возможности контроля не безграничны, а скорее ограничены. Немного позже возникает представление о двух уровнях внутреннего опыта, сознательном и бессознательном, каждый из которых способен влиять на мысли и действия. Подросток формирует целостное представление о себе, в то же время признавая ограничения саморефлексии и сознательного контроля.

Возрастное развитие самопонимания идет по пути формирования единого объяснительного принципа, объединяющего разрозненные личностные черты в согласованную систему. До его появления младший подросток может сказать: «Я общителен в кругу друзей, но в семье довольно замкнут. Во мне как будто два человека, сам не знаю почему». В старшем подростковом возрасте объединяющий принцип уже сформирован: «В кругу друзей я общителен, потому что меня считают интересным собеседником. В семье же ко мне относятся не серьезно». Искомым организующим принципом в этом случае является стремление почувствовать свою значимость в процессе коммуникации. Когда в старшем подростковом возрасте представление о собственной индивидуальности объединяется с усвоенными социальными нормами и выработанными убеждениями, самопонимание подростка становится по-настоящему сложным и системным [22].

У взрослых когнитивные компоненты самопонимания реализуются в рефлексии своих адаптивных или, наоборот, неадаптивных схем, паттернов межличностных отношений и стратегий поведения. Совершенствование самопонимания рассматривается психологами как развитие способности субъекта взглянуть на свои проблемы по-новому: изменить способы внутренней работы со схемами и связанными с ними когнитивными убеждениями [20].

Иные грани самопонимания раскрываются при анализе ответов испытуемых на вопросы опросников смысложизненных ориентации и самоактуализации. Фактически этот план изучения дает возможность ученым рассмотреть феномен самопонимания в контексте психологии человеческого бытия. В отличие от когнитивной плоскости анализа проблемы, в этом ракурсе первостепенное значение приобретает уже не вопрос о том, каким образом может быть понято бытие, а то, в какой степени понимание есть проявление бытия, является его существенным отличительным признаком [25].

В бытийном плане смысложизненные ориентации каждого человека имеют для него не только конкретное адаптационное значение, но и более глубокий экзистенциальный смысл. Благодаря ретроспективной и антиципирующей направленности интереса к своему внутреннему миру субъекту становятся возможны «понимание себя в мире», «экзистенциальные размышления о себе». Они направлены на поиск смысла своего существования, своих поступков и мысленный выход за пределы не только конкретной коммуникативной ситуации, но и за пределы своей жизни, включение ее в какую-то иную систему координат, в которой жизнь наделяется смыслом. Именно поэтому при изучении самопонимания так важно учитывать «самоактуализационный потенциал» субъекта, его стремление к достижению личностного совершенства, пределов своих возможностей, а также ориентацию не только на «дефицитарные», но и «бытийные» ценности [10].

В этом контексте вполне естественно, что с позиций психологии человеческого бытия понимание нужно человеку для того, чтобы понять себя, определить, что он есть, какое место занимает в мире. Понимая мир, человек должен понять себя не как объект, а осознать изнутри, с позиции смысла своего существования. Обращаясь внутрь себя, своего Я, ментального опыта, человек является экзистенциальным субъектом самопонимания только до тех пор, пока он искренен и правдив. Вольно или невольно преступая границы правдивости, мы тем самым отчуждаем свою подлинную сущность, начинаем рассматривать себя как бы со стороны. В этом случае мы перестаем быть субъектом, превращаясь в объект сотворенной легенды, т.е. такого удобного себе и окружающим образа Я, который становится уже скорее мифом, чем реальностью.

Исследования высших уровней самопонимания взрослых людей свидетельствуют о том, что они достигаются тогда, когда субъект понимает ограниченность когнитивных, рациональных способов объяснения стабильности своего внутреннего мира и начинает осознавать динамику изменяющихся, временных ценностно-смысловых образований внутренней реальности [21].

Для описания экзистенциальной сущности самопонимания важно учитывать такие выявляемые с помощью опросника самоактуализации личностные черты, как аутосимпатия и автономность. Дело в том, что феноменология самопонимания во взрослом возрасте отражает как изменения самооценочной составляющей Я, так и последовательный переход от автономных к поставтономным стадиям понимания себя.

На автономном уровне самопонимания человек думает о себе как об отдельной личности с уникальной миссией. Он оценивает, координирует и интерпретирует свой опыт и при этом у него формируется

стабильное, устойчивое самоощущение. На следующем, поставтономном, уровне развивается более критическая позиция по отношению к этим «автоматическим» процессам. На высшей поставтономной стадии самопонимания взрослые уже по определению автономны и знают о возможности самообмана и защитных маневров, они не нуждаются в рациональном упрощении мира и себя в нем.

Субъекты, достигшие поставтономного уровня самопонимания, пытаются наиболее объективно представить реальность во всем ее многообразии и сложности. На одни и те же вопросы они дают более разнообразные ответы, чем люди, находящиеся на автономном уровне. Многие из этих сложных ответов более непосредственны, спонтанны и менее подчинены здравому смыслу, чем у «автономных» субъектов. На поставтономном уровне самопонимания мысли и чувства чаще раскрываются именно так, как они фактически появляются. Конфликты и противоречия выражаются непосредственно. Вместе с тем на поставтономной стадии рациональные мысли и рефлексия перестают восприниматься как данность и становятся объектами сомнения и исследования. У субъекта появляется понимание непрерывности процесса реструктурирования взгляда на мир. Такие люди хотят освободиться от рабства рациональной мысли и быть свободными от ограничивающих самоопределений. Они стремятся увидеть жизнь заново, без предвзятых идей и сформированных в течение жизни мыслительных навыков. И это при том, что они отчетливо понимают, насколько трудно выйти за пределы автоматизированного рационального поведения.

В этом новом переживании собственного Я становится возможным понять ограничения самоидентификации посредством ее категоричного и конкретного определения. Субъект переживает свое Я в его постоянной трансформации и сознательно отказывается от объективной идентификации. Он понимает, что стремление к постоянству индивидуальности — невозможная и ненужная мечта вследствие переживания непрерывного потока изменения состояний сознания [21].

Следовательно, самопонимание как категория психологии человеческого бытия отражает понимание субъектом ограниченности когнитивных, рациональных способов объяснения стабильности своего внутреннего мира, осознание динамики изменяющихся, временных ценностно-смысловых образований Я. В формировании таких образований существенную роль играет плохо поддающаяся рефлексии структура личностного знания человека, включающая наряду с достоверным знанием и совсем неосознаваемые компоненты. Иначе говоря, экзистенциальное самопонимание закономерно включает моменты «потери себя» [25]. Это согласуется с точкой зрения А.В. Брушлинского. Развивая психологию субъекта, основными признаками субъ-

ектности мышления он считал отказ от оперирования жесткими, заранее заданными дихотомическими альтернативами. Он полагал, что только при этом условии осуществим глубокий анализ альтернативных возможностей и соответственно выделение новых неявных качеств исследуемой реальности (к ним относится и превращение неосознаваемых качеств психического в осознаваемые) [1].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, самопонимание является такой разновидностью понимания, на которую в полной мере распространяются основные характеристики последнего. Самопонимание, как и вообще понимание, направлено преимущественно не на поиск новых знаний, а на осмысление, порождение смысла того, что человек узнал о себе во время самопознания.

С когнитивной точки зрения успешное самопонимание можно определить как осмысленный результат наблюдения и объяснения человеком своих мыслей и чувств, мотивов поведения; умение обнаруживать смысл поступков; способность отвечать на причинные вопросы о своем характере, мировоззрении, отношении к себе и другим людям, а также о том, как они понимают его.

Вместе с тем самопонимание отнесено и к более широкому бытийному плану сознания субъекта. В этом контексте понять себя — значит выйти за свои пределы и узнать правду о себе. Не общезначимую истину, связанную с получением новых достоверных знаний, а смыслопорождающую личностную правду. Индивидуальная правда основана на таком соотношении знаний с принимаемыми субъектом ценностями, которые согласуются с его представлениями о должном. Самопониманию как ответу на причинные вопросы соответствует понятие «правды о себе». Иначе говоря, не соответствие знания так называемой объективной реальности, а его соотношение с внутренними критериями развития личности, представлениями о своем идеальном Я, т.е. в конечном счете представлениями о должном.

Однако объективно должное — не значит субъективно приятное. Осознание и понимание человеком нелицеприятной правды о себе может повысить тревожность, вызывать переживания. Тем не менее, такая правда, обладает одновременно и освобождающим свойством, избавляющим его от неприятных мыслей, переживаний, дающим чувство облегчения. Когнитивное значение открытия правды о себе состоит в том, что ее появление отражает изменение ментальной репрезентации внутреннего мира, осознание субъектом когнитивных способов устранения своих недостатков и решения личностных проблем. И хотя сначала способы, как правило, понимаются не отчетливо, ин-

туитивно, все равно понимание правды придает силы для личностного изменения и роста.

Правда о себе изменяет и бытийный план сознания субъекта. Даже если человек потрясен, внутренне содрогается от правды, то ее осознание и понимание способствует мобилизации усилий, направленных на изменение себя в лучшую сторону. Если экзистенциальный опыт человека таков, что он обладает достаточным мужеством, чтобы открыть неприятную правду о себе, то можно не сомневаться в его решимости быть мужественным до конца, чтобы изменить себя и свои отношения с окружающими.

Формирование самопонимания происходит посредством взаимодействия и изменения когнитивных репрезентаций себя в мире и экзистенциального опыта субъекта, приобретаемого им в разнообразных ситуациях человеческого бытия. Естественно поэтому, что именно сочетание когнитивных и экзистенциальных способов анализа представляется мне наиболее перспективным и современным путем психологического исследования проблемы самопонимания.

Литература

1. *Бушлинский А.В.* Психология субъекта СПб.: Алетейя, 2003.
2. *Знаков В.В.* Понимание в познании и общении. М.: Институт психологии РАН, 1994.
3. *Знаков В.В.* Понимание как проблема психологии человеческого бытия // Психологический журнал 2000. № 2. С. 7—15.
4. *Кайгородов Б.В.* Психологические основы развития самопонимания в юношеском возрасте: Автореф. дис...докт. психол. наук. М., 1999.
5. *Калина Н.Ф.* Тест по оценке уровня самоактуализации личности // *Маслоу А.* Психология бытия. М.:Рефл-бук; К: Ваклер, 1997. С. 281—300.
6. *Карпов А.В.* Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал 2003. № 5. С. 45—57.
7. *Карпов А.В., Пономарева В.В.* Психология рефлексивных процессов управления. Москва-Ярославль: ДИА-пресс, 2000.
8. *Кундера М.* Невыносимая легкость бытия // Иностранная литература. 1992. № 5. С. 51—52.
9. *Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентации (СЖО). М.: Смысл, 2000.
10. *Маслоу А.* По направлению к психологии бытия. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
11. *Петренко В.Ф.* Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психологический журнал 2002. № 3. С. 113—121.
12. *Роджерс К.Р.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994.
13. *Романова И.Л.* Самопонимание личности // Индивидуальный и групповой субъекты в изменяющемся обществе (к 110-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна). М.: Институт психологии РАН, 1999. С. 131—132.
14. *Романова И.Л.* Основные направления исследования самопонимания в зарубежной психологии // Психологический журнал 2001. № 1. С. 102—112.

15. *Сергиенко Е.Л.* Ранние этапы развития субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Бушлинского, М.И. Воловиковой. М.: ПЕР СЭ, 2002. С. 270—309.
16. *Степин В.С.* Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
17. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
18. *Ялом И.* Самопонимание // Психотерапевтические истории. М.: ЭКСМО, 2002. С. 750—755.
19. *Bruner J.* Two Modes of Thought // Actual Minds, Possible Worlds. London: Harvard University Press, 1986. P. 11—43.
20. *Connolly M.B., Crits-Christoph P., Shelton R.C., Hollon S., Kurtz J., Barber J.P., Butle S.F., Baker S., Thome M.E.* The Reliability and Validity of a Measure of Self-Understanding of Interpersonal Patterns // Journal of Counseling Psychology. 1999. V. 46. № 4. P. 472—482.
21. *Cook-Greuter S.R.* Rare Forms of Self-Understanding in Mature Adults // Transcendence and Mature Thought in Adulthood. The Further Reaches of Adult Development / Ed. by M.E. Miller, S.R. Cook-Greuter. London: Rowman and Littlefield Publishers, Inc. 1994. P. 119—143.
22. *Damon W., Hart D.* The Development of Self-Understanding from Infancy through Adolescence // Child Development. 1982. V. 53. № 4. P. 841—864.
23. *Davies M.F.* Private Self-Consciousness and the Acceptance of Personality Feedback: Confirmatory Processing in the Evaluation of General vs Specific Self-Information // Journal of Research in Personality. 1997. V. 31. № 1. P. 78—92.
24. *Fenigstein A., Scheier M.F., Buss A.H.* Public and Private Self-Consciousness: Assessment and Theory // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1975. V. 43. № 4. P. 522—527.
25. *Gadamer H.-G.* On the Problem of Self-Understanding // Philosophical Hermeneutics / Translated and edited by D.E. Linge. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1977. P. 44—58.
26. *Heuvel H., Tellegen G., Koomen W.* Cultural Differences in the Use of Psychological and Social Characteristics in Children's Self-Understanding // European Journal of Social Psychology. 1992. V. 22. № 4. P. 353—362.
27. *Rafaeli-Mor E., Gotlib I.H., Revelle W.* The Meaning and Measurement of Self-Complexity // Personality and Individual Differences. 1999. № 27. P. 341—356.
28. *Scandell D.J.* Is Self-Reflectiveness an Unhealthy Aspect of Private Self-Consciousness? // The Journal of Psychology. 2001. V. 135. Issue 4. P. 451—461.
29. *Watson P.J., Morris R.J., Ramsey A., Hickman S.J.E., Waddell M.G.* Further Contrasts between Self-Reflectiveness and Internal State Awareness Factors of Private Self-Consciousness // The Journal of Psychology. 1996. V. 130. № 2. P. 183—194.

ПОНИМАНИЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ВЫБОРА: ЖИЗНЬ В СТРАДАНИЯХ ИЛИ ЭВТАНАЗИЯ

Опубликовано: Вопросы психологии. 2005. № 6. С. 3—12.

Психологи обычно употребляют термин «экзистенция» (существование) тогда, когда стремятся исследовать человека не как совокупность устойчивых личностных черт и моделей, а как динамические процессы его формирования и развития в качестве *существующего*; существующего — значит, человека, обладающего активной субъектной сущностью. Такой человек ежедневно делает жизненно важные экзистенциальные выборы (поступать в институт или пойти работать, разрывать ли отношения с другом, совершившим неблагоприятный поступок, и т.п.) и принимает на себя ответственность за них, основанную на его представлениях о должном. С позиции психологии человеческого бытия (у ее истоков стояли, в частности, В. Франкл и С.Л. Рубинштейн) осознание необходимости придерживаться в своем поведении морально, социально и юридически должного, т.е. определенных норм, является необходимым психологическим условием становления субъекта [10]. Морально-нравственный императив, который регулирует поступки субъекта, его представления о подлинно человеческом отношении к себе и другим непосредственно влияет на ежедневно принимаемые им решения, экзистенциальные выборы.

Экзистенциальный выбор основан на осознанном моральном должествовании, вместе с тем он требует от субъекта и плохо поддающейся осознанию и вербализации актуализации глубинных ценностно-смысловых образований его личности. Такой акт нельзя представить как рассудочный перебор вариантов, потому что «подлинная ситуация выбора, в которой сошлись несколько жизненно существенных альтернатив, принципиально неподвластна рассудочному вычислению и вообще принципиально неразрешима в той самой горизонтальной плоскости жизни, где она возникла и проявилась. Для осуществления выбора необходим переход сознания в другое измерение, в другую —

вертикальную — плоскость. В чем отличие «вертикальных» ценностных движений сознания от «горизонтальных»? Прежде всего в том, что своими основными результатами горизонтальная работа сознания обязана режиму активного сознания, а вертикальная — режиму функционирования сознания, называемому переживанием» [3, с. 303].

Экзистенциальный выбор приобретает особую значимость, когда субъект вынужден действовать и понимать ситуации, имеющие фундаментальное значение для каждого человека, например, размышлять о жизни и смерти. Понимание неизбежности собственной смерти — одна из главных экзистенциальных проблем человеческого бытия. В теории управления страхом смерти [16] утверждается, что подчинение культурным стандартам и ценностям предохраняет субъекта от чувства тревоги, возникающего вследствие понимания собственной уязвимости и смертности. Принятие общечеловеческих ценностей позволяет ему почувствовать себя необходимым, хотя и небольшим, но, безусловно, ценным участком огромной Вселенной. Сторонники теории полагают, что стремление к самоуважению, а также вера в «культурный мировой взгляд» (достигаемая путем осознания себя частью цивилизации, оправдания смысла своего существования посредством соблюдения общечеловеческих норм и ценностей) — это два важных средства, которые помогают субъекту справиться с тревогой, связанной с мыслями о будущей смерти.

Согласно теории управления страхом понимание неизбежной конечности индивидуального бытия «запускает» в действие двойной механизм защиты от мыслей, связанных со смертью, — периферическую (отдаленную) защиту и проксимальную (ближайшую). Та или иная тактика защиты используется в зависимости от того, осознается или нет понимание неизбежности смерти. Так, с *осознаваемым* пониманием человек справляется с помощью рациональных защитных механизмов; он старается отвлечься от мыслей, связанных со смертью, использует познавательные искажения, отодвигает размышления о смерти в отдаленное будущее, отрицает свою уязвимость в том, что может угрожать жизни. А поиски самоуважения и вера в «мировой культурный взгляд», напротив, необходимы для защиты от *неосознаваемого* понимания неизбежности смерти. Теория двойного процесса защиты от тревоги, связанной со смертью, утверждает, что проксимальная защита активизируется тогда, когда мы думаем о своей смерти, когда такие мысли отчетливо осознаваемы. Однако как только эти размышления прекращаются, а мысли отодвигаются на задний план сознания, проксимальная защита больше не нужна. Главную роль начинает играть периферическая защита, препятствующая актуализации неосознаваемого знания о неизбежности смерти [15].

С позиций психологии человеческого бытия [10] жизнь и смерть взаимосвязаны: раздумья о смерти могут как обогащать жизнь человека, изменять мировосприятие, обострять интерес к жизни, так и приводить к унынию и упадку духа. Как отмечает А.А. Баканова, «столкновение со смертью как критическая ситуация является по своей сути амбивалентной: с одной стороны, она может оказать разрушительное действие на личность (выразиться в усилившемся страхе смерти), а с другой — придать жизни смысл, сделать ее более полной и содержательной» [1, с. 10]. Например, осознание реальной возможности своей смерти может способствовать осознанию того, что жизнь только для себя бесполезна и бессмысленна, а настоящий смысл жизни — в открытости человека миру и другим людям. «В результате конфронтации со смертью смысл жизни подвергается определенному пересмотру и переоценке. В этой ситуации можно ожидать актуализации ценностей, являющихся ключевыми при поисках смысла жизни: самотрансценденции, самоактуализации и творчества (и отчасти гедонизма, связанного с «процессуальным» смыслом жизни)» [9, с. 197—198].

Серьезной экзистенциальной проблемой для любого человека является ситуация смертельного заболевания, например, онкологического. «Специфика заболеваний, угрожающих жизни, заключается в том, что они воздействуют на психику как «невидимый», информационный стрессор, отражающий угрозу для жизни в эмоционально-когнитивных структурах, содержащих информацию о болезни. Поэтому восприятие и совладание с последствиями заболевания в большей степени осуществляется посредством когнитивной переработки. Исследования показывают, что когнитивные факторы оказывают значимое влияние не только на качество жизни онкологических больных (способны усугублять и хронифицировать негативное психологическое состояние), но и на прогноз заболевания. Негативные когнитивные схемы и убеждения также связаны с возникновением депрессивной симптоматики, играют роль в формировании психопатологических и посттравматических нарушений» [4, с. 8].

Если же заболевание сопровождается периодическими сильными болями, то жизненная ситуация превращается для больного в критическую; человек оказывается перед такими экзистенциальными проблемами, как необходимость принятия смерти, переосмысление жизни, принятие ответственности за свершенное и то, что он еще обязан успеть сделать. Все эти проблемы связаны с ответом на главный вопрос: есть ли смысл стремиться хотя бы ненадолго продлить жизнь, преодолевая страдания? К примеру, ситуация, в которой оказывается онкологический больной, может восприниматься либо как возможность личностного роста и развития, либо как бессмысленное страда-

ние, продлять которое не имеет смысла. Соответственно, в этих двух случаях человек по-разному решает вопрос о допустимости эвтаназии.

В переводе с греческого языка термин «эвтаназия» означает «хорошую, благую» смерть. Различают две ее основные формы: пассивную и активную. Пассивной эвтаназией называется отказ начинать жизнеподдерживающую терапию или ее прекращение (выключение аппарата искусственного кровообращения или искусственной вентиляции легких; выписка неизлечимо больного пациента домой и т.п.). Активная эвтаназия — это безболезненное умерщвление врачом безнадежно больного пациента; она подразделяется на три вида: убийство из сострадания к пациенту (осуществляется без учета мнения больного, как правило, когда он не может выразить своего согласия, находясь в коматозном состоянии), умерщвление пациента по его просьбе, самоубийство при помощи врача (врач дает смертельное средство в руки больного).

Проблема эвтаназии является одной из самых острых и неоднозначных проблем биоэтики, причем в большей степени моральной, чем медицинской. Дело осложняется тем, что принятие врачом решения об отказе в применении медицинских препаратов, поддерживающих жизнь безнадежно больного, может включать в себя элементы обмана или самообмана [21]. Первый проявляется тогда, когда врач, осознавая незаконность эвтаназии, вынужден найти для окружающих правдоподобное объяснение своего поступка. Самообман имеет место, в частности, в тех случаях, когда у врача наблюдается внутренний конфликт, выражающийся в отказе приравнять прекращение поддерживающей жизни терапии к намеренным действиям, вызывающим смерть пациента. Самообман мотивирован желаниями или опасениями доктора, он может служить цели уменьшить его беспокойство, связанное с нежеланием стать одной из главных причин смерти больного.

Наиболее распространенная форма самообмана основана на вере в то, что мотив поступка совсем не тот, каким он реально является. Мотив, приписываемый себе субъектом, обычно более благороден, чем реальный повод деяния. Например, доктор говорит, что дал смертельную дозу больному потому, что хотел прекратить его мучения. Однако истинная причина эвтаназии может заключаться в подсознательном стремлении врача избавиться от измучившего его пациента.

А. Варне описывает четыре условия, которые в совокупности являются основой для самообмана, проявляющегося в решениях врачей об отказе от поддерживающей жизни терапии: 1) у доктора есть беспокоящее его опасение не стать причиной смерти пациента. Оно побуждает врача полагать, что смерть пациента не преднамеренна, а также верить в то, что существует что-то еще, что способствует формированию интенции к прекращению поддерживающей терапии; 2) подлин-

нал причина неверия врача в эффективность продолжения лечения заключается в его стремлении уменьшить беспокойство в связи с тем, что смерть пациента окажется преднамеренной; 3) доктор сознательно не предубежден или эмоционально пристрастен; 4) доктор не осознает, что тревожное опасение не стать причиной смерти больного играет значительную роль в возникновении у него веры в то, что он не хочет осуществлять неэффективное лечение. О самообмане при принятии решений можно говорить только в тех случаях, когда имеют место все четыре условия [12, с. 124].

Из научной литературы, посвященной проблеме эвтаназии, следует, что в целом и целом врачи и юристы пока не имеют однозначного мнения по вопросу о медицинской, юридической и этической оправданности прерывания жизни безнадежно больных людей. Впрочем, этого нельзя сказать о нашем государстве с его исторически сложившейся любовью ко всяческим запретам. Как отмечают С.В. Быкова, Б.Г. Юдин и Л.В. Ясная, «в отечественных пособиях по медицинской деонтологии эвтаназия расценивается резко отрицательно, а законодательство запрещает подобную практику» [2, с. 366]. У нас в стране на эту тему выполнены единичные социологические опросы, а серьезных психологических исследований, насколько мне известно, вообще нет. Опрос, проведенный несколько лет назад среди 316 московских врачей, выявил, что около 35% из них «считают, что, вопреки официально провозглашенным юридическим и этическим нормам, эвтаназия в каких-то ситуациях допустима» [там же, с. 367]. При этом было обнаружено, что согласны с необходимостью применения эвтаназии чаще молодые врачи в возрасте 21–30 лет, а в более старших возрастных категориях (41–50 и 51–65 лет) доля считающих эвтаназию этически оправданной убывает. Если же российские врачи все-таки приходят к заключению о необходимости отказаться от эвтаназии, то их решения о применении интенсивной поддерживающей жизнь терапии оказываются более авторитарными и в меньшей степени зависимыми от желаний больных, чем у их западных коллег. Об этом свидетельствуют результаты кросс-культурного исследования, проведенного в немецких городах Росток и Необранденбург, шведском Умеа и русском Архангельске [20].

В 2002—2004 г. я проводил в Москве психологическое исследование, в котором в качестве примеров ситуации экзистенциального выбора использовались краткие описания ситуаций убийства из сострадания и активной эвтаназии по просьбе пациента.

Основная цель эмпирического исследования заключалась в нахождении связи между мировоззренческими установками и личностными свойствами людей и спецификой понимания ими ситуаций эвтаназии. Проверялись две гипотезы: 1) испытуемые, верящие в Бога,

в меньшей степени согласны с применением эвтаназии, чем неверующие; 2) люди с высоким уровнем макиавеллизма личности и низкими показателями осмысленности жизни в большей степени принимают эвтаназию, чем субъекты с низким уровнем макиавеллизма и высокими оценками по методике смысложизненных ориентации.

МЕТОДИКА

В исследовании приняли участие 240 испытуемых (142 женщины и 98 мужчин) в возрасте от 17 до 66 лет (эксперименты помогала проводить Е.В. Шабанова). Средний возраст участников $M=29,9$, стандартное отклонение $SD=12,5$.

Сначала они заполняли два опросника: Мак-шкалу [5] и методику смысложизненных ориентации [7]. Затем каждый из испытуемых по семибальной шкале (от «полностью согласен» до «совершенно не согласен») должен был выразить степень своего согласия с тремя следующими утверждениями.

1. Я верю, что Бог существует. (По предельно кратким ответам людей о степени их веры в существование Бога, разумеется, нельзя судить об их мировоззрении и глубине религиозных чувств. Однако задавать такой прямой «лобовой» вопрос меня побуждали, во-первых, конкретные цели исследования, не направленные на выявление меры индивидуальной религиозности испытуемых; во-вторых, отсутствие адекватных методик изучения последней.)

2. Если пациент неизлечимо болен и испытывает непереносимые боли, то врач может принять решение ввести ему смертельную дозу лекарства.

3. Если бы я был неизлечимо болен и постоянно испытывал сильные боли, то я скорее предпочел бы умереть (попросил бы врача ввести смертельное лекарство), нежели продолжать жить.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

По результатам ответов испытуемых на вопросы об эвтаназии не было обнаружено ни половых различий, ни возрастных (63 испытуемых из нижнего квартиля распределения, $M=19$ лет, и 60 — из верхнего, $M=49$ лет). Статистический анализ различий проводился с использованием непараметрических критериев Колмогорова-Смирнова и Манна-Уитни.

Следующим шагом анализа данных было сравнение результатов, которые показали испытуемые с разной степенью уверенности в существовании или отсутствии Бога. Интересно, что в группу верующих

попали 188 человек, а в группу неверующих — только 29; остальные 23 испытуемые не смогли хотя бы с малой степенью определенности ответить на вопрос.

Верующие люди в меньшей степени согласны с эвтаназией применительно к себе, чем неверующие ($M=4,0$ и $M=4,8$, $p<0,03$). И обратная картина: испытуемые, не согласные с применением эвтаназии в отношении себя, в большей степени верят в Бога, чем те, кто согласен ($M=5,8$ и $M=5,2$, $p<0,001$). В отношении других людей то же: они скорее не согласны с утверждением, содержащемся в пункте № 19 Мак-шкалы: «Неизлечимо больные люди могут быть умерщвлены с их согласия» ($M=3,9$ и $M=4,6$, $p<0,03$). Однако значимых различий в вопросе о принятии решения самим врачом обнаружено не было.

Эти данные частично подтверждают первую гипотезу: верующие люди в меньшей степени согласны с применением эвтаназии, поскольку для них такой уход из жизни считается несправедливым и недопустимым. Качественный анализ суждений испытуемых показывает, что многие верующие говорят о том, что такая смерть — «это грех большой», «это может решать только Бог», «человек должен терпеть все, что пошлет ему Бог» и т.п. Приведу типичное высказывание: «Если Бог дал тебе что-то, что ты должен пройти и вытерпеть, то ты должен с этим смириться и пережить это. Можно облегчить страдания, но жизнь отбирать никто не вправе».

Таким образом, можно заключить, что верующие люди в ситуациях экзистенциального выбора, связанных с жизнью и смертью человека, склонны опираться на принципы религиозной морали, предоставляя как само решение вопроса, так и ответственность за него некоему трансцендентному существу, которое, как они считают, управляет их жизнью.

Вторая гипотеза была направлена на выявление связей личностных характеристик испытуемых с индивидуальными различиями в понимании ими ситуации эвтаназии.

Сравнение 63 испытуемых, результаты которых попали в нижний квартиль распределения оценок по Мак-шкале ($M=59,1$), и 64 испытуемых, результаты которых попали в верхний ($M=88,7$), показало следующее. Те, у кого уровень макиавеллизма ниже, давали значимо более высокие оценки общего показателя смысловых ориентации ($M=112,2$ и $M=98,8$, $p<0,01$), средние значения локуса контроля Я ($M=22,7$ и $M=19,9$, $p<0,01$) у них также выше. Эти испытуемые в меньшей степени согласны с применением эвтаназии в отношении других людей, когда решение об этом принимает врач ($M=2,8$ и $M=3,5$, $p<0,05$), а также с применением эвтаназии по отношению к себе, чем люди с высоким уровнем макиавеллизма ($M=4,2$ и $M=4,9$, $p<0,02$). В то же время последние в большей мере согласны с утверж-

дением из пункта № 19 Мак-шкалы: «Неизлечимо больные люди могут быть умерщвлены с их согласия», чем испытуемые с низкими показателями по макиавеллизму ($M=5,0$ и $M=3,7$, $p<0,001$).

Следовательно, люди с более высоким уровнем макиавеллизма в большей степени согласны на манипуляции как чужой, так и своей жизнью, они понимают ситуацию эвтаназии как этически более оправданную по сравнению с людьми, обладающими с низкими показателями по Мак-шкале.

Объясняя причины положительного отношения к утверждению № 2, участники исследования говорят: «Жестоко смотреть на мучения человека. Нужно помочь ему» (женщина, 32 года); «Убив смертельно больного человека, поступаешь гуманно. Это лучше, чем дать ему жить и мучиться каждый день, ожидая своей кончины» (мужчина, 22 года).

Следовательно, гипотеза о том, что испытуемые с высоким уровнем макиавеллизма личности и низкими показателями осмысленности жизни в большей степени принимают эвтаназию, чем субъекты с низким уровнем макиавеллизма и высокими оценками по методике смысловых ориентации, полностью подтвердилась результатами эмпирического исследования.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Исследование показало, что в вопросе о применении эвтаназии макиавеллисты игнорируют мнение самого больного. Объясняя такое понимание ситуации благими намерениями, они рассматривают ее исключительно со своей точки зрения и не принимают в расчет его мнение. Обосновывая гуманными мотивами не только допустимость, но и моральную оправданность манипуляции жизнью больного, они фактически перестают видеть в нем *субъекта*, который, возможно, понимает ситуацию иначе, но вследствие слабости здоровья не в силах сказать об этом. Вероятно, основная причина «спокойного» отношения к эвтаназии у людей с высоким уровнем макиавеллизма в общении заключается в том, что они ориентируются не на собеседника, а на себя; при принятии решений они нередко игнорируют мнения других. Видимо, поэтому они соглашаются на манипуляцию чужой жизнью.

Труднее объяснить, почему макиавеллисты, склонные к самостоятельному принятию решений и оценивающие себя как субъектов собственной жизни, согласны на применение эвтаназии также и по отношению к себе, иначе говоря, почему они проявляют готовность стать объектом манипулятивных действий со стороны медицинского персонала. Психологический анализ ответа на этот вопрос требует как когнитивных способов объяснений, так и обращения к экзистен-

циальной плоскости жизни людей, рассмотрения проблемы с позиций психологии человеческого бытия.

Экзистенциально важное и непростое для каждого человека решение о прекращении своего бытия в мире невозможно без размышлений о ценностях жизни и смерти. В процессе рассуждений осуществляется соотнесение представлений субъекта о значимости неповторимой, уникальной собственной личности и препятствующей ее дальнейшему развитию и существованию «бренной телесной оболочки». Подобные размышления направлены на отчуждение субъекта от своего страдающего тела, попытки взглянуть на него с разных сторон и ролевых позиций. Отчуждение неизбежно еще и потому, что топология субъекта не совпадает с эмпирическими границами его тела, а само понятие «субъект» иногда трактуется как то, что рождается на границе индивидуального опыта и «иного», чужого содержания социальных ситуаций [11].

В качестве возможного теоретического объяснения полученных в моем исследовании эмпирических данных целесообразно использовать представления У. Найссера о пятикомпонентной структуре Я-концепции [17, 18]. Он считал, что разнообразие мира, в котором живут люди, отражается во взаимосвязанных компонентах их Я-концепций. В фокусе самоанализа неизлечимо больного пациента оказываются, прежде всего, его *экологическое Я* и *субъективное Я* (*the private self*). Под экологическим Я У. Найссер имеет в виду конкретного человека, естественно, обладающего телом, находящегося в конкретном месте и вовлеченного в определенную деятельность. Понятие экологического Я включает не только тело, но и, в частности, одежду человека, однако только ту, которая в данный момент на нем; принадлежащий субъекту, но висящий в шкафу или находящийся в химчистке пиджак не имеет прямого отношения к экологическому Я. Субъективное Я отражает тот очевидный факт, что каждый из нас имеет личный опыт, который недоступен кому-то другому (к нему относятся, например, сны). Опыт включает также телесные ощущения, переживания и субъективную оценку поступков — собственных и других людей [17].

Экологическое Я и субъективное Я имеют самое непосредственное отношение к внутренней картине болезни. В частности, как показано в диссертации О.А. Вороны, у женщин, прооперированных в связи с раком молочной железы, под влиянием болезни снижается самооценка, ощущение ценности, значимости собственного Я и, наоборот, нарастает убеждение в своей неудачливости, неспособности контролировать происходящие с ними события [4]. Выявленные в описанном выше исследовании личностные характеристики испытуемых с высоким уровнем макиавеллизма очень сходны с соответствующими

характеристиками онкологических больных. Низкие значения показателей смысловых ориентации и локуса контроля Я свидетельствуют о неверии человека в себя, неспособности контролировать происходящее с ним, а также строить жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле [7].

Еще одним компонентом Я-концепции является *межличностное Я*. Говоря о межличностном Я, психологи имеют в виду того же субъекта, изучаемого с другой точки зрения: включенного в общение лицом к лицу с другими. Если экологическое Я относится к физической среде, то межличностное Я соотносимо с социальными взаимодействиями. Мы видим себя одновременно и объектом внимания другого человека, и создателем взаимодействия. Мы непосредственно воспринимаем чувства других, так как из опыта знаем, что существует соответствие между испытываемыми чувствами и их выражением [18].

Медико-психологические исследования показывают, что у неизлечимо больных людей с выраженными признаками посттравматического стресса межличностное Я изменяется. Их базисные представления о мире приобретают негативный оттенок: окружающих людей они считают враждебными, недоброжелательными, опасными и не достойными доверия [4]. Следовательно, у таких больных начинает проявляться сходство с типичными экзистенциальными установками, жизненными принципами макиавеллистов. Макиавеллизм как личностная характеристика в целом отражает неверие субъекта в то, что большинству людей можно доверять, что они альтруистичны, независимы, обладают сильной волей. Высокие оценки по Мак-шкале положительно коррелируют с подозрительностью, враждебностью, экстернальностью [5].

На основании описанных выше фактов и рассуждений, по-моему, весьма правдоподобно заключение о том, что «базисные убеждения» [8] и личностные особенности субъектов с высоким уровнем макиавеллизма личности способствуют такому пониманию ими обсуждаемой ситуации, в соответствии с которым они готовы на эвтаназию применительно к себе; они могут прогнозировать ощущение собственной беспомощности, неспособности влиять на положительное развитие событий, мнимой (а в некоторых случаях и действительной) недоброжелательности родных и близких, враждебности медицинского персонала и т.п. Вследствие этого они принимают «логичное» решение об эвтаназии по отношению к себе.

Разумеется, приведенное мной объяснение не может быть единственным и абсолютно верным — нужны дальнейшие психологические исследования.

Проведенное исследование имело пилотажный характер. Оно проводилось не для того, чтобы получить окончательные ответы на

поставленные вопросы, а для того, чтобы выявить перспективные направления психологического анализа понимания проблем, связанных с эвтаназией.

Одно направление психологических исследований эвтаназии очевидно: сравнение мнений неспециалистов с разными группами врачей. Суждения докторов об эвтаназии формируются на основе множества факторов, которые еще предстоит изучить. Например, молодые врачи, а также те, кто чаще имеет дело с безнадежно больными пациентами, терпимее относятся к возможности безболезненной добровольной смерти. Упомянутый выше опрос показал, что более толерантно к эвтаназии относятся те врачи-специалисты, которые ближе всех находятся к тяжелобольным пациентам и чаще других вынуждены принимать ответственные решения об их судьбе: «Чем ближе врачи к «изголовью постели» больного и чем чаще (в силу места работы, занимаемой должности или медицинской специализации) им приходится иметь дело с пациентами, чье состояние критическое, тем более терпимы они в отношении эвтаназии» [2, с. 370]. А количество факторов, которые влияют на формирование точек зрения на эвтаназию у неспециалистов, различающихся по мировоззренческим установкам, личностным, профессиональным и другим качествам, просто не поддается описанию. Все это свидетельствует о большом потенциале будущих психологических исследований.

Другое перспективное направление исследований — выявление личностных и половых различий врачей и пациентов, участвующих в ситуации эвтаназии. Я исследовал только макиавеллизм личности и смысложизненные ориентации испытуемых. Между тем, на формирование решения об эвтаназии, по-видимому, влияет также склонность субъекта к принятию на себя ответственности в разных жизненных обстоятельствах, проявляющаяся в соотношении интернальных и экстернальных качеств его личности [15]. Как было показано выше, значимым компонентом понимания ситуации эвтаназии может оказаться самообман — он тоже должен стать предметом психологического анализа. Не менее важными могут оказаться навыки рефлексивного самоанализа субъекта, а также преимущественно когнитивная, конкретно-ситуативная или, экзистенциальная, бытийная направленность его самопонимания [6].

В настоящее время в психологической литературе накоплено немало данных о половых различиях в понимании вопросов, имеющих непосредственное отношение к эвтаназии. Например, женщины-врачи в большей мере, чем мужчины, склонны сообщить больному неблагоприятный диагноз, т.е. сказать правду [21]. В целом результаты психологических исследований выявили тенденцию, в соответствии с

которой женщины, как правило, получают более высокие оценки по методикам, выявляющим приверженность этическим нормам и социальной ответственности [13].

Один из аргументов, приводимых в защиту эвтаназии, называется «экономическим»: средства и усилия, направленные на спасение безнадежно больных пациентов, могут быть использованы с большей пользой. Очевидно, что «экономический» аргумент с моральной точки зрения недопустим. Такой подход к человеку как объекту манипуляции имел печальный пример в истории человечества, когда нацисты проводили программы «оздоровления нации». Кроме того, по данным специалистов, средства, затрачиваемые на умирающих больных, не столь велики, как предполагали сторонники «экономического» аргумента.

Учитывая, что в здравоохранении работает значительное число женщин, небезыntenесными представляются психологические исследования половых различий в готовности к принятию ответственности. В одном из них было обнаружено, что женщины, входящие в члены правления компаний, менее экономичны в управлении и более ориентированы на действия по собственному усмотрению, чем мужчины. При выборе организационных воздействий они оценивали социальную ответственность как более важную, чем экономическую. Женщины демонстрируют большее внимание к неэкономическим типам ответственности, чем мужчины: у них показатели социального и морального долга перед окружающими их людьми оказываются выше, чем ответственность за экономическую выгоду предприятия [13]. Эти данные позволяют предположить, что врачи женского и мужского пола вряд ли одинаково будут восприимчивы к «экономическому» аргументу.

Наконец, третье направление исследований связано с психологией субъекта, принимающего сознательное решение о жизни или смерти. Поскольку в этой роли могут выступать и врач, и больной, изучение различных субъектных источников активности принятия решений представляется мне интересным и научно значимым. Это относится прежде всего к лечащим врачам. В настоящее время в медицине многих стран, в том числе России, применяется так называемый патерналистский подход к пациенту. В медицине сложилась традиция, согласно которой именно врач определяет, *что* будет благом для пациента. Медицинский патернализм оправдывает действия врача, который при лечении руководствуется своими представлениями о том, *что* является для пациента полезным, а *что* может навредить. Это касается и лечения, и информирования, и консультирования. Позиция патернализма, в частности, оправдывает принуждение пациентов и утаивание от них информации. Доктор, придерживающийся патерналистских взглядов, рассматривает больного не как равноправного

субъекта, а как объект, бездушную вещь, которой он профессионально манипулирует.

Однако и у безнадежно больного субъектная сущность его человеческой природы тоже может ярко проявляться в четком осознании приемлемости или, наоборот, недопустимости эвтаназии по отношению к нему. Субъектные качества пациента имеют особое значение в тех странах, где эвтаназия разрешена законом. Например, в клиниках многих штатов США за находящимися в здравом рассудке взрослыми больными законодательно закреплено право требовать или отказываться от любых форм медицинского лечения. Соглашаться или отказываться от лечения — неотъемлемое право субъекта, принявшего решение о том, предстоит ему жить или умереть.

Проблема управления жизнью человека, превращающегося из субъекта в объект манипулирования, сегодня актуальна не только в контексте анализа религиозного сознания и межличностного общения в медицинской практике. «Субъектом», манипулирующим сознанием своих граждан, может быть и государство, вольно или невольно превращающее людей в бездушные винтики огромной машины — машины подавления. В условиях жизни в переходном обществе, к которому можно отнести и нашу страну, распространенными способами антисубъектного принуждения людей оказываются различные формы искажения информации — неправда, ложь, обман и другие. Все они требуют тщательного исследования и психологического анализа.

Литература

1. *Баканова А.А.* Отношение к жизни и смерти в критических жизненных ситуациях. Автореф. дис.канд. психол. наук. СПб.: РПГУ им. А.И. Герцена, 2000.
2. *Биоэтика: принципы, правила, проблемы* / Под ред. Б.Г. Юдина. М.: Эдиториал УРСС, 1998.
3. *Василюк Ф.Е.* Психотехника выбора // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Шур. М.: Смысл, 1997. С. 284-314.
4. *Ворона О.А.* Психологические последствия стресса у больных раком молочной железы. Автореф. дис.канд. психол. наук. М.: ИП РАН, 2005.
5. *Знаков В.В.* Методика исследования макиавеллизма личности. М.: Смысл, 2001.
6. *Знаков В.В.* Самопонимание субъекта как когнитивная и экзистенциальная проблема // Психологический журнал 2005. Т. 26. № 1. С. 18—28.
7. *Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентации (СЖО). М.: Смысл, 2000.
8. *Падун М.А., Тарабрина Н.В.* Когнитивно-личностные аспекты переживания посттравматического стресса // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 5. С. 5-15.
9. *Поногребский А.Л.* Смысл жизни и отношение к смерти // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Шур. М.: Смысл, 1997. С. 177-199.
10. *Субъект, личность и психология человеческого бытия* / Под ред. В.В. Знакова и З.И. Рябикиной. М.: Изд-во «Институт психологии» РАН, 2005.
11. *Тхостое А. Ш.* Топология субъекта. (Опыт феноменологического исследования) // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология 1994. № 2. С. 3-13; № 3. С. 3-12.
12. *Barnes A.* Seeing through self deception. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
13. *Burton B.K., Hegarty W.H.* Some determinants of student corporate social responsibility orientation // Business & Society. 1999. V. 38. Issue 2. P. 188-205.
14. *Gable M., Dangelo F.* Locus of control, machiavellianism and managerial job performance // Journal Psychology. 1994. V. 128. № 5. P. 599-608.
15. *Greenberg J. et al.* Proximal and distal defenses in response to reminders of one's mortality: Evidence of a temporal sequence // Personality and Social Psychology Bulletin. 2000. V. 26. № 1. P. 91-99.
16. *Harmon-Jones E. et al.* Terror management theory and self-esteem: Evidence that increased self-esteem reduces mortality salience effects // Journal Personality and Social Psychology. 1997. V. 72. № 1. P. 24-36.
17. *Neisser U.* Five kinds of self-knowledge // Philosophical Psychology. 1988 V.1. № LP. 35-59.
18. *Neisser U.* The self perceived // Neisser U. (ed.). The perceived self. Ecological and interpersonal sources of self-knowledge. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 3-21.
19. *Richter J., Eisemann M., Zgonnikova E.* Doctors' authoritarianism in end-of-life treatment decisions. A comparison between Russia, Sweden and Germany // Journal of Medical Ethics. 2001. V. 27. № 3. P. 186-191.
20. *Robinson W.P., Shepherd A., Heywood J.* Truth, equivocation/concealment and lies in job applications and doctor — patient communication // Journal Language and Social Psychology. 1998. V. 17. № 2. P. 149-164.
21. *Sayers G.M., Perera S.* Withholding life prolonging treatment and self deception // Journal of Medical Ethics. 2002. V. 28. № 6. P. 347-352.

ОТ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОНИМАНИЯ СУБЪЕКТОМ МИРА К ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ ПОНИМАЮЩЕГО СЕБЯ БЫТИЯ

Опубликовано: Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 6.

История психологии XX в. представляет собой последовательное развитие научных теорий, исследовательских подходов к изучению психики. В конце столетия научные интересы большей части психологов сместились с когнитивной парадигмы на экзистенциальную. Непротиворечивое сочетание когнитивных и экзистенциальных методов исследования психики реализуется в психологии человеческого бытия, для которой центральной является проблема понимания.

Цель статьи — уточнить предметную область психологии человеческого бытия и проанализировать, как с этой научной позиции развиваются два основных направления исследований понимания.

КОГНИТИВНАЯ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НА ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХИКИ

В современной науке сосуществование когнитивной и экзистенциальной парадигм отчетливо проявляется в том, что одни и те же психологические проблемы могут изучаться под разными углами зрения.

Когнитивный план изучения психической реальности характеризуется акцентом на познании и поведении человека, стремлением ученых выявить общие закономерности психического развития, большим интересом к фактам и правилам, чем к исключениям. Когнитивные исследования в основном имеют отражательно-познавательную направленность, т.е. ориентированы на изучение того, как субъект отражает и познает окружающую действительность и свой внутренний мир. Например, в исследованиях интеллекта такими психическими образованиями, в которых одновременно представлены и характеристики субъекта, и характеристики ситуации, являются когнитивные структуры. Они «обеспечивают отражение устойчивых, регулярно повторяющихся ха-

рактеристик происходящих событий и, согласовывая с ними поведение, придают последнему закономерный характер» [21, с. 84]. К когнитивным компонентам психики относятся не только структуры, но и образы, познавательные процессы, репрезентации конкретных ситуаций и обобщенные модели-схемы. В целом можно сказать, что когнитивный анализ чаще всего связан с отражением человеком конкретных ситуаций, в которых он оказывается. Например, поиск младенцем конфеты, спрятанной за ширмой, принятие решения водителем о скорости движения с учетом транспортного потока на отдельных участках пути и т.п.

Экзистенциальный план исследования психической реальности отражается в направленности ученых на анализ вариантов порождения опыта, имеющего смысл для субъекта. Экзистенциально ориентированные психологи предпочитают специфические детали обобщенным признакам, а индивидуальные, например характерологические, отличия людей — их сходству и подобию. Их исследования нацелены на поиск не столько фактов, событий, явлений, сколько смысла, который они имеют для субъекта. Это не означает, что в данном случае психологи сосредоточены исключительно на интрапсихических проблемах и поэтому отказываются от обращения к объектам и людям, окружающим субъекта. Главное для них — определить, как испытуемый структурирует свою идентичность в соответствии с системой конструкторов, отражающих субъективное отношение «Я — мир». Иначе говоря, цель заключается в выявлении ценностно-смысловой позиции субъекта, оказывающей решающее влияние на формирование смысла фактов, событий и т.д.

Экзистенциальные компоненты психики — это не столько конкретно-ситуативные ее составляющие, сколько бытийные, относящиеся к смысложизненным ориентациям. Они связаны с пониманием субъектом себя в реальных ситуациях человеческого бытия. В бытийном плане *смысложизненные ориентации* имеют для каждого человека не только конкретное адаптационное значение, но и более глубокий экзистенциальный смысл. К «пониманию себя в мире», «экзистенциальным размышлениям о себе» субъект приходит благодаря ретроспективной и антиципирующей направленности интереса к своему внутреннему миру. Они направлены на поиск смысла своего существования, своих поступков и мысленный выход за пределы не только конкретной коммуникативной ситуации, но и за пределы своей жизни, включение ее в какую-то иную систему координат, в которой жизнь наделяется смыслом. Именно поэтому в психологическом исследовании так важно учитывать «самоактуализационный потенциал» субъекта, его стремление к достижению личностного совершенства, пределов своих возможностей, а также ориентацию не только на «дефицитарные», но и «бытийные» ценности.

Временная экзистенциальная составляющая психики определяется степенью наполненности времени жизни субъективно важными событиями: известно, что время может субъективно расширяться и сужаться.

Интегративным экзистенциальным компонентом психики является *опыт* субъекта, приобретаемый им в разнообразных ситуациях человеческого бытия. Процессуальные составляющие опыта включают осознание субъектом ограниченности когнитивных, рациональных способов объяснения стабильности своего внутреннего мира, осознание динамики изменяющихся, временных ценностно-смысловых образований Я. В формировании таких образований существенную роль играет плохо поддающаяся рефлексии структура личностного знания человека, включающая наряду с достоверным вербализованным знанием и совсем неосознаваемые компоненты.

И, наконец, *созерцание* и *переживание*. Известно, что человеческое бытие не исчерпывается познавательным отношением к миру. Применительно к переживанию неуместно говорить об отражении, о данности в переживании предметного мира. Переживания страдания, восторга, любви, приобретая в сознании субъекта оценочный ценностный характер, становятся воплощением экзистенциальной наполненности человеческого бытия. Они предотвращают человека от так называемого «экзистенциального антагонизма» [10], «экзистенциального вакуума» [20], ощущения пустоты и бессмысленности жизни.

Таким образом, в экзистенциальной плоскости анализа психической реальности акцент ставится на отличные от когнитивных проявления психической активности субъекта. Обобщая, можно сказать, что экзистенциальные составляющие психики воплощаются не столько в научно достоверных знаниях и познавательной деятельности, сколько в смыслах и приобщении к разнообразным ценностям. С этой точки зрения, понять — значит, приобщиться к понимаемому, представляющему определенную ценность для понимающего субъекта и соотносённому со смысловыми образованиями его личности. К примеру, «Давида» Микеланджело можно проанализировать физическими, химическими и другими методами, но они не позволят понять смысл шедевра эпохи Возрождения. Понимание наступит только тогда, когда человек посмотрит на статую не как на каменную глыбу, а как на предмет культуры, имеющий общечеловеческую ценность.

Итак, осознание современными психологами необходимости перехода от изучения отдельных психических процессов и явлений к анализу целостных ситуаций человеческого бытия привело к тому, что сегодня в нашей науке одновременно реализуются, дополняя и обогащая друг друга, когнитивная и экзистенциальная исследовательские

парадигмы. Естественным следствием такого осознания стало возникновение новой области психологического познания — психологии человеческого бытия.

ПСИХОЛОГИЯ СУБЪЕКТА И ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

Психологии человеческого бытия — одно из направлений развития психологии субъекта в том ее варианте, который разработал А.В. Брушлинский [2, 3]. Кратко опишу соотношение психологии субъекта и психологии человеческого бытия.

Во-первых, вторая является частью первой и, следовательно, уже по содержанию и решаемым задачам. В постнеклассической психологии субъекта в сконцентрированном виде отражена тематика всех предыдущих исследований Брушлинского. К ним относятся: вопрос о наследственных предпосылках психического развития, соотношении биологического и социального в развитии личности; принцип детерминизма, соотношение внешних причин и внутренних условий в детерминации психики; проблема дискретности-недизъюнктивности и непрерывность организации психических процессов; проблема общественного-индивидуального в психике человека и культурно-историческая теория мышления; мышление как процесс и проблема деятельности; идущие от С.Л. Рубинштейна исходные положения субъектно-деятельностной теории и проблема субъекта в психологической науке, наконец, психология субъекта как целостная область психологического знания, психология созидания, ориентированная на анализ таких ценностей, как свобода, духовность, нравственность, гуманизм. Психология человеческого бытия имеет непосредственное отношение только к двум последним проблемам: она направлена на анализ смысловых и ценностных контекстов жизни субъекта, в которых формируются и проявляются его субъектные качества.

Во-вторых, психология человеческого бытия основана не на субъектно-деятельностном, а на субъектном подходе в психологии. Очевидно, что жизнь человека нельзя рассматривать только как непрерывную череду сменяющих друг друга деятельностей. Это означает признание того, что в формировании психики большую роль играют недейательностные по своей природе феномены — общение, переживание, созерцание и др. Выход за пределы сиюминутного деяния, целенаправленная устремленность на реализацию своего призвания или дела, которому служишь, не только побуждают человека к связыванию воедино прошлого, настоящего и будущего своей жизни. Все это способствует развитию субъектности, формированию и реализации субъектных качеств человека, начиная с младенческого возраста и до старости.

В-третьих, творческое развитие психологии субъекта А.В. Брушлинского привело сегодня психологов к осознанию того, что ее предмет неоднороден, он включает и субъекта деятельности, и субъекта развития, и субъекта жизни [14]. Психология человеческого бытия изучает преимущественно субъекта развития и субъекта жизни. Об этом свидетельствуют, в частности, уже проведенные исследования: понимания субъектом манипулятивного поведения; половых, тендерных и личностных различий в понимании испытуемыми разного возраста моральной дилеммы; половых и возрастных различий в когнитивных и экзистенциальных компонентах самопознания и самопонимания. Как названные, так и другие исследования ориентированы на выявление не процессуально-деятельностных, а результативных составляющих понимания субъектом мира в разные периоды его жизни.

Предметом исследования в этой области психологической науки являются не психические процессы или свойства (мышление, эмоции, внимание и т.п.), а смысловые образования, выражающие ценностное отношение субъекта к миру. Основной акцент здесь делается на анализе ценностных, аксиологических аспектов бытия человека. Иначе говоря, предметом исследования становятся целостные ситуации человеческого бытия, включающие понимающего их субъекта. Это полностью соответствует макроаналитическому методу исследования психики, являющемуся одним из основных в психологии субъекта [2 — 4].

Любая ситуация не дается человеку извне, в ней объекты не существуют отдельно от наблюдателя. Безусловно, люди и, например, море существуют. Однако ситуация «человек, смотрящий на море» возникает только в опыте субъекта, наблюдающего, понимающего, переживающего мысли и чувства, возникающие у него при встрече с морем. В научной психологии такая интерпретация категории «ситуация» соответствует методологическим рассуждениям о том, что «предмет и метод не отделены друг от друга; предмет не существует до того, как он начинает изучаться» [8, с. 42]. Исследования в области психологии субъекта и психологии человеческого бытия побуждают психологов заново переосмысливать содержательное наполнение и типы социальных ситуаций: «Разработка категории субъекта и субъектно-деятельностного подхода в психологии, позволяющая продуктивно обсуждать фундаментальную проблему соотношения человека и окружающего его мира, предоставляет новые возможности для осмысления сущности понятия «ситуации» с точки зрения преобразовательной активности самого человека. Субъектный уровень бытия человека, являющийся системообразующим фактором его целостной организации, проявляется в процессе активной интерпретации им социально-го мира, конкретных ситуаций взаимодействия, а также в деятельнос-

тном взаимоотношении с миром, преобразующем как окружение, так и его самого» [18, с. 294].

Психология человеческого бытия на новом витке спирали развития научного познания исследует классические проблемы так называемой вершинной психологии: смысла жизни, свободы, духовности, гуманизма. Вместе с тем она изучает и классические экзистенциальные проблемы: одиночества, осмысленности или абсурдности бытия, отношения субъекта к жизни и смерти. Особое и, пожалуй, центральное место в психологии человеческого бытия занимают проблемы, возникающие в критические периоды жизни субъекта, т.е. тогда, когда происходит разрыв привычного существования. Это бывает при опасной болезни, утрате близких, страхе смерти у летчиков-испытателей или обычных людей, которые оказались на месте теракта или техногенной катастрофы. Научно значимыми в этом контексте являются исследования понимания разными категориями людей экзистенции [5], рациональных и эмоциональных оснований выбора у женщин, принимающих экзистенциально трудное решение об искусственном прерывании беременности [28, 30], самопонимания хирургов, выполнивших неудачную операцию [26], и др.

Вместе с тем следует признать, что для осмысления субъектом серьезных экзистенциальных проблем ему не обязательно находиться в критических ситуациях. Обычно человек живет такой привычной жизнью, в которой он иногда невольно оказывается не субъектом, а объектом действий и решений со стороны других людей. (Например, предельным, но, к сожалению, весьма распространенным в нашей стране случаем является жизнь женщины с мужем-алкоголиком, которая ради сохранения семьи терпит унижения и побои. В семейной обстановке такие женщины утрачивают способность к выражению своего Я, подчиняются любым прихотям мужа, под воздействием алкоголя теряющего контроль за поведением). Однако в особые «часы ясности» человек склонен задумываться о своей жизни. Перед ним встают вопросы: «Зачем жить?» и «Как жить?». Отвечая на них, он должен обратиться к собственным внутренним ценностям, иначе не сможет стать свободным, ответственным и самостоятельным субъектом. Как известно, вопросы о смысле жизни возникают у каждого человека еще в подростковом возрасте, а отвечает он на них в течение всей жизни, вплоть до глубокой старости.

Таков очень краткий перечень проблем, входящих в предмет психологии человеческого бытия. Наиболее общей среди них, прямо или косвенно включающей все названные выше, является проблема понимания субъектом мира и себя в мире.

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ И ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ПОНИМАНИЯ

В течение нескольких последних десятилетий в науке развиваются два главных направления исследований понимания — гносеологическое и онтологическое. Гносеологием в современной методологии психологии называется такой тип научной рефлексии, при котором основания знания ученые ищут в формах организации познавательной деятельности, влияющей на его содержание и структуру. «Онтологизм характеризуется сосредоточением на отношении объекта и знания, в последнем выделяется только его объективное содержание» [8, с. 18].

Первое направление исследований понимания — *гносеологическое* — непротиворечиво вписывается в субъект-объектную познавательную схему. Потребность в понимании ведет к познанию. В психологии это направление исследований приводит к построению когнитивных моделей понимания. В более общем историко-философском контексте анализа проблемы феномен понимания ученые связывают с типами рациональных научных рассуждений и понятием рассудка.

Второе направление исследований — *онтологическое*. Это субъект-субъектный экзистенциальный подход. Его парадоксальность заключается в том, что в ситуациях человеческого бытия, люди нередко утрачивают свою субъектную сущность, становясь на время объектами (познания, отношения и т.п.) не только для других, но и для самих себя. В русской философии, в работах А.С. Хомякова, С.Л. Франка, Г.Г. Шпета, этот угол зрения на феномен понимания соответствует не рассудку, а разуму.

В работах отечественных психологов А.В. Брушлинского, О.К. Тихомирова и других утверждается, что любое мышление всегда начинается и завершается пониманием. Вернее, мышление зарождается из проблемной ситуации, основанной на непонимании, затем реализуется в формулировании и решении мыслительной задачи, а завершается пониманием ее результатов. Мышление в целом направлено на получение человеком новых знаний, а та его сторона, которую мы называем пониманием, представляет собой процедуры постижения или порождения смысла знания, полученного в мыслительной деятельности. Эмпирические исследования, проведенные в школе О.К. Тихомирова, убедительно показали, что в когнитивном плане понимание не только можно, но и нужно рассматривать как процесс и результат решения мыслительной задачи. Именно во время решения возникают и развиваются процессы смыслообразования.

С.Л. Рубинштейн, а за ним и А.В. Брушлинский считали, что субъект познает объект, как бы вычерпывая его содержание при взаимодействии с ним. Сходная, но не тождественная точка зрения была у герменевтиков, в частности у Ф. Шлейермахера. В герменевтике пони-

мание первоначально рассматривалось как способ выявления, экспликации того, что уже предзадано, заложено в тексте. Процедуры обнаружения смысла текста в процессе его интерпретации реконструировали изначальный замысел автора. После публикации работ В. Дильтея, М. Вебера и А. Шютца произошла универсализация процедур понимания, которые стали рассматриваться как основа познания, особенно в области социальных наук. Распространенной стала точка зрения, согласно которой в процессе понимания происходит продуцирование новых знаний. Это следствие трактовки понимания как интерпретации: объясняя знания на одном уровне, понимающий субъект подготавливает почву для переинтерпретации фактов на более высоком уровне. В результате переинтерпретация становится основой для объяснения понимаемого.

Во второй половине XX в. существенный вклад в гносеологический анализ понимания внесла западная когнитивная психология. В когнитивных моделях понимания У. Кинча и Т.А. ван Дейка [29], П.У. Торндайка [31] и других психологов интерпретация и переинтерпретация описываются как следствие неоднократных попыток сопоставления входной информации, объекта понимания с обобщенными схемами памяти — фреймами, сценариями, макроструктурами. Объяснение в моделях чаще всего трактуется как логическая рационализация понятий отношений, для которых нужно найти закономерность, характеризующую то общее, что в них есть. По существу эта линия исследования обсуждаемого феномена отражает стремление ученых вписать понимание в сферу рассудочной деятельности и осознания понимающим субъектом возможности разных типов рациональных научных рассуждений.

Второе направление исследований возникло значительно позднее. В его рамках понимание рассматривается не как познавательная процедура психики индивидуального субъекта, а гораздо шире. Понимание перестало трактоваться только как интерпретация, осуществляемая субъектом. В этом направлении оно связывается с экзистенцией, человеческим бытием и приобретает уже не гносеологический, а онтологический статус. Онтологизация представлена в философии М. Хайдеггера и Г.Г. Гадамера. Они начали описывать понимание как такое специфическое отношение к действительности, в котором человек выступает толкующим себя бытием, понимающим себя бытием.

Онтологический статус понимания первоначально был закреплен в герменевтике, представители которой настаивают на изначальной герменевтичности человеческого существования. По их мнению, способность к пониманию предшествует любым процедурам приписывания значений. В их рассуждениях акцент смещается со смыслов, а понимание наделяется деятельностно-коммуникативной природой. Это означает, что понимание начинает трактоваться как умение действо-

вать соответственно социокультурному контексту. Действия требуют от понимающего субъекта владения нормами культуры. Именно понимание создает смыслы, они не понимаются, а порождаются в конкретных ситуациях. Следовательно, понимается не смысл или текст, а ситуация, в которой находится понимающий человек. Практическая ситуация из предмета изучения исследователя превращается в единицу макроанализа психического. Таким образом, понимание как проблема практического отношения и практического разума способствует прежде всего онтологическому самоопределению субъекта и только потом, как бы во вторую очередь, гносеологическому.

Если понимать практический разум в кантовском смысле, то мы обязательно придем к выводу о принципиальной невозможности однозначного понимания многих событий и ситуаций. Неизбежный в современном мире моральный плюрализм мнений по фундаментальным проблемам человеческого бытия, например, в медицинской этике проявляется в множественности вариантов взаимопонимания врачей по поводу критических ситуаций, касающихся жизни или смерти больного. Как считает польский профессор З. Шаварский, сегодня, «например, совсем не очевидно, что каждый умирающий от рака пациент обязательно *должен* быть прооперирован. Совсем не очевидно, что всегда *следует* говорить ему правду. Не однозначно и то, что каждый пациент с почечной недостаточностью *должен* получить почку для пересадки. Каждое такое решение предполагает выбор между несколькими моральными ценностями. Может быть, в некоторых ситуациях лучше из моральных соображений дать пациенту умереть, чем «героически» бороться за продолжение его жизни (и страданий)» [22, с. 87]. Так же прежде всего моральные проблемы лежат в основе решений о прекращении реанимации пациентов, умирающих, например, от старческого слабоумия. Во всех перечисленных случаях нет никакой гарантии, что врачи примут правильное решение. Однако осознание неизбежности конфликта ценностей в наше время стало одним из обязательных условий взаимопонимания людей, вынужденных решать судьбу больного.

В условиях плюрализма, неизбежного многообразия интерпретаций одних и тех событий и ситуаций человеческого бытия в психологической науке особенно остро встает вопрос об онтологических основаниях психики. В академической психологии традиционно большое значение придается гносеологическому субъект-объектному подходу к исследованию природы и общества, традиция которого восходит к Декарту. Сегодня одна из острейших методологических проблем психологии заключается в том, что, несмотря на объективную необходимость в исследовании единства внешних и внутренних условий отражения и порождения субъектом целостных ситуаций человеческого бытия, она преимущест-

венно продолжает оставаться гносеологической, иногда совсем утрачивая свой онтологический статус. В частности, «подавляющее большинство исследований восприятия выполняются в русле гносеологической парадигмы» [1, с. 42]. В психологии «и исторически, и логически онтологические проблемы заслоняются гносеологическими, выступая как фон» [там же, с. 43]. Парадоксальность такого положения дел очевидна для каждого ученого, знающего об эволюции научного познания в XX в.: о переходе от классической парадигмы к неклассической, а затем постнеклассической [16]. В современной научной картине мира исследователь перестает быть все знающим и беспристрастным наблюдателем, но вместе с тем исчезает и так называемая «объективная реальность».

Размышления об онтологических характеристиках субъекта как предмета изучения в психологии человеческого бытия приводят к выводу о двух главных сферах применения категории «онтология». Одна сфера соответствует аналитическому вычленению и описанию онтологических характеристик самого субъекта, другая — онтологии социального мира, в котором человек живет, преобразует его и проявляет свои субъектные качества.

В психологических исследованиях онтологические качества субъекта, свидетельствующие о его реальном существовании, обычно представлены в описаниях конкретных психологических характеристик. Субъект рассматривается как человек не только познающий, воспринимающий, страдающий, но и предписывающий законы существования социальному миру. Исследования онтологии субъекта как выявления тех психологических качеств, которые ему присущи, являются сегодня не только распространенными, но и достаточно очевидными (см., например, [17]). Однако очевидность пропадает, как только мы пытаемся взглянуть на субъекта изнутри, с позиций самих ситуаций человеческого бытия. При этом возникает парадоксальное противоречие во взаимодействии внутренних и внешних условий формирования субъектное™ человека.

Согласно экзистенциальной традиции, ясно выраженной М. Хайдеггером, «основополагающая установка Нового времени характеризуется превращением человека в «субъекта», для которого мир становится совокупностью «объектов», то есть просто предметов, действительных или возможных, и этими предметами владеют и пользуются, их потребляют, отвергают или уничтожают. Человек как бы распрямляет спину, он больше не ощущает себя впущенным в мир, но воспринимает этот мир «как нечто противостоящее»» (цит. по: [13, с. 394]). Позиция Хайдеггера выражает типичное для экзистенциальной философии различие «бытия» и «существования». По мнению экзистенциалистов, «бытие» относится к окружающему человека природному и социальному миру, а «существование» — к внутренней жизни, индивидуальному Я. Основ-

ной мотив различения — подчеркнуть, что мир всегда стремится подавить индивидуальность, сделать ее частью общего безличного бытия. Естественным следствием противопоставления бытия и существования, противоречия между ними становится возникновение у человека чувства одиночества, тревоги, тоски, ощущения бессмысленности жизни.

Это противоречие не только снимается, но даже и не возникает в субъектно-деятельностной концепции одного из создателей психологии человеческого бытия С.Л. Рубинштейна. Онтологические предпосылки исследования субъект-объектных отношений основываются на том, что «вопрос о существовании внешнего мира и вопрос о существовании других людей (и отношений к ним) должны быть сплетены в своей исходной постановке, вскрывающей мир и других людей как предпосылку существования, подлинного существования субъекта. Человек должен быть взят внутри бытия, в своем специфическом отношении к нему, как субъект познания и действия, как субъект жизни. Такой подход предполагает другое понятие и объекта, соотносящегося с субъектом: бытие как объект — это бытие, включающее и субъекта. Сущее как предметный мир, включенный в практическую деятельность людей, соотносится с ней в своих качественных определениях. Отсюда неправомерно сведение бытия как объекта только к объективной реальности, вещиности, наличности, данности» [12, с. 64-65]. Бытие включает в себя реально существующего субъекта. Субъект жизни и сам может быть познан и, значит, стать объектом познания. По Рубинштейну, в онтологическом плане проблема бытия субъекта и его отношения к материальному объективному бытию встает перед учеными в новом качестве как проблема бытия и сознания.

Противоречие между бытием и существованием отсутствует и в психологии человеческого бытия, в которой считается, что бытие органично включает в себя существование. Способ существования является атрибутом, т.е. неотъемлемым свойством человеческого бытия, а модус бытия — качество, которое характерно лишь для некоторых обстоятельств, в которых субъект сознательно делает свой жизненный выбор. В частности, в исследовании Г.Ю. Фоменко, изучавшей сотрудников силовых ведомств и спецподразделений, направляемых в командировки в районы служебно-боевого применения, а также больных с опасными для жизни соматическими заболеваниями, тщательно исследовано и убедительно обосновано существование двух модусов бытия — предельного и экстремального [19].

Сложнее, чем с описанием онтологии субъекта, в психологической науке обстоит дело с анализом онтологии социального мира. Выявление онтологических характеристик мира, в котором живет современный человек, нередко представляет для психологов немалые трудности.

Во-первых, это происходит вследствие взаимовлияния и неод-

нозначного взаимодействия процессов отражения субъектом действительности и порождения им новых реальностей. В соответствии со своими репрезентациями и моделями субъект понимает мир. Подлинное предназначение понимания заключается в проникновении сквозь отражение и порождение — открытие того, что действительно существует в психике субъекта. Рубинштейновское взаимодействие субъекта и объекта реализуется во встречном движении: мира, который показывается субъекту, обнаруживается, «дает себя отражать», и целеустремленной направленности человека, овладевающего миром и преобразующего его. Порождающая творческая специфика ситуаций человеческого бытия, представленных во внутреннем мире субъекта, определяет то, как он видит и понимает не только события, факты, фрагменты жизни, но и, например, целые города. Вот как говорит об этом писатель А. Кабаков: «Вероятно, таких, как я, в мире много: мой Нью-Йорк создан фильмами Вуди Аллена. Этот великий поэт великого города выдумал его, как Гоголь и Достоевский выдумали Петербург, как Булгаков — Москву, а Хемингуэй — Париж...» [7, с. 1].

Во-вторых, онтология социального мира подвержена влиянию техногенной среды, особенно компьютерных технологий и масс-медиа. В частности, как точно подметил В.А. Шкуратов, цитирующий актёра и режиссёра Сергея Бодрова, современный терроризм в значительной степени порожден тем, что люди видят в кино и на телеэкранах: как захватывать самолеты, как обрушивать башни. «Эти восемнадцать минут между первым и вторым самолётами, которые взрвались в башни Торгового центра, они же несчастны. Всё точно рассчитано: чтобы успели подъехать телекамеры! Террористы, по сути, снимали свой фильм, который должен мир запугать, а телевидение просто оказывало им техническую поддержку. Не будь телевидения, всё на свете превращающего в зрелище и сенсацию, терроризм не мог бы возникнуть, он был бы бессмысленным» [23, с. 15].

В психике субъекта происходит тесное переплетение реальных событий с представлениями о том, какими они могут и должны быть. Иногда первые настолько противоречат вторым, что разум отказывается верить в воспринимаемое. После событий 11 сентября 2001 г. собеседник журналиста «рассказал о впечатлениях своего знакомого. Тот ехал из нью-йоркского аэропорта и смотрел на горящие небоскрёбы. Он видел пожар, но не мог признать его за реальность. Это был вымысел. Признать подлинность зрелища оказалось крайне трудно. В этих отрывочных впечатлениях просматриваются контуры смещённой онтологии, в которой реальность и вымысел поменялись местами. В спорах между сторонниками социального конструкционизма и доктрины отражения, похоже, наступает решающий перелом. Картина перед глазами человека фиктивна (сконструирована) и в то же время перцептивно

реальна. Она вынесена за пределы той условной рамочности, которая позволяла воспринимать её в качестве «как бы реальности» и помещена туда, где раньше находилась реальность без «как бы» [там же, с. 22].

У современного человека постоянно возникают трудности с определением онтологии социального мира. К примеру, можно ли считать исключительно плодом фантазии писателя В. Пелевина выход героев компьютерных игр в реальную действительность игроков [11]? Можно ли утверждать, что реальный мир субъекта, играющего в компьютерную игру, отделен «стеклянной стеной» от мира героя, преодолевающего одно препятствие за другим и переходящего с одного уровня сложности взаимодействия с миром на другой? Иначе говоря, онтология социального мира, в котором человек живет, определяется процессами как отражения существующего, так и порождения нового. Следовательно, онтология социального мира — это не только независимая от людей объективная действительность, но и совокупность образов, представлений, символов, присущих ситуациям человеческого бытия. Осмысление бытия, интерпретация понимающим субъектом символов, знаков и т.п., с одной стороны, побуждают его фокусировать внимание на фундаментальных общих основах человеческой жизни, при этом осознавая себя как представителя рода человеческого. С другой стороны, понимание и интерпретация невозможны без обращения субъекта к индивидуальному: исследованию своего личностного знания, установок, мировоззрения — вообще внутреннего мира.

САМОПОНИМАНИЕ СУБЪЕКТА И ПОНИМАЮЩЕЕ СЕБЯ БЫТИЕ

Понимая ситуации человеческого бытия, субъект вынужден рефлексировать, направлять внимание на свой внутренний мир. Неудивительно, что, изучая психологию субъекта, исследователи вынуждены обратиться к психологическому анализу процессов, самопознания и самопонимания испытуемых. При этом испытуемый-субъект одновременно становится объектом, на который направлено его внимание. Неизбежным следствием этого оказывается самоотрицание: становясь объектом понимания, субъект оказывается недостижимым для сознания, бесконечным, неопределенным и потому теряющим свою субъектную сущность. Неудивительно, что выдающийся психолог В. Франкл считал, что самопознание ведет к утрате «чистой субъективности». Человек «не может сделать себя «объектом» рассмотрения, не прекращая быть «субъектом». Субъект образует «место», из которого наблюдают; однако где есть это место, там не может быть предмета, и, таким образом, субъект не может до конца стать собственным объектом» (цит. по: [9, с. 155]).

По мнению Франкла, субъектная сущность человека проявляется

прежде всего в направленности его активности не на себя, а на внешний мир: ценности ситуации и смысл, который они ему раскрывают. Смысл жизни человек открывает не в себе, а во внешнем мире, например в родственниках, нуждающихся в его помощи [20]. Однако, как показывают психологические исследования, ориентация на общение с другими, желание заботиться о них могут оказаться не подлинным стремлением к обретению смысла жизни, а проявлением самообмана субъекта, отстраненного от себя и не способного жить в мире с самим собой. В этом случае забота оказывается только удобным объяснением и красивым названием бегства от себя. Сближение с другими у таких людей основано не на признании их ценности, а на сомнении или даже отрицании своей человеческой значимости. В современном обществе нежелание, неумение, боязнь и т.п. многих людей познать и понять себя наблюдается не только в межличностных отношениях, но и на уровне массовых проявлений социальной активности. За поступками многих «борцов за социальную справедливость», членов различных партий, обещающих народу лучшую жизнь, ясно видна их неспособность обратить внимание на самих себя, сосредоточиться на решении своих проблем.

Таким образом, современный человек становится проблематичным для самого себя: нередко он оказывается в положении, в котором не знает, *что* такое он есть, одновременно осознавая, что у него нет никаких способов это узнать. Для специалистов по психологии понимания такая точка зрения не является новой и неожиданной. В самопонимании, как и вообще в понимании, большую роль играет осмысление, анализ знания, имеющего для субъекта проблемный характер. Проблемное знание отражает область тех неизвестных субъекту закономерностей, которые он не может раскрыть, опираясь только на прошлый опыт и достигнутый уровень способов действия. Анализируя непонятные события или ситуации, отраженные в проблемном знании, субъект определяет, какие предположения и умозаключения можно сделать, какие ответы возможны на вопросы к проблемному знанию на разных этапах самопонимания. Совершенные догадки, предположения, умозаключения, найденные ответы на вопросы и образуют различные конкретные операциональные смыслы знания для понимающего себя субъекта. Проблемность в значительной мере оказывается следствием того, что, пытаясь понять внешний мир, ориентируясь на его ценности, субъект как бы выходит за пределы себя. В результате, он оказывается скрыт, потерян для самого себя, заслоняем миром, его сложными проблемами. Неудивительно, что исследования показывают, что экзистенциально важное для субъекта жизни самопонимание закономерно включает моменты «потери себя» [25].

Мысль о взаимосвязи понимания с самопониманием близка многим современным психологам. Например, в нарративной психологии уче-

ными проводится аналогия между пониманием текста и пониманием человеком самого себя, собственного поведения и событий своей жизни. Самопонимание в нарративной психологии рассматривается как создание «текста» о самом себе, непрерывная самоинтерпретация, самоистолкование [27]. Нарративный подход ориентирован на выявление психологических особенностей интерпретации людьми целостных ситуаций человеческого бытия. Люди рассказывают о житейских ситуациях, интерпретируя, познавая, развивая их содержание и приписывая им смысл. Осмысливаемые истории дают человеку возможность понять себя не как объект, а осознать изнутри, с точки зрения смысла своего существования. Для психолога истории, ситуации оказываются единицами макроанализа, включающего и конструктивное описание событий, из которых состоит история, и самого «конструктора» — рассказчика. Для понимающего субъекта история это способ, которым он осмысливает жизнь, встраивает свой опыт во временную последовательность, дающую ощущение непрерывности и смысла жизни. Пересказ субъектом истории, переосмысление ее составляющих способствуют углублению самопонимания и личностному развитию. К такому эффекту приводит соединение актуализируемого прошлого опыта с его переоткрытием, переживанием соотнесения опыта с новой пространственной и временной ситуацией.

Нарративная психология тесно связана с психологическими исследованиями самопонимания. Понимание всегда основано на самопонимании, оно обязательно включает понимание субъектом себя. Любой акт понимания осуществляется в двух направлениях. Понимая что-то во внешнем мире, поднимаясь еще на одну ступеньку познания, субъект одновременно углубляется в себя и как бы возвышается над собой. Об этом очень точно сказал Ж.П. Сартр: «Понять — значит измениться, превзойти самого себя...» (цит. по: [15, с. 348]). Иначе говоря, понимание — это и личностное изменение человека, и его «выход за свои пределы»: превосходство над собой, над тем *Я*, каким субъект был до понимания. Например, кто-то хочет понять Л. Толстого, в частности причины его разочарования в западных ценностях. Для этого он должен прежде всего понять самого себя, т.е. осознать, что именно он хочет понять у Толстого или с его помощью. Желая понять себя, субъект должен прояснить для себя ситуацию, в которой находится. Прояснение приводит к пониманию сходства и различия обстоятельств собственной жизни и условий, в которых жил великий русский писатель. И это станет первым шагом в понимании Толстого.

В мире человека понимание различных явлений осуществляется изнутри социокультурной среды как самопонимание, т.е. понимание субъектом себя как члена культурно-языковой общины. Философ Л. Витгенштейн писал, что в стране с чуждыми нам традициями, «даже владея языком этой страны, мы не понимаем людей. И не потому, что не знаем,

что они говорят друг другу. Мы не можем обнаружить себя в них» (цит. по: [6, с. 186]). По существу та же мысль, инвертированная от полюса отрицания к позитивному утверждению, выражена в рекламе «Радио России»: «Когда Вы слушаете «Радио России», вы слышите себя».

Итак, с точки зрения психологии человеческого бытия именно в исследованиях самопонимания, во-первых, наиболее органично сочетается анализ когнитивных и экзистенциальных компонентов психики человека. Во-вторых, логика таких исследований побуждает психологов изучать понимающего субъекта внутри бытия. С этой позиции испытуемый анализируется как человек, стремящийся выйти за свои пределы, узнать правду о себе и приходящий к выводу об ограниченности когнитивных, рациональных способов объяснения стабильности своего внутреннего мира [24]. Понимающий субъект включен в мир как неотъемлемая часть бытия. Не человек понимает бытие, а бытие, включающее субъекта, познает и понимает себя. Никакого внешнего по отношению к людям бытия нет, мы сами являемся его частью. Никто не может сказать: сначала я пойму мир, а потом себя, или наоборот. Поскольку и то, и другое являются составляющими бытия, последнее не включает понимание, а основано на нем. Без понимания как приобщения к смыслам и ценностям нет полноценного человеческого бытия.

Литература

1. *Барбанищев В.А.* Психология восприятия: Организация и развитие перцептивного процесса. М.: Когито-Центр; Высшая школа психологии, 2006.
2. *Брушлинский А.В.* Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
3. *Брушлинский А.В.* Психология субъекта. М.: Институт психологии РАН; СПб.: Алетейя, 2003.
4. *Знаков В.В.* Психология субъекта как методология понимания человеческого бытия // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 2. С. 95—106.
5. *Знаков В.В.* Понимание экзистенциального выбора: жизнь в страданиях или эвтаназия // Вопросы психологии. 2005. № 6. С. 3—12.
6. *Ионин Л.Г.* Понимающая социология. Историко-критический анализ. М.: Наука, 1979.
7. *Кабаков А.* Город по выбору // Саквояж СВ. Журнал для путешественников. 2006. С. 1,8.
8. *Корнилова Т.В., Смирнов С.Д.* Методологические основы психологии. СПб.: Питер, 2006.
9. *Лэнгле А.* Значение самопознания в экзистенциальном анализе и логотерапии: сравнение подходов // Московский психотерапевтический журнал. 2002. № 4. С. 150—168.
10. *Лэнгле А.* Person: Экзистенциально-аналитическая теория личности: Сборник статей. М.: Генезис, 2006.
11. *Пелевин В.О.* Затворник и шестипалый. М.: ВАГРИУС, 2001.

12. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. М.: Наука, 1997.
13. *Сафрански Р.* Хайдеггер: германский мастер и его время. М: Молодая гвардия, 2002.
14. *Сергиевко Е.А.* Системно-субъектный подход: субъект развития, субъект деятельности, субъект жизни // Тенденции развития современной психологической науки. Тезисы юбилейной научной конференции. 31 января-1 февраля 2007 г. / Отв. ред.: А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. Ч. I. С. 194-195.
15. *Соколов Б.* Понимание понимания: понимание Платоновского понимания // Парадигмы философствования: Вторые международные философско-культурологические чтения. СПб.: Философско-культурологический исследовательский центр ЭЙДОС, Санкт-Петербургский Союз ученых. 1995. С. 346-352.
16. *Степин В.С.* Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
17. Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова и З.И. Рябикиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 9-44.
18. *Улько Е.В.* Субъект интерпретации ситуаций социального взаимодействия // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова и З.И. Рябикиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 294-306.
19. *Фоменко Г.Ю.* Личность в экстремальных условиях: два модуса бытия. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2006.
20. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
21. *Холодная М.А.* Психология интеллекта. СПб.: Питер, 2002.
22. *Шаварский З.* Чего ожидать от медицинской этики? // Человек. 2006. № 5. С. 78-88.
23. *Шкуратов В.А.* От Манхэттена до «Норд-Оста». Психология масс-медиа, политика после 11 сентября 2001 года. Самара: Изд-во СамИКП — СНЦ РАН, 2002.
24. *Cook-Greuter S.R.* Rare Forms of Self-Understanding in Mature Adults // Transcendence and Mature Thought in Adulthood. The Further Reaches of Adult Development / Ed. by M.E. Miller, S.R. Cook-Greuter. London: Rowman and Littlefield Publishers, Inc. 1994. P. 119-143.
25. *Gadamer H.-G.* On the Problem of Self-Understanding // Philosophical Hermeneutics / Translated and edited by D.E. Linge. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1977. P. 44-58.
26. *Gerber L.A.* Transformations in self-understanding in surgeons whose treatment efforts were not successful // American Journal of Psychotherapy. 1990. Vol. XLIV. No1. P. 75-84.
27. *Gergen K.J.* If persons are texts // Hermeneutics and psychological theory. L.: New Brunswick. 1988. P. 28-51.
28. *Grimes D.A., Creinin M.* Induced Abortion: An Overview for Internists // Annals of Internal Medicine. 2004. Vol. 140. № 8. P. 620-627.
29. *Kintch W., van Dijk T.A.* Toward a model of text comprehension and production // Psychological review. 1978. Vol. 85. № 5. P. 363-394).
30. *Modi D.* Factors Influencing Women's Attitudes Towards Abortion at the University of Pennsylvania // Perspectives in Psychology: The Undergraduate Psychology Journal of the University of Pennsylvania. 2002. Vol. 5. P. 42-49.
31. *Thomdyke P.W.* Cognitive structures in comprehension and memory of narrative discourse // Cognitive psychology. 1977. Vol. 9. № 1. P. 77-110.

Содержание

Предисловие	3
Раздел первый. Понимание и мышление	7
Основные направления исследования понимания в зарубежной психологии.....	9
Актуальные проблемы психологии понимания и создание «понимающих систем».....	23
Мышление, знание и понимание.....	35
Понимание как проблема психологии мышления.....	49
Понимание текста как процесс постановки и решения мыслительной задачи.....	61
Раздел второй. Межличностное понимание	73
Основные условия межличностного понимания в совместной деятельности.....	75
Методологический анализ одного направления исследований межличностного познания.....	83
Понимание воинами-интернационалистами ситуаций насилия и унижения человеческого достоинства.....	95
Понимание асоциальными подростками ситуаций насилия и унижения человеческого достоинства.....	112
Психологические причины непонимания «афганцев» в межличностном общении.....	124
Психологическое исследование стереотипов понимания личности участников войны в Афганистане.....	138
Психологический портрет участника войны в Афганистане в массовом сознании.....	151
Макиавеллизм, манипулятивное поведение и взаимопонимание в межличностном общении.....	171
Раздел третий. Понимание и нравственное сознание	185
Типы понимания правды о негативных явлениях 1960—1980 гг.....	187
Понимание субъектом правды о моральном проступке другого человека: нормативная этика и психология нравственного сознания.....	209
Неправда, ложь и обман как проблемы психологии понимания.....	226
Самооценка правдивости и понимание субъектом честности.....	237
Категории правды и лжи в русской духовной традиции и современной психологии понимания.....	253

Почему лгут американцы и русские: размышления российского психолога над книгой Пола Экмана.....	265
Проблема понимания правды в этике И. Канта, нравственной философии В.С. Соловьева и современной психологии.....	277
«Истина» и «правда» в христианстве и психологии понимания. . .	293
Классификация психологических признаков истинных и неистинных сообщений в коммуникативных ситуациях	309
Половые, тендерные и личностные различия в понимании моральной дилеммы.....	330
Раздел четвертый. Понимание и человеческое бытие.....	351
Понимание как проблема психологии человеческого бытия.....	353
Психология человеческого бытия и самопонимание субъекта....	369
Самопознание субъекта.....	388
Психология субъекта как методология понимания человеческого бытия.....	407
Самопонимание субъекта как когнитивная и экзистенциальная проблема.....	426
Понимание экзистенциального выбора: жизнь в страданиях или эвтаназия.....	446
От исследований понимания субъектом мира к психологическому анализу понимающего себя бытия.....	460

Научное издание

Виктор Владимирович Знаков

**ПОНИМАНИЕ В МЫШЛЕНИИ, ОБЩЕНИИ,
ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ БЫТИИ**

Редактор— *О. В. Шапошникова*

Корректор — *И. В. Клочкова*

Макет и верстка— *Б. В. Пулькин*

Сдано в набор 26.03.07. Подписано в печать 28.04.07.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура Petersburg.

Усл. печ. л. 29,9. Уч.-изд. л. 32,9.

Тираж 500 экз. Заказ № 650

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.01

Издательство «Институт психологии РАН»

129366, Москва, ул. Ярославская, 13

Тел.:(495)682-51-29

E-mail: publ@psychol.ras.ru

www.psychol.ras.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов

в ППП «Типография «Наука»

121099, г. Москва, Шубинский пер., 6